Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Научный совет «Центр общественных наук МГУ»
Экономический факультет
Лаборатория философии хозяйства
Академия философии хозяйства

Ю.М. ОСИПОВ

СУЩЕЕ И ВЕЩЕЕ

СОБРАНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ 2022–2024

МОСКВА – ТАМБОВ 2024

УДК 33
ББК 65.01
О-74

О-74 **Осипов, Ю. М.**
Сущее и Вещее : собрание актуальных текстов. 2022–2024 / Ю. М. Осипов ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова [и др.]. – М.; Тамбов : _____ , 2024. – 659 с.
ISBN

Можно прослыть за выдающегося учёного, превосходного профессора, блестящего оратора, известного автора печатных текстов, даже за главу новой (своей) научной школы, немало при этом приобщившись и к разнообразным дарам, пометам и привилегиям удачливой учёной судьбы, но так и не достичь главного – ментально-духовного схождения с упорно ускользающей от самоуверенного дознавателя сути вещей, то бишь не соприкоснуться со скрытым от глаз и прямого практического опыта трансцендентным *сущим*, как и не ухватить смысловой вести, постоянно и наперёд излучаемой этим сущим во время и в вечность, что то же самое – не услышать надёжно законспирированного мирозданием и самодовольно укрытого выпестованной homo sapiens догматикой трансцендентного *вещего*, отчего и неожиданное явление на свет сей несусветной книги, хоть и вольно или невольно предназначенной более всего к охотному забвению, чем к её неохотному освоению, однако имеющей-таки нетривиальный шанс быть внезапно обнаруженной и вдумчиво прочитанной редким, как золотой самородок, читателем-«маргиналом», стремящимся пробиться к иным, чем набившие оскомину догматические мнемы, истинам.

Случается!

УДК 33
ББК 65.01

© Осипов Ю. М., 2024
© Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2024

ISBN

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 7

«Обнажение» (исповедь учёного странника). Сказание вперемешку со сказкой. – М; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022 11

Пред-СКАЗАНИЕ 11

СКАЗАНИЕ КАК СКАЗАНИЕ И КАК СКАЗКА. ***Сказочная быль*** 15
Начало 15
Преодоление 23
Обретение 27
Восхождение 33
Вскрытие 43
Обнаружение 47
Мир как хозяйство 62
Рось 66
История как история 70
Реалии 75

СКАЗОЧНОЕ ИНОЕ 81
Намётом 81
Лавой 88
Передислокация 94
Штабные игры 100
Докладная записка 104
Разговор в верхах 106
Московская реликтовая рюмочная 109
Закрытый курс лекций о сокровенном 112
Лекция первая 112
Лекция вторая 116
Ах, это Иное! 121

ИНОЕ КАК ИНОЕ И КАК НЕИНОЕ 125
Оцепенение 125
Антимир 126

Генштаб 127
Обречённость 130
Запись в дневнике 133
Обращение 133
Текст I. Сталин как Иное, а Иное как Сталин 133
Текст II. Иное против иного 141
Текст III. Пояснение 147
Текст IV. Иное в ином 148
Текст V. Иное за иным 150
Сказочное продолжение. Лекция третья 156
Дневниковая запись 160
Лекция четвёртая 161
В кабинете трёхзвёздного генерала 167
Дневниковая запись 171
Думы 171
У Главковерха 174
Дневниковая запись 178
Неожиданное послание 179
Новое послание от главковерха 179

БЫЛЬ НА НЕБЫЛЬ.....181
«Тет-а-тет» 181
Эсэмэска 186
Ещё эсэмэска 186
Дневниковая запись от 15.01.2022 186
Брошюра-выстрел, брошюра-залп, брошюра-канонада 187
Конспирация 190
Россия на пути к России 194
Россия во внешнем пространстве 196
«Pro» или «Contra»?.....199
Рассказ 201
Иное о себе и не только (Инозис) 203
Россия как Иное и Иное как Россия (неясно о неясном) 204
Глаза в глаза 209
Он как есть!.....215
Сон 219

ПО ПРИХОТИ ИНОГО 220

СПОЛОШНЫЕ ИЗМЫШЛИЗМЫ 230

Ободрение СЛОВА СВОЕГО. Эпилог как АПОЛОГ 263

Странник. «ОБРЕЧЕНИЕ, или Новый Екклесиаст (монолог с самим собой и для себя). Время и Вечность (сквозь онтологическую призму немотно ревущего августа 2022 г.). – М., 2023.....267
Пред-лог 267
По-лог 270
После-лог 344
Post Scriptum 344

«Страда. Непокорный автоопус. О себе самом – от себя и со стороны». –М; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023 346
Пред-писание 346
Осипов Юрий Михайлович 347
После-сказание 442

«Софиасофия хозяйства как инознание и инонезнание *(материал к размышлению)».* – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства, 2023 445

«ИНОЙ, или Судьба гуманитария в России (XX–XXI)». – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет, Лаборатория философии хозяйства, 2023 464
Пред-вестие 464
ВЕСТИЕ. Россия 468
Российская гуманитарщина 470
Выход, он же и вход, в Иное 472
СССР 474
Российская Федерация 487
Гуманитарность 492
Сатанизм 495

Война 498
Будущее (Не)Будущее 501
Великая Россия 504
Новая (Не)гуманитарность 505
Иной 507
Судьба 509
После-вестие 510

АПОКРИФ «Философия хозяйства говорит, что…» ***Непредвзятые откровения, услышанные и записанные Ю.М. Осиповым)».*** – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет, Лаборатория философии хозяйства, 2023 ..512

«ИСТЕЦ: ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА? Сага о невозможной возможности знать незнаемое. ***Мытарства гуманитария, или Фантазийные ухищрения простеца»***. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет, Лаборатория философии хозяйства, 2024 638

Читайте, если хватит смелости!
Т. Манн о прозе И. Шмелёва

Твори усердно своё, но знай,
что не тщета станется твоей
печалью, а станет тебе наградой
возмездие.
Новый Екклесиаст

Кто, кроме каких-нибудь беззастенчиво убогих ТВ-говорунов, осмелится заявить, что страна, как и весь мир земный, бытует ныне в неком определённо историческом, не астрономическом вовсе, времени, кроме как признать под сурдинку, что бытует всё это вне какого-либо определённо исторического времени, а ежели и всё-таки бытует, а не квази-бытует, то под какими-то эпохальными с опасливо неизвестным концом переменами, когда уже не прогрессивное человечество (пусть лишь часть его – западная, конечно) ведёт сии перемены (к светлому будущему, разумеется), а уже перемены ведут человечество, да вовсе и не к светлому, а, по крайней мере, неопределённому, если не к тёмному, будущему, вроде как будущему без будущего, а ссылка на то, что этакая переменная заваруха не впервые, мол, настигает человечество, вовсе не спасает от отчаянного недоумения современника, ибо безудержный техногенез с его искусственным разумом в головах (или вместо голов), компьютером перед глазами (или прямо в мозгу) и ядерной бомбой за пазухой (или уже в руке, тянущейся к загадочной красной кнопке) говорит о чём угодно, кроме явной возможности хоть какого-нибудь всё-ещё-человеческого будущего?

Да, никто из здравомыслящих на это не осмелится!

Ну а чтобы не было охоты о чём-то этаком всерьёз думать, то нажитая веками смысло-объяснительная гуманитарность, какой бы она ни была условной, ограниченной и даже ошибочной, вполне себе исподтишка, неявно, можно даже сказать, что и из-за угла, старательно выпихивается усилиями правящего зе́много верха на обочину бытия, её обескровливая, напористо выдувая из активной жизни, подменяя техно-цифро-тронной (фактологической-де)

псевдонаучной имитацией гуманитаризма, его откровенным псевдогуманитарным бизнес-пропагандизмом, ну и повылезавшими из крысиных нор разного рода трюкаческими оккультизмами.

Сие эсхато-замещение касается прежде всего высокого (смыслового) гуманитаризма: исходного мифологического, несгибаемого эзотерического, гибкого философического, вожделенного богословского, самоуверенного научного, ну и литературного, изобразительного, театрального, музейного.

Всего! Иное теперь время, точнее, безвременье, иные и песни, которые, кстати, и песнями-то уже не назовёшь, даже их карикатурным подобием, так себе, претенциозным шумом, не более того, как и, собственно, всю культуру вообще, безвольно уступившую место псевдокультуре, а то и прямо антикультуре.

Торжество антигуманитарии!

Однако высокая гуманитарность всё-таки ещё есть, она не только сохраняется, пусть и зиждясь где-то по сусекам корёживаемого и корчащегося бытия, но и пробивается сквозь антигуманитарную глухомань свежими ростками, не остающимися слабой зелёной порослью, а растущими вверх и превращающимися в цветущие и плодоносящие деревья, пусть и одиноко торчащие посреди постгуманитарной пустыни, питаясь лишь глубинными, как бы уже и субгуманитарными, соками.

Одним из таких, пусть поначалу вроде как из незаконнорождённых, чуть ли не случайных, ростков, явившихся на свет по какому-то недоразумению, а то и по недосмотру, стала ***философия хозяйства,*** родившаяся на уже явно эсхатологическом в экзистенциальном плане рубеже XIX–XX вв., породнившись тогда с ранее отринутой метафизикой и прильнув к Софии Премудрости Божией, затем сознательно кинутая во времена СССР в небытие на весь XX в., а потом осознанно возрождённая и вытащенная на свет из коварного плена на рубеже 1980–1990-х гг., уже и вполне апокалиптических для СССР и сидевшей под ним России, быстро повзрослевшая и породившая уже в XXI в. впридачу к *софиологии* опять же незаконнорождённую ***софиасофию,*** переросши тем самым саму себя как философию и став на поверку *софиасофией хозяйства,* ещё и дав взлёт уже как таковой ***софиасофии,*** этой новой, в век выпавшего на Землю и на Россию безвременья, высокой идейно-духовной гуманитарности, может, и эсхатологически последней, но зато, пусть и на срок, спасительной!

2019-й год! Вроде бы год как год, как и многие другие, да не тутто было: в воздухе уже чувствовалось какое-то экзистенциальное неблагополучие, весьма доходчиво попахивавшее войной, о чём автор этих строк публично заявлял в Москве, Ростове, Волгограде, Киеве, Львове ещё в 2013–2014 гг., пережив на личном опыте феномен предвестия войны, возникшего аккурат в августе 1992 г. в Абхазии, где сам отдыхал в Пицунде, корпя́ над очередной своей рукописью в писательском Доме творчества: в окружающей абхазской атмосфере уже отчётливо давало о себе знать присутствие тишайшей субстанции войны, как раз и разразившейся незамедлительно между Грузией и Абхазией.

Так что опыт уже был, ну и чутья хватило, уже наново, в иное, напряжённо сгущавшееся от подступавшей войны, время. Да и личные горькие потери вдруг тогда наступили, во всяком случае, первая из последовавших в следующие роковые (ковидные!) годы утрат – из среды дружеского, надёжного, доброго, порядочного, человечного. Тоже ведь был сигнал!

И приходилось токовать перед немногими собеседниками: «Что-то да будет, что-то непременно будет!», и таки это *что-то* случилось: сначала явился вдруг-невдруг достославный ковид, унесший жизни вовсе не одного из близких друзей-соратников, напропалую изничтоживший бывшую ещё полноценной жизнь, её бесподобно и беспощадно опустошая и превращая в более чем явную нежизнь, а затем явилась и настоящая, вполне уже и войновская, война, ещё более отвердившая не без того уже изрядно скукоженное бытие, окончательно родня его со вроде бы напогляд живым, но всё-таки небытием.

Закрывай на всё это глаза, не закрывай, затыкай уши от бодро ноющих голосов, не затыкай, а всё одно: другое теперь даже не то что время, что понятно, а и само сущее теперь другое: другая ныне «жисть», куда-как теснее, чем прежде, повязанная с нежитью, другие «ноне» и думы!

В настоящем издании собраны тексты за 2022–2024 гг., выполненные в разном ключе, в разной манере и в разных целях, однако их объединяет принадлежность, пусть и в разной степени, как раз к софиасофическому, а не просто к философскохозяйственному, направлению гуманитарного размыслительства, заведомо свободному от каких бы то ни было служебных (услужливых) целеполаганий и какой-либо преднамеренной догматики,

равным образом, от наигранного оптимизма и предосудительного пессимизма.

Да, здесь *иной* взгляд на вещи (и вести тоже), *иное* их понимание, трактование и преподнесение. Факт! Есть и попытка увязать всё-ещё-гуманитарное по образу ***вещее*** с весьма уже не-очень-то-гуманитарным ***сущим.*** Удалось ли сие иль нет, кто ж знает? – ни автор не знает, ни возможный его читатель, хоть судить-то иной читатель может весьма строго, сходу рубя наотмашь с плеча, мол, ерунда тут какая-то, однако… однако реальность на то и реальность, чтобы, вобрав всё бытующее и вещающее в себя, включая и всякую ерунду, судить обо всём по-своему, раздавая всему и всем сразу… нет, не по заслугам, не по знаниям, даже и не по уму, а всего лишь… по схождению во времени всего сказанного или даже подуманного с самим реально сущим, что в его статике, что в динамике, а вот если вдруг окажется в скором времени… эх… не будем об этом, пусть всё станется, как станется, что с *сущим,* что с *вещим,* как и с читательскими суждениями тоже, а ведь что-то со всем этим да станется!

ОБНАЖЕНИЕ

Исповедь учёного странника
Сказание вперемешку со сказкой

Пред-СКАЗАНИЕ

Исаак Бабель заметил как-то, что можно обмануть женщину, но нельзя обмануть (писателю!) чистый лист бумаги, и хоть насчёт женщины Бабель малость погорячился, а вот насчёт чистого листа бумаги оказался, пожалуй, прав, однако с той оговоркой, что это было присуще лишь самому Бабелю, который и в самом деле был честен перед листом бумаги, а что касается вообще на бумагу брошенного, то обманутой сплошь и рядом оказывается не так даже бумага, которая, как известно, «всё стерпит и всё выдержит», а человек – что читатель чего-то кем-то написанного, что его – этого написанного – сам сочинитель.

Да, немало из фактического можно зафиксировать и представить на бумаге, например, как кто-то кого-то послал в сердцах или ж без оных куда-нибудь подальше, но вот как достоверно объяснить на бумаге кто, кого и почему послал, опять же почему именно послал как раз туда, а не куда-нибудь ещё, мало что трактат целый писать надо, так и ведь из этого ничего вполне достоверного и не выйдет: врать придётся и много врать, подменяя реальность дурным и не очень о ней мифом, так сказать, точным о ней мнением, весьма, как водится, произвольным, хотя, быть может, и весьма правдоподобным, таковым, во всяком случае, кажущимся.

Вот и всё! «Что есть истина?» А кто ж это знает? В факто-функциональном плане, в особенности в физио-материальном, кое-что и можно почитать за истину (вроде тех же постоянных величин и соотношений, кое-каких регулярностей и повторов и т. п. вестей), а вот в объяснительно-понимательном разрезе, да ещё и в духосознаниевой сфере, если что и принимается за истину, то, увы, лишь за её – истины – допустимое в том или ином разе отражение, вовсе не такое уж и прямое.

«Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман», – сказал, если не брякнул, русский волхвический пророк Александр Пушкин, может, и правильно сказал, но как быть тогда с «низкими истинами», под которыми великий поэт-мыслитель понимал, конечно, не законы тяготения, притяжения, падения и отталкивания, как и всё остальное подобное, а кое-что другое... э-э... о чём и сказать-то нельзя... да-да... *правду*, именно правду, которая, увы, куда как ниже возвышенной и возвышающей-де нас удобоваримой лжи.

«Ничего, кроме лжи!». Тоже ведь неплохой лозунг, особенно для какой-нибудь газеты «Правда», не говоря уже о научных трактатах, диссертациях и публикациях в Scopus'ах. Разумеется, кое-какая правда не исключается и там, даже и в газете «Правда», и в тех же научных опусах (а речь у нас прежде всего о гуманитарных творениях), но в целом... э-эх... хорошо ежели искренняя ложь, принимаемая за правду, а то ведь и самая настоящая ложь, как раз из что ни на есть правдоподобных, в которой все мы по обыкновению и купаемся, если не нежимся.

Называй себя гностиком, не называй, а исходной, фундаментальной, животворной правды никогда не узнаешь, да и знать никто из смертных не должен, отчего либо рыдай от обиды пред познанной тобою низкой правдой (незнание и необъяснение ведь тоже правда!), либо плачь от восторга пред возвышающей тебя ложью, включая и научную!

Тогда стоит ли вообще о чём-либо этаком, то бишь приближающем человека к правде, пусть и к низкой, думать, говорить, писать? Нет, конечно, не стоит, во всяком случае, делать сие для других, кто, как правило, ни в какой добытой тобой правде и не нуждаются, а лишь творя для себя, чтоб не утонуть в пучине... нет, не невежества, не неведения, даже не безразличия... а всего лишь... наивной глупости, пусть для людского окружения и спасительной.

Итак, коли уж у нас и «Обнажение», то не до наготы вовсе телесной и душевной, ещё и личной, а не более чем до сути, пусть и не са́мой истинной, но всё-таки и не совсем уж лживой; если «Исповедь», то это вовсе не обнажающая всё и вся «до кишок» надрывная речь, а всего лишь речь по возможности искренняя, правдивая, может, в чём-то и праведная; ежели это исповедь «учёного странника», то попросту ментально-вообразительно и пони-

мательно-объяснительно много через что прошедшего, пробредшего, продравшегося, немало поблуждавшего, моментами даже покружившего на одном месте, а то и прозамира́вшего вроде соляного столба, хоть потом и оживавшего, и вновь шедшего, правда, уже горе́ и только горе́ – аж, до вершины... *незнания*, вовсе при этом не чужака, не чужестранца, не странствующего по странам и весям любознатца, не причудливого заморского гостя, не призрачного ландшафтного скитальца.

А ведь было через что этому страннику, пройти и куда в итоге прийти, было, да и всё ещё есть, коли пишутся эти строки, коли течёт по бумаге неторопливая скучная речь, которая и не может быть пламенной на склоне-то лет, да ещё и посреди предательски переменчивого и глумливо пандемического лета 2021 г.

Наконец, почему-то вдруг «Сказание»! Какое ещё сказание, о чём, да и кому? Ещё и «Сказка»! Это-то зачем? Не более тут как некое вольное, оттого и, надо полагать, не сильно ответственное, словоизъявление, ничем строго научным, фактическим и достоверным, как в той же, к примеру, химии (и в алхимии, надо заметить, тоже) не подтверждённое, да и Академией с ВАК'ом и Scopus'ом никак не утверждённое, а потому ни на что, кроме надуманной сказки, и не похожее, хоть и в сказках всё «не может быть» и «никогда не бывает», хотя почему-то там всё есть «как есть», разумеется, по сути, по смыслу, по правде, а потому ниже следует не сказка как таковая, что, наверное, понятно, а всего лишь *высказывание*, ни на что, кроме нарочитого (как в сказке!) протискивания сквозь старательно и чуть ли не изысканно уже наброшенную на реальность якобы истинно знаниевую вуаль к не более чем *сказочной правде* не претендующее.

У автора этих высокопарных, но не очень-то ободряющих обыденное сознание слов нет никакого желания кому-то из землян раскрыть на что-то глаза, распечатать для чего-то его душу и, уж тем более, выправить зачем-то мозги, – нет уж, увольте! – а потому здесь именно *высказывание как высказывание* – и ничего более, как для самого автора, так и для самого высказывания, – никого ни к чему не обязывающее и никуда не зовущее высказывание (кому надо, тот поймёт и сам схватит, мало того, ещё и выскажется, ухватив за скользкий хвост его благородие подходящий для того случай!).

Обращает на себя внимание – и не зря! – брошенная выше вскользь фраза: «сказочная правда» – правда тут вроде бы, да вот почему-то «сказочная», то бишь, может, и не правда вовсе, а лишь какой-то её образ вроде зеркального (в зеркале обычно будто бы ты, но всё-таки... не совсем и ты!).

Правда факта – одно (упал, например, кирпич сверху на одесскую бабку – факт, а вот почему именно этот кирпич и именно на эту бабку – поди-ка объясни!), а вот объяснительная правда – совсем уже другая правда, а уж когда затевается объяснение объяснения – о-о, это уже, знаете ли, настоящая сказка (да и падал ли вообще одесский кирпич на одесскую бабку, как было сообщено в одесской газетёнке – вопрос!).

Правда, конечно, хорошо, но вот как на неё для начала выйти, потом как её объяснить и, наконец, как в ней убедить, да ещё и вовсе не желающих в ней убеждаться? Так что не то что сказки тут не избежать, а уж мифа-то точно, разве лишь какого: дурного, лживого, сносного или правдоподобного, а то и... *правдивого*, как раз по сути-то *сказочного*, пусть и образно-зерцального, но всё-таки приемлемого, пусть хотя бы для подходящего к случаю доверчивого сознания.

Любопытно, что в религийные догмы надо верить и только верить, а вот в сказки верить не надо, ибо они – факт, как раз тот самый – сказочно-правдивый, или же правдиво-сказочный – какая разница! Главное – правдивый, хотя, заметим, никакой фактической правды, кроме нарочитой неправды, в само́й сказке нет, а вот *от* сказки в головах-то людских почему-то одна сплошная правда.

Вот на такую правду, что в головах людских рождается и оседает, только и может рассчитывать сказочник-мудрец, а уж при ответах на давно проклятые вопросы: кто, что, зачем, откуда, куда, где, в чём, во что? – лишь в головах крайне редких, можно сказать, что и в сказочных! Что ж, приступим!

СКАЗАНИЕ КАК СКАЗАНИЕ И КАК СКАЗКА

Сказочная быль

Начало

Его, сего мудреца-сказочника, личность, сознание, мировоззрение формировались военно-послевоенным временем XX в. – советско-сталинским, социал-товарищеским, трудо-гражданским, победно-героическим, а главное – людским, человеческим, моральным, разумеется, не без сопровождающего людское бытие разнообразного адовско-преисподненского негатива, всяческих там перегибов и перекосов, насилий и несправедливостей, преступных деяний, ошибок, заблуждений, глупостей, нелепостей, однако в целом всё-таки временем позитивным, причём, как ни странно это сегодня звучит – уникально позитивным, исключительным, неповторимым, которого никогда на исторической памяти человечества не было и никогда, даже во внеисторическом воображении, уже не будет!

Исторический миг, но зато *какой* миг!

Фантастический!

Сказочный!

Причём не как сказка как таковая он случился, а как быль – *сказочная быль*!

Да, был сей миг оплачен долгой и изнурительной борьбой, страданием, насилием, безумием, варварством, беззаконием, принуждением, рабством, жертвоприношением, кровью, о-о! – чего только из кромешного не случилось в ходе и по итогам бешеной революции 1917–1922 гг., жестоких карательно-переделочных и устроительных 1930-х, беспрецедентно тяжкой, ожесточённой и жертвенной войны 1941–1945 гг., репрессивных всполохов 1940-х и 1950-х.

Не хочется об этом писать, а приходится: куда от неё, от правды, пусть и по-разному трактуемой? – хоть и куда легче писать о другой правде, как раз той самой – *сказочной*, свидетелем и участником, продуктом и плодом которой ему – учёному-

страннику – довелось быть – сызмальства до, скажем так, первой зрелости, то бишь до становления его как самодеятельной в ментально-творчески-гражданском плане личности.

Хронологически, если учесть год появления сей личности на свет, совпавший с годом начала Великой войны, его период развития, взросления, набирания всякой житейской премудрости, впитывания жизненных соков, обучения, познания, вхождения в большую деятельность и высокую науку, обретения личностной зрелости, или же самости, занял примерно четверть века – с конца 1940-х до конца 1970-х, – как раз тем самым периодом в жизни родной страны, когда не только вершились великие дела, но и когда, несмотря ни на что негативное, правда, уже всё более житейское, чем нарочито репрессивное, когда жизнь могла полноправно почитаться за полноценную, пусть и не лишённую, повторяю, острых проблем, несовершенств и всяких людских плохостей, но всё-таки за вполне себе *полноценную жизнь*!

Жизнь, пронизанную классическим, в меру и традиционным прошлым, наполненную деятельным, совместным, пристойным настоящим, овеянную благонамеренными, может, и не слишком оправданными, но зато уверенными в своей экзистенциальной правоте ожиданиями.

Жили, учились, дружили, трудились, мечтали, творили, семействовали, признавая другого, уважая достойного, а главное – *были вместе*! – все сразу, но никак не толпой, а организованным единым социумом, поколениями, ровесниками, полами, народами, сельчанами, горожанами, гражданами, трудовыми коллективами, службистами, армейцами, короче – *соборно*!, хоть всеобщее это единение тогда так и не обзывалось; но что интересно, если не попросту занимательно: без царя с самодержавием, без церкви с религией, даже без диктатора с понуждением (диктатор ушёл в 1953 г., хоть и осталось им порождённое высшее единоначалие, становившееся, правда, всё менее жёстким и всё более коллегиальным), однако с единой гуманистической идеологией, с пронизывающей всё общество руководящей структурой (партией), пусть и в закрытой, хотя и не абсолютно, но во всё более открывавшейся внешнему миру стране.

Держалась эта жизнь не только и, быть может, не столько на возникших ранее и в меру затем скорректированных силовых установлениях, сколько на особого кроя *людях* – *ЛЮДЯХ*! – сози-

дателях и победителях, как раз «сталинских соколах», объединённых общей идеологией, единой партией и совместной, вполне себе программировавшейся, экзистенцией.

Поколение подвижников, героев, победителей – *для всех*!

Если и не свобода была в ходячем понимании, то уж *свободное служение* общему делу; если и не реальное социальное братство... но почему же и не братство, ежели самое настоящее братство – как *единение каждого со всеми и всех с каждым*; если и не равенство всех и вся, то признание каждого со своей (каждой!) экзистенцией – без выбрасывания «неудачников» на обочину, в яму, в утиль.

Сказка? Да, сказка, точнее же – *сказочная быль*! Было? Было! И ныне стало действительной сказкой – как раз сказкой как сказкой, мифом как мифом, пусть, даже для кого-то и небылицей как небылицей, но, заметим, никак не ложью, ибо знаемо было это, пережито, засвидетельствовано!

Здесь уж нашего брата не проведёшь!

Да вот как всё это ныне объяснить, ибо невероятно, невозможно, нереально? Однако же было! Достаточно сравнить хотя бы всё нынешнее «культурное» вроде литературы, «кина», ТВ, художеств, того же театра, той же эстрады, КВН, «юмора» и т. п. «вещей» с тем, что было тогда, чтобы не только заметить космическую разницу между одним и другим, но и понять, где было сполна человеческое, а где зиждется почти сплошь бесовское, хоть вроде бы во внешне человекообразном исполнении.

Продержалась страна необыкновенной страной четверть века после Великой победы в Великой войне – ЗОЛОТЫМ ЧЕТВЕРТЬВЕКОВЬЕМ!, но, вовремя и верно не изменившись, стала духовно и энергийно хиреть, аккурат с уходом главного поколения её созидателей и, что особенно важно, на себе, на своих титанических руках, плечах, мозгах и натурах её державших.

Сколько же можно было держать сие великое без великих перемен, на которые великие как раз и надеялись, но которые – эти самые перемены – так и не состоялись! Послесталинское правление оказалось не то что не на высоте, а для великих переустроительных дел попросту никчемным – *всё*! – поездило-поездило на сталинской наследной платформе да на великих сталинцах, да и подвело уникальную страну-цивилизацию (мир людской!) сначала под мертвенный застой, потом под гнилостное разложение, а затем и под подлейший (вполне себе предательский!) крах.

Он, этот наш мудрец-сказочник, был очевидцем, участником и явным сторонником прошедшего за послевоенные четверть века великого и славного миособытия, совершённого лично его и его сверстников предками – дедами, отцами, матерями, бабками, делавшими и не делавшими Великую революцию, но зато поучаствовавшими в Великом преображении страны, в создании Нового мира, Новой цивилизации, Новой экзистенции, ещё и одержавшими Великую победу в Великой войне, прорвавшимися в Космос, причём, надо особо заметить, в преображении и победных событиях, совершённых людьми, родившимися по преимуществу до Великой революции, ещё в Российской империи, как раз *там*, в *ином* ещё мире, в *русском*, успев *там* и вырасти, и повзрослеть, а потом, пройдя через жуткие перипетии гражданской (людско-нелюдской!) смуты и страшной мировой войны, взять, да и соорудить что-то и впрямь сказочное, называя сию сказочную быль советско-социалистической, хотя по сути она не была ни советской, ни социалистической, зато была уникальной, человеку подобной, даже по-своему, пусть и ограниченно, праведной!

Интересно, не правда ли?!

Да, надо бы всё *это* как-то удобоваримо объяснить, попытка чего и будет ниже сделана, но чтобы что-то в этом объяснении понять, надо бы пояснить, в кого или во что он – объясняющий – за время с конца 1940-х до конца 1970-х превратился, кем и чем, так сказать, стал как раз в ментально-творчески-гражданском отношении.

Он застал и хорошо помнит сталинское время, неоднократно видел «отца народов» на праздничных демонстрациях, сидя на плечах отца, на спортивных праздниках на стадионе «Динамо», сидя рядом с отцом, может, то был и не сам Иосиф Джугашвили, а его двойник, но то был... *Сталин*! Его восторженно приветствовали на Красной площади, ему охотно аплодировали на стадионе, что примечательно, без раболепия, истерик и наигранного пафоса.

В школе, а он учился до 1954 г. в мужской школе, как и в пионерском лагере, в котором бывал под Истрой, среди многих примет ещё недавней войны, включая и скромные братские могилы, Сталина не пропагандировали, поклоняться ему не заставляли, в сталинизм не погружали, да и вообще обходились почти без сборов, собраний, не говоря о политзанятиях и прочей кукольно-пионерской мишуры, без тех же звонкоголосых пе-

сен, нарочитых речёвок, хотя и не без военных игр в пионерлагерях, не без спорта, не без походов по лагерным окрестностям, не без внимания к последствиям войны, включая заботу о воинских захоронениях.

О Сталине тогда вообще почти не говорили, жили себе под ним и жили, а явно заговорили уже по случаю его смерти, сокрушаясь по поводу возможно-невозможного будущего: с кем, как, куда?

Запомнились гудки заводов и фабрик, паровозов и даже автомобилей в минуту водружения тела вождя в мавзолей и его помещения рядом с Лениным. Ещё и озабоченно сочувствовали разговорам взрослых о состоявшейся по случаю похорон народной давке, унесшей, якобы, сотни, а то и тысячи, жизней.

Пришло и понеслось вскачь послесталинское время с его явными гражданскими послаблениями, прекращением политпреследований, выпуском политзаключённых, заметным улучшением жизни, в особенности в деревне. Случилось и бериевское дело, воспринятое людьми как закономерное и справедливое.

В 1954 г. попал по разнарядке свыше в другую школу, бывшую до того женской, а тогда ставшей, как и все другие московские школы, гендерно смешанной. Надел гимназическую форму. Да что толку: другая школа, другие порядки, другая методика. Стал, как и другие его сверстники-мальчишки, учиться хуже, превратившись из круглого отличника просто в хорошо успевавшего. То был первый серьёзный реформный удар по школе, хотя пока ещё и не катастрофический.

С 1955 г. стал учиться в сельской школе, всегда бывшей по гендерам смешанной, в очень даже неплохой школе. Подтянулся, вновь став отличником. А в 1956 г. по собственному желанию вернулся в Москву, в свой класс, но... вместо серьёзной учёбы... стал валять дурака, скатившись до троечника. Почему? А кто ж его знает, разве лишь по мотивам переходного возраста. «Умная у тебя голова, – как-то бросил ему преподаватель математики, фронтовик, инвалид, яркая личность, – да дураку досталась». Засело в умной голове юного дурака, засело!

Спохватившись, снова уехал в деревню, где, выправив ситуацию, закончил школу в 1958 г. с одной четвёркой (по сочинению, хотя писал сочинения всегда на отлично, ещё и образцовые), а потому остался без золотой медали (серебряные на тот момент отменили).

В деревне вступил в комсомол (1955 г.). Что в Москве, что в деревне пользовался библиотекой, читая в основном русско-советские книги, вполне гуманистические, гражданские, патриотичные. Формировался как русско-советский человек, среди русско-советских людей, в гуще русско-советской культуры.

Родился наш герой в 1941 г. в Ростове-на-Дону, где до сих пор стоит дом, построенный его отцом, но после эвакуации в 1942 г. оказался в Москве по причине назначения отца на работу в столицу, где и бытовал до 1955 г, в котором случился переезд отца в деревню по его добровольному желанию – поднимать село в качестве председателя колхоза (был такой призыв партии). Так он стал на некоторое время сельчанином, познав все прелести деревенской жизни и сельского труда, а главное – тяжкой, но насыщенной смыслами и событиями исконно русской жизни. Он и в Москве был русским, но там не было воистину русского мира, с которым он сошёлся уже в деревне, кстати, тогда обильно населённой, полнокровной, живой, тамбовской, между прочим, с памятью о гражданке, голодах, оброках, поборах, о тамбовском восстании 1922 г., о НЭПе, о раскрестьянивании и насильной коллективизации, ну и, конечно же, о войне (половина из восьми сотен участников войны погибла, часть вернулась инвалидами, часть где-то осела на просторах страны, но немалая часть вернулась в село, трудилась, хлеборобствовала). Хороший, вовсе не местнический, язык; свободная речь; рисуночная стать; мужская и женская красота! В общем – настоящий русский народ; до революции государственные крестьяне, платившие налог и служившие в армии, а тогда уже колхозники, антисоветски никак не настроенные, хотя и немало разуверившиеся в возможности подъёма своего коллективного хозяйства и заметного улучшения жизни; однако довелось им и поверить, и поучаствовать, и много чего благого под водительством отца-подвижника достичь.

Оставив намерение сделать сельскую, по примеру отца, карьеру, как когда-то пришлось ему оставить мечту о военном (суворовском, офицерском) поприще, оказался вновь в Москве, поработал на стройке такелажником в СУ-108 треста «Мосстрой-18» и слесарем-инструментальщиком в СКБ «Газприборавтоматика» при Главгазе СССР, походил вечерами на подготовительные курсы в МГУ, где более спал после трудового зимнего дня, чем собственно учился, поступил в первый вуз страны, на политэко-

номию, как тогда говорилось, специализируясь по зарубежной экономике, по Франции.

Был три года бессменным комсоргом курса, как и ранее побывал в деревне комсоргом колхоза (год ещё жил там и работал по окончании школы), вступил на последнем курсе в партию (исключение!), красного диплома не получил по некоторой оплошности, но стал аспирантом, а через год оказался уже не комсоргом, а секретарём вузовского комитета комсомола, прослужив в этой должности три года, потом вернулся в аспирантуру, принялся за диссертацию, стал в родном вузе на родном факультете преподавателем политэкономии, защитил диссертацию, попал на стажировку во Францию, в Парижский университет, затем издал свою первую книгу и, как оказалось, стал вполне себе профессиональным учёным и преподавателем.

Итак: московское военно-послевоенное детство со школьно-дворовым мальчишеством и первой юностью; сельское школьно-юношеское бытие с погружением в исконный русский мир; студенческие и комсомольский университеты с овладением знанием, его осмыслением и посильным приращением, а также познанием номенклатурной жизни и искусства социального управления; профессиональное погружение в западный (европейский, французский) мир; становление учёного-профессионала.

Как раз с конца 1940-х до конца 1970-х – времени расцвета социализма-советизма (сталинизма) и времени его сначала подспудного, а затем и всё более явного кризиса, как и попыток, как оказалось, неудачных – его – этого кризиса – недопущения и преодоления.

А что же творилось в его сознании, в его уме и душе, в его миропонимании, в его становившейся и ставшей во весь рост личности?

Да, родился, вырос, сформировался среди советских людей – как старших, которых почитал, так и сверстников, которых уважал, по преимуществу среди русских людей, хотя и не только, в общем – был, стал, стался советским русским, вовсе не гоголевско-щедринским русским-де «придурком» и не зиновьевским «хомо-советикус»'ом, а вполне себе здравомыслящим русско-советским человеком, ответственным гражданином своей страны, сознательным патриотом, вовсе не комиссаристым догматиком, но и не диссиденствующим отрицателем возникшей и бывшей

при нём цивилизации, пусть и сталинской, коммунистической, большевистской, ибо было за что её – эту цивилизацию – признавать, ценить, ей споспешествовать.

Иное дело – обратная сторона сей цивилизации, которая тоже была, и была весьма чувствительной – и не только по причине своей затянувшейся масштабной репрессивности, которую всё-таки удалось сначала ослабить, затем преодолеть, пусть, может, и не до конца, но и по мотивам идейно-поведенческого пресса, давившего на людей не так даже своим догматизированным смыслополаганием, пусть и мифоподобным, как своей для здравого, образованного и динамичного человека «тисковой узостью», что не могло устраивать не то что какого-нибудь заядлого диссидента, но даже и вполне лояльного к существовавшей цивилизации гражданина.

Пресс этот и обеспечил в конце концов погубление немало замечательной цивилизации: догма, пусть поначалу оправданная и даже неплохо вроде бы срабатывающая, непременно приводит её слишком упрямого приверженца к концу – хоть отдельную персону, хоть многочисленный народ, хоть даже и целую цивилизацию!

Видел ли он «оборотку», о которой речь, чувствовал ли её, осознавал ли? Разумеется, да: видел, чувствовал, осознавал, но исходил долгое время из возможности противодогматических перемен, в особенности после удаления с политической арены хитроумного, примитивного, взбаломошного, если не дурашливого, и крайне вредного победителя Берии, разоблачителя «культа личности Сталина», гонителя «антипартийной группы», как и погубителя не раз его выручившего «маршала победы», и также с первой серьёзной попыткой перемен («косыгинской реформой»).

Видел, чувствовал, осознавал, мало того, старался, как мог, противостоять догматике, корректировать вокруг него происходящее, чему-то сопротивляясь и чему-то, наоборот, способствуя, не скрываясь в тени, отстаивать, по возможности, правду и справедливость, стоять за потребные стране перемены, им как-то споспешествовать. Хотелось сохранить главное –общность, социабельность, совместность, товарищество, разумеется, в сочетании со свободой личности, слова, деяний, творчества.

И ничего долговременно стойкого у цивилизации не вышло: как оказалась внезапной вспышкой, так вмиг и погасла!

Как возникла вопреки человеческому бытию-истории (если оценивать в веках!), так и исчезла, но уже не вопреки, а как раз благодаря человеческому бытию-истории (если тоже судить в веках!)!

Не подошла она надолго бытию-истории в своих лучших проявлениях, зато подошла в худших, да не только в своих, а и вообще в человеческих, её споро, надёжно и не вдруг похоронивших.

Преодоление

Став к сорока годам полноценным учёным в потоке общепринятой в стране и за рубежом научно-гуманитарной мысли – просвещенческой, евромасонской, марксистской, он уже не просто замечал исходную противоречивость и ограниченность занимавшей его науки – политэкономии, её оторванность от реальности, но и вполне отчётливо понимал, что наука сия не подлежала развитию и совершенствованию ни тогда, в его уже время, ни ранее, ни в будущем, что следовало как-то выходить за её пределы, идти на её преодоление, что он ментально и даже текстуально для себя и проделал, начав создавать ничто иное, как *философию хозяйства*, ещё ничего не зная о своём предшественнике начала XX в., С.Н. Булгакове, и его смелом прорыве как раз к *философии хозяйства*, однако, осознав бесперспективность своей попытки прорваться через висевшую перед ним марксистскую (если уже не псевдомарксистскую) политэкономическую завесу (если не возвышавшуюся перед ним стену), оставил сию дерзкую творческую затею до лучших времён, которые для него наступили аккурат через десять лет – уже после защиты им докторской диссертации по тоже новаторской, но не столь уж «одиозной», какой тогда казалась философия хозяйства, теме – по проблемам *хозяйственного механизма*.

Создавая и защищая диссертацию, он не просто порассуждал новаторски по сей актуальной тематике, а создал целостную *теорию хозяйственного механизма*, не то чтобы прямо противостоявшую политической экономии, как кое-кому тогда казалось, но, выходя за её догматизированные пределы, явно освежавшую теоретическую экономию вообще.

Сразу после защиты докторской диссертации набросился на отложенную ради неё – этой защиты – философию хозяйства,

выдав через год-полтора вполне себе оригинальную монографию «*Опыт философии хозяйства*» (1990), где изложил *свою* концепцию философии хозяйства, однако выполненную ещё в научной манере – как научную философию, ещё и не разделяя в смысловом плане «экономику» и «хозяйство», хотя и сделав уже акцент всё-таки на хозяйстве, а не на экономике – более интуитивно, чем строго осмысленно.

Однако начало освобождению от чисто политэкономической, а затем и собственно научной (научно-гуманитарной) догматики было тогда положено, пусть ещё и не слишком осознанно, осмысленно и явно. Несмотря на уже достаточно критическое отношение ко впитанной в себя научно-гуманитарной культуре, он тогда ещё упорно искал недогматических разрешений в сфере самой же научно-гуманитарной догматики.

Чем тут не оксюморон, понимаешь ли!

Да, он целеположенно вошёл в сферу философии, расширив для экономической науки предметный онтос и обогатив содержательно гнозис, но понимал при этом, что реальность всё равно оставалась во многом не просто самою по себе, что понятно, но и была качественно... *другою*, а расхожее учёное знание о ней очень мало ей соответствовало.

Мысль его поэтому не останавливалась, более того, активно поощрялась, если не подгонялась, во взятом им направлении, чему причиной были не только стремление выйти из гносеоонтологического тупика, но и обусловленные потребностью преодоления нараставшего кризиса советско-социалистического строя и необходимостью его – этого строя – серьёзной трансформации, что поставило под большой вопрос всю официальную обществоведческую, да и многую вообще гуманитарную, науку, а потом уже буквально атакованную случившимися в стране антисоветскими и антисоциалистическими, мало того, ещё и антистрановыми (развал СССР) и даже антироссийскими (активная русофобская пропаганда) переменами (ревпереворот рубежа 1980 – 1990-х гг.), попросту поставившими жирный крест на явно уже обанкротившейся социо-гуманитарной науке.

Стало окончательно ясно, что новое гносеологическое решение уже не могло появиться на прежней (как раз обанкротившейся) парадигмальной основе и сформироваться во что-то дельное в прежнем научно-позитивистском русле.

Поиск новой концептуальной основы и нового методологического русла совпал у нашего мыслителя со всё большим знакомством со ставшей тогда уже доступной широкому читателю новейшей (с конца XIX в.) русской мировоззренческой мыслью, как раз и преодолевавшей границы научно-позитивистского подхода, выйдя в собственно метафизическое размыслительное пространство.

Особо сильное впечатление на него произвели труды Вл. Соловьёва, С. Булгакова, Н. Бердяева, ну а в самый центр попала, конечно, булгаковская «*Философия хозяйства*» (вновь уже после 1912 г. – года её первого и, кажется, тогда последнего опубликования, увидевшая свет в 1990 г., аккурат после выхода в свет в том же самом году его – нашего учёного-странника – «*Опыта философии хозяйства*»).

Да, знакомился, впечатлялся, впитывал, раздумывал, в особенности по поводу философии хозяйства С. Булгакова, будучи как раз самым, наверное, на тот момент подготовленным, заинтересованным и заинтригованным читателем классического булгаковского труда (любопытным всё-таки оказалось внезапное схождение деяний, событий и вестей: переоткрытие философии хозяйства, несмотря на нарочитое забвение булгаковского труда, причём переоткрытие в том же самом учебно-научном заведении – Московском университете; выход в свет в 1990 г. двух работ – его, новой научно-философской, и булгаковской – старшей по возрасту, первопроходческой, философско-метафизической, а потом и соединение, вовсе при этом не механическое, обоих живительных токов в дальнейшем философско-хозяйственном и вообще мировоззренческом творчестве актуального мыслителя, о котором как раз здесь и идёт речь).

Нет, не сразу, не вмиг, сей мыслитель вышел на метафизическую дорогу, а тем более на *свою* дорогу, на беспокойный личный когнитив, однако таки вышел, чему способствовали, помимо его погружения в оригинальную русскую философию конца XIX и XX вв., три важных обстоятельства: одно было вполне объективным, выразившимся в разверзшейся в ходе социо-хозяйственных перемен «реальной реальности», заявившей во весь свой уже вполне себе пронзительный голос, что она и в самом деле *другая*, причём на все свои явленность и сокрытость, глубину и масштаб, фактичность и смысловость, мощь и немощь, истинность и фиктивность, благодетельность и зловредность, высокость и низость,

сакральность и земность, ну и, разумеется, мнимую физичность, которой никогда и не было в социо-гуманитарной реальности, а потому и её – этой реальности – принципиальную ненаучность (пусть, малую научность) и столь же принципиальную метафизичность (как раз очень большую), которой она – реальность – была полна, отчего была и весьма идеократична; вторым обстоятельством, уже субъектно-субъективного свойства, стало вдруг свалившееся на мыслителя государственное служение обществоведческой, гуманитарной, экономической мысли в качестве руководителя созидавшегося им и в итоге образованного Правительством СССР во всё том же 1990 г. при МГУ междисциплинарного научного учреждения – ***Центра (НИИ I категории) общественных наук***, что дало возможность действовать в высшей степени самостоятельно, никому практически не подчиняясь и ни на что, кроме поиска истин, не ориентируясь; наконец, третье обстоятельство, выразившееся в почти что всегда немыслимом, но вдруг состоявшемся в лихие реформно-революционные 1990-е, а потом и в 2000-е освобождении социо-гуманитарной мысли от каких-либо официальных, институциональных, профессиональных, учрежденческих или даже попросту цеховых догмо-цензурно-коллежских оков, что в сочетании с первыми двумя обстоятельствами и позволило «научнику» превратиться в *метафизического мыслителя*, причём мыслителя нового метафизического толка – ***постнаучного***, так сказать, метафизика XXI в., а не, к примеру, того же ещё *донаучного* XVIII в.

В конце концов он таки возник – новый учёный, новый мыслитель, новый метафизик, разумеется, с *иным* мировоззренческим гнозисом и открывшимся перед создателем, носителем и реализатором иного гнозиса *иным* ми́ровым онтосом!

Это был безусловный прорыв в *иное* смысловое миропространство, что позволило не только выйти на *новую гуманитарную метафизику*, как и войти в *новый гуманитарный концептуализм*, восходившие, что надо особо подчеркнуть, не так к состоявшимся ранее концептуалиям и учениям, как к само́й на сей исторический момент буквально *развернувшейся* (иначе не скажешь!) реальности, обнажившей обычно скрытые от затуманенных глаз и спящего ума внутренние экзистенциальные пружины вплоть до крайне инфернальных, а потому и выплеснувшей на гора и свою собственную *бытийно-историческую метафизику* (не только гнозис

метафизичен, но и онтос тоже, причём вполне активно метафизичен, он, откровенно говоря, тоже мыслит, хоть и не так, как человек или как, надо полагать, Господь Бог, но... Sic!.. мыслит, пусть всего лишь «мыслит», но ведь мыслит же!).

В итоге случилось вполне на первый, второй и даже третий взгляд сказочное соединение в одном размыслительном... чуть было не сказал... флаконе, нет, конечно, не во флаконе, а в... очаге, двух наличных и вполне себе действенных метафизик – гносеологической (субъективной) и онтологической (объективной), скорее даже наоборот — онтологической и гносеологической, давшее некую интегральную *суперметафизику* (*метаметафизику*), да и вообще уже никакую не «физику», а просто *метаметалогию* (*суперметалогию*), как раз и открывшую возможность куда как более *иного* толкования всего сразу: что феномена самого человека, что феномена человеческого мира, что вообще бытия-истории, что... э-э... того, что зиждется в человеках и что кружится вокруг них, что сидит здесь и что бродит там, что ворочается там и что бурлит здесь, что исходит отсюда, а что приходит оттуда и что вершится здесь, в общем – всего сразу, причём целостно, холически, а ежели чуть по-новому – как раз по его, нашего мудреца, новому, – то *полилектически*, когда всё в одном, а одно во всём, ещё и в борении всего со всем, ну и, разумеется, в отрицании всем всего, да мало что одним другого, но ведь и самого себя тоже: вроде бы есть что-то, а его и нет, вроде бы чего-то нет, а оно, видишь ли, есть!

Сказка, одним словом!

Сказочное преодоление сказочно ложного и сказочный вырыв к сказочной, то бишь непроговариваемой до конца, правде!

Не хухры-мухры тут вовсе, а СОБЫТИЕ! Смена вех! Каких же вех и на какие вехи?

Обретение

Как и всякий житель цивилизованной страны, то бишь страны с культурой, образованием, наукой, воображением, странник наш поначалу, да и весьма долго, шёл по гуманитарным вешкам, вехам, вехóвинам (большим вехам), расставленным старшими поколениями вехознатцев, пусть и по не прямым и не ровным, а более всего извилистым и ухабистым, а то и кривым, труднопроходимым, а то и вовсе непроходимым гуманитарным дорогам,

дорожкам и тропинкам, сначала прислушиваясь к взрослым, старшим, бывалым, затем, внимая учителям, преподавателям, профессорам, не пренебрегая и суждениями ровесников, много читая, вчитываясь, изучая, осваивая и осваиваясь, в общем – формируясь, образуясь, становясь, а со временем и в подошедший срок заговорив после ряда пробных попыток, и *своим* голосом – уже не молодого, но зато вполне себе зрелого и самостоятельного учёного, ставшего способным добавить и своих вех на освоенном и в меру обогащаемом им бескрайнем гуманитарном поле.

Поглощённый немалое время царствовавшей наукой и сходившийся с осмысливаемой наукой реальностью, странник начал с постановки вполне ещё адекватных науке и внешней феноменальной реальности вех. Каких же?

Первая веха: *государственно-экономическая* (можно и наоборот – *экономо-государственная*), которая вылилась смыслово́ в три главных утверждения: 1) экономика в своём развитом (цивилизованном) виде не отделима от государства, в нём нуждается и от него зависит (экономика этатична, государство экономично); 2) экономика XX в. – *огосударствлённая экономика*, однако в меру, определяемую методом проб и ошибок, чтобы не нарушить волевой самодостаточности экономики, включая и подчинённый государству сектор; 3) присутствие государства в экономике необходимо и способно быть эффективным, в особенности в аспекте внутренней сбалансированности, внешней конкурентоспособности и долговременного развития национальной экономики (всё это было странником показано и доказано!).

Вторая веха: введение в научный оборот тезиса о переходе мировой экономики (хозяйства) от интернационализации (межнацийности) к её *мировизации* (*мондиализации*), что впоследствии было названо на Западе *глобализацией*; суть сего обращения определялась им как переход мирового целого, составленного из взаимодействующих национальных частей и производного от них, в единое целое, когда национальные части оказывались уже более производными от целого, чем его – этого целого – составляющими, что же касается *глобализации*, мыслитель наш не преминул немедленно вскрыть её США-доминантный, командный, эксплуатационный характер, что и быстренько подтвердилось.

Третья веха: *циклотрофная*, объединившая в единый циклический процесс – всеобщий *экономический циклизм* –

три циклических потока: конъюнктурный (с краткосрочными кризисами), обновленческий (со среднесрочными кризисами) и перестроенческий (с долговременными кризисами), что позволило судить об экономике как о целостно и постоянно изменяющейся, хоть и колебательно, импульсивно, пульсарно, прерывно, обновляющейся, развивающейся и трансформирующейся.

Четвёртая веха: оригинальный вклад в развивавшееся тогда учение о *хозяйственном механизме* со стороны как раз развитой экономики (западной, капиталистической, неофиникийской), сочетавшей свободу с самонесвободой, волю с принуждением, самодостаточность с внешним (государственным, институциональным, правовым, контрольным, пенитенциарным) участием, как и с участием разного калибра и с разными организационными возможностями агентов, равным образом вольницу и корпоративность, единичность и сетевость, отчего хозяйственный механизм, точнее его образ, эскиз, модель, выглядел у автора сложным в переплетении процессом *организации самоорганизации*, как и *организации* и *самоорганизации* вместе.

Все эти достижения (вклады) не выходили за исходные парадигмальные установки общепринятой теоретической экономии (политической экономии), хотя и вносили в неё и весьма корректирующие новины (вовсе и не безобидные!).

Однако пришло время и кое-каких серьёзных вмешательств в парадигмальное чрево сначала экономической науки, а затем и науки вообще, пока лишь, заметим, вмешательств, то бишь никак не опровержений!

Настал момент постановки очередной воззренческой вехи (вехо́вины!): со сначала скрытым и, как оказалось, «рабоче-предварительным», а потом уже через десяток, как раз 1980-х, лет и открытым, по-своему и претенциозным, выходом за пределы фундаментальной экономической науки (той же политэкономии) в философическую сферу, пока ещё в её научном образе, ради то ли нанизывания философии с привлечением естественнонаучного знания на хозяйство (не на экономику, заметим, а именно на «хозяйство», пусть пока более и интуитивно, чем осмысленно), то ли «наиглывания» хозяйства (пусть ещё и как синонима «экономики») на философию вкупе с естественно-научным знанием, однако с попыткой либо дать хозяйству *свою* (*его* – хозяйства) философию, отойдя от изрядно уже заскорузившейся политэкономии,

либо втащить хозяйство как феномен бытия в *иное*, чем давала политэкономия со своими незаконнорожденными эконометрическими дитятками, воззренческое осмысление, как раз философическое, плюронаучное, комплексное.

Да-а, то была *веха из вех*, *большая веха*, *настоящая вехóвина*!

Не переворот ещё, но уж разворот точно!

Не вырыв, но прорыв, овладение плацдармом, что-то уже явно значительное, ну пусть ещё и неявно, но всё-таки обещавшее, так сказать, бывшее уже при дверях, да вот каких, чьих, куда ведущих, в какие смысловые лабиринты и дали?

Загадка, заданная ***пятой*** по простому арифметическому счёту вехой-вехóвиной, помещение которой в советско-социалистическом гуманитарном поле совпало с двойной кульминацией: как кульминацией цивилизационного (системного) кризиса на рубеже 1980–1990-х гг. позднесталинского строя бытия, хозяйства и жизни, так и с кульминацией попытки его – этого кризиса – «перестроечного» преодоления, как казалось, трансформационного (на основе и в пределах-де социализма), а вот как на деле оказалось – *трансгрессивного,* прямиком от социализма, не говоря уже о советизме, к западнизму, капитализму, американизму, финикийству.

Следующая, уже ***шестая*** по гамбургскому счёту, веха была воткнута в развороченное, уже и постсоветское, постсоциалистческое, постгуманистическое и даже построссийское гуманитарное поле, аки осиновый кол с прибитыми к нему золотыми гвоздями указательными табличками: прямо вперёд – *катастрофа* (учение о социопереходах и катастрофах), влево – *инферналия* (учение об инфернализации бытия), вправо – *апокалипсис* (учение об апокалиптике бытия), а всё вместе вывело на феномен-понятие (онтос с гнозисом заедино) ***апокалиптического кризиса***, особенность которого: а) в его тупиковой неизбежности, б) в его инфернальной социохозяйственной и вообще экзистенциальной катастрофичности; в) в невозможности ни оперативно-волевого, ни скорого автоматического его преодоления без жертвенного ухода в небытие одних поколений и победительного прихода из небытия других поколений, а в целом – в сбросе одного мира – мира-жертвы – и в переходе к другому миру – миру-пожирателю.

Да, то была не просто очередная умственная веха на большой размыслительной дороге, а самый настоящий экзистентно-когнитивный кол, вполне и шершавый, забитый прямо в чрево что

бродившего по миру гнозиса, что вдруг вывернувшегося из себя онтоса: не сразу, надо заметить, и осознанный не то что учёным цехом, но и самим взъерошенным на тот момент забивателем сего мерзкого кола, как оказалось, со вполне непреходящими правдоковарно-каверзными значениями столь непристойного действа.

Полноценное осознáние смысловых итогов постановки сей при-*коль*-ной вехи-вехóвины оставалось ещё впереди, а вот *про*-российскую веху-вехóвину страннику пришлось поставить уже тогда, в разверзшиеся 1990-е: «*Российская Реформация*» (1994) – название-девиз очередной, уже ***седьмой,*** вехи, вехи-столба, разумеется, столба вполне путеводного!

Прямо по сему – как раз по вполне российскому, – пути страна, конечно, не пошла, совсем наоборот, двинулась туда – в Запад, в США, в экономизм, разорив себя и почти что там и исчезнув, но... несмотря ни на что, в какой-то момент если не отпрянула вполне и насовсем, то вдруг как бы опомнилась, не захотев исчезнуть в фактически колониальном мареве западнического глобализма, дала задний ход, конечно, не в полном соответствии с предложенной автором реформационной концепцией, но... не то чтобы близкой к ней, а, скажем так... *парааде́кватно*, как бы и да, и нет, хоть и не совсем по-своему и, тем более, по-нашему, но и не совсем уже и «по-ихнему».

Да, Россия, её хозяйство, её экономика, её цивилизация, её культура были весьма изменены, если попросту не извращены, в итоге 1990-х и 2000-х, немало оказавшись вестернизированными, но, что особенно важно, не исчезли насовсем, погрузившись по уши в навь, но остались и в яви, зацепившись за своё коренное изначалье.

Одной вехой-столбом дело, конечно, не ограничилось: пришлось, или довелось, или посчастливилось, ставить и другие столбовые, если не столповые, вехи на большой исторической российской дороге: *империя Россия*, *феномен Сталин*, *российское национальное в нероссийском глобальном*, *великодержавность*, *национализация элиты и государства*, *российское сосредоточение*, *российское перестроение*, *разворот России к России* – и, надо особо заметить, небезрезультатно – как для самой России, так и для существующего в ней правления, разве лишь исключая две последние, но о-очень серьёзные и колючие, вехи... нет, не оступился тут наш путеводитель, а всего лишь встретил... не то что непонимание

со стороны правящих верхов, сколько их неготовность, а может, и «немоготность» осуществить ***пост****-реформационное* перестроение страны, хотя, нужно заметить, всё равно делать это приходится, пусть и не очень решительно, не шибко программно, не всем миром, как бы исподтишка, островно, даже иммитационно, но... *приходится*!

Вот и сбились мы со счёта, добавив к первой российской вехе-столбу кучу других вех, не менее крепких и значимых – тоже столбовых... э-э... и сколько же всего их, этих вех? Не мудрствуя лукаво, добавим к семи отмеченным выше вехам ещё восемь, получив в итоге, вовсе ещё и не конечном, *пятнадцать, з*наете ли, вех!

Вроде бы хватит «веховать», пора бы и честь знать! Нет, господа, нет, ибо всё это отмеченное выше напрямую для России жизненно важно: *актуальная Россия, перемены в ней, непосредственное будущее в обостряющейся мировой конкуренции, усиливающемся межземном и межкосмическом соперничестве, нарастающей гибридной, а главное – гуманитарной, войне, чуть ли уже не сползающей в Армагеддон,* но есть ещё, господа, самое-самое – ***мировоззренческое***!

Как мы видим земно-космический мир и всё в нём наличествующее и скрытое, как понимаем его и объясняем – существующее, происходящее и откуда-то зачем-то подступающее, так ведь и делаем, так и творим, так и вытворяем, как и не делаем, не творим, не вытворяем: одна история – Пётр I со Сталиным, совсем другая – Николай II с Брежневым, ну и Горбачёв с Ельциным – ещё другая история: разные тут видения-невидения, понимания-непонимания, деяния-недеяния, а потому разные и результаты... бр-р-р!.. что у одних, что у других, – так что мировоззренческий вопрос как предшествующий всему остальному проблемному – куда важнее, знаете ли, всего, даже и пресловутого квартирного, включая особняково-дворцовский (что-о, помогли тебе, Алексашка Меньшиков, твои дворцы, как гоголевскому Андрию его ляхи?!).

Так что постановка странником новых вех – что столбовых, что столпных – не могла не продолжаться, как раз в самое безвоззренческое время для либо растерявшихся, либо аннигилировавших, либо просто замолкших состранственных говорунов, а уж лично-групповые воззрения на жизнь прихватизаторов, мошенников, воров и бандитов никак не тянут на *миро*-воззрение, о котором тут речь.

Так что ментально-веховское движение вперёд продолжалось, только совсем уж по-своему, и шло оно более всего непосредственно по вертикали – *вверх*!

Восхождение

Шёл, шёл наш учёный странник по дороге познания, сначала шёл по расставленным впрямую и вкосую вехам – туда и не туда, петляя, ища нужную дорогу, дошёл и до края, за которым либо явно ложные, подставные, призрачные вехи, либо никаких вех, а потому пошёл-поехал, захватив кое-какой плацдарм и соорудив кое-какую подвижную вроде дрезины платформу, дальше в неизвестность, мало того – в бездную неизвестность, вместе со страной, да и со всем миром тоже, и шёл при этом, скажем откровенно, не слишком спотыкаясь и почему-то не падая, не утопая в трясине неизвестности, а нащупывая *свою* дорогу и расставляя *свои* вехи, включая и столбовые и столповые, даже и маякские.

Пришло время рассчитаться (нет, не посчитаться) с классикой, как раз просвещенческой, с той же политэкономией, да так, чтобы не то что спасти её, а хотя бы дать шанс продолжения бытия. И родился грандиозный замысел, не поддержанный, однако, коллегами-политэкономами – создать «заместо» набившей оскомину и весьма уже окривевшей политэкономии... нет, не философию хозяйства как таковую, которая уже была создана и создана не так заместо политэкономии, как вопреки ей, а тут был замысел, не отрицая насовсем политэкономии, модернизировать её, переделать, дополнить, обновить, но уже в философско-хозяйственном ключе – единственно и возможном.

Воплотился сей сказочный замысел в не менее сказочном труде – в «*Теории хозяйства*» (1996–1998), из трёх объёмистых томов, в труде, заметим, в основе личном, не имевшем аналогов ни в России, ни в мире, созданном как раз на переломе – от смысловой классики к формализованной теоретической-де профанации, разумеется, математизированной, модельной, цифровой.

То была уже не веха, точнее, не только и не просто веха, а большая, крепкая, видная... *глыба*, скрижальная такая глыба, в которой воплотился перед тем, как окончательно выветриться, последний дух Просвещения, ибо не была сия глыба воспринята вроде бы просвещенцами, так и растаявшими в смрадном мороке

своей классической лженауки, которую чтили, но не понимали, которой поклонялись, но как идолу – как раз каменному, при этом и пустому, а главное – призрачному!

И что теперь, по истечении четверти века: ни политэкономии, ни теоретической экономии, ни фундаментальной экономики – НИЧЕГО!, хотя «*Теория хозяйства*», хоть и глыба, да вот не каменная, а живая, и живёт себе не признанная ни образованным «обчеством», ни родной институцией, где, собственно, на свет и явилась, но зато признаваемая думающими людьми, даже исчезнув из цифрового архива родного факультета (был сервер, купленный по конкурсу, надо полагать, у китайцев, и исчез вместе с глыбой, о которой речь, а ежели что осталось, так лишь в бумажном варианте, в библиотеках да на руках).

Глыба, труд, не имеющий аналогов ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем! Ну и что? Не оттуда, же – с Запада, не переводной, не нобелевский! Э-эх, Россия, Россия, разумеется, научно-гуманитарная – вторичная, производная, колониальная! Странная!

А что в ней, в этой живой-де глыбе?

Первое: суперпродуктивное смысловое разделение феноменов-понятий «хозяйство» и «экономика», когда хозяйство – всё жизнеотправление человека, а экономика – его стоимостное (товарно-денежно-оценочное) оформление, а сама стоимость – идеальная, субъектная, трансцендентная, бытующая в сознании (головах людских) и только в сознании (как и в бессознании тоже) счётно-решающего толка субстанция, однако способная не только обслуживать хозяйство, но и его себе подчинять, управлять им; ***второе***: способ хозяйства, включая и экономический, вместо способа производства; ***третье***: введение таких понятий, отражавших и отражающих соответствующую реальность, как *экономическая революция* (XV – XVIII вв. в Европе), *экономическая цивилизация*, а также заступившая на командный пост в мировой экономике *финансовая экономика*, она же *финансомика*, накрывшая вкупе с отчаянным *менеджеризмом* весь мир, как и нетовиртуализированная *неоэкономика*, ну и надвигающаяся на мир *постэкономика* с *техномикой* в сердцевине, не говоря уже о не к ночи помянутом тотальном *апокалиптическом кризисе*.

Сегодня, в 2021 г., казалось бы всё уже ясно, кто тут прав, а кто не прав, однако... э-э... не то что ментальный воз всё ещё

там, а его – воза – как бы и нет: великое тут недеяние-достижение изощрённого научного (псевдонаучного) ума!

Любопытно, что автору «Теории хозяйства», сохранившему в уникальном труде даже кое-что от марксизма (из уважения!), не пришлось прибегать ни к Маршаллу, ни к Самуэльсону, ни к любым иным экономистам-теоретикам, ибо они все, будучи по меткому определению от классической мысли «вульгарными», никак к изложенной в трёхтомном труде версии не подходили (вроде сёдел на коровах), как, собственно, и к окружающей реальности, которая совсем была не та, как им, этим её «исследователям», а фактически фантазёрам, представлялась.

Нет, друзья, здесь вовсе не исповедь обиженного из «непризнанных гениев», а уверенного в правоте своего деяния самоотверженного учёного, за которым и за которого не что-нибудь и не кто-нибудь, а *правда* со *временем*, да не часовым временем, а *содержательным*: трудно понять, как можно было пройти окруженцам мимо сего глыбистого труда – неординарного, небывалого, нашенского, но... прошли же – тупо, тайком и жалко – и что в итоге получили, кроме распада, ликвидации и пустоты, ну и утешенного на миг фиговым листиком обнажённого самолюбия?!

Страх потерять себя перед своим же – великий экзистентно-психо-невротический страх, вполне, как выходило, выходит и будет выходить, неодолимый!

Эксперимент, так уж эксперимент: где наука, где стремление к истине, где правда? – ничего этого нет и в помине: всё, что угодно, но только не это, не правда – вот оно – *обжигающее обнажение*! Фальшь, фикция, фейк, ну и заблуждения тоже – вот и вся недолга!

Не наука тут, не отражение реальности, не познание, а... *пропаганда*, *миф*, *дурная сказка*, *враньё*, *обманка* – и ничего, всё, пусть и с визгливым скрипом, но работает, все из престидижитаторов на месте, даже процветают, прямо, как в театре, в кино, на ТВ, в торговле, в медицине, в литературе, в общем там, где царствуют выгоды, мошенство, беспардонство, обман.

И это о гуманитариях, что более или менее понятно, но ведь можно ещё и о тех же разогретых пандемией вирусологах, которые хорошо показали свою «научную осведомлённость» о предмете, которым вроде бы упорно занимаются: сколько вирусологов, столько и мнений, прямо аки у философов, где же тогда она – строгая научная истина?!

Говорят, что в точной-де физике не лучше, не говоря о биологии, генетике, экологии, да и в той же химии: да, творят, экспериментируют, получают результаты, фиксируют, а вот что творят и что получают, да ещё зачем и с какими последствиями... кто ж из «точников» это знает?!

Если кто подумает, что странник пытается самоуверенно утвердить свою де истину – как истину в последней инстанции, тот глубоко ошибётся, ибо дело тут не в этом, не в истине в последней инстанции, как было, к примеру, у Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина или у тех же библеистов с тем же Магометом, нет, вовсе нет: речь тут лишь о приближении к реальности, что то же самое – гнозиса к онтосу, образования к действительности, а того же чтения, как и любого обозрения, к тому, что *за* чтением и *за* обозрением, то бишь о приближении к сути бытующего, происходящего, случающегося.

От мифа не уйти, как и от мифотворчества, ибо человек не Господь Бог, хоть вроде бы и по подобию, да вот каков бывает миф и зачем творится мифотворчество: реальность для человека хоть и миф, да вот какой же миф – свой или не совсем свой, а то и вовсе не свой, а как раз её – самой реальности?

«Теория хозяйства» – миф, да вот совсем *иной* миф, чем предлагала и предлагает уже не одно столетие воззренческая экономическая наука, ибо он не ради науки, а всего лишь ради реальности, её мифа, а потому и написана книга особым, не научным, даже не философическим, а... вполне себе литературным языком, то бишь вполне себе человеческим, да и как при этом написана – *сказочно*!

Говорить с научниками об их предметах человеческим языком бесполезно, они его в отношении к своим наукам попросту не приемлют, даже философы; все они предпочитают шифрованный искусственный язык, мало что сухой, твёрдый и ограниченный, так ещё и уводящий размыслителя, весьма и незаметно, от реального относа к нереальному гнозису: гуманитарность не нуждается в негуманитарных языках (Пушкин, будучи в гостях у Веневитинова, «*демонстрировал,* – согласно дневниковой записи Погодина, – *против немецкой философии*»; ясно почему «демонстрировал» – из-за системно-суконной стройности сей философии, которой – этой стройностью – реальная жизнь не обладает, не может обладать и не будет никогда обладать, пока она живая жизнь, а не научно-технический погост!)!

Глыбе под названием «Теория хозяйства» ничего не оставалось, как залечь скрижальным камнем на краю гуманитарно-размыслительной дороги, никого особенно не задевая и никому нарочито не мешая, знаменуя конец наследной классики и явление новой – животрепещущей, однако уже никак не политэкономической, а непосредственно философско-хозяйственной!

Дорога для философии хозяйства была окончательно открыта, и странник наш пошёл по ней, аки калика перехожий, осознанно, свободно, деловито, как раз туда, куда ум его стремился, а глаза его глядели – к реальности, за её истиной, пусть и подвуальной, ускользавшей, запредельной, неизвестной, но... *истиной*!

Появилась и *лаборатория философии хозяйства*, аккурат там, где и возникла сама философия хозяйства, где возродилась, где встала на ноги – в МГУ; образовалось *Философско-экономическое учёное собрание*; возник журнал, он же альманах, *«Философия хозяйства»* (с выходом в свет 6 раз в год объёмом 19 п.л. каждый номер).

Была написана и издана странником новая книга под названием «*Очерки философии хозяйства*» (2000), по-новому осмысливавшая предмет, куда более метанаучно, с уже явными метафизическими нотками, так сказать, идеалистически, трансцендентски, никак уже не рассчитывая на восприятие убеждёнными в марксово-самуэльсоновской правоте окруженцами, а лишь полагаясь на узкий круг таких же, как и он сам, искателей истины (пока ещё не теряя веры в большой человеческий разум, в его пытливость и антидогматическую заданность).

Всё это были очередные вехи, расставлявшиеся на пути к *иному* мировоззрению: ментальные, административные, организационные, публичные, издательские. Целый веер вех, их небезвоинственная группировка. Из номера в номер журнала выходили статьи, по преимуществу его собственные, им же задуманной «*Энциклопедии философии хозяйства*», которая так и не была до конца создана (сил не хватило!), зато была подготовлена и издана в двух томах «*Антология современной философии хозяйства*» (2008), собравшая работы десятков авторов.

В 2001 г. вышла в свет двухтомная «*Философия хозяйства*» нашего странника, а в 2003 г. не менее объемная монография «*Время философии хозяйства*», в которых подавалась, обосновывалась и утверждалась вполне себе метафизическая философия

хозяйства, причём в его – собственной – интерпретации. Опять вехи, опять столбовые и столповые, не считая вешки, поставленной в 2005 г. в виде облегчённого «*Курса философии хозяйства*».

Да, сейчас, когда пишутся эти строки, в 2021 г., после всего много чего пережитого из недоумённого, обманного, лживого, пошлого, паскудного, когда ясно уже, как напрасны попытки не то что кого-то в чём-то убедить, но даже предложить над чем-то выходящим из привычного ряда серьёзно подумать, всё это сказание о прошлом кажется если не смешным, то попросту не нужным, но тогда... тогда ещё казалось, что то движение мысли, которое было и о котором здесь речь, что оно необходимо, что оно вот-вот пробьёт стену непонимания и снесёт барьер сопротивления, но нет, ничего такого не случилось, хотя и случилась... ***сказка*** *– рождение, бытие и развитие русской философии хозяйства*, а всё почему? – из-за разверзшейся вдруг в стране реальности, разверзшейся прямо до дна, до беспредела, до ничто... э-э... может... как раз ради утверждения в очищенных от прошлых, нынешних и грядущих заблуждений ноосфере вот этой самой... э-э... ***философии хозяйства***... кто знает?

Нагловатое заявление, если не попросту глупое, не правда ли? – какие тут, кроме личных пристрастий, основания для такой вот «заявы»?

Самое поразительное, что они есть, эти самые основания, и сводятся они вовсе не к открытию чего-то размыслительно необычного (кто из умников этим не грешен!), а к обретению, что как раз было подтверждено новой книгой странника «*Обретение*» (2005), не чего-нибудь новенького, а... *ключа* – ключа, пардон, *к сути всего* сразу мироздания, жизни, человека, хозяйства, истории, экономики, культуры, цивилизации, в общем – *к сути всего*, – и разве этого мало?

Ничто не привело бы к обретению сего универсального ключа, если бы не как бы случайное по историческим, если не вечным, меркам магическое сочетание обстоятельств: со стороны онтоса – ужасной русской революции 1917 г., злого, но победного сталинизма, страшной, но тоже победоносной для родной страны Великой войны 1939 – 1945 гг., послесталинского «золотого процветания» с последовавшим за ним крахом позднего сталинизма, послесталинского разверзия отечественной реальности вкупе с постмодерновым саморазоблачением западной реальности и апока-

липтическим кризисом всей мировой реальности, а со стороны гнозиса – краха позднего научно-гуманитарного просвещенчества, неодолимого тупика клерикальной ортодоксии, внезапного взлёта русской новейшей (конца XIX – всего XX в.) гуманитарной мысли, как раз и породившей философию хозяйства, а также явления в России XX в. двух разнополюсных и разнопутевых гигантов – мудрецов-волхвов-бунтарей – Сергея и Михаила Булгаковых (не родственников, хотя, возможно, и знавших друг друга по Киеву в начале XX в.), замахнувшихся, обходя догматику, на метафизику от бытия – что позитивную (от бытия как бытия – Сергей), что негативную (от бытия как небытия – Михаил), ну и ещё по причине кое-каких обстоятельств, о которых сказать открыто нельзя, но которые сыграли свою роль в выделывании, а точнее – в доделывании, магического гуманитарно-воззренческого ключа в виде философии хозяйства.

Окончательная выделка, она же и доделка, произошла уже на рубеже 2000–2010-х гг., с осознанным обращением странника со товарищи к Софии Премудрости Божией, как раз вослед Сергею (о. Сергию) Булгакову, который обратился к Софии гораздо раньше, столетие назад, аж в начале XX в., как раз в связи со своей философией хозяйства, правда, странник наш со товарищи обратился не к христианской Софии, как о. Сергий, а вообще к Софии – общечеловеческой, так сказать, не догматизированной, что вообще-то не исключало присутствия софийного начала не только в иных религиях, но и в той же науке и во многой текущей обыденности тоже.

В 2009 г. была образована общественная *Академия философии хозяйства* – то ли поставленный странником со товарищи очередной указательно-приговорный столб, он же и столп, то ли же высаженное ими древо с корнями, не минующими Преисподней, и с ветвями, упирающимися в Небо, то ли отороченная вбитыми в ментальную топь остроконечными кольями платформа-крепость, то ли большая на промыслительной дороге скрижальная скала.

Однако состоялось, как состоялся Центр, Собрание, Журнал, имел место даже оригинальный междисциплинарный «защитительный» совет (неординарный, уникальный, романтический), да вот быстренько под минвузовскую сурдинку закрыт, как не состоялась кафедра философии хозяйства с приданной ей группой

студентов, как и не произошло появления в ВАК'овском хранилище специальности «Философия хозяйства», в общем, как водится, что-то сталось, что-то не сталось, а что-то было не допущено или не без доли сарказма ликвидировано. Ничего не поделать: учёная среда, частные интересы, большие умы, ну и немалое безумие тоже, которое вовсе не так отклонение от разума, как ему, знаете ли, вполне органичная подмога.

Академия – хорошо, и академики, которых, скажем откровенно, не так уж много – не более двух сотен, тоже хорошо, но главное ведь не что иное, как пользование добытым ключом, отпирание им заветной двери и выход в *иное* смысловое пространство – уже при прямом содействии Софии! И тут как раз случилось в начала 2020-х столетие философии хозяйства в сочетании со 140-летием её первооснователя, ну и образовалось появление двух коллективных монографий с иконописным (как раз православным!) отображением Софии на лицевых сторонах этих уникальных книг: «*Ренессанс философии хозяйства*» (2011), полсотни авторов, да каких при этом оригинальных учёных, немало и известных, выдающихся, и «*София. Сто лет русской философии хозяйства*» (2012), три десятка авторитетных авторов.

А что касается нашего учёного странника, то сначала крупный труд «*Наедине с Софией*» (2014), потом в 2015 г. объёмный фолиант «*Блики и срезы*» и совершенно недопустимо засверкавшая собранными воедино миросмыслами книга «*Белые скрижали*» (2016), утверждавшие не просто обращение к Софии, но и открывавшие новое, оно же и *иное,* движение мировоззренческой мысли, – что нашло затем не одно лишь подтверждение, но и утверждение, почти что и сакральное, сначала в капитальном труде сподвижника и вольного соблагого сомыслителя странника, его с некоторых пор учёного спутника, даже и солабиринтника, под обнажающим названием «*Софиасофия*» (2017), ну и окончательно утверждённого в искрящихся от неординарных мыслей «*Софиасофских тетрадях*» странника (2018), как и в фундаментально этапной монологии «*Метафизика*» (2019), конечно, метафизика *иная, софиасофская, своя, наша, русская*!

Зачем обо всём этом говорить, что-то нарочито перечислять (хотя вовсе и не всё из реально проделанного!), тыкать во всё это чьим-то носом или тыкать всем этим в чьи-то глаза? Самонадеянно, нескромно, глупо!

Э-э, нет, вовсе нет, ибо надо показать реальность содеянного, причём реальную реальность, вполне корреспондентную онтологической реальности, даже в реальном, что называется, времени, – и не как познавательный-де слепок с реальности, что и так все вокруг делают, хоть и с разным успехом, а как говорение, даже как музыку самой реальности, что как раз и знаменует адекватность софийного гнозиса софийно-несофийному онтосу.

«Проверено, мин нет!», вернее, мины, конечно, есть, но уже другие – не от лженауки, а под лженауку, а главное, есть проход меж мин в иное смысловое пространство, да не просто в другое, а именно в *иное* – ИНОЕ!, о котором как раз и предстоит ещё поговорить ниже, да не так даже поговорить, как поразмышлять, не столь при этом интерактивно, что, видно, вряд ли возможно, как моноактивно – как раз для читателя, что, впрочем, почти что тоже невозможно, хоть и не минует редких исключений.

Кому *это всё* в самом деле нынче надо? Ясно, что никому, может, почти что никому, скорее, лишь единицам – этим самым чудакам и странникам (наивным, глуповатым, донкихотского образца искателям, так сказать, истины, которой вроде нет, хоть она, надо полагать, всё-таки есть!).

И что уж *такого* особенного в философии хозяйства, чтобы ей стать ключом (этаким «золотым ключиком») в какое-то там *иное смыслопространство*?

Хотя бы по тому примечательному обстоятельству, что она уже сама по себе... *иное мировоззрение*, всего лишь не понарошку заключённое в узкие для неё узы, во-первых, не более чем жизнеотправления, а не всего бытия, включая Господа Бога с его Софией и ему подчинённым, несмотря на всю свою хитроумную бунташность, ловким, бессовестным и разносторонним работником-дьяволом; во-вторых, заключённое в узы философии как философии со всем ею наговоренным, весьма путанным и крайне избыточным скарбом; в-третьих, спутанное просвещенчеством с его любовью к делению целостного знания о реальности и самой реальности на отдельные части – предметы познания и отрасли знания.

Хозяйство – сама жизнь, разве лишь без её физиологической составляющей, жизнь, взятая со стороны её практической внефизиологической реализации, однако это не всё, ибо это ещё и само бытие, сам мир, само Мироздание, сама Вселенная, само... *Всё*, ежели полагать, что это Всё сделано и делается (кем и зачем –

иной вопрос, немало задевающий органчик, называемый уже и походя, не совсем справедливо и не очень-то точно всего лишь философией хозяйства).

Философия, о которой речь, – вовсе не философия, преподаваемая в университетах, даже не та, которая изложена в рутинных фолиантах, это даже, строго говоря, не философия как таковая, а, скорее, *метасофия*, однако идущая не так от ума-разума, как от самой постигаемой ею реальности, это прежде всего её – реальности – *метасофия*, вроде большой и длинной, немало и заунывной, но моментами и нестерпимо ревущей... э-э... какофонии, которую надо чуткому сознанию слышать, услышать и переложить, по возможности, на язык человеческой мудрости.

Что же касается принадлежности философии хозяйства к сонму гуманитарных наук, то это не более чем вынужденная дань, что называется, порядку, весьма и искусственному, давно уже убивающему гуманитарную мысль, которая не может не быть целостной, объёмной, всюдусущей, как раз такой, какой и является, отродясь, философия хозяйства – это сначала донаучное, но никак не собственно научное, тем более – пазловое, знание, причём не так знание, как *знание-размышление*, в общем – не так отрасль знания, как большое, многогранное и безграничное *думание*, отчего, кстати, в ВАКовско-академическую рубрикацию и не вписавшееся: обходится официальная гуманитарная наука без философии хозяйства и правильно, заметим, делает, ибо мало того, что философия хозяйства по гамбургскому счёту не наука (а донаука, постнаука, метанаука), даже по тому же счёту она и не философия в обычном понимании, так она ещё не так о хозяйстве, опять же в привычном понимании, как о бытии вообще, включая и всякое инобытие с небытием тоже.

Философия хозяйства – сначала ключ к самой себе, а потом уже и ко *всему* (слышите – ко ВСЕМУ!) гуманитарному, да и не только, тоже.

Мистика, понимаешь ли, а что вокруг не мистика, даже в самом что ни на есть примитивно-профаническом выражении, очень, кстати, полагаемом тем же священством: чем проще и яснее, тем лучше? «Высокая материя», согласимся, не очень-то подходит даже под элитарное, не то что под массовое, сознание, так что одно дело мистика – МИСТИКА – бытия, совсем другое – *мистика*, – как раз с маленькой буквы, – быта, пусть даже и политического.

Итак, философия хозяйства – не только не одна из наук, но и не наука вообще; можно сказать, что ***идеология***, разумеется, не из голов, а от самой реальности (чуть ли не первая в истории – *от реальности*! – ах, это словечко «хозяйство», за которым не домоводство вовсе, а аж само бытие со всеми своими явными и тайными атрибутами, тут уж не побалуешь!), да вот словечко это – *идеология* – больно затаскано всякими идеологами и пропагандистами, а потому хоть и идеология эта философия хозяйства, но всё-таки особая идеология, как раз такая, которую мы как раз и назвали ***метасофией*** (как видите, не случайно!); у философии хозяйства (пользуемся ходячим именованием!) нет никакой заданной априори задачи и траектории бытия, как было и есть, к примеру, у той же политэкономии (тоже ведь идеологии – уже в прямом значении, призывавшей либо оправдать капитал с его неуёмным грабительством, либо ниспровергнуть, оправдывая пролетарское «грабь награбленное!»).

Философия хозяйства вовсе не против хорошей, цельной, праведной жизни, но она не ради к ней утопических призывов, а ради того, чтобы понять более или менее (точнее, менее или более) текущую жизнь как жизнь, не могущую не быть как раз такой, какая она и есть, ну и попробовать увидеть, какой же она может стать, точнее, пожалуй, не может со временем не стать, хоть вовсе и не райской.

Да, ключ, но при этом и скальпель – мало, что обеспечивает *вход*, но ещё и производит *вскрытие* (слышите – ВСКРЫТИЕ!), что не очень-то нравится... да ладно бы научникам, политиканам или тем же новомодным менеджерианам, а то ведь и... *самой реальности* тоже, за которой ведь и внешние – высшие и низшие – могучие силы... ох!.. эта философия хозяйства... ох!.. эти могучие силы... ох!.. эта тёмная реальность!

Вскрытие

Нет, конечно, не тела и, соответственно, не хирургическое вскрытие, хотя... если образно... то, пожалуй, что-то такое и на самом деле, однако только образно, ибо реальность, о которой речь – не тело, не предмет, не материя в учёном понимании, в общем – не *физис*, а самый что ни на есть *метафизис*, то бишь что-то вроде бы и существующее, но вроде бы и нет, будто бы

и не существующее, ибо оно нематериально, духовно (ду́хово, спиритуально), эфирно, ну и, конечно, энерго-информационно, правда, со своей по качеству энергией и со своей по качеству информацией (*не*-физическими!).

Так что же тут вскрывать, коли ничего и нет? Нет-то оно нет, да вот ведь есть, а именно что-то сознаниево-психо-социо-реальное, могущее быть принятой вслед за Вернадским и Тейяр-де-Шарденом за *ноосферу*, что не так уж и плохо, ежели всамделишно наложить нашу реальность на их ноосферу и наоборот – их ноосферу на нашу реальность, а не думать, что наша реальность – одно, а их ноосфера – совсем другое, а накладывая их друг на друга, не забыть учесть, насколько сии монструальные феномены гадки, противны и безумны – прямо как их носители и реализаторы – люди (земляне тоже)!

Итак, вскрытие нематериальной, ещё и то ли существующей, то ли нет, реальности, как бы и *ирреальности*: да вот где же она, сия реальность, давайте потрогаем её, пощупаем, порежем ножичком? Фигушки, ничего не получится: сей момент она есть, да и то как ирреальность, и сей же момент её нет! Где оно – сознание, где она – мысль, где они – отношения, где он – социум, где оно – государство, где она – цивилизация, где оно – нематериальное искусство... а-а... в головах якобы, в мозгах, в памяти, а ежели этого всего ирреального нет, тогда где же, да и у кого же они – эти головы, мозги, память, а ещё та же неисчислимое число раз отставленная и проклятая совесть, где, да и у кого?

Да, есть тот же дом, есть квартира, есть кухня, есть даже особь, называемая мужем, отцом и дедом, есть и особа, называемая женой, матерью, бабушкой, есть особята, называемые детьми, детями, внуками, последышами, наследниками, в общем есть *семья*, а где собственно сама по себе *семья как семья*, кроме всего этого особливого собрания живых, взбалмошных, тихих, здоровых, хворых, полуживых и уже неживых человекообразных созданий то ли Природы, то ли Космоса, то ли Бога, то ли попросту какой-то Неизвестности, о которой и сказать-то нечего, как нечего сказать и о той же семье (что же это такое – *семья*, кроме разве условной ячейки, той самой, о которой ведь как ячейке чего-то воистину ячеистого тоже ведь нечего сказать), да и о самом человеке, уже не как о животном, что скажешь: кто, что, зачем, откуда, куда?

Тайна, неизвестность, несказуемость!

Это-то всё из перечисленного как раз и реально, а тут, понимаешь ли, вскрытие!

Чего-о?

А вот того самого, чего вскрыть нельзя, но во что можно лишь *проникнуть* усилием сознания, мозгов, голов, не пренебрегая интуицией, воображением, чувственностью, даже и бессознанием с безумием, ежели, конечно, в меру и под усиленным контролем, если не конвоем.

Можно!

До известных (и не известных тоже) пределов, ибо тайна, неизвестность, несказуемость, однако тоже до каких-то пределов, ибо сознание, разум, воля, ну и философия хозяйства со всей своей ключе-скальпельной атрибутикой.

Семья, школа, фабрика, учреждение, общество, государство и т. д. – всё это, конечно, хозяйство, да вот *само по себе хозяйство* вовсе и не семья, не школа, не фабрика, не учреждение, не общество, не государство, так же как философия – вроде бы хозяйство, да вот само хозяйство вовсе не философия... э-э... тогда что же такое *хозяйство как хозяйство, как и та же философия хозяйства как философия хозяйства*?

Тут можно и нужно поставить совсем вроде бы простые вопросы: что есть *хозяйственного* в хозяйстве и что есть *философско-хозяйственного* в философии хозяйства, да вот как по-простому на них ответить, да и по-сложному тоже? Вопросы вроде бы простые, да вот... убийственные, не правда ли? Что семейного в семье или колбасного в той же колбасе? Кто ж это наверняка знает? И кто даст исчерпывающие ответы, ежели сам Господь Бог это вряд ли знает, не говоря уже о его полупослушном трудослужебном подручном – диаволе?

В том-то и дело, что *никто ни о чём достоверно ничего не знает*!

Да, говорить о чём-либо можно, пытаться что-то определить, яростно при этом спорить, даже морду друг другу набить (драли же волосы друг у друга святые отцы-богословы на своих пламенных Соборах, – за истину, разумеется), но достоверно знать... тю-тю... отчего и была введена в действие ***трансцендентность***, то бишь непознаваемость. И сколько ни тверди, что халва сладкая, реальной сладости во рту всё-таки не станется, зато может случиться, но уже не во рту, а в мозгу миф о сладости во рту, если, конечно, был опыт поедания реально сладкого снадобья.

Итак, что хозяйственного в хозяйстве? На этот вопрос мы уже ранее ответили, так что повторимся: *делание реальности*, и добавим: *ради жизни* и... *нежизни* (!) тоже. Выходит, что и ради смерти, так что ли? Именно так – и СМЕРТИ! За жизнь, братцы, надо платить и платить как раз нежизнью, увяданием, исчезновением, в общем – ***смертью***! Вот мы и попались: хозяйство-де это жизнь, делание жизни, жизнеотправление и всё любое жизненное, а тут, понимаешь ли... *смерть*, – ничего себе! Причём не всем хорошо известная физическая смерть, а и многое другое из смертельного: убийства, химия, отходы, мусор, атомная бомба, «Титаник», квадрат Малевича, мошенничество, хамство, дурь, безумие, да мало ли ещё что – и всё это хозяйственное, жизненное, умное!

Да, делание реальности, а ежели реальности нет, вроде той же гуманитарной, а есть всего лишь иллюзия реальности, как раз гуманитарной, тогда что же – делание иллюзии, неизвестности, пустоты, а-а? Выходит, что так – *делание самих себя в себе самих*, это опять о пресловутой гуманитарщине.

А как? Посредством и в рамках той или иной *идеологии*, а точнее сказать – *идеократии*, а ещё точнее – *идеодеспотии*: коли сказано так и так утверждено, то так и есть, а правда это или ложь – кому какое до этого дело? Вот откуда далёкие от реальности, но её успешно трактующие и замещающие разноликие мифы, философия, богословие, наука, романы, повести, «стишки», пьесы, кое-какие художества, включая малевический (о-очень при этом откровенный) квадрат: «Тьмы низких истин, – чуть перефразируем, – нам дороже нас возвышающий обман!». Хорошо сказано, точно!

Что ж и философия хозяйства, выходит, обман? А как же, куда ж ей, бедной, податься, как не в объятия к обману? Только вот обман бывает разный: один – в сторону от правды, а другой – всё-таки к правде, да, конечно, неизвестной до конца правде, но всё-таки к правде, а не ко лжи, как раз к тем самым в сторону правды грустным и «низким истинам», но зато стойко, по-рыцарски, по-богатырски, по-святорадонежски, по-русски!

Хозяйство, как это легко заметить, вовсе не чистенькое дельце, а вполне себе грязненькое, немало и адовское, хоть немало и антиадовское, дело, а вот философия, зададимся вопросом, которая на хозяйство и от него, разве чище?, может, и чище – из-за стремления к правде, но как же не добра она, не добра, совсем не до-

бра, а очень даже зла, ибо зла сама правда, к которой философия хозяйства иной раз вдруг и приближается – как к беспощадному огню, как к бесчувственной трясине, как к безразличному цунами, а ежели ближе к гуманитарщине, то как к Змею Горынычу окаянному, как к Бабе Яге манково-коварной (в сказках-то русских всё уже давно сказано!).

И что же тогда философско-хозяйственного в философии хозяйства, чем она отличается от философии вообще? Ответ уже даден, но повторим: не любовью к мудрости, как-де философия, ан нет, не любовью вовсе, совсем нет, и не к мудрости как таковой, а всего лишь... признанием реальности такой, какая она есть, ну и прокурорским вторжением в реальность, столь же строгим и беспощадным, и даже злым, как и сама реальность, а иначе ведь одна лишь философическая бодяга, она же и блажь, а вовсе не философия хозяйства!

Обнаружение

Чего? Что можно обнаружить в реальности, воспользовавшись волшебным ключом-скальпелем в образе философии хозяйства, когда «хозяйство» – делание реальности, как и её обнажение, а «философия» – запредельная от хозяйства метасофия, сего обнажения не страшащаяся?

О-о, поначалу совсем немногое, ибо общее, всюдошнее, вездесущее, а такого ведь много не бывает.

Что ж, перечислим!

Открытие первое: реальность совсем не та, какой она предстаёт в текущем сознании, в особенности в просвещенчески (следственно, по-масонски) образованном (по-ломоносовски, заметим, тоже, ибо был Ломоносов просвещенческим прежде всего просветителем, поучившимся в германских университетах, читай, что и масонским, особливо ежели взглянуть повнимательнее на полное масонских символов надгробие над его могилой в Александро-Невской лавре, хоть и был Ломоносов, бесспорно, русским учёным и русским просветителем). Речь здесь у нас идёт, заметим, прежде всего о гуманитарной реальности, как раз хозяйственной.

Тогда какая же она на самом-то деле, эта реальность? И тут ответ, который мало кого удовлетворит: реальность сия попросту *иная*, причём словечко «*иная*» в данном случае не синоним

словечка «другая», а словцо, за которым скрывается нечто другое, чем просто «другая», а именно... э-э... *иная*, не эта, не такая, но и не та, не таковская, да вот какая же, коли уж *иная*?

ИНАЯ!

Сие значит, раз уж не просто другая, что либо прямо от иного мира (иномирья), либо в единении с этим последним, но таком единении, когда «Я» вовсе и не «Я», «Мы» – не «Мы», мир – не мир, жизнь – не жизнь, реальность – не реальность и т. д. и т. п., а всё почему: из-за благословенной или, наоборот, проклятой, неведанности этого ***Иного***, его как бы *отсутствующего присутствия* либо *присутствующего, отсутствия*, что не так уж и важно: оно есть, но его при этом для человека как бы и нет, его нет, но оно есть, отчего какое-нибудь это – всегда не это, но и не то, а... *иное*, причём всё, что хотите, господа насельники и насильники Земли, всё здесь такое – не это и не то, а... э-эх... *иное*!

Иное, господа, есть не что иное как... *иное*, оно само себя и определяет, а какого-либо нашего определения, кроме словца «иное», для этого иного попросту нет!

Вот такая тут выходит мудрёная загогулина!

Само-себе-Иное!

Причём с большой в данном случае буквы, ибо это то самое Нечто, что не просто удостоверяет мир человеческий, да и нечеловеческий тоже, *иным*, а и делает этот – *наш* – мир, который вовсе не такой уж и *наш*, ибо он ещё и Его мир – мир Иного, которое не просто есть в нашем мире, а которое вовсю и... Sic!.. работает, делая мир... *иным*, уже и *своим*!

Иное – сила!

И энергия, и информация, и, знаете ли, проект, а, может, и не проект вовсе, а так... импровизация, но зато какая – не просто участвующая в нашем бытии, а его по-своему и созидающая: для нас как бы знаемо, а вот для себя – не очень, ибо тут... *Тайна*!

Иной мир, или иномирье, сразу вне и внутри нашего мира, отчего всё это иное относительно нашего, или этого, мира как экстра-, экзо-, мета-мир, так и интра-, эндо-, эзо-мир, а ежели «по чесноку», то это как раз тот самый мир, который и пытаются трактовать разного рода мифотворцы, жрецы, волхвы, мудрецы, колдуны, шаманы, философы, богословы, эзотерики, теософы и антропософы, кое-какие учёные, как и астрологи с оккультистами: ясно, что он есть, гад, что он здесь, рядом, в нас, в мире, но...

но... неясен, сокрыт, неуловим, нетрактуем, т. е. трактуем, конечно, да вот лишь мифотворно, вообразительно, абы как, а более всего... *никак* – признаём сие и всё тут!

И это очень хорошо, ежели признаём, а то ведь нет, ни за что не признаем такую-то махровую нелепость, хотя... э-э... и в церковь ходим, и свечки там ставим, и обращаемся незнаемо к Нему, и что-то просим, и что-то получаем, не думая, конечно, об Ином, в которое как раз и стараемся окунуться, пусть этого и не осознавая, разумеется, в *наше* Иное – принимаемое, воспринимаемое, даже и любимое. Знаем, что Господь везде, Он всё видит и всё знает, но... отчего же «жисть»-то какая-то не такая, даже и в Церкви, даже и в монастыре, даже и в любом вполне вроде бы добротном богоугодном заведении.

Так есть ли оно – это *открытие Иного*, или это всего лишь байки на хорошо уже известную тему? Ответ: и открытие тут есть, как есть и открытие давно открытого, и байки тут есть, хоть и не совсем уже те байки, а всё-таки в чём-то и иные.

В чём же тут открытие, оно же и переоткрытие, как и в чём же новизна баек об этом открытии-переоткрытии?

Полный (разумеется, почти полный, не совсем полный, если совсем не полный) ответ оставим «на потом», когда поговорим полузагадочно о себе, обо всех, о мире, о бытии, о хозяйстве, об истории, может, и ещё о чём-нибудь, а сейчас дадим лишь краткий на понимание ответ: до нас многие умные ребята занимались более всего познанием и в меру использованием Иного, его приспособлением под себя, в целом, конечно, безуспешным, а также с ним посильным взаимодействием – уже с переменным успехом, а мы – философы хозяйства – всего лишь настаиваем на *инаковости* (*инойности*) мира, утверждая немало крамольного, но неизбежного, что мир, как и человек в нём, мало что отличны от самих себя, так они ещё и отличны в самих себе, – вот, собственно, и всё! А вот байка тут очередная или нет, какая разница, ибо как миру это всё равно, так и нам тоже!

Мир человеку кажется таким, каким человеку *кажется*, – и правильно кажется, вполне и допустимо, мало того – необходимо, ибо иначе не проживёшь! – только вот самому миру сей мир таким вот совсем и не кажется, ибо мир знает о мире, т. е. о себе, *кое-что*, что не знает, не может и в общем-то не должен знать человек, ибо в противном случае мира для «чека» никакого не будет:

только так, только со знанием неглавного – суетного и с незнанием главного – сущего, как раз того, что мир и только мир о себе знает, а именно – спасибо, нелюбезный читатель, что догадался! – ИНОЕ!

Иное не объяснить словами, ибо таких слов нет, вообще нет, а вот принять можно – через *бессловесье*, но не через чувство или ту же интуицию, а лишь через *сверхсознание*, которое и не сознание вовсе с его словами, мыслями, интуицией и чувствами, а нечто совсем другое – как раз... э-э... *иное*, которое ведь в человеке тоже сидит, да мало что сидит, а и вовсю работает, прикрываясь и даже изрядно питаясь бессознанием и безумием. Вот так: человек и мир, мир и человек, однако больше, чем человек, и больше, чем мир, – иное дело, что до всего этого *большего*, то бишь *иного*, до его неосознанного осознания дойти ещё надо – как раз *странствуя*!

Идти «надоть», идти: продвигаясь, спотыкаясь, блуждая, проваливаясь, выбираясь, падая, поднимаясь, ну и возвышаясь, конечно, да не с целью достичь Иного, а просто с не выставленной пред умом и очами *Целью*, когда Иное тебя само ведёт к Цели и само тебе, когда сочтёт нужным, открывается.

Интересно, не правда ли? При этом без путешествия в Землю обетованную, без проникновения в Тибет, без посещения Китая и Индии, без вступления в масонское братство, без монашеского пострига и без подвижнического уединения, даже и без наставника вроде... э-э... не будем об этом, ибо какая разница, ежели само Иное всё за тебя и решает.

А ведь и в самом деле решает!

Пора обратиться к другому открытию, обязанному открытости самой философии хозяйства, у которой ни чётко очерченного предмета, ни единственно правильного метода, ни строгого понятийного аппарата, ни в конце концов какого-либо законченного итога.

Ключ, он и есть ключ, скальпель, он и есть скальпель – открывают, вскрывают, обнаруживают. И что же идёт за Иным, а может, ему и предшествует?

Смотрим!

Открытие второе: мир и человек в нём не просто задеты неизвестностью, они ею объяты, да ладно бы неизвестностью как неизвестностью, а то ведь *работающей неизвестностью*, которая не просто есть, но которая ещё и *работает*, да ладно бы через

Иное, его питая, а то ведь и сама по себе, когда даже Иное бессильно, – бац! – и всё тут!

Что, разве мало этого «бац!» в мире, вокруг нас, далече от нас? Вон та же ковидная «коронованная» пандемия: да, кое-что вроде бы о ней известно, хотя и через пробы, ошибки и коррекции, а что-то явно в ней *иное* – ускользающее, а что-то не менее явно в ней... э-э... *неизвестное*, что даже не ускользает от озабоченного любознательного «чека», ибо ускользать тут явно нечему, – бац! – и всё тут!

Человеку вполне справедливо кажется, что он сам для себя де весьма известный, как и бытует в весьма известном ему мире. Факт! Но другим фактом является, что человек бытует в мало известном, не очень известном и совсем не известном ему мире, а ещё человеку кажется – правда, в лице отдельных персон, называемыми обычно сумасшедшими мудраками – что человек бытует не просто в не очень известном ему мире, а в самой, знаете ли, *Неизвестности*, что означает, заметим особо, что не мир у нас как неизвестность, а... *Неизвестность как мир*!

Ничего себе!

Мало, что всё вокруг иное, так ещё и неизвестное, но не непознанное, а вообще непознаваемое, как раз то самое, с которым – в отличие от Иного, с которым ещё можно познавательно, пусть и мифотворно, пободаться – остаётся только соглашаться, – бац! – и всё тут!

А что же такое Неизвестность... э-э... пустота что ли? Может, и пустота, да вот не та, о которой подумал читатель, а пустота *наполненная*, а ежели так, то чем же? – а *Ничем*, точнее, *Ничто'м*, что есть даже и под носом у человека, но что для человека как вещи нет, однако что является человеку как весть, иной раз и роковая... бац!... и старушки нет!, – как писала когда-то в опрометчивые времена одна весёлая одесская газетёнка.

А если учесть, что в мире случаются воистину грандиозные события (вроде той же «коронованной» пандемии), то говорить о *Неизвестности* приходится прямо-таки с придыханием, а квалифицировать сию негодницу приходится не иначе как *Великая* (вроде другой великой негодницы – Екатерины II)!

Вот и выходит у нас с вами, господа, ***Великая Неизвестность***, в которой мы, человеки, может, и купаемся, знамо и не знамо того, но, увы, с о-очень переменным успехом!

Открытие третье: восходящее к первым двум, но обязанное более всего изобличению, даже не обнаружению, и не чего-нибудь, а застрявшего в умах человеческих мифа о самовозникновении из мёртвой материи таких феноменальных тайн, как жизнь, природа, человек, сознание, как и связанное с кое-каким уточнением мифа о всего лишь божественном творении всего этого немыслимого.

Что это за открытие?

Жизнь, природа, человек, сознание – может, и творение Бога, но, увы, которое никак не могло случиться без содействия Великой Неизвестности и без участия Великого Иного, то бишь невыразимых словом бессубъектных сил, – и мало что Творение – до сих пор не покидает того и другого, а и кажется, что то и другое его – Творение – не отпускает.

Что же тогда получается? А ничего, ибо тут *тайна* – ***ТАЙНА***!

Да, всё вроде бы есть: жизнь, природа, человек, сознание, и кое-что из этого вроде бы даже и материально, упруго, твёрдо, да ещё и конструкционно и, следственно, аттрактивно, с замысленно-проективным вмешательством откуда-то извне – мало что *не от мира сего*, так ведь и... *Ниоткуда*!

Можно сказать, что из Космоса, из Мироздания, от Бога, но что из того? – уж лучше по-честному – *неизвестно откуда*, а главное – *неизвестно зачем,* на крошечном-то шарике, именуемом человеком Землёй, кстати – согласно философии хозяйства – не таком уж и мёртвом, ибо как же тогда на нём всё живое мало что явилось, но и удержалось, расширилось, размножилось, задоминировало, обнаглело: Иная она – Земля, напичканная Иным и пропитанная Неизвестностью.

Открытие четвёртое (самое важное для недоверчивого читателя, ибо прямо его касается – как уже вообще человека): *человек* – тоже ведь *иное*, может, и homo, да вот не sapiens, точнее, не только и не столько sapiens, которыми на Земле пруд пруди (кто из животных, если не просто из живых, не sapiens?), сколько Vitos consiencis – *живое осознаниенное*, можно сказать, что и Homo, и Anthropos, и просто Animal (животное), но что из того: человек потому человек, что он имеет *сознание* – СОЗНАНИЕ!, им обладает, им наделён, а сознание, восходящее к абстрактно-параллельному о мире, о самом человеке и даже о Боге знанию, выражаемому в наполненных *смыслом словах*, правда, смыслом вибрирующим и даже прыгающим от слова к слову (словно блоха!), что то же са-

мое – припечатанной и самостоятельно (хоть и в головах человеческих) существующей (в памяти) *мыслью* (те же тараканы бытуют в домах, казармах, университетах, но они, вполне разумно там устроившись, знают ли, что это именно дом, казарма, университет, слышали ли они про тех же хозяев дома, знают ли про Суворова с Жуковым, про Ломоносова с Менделеевым? – вряд ли), так что слово – *словленная мысль*, а мысль – *раскрытое в смысле слово*, а ежели ещё учесть, что одно слово выражает разные в зависимости от контекста смыслы, а один и тот же смысл выражается сплошь и рядом разными словами, то уж перед нами никакой не sapiens, а самый что ни на есть consiencis (осознаниенный, хотя и, кстати, не обязанный быть не только сознательным, но даже и разумным – как те же тараканы!).

Так что же тогда человече в трактовке нашего странника, как не *иное* и *неизвестное*, хотя он, человече, – и это, и то, и третье: сознание и есть *инонеизвестное* (неотмирное) в человеке – неприродное, незе́мное, даже и не космическое!

Откуда он – человек – взялся? Из той же «лаборатории», что и тараканы, только вот с особой короной в голове – *сознаниевой*. Ладно, пусть так – тогда зачем взялся? Во всяком случае не просто жить и поживать, как те же тараканы (до поры, по крайней мере), а скажем сразу и кратко... ***творить***! – из природы – неприроду, из неприроды – другую неприроду, из новой неприроды – ещё более новую неприроду (это всё телеология), так и до полной неприроды с неминуемой трансгрессией во что-то... э-э... *иное*, пока ещё и *неизвестное*, да и вряд ли когда станется известным: как пришёл человек из Неизвестности через Иное, так, видимо, и уйдёт через Иное в Неизвестность (тут уже эсхатология)!

Философия хозяйства – не шутка вовсе, а мало того, что сила, так ещё и сила драматическая, прямо как во МХАТе, в том ещё – в булгаковском!

Вскрыли и увидели, да не просто живо-животное существо, мыслящее и говорящее, а ещё и... *творящее*, да ладно бы ради жизни своей, а то ведь ради своего самоисчезновения прямо по вектору «*от природы к неприроде*» – каково, а-а?!

Нет, не таракан наш человек, вовсе не таракан, хотя таракан бывает и поразумнее человека, тут что-то и в самом деле *иное*, вовсе и не тако́е уж и разумное, зато и в самом деле неизвестное, вовсе и не зе́мное – а вот что же?!

Научники всё к мозгу человеческому тянутся, липнут к нему аки мухи, ища там ответа, хотя мозги-то не только у человека, да вот только у человека вовсе не мозговое сознание, да и никакая всего лишь чувствительность, а именно ***сознание*** – знание себя и мира, да такое знание, что впору и с незнанием его совокупить: если б человек всё знал, то и человеком бы не был, как и не был бы таковым, если б и совсем ничего из абстрактно-вообразительного не знал.

Знание и незнание в одном флаконе, как, собственно, и сознание с бессознанием, разум с безумием, как и всё остальное, включая добро и зло, любовь и ненависть, людскость и нелюдскость, человечность и бесчеловечность, да мало ли ещё что из противоположного сидит в обнимку друг с другом в этом загадочном флаконе, называемом человеком.

Человек – он ведь и *нечеловек* тоже, ибо *иной*, *неизвестный*, *трансцендентный*, ибо не просто осознаёт себя как живое существо, но ещё и смертное существо, мало что сознаёт себя пленником одновременно благой и ненавистной для него природы, Земли, но так же и вселенского притяжения, бесконечной страды, всяких там тягостей, скуки, страха, хворей, ну и животности, хищности, зверскости, да мало ли ещё чего из на человека свалившегося, скорее, с ним возникшего, немало ему самому и вопреки!

Вот и позавидуешь таракану, который ничего такого не знает, вот человече и завидует, точнее, спасает себя сквозь мифы, философии, литературу, театр, газеты, интернет, вообще любые идеологии – оправдывающие, уводящие, закрывающие, а в общем-то – лгущие, лгущие и лгущие («Тьмы низких истин им, – опять же малость перефразируем, – дороже их возвышающий (и спасающий) обман!»).

Иметь сознание от и из Иного, а сидеть *тут, в этом*, среди *этого*, да ещё и быть (телом) таким же, как и всё это, а вовсе не иным, надеясь призрачно лишь на бессмертие *своего иного* (души, ума, сознания) в *ином*-де (каком же?) мире – совсем не лёгкая и не простая задача, она же и участь, и миссия, и бремя, и страда, и ужас, и фарс, да ещё и осознавать, что всё это чей-то ***проект***, а ты – человек – всего лишь лабораторная крыса, правда, не только выживающая и приспосабливающаяся, но и творящая (это-то зачем?), *переделывающая* всё это (от природы к неприроде), мало того – *пересотворяющая мир и себя* в нём (значит, зачем-то кому-то надо?), то ли просто с риском для себя, то ли с целью в этом

пересотворённом, возможно и (Sic!) исчезнуть, – да уж, что ни говори, а та ещё ***мистерия***, как раз *хозяйственная*, ну и *философическая* тоже (а ведь не один из невозможных читателей сего опуса не раз, небось, подумал, зачем же она – философия хозяйства, да ещё и в роли скальпельного ключа к реальности?!).

Однако философия хозяйства в роли такого вот «золотого ключика» ещё не всё для нас открыла: вскрышно-разоблачительно-познавательная операция вовсе не закончена, она вовсю продолжается.

Открытие пятое: мало того, что человек – осознаниенное животное, что он зверь, зачем-то ещё и осознаниенный, он ещё и *апокалиптический зверь*, то бишь с неотступным осознанием своей безнадёжной зверскости и с вынужденным признанием жуткой и неустранимой многомерности своего сознания. Нет, речь тут не о дикости, будто бы первобытной, а о самой что ни на есть развитой человечности, вполне органично связанной через сознание с ***апокалиптикой***, то бишь с ущербностью, искажённостью, порочностью, уязвимостью, провальностью себя, своего существования, своей практики, пусть и телеологически запроектированных, пусть и не детально, с расчётом на импровизацию, отклонения, вариации, даже и на человеческий произвол, пусть и со своей эсхатологической временностью, обречённостью, опять же ущербностью и уязвимостью, брошенностью, что выливается на деле в непрерывную надёжно-безнадёжную ***войну*** (тоже ведь хозяйство и тоже имеющее философическую обусловленность) вовсе не только с природой и иными зе́мными существами, а и с себе подобными, с самим собой – как индивидами и с индивидами, так и социумами и с социумами, со своим же пленённым сознанием, со своей галерной экзистенцией – личной и общей, с собой как с непонятным самому себе феноменом мира, бытия, жизни, смерти, неизвестности!

Да, страшны для человека крысы, волки, акулы, когда их становится слишком много, и когда они слишком близко – голодные, даже тараканы с мошками страшны, не говоря о прожорливой саранче, но нет для человека существа страшнее, чем он сам – человек, для которого и никаких вынужденных обстоятельств, серьёзных причин или подходящих поводов совсем и не надо, чтобы реализовать свою неувядаемую страшность!

Занятная это вещь – человек, он же субъект, особь, личность, как и весть, и слово, и деяние, ну и зло, исходящее от человека к человеку, в особенности просто так – «из характеру», из хотения,

из неприятия, из отвращения, из зависти, как и в удовольствие, развлечение, а то и вообще из ничего!

Отсюда и вечная апокалиптотрофная забава: сдержать зло, насилие, зверство, исходящие от человека к человеку, причём через не добро вовсе и не уговоры, а через... зло, насилие и, уж извините, господа, через зверскость, да и то лишь только сдержать, а не ликвидировать насовсем (человек лучше сам себя ликвидирует, чем откажется от зла, насилия, как и несправедливости, подлости, гнусности... надо ли продолжать?).

Апокалиптика против апокалиптики!

Интересненько, не правда ли?

Но самое тут главное, что ничего – живём, рассуждаем, уверяем себя в добре, благе и дружбе, ещё и идеологии к этому с их доброхотными институтами присовокупляем, чуть ли при этом и ни счастливы!

Да, конечно: война, бойня, жестокость, пытки, страх, мерзость, гнусность, но... что поделать!.. есть ведь и другое, есть и то, что и спасает, что ***апокатастатикой*** прозывается в умных головах, но... куда ж от первой и первенствующей – от ***апокалиптики***!

Да, в вышеописанных злах и гнуснях как бы и ничего для всё более негодующего читателя нового, никакого для него открытия, всё это ему и так хорошо известно, однако, заметим, во-первых, здесь представлена *органика*, во-вторых, *апокалиптическая органика*, в-третьих, *безысходная*, – так что кое-что новенькое всё-таки есть, да ещё и далее будет (ещё не вечер, хоть вокруг и дневные 2021 г. сумерки!).

Открытие шестое: хоть всем и известно, что человек – *животное социальное*, как и известно, что человек – *существо асоциальное* (особь он, индивид, личность, сам-себе-сознание, как и сам-себе-бессознание тоже), да вот как-то мало говорят, что *социум* человеческий не возникает, не существует и не реализуется без постоянного, настойчивого, целеположенного... э-э... ***насилия***, да ладно бы необходимо-позитивного, а то ведь и произвольно-негативного тоже.

Господа, холуи и рабы, где-то меж ними разного рода функционалы, вроде менеджеров, специалистов, учителей, врачей, священников, литераторов, деятелей искусств, журналистов, циркачей, ну и тех же воров с мошенниками, – и что интересно – в *любом* так называемом цивилизованном социуме, в *любом*!

Насилие не только и не столько повивальная бабка истории, как правильно привиделось К. Марксу, а... действительный *хозяин бытия-истории*, хоть и выглядит ныне вполне себе благопристойно, ибо не просто, как было прежде, завирает, а попросту непрестанно врёт, даже не выдавая ложь за правду, даже не утруждая себя поиском хоть какого-нибудь правдоподобия.

Насилие, братцы, и только насилие, и никаких тебе «Свободы» с «Братством», не говоря уж о «Равенстве»!

Социум – достаточно жёсткая *иерархия*, причём всякая, а в главном не так даже имущественная, владетельная, присвоительная, хоть это и архиважно, а просто... *людская*, когда одни – «белые», другие – «серые», а третьи, увы, – «чёрные», – и не важно, кто, где, как, зачем и почему? – и у «белых» почему-то хватает мерзавцев и глупцов, у «серых» немало копошится почему-то людей способных и талантливых, ну а в «чёрных» вдруг обнаруживаются самые настоящие гении.

Распределение по иерархическим расам, а это именно социально-когнитивно-культурные расы, нередко и с заметным этнофизиологическим замесом, идёт хитро́, замысловато, тёмно, в общем – не по sapiens вовсе, а как-то *по-иному*, а вот как, ежели не по-дьявольски, а-а?!

Бога можно не признавать, оставаясь при этом божеским существом, – Бог простит!, а вот не признавать дьявола... о-о!.. непростительная блажь, открывающая дорогу к рогатому, мало того, в его окоёмы и затаскивающая.

Опять вроде бы никакого открытия, что, пожалуй, и верно, да вот ежели хорошенько подумать и вдруг ни с того ни с сего под рюмашечку и убедиться, что и впрямь *всюду* и *всегда*... э-э... *одно и то же*, пусть лишь в разных обличьях и реализациях... ***одно и то же***! – пусть у нас и не открытие, но зато какое мощное утверждение, а-а?!

Открытие седьмое: «больше или же меньше, чем...». Кажется заранее, что тут тоже никакого открытия нет, но... не будем спешить... посмотрим, а вдруг!

Вдруг всё-таки открытие!

О чём, собственно, речь? А о том, что человек, мир, бытие, хозяйство, история, культура, да мало ли ещё что, та же, к примеру, экономика, вовсе не всё, чем и как они являются осознающему их сознанию, да и само сознание вовсе не совсем то, о чём обычно

говорят, – оттого и выходит, что всё перечисленное, как и ещё многое другое, всего лишь что-то частичное как в ходячем восприятии человека разумного, так и, скажем так, бываючи объективно в своём «есть», в своей реальной экзистенции, в себе самом.

Обо всём тут не скажешь: кучу трактатов надо писать, а потому лишь о некотором, как кажется, о главном.

Сознание. Оно мало того, что сложно, ибо *сознанию как сознанию* приходится сочетаться со *сверхсознанием*, связанным *с иным высоким* и проявляющим себя во вдохновенных откровениях, а также сочетаться с *подсознанием*, обращённым, будучи кладовой сознания, к *иному низкому*, причём той ещё кладовой, не чуждой связи и с самой Преисподней, так что сознание (пока ещё сознание!) по крайней мере трёхчленно: *сверхсознание*, с*ознание как сознание, подсознание*, но это не всё, ибо сознание ещё и в преступном или нет, но в единении с *бессознанием* (остановкой сознания, его прерыванием, как бы и отсутствием), а также с интуицией, с чувственностью, с животностью, но и это не всё, ибо сознание, хоть вроде бы и распределено по человеческим единицам, но оно ещё и ухитряется быть совокупно общим – *общественным сознанием*, без которого, кстати, никакие индсознания и не существуют, так что не только и не столько единицы составляют целое, сколько целое состоит из единиц, на них распадается, по ним распределено.

Вот и выходит, что сознание куда как более, чем просто сознание, в особенности, когда речь заходит о *больших сознаниях*, свойственных особенно одарённым им человеческим особям, отчего нетрудно заключить, что бытует и сжатое – то ли не раскрытое, то ли не способное к раскрытию, то ли попросту вообще обеднённое сознание, то бишь менее, чем сознание, или *малое сознание*, а в массе, надо полагать, бытует *среднее,* или *обыденное, сознание*.

Ничего не поделать, такова селяви!

Однако это всё-таки не главное: *человек вообще более, чем человек*, хотя мало что мешает ему быть куда как менее, чем человеком. Но мы здесь не о «менее», уже набившем оскомину, а о «более», которое состоит в том, что человек – не просто осознаниенное социальное животное, а некая сущность *земно-космического разряда*, находящаяся в имманентно-трансцендентном единении со всей вселенской... э-э... *экзистенцией* – ЭКЗИСТЕНЦИЕЙ! – ***Вселенской экзистенцией***! Вселенная, знаете ли, живёт, бытует, существует, конечно же, охваченная Великой Неизвест-

ностью и удерживаемая Иным, но ведь, как бы странно и даже дико это ни звучало, ещё и отмеченная, помимо присутствия Бога, наличием в ней и *человека* – ЧЕЛОВЕКА!, его сознания, его духа, его стенаний, стараний и страданий, его бушующей отчего-то экзистенции.

Вселенная – хозяйство, у Бога тоже своё хозяйство, у человека тоже, – так вот всё заедино хозяйственно и крутится!

Нетрудно включить свои мозги и схватить прямо летящую в сознание пронзающей стрелой мысль: *«Хозяйство человека более, чем хозяйство, как и жизнь человека, и его бытие, и история, и страда со всем её страданием, и жертвенность, и даже сама смерть, всё это куда как более самого себя»*, – ну-у, чем не открытие, господа всезнайки!

И ежели о чём-либо большом и значимом думать, так уж думать с учётом этого «*более себя*», не избегая, коли потребно, и «*менее себя*», а то и вообще «*недостойно себя*», как и, разумеется, «*против себя*», – не так ли?!

А то же хозяйство, как и всё остальное из вроде бы позитивного, работает как на себя и человека, так и против себя и человека: ***бездна***, из которой так или иначе вышел мир, а с ним в конце концов и человек, никуда не исчезла, она мало что тут, так ещё и вовсю «работает», служа хранилищем и переработчиком отходов от мира, ему отстойником, но и, как ни странно и ни гадко это звучит, *резервом мира*, как и *человека в нём*.

Бездна! А что ещё, кроме бездны, как раз и сопряжённой с Великой Неизвестностью, с Иным, с самим миром и человеком с его сознанием – через *Хаос* и его постоянное преодоление всё теми же Великим Неизвестным, Иным, самим миром и человеком в нём, ну и, само собой, Господом Богом Творцом, не минуя присутствия где-то в нужных и не очень нужных местах услужливого, лукавого и переменчивого господина хорошего диавола.

Вообще в мире имеет место один любопытный феномен (конечно, из сонма многих других) – соответствия, похожести, подобности или, как стало модным говорить, *фрактальности* всего и вся, вроде бы разного, отличного, самостного, но в то же время в чём-то и как бы общего, – и эту-то «как бы общность» надо непременно иметь в виду, что позволяет многое что заметить и понять в окружающей человека и сидящей в нём самом реальности, в её строении, составе, поведении.

Человек при всей своей микроскопичности относительно мировой реальности – целая (*целая*!) вселенная (*вселенная*!), подобная (что совсем уж недопустимо!) самой Вселенной, включая её составляющие вроде Великой Неизвестности, Иного, бездны (***Бездны***!), первичного, производного, присутствующего, работающего и завершительного хаоса (***Хаоса***!, в общем-то), да и вообще, если обратиться к субъективной феноменальности, то очень любопытная троица тут выходит: *Господь Бог*, *диавол* и *человек* – фракталы не фракталы, но вот подобия-то сколько, пусть и в неравенстве мыслей, сил и возможностей, но... непознаваемая и неодолимая мистерия-то есть, идёт, разгорается, грозит не одними громами и молниями, не только извержениями и потопами, не только жарой и засухой, но и... э-э... не будем об этом до срока, ибо «щас» всего нужнее и важнее пусть не открытие, хотя почему и не открытие?, а всего лишь утверждение, принимаемое, правда, нами и за открытие, как раз ***восьмое*** по счёту, и называемое нами ***Всеединством***.

Интересная загвоздочка, не правда ли, особенно, если принять во внимание один «подлый» вопросик: а что есть и где она есть, коли есть, *фабрика мира*? О-о, как не хочется отвечать на этот вопросец, но куда ж от него, коли философия хозяйства, согласно которой фабрика чего-либо всегда... на *фабрике*, а ежели посмотреть повнимательнее на любое производство, включая и производство самого человека, и его сознания, и речи, и мысли, и... и... и..., то ответ явится сам собой, в особенности при обозрении какой-нибудь драконовской шахты, какого-нибудь невыносимо горячего чудовищно грохочущего металлургического цеха, какого-нибудь бескрайнего, усеянного сорняками, злакового поля, какой-нибудь неуютной больнички, даже какой-нибудь шумливой школы, и явится сей ответ в самой что ни на есть простой и ясной, хотя и очень неприглядной «образине», ибо будет он звучать так: фабрика мира, как и фабрика всего в мире, исключая Господа Бога, который выше мира, вне его, за его пределами, заключается в *преисподней* (***Преисподней***! – не меньше!).

Радостно это осознавать или нет, но это так: и лучше всётаки осознавать, чем не осознавать, как лучше осознавать тот знаменательный факт, что *ад* (он же и ***Ад***!) размещается не где-нибудь, а прямо здесь, на Земле, и бытует он не где-то там, а прямо в сознании людском, включая, разумеется, психику, чувства,

бессознание, безумие, но и умие тоже, в общем – в человеке, хотя и не только, и рядом тоже.

Вот и оно – ***открытие девятое***, за которым в ми́ровой, земной, космической, человеческой реальности стоит не что-нибудь из а-ля нобелевского, а вполне, знаете ли, из обыкновенного (давно, кстати, открытого, а нами лишь малость переоткрытого), а именно факт работающей Преисподней и факт никуда не исчезающего со света Ада (относительно Рая, кроме разве частных случаев его подобия, нам сказать нечего, ибо в массиве его не знаем, не видели, не переживали, хотя анти-Ада, то бишь почти-Рая, в мире человеческом не то чтобы хоть отбавляй, но немало и есть – как жить-то совсем уж в Аду?).

Открытие десятое: производство мира, бытия, жизни, человека, сознания, хозяйства, истории, экзистенции есть работа адова... а-а, уже догадались!.. Преисподней, Великой Неизвестности, Иного, и всего Этого тоже, но и Господа Бога со своим замечательно дельным помощником в образе диавола (обойдётся мастер на все руки без заглавной буквы и выделения курсивом!). А что такое производство, как не изведение чего-то этакого из чего-то другого, но с непременным изведением его – этого произведённого – из не то чтобы из ничего, хотя и это возможно, но всё-таки из чего-то поначалу существующего лишь в замысле, в проекте, в идее, в мысли, да ладно бы Господа Бога Творца, диавола или человека, а то ведь и Мироздания тоже, даже самой Вселенной с её Бездной и Великой Неизвестностью, с её Иным – во как!

Творение – нескончаемое, путаное, жуткое дело, – и хошь, не хошь, а... из Ничего, это, так сказать, в той – дальней – инстанции, сокрытой, как бы и не существующей, да вот превращающейся вдруг в Нечто, не преминув ускользнуть и обратно, вновь став Ничем.

Творение Божие – не всё вселенское творение, оно всё-таки творение в творении, причём Бездна, Великая Неизвестность, Иное не просто обстоятельства Божиего Творения, не просто его «материал», они ещё и участники, без которых Богу Творцу, как и без на всё готового помощничка диавола, просто не обойтись!

Иначе ни мира, ни бытия, ни жизни, ни человека, ни сознания, ни хозяйства, ни истории, ни экзистенции, в общем – *ничего*!, а разве это Господу Богу надо – погост что ли вселенский?!

Не Рай вовсе делает экзистенцию экзистенцией, а Ад, именно он создаёт желания, потребности, замыслы, стремления, проекты, толкает на деяния, на затраты, на страду, на страдания, на жертвы, на преступления, в общем – на хозяйственную жизнь, – и что-о, разве тут не открытие, уже *одиннадцатое* по счёту: ***открытие одиннадцатое*** – бац!, и открылось, – и не ради шоу-шулерства вовсе, совсем не ради, а, уж извините, господа, истины для!

Да, суровая тут ниспослась истина, даже страшная, а что делать, коли это так, – и разве не случайно сия и ей подобные истины, да и вообще любые истины, так старательно прикрываются идеологиями, мифами, сказками, богословием, философией, той же наукой, разумеется, не во всех своих объёмах, случается там и правда, но зато сколько же там благодетельной и не очень лжи!

Адовская она – планида-то человеческая, аккурат на планете Земля – не адская, как у каторжников, а именно адовская, то бишь как бы и сносная, но вот небезмятежная, страдная и страдательная, колкая и колючая, опасная и жертвенная, временами и местами ничего себе, даже и великолепная, а в другие разы, мало что тяжкая, так и просто невыносимая!

Вот такие у нас сподобились одиннадцать ценнейших открытий при вхождении в реальность с помощью философско-хозяйственного «золотого ключика», – дальше станет понятно, почему именно эти открытия пришлись вдруг к нашему размыслительному двору, могли ведь явиться и другие, но мы рады и этим, – пока во всяком случае!

Мир как хозяйство

Именно ***мир*** и именно как ***хозяйство***.

А разве другой, то бишь нехозяйственный, мир есть, коли даже мёртвая статичная материя вдруг ни с того, ни сего мало что начинает двигаться, так ещё и меняться, чуть ли не оживляясь, а ежели взять на зуб (ментальный, конечно!) Мироздание, ту же Землю, не говоря о той части мира, которую мы Природой зовём, то вряд ли удастся отказаться от хозяйственного ко всему этому подхода: и впрямь кругом ***Хозяйство***, разумеется, разное, но при этом в чём-то и общее, пусть и в не очень человеку

известное (частицы, энергии, информации, тропии, синергии, первовзрывы и вообще взрывы, полёты, столкновения, катастрофы, «чёрные дыры», в общем – сам чёрт не знает что такое!).

Мироздание мало что есть, оно ещё и *живёт*, пусть по-своему, не так как живёт Природа, как живёт таракан или тот же Человек, но... *живёт*, а жизнь и есть *хозяйство*, как и хозяйство есть *жизнь*!

Однако нас более интересует не жизнь материального физиса с его *твёрдо-механистическим в основе хозяйством*, как и не вполне себе разумная жизнь таракана, тоже ведь хозяйственная, какими бы интересными они ни были, – нас интересует более всего жизнь-хозяйство человека-человечества, оказавшегося незнамо как на Земле, в Природе, в Мироздании, не говоря уж о Вселенной.

Да-а, жизнь-хозяйство, то бишь экзистенция, она же и бытие-история – нашенская в нашенском же исполнении, понимании и опять же исполнении, как и в словесно-понятийном выражении – как ни называй, что ни думай, как ни радуйся и как ни горюй, а всё одно – *мир человеческий*, разумеется – ***мир-хозяйство***, да мало что сам по себе – именно человеческий, так он ещё и часть безграничного Мироздания, само́й бездонной Вселенной, а потому и не совсем человеческий, не только человеческий, да ладно лишь мир как таковой, а то ведь и хозяйство тоже, отчего хозяйство-то человеческое, то бишь жизнь, бытие, история, экзистенция человека-человечества, куда как «ширше» всего чисто человеческого, но, с учётом лишь фрактальной сопоставимости всего человеческого со всем мирозданческим, вообще-то не такие уж и человеческие: не просто хозяйство получается у человека, а что-то и большее... нет, пожалуй, не *мега*-хозяйство, хотя почему и в некотором плане и не *мега*... а вот *мета*-хозяйство... – это уж точно!

Так или иначе, но выходит, что это хозяйство куда как, с одной стороны, покруче чисто человеческого, ибо включено в иные – бо́льшие – хозяйства, а с другой – позапутанее просто человеческого, ибо в нём хватает много чего иного, включая и само по себе Иное, и Великое Неизвестное, и ту же Бездну (как бездность), и, пардон, Преисподнюю, не говоря уже о непростом «устройстве» самого хозяйствующего человека с его безбрежным сознанием, безразмерным умением, бескрайним воображением, бессрочным бессознанием, безграничным безумием.

Вселенское хозяйство, конечно, не человеческое хозяйство, хотя это последнее и наличествует в первом, но зато человеческое хозяйство не свободно от вселенского хозяйства, более того, его – человеческое хозяйство – можно даже посчитать и за *суб*-хозяйство – относительно вселенского хозяйства и других, бóльших, чем человеческое, хозяйств.

Да, человек сознательно-бессознательно, умно-безумно, сердечно-бессердечно хозяйствует – факт, но только ли сам по себе человек хозяйствует в своём же хозяйстве? В том-то и дело, что *не только*: есть ещё кому или чему похозяйствовать в человеческом хозяйстве, для чего достаточно помянуть не к ночи хотя бы ураганы, смерчи, цунами, засухи, наводнения, да и ту же саранчу с тараканами – чем не хозяйствующие силы?

Но главное тут всё-таки не в этом: человеческое хозяйство не то что не вполне принадлежит человеку, что в нём принимают участие и другие хозяйства – да ещё и какие и как!, – а что человеческое хозяйство *не вполне принадлежит самому себе*, ускользая как от человека хозяйствующего, так и от самого себя.

Как хозяйствующий субъект человек вроде бы хозяин своего хозяйства, а вот как субъект из Мироздания – он лишь частичный хозяин своего хозяйства, да и как хозяйствующий субъект тоже.

Итак: 1) хозяйство, а это в итоге жизнь, бытие, история, экономика, культура, прогресс, в общем – вся экзистенция, включая и смерть, это самое хозяйство, которое ведёт человек вкупе со своими сознанием, разумом, бессознанием, безумием, психикой, чувственностью, воображением, но также и стихией, хаосом, упорядоченностью, бездной, преисподней, небесами и т. д., это хозяйство, мягко – вполне и по-научному – выражаясь, весьма неопределённо, неоднозначно, вероятностно, а ежели не по-научному, то всякое оно, разное, то такое, то этакое, иной раз и абы какое, во всяком случае с неточным «входом» и неточным «выходом», хотя и не без устремлений, сдвигов, достижений, превращений, даже и революций; 2) хозяйство, которое вроде бы ведёт человек, ведётся не только человеком, – и ежели о субъектно-субъективном участии Бога или того же диавола можно благоразумно помолчать из-за нехватки (отсутствия) знания, то о стихийно-объективных влияниях что Природы, что Космоса, что Галактики, но ещё и Иного с Великим Неизвестным, не исключая Бездны с Преисподней, молчать уже не приходится; 3) вот и выходит, что хозяйство человека –

и *мега*хозяйство, и *мета*хозяйство, но это ещё не всё – оно есть *само*-хозяйство (как бы со своим сознанием, как раз по сути *мега*сознанием, и *мета*сознанием тоже) – как *авто*хозяйство (самореализующееся), так и *само-себе*-хозяйство (по-своему и ради себя ведущееся).

Что из всего этого? А то, что человек много всего делает (и не делает тоже), коли хочет жить, быть, торчать, противиться, бороться, к чему-то стремиться, чего-то достигать, но делая всё делаемое, он делает хоть вроде бы всё, что хочет или явно вынужден, но не совсем так, а иной раз и совсем не так, ибо ему только *кажется*, что он делает то, что хочет и что явно вынужден: реальность тут сложнее, запутаннее, хитрее и немало коварнее!

Хозяйствуя, человек действует не совсем уж в потёмках, даже не в густом тумане, хотя бывает, что и не без всего этого, он действует среди хорошо заменяющей потёмки и туманы Неизвестности с её не только Иным, Бездной и Хаосом, но и с его – человека – Неведением, Незнанием, Наивностью, Самоуверенностью, а главное – с чуть ли не заготовленным Неизвестностью дьявольским коварством, когда думаешь и делаешь одно, а в реалиях выходит из тебя совсем (или не совсем) другое, когда идёшь туда, а приходишь совсем (или почти совсем) не туда, когда мечтаешь об одном, а получаешь совсем другое.

Хозяйство человеческое – не только не уверенное в себе хозяйство, не только колеблющееся, волнительное, дискретное, не только небезопасное, тревожное и ядовитое, ещё и немало (это скромно сказано!) *анти*человеческое, причём прямо и от самого человека хозяйствующего, если даже от него не по преимуществу, что позволяет видеть в хозяйстве и ***антихозяйство***, да так видеть, чтобы не сомневаться в том замечательном диалектическом факте, что *хозяйство есть в то же время и антихозяйство*, мало что всегда *не то* хозяйство, а, скажем так – *иное*, так ещё и попросту антихозяйство с текущими за ним антижизнью, антибытием, нежизнью, смертью.

Круто, не правда ли, явно круто, а ещё круче выглядит следующее открытие, оно же и заключеньице: *хозяйства без антихозяйства не то, что нет, но и быть не может, иначе ни жизни тебе, ни бытия, ни экзистенции, а лишь один, знаешь ли, погост, никому и не нужный!*

Что ж, можно теперь приступить, не углубляясь в детали вроде войн, революций, репрессий, мошенничества, рабства,

коварства, обмана, лжи, потерь, жертв, бедствий, всего того, что сопровождает... э-э... нет, не сопровождает, во всяком случае не только сопровождает, а попросту составляет хозяйство, жизнь, бытие человека, как и самого человека как мирозданческого (не будем говорить – господнего!) существа-феномена, в общем – можно приступать и к объяснению необъяснимого – явления в истории человечества золотого «четвертьвека», посетившего на Земле место, называемое то протоРусью, то Русью, то Россией, с его проторусами, русичами, русскими в сочетании, конечно, с другими людьми и народами, кто так себя не называет, но в сочетании всё-таки центростремительном, когда есть и действует не только *русский хозяйственный мир*, но и *русский хозяйствующий центр*.

Рось

Что это ещё за *Рось* такая? Да, одно из исторических прозваний Руси и населявших Русь людей, но на данный момент вполне подходящее имя не к стране, не к народу, не к главенствующей элите, вообще не к пространству и, так сказать, не к материалу, а к... *идее*, да-да, именно так – к ИДЕЕ!, которая вроде бы русская, но при этом вроде бы и нет... нет, конечно, не нерусская, а как бы нейтральная. Но не потому, что ей не хочется русской называться, чтоб ненароком кого-то этим не задеть, особливо, из русских же русофобов, а потому всего лишь, что идея-то эта, хоть и заманчивая, но и очень уклончивая, ясно никак не выраженная, даже и убегающая, неуловимая какая-то, прячущаяся, в общем – *потаённая*: до сих пор о ней толкуют, но при этом и в упор её не видя, пристально не рассматривая, никак толком и не формулируя.

Тайна!

Да уж, что тайна, то тайна: не поймёшь эту Русь-Россию, эту Рось, не поймёшь и этих русских: что за страна, которая и не страна вовсе, что за люди, которые очень не такие, как все вокруг люди, что за идея такая, которой вовсе и нет? – в общем – нет, не *это* всё это, не *то*, а так – *дыра*!

Но что интересно: и в самом деле дыра, да вот зато какая, где и куда!

И не в одном только гнозисе зияет дыра, хоть в европейском, хоть в азиатском, хоть евразийском, хоть даже и вроде бы русском, что более или менее понятно – не берётся гнозису такой странный

онтос, но и в самом онтосе, причём в мировом, тоже ведь дыра, ибо не стандартен он, особен, не таков, как везде, отчего и неизвестен, во всяком случае явно он *ин* (от иного), или *иноен*, а не просто *инаков*, и гнозис тут незнаем, а ежели и есть он, то тоже явно *ин,* или *иноен*. *Иная* она – Рось! Не просто другая, а совсем иная, от *иного мира* – *неотмирная* она!, а потому и рассматривать её надо иначе – как не от мира сего феномен: что как идею, что как страну, что как народ, что как мир.

Все люди и народы, всё человечество, вообще-то, не от мира сего, но все, или почти все, приспособились к *этому миру*, его под себя и приспосабливая, бытуют в нём как его более или менее органичные принадлежности, пусть и по-разному бытуют: кто в верхах, кто в низах, кто в господах, кто в рабах, кто впереди, кто следом, только вот русские выбиваются из ряда, хоть и вынуждены приспосабливаться и приспосабливать, как другие, да вот явно не к своему, а к чуждому им миру – и чуждому не из-за пренебрежения к нему, а из-за бессознательного хранения памяти об ином мире, откуда они и вышли.

Здесь, конечно, драма – драма от инстинктно, хотя и на словах тоже – в тех же сказках и сказаниях, не забываемого происхождения, точнее бы сказать – незабываемой принадлежности, но в то же время и драма ожидания не то чтобы возвращения туда – в исходный родной мир, а скорее, вхождения в какой-то новый, уже и *иной* мир, но так или иначе корреспондентный родному.

Отсюда все особенности и роковые проявления русского сознания, характера, поведения, ума, безумия, бессознания, воображения, прозрений, затмений, подъёмов, спадов, рывков, срывов, отчаяния, героизма, жертвенности, равнодушия, безразличия, мерзости, доброты, злости, расположения, ненависти.

Исконно русский человек частенько как бы не в себе, хотя бывает подолгу и в себе, он не то что всем недоволен и не может как следует обустроиться в этом мире, он к несчастью своему, не дорожа жизнью и презирая смерть, понимает, что это не его задача, не его цель, что здесь, в этом мире, всего лишь суета сует, – и лишь в моменты испытаний, риска, опасности, нужды, необходимости, остроты он проявляет себя как... а вот как?.. наверное, как... э-э... *ино-человек*, или человек *неотсюда*, или человек *ниоткуда*, в общем – как человек *оттуда* – из ***иномирья***!

Обратите внимание, господа, не только на росо-русско-российские бытийно-исторические события, состоящие не только из побед, но и поражений, не только на русских героев, включая и отрицательных, но и на русские сказки, былины, на тексты того же Аввакума, на слово Пушкина, Блока, Есенина, на писания Л. Толстого, Достоевского, М. Булгакова, на музыку Глинки, Чайковского, Мусоргского, Рахманинова, на пение Шаляпина, на живопись передвижников и мирискусников, на балет Петипа, Дягилева и Григоровича, на танец Улановой и Васильева, на русскую софийную философию, на ту же философию хозяйства в конце концов, и вы увидите, что такое эта самая Рось, как раз та самая, которую кроме как через обращение к Иному, к Иномирью, к Великой Неизвестности, даже и к Бездне с её Хаосом, не почувствовать и не понять, хотя бы на миг и на йоту, ибо неуловима она по сути и несхватываема по смыслу никакими нарочитыми логиками, ясновидениями и магическими заклинаниями, – таинственна она, будучи вполне и по-божески апокалиптичной, эта самая Рось!

Россия, как и всё в этом мире, во всяком случае земно-природном – не отсюда вовсе, а оттуда – из запределья, из иномирья, из неизвестности, однако Россия по какому-то то ли случаю, то ли чьему-то изволению, то ли по необходимости, то ли по своей собственной «прихоти», не то что не порвала связи с запредельем, с иномирьем, с сакральной неизвестностью, а осталась с ними, пусть и бессознательно, в неизъяснимом просто так родстве, вовсе и не приносящем ей не то что радости и покоя, но даже и сносного (не слишком адовского) существования, хотя и даёт ей, возможно, не просто быть, а загадочно быть, да ещё и кое-чему – правда, слишком уж жертвенно! – служить: вовсе не себе, не своему, не родному, а служа, жертвовать не так даже собой, как своими людьми – русскими людьми, да не только в схватках и в «партнёрстве» с внешним людом, но и во внутренних дружбах и «прях», вовсе не таких уж простых, ладных и не беспощадных.

Дыра, так уж дыра – великая это прорва: что от чужих и ради них, что от себя и для своих!

Факт!

Тяжкий факт, и ни с помощью логики, ни ясновидения, ни трансового бреда сей факт не объяснить, как не объяснить, к примеру, феноменов Древнего Египта и Римской империи,

явления Иисуса Христа, как и тех же Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Суворова и Ушакова, да и Карла Великого, и Бонапарта, Ленина и Сталина, да и того же бесноватого фюрера с его СС и Третьим Рейхом.

Не надо пытаться объяснить Россию, Русь, Рось, надо просто её принимать, ценя её не так за то, что в ней было и есть, как за то, чего в ней как бы не было и нет, точнее, что было и есть, но *как бы* было и *как бы* есть, как её... *тайна*, которая, собственно, и есть идея Роси, Руси, России (она же и *русская идея*), разумеется, тайна до срока, который, видно, ещё не настал, и неизвестно, когда настанет, хотя, быть может, и скоро... да-да, ведь всякому внезапному сроку как раз вскорости и быть.

А пока Роси нашей в нашей же России как бы и нет, точнее, она – Рось – есть, но либо в загоне и чуть ли не в каторге, либо в засаде, чуть ли не в шифровой (от шифра): страшная, хоть и при этом великая, особенность России как неотмирного феномена состоит в постоянном – с некоторого, видимо, времени – присутствии и, скажем откровенно, предательски вожделенной активности в ней не чего-нибудь негативного, скверного и подлого, чего везде хватает, а чуть ли не благостной по виду *анти-России*, даже не просто *не*-России, что в общем-то понятно, а именно *анти-России* (*анти-не-России*), не только не дающей быть России Россией, но и провоцирующей (осознанно или нет) отрицание России как России (независимо от понимания ею России как России), да ладно бы анти-России «извнешнего» происхождения – захватнической, обманной, коварной, хотя и добровольно иной раз признаваемой, охотно и принимаемой, даже прочно внедряющейся в Россию, а то ведь анти-России внутренней, своей (не обязательно ненавистнической, а просто ничего «своего» не принимающей, охотно его отрицающей, от него бегущей).

Если уж попытаться объяснить сей прискорбный факт, то только извечной борьбой *этого мира*, в котором вынужденно бытует реальная Россия, с *миром иным*, с которым навечно связана исходная, изначальная, корневая русская глубинка, генетически скрытая и навеки прикрытая, с чем Россия никак не порывает и, судя по всему, порывать не собирается.

Затяжной, многовековой, если не многотысячелетний тут *конфликт* – КОНФЛИКТ!, он же и изнурительная *война* – ВОЙНА! (заметим, никакая не гражданская в привычном

понимании, хоть и впадает иной раз в «гражданку», да ещё какую!), а война экзистенциальная, трансисторическая и трансцендентная, вполне и священная – *война миров*, да-да, именно так: ВОЙНА МИРОВ!

История как история

Вот и ИСТОРИЯ! Думай о ней и пиши, как хочешь: от истоковой ломоносовской и сказочной пушкинской, через правдоподобную карамзинскую и полуложную университетскую до лживой нынешней. А есть ли она вообще – эта так называемая *историческая правда* – ПРАВДА?!

А какая вообще *правда* известна человеку, кроме разве того, что сам он – человек – весьма негодная тварь?

Человек как особь, индивид, лицо, личность, физиономия, «морда лица», сам себя-то толком не знает, а что говорить о чём-то, пардон, воистину *историческом*?

Да, мифы, легенды, сказки, выдумки, враньё, ну и кое-какие факты, да вот что в них – в фактах-то, пусть вроде бы и достоверных?

История как наука базируется на фактах и правильно делает, да вот факты что-то не очень базируют на себе писаную историю – тоже ведь факт!

Любой факт, во-первых, как правило... э-э... полу- или недо-факт; во-вторых, фактически выглядит разным как раз по факту; в-третьих, очень по-разному интерпретируется; в четвёртых, остаётся неизвестным, не вполне известным, хотя и явно вроде бы был, есть и вообще должен был бы статься; в-пятых, сколько вообще бытует ложных, фейковых, выдуманных, «желательных», маскировочных «фактов», причём по факту вполне себе иной раз и чуть ли не «фактических»; в-шестых, сколько же бытует (именно бытует!) в реальности всяких «белых, серых и чёрных пятен», а то и попросту вообще ничего не говорящих, либо вообще закрывающих всякое о чём-либо говорение!

Вот тебе и ИСТОРИЯ!

История, конечно, да вот какая?

Ладно, факты фактами, а что же за, под или над ними, что на самом деле творится, почему, зачем, с какой конечной целью? Кто или что ответит на эти вопросы, уж не грядущий ли

«искусственный разум», уже и не человеческий, а вроде бы как технотронный?!

История – сначала, в основе и даже немало в течении своём, во-первых, почти что сплошная неизвестность, во-вторых, иность, в-третьих, хаосность, а потому история и в самом деле исток, исть (есть), истина, однако сама себе исток, исть (есть), истина, отчего она и как раз *за семью,* а вовсе не за одной, двумя и даже не тремя печатями – *за семью*! И ежели влезть в историю, то только одним способом – не так вскрывая сии печати, как обходя их, т. е. сугубо проникновенчески, хоть и ориентируясь на кое-какие факты, но ими не довольствуясь, не избегая тех же мифов, даже ими осмотрительно пользуясь, а главное – всматриваясь незримым оком в реальность, в себя, в нас, ибо там-то, как и тут-то, всё и сидит, и таится, и хитро́ посмеивается, именно там и тут, а не где-то среди архивно-библиотечных завалов, ибо там более архивных крыс и книжных мышей, чем исторической правды.

Откуда же она возьмётся, эта самая правда, ежели от неё отважно бегут, ещё и побойчее, чем от лесного огня или горного селя?

По жизни и бегут, прямо по (или в) истории, через экзистенцию бегут, ибо коли не бежать, то и не жить как следует, не стать признанным историком, не сэкзистенциировать.

Каково, а-а?!

Хочешь жить, умей вертеться... отворачиваясь старательно от горестной правды и столь же старательно вворачиваясь в услужливую ложь, а факты, видите ли, архивы, первоисточники – это более всего для дураков, которыми хоть и не пруд пруди, но которые таки всегда тут как тут!

Бытие-история в главном творится *не здесь*, оно творится в главном *там*, а здесь оно только происходит, хотя вроде бы тоже творится – умами, руками, ногами, знанием, сознанием, воображением, безумием суетящихся по бытию-истории человеков.

Да, и здесь тоже творится бытие-история, но *не в главном*, ибо главное, как ни крути своей умной башкой, творится всё-таки *не здесь*, а *там* – в Ином, в Неизвестном, в Преисподней, на Небесах, в общем везде, кроме этого *здесь*, что как раз и делает бытие – Бытием, историю – Историей, да и хозяйство – Хозяйством, не говоря уже о человеке с его сознанием и бессознанием: какое-такое сознание с бессознанием при полной-то всего и вся неизвестности,

тогда это уже не сознание, а сам Бог, да и Богу не нужна полная обо всём известность, ибо ему нужна живая Жизнь, а не застарелый, замшелый и высохший, но зато более или менее правильный погост.

Жизнь Ему нужна, с её движухой, акционностью, импровизацией, творчеством, событиями, приключениями, переживаниями, победами, потерями, недугами, жертвами, смертями, причём с немалой долей чего-то небывалого, невероятного, невозможного, внезапного, выворотного, переворотного, сокрушительного, созидательного, а главное – *неизвестного*!

Известность Богу не нужна, она Ему не интересна, да и вообще, она не к сакральному двору!

Какое такое хозяйство Бога, коли Ему всё известно, хотя, быть может, и не вполне неизвестно: хозяйство вообще-то только тогда хозяйство, когда оно одновременно известно и неизвестно, когда знаешь и не знаешь, когда многое видишь и зряче идёшь, но и когда ничего не видишь и прёшь вперёд вслепую!

Ежели всё вокруг не так, как мы говорим, то тогда зачем... э-э... София, которая Премудрость Божия, и которая не то, что вся целиком замысел Божий, Его проект, а которая, уж извините, сама кое-что сто́ит, будучи одновременно тварной и божественной, но при это ещё и... Sic!.. *творящей*!

Творение, как раз, то самое, которое ТВОРЕНИЕ!, вовсе не закончено, и София тут вовсе не сторонний наблюдатель: она там – у Бога, но она и здесь – с человеком – там, у Бога, хозяйствующего, и здесь – с человеком хозяйствующим, а следственно у Бога творящего и с человеком творящим, а вот творящим софийно, по-Божески или нет – вопрос!, как раз разрешаемый, да и то не вполне, философией хозяйства, оснащённой не чем-нибудь, а софиасофией – СОФИАСОФИЕЙ!, открывшейся философии хозяйства сначала как софийность или софиология, а затем, уже в XXI в. – как софи***а***софия, и ей – философии хозяйства – споспешествующей, что не значит, что точно так же споспешествующей и нынешней – вновь насильно вестернизируемой, круто искажаемой и оттого удручённой – России!

Мы внезапно, как бы и до срока – так сказать, вне очереди – буквально выскочили на ***Софию***, а вместе с тем и на ***софиа-софию***, то бишь на гетерогенную, но при этом и единую, сакральную мудрость – ***бого***-*человеческую*, когда высшая божественная

первомудрость – ***София Премудрость Божия*** – не просто предшествует мудрости человеческой, её оплодотворяя, но и свободно *пред*определяет!

О значении выхода на Софию и обретения софиасофии мы ещё ниже поговорим, а сейчас лишь отметим для ясности, что София, которая вроде небесно-космического облака, насыщенного не просто закрытой первомудростью, а первомудростью вовсе не такой уж и благостной, а... как бы получше выразиться... не то что неоднозначной, а очень даже ***р**а**з**ной*, если не ***р**о**з**ной*, к которой и должно быть у мудрствующего человека не то чтобы осторожное, но явно остерегательное отношение, – София вовсе не мелодраматична, она строга, колюча, боевита, а при случае и беспощадна!

То ли облако это, то ли туча, то ли сплошная блажь – кто ж это знает?

Страх Божий – это-то уж да-а!

София не правит, не командует, не руководит ни человеком, ни человечеством, ни миром человеческим, хотя, как было выше сказано, и споспешествует, да вот как?

Прежде всего через самого человека, но не всякого, а способного (предназначенного) вступить с Софией в сакральную связь, ежели, конечно, София сочтёт возможным и нужным на сию интенцию позитивно ответить (почти как женщина, хотя София, вопреки С. Булгакову, – никакая не женскость, а мысль Божия, обращённая к миру человеческому – *Мысль*!).

Принять Софию как мысль Божию в её значении первомудрости и в роли пособительницы Божией можно, лишь учтя то обстоятельство, что Бог и человеку дал способность мыслить и мысль иметь, и мудрость иметь, поместив между Собой с Софией и человеком не что-нибудь, а... *Свободу*!

Однако человек, будучи существом мирозданческим, природным, животным, материальным, физисным, вовсе не свободен, отчего мысль-то его, может, и свободна от софийной мысли, даже и от Божией, но никак не свободна – как и у Бога с Софией – от самой себя.

Как ни верти, а нужен мысли человеческой не просто внешний, а и высший ориентир, да не простой, не свой, не просто человеком помысленный, а идущий оттуда, от Бога, от Софии, и служит такой ориентации как раз *софиасофия*, преодолевающая ограниченность любой заученной мифологии, включая и научную,

философскую и богословскую, вообще любую человеческую, пусть по-своему и полезную, заумь.

Как? Это, конечно, особое дело, почти что и невозможное, но тем не менее... вершащееся... путём свободного обращения к Софии Премудрости Божией, но непременно сквозь осознанное Незнание и сознательно признаваемую Великую Неизвестность в творческом единении с Иным – ***софиасофически***!

Не очень-то понятная для образованного, оснащённого разнообразным и чуть ли не бесспорным гуманитарным, естественнонаучным и технологическим знанием человека вскрышно-познавательная операция: реальность – на то и реальность, чтобы её видеть, исследовать, изучать, фиксировать, трактовать, объяснять, моделировать, преобразовывать, пересотворять.

Всё верно, только вот почему-то видим, делаем, трактуем, преобразуем что-то *одно*, а выходит в итоге в той же гуманитарной сфере всегда, почти всегда или уж по преимуществу что-то... *другое*, ещё не очень-то известное, как-то не слишком понятное, мало того – убийственное, что говорит за то, что реальность гуманитарная, не то что неопределённая, скользкая и вязкая, но ещё и... *своевольная*, причём своевольна она не просто как текущая реальность, а как реальность хоть и текущая, да вот *не эта* и *не та*, а... *иная*, отчего и своевольна она как-то *по-иному – не по-реальному*, мало что *по-своему*, так ещё и *не по-своему* тоже, благодаря действию каких-то *нереальных* сил – скрытых, неизвестных, трансцендентных.

Разумеется, многое видится, замечается, трактуется в гуманитарной жизни вполне себе, так сказать, понятливо (с пониманием) и особых вопросов перед человеком не ставит. Верно, но верно и то, что многое остаётся в зоне непонимания, да ладно бы из чего-то неважнецкого, а то ведь как раз из самого что ни на есть важного, как и, само собой, смертоносного!

Помимо самого человека реальность человеческую решает... *сама реальность* – факт! – кто будет отрицать объективный ход реальности, хотя не каждый признает, что реальность не просто объективно движется, а вполне себе и для себя... э-э... *субъективно*... э-э... *решает*, мало того, хотя никто не будет отрицать случайностей, странных и не странных схождений, разных обстоятельств, влияния непредвиденного и непредсказуемого, но мало кто согласится с тем, что не только реальность способна решать за себя

помимо и мимо человека, но и... э-э... *нереальность*, а то и *ничто*, полная, так сказать, *трансцендентность*.

Вот и выходит, что в реальности вовсе не только сидит всякое другое, но и бытует вовсе уже не всякое, Иное, а сама реальность зиждется на Великой Неизвестности, и все они вместе дружат... э-э... против Бездны, никак от неё не избавляясь, а насколько в реальность вмешивается Господь Бог Творец со своей Софией, так это ж известно только Господу Богу, да и то, судя по всему, не всё!

Реальность – не просто что-то имеющееся, это ещё и очаг имеющегося, его постоянное *производство*, то бишь и *хозяйство* – вот что такое реальность – хозяйство, самохозяйство, чьё-то хозяйство, а вот насколько снизу – из преисподненского низа, и сверху – из-за небесного зазеркалья, – кто из смертных знает, да и надо ли вообще что-либо этакое смертным знать?!

Нет, не надо: человек живёт иллюзиями, мифами, сказками, ложью, враньём, но, повторяем который раз, никак не правдой, с которой не то что не проживёшь, а просто и жить-то не захочешь!

Однако без кое-какой правды тоже нельзя: ни Аввакуму с Ломоносовым, ни Пушкину с Лермонтовым, ни Гоголю с Салтыковым-Щедриным, ни Льву Толстому с Достоевским, ни Блоку с Мережковским, ни Есенину с Цветаевой, ни Бунину с С. Булгаковым, ни М. Булгакову с Шолоховым.

Это ежели гутарить всего лишь о творцах русского слова, которым, правда, более всех от правды и доставалось. Короче: *с правдой невозможно, но и без правды нельзя!*

Зачем мы об этом, ежели в донкихотствующие правдолюбцы не записывались?

Всего лишь... *для себя*, ибо не то что во всё, что «более *себя*», не очень-то верим, но даже и себе с о-очень большим оговором доверяем!

Реалии

Да-да, именно так: *реалии*, то бишь реалии *самой реальности*, как раз такой, какой она сама в реальности и есть, – мало что здесь вопрос, но ведь и интереснейший вопрос: одно дело, что мы видим, глядя на реальность, что мы о ней думаем и что о ней говорим, совсем другое, какая же она... э-э... *в реальности*, ежели исходно она нам совершенно не известна, а известна уже лишь

в нашем о ней известии, что означает, что хотя мы и накладываем на исходное незнание своё знание, это исходное незнание никуда не девается: тайна остаётся тайной, пусть вроде бы и приоткрытой, раз уж человек деловито оперирует реальностью, да ещё и в своих интересах, но всё-таки всего лишь «вроде бы» и всего лишь «приоткрытой», и много чего из тайного так и остаётся тайным в этой самой что ни на есть *реальной реальности*!

Земно-космо-природно-неприродный мир человеческий разнообразен, причём не так уж, судя по всему, и случайно он разнообразен, ещё и причудливо, весьма, знаете ли, причудливо: не сводимые друг к другу не только физически, но и сознаниево (психически, поведенчески, истово) два пола – мужской и женский, но и столь же не сводимые к чему-то одному расы, этносы, народы, культуры, цивилизации, целые в общем-то миры, да ладно что разные и не сводимые, но настолько разные и не сводимые, что вполне допустимо говорить не о едином человечестве, а о многих человечеств-*ах*, что как раз и восходит к Тайне, Неизвестности, Незнанию, а разве просто люди – люди как особи, индивиды, личности – сводимы к некоему *вообще человеку* – что к мужчине, что к женщине?, –мало что не сводимы, так ведь ещё и *так* друг от друга отличны – что внешне, что внутренне, что впору говорить о каких-то иноми́ровых (пусть пока и не инопланетных) по происхождению людях, даже от одних и тех же родителей, ещё почему-то и всякую нечеловеческую живность напоминающие – что внешне, что изнутри, в общем – разнообразие не просто есть, оно безгранично, а главное – неодолимо!

И что же из всего этого? А вот как раз то самое: не только р*а*зность в человечестве, среди людей и их групповых образований, но и р*о*зность, да ладно бы обыденно-незлобивая розность, а то ведь резкая, деятельная, крикливая, боевитая, но это не всё, совсем не всё: ещё и разноуровневая, иерархическая, с делением на высших и низших, на сильных и слабых, главенствующих и подчинённых, властвующих и подвластных, господствующих и рабствующих... э-э... что разве не так, не так было, есть и, надо полагать, будет? – и никакая идеократия ничего этого изменить не может, поскольку всё это оттуда – из Начала, из Бездны, из Преисподней, от Неизвестности, от Незнаемого, от Иного в конце концов, от *тех*, а *не этих* реалий, от *другой* реальности, да и вообще не от реальности, а от *пред*-реальности, которая есть,

работает, делает своё то ли светлое, то ли, наоборот, тёмное, дело пока есть *то*, что мы называем человеком и человечеством, а точнее – *человеками* и *человечествами*!

А всё почему? Да всего лишь потому, что ничего *такого* – то бишь человеческого – без всего *этого* – то бишь вышесказанного – вообще быть не может!

Вот уж где закон так закон, как раз из горячо любимых из-за своей неотразимой законности онаученным безрассудством: есть он и всё тут, и никто и ничто сей закон, даже сам Господь Бог, отменить не может!

Не только Запад с Востоком, как у Киплинга, никогда не сольются воедино, даже в Японии, Сингапуре или том же Гонконге, но и вообще ничто и никто на Земле, в Космосе, в Мироздании не сойдётся более вместе, чем то, что уже есть, разумеется, без эсхатологической самоликвидации и насильно-добровольном размещении на общем погосте!

Вот такой у нас получается Екклесиаст, настолько не такой, что и сам мудрый Соломон вынужденно или по доброй воле тут отдыхает!

Творение невозможно без разнообразия, без разделений и обособлений, без противостояний и противоборств всего разделённого, но и без принудительного (слышите – принудительного!) соединения во что-то приемлемо единое, – так что приходится всё это гадкое-де признавать (а с этим признанием и кое-что другое, тоже, may be, гадкое, как раз ***иные реалии***, восходящие к разделению, самоуправству, насилию, то бишь к первичному и дружественному Бездне, вполне себе по-своему и творческому *Хаосу*, который природе и человеку надо не только насильственно преодолевать, но и дружить, образовывая с его участием разные и розные воспроизводящиеся *порядки* (*системы*, как любят обычно говорить всех родов образованные умники, – и правильно это делают, и справедливо сие любят!), пусть и не вечные порядки, но... *ми́ровые*, *бытийные*, *жизненные,* причём, заметим, не один *Большой Порядок*, а именно *порядки* – ПОРЯДКИ!, – ибо только так, в разнообразии порядков (физисных, материальных, вещественных, но и метафизисных, идеальных, спиритуальных, при этом как видимых, чувствуемых, доступных сознанию с его творческими умами, руками и даже ногами, так и для сознания не видимых, не чувствуемых, не доступных, хотя и неплохо иной

раз им воображаемых), но так же, господа хорошие, как в их – этих порядков – меж собой гармонии, так и дисгармонии тоже, как в сосуществовании, так и во взаимном противлении, причём частенько не на жизнь, а на смерть (одно пожирает другое, а всё вместе пожирается всем сразу – чтобы снова возникать из Хаоса и из Иного либо надёжно прежним, если удастся, либо ненадёжно изменённым, тоже если удастся). Обратим внимание: всё наличествующее упорядоченное оттуда – из *Хаоса* и из *Иного*, когда Хаос – условие, среда, возможность, а Иное... – э-э... *аттрактор* (идея, замысел, имя), однако не солитэр (один-одинёшенек), а целый созидательно-разрушительный... э-э... *институт*, учитывающий всё и вся (сверху, с боков и снизу) и выдающий на реальные гора эту самую текущую вокруг явленную реальность, не забывая оставлять за собой реальность скрытую, неявленную.

Хороша картинка, не правда ли?

Разделённость, борьба, рождение, жизнь и смерть, перемены – *ход*!

Ход реальности, однако не просто непрерывно движущейся, но и возникающей, становящейся, бытующей, исчезающей: ход с выходом, с ходом, со сходом и со входом – как раз туда, откуда и выход, то бишь обратно.

Из Хаоса в Хаос через Иное – сначала созидательное, потом удерживающее, затем отвергающее, а на непреложный худой конец – разрушающее.

Надо ли приводить примеры?!

Нет, конечно, не надо, хотя надо бы пояснить это беспримерное и весьма беспардонное (что хочет, то и делает!) *Иное*: что (или кто), откуда, почему, зачем?

А что, разве можно что-либо принять из вокруг происходящего гуманитарного без учёта той же Неизвестности (так уж ли всё известно и ясно?), но при этом ещё и чего-то... э-э... *творческого*, вовсе и не всегда проходящего через сознание, совсем, кстати, и не чуждого, пардон, Неизвестности и Хаосу, а совсем даже наоборот, им вполне себе корреспондентного?!

Да-а, никуда не деться от этих негодных Неизвестности, Хаоса, Бездны, Преисподней, того же замечательного Иного – *никуда*! – да мало что имеющихся, так ещё и, видите ли, управляющих, да не чем-то там – далёким и не нашим, а как раз близким, здешним, нашим, мало того – ещё и нами, нашим великолеп-

ным сознанием, нашим бытием, жизнью, хозяйством, историей, всей нашей экзистенцией, правда, не на все 100%, но уж что весьма, то уж весьма, а главное – *в главном*! – в главном-то и управляет, ничего об этом управлении не говоря – скрытно, тайно и – о-о, ужас! – *конспиративно*!

А что, разве по-другому тут возможно? Где это вы видели, господа, даже среди людей вовсю открытое управление, а уж тут (или там!) чего это ради всё это открыто, коли сама реальность как реальность на тяжеленный процент от человека закрыта, а будь она открыта, так не было бы и человека со всем своим расчудесным сознанием, на немалый, кстати, процент и бессознательным (невиданное это дело: *бессознательность сознания*, да не у умалишённых, а как раз у самых что ни на есть великих умников типа Аристотеля, Диогена, Македонского, Цезаря с Клеопатрой, тех же Вольтера. Руссо, Гегеля, Маркса или Ленина со Сталиным, не говоря о Черчилле или бесноватом фюрере, о тех же вполне себе респектабельных позднекоммунистических полувождях-полуневеждах, уже и недокоммунистических (о нынешних фигурантах ума и безумия мы уж благоразумно умолчим – что о тех, что об этих).

Течёт себе гуманитарная реальность, да не как степенная и вкрадчивая матушка Волга, а вовсю волнуясь, вертясь, вздрагивая, вибрируя, возбуждаясь, впадая в обмороки, если не в кому, воюя отчаянно сама с собой, взрываясь, восставая, выворачиваясь, вымирая, воскрешая, в общем – беспокойно, неопределённо, коряво, разгульно, разрывно, рисково, дрянно́, страшно, но... течёт себе и течёт, ища чего-то, много чего и находя, теряясь в потёмках и немало теряя, а в единении с нею течёт и другая реальность, как раз та самая – *иная*, не преминуя делать из нашей родной реальности какую-то другую реальность, как раз *иную*, чего человек разумный либо вообще не замечает, либо почти не замечает, либо это осознанно – по-учёному – игнорирует.

Иное, о котором тут речь, не какое-то там потустороннее иномирье, которое, может, и есть, даже и как-то влияет на нашу реальность, хотя бы в виде всяких безумных с точки зрения здравого смысла проектов и деяний (в этом ракурсе действительно иномирных), нет, это Иное, о котором речь, прямо в этом мире и торчит, умело от него прячась, оно его принадлежность, хотя... чёрт его знает!.. наверное, всё-таки и *там* оно, и *здесь*, но для нашего сказания важно именно здешнее Иное, нашенское, зе́мное,

ибо нам важно понять, а не только обозреть, именно наш мир с его текущим бытием, исполняющимся не чем иным, как... *хозяйством*, происходящей (и проходящей) *историей*, свершающейся *экзистенцией*.

Глядя на мир человеческий, его трактуя и даже судя, человек валит всё хорошее и всё плохое то на невидимые силы в виде духов, каких-то невидимых существ, богов, то на высшую силу в образе единого Бога, пусть и триипостастного, то на природу и земно-космические (физисные, конечно) обстоятельства, то на самого человека, то на низшие (вредные для человека) силы, – и правильно в общем-то делает, – что ещё остаётся?! – однако не стремясь ко вроде бы лучшему для себя, даже и вполне себе хорошему миру, человек, чувствуя уже не умом своим, а уж, извините, задницей (а она ведь тоже, что называется, себе на уме!), что мир человеческий, меняясь внешне и физически, не станет принципиально другим внутренне и метафизически, ибо изменить его не в силах человеческих, а боги... что боги?.. у них свои насчёт человека намерения – оставлять человека человеком, то бишь на свободе, в переделочном умении и в исходном неведении, и... наблюдать, как он бытует, хозяйствует, творит, вылезает из кожи, построяя для жизни своей вроде бы не слишком ему нужные, но якобы потребные для высших сил пирамиды, башни, дворцы, храмы, высотки, быстренько превращая их в домы пребывания взявших на себя образ и миссию богов так называемых элит, уразумев, что в самих сооружениях не так боги, как сами элиты более всего и нуждаются, а потом, когда элиты сообразили, что и это не решает злостной человеческой дилеммы – быть сразу всепожирающим физживотным и осознаниенным метафизсуществом, человек, ведомый прозревшими-де элитами, попёр на *пересотворение мира и самого себя в нём*, то бишь уже не на контакт с иным миром, а на его прямо на Земле построение (вот откуда взялись не только масоны-каменщики-храмовники, но и масоны-демиурги-мироустроители).

Однако нас пока интересует не построяемое человеком Иное – как *мир иной*, вполне возможно, что и *пост*-человеческий, а то Иное, которое реализуется в мире человеческом независимо от намерений и деяний человека, в том числе и деумиргических.

СКАЗОЧНОЕ ИНОЕ

Намётом

«Сотня, увеличивая рысь, перешла в намёт» (Шолохов). Вот и мы, заходя в атаку на реальность с целью отыскать и обосновать бытующее в ней Иное, переходим, аки шолоховские донские казаки в отчаянном конном бою, в намёт, в общем – идём намётом, хоть пока и не казачьей лавой, что ещё у нас впереди.

Что же, попытаемся прорваться, как истые георгиевские кавалеры, сквозь тёмную реальность, а вдруг и вырвемся на свет, на простор, да и увидим вдруг, каково же оно – это самое Иное?!

Начнём издалека, да вот волнующего нас далека, имеющего к нам и сейчас большое, если не решающее, значение.

Вперёд!

Да-а, был, кажется, в римско-имперской Иудее во времена правления ею Понтия Пилата некий Иисус из Назарета – бродячий проповедник, идейно-духовный учитель, чуть ли не называвший себя царём иудейским, попавший под суд Синедриона и, битый батогами и исколотый терновым венцом, казнённый под народное одобрение распятым на кресте меж двух тоже на крестах распятых разбойников. Был он или не был, не первый такой и не последний, что-то вещал людям, чему-то их учил, за что-то их осуждал, к чему-то призывал, лечил, даже избавлял от смерти уже вроде бы умерших, может, и другие чудеса совершал, хотя бы превратив однажды воду в вино, не стеснялся признавать себя Сыном Божиим, то бишь Его на Землю посланником – Христом!

Что ж, всё это, возможно, так и было, почему нет? Но вот никакой новой религии в тот момент там не было, во всяком случае от Христа исходившей, как и церкви никакой по случаю новой религии не было. Всё это возникло позже, как будто даже по Его – Христа – велению, возникло с участием прозревших после воскресения и преображения учителя его учеников, ставших по завету Христа апостолами, хотя текстуально, концептуально и уж тем более институционально всё это религийное достояние образовалось значительно позже, даже после благословенного бытия первоапостольского.

Нас интересует не то, как конкретно-исторически возникла новая религия (новая сакрализованная идеология), как раз христианская, а то, что она возникла в определённое время и именно в римской провинции Иудее, где уже была и доминировала своя – иудейская – религия, где так или иначе давала о себе знать и римская имперская (античная) религия, где вовсе не просто там сначала явился и проповедовал до Христа тот же Иоанн Предтеча (слышите – *предтеча*!), крестивший иорданской водой самого Иисуса из Назарета, будущего Христа, – но это не всё: новая религия, не говоря о церкви, появилась заметно позже событий, связанных с будто бы её основателем – Иисусом Христом, т. е. она появилась как бы *сама* – вопреки существовавшим религиям, ибо, надо полагать, в новой идеологии была сначала неосознававшаяся, а потом и всё более осознанная потребность, исходившая не так от самого Иисуса Христа, как, уж извините... *ниоткуда,* хотя в создании её самой и потребной ей церкви приняли участие многие вполне достоверные исторические лица.

Что же из всего этого? А то, что всё это происходило тогда – как и что-то подобное происходило в иные времена, даже происходит и сейчас – более *само собой*, неизвестно *почему*, незнаемо до конца *зачем* и даже не слишком понятно *как*, хотя вроде бы по человечьему желанию, разумению, велению и действию, но и с учётом всего этого человечьего тоже ведь не очень-то бывает ясно, отчего вдруг что-то когда-то случилось и ныне вдруг случается.

Перестаёт вдруг почему-то эффективно работать какая-нибудь бытующая, вполне себе и сносная, идеология, разумеется, ловко придуманная, а во многом и надуманная (опять же почему, зачем, да и кем создаваемая и вводимая в действие?), и возникает, опять же вдруг, потребность в новой идеологии (в какой?), происходит какое-то осевое событие (почему это ни с того ни с сего?), являются его адепты-герои и негерои, проливается, как правило, кровь, конечно же – жертвенная, а потом, если повезёт, внезапно возникает новая, вроде бы подходящая текущей экзистенции и снующим по ней людям идеология, опровергающая прошлую идеологию, которую людишки истово когда-то проповедовали, а потом почему-то от неё побежали вспять, даже и предавая её, и начинается торжество новой идеологии, неизвестно откуда, почему и зачем взявшейся, если, конечно, не попросту откуда-то заимствованной, да ещё и истово навязанной.

Итак, происходит что-то этакое, происходит и всё тут: эвапоризация, ослабление и крушение одного (часто не без крутых переворотных событий) и нарождение, насыщение, приход и торжество другого, в общем – *смена идеологических парадигм*, а в исходах, основаниях и сутях тут более вопросов, чем ответов – царство неизвестности, но не только – ещё и итог деяний *Иного*!

Чтобы это – наличие и действие – Иного осознать, надо брать, конечно, эпохальный исторический размер, а в нашем наличествующем случае с христианством принять во внимание дохристианское время, переворотное христианское, победное христианское, а затем, увы, сначала, скажем так, турбулентное христианское, а затем и, не побоимся этого слова, апокалиптическое христианское, – и вобрав всё это в свой закосневший от науки и образования ум, подумать ещё разок над весьма глумливыми вопросами: откуда, почему, зачем, ну и с какими итогами?

Да, христианство задумывалось (кем, правда, да и вообще задумывалось ли?) как религия антирабская, антиимперская, отчего и в меру антиримская, как религия человечности, всеобщего братства, всесторонней справедливости, с расчётом даже на преображение человека, его новое – тоже преображённое – утверждение как человека – Богом явленного, Господу подобного, милостью Божией ода́ренного и укрощённого, совестливого, признающего другого как самого себя, к покаянию склонного, греховность свою первопадейную преодолевающего, к любви всех ко всем причастного.

Сия новая для Иудеи и Рима религийная концепция – концепция всеобщей, скажем так, *социальной* (не путать с сугубо межполовой, сексуальной) *любви* была принята изголодавшимися по этой самой безгреховной любви тогдашними человеками, сначала немногими (кучками), потом всё более многими, пока не стала попервах массовой идеологией, а потом и идеологией масс, захватывая не одни униженные низы, но и кое-кого из блистательных верхов и зияющих достатком средневиков, даже и из высших правящих кругов.

Пошло и замещение сразу устаревших и потерявших силу религий на новую, что, естественно, не могло не вызвать сопротивления старого новому, да ладно бы идейного, а то ведь самого что ни на есть зверо-во́йновского – с насилием, пытками, муками, кровью, смертоубийствами, казнями, жертвами, с теми же распятиями на крестах адептов новой – как раз крестоисповедной – идеологии.

Чудо возникновения, утверждения и даже чуть ли не триумфального шествия новой – *христианской*, как стала с некоторых пор она называться – религии вкупе с её институционально-первоцерковной, скажем так, организацией, столкнулось в реальности с вовсе не чудесным, но зато невероятно жестоким гонением, способствовавшим, если не приведшим, однако, не к погашению порыва, а, можно сказать, к новому чуду – окончательному триумфу новой религии, мало что идейному, но так же и институциональному – к формированию открытой – не катакомбной – Церкви с клиром и храмами, а ещё и к овладению новой Церковью всей полнотой власти на территориях Римской империи и не только!

Ничего себе: *мировая христианская революция!*

Вот и выходит: на поверхности, в обыденности, в суете сует – одно, а в глубине, в потаённости, в рабочей тиши – совсем другое!

Думали ли основатели христианства о такого рода итогах их идейных высевов, а-а? И что интересно: думали или не думали, как и, наоборот, не думали или думали, всё одно: явно ведь тут действие чего-то *иного* – ИНОГО! Если думали, то как можно было о таком думать без осознанного или нет обращения к Иному?, а коли не думали, то тогда сам факт выступления Иного под ареной реальности и доказывать не надо!

Вот оно – *Иное*, да и вот оно... *какое*!

Какое же? Ответ один – как раз *иное*!

Тавтология-де, но зато... *какая*!

Но это, господа, не всё ещё, не всё о христианстве, о реальных чудесах, с ним связанных, и о реальном Ином, естественно, тоже.

Продолжим наш казачий прорыв в реальное запределье, а может, и в зазеркалье тоже – кто знает?

Любопытно заметить, что несмотря на жуткую казнь Иисуса (аки разбойника, почитай, революционера и террориста) и жертву Христа (считай, покаянную перед человеком от Господа Бога Отца), а также просветительские деяния, духовные подвиги и очистительные жертвы апостолов, первохристиан, того же Савла, ставшего Павлом, произошло широкое распространение христианства среди народов, и, наконец, выход христианства на высшие властные позиции, ничего в человеке *принципиально* не изменилось – как был человече человече, таковым и остался.

Явление христианских не то что пастырей, а не более не менее как верховных правителей-императоров, образование и дей-

ствие гигантского религийного института – *Христианской Церкви*, подчинение бытия христиан христо-церковным принципам и установкам, практически тотальная христианизация жизни привлечённых к христовой вере, в неё вовлечённых и ею охваченных людей, наличие бесчисленных церквей, храмов, общин, монастырей, братств в составе Христианской Церкви, формирование церковной иерархии с первосвященниками во главе, как и разные иные вещи, моменты, вести, события, в общем, несмотря ни на какие испытания, драмы, подвиги, достижения, уставы, обряды, установления, молитвы и мольбу, требования, угрозы и кары, победы и даже триумфы христианства как религии, как церкви, как миропорядка, человек... о-о... ЧЕЛОВЕК!, хоть и стал идейно-культо-культурно другим – христианским, так сказать – но в исходе, основе, сердцевине своих так и остался... э-э... ***собою***, может, более разнообразным и изысканным по проявлениям, а может, кстати, и нет, даже и наоборот, но... ***собою***, доказывая тем самым вовсе не нажитую, а вполне себе первородную *греховность*, а вот какую, зачем и как – вряд ли стоит здесь особо рассматривать.

Посчитать ли сие самосбережение человека как первородного человека чудом или нет – дело каждого, но сие самосбережение возымело место: никакого христианского по сути преображения – в отличие от Преображения Христа – не произошло, да и было ли оно, вообще говоря, возможным, как и было ли оно реально, а не всего лишь фантазийно, предположенным?

Что ж, двинемся дальше казацким набегом по тылам гуманитарной реальности, глядишь, что-нибудь и заметим, как раз чтобы малость подразобраться в христианской реальности, которой ведь уже аж второе тысячелетие!

Плоды, братцы, каковы плоды?!

По плодам ведь, по плодам!

Да, христианизм не только утвердился и вышел на идейно-духовный верх, став ещё и государственной религией, причём вполне себе имперской, как раз более в Риме, а не в Иудее, что тоже отдавало чудом, но и сам он, огосударствившись, причём имперски, стал – и это при его проповеди людского братства и социальной любви – вполне себе деспотической, карательной и воинствующей силой, ретиво действовавшей без особого разбора что против нехристиан, что против христиан, что против чужих (инородцев), что против своих (соплеменников). Дело дошло, как

известно, до безграничной папской власти и святой (!) инквизиции, не брезговавшей слежкой, цензурой, арестами, пытками, казнями. Когда-то преследовали христиан, хватая их, избивая, умерщвляя, однако пришло время и христианам, пусть более всего церковникам, заняться тем же самым ради, как провозглашали сами церковники, защиты и утверждения не просто христианизма с его церковью, а и само́й Христовой Истины!

Что это сталось с христианством или случилось под его видом, может что-то совсем другое – о́боротное, обороно́тное или привнесённое, разумеется, не человеком, а... обстоятельствами, как же ещё? – да и имел ли какое-либо отношение к вдруг или не вдруг преобразившейся религии (и тем более к Церкви) сам Христос?!

Религия, призванная к преображению человека, не преобразив вроде бы признававшего её человека, была зато ловко и почти незаметно сама преобразована человеком – под себя, да так, что и, знаете ли, мурашки по телу!

Вот вам, господа, и *иное – иное христианство*, хотя и с остатками первозданности, но совсем по качеству, роли и реализации какое-то другое – а за всем этим чудесным превращением скрывается не что иное, как... *Иное*, о котором мы тут упорно и талдычим!

Однако Иное на этом не остановилось – на придании христианству, мягко говоря, нехристианского вида, да если б только вида, а то ведь и сути, – что-о, не так ли? – а пошло Иное дальше, гораздо дальше в перелицевании христианства, уже захватившего Европу и зазарившегося на весь мир, превратившего цивилизацию в христианскую и засобиравшегося по-христиански (не забываем – не по Христу, а лишь «по-христиански») преобразовать весь зе́мный мир – недаром же церковь христианская оказалась наследницей отринутого вроде бы ею римского имперства, однако вполне ею воспринятого, усвоенного и... воспроизведённого, да ещё с каким размахом (крестовые походы, колониальные завоевания, идеократическая экспансия),

Пришёл момент и *Великого Отрицания* наличествовавшего тогда импero-догматического христианства с его главными атрибутивными носителями *Римской Церковью* и *Папской Властью* (о расколе христианства на католическое и ортодоксальное, как и об образовании двух христианских империй – Западной, как раз Римской, и Восточной, как раз Византийской, мы специально тут

не говорим – пока во всяком случае не говорим, как о факте, не имеющем кардинального значения для нашего хода мысли; там тоже было проявление Иного, но нам важнее зацепиться за другое его проявление – как раз за Отрицание, которое мы вовсе не случайно пишем здесь с заглавной буквы; сам же факт образования и наличия двух имперских христианских ареалов не пройдёт мимо нашего внимания).

ОТРИЦАНИЕ! Дождалось христианство и *этого – имманентного себя отрицания*! Не слабо, ничего не скажешь! Мало что победило, утвердилось, ещё и расцвело, да как – *имперски* (о той же незабвенной Священной Римской империи мы тут тоже не говорим, хотя и знаем, что это было, знаем!).

Расцвет и... отрицание! Не первый на Земле религийный расцвет и не последнее на Земле религийное отрицание.

Ах, это Иное! Всё-то ему неймётся: то что-то вымучивает из скабрезной гуманитарной реальности, ничего об этом не говоря человеку, то этому чему-то расцвет даёт, победу, триумф, то вдруг теснит его, коррозирует, ущемляет, ну и убирает с глаз долой, давая дорогу чему-то другому, уже им – Иным – подготовленному, да ладно бы тихо, плавно, мирно, а то ведь и с потрясениями, революциями, жертвами, кровью, смертями, да так вершит всё это, что никто ничего в том историческом масштабе и не понимает, хоть и участвует, и отрицает, и крушит, и убивает, но при этом и что-то созидает, уверенно проектируя и решительно добиваясь задуманного, а потом, если повезёт дожить (единицам), убеждается, что вышло всё не то и не так, не что задумывалось и как-то угадывалось, а совсем другое и по-другому, да ладно бы другое и по-другому, а то ведь и немало мерзкое, отвратное, помойное.

Иное – сила, и сила вполне себе безразличная к морали, убеждениям, потребностям человека и человечества, она не Божеская и не дьявольская, она от Неизвестности, а какие у Неизвестности могут быть правила, уставы, конституции? – разумеется, никаких, как и у Вечности, хотя и у Времени тоже, а человек со своим бытием-историей всего лишь страдающий от собственного бессилия, точнее от собственной неполноценности, однако яростно почему-то желающий сверхъестественной силы и всеобъемлющей земнокосмической, чуть ли не мирозданческой, полноценности... – э-э... чуть было не сказал... герой... впрочем, почему и не герой, брошенный в Ад и из Ада выбирающийся, кувыркаясь – из одного Ада

в другой! – и ежели не выбирающийся оттуда, то уж перебирающий Ады аки чёрно-белые клавиши на вселенском органе – это уж точно!

А всё дело в сознании – СОЗНАНИИ!, человеку зачем-то отпущенном – этом странном достоянии человека, более чем странном его орудии и более чем странном путеводителе – среди вроде бы всего Этого, но почему-то всё более как раз всего Иного!

Рейда казачьей сотни по тайным тылам реальности уже недостаточно, тут требуется что-то похлеще, а потому теперь пойдёт вперёд уже не сотня, а целое казачье войско, и пойдёт, как принято у казаков, лавой!

Лавой

Дело не в том, что христианская религия устарела, а Церковь неважно исполняла свои обязанности, а в том, что и то, и другое стали сильно мешать человеку... э-э... быть человеком, существовать, действовать, творить не по-предложенному, пусть и от имени Христа Бога, а... *по-своему*, следственно, *по-иному*, и возник *конфликт* – между человеком и христианством – сначала такой-сякой, а потом вполне и «жутчатый», как говаривают детишки.

Конфликт разгорелся поначалу в Западном ареале христианства и изобиловал не одними идейно-институциональными интенциями, но и борьбой, насилием, кровью, жертвами, смертью. Теперь христиане пошли войной на христиан, да не так ради наживы, как ради утверждения *новой экзистенции с новой идеологией* – как новохристианской, так и, уж извините, господа, антихристианской тоже, мало того, вообще атеистической.

Происходило всё это мутационное безобразие не в один момент, не сразу – и не сразу повсюду, но таки *происходило*, неся на своих распростёршихся надо всей Западной Европой и немало за её пределами для кого-то тёмных, а для кого-то светлых магических крылах не просто новую идейно-духовную – вроде неохристианской или даже постхристианской – эпоху, а новое, знаете ли, бытие в его фундаментально-экзистенциальном значении как вполне уже ***Новый мир***, правда, о чём ещё никто из участников очередной затяжной и далеко не безобидной исторической драмы и не подозревал: Иное работало пока лишь на возможность и сам факт *Большой Перемены*, ничего не зная или делая вид, что

не знает, о сути и значении сей многозначимой Перемены, тем более уж о великих её Итогах (знало бы, может, и не шло бы ей и им навстречу, а ежели всё-таки что-то этакое знало, то ведь... *Конспирация*, без и от которой в земно-космической гуманитарной мистерии просто никуда!).

Человек со своими атрибутами вроде врождённых животности и зверскости, как и, что особенно важно, как бы им благоприобретённых сознания и бессознания, требует укрощения – как добровольного, так и принудительного, что осуществляется как внешним воздействием, так и внутренней самодисциплиной, однако в человеке как существе лишь наполовину природном, а наполовину неприродном, если не антиприродном, сидит, никуда не девается, но зато всегда проявляется, а иной раз и бурно, даже взрывообразно, *воля* – ВОЛЯ! – тоже ведь значимое экзистенциальное качество, от человека не отделимое, отчего человек (социум, народ, население) то экзистенциально покоен, даже и покорен (обстоятельствам, идеологии, власти), а то вдруг не то что выходит из себя обыденного, а и разносит всё его окутывающее в пух и прах, не останавливаясь ни перед угрозами, ни перед насилием, ни перед жертвами, громя, не щадя и себя, и всё подряд – от владетелей, урядников и попов до усадеб, дворцов и церквей, не пропуская и самые обыкновенные домы и сооружения.

Да, в то постсредневековое по общепринятой классификации время большого погрома от низов не случилось, ибо верхи, осознав нараставшее протестное брожение, смогли как перенаправить разрушительную потенцию вовне (крестовые походы, завоевательные походы, первая колонизация заморских земель), так и решиться, пусть и не без кровавой борьбы, на переделку еврохристианского бытия, пойдя на ***Реформацию*** (модернизацию христианства), ***Ренессанс*** (революционную модернизацию культуры по вектору возвращения к Античности и обращения к чистому гуманизму), ***экономическую революцию*** (высвобождение капиталопредпринимательской, а вместе с тем и трудо-творческой энергии) и на ряд иных *пертурбаций* по вектору либерализации и демократизации личностно-социального бытия.

По христианству, а вместе с этим и по самой христианской цивилизации, был нанесён настолько сильный удар, что они – христианство и его цивилизация – не только изменились внутренне, ослабив, если не убрав, морально-уставные оковы, державшие

железной хваткой евронаселение, но и раскололись на классические римско-папские, пусть и на авангардные антиримопапские – *протестантские*, может, ещё и христианские, но уже другие христианские, не особенно уже и церковные.

Однако усилилось тогда и кое-что ещё, о чём говорить нельзя, но приходится: поднял голову и идейно-прикладной *антихрист*, вставший скоренько с согбенных колен и, как водится, не преминувший восстать во весь свой рост – уже по результатам новой – уже и антихристианской – революции – Французской, а на деле-то не то что *паневропейской*, а и *мировой*!

Предали новоевропейцы христианство с Христом во главе или не предали? Нет, пожалуй, не предали, хотя без личных и даже массовых предательств тогда не обошлось, однако предательств или же не предательств чего – Христа или же весьма уже расцветшего антихристианского христианства? – и ежели учесть второе, то и вроде бы не предали, хотя итогов своих деяний ни Леонардо, ни Данте, ни Микеланджело, ни Лютер не предвидели, как не предвидело сих итогов и скрытое с глаз Иное, вовсе никем и ничем не руководившее, а вот новые людские настроения с внешними условиями зачем-то поощрявшее и создававшее.

В итоге ведь возникла не просто новая, а уже... *иная*... Европа, что означает не просто никем не предвиденная, а не могшая быть предвиденной, как бы ни старались это сделать субъекты трансъевропейских преобразований. Уход одного бытийно-исторического содержания и приход другого – как раз *иного*! – вообще не дело человеков, какими бы великими деятелями, воителями и провидцами они ни были. За великими ведь не одни великие победы, но и великие крахи, да ладно бы в ходе их собственных неудачных деяний, а то ведь и по итогам их же собственных, вполне и блистательных, побед.

Не просто всё в этом мире, а уж с Иным... что говорить – попробуй-ка разберись!

А итог всех мирохристианских пертурбаций состоял не в чём-нибудь, даже не в победе антихриста, а в победе... *человека* – надо всем сразу: природой, неприродой, сакралом, сознанием, духом, кроме, конечно, Бога, Иного и Неизвестности, ну и Преисподней тоже, поскольку выйдя на *демиургический (он же научно-технический) путь*, человек, почувствовав себя Творцом, вступил с Преисподней в союз, чтобы с её участием переделать мир

по своему разумению – ну прямо по Леонардо, который, следственно, не просто человек, особь, субъект, а *сингулярное в образе человека явление*, от которого всё главное в христианизированной (и уже немало дехристианизированной) Европе и пошло – нет, не как от деятеля, активиста, революционера, а как от идеально-духовно-творцовского сгустка, вроде шаровой молнии, вылетевшей из кратера ожившего вулкана. Не Леонардо вылепил Новую (Иную) Европу, он даже её не спроектировал, он просто придал ей ход, однако благодаря сосредоточению в себе и вокруг себя *Иного* – как огненного шара, раскалённого ядра и взбаламученного энерго-информационного поля.

Если Леонардо и посланец, то не Бога, не богов и даже не дьявола, хоть он и христианизированный антихрист (как, собственно, и все такого пошиба деятели: антихристы вроде бы, а от Христа-то далеко не отходившие – интересно, не правда ли?).

Леонардо подтвердил собою движение европейского человека-творца по вектору «От природы к неприроде», от всего *Этого* ко всему *Иному*, от естества и первозданности к искусственности и новозданности, от *человека натуралиса* к *человеку артикусу*, что, собственно, и развернулось в христианизированной, но при этом и заметно дехристианизированной, если уже не антихристианизированной, Европе, сделав *Европу Европой,* а *европейца европейцем*, вроде бы *гуманистической Европой* и *гуманистическим европейцем*, однако амбициозными, агрессивными, высокомерными и сначала немало, а затем и всё более... *бесчеловечными* (что то же самое – бесочеловеческими или попросту бесовеческими)!

Забвение ново(ино)европейцем природы и сакрала обеспечило возможность активного и безграничного строительства *нового (иного) мира* – неприродного, искусственного, каменно-железного, урбанического, фабричного, технического, химического, электронного, но дорого обошлось и обходится, что европейцу, что всему человечеству – и дело тут не так даже в войнах, завоеваниях, колонизациях, рабствах, эксплуатациях человека человеком, мириадных жертвах и морях крови, а в *эвапоризации человека в человеке* – и это с победой и расцветом сразу христианизированного, квазихристианизированного, дехристианизированного и антихристианизированного (каково, а-а?!) *гуманизма*! – а-ах, это Иное, что хочет, ничего вроде бы не хотя, то и делает!

Вовлечённые в казацкую лаву, мы и не заметили, как проскочили всю эпоху европейского *Модерна* (*Модернити*, *Модернизации*), начатую *Ренессансом* (якобы возвратом к культуре Античности, а на самом-то деле зарождением вовсе на античного, а воистину Нового мира, хотя и с античными красками и мазками) и, соответственно, Реформацией (освобождение европейца от давления церковной христианской-де регламентации всего и вся, включая трудо-творческий потенциал-процесс – и финансово-капитало-банковскую, то бишь финикийскую, составляющую хозяйственной жизни со снятием запретов на вольную экономику, то бишь на самоопределение стоимости), и продолжившуюся в полтысячелетия вплоть до сего дня с переходом из Модерна в *Постмодерн* в течение XX в. с явным утверждением последнего уже в XXI в.

Коли Модерн стал Новой эпохой в жизни Европы, то всё, что было до него, а именно Египет, Вавилон, Ассирия, Антика, как и всё домодерновое христианство, попадает в беспредельную эпоху *Премодерна* с явным преобладанием в ней религийной (сакральной, надчеловеческой) идеологии (боги, духи, Бог, правители-боги, природные и неприродные силы, владеющие и управляющие человеком, и т. д.).

И тут самое интересное: переход (тоже *лаво*образный!) от Премодерна к Модерну произошёл во время вроде бы абсолютного доминирования в Европе (не в Иудее вовсе) христианства, разумеется, изменявшегося идейно, институционально и властно вплоть до своей (церковной, конечно, римской, папской) монополии, но при этом – внимание! – в период нарастания... *антихристианства* – именно ***анти****-христианства* (в тесной связке христианства с этим *анти*, то бишь нарастания не новой религии, как и не просто новой трактовки христианства, а именно... чего?.. правильно! – *идеологии антихриста*, которая вроде бы даже внешне и христианская, но... без Христа, во всяком случае, без Ему сердечного поклонения, а так... церемониально, обрядово, процедурно, а то и вовсе без никакого Ему поклонения.

Христос – борец с антихристом, не было б в человеке «антихриста», не было бы и явления Христа (Иуда, кстати – антихрист!).

И вот в недрах христианской цивилизации расцветает «христианство-наоборот» – *антихристова идеократия*, пестовавшаяся Ренессансом и подкреплявшаяся Реформацией, а затем, уже

после кровавых революций типа английской и французской, удостоверенная Просвещением с его «новой религией» – *Гуманизмом*, с его сакрализацией *Человека* и *Разума*, а главное – *Свободы* того и другого: что от тенет Природы, что от опеки Божественного Сакрала.

СВОБОДА!

И впрямь сладкое слово, а уж стоящий за сим словом феномен – одна только сладость!

Как раз на тот, да и на нынешний для Европы момент – антихристовая (это о свободе)!

Выходит, что Иное сработало на *антихристову свободу*, аккурат в гуще христианской цивилизации, вовсе не склонной к гуманитарной свободе – совсем наоборот: христианство, если не сплошная, то многосторонняя и вовсе не лёгкая... несвобода!, что экзистенциально было вполне оправданно, учитывая зверобесовский имманент человека и необходимость для него, пусть не железной, а идейно-духовно-поведенческой, но, знаете ли, самой настоящей... *узды*!

Нравится это человеку или нет?

Конечно, нет! Да, уважает, поклоняется, терпит – так ведь всё это до поры – до протеста, до бунта, а кто приходит на выручку – *умный Бес*, а вот в тот момент – *Антихрист* (как раз Иудов последыш, а Иуда был вовсе не дурак и не дешёвый предатель – он был вполне себе умный *противник*!), а антихрист вовсе никогда и не был против, да и до сих пор он не сильно против Христа, – номинально, разумеется, он просто провёл Европу за ручки мимо Христа, – чем не ход, чем не партия, чем не игрок, чем не гроссмейстер?!

Хоть и не совсем тихо провёл и даже не без неуместного грохота, не без немалых жертв и фонтанов крови, зато в целом скрытно, вкрадчиво, доверительно и вполне себе продуктивно... – э-э... ничего из нынешнего, господа, не напоминает?

Да, Иное как будто сработало на *антихристократию*, соответственно, и на *антихристову свободу*, но не само по себе оно сработало, а вкупе с реальностью, задыхавшейся от навязанного ей якобы Христова, вполне себе глобального, хоть частично и оправданного, *насилия*, на что от реальности, воодушевляемой Иным, мог быть только один ответ – *сопротивление насилию не без насилия*, ну и обретение *свободы* от царствовавшего

насилия, а какой свободы, зачем и куда – решать надо было под влиянием Иного самой... э-э... христианизированно-дехристианизировавшейся (можно сказать, что во многом уже не только ставшей «псевдо»-, но и «анти»-христианизированной) реальности... вот она и попёрла аки норовистый конь к *Новой жизни* – с Христом, с «Христом» и без Христа сразу, построяя, заметим особо, уже *иной мир – чисто человеческий*. Этакий Homo-мир, не природный и не сакрализованный, а *свой*, *нашенский*, открыв дорогу труду и творчеству, науке и технике, разносторонней демиургии, наплевав на упреждавшие мифы вроде прометеевского и икаровского (и всё это называлось долгое время, да и сейчас зовётся, Ренессансом, что хорошо говорит за то, что не верь, брат, ни глазам своим, ни ушам – всё было и есть на Земле не то, не совсем то, если совсем не то, о чём талдычат вокруг, а какое-то *инаковое*, *иное,* да и вершилось и вершится как-то *иначе*: что тот же приход Христа, что Его благовестие, что реальное следование Христу, что итоги главенства и упадка христианизма, что явно ненадуманное Второе пришествие Христа – не заметим даже, когда и как случится, а главное, с какими последствиями!).

Причём же тут всё-таки Иное? А кто и когда что-нибудь реально осуществлённое предвидел, кроме отдельных и краткосрочных по прогнозу сюжетов? Иное на то и Иное, чтобы работать так, чтобы никто из человеков, да и самого Иного, ничего заранее не знал – в и через Неизвестность!

В этом-то и весь цимес, а для кого-то и настоящий кайф!

Передислокация

Наш казачий когнитивный рейд по тылам евро-христианской реальности принёс немалые смысловые результаты: установившаяся было в Европе христианская цивилизация с папско-римским, Карловским и тем же испанским импero-католическим режимами и деяниями, стала вдруг (хотя вовсе и не вдруг) настолько иной, что Европа, оставаясь внешне христианской (пусть квази-, а то и псевдо-христианской – с отделением Церкви от государства и с сосредоточением остаточной церковной власти в микроскопическим Ватикане), с большим атеистическими прогалинами, стала по смысловой сути какой угодно, но только не христианской – гуманической, либеральной, экономической (капиталисти-

ческой), демиургической (научно-технической), мультиполисной, империо-колониалистской, переняв, правда, от практического христианизма такие замечательные качества, как амбициозность, агрессивность, лживость, не имевшие никакого отношения к Христу, но зато активно использовавшиеся от Его имени Церковью.

Вполне себе успешным оказался, надо заметить, наш казачий рейд, да не просто по тылам реальности, а и по самому *Иному* тоже, ничего, правда, не раскрывающему, но зато всё в реальности происходящее каким-то скрытым образом пробуждающему и ведущему, да так, что никому из реализаторов сей реальности мало почему-то не кажется.

Выходит, что Европа со всем своим античным, римо-имперским, саксо-германским, египетско-вавилонским, иудейским и прочим наследием оказалась генетически, сущностно и практически какой-то совершенно другой Европой, да что Европа – и само евро-христианство оказалось каким-то генетически, смыслово и практически другим, что как раз и говорит за то, что мир, который вокруг, весьма *иной*, не такой, каким кажется и каким представляется высоколобым умникам всех мастей и весей.

А какие же они, Европа и то же христианство, ежели они *иные*?

Да вот как раз такие, чтобы выдать для всего человечества настолько *иной* образ бытия, хозяйства, деятельности, экзистенции, что не только от Европы и христианства как первозданных феноменов, но и от всего первозданного человечества – природного, одухотворённого, сакрализованного, социабельного, совместностного, братского, междусобойного – не осталось на деле ничего, а ежели что и остаётся, то более всего лишь в значении имитационных номиналов.

Дело тут не только в том, что из чего-то возникшего, утвердившегося, существующего, даже торжествующего вдруг возникает, утверждается, существует и даже торжествует что-то новое – *иное*, и даже не в том, что это происходит при ослаблении, разложении, исчезновении чего-то бывшего, даже не в его пожирании вылезшим из него новым (вроде змия-дитяти, пожирающего своих родителей), а в том, что в геноме чего-то существующего уже при его зачатии оказывается странная (без рода и имени) бацилла, она же и субгеном, не чего-нибудь, а... *отрицания* этого возникшего, утвердившегося, существующего и торжествующего, но не бацилла

старения и смерти, что понятно, а субгеном... *иного*, из которого или через посредство которого и является не просто новое, а именно *иное*.

В той же Европе, как и в том же христианстве, не говоря уже о человеке с человечеством, сидело и до сих пор, само собой, сидит, давая о себе знать *инообразами* и *иноэпохами*, это самое неизвестное и коварное *иное*, которое и обеспечивает совершенно неожиданные и немало невероятностные превращения всего налично экзистенциирующего (с непременными вращениями, выворачиваниями, волнениями, вибрациями, взлётами, срывами и т. п. бывалинами).

О-очень занимательная это вещь – Иное, она и весть, она и сила, она и судьбина (о дубине мы уж умолчим), как единая фронтальная мощь, так и распределённая по тылам реальности выжидательная, действенная, судьбоносная карма.

Европа, которая возникла, кстати, как именно Европа в христианские (пусть лишь в христианоподобные) времена, явилась на Земле, чтобы не более и не менее как *отделить себя от Земли*, а *Землю освоить под себя*, причём освоить по не-природному, то бишь не по-зе́мному, тем более не по-сакральному, то бишь сугубо по-человечески, что Европа и сделала, изменив себя (изменившись) и изменив весь земной мир, да и как ещё изменив! – на место зе́много мира явился мир супер-зе́мный – планета вроде бы всё та же, да вот совсем уже *иная* – по причине и по искусственности её очеловечивания, – не так ли?

И опять же важно иметь в виду, что случилось всё это невозможное с Европой не с какой-нибудь, а с христианской, пусть даже постхристианской, отчего христианство внутри себя (вглуби себя) опять же что-то *иное*, вовсе не то, чем и каким оно выглядело и выглядит, пусть и не очень убедительно, до сих пор перед взором настороженного наблюдателя, завзятого сторонника, публичного комментатора. Так для чего же в таком разе явился на Землю Христос: исправить морально человека, покаявшись перед ним за промах Бога Отца – творца человека, или же вызволить из человека творца – демиурга нового, а в общем-то *иного* мира, причём творца, пережившего многовековую туда-сюда «теребень» от христианства, а потом, если не отвергнувшего его насовсем, то весьма отодвинувшего в сторону, – такое во тут многошаговое *выворачивание вывернутого*, – поди-ка разберись!

А вот и они, кое-какие историко-экзистенциальные итоги христианизированной а потом и немало дехристианизированной, заметно и антихристианизированной Европы:

1. Создание НОВОГО МИРА – *европейского* (никак уж не собственно христианского, ни тем более, никакого не античного), гуманизированного, экономического, научно-технического, прагматического, делового (предприимчивого), изобретательного, созидательного, фабрично-заводского, механо-машинного, контрприродного, искусственного, со временем индустриального, железистого и бетонистого, мобильного (железные дороги, пароходы, автомобили, самолёты), электрического, электронного, оцифрованного. Небывалое ранее, гигантское, невообразимое деяние – *чудо*!

2. Освоение Европой и европеизмом не без христианского прикрытия всего зе́много мира, его – этого мира – та или иная *европеизация* – что через прямую завоевательную колонизацию открываемых Европой «свободных территорий», что через «инвазию» в разные страны, что посредством включения неевропеизированных стран к становившейся всё более новой (*иной*!) и уходившей прогрессивно-де вперёд Европе и как бы добровольной себя европеизации, – всё это означало не так даже имперское владычество Европой зе́мными окраинами (периферия́ми, провинциями) и их эксплуатацию, как было принято говорить, «и в хвост, и в гриву», как распространение Нового европейского мира на весь мир, мало что его – это всего мира – европеизацию, но ещё и его – этого всего мира – ОБНОВЛЕНИЕ, пусть местами и не полное, и в сочетании там и там с традицией, но... ОБНОВЛЕНИЕ! То бишь возникновение на всём зе́мном шарике НОВОГО МИРА, как раз по генезису и сути уже европейского, немало даже христианского, что означало распространение по миру не так Христового человеколюбия, как *антихристовой новизны* в сочетании в *антихристовой эксплуатацией* (экономической, рабовладельческой) и даже уничтожением аборигенного населения, ну а взамен – рост европейского богатства и возможность разностороннего процветания Европы.

3. Свершение КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ, позволившей возникнуть *новой культуре* – светской, публичной, элитарной: книгопечатание, литература, журналистика, газеты, театр, фотография, кино, разносторонняя живопись, столь же разнообразная музыка с высоко совершенным инструментальным и голосовым

исполнением, опера, балет, но главное – светское *образование* (школы, университеты, библиотеки, музеи), пусть долгое время и не для всех подряд, но с постепенным расширением социального контингента учащихся и вообще образовывающихся, с ростом грамотного населения.

4. Рождение (Нэссанс) НОВОГО ЧЕЛОВЕКА, даже вроде бы христианина по вероисповеданию, но в любом случае уже *другого* – и другого человека, и другого христианина, а то и вовсе атеиста, однако явно уже новогородско́го, да и новосельского тоже, грамотного, образованного, по-новому предприимчивого, делового, амбициозного, при этом по-старому, но с хоть и с новой личинной отделкой, агрессивного, алчного, беспощадного, когда смиренное человеколюбие лишь для слабаков и дураков, а вот человеконелюбие ради наживы, богатства, карьеры, влияния, власти в пользу новосамоценных европеоидов – предпринимателей, банкиров, торгашей, профессионалов, грамотеев, да и просто мошенников, мафиози, грабителей, бандитов, пиратов, особливо ежели всё этакое проделывать в колониях; нет, конечно, человек морали, чести, труда, творчества, служения, благородства не исчез насовсем, но он, сам став так или иначе другим, не определял главного жизнеотправительного стиля эпохи.

5. «Раскрут» ЭКОНОМИКИ, ставшей во главе не только производства, обмена, распределения и потребления благ, и не просто хозяйства, а вообще всего жизнеотправления сначала европейского, а потом и всего мирового человечества. Стоимость как идеальная оцифренная субстанция, выраженная в текущей реальности в деньгах и ценах, когда деньги оцененны, а цены оденеженны, субстанция, не покидающая сферы сознания (голов людских), как и бессознания тоже (но не голов людских), завладела человеческой экзистенцией если не целиком и полностью, то уж на о-очень большой процент, можно сказать и на все 100 (что ныне обходится без денег, оплат, затрат, выплат, инвестиций, сбережений, товарных купле-продаж, кредитов, долгов, как и без соответствующих оценок, что-о? – очень и очень немногое, – так что экзистенция вроде и осталась внешне христианской, да вот стала тотально экономической, включая не то что храмовых «валютных менял», а действующий со вселенским размахом КАПИТАЛ, причём с мощным финансовым, – как раз «меняловским», то бишь сугубо антихристовым, – навершием.

6. Внедрение в познавательно-размыслительную сферу (тогда более всего богословско-философическую) исследовательско-экспериментаторской составляющей, взявшей на себя модельно-объяснительную (причинно-следственную) функцию, что выразилось в итоге в особом ментально-деятельском феномене, получившим имя-определение НАУКИ, много чего сделавшей и понаделавшей, как и всё ещё делающей (и ещё понаделающей), изменив и продолжив изменять сознание человека по прежде всего когнитивному, психическому и поведенческому векторам, а также изменив и продолжая изменять мировидение человека, его понимание самого себя, своих устремлений, своей экзистенции, своего будущего; современный образованный человек – *онаученный человек*, а потому и не особенно религиозный, даже и не философический (он – *научник, научнист, сциентист*), а его обращение к духовным практикам по сути в нём ничего не меняет.

7. Развитие мощной неприродной орудийно-инфраструктурного характера составляющей человеческого бытия, называемой ТЕХНИКОЙ (или ТЕХНИКУУМОМ), заполнившей собою всё вокруг, охватившей всецело природу, либо превращая её прямо в неприроду, либо собою подавляя, а также захватившей и самого человека, но не только его руки и ноги, но уже и сознание, когнитив, мозги, а в итоге создавшей неприродный, технотронного характера мир на Земле и в ближайшем космосе.

8. И как венец всего этого новоевропейства, раскручивание всесторонней со стороны человека *хозяйственной демиургии*, направленной даже не на переустройство, а на самое что ни на есть *пересотворение* данного человеку мира, из и из-за чего получилось то, что получилось и ещё, не дай Бог, получится – *искусственный*, *бездушный*, *неживой мир*, если и не полноценный, то уж вполне себе полноявочный *погост*.

9. Вот такое, знаете ли, великое метаисторичекое происшествие: рождение через посредство христианизма, обернувшегося антихристианизмом, *Новой Европы*, а вместе с тем – уже через посредство упорной европеизации и *Нового зе́много мира*, покорившегося не одному новому летоисчислению, но и новому о себе *Мифу* – евронаукотворному, правда, не совсем покорившемуся, а скорее, приспособившемуся, надо полагать, что и на срок.

Штабные игры

Пока на фронте передышка и казачьи полки отведены на отдых и пополнение, штабы не дремлют, думают, ищут новые тактические ходы и стратегические заходы, объясняют происшедшее, обосновывают возможное, проектируют будущее. И лучше, чем кто-либо другой, понимают, насколько сильны неизвестность, неопределённость, случайность, насколько могуч фактор чего-то *Иного*, как раз того, что не предвидеть, не ухватить, не подчинить, с чем надо непременно считаться и, по возможности, взаимодействовать – учитывая, предвидя, реагируя, подчиняясь.

Иное – не совсем неизвестность, неопределённость, случайность: здесь – *воля*! Воля к *иному*, не к тому, что желаемо, предвидено, просчитано человеком, подкреплено интуицией, учением, теорией, той же религией.

Вот Александр Васильевич Суворов, уж он-то хорошо знал, что есть *Иное*, уважал его, с ним считался, взаимодействовал, ему поклонялся, но и удачу держал за хвост, ибо сам был *иным*, не таким, как все, и Иное ему благоволило: ни одного, как известно, поражения, заслуженным стал генералиссимусом, а ведь был ещё и сильным геополитстратегом, да вот не сидел на троне, и кто знает, как бы пошла история, будь бы Александр Васильевич российским императором?! Ясно, что была бы история не такой, какой случилась, а какой-то и впрямь *иной*.

Место Александра Васильевича в европейской и мировой истории занял быстроходный Наполеон Бонапарт, близкий к Иному, но не настолько и не так, как славный старик Суворов. Бонапарт с Корсики, от Земли, через посредство Франции, от экзистенциальной тесноты, от заданности, а Суворов от России, от Космоса, от земных просторов, от незаданности. Суворов предвидел схватку с Бонапартом, будущей его Францией и будущей его Европой, предлагал начать первыми, чтобы погасить опасный для России и мира огнедышащий очаг, пока он вовсю не разгорелся, да кто ж из наших на это мог решиться, заискивая перед Европой, ей подражая, к ней себя подтаскивая и её втаскивая в себя, хоть и пришлось-таки исполнить предвидение великого стратега, да и не один раз, да всё как-то без окончательного решения европейского вопроса: как была Европа самовлюблённой, самона-

деянной и агрессивной, такой и остаётся, только теперь во главе со своим змейгорынычевым выродком – США.

США – очищенная от корней и кое-каких старых ветвей Европа, идеальная, так сказать, Европа – новее Новой, Ренессанской, Просвещенческой, англо-саксонская в основании, ядре и навершии, хоть сейчас уже и не столь чистопородная, немало уже смешанная, заметно уже замусоренная, поржавевшая.

Европа! Это вовсе не географическая территория, хотя и территория тоже, как раз западная, частично центральная, но никак не восточная, где не Европа вовсе, а Россия, и не просто территория, а *Идея* – большая, знаете ли, идея, гигантская, всемирного, как для кого-то это ни странно, значения.

И Европа тоже не просто территория, а *Идея*, и тоже большая, эпохальная, всемирного значения. И ежели в христианской парадигме, а речь у нас идёт о формально христианской Европе, то *каино-иудская*, в общем – не Христова, а как раз *анти*-Христова, а потому и столь удавшаяся – до поры!

Иное почему-то сработало не в пользу Христа, а против Него, причём сработало не просто под ширмой Христа, от Его имени, а чуть ли не в самой Христовой парадигме, правда, доведя Европу до, заметим, дехристианизации и вполне себе живучего атеизма.

Иному был, видно, очень нужен *Прогресс*, и он – ПРОГРЕСС – состоялся – посредством революций, войн, колонизации, развёртывания экономики, науки, индустриализации, беспрецедентной эксплуатации своих и чужих, грабежа, пиратства, да мало ли ещё чего.

Сначала христианизированная, а потом расхристианизированная вплоть до атеизма Европа оказалась самой подходящей движущей силой Прогресса – этого продолжительного прометеево-икаро-каиново-иудского исторического действа!

Факт!

Как фактом стало и ещё кое-что, тоже инициированное *Иным* – пошаговая ликвидация Европы, что то же самое – её похищение, но... Sic!.. самою же Европою!

Самоликвидация!

Правда, с переходом прогрессной инициативы к Новой Европе, к США, – и нет ничего особенно удивительного, что списанная с main-strim'овского потока Старая Европа уходит, не без равнодушного содействия её заокеанского дитяти, в небытие – как

бодрая, наглая, агрессивная Европа, а то, что на её месте остаётся, так это не более чем доживающая свой век post-Европа – покойная, благоуханная, оцепенелая, замерзающая.

Однако и с США не всё в порядке, их вовсю трясёт, как трясло 100 – 150 – 250 лет назад Европу, но тогда Европу трясло ради Прогресса, а сейчас ради чего затрясло вдруг Америку – ради Прогресса или того же Армагеддона?

На этот вопрос может ответить лишь Иное, но оно не склонно ничего вещать, предпочитая сакраментальное безмолвие. Вот и чешут свои лбы и затылки умные штабисты, чтобы если не разгадать замысел Иного, который и для самого Иного несусветная тайна, то хотя бы учесть судьбоносное влияние Иного, снайперски нацелившегося на США – чего это вдруг и именно таким вот образом?

С одной стороны, США явно на мировой вершине, вроде бы лидерствуют в Прогрессе и геополитике, не гнушаясь долговой эксплуатацией всего мира, а вот с другой – беспокойная сама в себе и для всех вокруг страна-каскадёр, оттого и, мягко скажем, неважнецкий из неё мировой лидер – эгоцентричный, беспардонный, опасный, а главное – для мира *неэффективный*! Он ничего позитивного не может предложить миру, кроме себе подражания и себе же подчинения, своему произволу, ну и раскрученному им, хотя и начатого ещё Европой, *Антимиру*, то бишь некоему перевёрнутому и выпяченному своей преисподней стороной post-миру, в котором ни моральных устоев, ни высокой культуры, ни целостного образа, а так – чересполосица, если не чертополосица, какая-то заразная смесь чего-то ещё вроде бы человеческого и много чего уже явно не- или post-человеческого.

США – уже явный источник Яда и Смерти!

Трудно в это поверить, но ежели внимательно присмотреться к уже состоявшимся американцам, включая и цветных, то трудно обнаружить в них что-то традиционно человеческое, зато легко можно заметить что-то уже воистину труповидное, хоть и сверхулыбчивое, и даже супервесёлое.

Живые трупы!

Пресыщенные, самодовольные, ограниченные, стёршиеся!

Потерявшие жизненные ориентиры, человечность, мало что знающие и в общем-то мало что умеющие, хоть кое-какие трудотворческие резервы там ещё есть, да и прибывают пока по тра-

диции извне, но тают на глазах, исчезают. Америку даже трогать не надо – сама умрёт, может, даже быстрее, чем старушка Европа, у которой, в отличие от США, хоть корни кое-какие есть, да и кое-какие ветви в виде ещё живых и «альтернативных европейцев» остались.

Интересно всё это, не правда ли? Иное на то и *иное*, чтобы незаметно, но верно сюжетики разные в бытие-историю подбрасывать – невероятные, непонятные, возмутительные!

С евроамериканским Прогрессом, принёсшим с собою не просто новый – уже воистину и в целом *искусственный* – мир, но ещё и Антимир с его post-мировой закваской, если ещё не вполне армагеддонный, то уж вполне апокалиптичный – факт!, с чем наши умные и умелые штабисты разобрались, да вот встаёт вопрос: не утянет ли он – этот замечательно искусственный антимир за собой в Бездну и весь мир человеческий, да и земно-космический тоже?

Ах, Европа, Европа, как всё хорошо у неё начиналось и весьма долго неплохо шло, пусть и с потрясениями вроде революций и войн, а что в итоге? А в итоге мало того, что что-то явно *иное*, так ещё и нежизненное, обессмысленное, самоубийственное! Вот-те на, а сколько усилий, дрязг, жертв, обмана, лжи – и всё, выходит, Мирозданию... нет, конечно, не под хвост... а, скорее, под ироническую усмешку, да ладно бы Мирозданию, что ещё стерпеть, стиснув зубы, можно, а то ведь, что как раз совершенно для Евро-Америки невыносимо... под усмешечку азиатам, китайцам, полукитайцам, да и чуть ли не мусульманам тоже – вот уж ирония так ирония!

А в чём же тут дело? А в той простой истине, что сии на Земле наследнички Евро-Америки попросту... э-э... *иные*, не такие вовсе, как самодовольная и самоизрасходованная Евро-Америка, совсем не такие!

Вообще, заметим, никакого общечеловеческого человечества, – и это хорошо себе усвоили наши штабисты, – *нет и быть не может*, а потому *нет и быть не может* не то что единого правления всем миром, хоть мировое правительство и есть (как раз евроамериканское) и упорно гадит, гадит, гадит (и миру, и себе), но *ничего мирового единого быть не может,* а может быть только *цветущее мировое разнообразие*, вовсе, конечно, не произвольное.

Обо всём этом – что хорошем, что плохом, что никаком – наше замечательное Иное, пусть и не очень вежливо, постоянно человеку-человечеству и напоминает: Антимиром, Антиэкологией, Преисподней, Апокалипсисом, ну и уже идущим втихомолку Страшным Судом тоже!

И что же в ответ: Запад прёт по своему западному треку – до конца!; истинный Восток выжидает, помалкивая и собираясь с силами; встревоженный исламский мир вышел на тропу войны с Западом и западнизмом; Россия... а что Россия?.. – готовится, видно, к прыжку, да вот куда, если не снова, как в 1990-е, в Бездну, то, видно... уж не в своё ли Иное?

Главковерху
Конфиденциально

Докладная записка

На Ваш запрос о сути *Иного* и возможности с ним взаимодействия могу ответить рядом нижеследующих соображений.

Иное – не просто неизвестное, тайное, случайное, а как и вообще всё трансцендентное (незнаемое, непознаваемое), но и вовсю *работающее* – как раз по своим мотивам, намерениям и соображениям (пишу без кавычек, ибо здесь немало адеквата с сознанием, хотя и, разумеется, с другим сознанием, как раз *иным*).

Задача: в наших, то бишь со стороны людей, намерениях, соображениях и действиях необходимо всегда учитывать наличие и действие этого Иного, не увлекаясь и не ограничиваясь просьбами и мольбами к нему. Иное должно быть органично вплетено в работу сознания, когнитива, мозгов, души, разумеется, не столько рационально, сколько... нет, не иррационально... а как бы *само собой*, через постоянное внутреннее переживание, но при этом и через постоянный – идейно-духовный – контакт с ним, в основе, конечно же, трансцендентный.

Само признание работающего Иного – уже великое дело, уже благая весть и значимая вещь! Ни в коем случае не вера в него, а именно *признание*, за которым стоит и возможность *взаимодействия*. Какого же? Э-эх, давно ведь сказано: «пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что», «не лезь в воду, не зная броду»,

«прямо, налево, направо пойдёшь, одну и ту же погибель себе найдёшь», «не буди лихо, пока оно тихо» и т. д., и т. п. Знали хорошо предки, с чем имели дело: мало что с Неизвестностью, так ещё и с Иным, да ещё и с работающим Иным, уважали это Иное, шли ему настороженно навстречу, а то и, наоборот, от него вприпрыжку бежали. Чего не прощает человеку Иное, так это самоуверенности, амбициозности, верхоглядства, как и, разумеется, безволия, нерешительности, пустозвонства.

Иное – сила!

Сила, которая незаметно для человека, особливо пустого и самонадеянного, созидает, держит, оберегает, изменяет, выворачивает, разрушает, уничтожает, да не что-нибудь, а само бытие человеческое, саму экзистецию, всё равно какие – что малые и не слишком заметные, что большие и в глаза изрядно бросающиеся.

Главное с Иным – невозможность человеку не то, что повлиять на им вершимое, но даже и предусмотреть: тут, знаете ли, *импровизация*, да ещё и *тайная*!

Как же тогда быть?

Ответ прост: быть в контакте с Иным, но... через *Софию Премудрость Божию*, для чего потребна самая малость – быть *достойным* Софии!

Нет, не верой в Софию, не молитвами, к ней обращёнными, не просьбами, её теребящими: София даёт мудрость не тому, кто к ней за сим обращается, а тому, кого она сама выбирает («Много званых, да мало избранных»).

Кого же? Лишь бескорыстно соединяющихся с реальностью и ей, а не себе, служащих, в ней растворяющихся и с нею идущих, вовсе не избегая участи быть от неё и с ней творцами.

Вроде бы всё дело тут в морали, но это не совсем так: дело в приобщении к *софийной морали,* которая вовсе не моральнее человеческой морали, а... *инее*, о чём земные моралисты даже и не догадываются.

Здесь прежде всего призвание, ноша, крест, а уж потом знание, умение, изобретательность, находчивость, везение, удача, ну и, само собой, всякий иной позитив.

Понять бы, что это такое, да стать и быть софийным – прямо, сходу, без обиняков: тут не подойдёт ни просто хороший «чек», ни правильный, ни даже добрый, честный, неподкупный.

Софийный – сообразованный с Неизвестностью и идущий по жизни в идейно-рабочем соответствии с Иным, которое, хоть и решает и действует по-своему (своевольно), способно таки предупредить, упредить, озадачить даже и оберечь от вызываемой человеком или на него надвигающейся коллизии (события, перемены, краха), однако при условии признания человеком Иного, при его им учёте и с ним бескорыстной, если не жертвенной, солидарности – и всё это при почти полном незнании Иного!

Жрецы, пророки, эзотерики, как и шаманы, колдуны, а теперь вот более всего так называемые экстрасенсы пытаются так или иначе угадать Иное, его движение, и хоть им иной раз и удаётся попасть в точку, но не настолько, чтобы можно было человеку овладеть самой реальностью, как раз и движимой изнутри этим самым Иным.

К чему только ни стремится человек, чего только ни совершает, а последствия бывают более всего *иными*, чаще всего вовсе не такими, какими их задумывал творящий человек.

Фатализм – вовсе не случайность, не искажение, не глупость, но фатализм фатализму рознь: можно покоряться судьбе или попросту «ходу вещей», а можно с ними эффективно работать, не покоряясь им вполне и не пытаясь ими вполне овладеть.

Искусство тут необыкновенное, питаемое, в частности, *философией хозяйства* и *софиасофией*, чему, правда, научиться просто так нельзя, но сочетаться с чем можно, разумеется, в порядке большого исключения, да и то не по одной лишь своей воле.

Завершая записку, приношу извинения за некоторую извилистость рассуждений и несвойственную деловым текстам беллетристичность!

Разговор в верхах

Главковерх (далее – Гл): Я ознакомился с Вашей запиской, NN, весьма это всё интересно... э-э... и важно, но как всё-таки оперировать с Иным, в особенности с негативным, – ведь негативное не только возможно, но и, кажется, превалирует?

NN: Трудный вопрос с очень простым ответом – никак!

Гл (*усмехнувшись*): И всё-таки?

NN (*задумчиво*): Прежде всего хотя бы исходить из факта наличия Иного и его действия. Тот же «Гордиев узел» можно

при случае рубануть, как и Рубикон перейти, да вот с какими затем, особливо с дальними, последствиями? (*Пауза*) В общем, надо исходить из неисходимого, то бишь неизвестного. В этом вся и загвоздка!

Гл: Рисковать, значит?

NN: Не без этого, но знать, что всё в итоге будет по-другому, не так, как задумано, а вот лучше или хуже – Иному безразлично. Оно ведь не Господь Бог, который, может быть, в чём-то и заинтересован.

Гл: А как предвидеть?

NN (*улыбаясь*): Да никак! Иное на то и иное, чтобы его было невозможно предвидеть.

Гл: И тогда?..

NN: Остаётся лишь в него вживаться, софийно, разумеется, как, собственно, и в реальность тоже.

Гл: Как же всё-таки, уж извините за назойливость?

NN: Полагаясь на «ход вещей» и судьбу, напирать на своё, не полагаясь при этом вполне ни на «ход вещей», ни на судьбу, ни на себя, предвидеть, так сказать, неизвестное!

Гл (*усмехаясь*): Да-а, неизвестным предвидеть неизвестное... э-э... парадокс какой-то!

NN: А что на свете не парадокс? (*Пауза*) Это вы, кстати, хорошо сказали: неизвестность предвидеть через неизвестное, то бишь X (икс) через X, а не какой-нибудь Y (игрек).

Гл: Для этого-то, по-вашему, София и потребна? Но ведь Иное на то и иное, чтобы его действия не уловить.

NN: Верно! Уловить нельзя, даже предвидеть нельзя, а вот предполагать кое-что всё-таки можно, хотя мало кому из великих удалось исполнить, во всяком случае, вполне, ими хорошо вроде бы задуманное, пусть на всякий случай лишь предположенное, да вот почти что и никому.

Гл: Разве лишь товарищу Сталину, да и то не как таковому Джугашвили, да и с какими затратами и жертвами, не только с великими усилиями.

NN (*задумчиво*): Да-а, пожалуй, лишь Сталину, но заметьте – всего лишь на каких-нибудь четверть века!

Гл: Иное таки взяло верх над Сталиным?

NN: Делал иное и его сделал. Но Иное ему всё равно отомстило – другим иным, как раз антисталинским. (*Пауза*) А всё почему..?

Гл (*прерывая собеседни*ка): Ну-у... почему же?

NN: Потому что Иное сильнее любой реальности, кроме, конечно, той, что уже иная... э-э... стала или становится иной...

Гл: Замысловато говорите.

NN: А что делать, коли реальность такова?

Гл: Выходит, что она всегда... э-э... иная?

NN: Выходит, что так.

Гл: Тогда что же... идти вслепую?

NN: Не вслепую, быть может, хотя это и есть, но не всегда, вовсе не всегда, увы, и зряче тоже.

Гл (*несколько раздражённо*): И всё-таки мы до чего-нибудь сносного договоримся?

NN (*тоже чуть-чуть горячась*): Конечно, нет! Простите меня, но вы упорно игнорируете Софию и софиасофию, что же вы тогда хотите?

Гл (*примирительно*): Не горячитесь, мудрецу это не идёт. (*Пауза*) Я просто хочу ясности, но не вашей... э-э... уж извините, весьма путаной, а нашей, армейской, прямой, разумеется, не уставной, но всё-таки...

NN (*тоже примирительно*): Что же делать, если вся ясность в неясности и таится!

Сдержанная пауза

Гл: Да-а, задали вы задачку: вижу, что что-то здесь не так, но чувствую, что вы всё-таки правы. Ладно, буду учиться вживанию в реальность и в Иное... э-э... не без содействия, надеюсь, Софии Премудрости Божией. (*Пауза*) А рубить гордиевы узлы и переходить рубиконы тоже ведь надо!

NN: Я с этим не спорю, особенно ежели втащить в себя поджидающую тебя неизвестность, да и не плюхнуться в её жуткое чрево.

Гл: Согласен! Спасибо за интересный и нужный разговор! И за докладную записку спасибо! (*Пауза*) И за науку!

NN: Вам спасибо, что нашли желание и время вникнуть в несовершенное, но, увы, совершающееся!

Гл (*смеясь*): Опять эти ваши учёные парадоксы... э-э... однако и в самом деле куда от них?

NN: Да уж... некуда! Только не мы с вами в том виноваты, нам остаётся только с этим считаться.

Гл (*пожимая руку гостя*): Благодарю ещё раз и желаю удачи!

NN (*отвечая на рукопожатие*): Берегите в первую очередь ослов и мудрецов, генерал, тогда что-нибудь и получится!

Оба собеседника добродушно и удовлетворённо рассмеялись.

Московская реликтовая рюмочная

Взяв сто наркомовских граммов водки с грибочками, капусткой и чёрным хлебцем, отпив глоток живительного напитка и слегка закусив незамысловатой снедью, мудрец наш глубоко задумался.

Да, он думал о только что состоявшемся разговоре с главковерхом, понимая, что ему не удалось донести до высокого собеседника им уже понимаемое, не удалось, а потому и задумался над тем, как же всё это сделать, да и вообще возможно ли такое?

Он ещё выпил глоток водки, между прочим «Путинки», вяло закусив маринованным грибочком с кислой капусткой да чёрным хлебцем.

«Как объяснить необъяснимое, – думал он, – что всё вокруг иное, не это, разумеется, более всего по смыслам, а не по внешним проявлениям, хотя и по ним тоже, что всякие там революции, войны, восстания, крахи и те же победы вершатся не только ради них самих, но даже не ради стоящих перед ними целей, а ради чего-то иного, что проявляется потом, со временем, становясь заметным, хоть и не слишком ясным, хотя бы как просто ни с того, ни с сего пришедшее, а вовсе не как следствие всех ранее случившихся каверзных событий-происшествий? Каверзных, именно каверзных, вроде бы, как правило, необходимых и даже будто бы объяснимых, а потом, по прошествии времени, так и остающимися непонятыми, загадочными, да и вообще ни с того, ни с его взявшимися».

«”Десять дней” Джона Рида, которые не так потрясли мир, дорогой господин Уэллс, член мирового правительства, собеседник Ленина и незадачливый муж баронессы Будберг – трёхвекторной шпионки и бывшей возлюбленной самого товарища Горького, как сии десять дней попросту перевернули мир, однако не сделав его ни демократическим, ни социалистическим, ни советским, ни попросту гуманным, а всего лишь *другим*, унеся при этом

миллионы жизней, диктатуры везде всякие поустанавливав, ядерное оружие сварганив, которое заокеанские мерзавцы и применили, на весь мир начхав, и т. д., и т. п., а почему же они случились – эти десять дней, а-а?, а ведь всего лишь, чтобы России не дать быть и стать Россией, да ещё и не оказаться ведущей страной в мире, но зато чтобы США стали ведущими, а вслед за ними и антимир пришёл, обхватив своими костлявыми щупальцами всё зе́мное человечество. Вот и выходит, господин Уэллс, что очень иным стало по смыслу событие из десяти дней, иными оказались его следствия, иными и результаты, впрочем, может, Уэллсом и предвиденные, как, может, и жёнушку свою (эту самую леди Будберг) насквозь видел, различая в ней иное, как, собственно, и самого Горького видел иным заодно с иным Лениным. Вот так: иным выходит у нас и сам Уэллс, да и мало ли ещё кто и что. Так и живём, купаясь в многоликом Ином!».

Допив водку и прикончив закусочку из грибков и капустки, странник не встал из-за стола и не ушёл, а остался сидеть, оглядев наполнившуюся консерваторцами и журналюгами из ТАСС рюмочную, тоже почему-то иную, не такую, как все – ещё советскую, негромкую, даже вкрадчивую.

«Да-а, – продолжил он размышлять, – это главный хорошо сказал о Сталине, правильно. Вот уж кому удалось, став иным, сохранить и развить страну, победить в ужасной войне, пусть и ценой огромных жертв (Иное-то, ох как прожорливо!), а главное одолеть, пусть и на краткое время, влезшее в страну уэллсовско-горьковское иное – антимир, вернув страну ко вполне мировской жизни, хоть всего лишь и на каких-нибудь четверть века».

Вспомнив свои детство и юность и, так сказать, первую молодость, пришедшиеся аккурат на эти сталинско-послесталинские четверть века, он пошёл к бару, взял ещё пятьдесят граммов водочки с рыбной закусочкой, вернулся к своему столу, выпил принесённую водку за то непростое, но экзистенциально насыщенное, вполне и героическое, прошлое.

Когда-то, что-то в конце 1970-х, он отказался, будучи в гостях у доброго друга в Тбилиси, пить за Сталина, вызвав немалое замешательство среди гостеприимных грузин, а потом, уже в конце 1980-х, будучи в Гори, он выпил-таки вместе с грузинскими товарищами за Сталина, ещё не осознавая вполне почему, но выпил – и только по прошествии горестно славных и невыносимо

гнусных 1990-х понял, что явление Сталина было необходимым историческим событием – жестоким, непреклонным, жертвенным, кровавым, а всё почему... э-э... не из-за тяжёлого характера горийского выскочки, а по причине взятой Сталиным на себя миссии по «выворачиванию вывернутого», то бишь спасительного обращения вывернутого мира и вывороченного человека к собственно человеку и к собственно миру.

«Тогда-то, – вернулся к своим размышлениям странник, – удалось преодолеть выдуманные в Европе “красные преображения”, пусть и не вполне удалось, а что сейчас в годину нового, уже технотворного, а лучше бы сказать – тлетворного, евроамериканизма, ещё более угрожающего человеку и его миру, удастся ли избежать уже даже не выворачивания, а самого настоящего выхолащивания человека и его мира, их ликвидационной технотронизации?».

На этом месте высокоучёный мозг застыл на мгновение в анестезическом оцепенении, не чувствуя ни жизни, ни боли, ни страха, ни даже опьянения.

Просидев неподвижно минуту, другую, он, как бы очнувшись, огляделся, схватив возвращающимся к бдению сознанием знакомую картину человекоугодного заведения, как-то мешковато поднялся, взял нерешительно в руки свою верхнюю одежду, сумку и, не покачиваясь, но как-то не очень уж стройно вышел наружу, в спешащий куда-то город, там, на той улице, ещё целый, не подвергшийся безумной бизнес-архитектурной модернизации, ещё *свой*!

Стало ему легче от посещения заветного заведения или нет, кто знает, но то, что он в этот момент ни о чём *таком* не думал – факт!

Давно уже уставший от непонимания и не могущий быть понятым, он пошёл медленно туда, в сторону родного университета, где когда-то располагался за широкой спиной и умной головой Михайлы Ломоносова его родной факультет, где он постигал мудрёное знание, не имевшее, как всё более выяснялось, прямого отношения к вертевшейся вокруг реальности, однако ни о чём прошедшем – ни там, за могучими плечами Ломоносова, ни тут, пред его светлым ликом – он не сожалел: всему ведь был свой срок!

Закрытый курс лекций о сокровенном

Да, то был всамомделишный, хоть и краткий, курс лекций, и состоялся он в закрытом для ненужных глаз и ушей, кроме разве шпионских, заведении – аккурат по желанию главковерха, который что-то этакое уловил из беседы с мыслителем и посчитал нужным посвятить в деликатную тему разного рода военачальников, которые вроде бы ни в чём таком особенном не нуждались, ибо сами многое что из этакого знали и понимали, однако, как видно, показалось главковерху, не всё, вовсе не всё: оставалось ещё что-то им *неведомое* – что в зачинах войн, что в их ходе, что в последствиях, как раз то самое, что не могло не занимать высшее военачальное воображение и не привлечь их острого внимания ко вдруг возникшему перед ними совершенно гражданскому вещуну.

Лекция первая

«Я не буду, уважаемые слушатели, в чём-то вас убеждать, более того, мне совершенно всё равно, как вы воспримете мною сказанное, – и дело тут не в моём высокомерии, а в том, что либо это дано воспринять, либо нет, поскольку словами тут ничего или почти ничего не выразить, тем более всем понятными словами, да и не в словах дело, ибо то, о чём я буду говорить, лишено своего слова, оно хоть и отсюда, из нашего мира, из текущей реальности, но оно существует и действует при этом, как бы и не как бы вне этого мира, нередко и ему вопреки, короче – оно не отсюда, оно – оттуда, где нет ни человека, ни сознания, ни тем более слова».

Реплика из зала: «Потусторонний мир?».

«В том-то и дело, что он вполне себе с этой стороны, хотя и с той тоже, но он, увы, другой, а на моём языке – *иной* (*акцент на слове*), причём с большой буквы *Иной* (*акцент на слове*), а лучше бы сказать попросту – *Иное* (*акцент на слове*)».

«Да, именно так – *Иное* (*акцент на слове*)!»

«Попрошу это заметить: мы сейчас говорим не об ином мире, а именно об Ином как о самом себе, которое сидит и в нашем мире, и в нас, и в наших деяниях и представлениях, и в тех же суждениях».

(Пауза.)

Я хочу этим сказать, что наш с вами мир на самом-то деле иной, в нём сидит и работает это самое Иное, которое с большой буквы, отчего нам кажется, глядя на реальность, что-то одно, а на самом-то деле в ней присутствует что-то другое.

Вот вы все военачальники, генералы и полковники, вроде бы этой, или нашей, армии – факт!, но вдруг выяснится в один прекрасный момент, что вовсе не этой, не нашей армии, а какой-то иной – энской, поскольку эта, наша армия, может быть использована не в этих, не в наших целях, а потому окажется по сути вдруг иной армией, не нашей, да мало что иной – энской, а то и попросту чужой, да мало что чужой, не нашей, так ещё и, может статься, и попросту некой антиармией. Каково, а-а?»

(Недоумённый ропот в зале.)

«Что – не нравится, не допускаете сего? А зря! Ладно, не ропщите, а лучше вспомните, вроде бы внезапные, но такие иные – не так лихие, тяжкие и попросту гнусные, как именно *иные (акцент на слове)* 1990-е гг., да и зарубите это себе на носу и в головах своих, что *и-н-ы-е* (*говорит врастяг*).

Армия тогда какой и чьей была, кому и чему служила, а кому и чему она не послужила? Не анти-ли-армия то была, а-а?»

(*Вопросное волнение в зале.)*

«Короче, сегодня вроде бы одно, а завтра, глядишь, совсем другое, но что интересно, дорогие товарищи, даже сегодня нам кажется что-то одним, а на самом деле-то оно совсем другое, то бишь как раз иное. Да хоть взять тот же "Народный фронт", он что – и в самом деле фронт, да ещё и народный, да и что он фактически, какую роль сыграл, где он? Ясно, что симулякр, фикция, ну и пшик, конечно же, не так ли? Это, безусловно, лёгкий пример лёгкого события, а есть вещи и вести посерьёзнее, позаковырестее, отчего и тут как тут главная смысло-познавательная загвоздочка: мало что увидеть в бытующем *этом* (*акцент на слове*) что-то бытующее *другое* (*акцент на слове*), что вовсе не трудно сделать, куда как труднее заметить присутствие и действие неформулируемого Иного, да ещё и на это как-то реагировать».

*Слушатели не выдерживают и «поддевают» провокационного лектора: «*Так что же выходит: и мы тут вместе с вами... э-э... тоже иное?».

«А вы как думали, конечно, так и оно есть – *иное*: вроде бы всего лишь лекция, а на самом-то деле вхождение в *иной мир*... э-э... в портал, как сейчас принято говорить, этого самого Иного. И не по моему злому умыслу. Оглянитесь вокруг и увидите, что всё вокруг совсем не такое по внутренней смыслонавтике, чем кажется, всё – просто настоящее трудно разглядывать и оценивать на этот счёт, проще, конечно, с прошлым, когда можно уловить, что всё, что было когда-то хоть и было, но было на самом-то деле иным. Так что не я тут виноват, а реальность, принесшая с собой в эту аудиторию Иное».

(Пауза.)

«Вот, к примеру, кто такой был Наполеон Бонапарт и что такое случилось в Европе в связи с ним и его деяниями?»

Ироничный голос из зала: «Иной и Иное!»

«Правильно мыслите, товарищ, но зря иронизируете: да, конечно, то был Наполеон Бонапарт, и мы знаем достаточно об исторических с ним и его деяниях, происшествиях, но кто в девяностые годы XVIII в. знал, кем станет Бонапарт, что натворит и что сотворится в Европе в связи с ним, да и как и чем закончится сие незаурядное явление, кто?»

Голос из зала: «Никто!».

«Правильно, никто! И сам Бонапарт, этот худородный малыш с Корсики, ничего подобного не предполагал, хоть и был личностью амбициозной, стремящейся вперёд и ввысь. Да вот как и куда же? Разумеется, наобум и в неизвестность, которая не просто в обнимку с текущей вокруг реальностью, а в значительной мере сама реальность и есть, конечно же, как более всего неосуществлённая реальность, хотя, заметим, и осуществлённая реальность полна неизвестности, мало того, вовсе не нейтральной относительно реальности, а её немало и определяющей – как раз через посредство сидящего в реальности почти что субстанциального Иного».

(Пауза.)

«Обращаю ваше внимание: Иное – это работающая в реальности и с реальностью неизвестность, она же и ирреальность, ну и, если несколько иначе – *трансценденция* (*акцентирует на слове*)!

Иное не просто присутствует в реальности, а и в ней работает, переваривая, обрабатывая и определяя реальность, её характер, течение, итоги, как и любые в ней события-происшествия».

(Пауза.)

«Обратимся вновь к Наполеону Бонапарту, его исключительной судьбе. Да, он, будучи ещё молодым невысокого ранга офицером революционной армии, удачно проявил себя под Тулоном, оказался замеченным. Потом ему было поручено подавить контрреволюционное выступление в Париже, с чем он, артиллерист, блестяще справился. Стал членом Директории (Триумвирата), расправился потом с Директорией и стал единоличным диктатором.

Нетрудно заключить, что Иное, сосредоточившись на Бонапарте, прямо-таки тащило его вперёд и вверх. Именно Иное, которое, скажем так, обеспечивало возникновение личной бонапартовой ситуации, наложившейся на перемены в общей ситуации в пока ещё вроде бы революционной стране, движимые как раз Иным – уже и не слишком по духу и намерениям революционным, скорее наоборот, уже и антиреволюционным».

(Пауза.)

«И вот в это-то перекрестье революционного и антиреволюционного попадает Бонапарт: его личное иное совпадает с общим иным, а в итоге мы получаем не кого-нибудь, а нового императора с Новой Империей, что как раз и означает, что Иное сработало в пользу того и другого: революция со своими “Свободой, Равенством и Братством” уже была Иному не нужна. Реальность под воздействием Иного переходила в другую реальность – постреволюционную, более того – в антиреволюционную, однако не в старую королевскую, а в новую имперскую: Великая Революция родила не великие Свободу, Равенство и Братство, а лишь новую Диктатуру, Неравенство и Соподчинение».

Голос из зала: «А потом Иное свалило и Бонапарта с его империей, так?».

«Именно так: когда-то Иное вызволило революцию, потом обеспечило антиреволюцию, как раз уже в новом обличье социума и государственного правления при воспроизведшейся в общем-то дореволюционной сути, затем, отвернувшись от зарвавшегося Бонапарта и его искусственной империи, Иное обеспечило крушение Бонапарта и крах его империи.

Хитро, не правда ли? С Иным, знаете ли, шутки плохи: что хочет, ничего вроде бы не хотя, то и творит!»

(Пауза.)

Голос из зала: «Позвольте вопрос, профессор, выходит, что реальность и в самом деле какая-то инообразная, она не просто меняется, а меняется через Иное, с участием Иного, короче, не так, как того желают участники и даже авторы перемен, а как желает вредно-безвредно-благое Иное?».

(Пауза.)

«Верно, но не совсем так, как того желает Иное, а как не желают, а иной раз и желают, совпадая с интенциями Иного, исторические акторы и процессы. Всё совершается обычно по-иному и с иными, до того неизвестными, как правило, и с невероятными и внезапно возникающими итогами, когда итог – вовсе не итог совершавшегося, а сам-себе-феномен, само-себе-событие, само-себе-свершение, а ранее свершавшееся, тоже ведь вызванное Иным, всего лишь расчищает дорогу для всего итожного, как раз иного».

(Оживление в зале.)

«Я думаю, мы получили сегодня повод и возможность поразмышлять над (*усмехается*) милым моему сердцу Иным, его значением для движения бытия-истории, ну и, разумеется, для стратегического мышления, как раз характерного для людей вашего занятия и вашего уровня».

(Пауза, лектор смотрит на часы.)

«Да-а... На сегодня, пожалуй, хватит, теперь надо нам всем надо всем этим и впрямь поразмышлять: иноперемены, о которых у нас речь, не гегелевское отрицание отрицания, это кое-что покруче – здесь всегда явление не просто чего-то противоположного, а именно *Иного* (*акцентирует на слове*) благодаря действию Иного с большой буквы (*снова акцентирует на слове*).

На сегодня, товарищи, всё, до следующей встречи!»

(Аудиторией явно завладевает интерес ко всему услышанному, хотя и не без толики недоумения.)

Лекция вторая

«На прошлой лекции я уделил много внимания Бонапарту с его империей и связи их судеб с действием Иного. Характерный пример, хотя таких примеров в общем-то сколько угодно. Главное – ухватить это Иное, осознать факт его наличия и рабочего присутствия в окружающей гуманитарной реальности».

(Пауза.)

«Не сомневаясь в ваших познаниях истории, позволю себе заметить, что далеко не один Бонапарт оказался в творческой связи с Иным, но и, в частности, вся Западная Европа, которую мы и величаем обычно просто Европой. Главное, на что хочу обратить ваше внимание – на теснейший союз Европы и Иного, сделавший Европу как бы Ино-Европой, то бишь упорно шедшей вперёд, ввысь, в неизвестность, теряя, обретая, меняясь, становясь при этом другой Европой, ввалившейся в каино-антихристовый прогресс, ставшей на деле иной и инообразовавшей весь мир, его прогрессно европеизировав как посредством имперской колонизации, так и экономической, технотронной и культурной экспансии, нередко принимавшейся от Европы и добровольно, во всяком случае – встречно. Достаточно помянуть петровскую Россию».

(Пауза.)

«Коллизии, пертурбации, революции, войны, культурные открытия и научно-технические достижения – всё это европейское благо- и злолепие служило в союзе с Иным великому преображению Европы, всему европейскому *демиургированию*, то бишь *пересотворению мира* (*акцент на словах*). И невозможно представить сии процессы без влияния Иного, ибо в их реализации прослеживается не так программа со стороны самих европейцев, как погружение, вполне и рисковое, затратное и жертвенное, в это самое Иное. Короче: стать иной и всё тут, а вот какой конкретно решалось не так Европой, как Иным, хотя само Иное тоже не имело определённой программы, – и это надо бы хорошенько осознать!»

(Пауза.)

«Иное – сила, даже сильная сила, очень сильная, однако кому-то и чему-то союзная и благоносная, а кому-то и чему-то враждебная и зловредная, это уж где, как и у кого получается.

Заметим, что Иное довело Европу до создания и расцвета *целостного искусственного мира (акцентирует на словах),* ставшего не частью всего лишь зе́много мира, а ему полноценным противовесом. В Европе и на Земле возник-таки *иной мир* (*акцентирует на словах)*, притом как мир реальный, фактический, нашенский – и, что особенно интересно, – потребовавший от Европы стать *иной Европой (акцент на словах)* – единой, денационализированной, однообразной, отчего и Бонапарт со своей империей

как предтеча, а затем и Гитлер с фашизмом и Третьим Рейхом уже как чуть было не исполнившаяся реальность, да и марксизм с коммунизмом, предусмотрительно переброшенные в крайнем большевистском выражении и исполнении испуганной им Европой за ручку с Иным в Россию, но от влияния Иного насовсем не ушедшие».

(Пауза.)

«Понимаю, что говорю не слишком внятно и доходчиво, но рассчитываю, уважаемые товарищи, на возможность с вашей стороны потребного додумывания: объединённая, то бишь иная Европа, таки возникла, даже возник Европейский Союз, но... (*пауза*)... Иное не перестало работать, поставив Европу с её расширившимся Союзом и бегством из него Великобритании в положение «Быть – не быть!». Ах, это Иное: то ему единую Европу подавай, то, понимаешь ли, не надо ему единой, но тогда какую же Европу ему надо? Или уже и самой Европы не надо? Кто ж это знает, если само Иное не знает: опять какую-то иную, может, и вполне себе уже самопохищенную, то бишь нулевую!»

(Заметная пауза.)

«Россия тоже не обходится без союза с Иным, но не так, как Европа: Россия жаждет иного, но... российского, русского, росского, и никак к этому иному – как раз своему иному – не выйдет, перебирая пока другие – внешние для неё – инообразы, не выходя из потаённых глубин реальности, опускаясь иной раз и до отсидки в Нави, а Навь, знаете ли, оборотка Яви, её, так сказать, бэкграунд.

Революция 1917 г., состоявшая из двух – опять, как и у Петра I, проевропейских – по виду и замыслу – переворотов, была немало антироссийской, то бишь вполне иной относительно России, однако Сталину пришлось под давлением опять же Иного признать российский фундаментализм (ещё до войны 1941–1945 гг.), что его в итоге и выручило, но... Иное на то и Иное, чтобы не оставлять в покое реальность: сталинский режим хоть и продержался с переменным успехом и непременным угасанием плюс-минус полвека, но не устоял перед Иным и... исчез, правда, старательно к исчезновению подтолкнутый и самим возникшим к тому моменту иночеловеком!»

(Пауза.)

«Итак, выходит, что российская революция 1917 г. не привела в итоге к тому, ради чего затевалась, а привела не к чему-нибудь, а к сталинской диктатуре, вполне тогда, надо полагать, и необходимой, что означает, что привела как раз к моему (*усмехается*) *иному*, а диктатура сия, пусть и ослабленная и несколько очеловеченная с уходом Сталина, надолго не задержалась, превратившись из необходимой реалии в ненужную ирреалию, что и означает, что страна не пришла к потребному уже ей, а не мне, *иному (акцент на слове)*, и Иное с большой буквы ей этого и не простило».

(Пауза.)

«Вы видите, товарищи военачальники, что Иное никого и ничего насовсем не отпускает, оно всегда здесь и всегда в работе. Я не буду говорить о войнах, их ве́дении, удачах и просчётах, поражениях и победах, ибо вы это знаете лучше меня. Войны и Иное неразлучны! Иная стратегия, иная тактика, иное вооружение. Вроде бы понятно, но... как же редко и не просто это всё *иное* (*акцент*) достигается, как и, наоборот, насколько легко мимо чего-то нужного проскакивается.

Моя задача вовсе не в том, чтобы вас чему-то учить, а всего лишь обратить внимание на это загадочное, вполне и сакральное, Иное, на умение с ним взаимодействовать, коли уж о нём знаешь и вполне осознаёшь его непреходящее значение. Сколько всего это Иное выявило, поддержало, но и сколько закрыло, погубило! Оно ведь безмолвно, ничего не говорит, но зато непрерывно действует вполне решительно и вполне исподтишка. Кто дружит с Иным, тот и выигрывает, а кто самоуверенно его не замечает, тот, естественно, проигрывает – не щадя живота своего!»

Голос из зала: «Есть над чем подумать!».

«Да, это так! Не знаю, удалось ли мне донести до вас сию практически не раскрываемую словами мудрость, но я, как видите, старался, надеюсь, не напрасно. Благодарю вас за внимание и желаю всем вам успехов. Будьте с Иным и... будьте с ним поосторожнее!»

Слушатели окружают лектора: «Как же всё-таки с ним быть, с этим Иным?».

«Рецептов тут нет, помимо того, что знать его и его осознавать, нужно, конечно, быть с ним на одной волне, однако не на одной ноге, Боже упаси!, что даётся глубоким размышлением, искренним переживанием и проникновенным погружением в реальность...

– Которая, – встревают слушатели, – иная и полна Иного!

– Совершенно верно: знания и факты хороши, но это не всё, далеко не всё, есть то, что не соответствует ни знаниям, ни фактам, а это и есть самое главное, как раз то, что решает и что на самом деле происходит (*Пауза*) Всё, что мог, я сказал, а теперь, товарищи, сдаюсь!»

Голоса: «Спасибо, всё это очень важно, спасибо!».

* * *

Едучи домой в комфортабельном автомобиле, предоставленным ему неафишируемым учреждением, весьма подуставший от проведённого разговора с военспецами, он думал о том, удалось ли ему донести до сих не слишком доверчивых слушателей в общем-то недоносимое, что реальность вокруг не только эта – явленная, но и другая – скрытая, в сути своей как раз иная, что есть оно – Иное, что удачи и неудачи, победы и поражения напрямую зависят от этого Иного, точнее от того, насколько человек, принимающий решения и управленчески действующий, с ним – этим Иным – считается и находится на конструктивной связи, а Иное это – вовсе и не добренькое, даже, пожалуй, более злое, чем доброе, ибо так устроен сам реально-ирреальный мир, а человек в нём всё-таки только участник, пусть и умный, и амбициозный, и много чего знающий, но, увы, не осведомлённый в главном – в тайне мира, от него надёжно сокрытой.

Тут что-то вроде рулетки, да не простой, не игровой, а той самой – русской... бац!.. и есть Бонапарт... бац!.. и нет его, как бывает и с другими из рискующих обойтись без учёта Иного и не воспринимающих запрятанного в окружающей реальности иномира, от которого всё главное и зависит.

Да-а, пользуются правители услугами ясновидцев, полагаются на их откровения, но какой ясновидец скажет правителю, что бодрая Аннушка уже пролила своё масло аккурат на его – правителя – пути... э-э... сам, сам правитель должен вникать в Иное – такое при этом разное и так по-разному коварное!

Так думал он, пока не задремал в уютном кресле комфортабельной колесницы, неторопливо пробиравшейся по загруженным столичным улицам, а Иное явно при этом покойно отдыхало, как и уснувший на пригоршню минут порядком подуставший от собственной иномудрости странник.

Ах, это Иное!

На следующий день нашего странника неожиданно для него соединили с главковерхом. Тот поблагодарил его, сообщил, что слушатели остались довольны, хотя и немало озабоченными, что сам он в курсе сказанного лектором, что продолжает надо всем этим размышлять. «Да-а, – процедил задумчиво главковерх, – есть она – эта потаённая смыслология реальности, как и есть точка либо подскока к ней, либо от неё отскока, тут уж на что тебя выведет твоё собственное Иное или уж как попросту тебе повезёт. А за науку спасибо!»

Немало удовлетворённый словами главковерха, мудрец задумался над этими «подскоком» и «отскоком», точнее, подсоединением к потаённому смыслопотоку или, наоборот, бегством от него, пусть и никак особенно и не осознаваемыми.

Петр I, к примеру, шёл напролом к Иному, его же и игнорируя, за что и поплатился убиением собственного сына и своей ранней загадочной смертью; Екатерина II, эта узурпаторша на троне, ловко заигрывала с Иным, имитируя с ним деловое и чувственное взаимодействие, пусть и не осознанно, но для себя и империи весьма эффективно; Павел I истово бросился в объятия Иного, воюя при этом с ним, и быстро сгинул; Александр I чувствовал и даже в меру понимал Иное, но предпочёл от него ретироваться, чем лишь обозначил уже шедший процесс самоликвидации империи (царства), как бы сей процесс легитимировав; Николай I никак не чувствовал Иного, пытался неосознанно ему противостоять и кончил позорным проигрышем в Крымской войне (и своей преждевременной, чуть ли не самовынужденной, смертью); Александр II пошёл навстречу Иному, но вполне не дошёл, не предотвратив нараставшей в стране потенции к Революции (был сей нараставшей Революцией и уничтожен); Александр III вступил в затяжную схватку с Иным, но победителем не вышел, хоть и не стал от него пораженцем; а вот полным пораженцем оказался уже сын его – Николай II, ничего не понявший ни в Этом, ни в Ином, ни в Революции, ни в Войне, и Иному начисто проиграв (был, как известно, убит Революцией, увы, вместе с семьёй).

Что было дальше? Иное взорвалось Иным – с падением бытия российского вниз, в реввоенгражданскую бездну; Керенский разумно и вовремя сбежал от взорвавшегося Иного; Ленин неразумно

встрял в него и был им – этим Иным – уничтожен. Все остальные ревподельники были уничтожены хитроумным Сталиным, бывшим «из своих же», который, идя будто бы навстречу Иному, его – Иное – переориентировал, став беспрекословным диктатором-созидателем, и в итоге, выиграл, подчинив себе саму реальность, включая и Иное, выйдя из схватки с реальностью, но в союзе с Иным, несомненным победителем (ещё и потешив себя званием генералиссимуса!).

Да, это, пожалуй, единственный из верховных правителей, поднявшихся из низов, оказался создателем новой, причём, *иной* цивилизации – социабельной, трудо-творческой, товарищеской, высококультурной, почти что и соборной, но именно почти, ибо соборность эта, державшаяся на зорком насилии и военной дисциплине, беспрекословной всеобщей ответственности и заведомой покорности, не имела потенциала вольного себя же воспроизводства, отчего подлежала срочному реформированию, что чувствовал даже сам престарелый её создатель, но достойных сей миссии преемников не оставил, уничтожив заблаговременно возможных, ему лично якобы угрожавших расправой, что позволило Иному затем расправиться со всей сталинской цивилизацией, не побрезговав усилиями услужливых бездарностей, скрытых противников, а со временем и открытых предателей.

Став на сторону Сталина в разорное, убийственно рискованное для страны время и позволив ему совершить невозможное – сохранить, преобразовать, укрепить державу, привести её к победе в Великой войне 1939–1945 гг., доведя державу с её народом до «цветущей сложности», Иное не позволило сохранить достигнутое на более, чем четверть века, ибо правление страной не сподобилось по в общем-то обыденным, вполне унылым и даже пошлым, причинам пойти навстречу Иному, требовавшему не консервации достигнутого Сталиным строя с неглубокой его либерализацией, а вполне себе серьёзных в нём перемен с выходом на иную, пусть и государственническую, пусть и имериальную, пусть даже и силовую, но самовоспроизводящуюся соборность, в матрице которой нашлось бы место всему потребному для человека с соблюдением во всём этом потребном экзистенциальной для всего общества и каждого человека меры.

Не ответили тогда на преображенческий зов Иного и получили от Иного вызов – сокрушающий, мало того – хаосный, бездне-

ский, преисподненский, отчего вышло, казалось бы, невозможное, а именно воцарение на пространствах бывшей Российской Империи и бывшего не слишком-то легитимного (Не)Союза, (Не)Советских, (Не)Социалистических, (Не)Республик ничего иного, как самого что ни на есть настоящего *Антимира*, да-да – АНТИМИРА!, и не как итога осознанного переделывания одного мира в другой – пусть и в худший, а как итога выворачивания мира вообще с его заходом в Бездну, Преисподнюю, Вселенский Хаос, и обретение противоположного миру вообще Антимира вообще!

Жуткий, но факт!

Выскок тут свершился того самого антимира, правда, уже в ином облике, с которым как раз и пришлось ранее сразиться – не без жестокости, не без перегибов и переборов, товарищу Сталину, буквально выдавливая антимир ради воссоздания человеческого мира, – и ведь выдавил и создал!, пусть и не надолго, но именно человеческий, людской, гражданский мир, когда все (большинство) были вместе и заодно – за труд, творчество, достижения, победы, причём ради всех, ради других, ради общего дела, ради общей полноценной жизни наконец.

Было ведь, было, пусть и не без насилия, не без жестокости, не без перегибов и переборов, но зато и не без поведенческой морали, гуманитарных устоев, общественных и гражданских норм!

Странник наш был сам участником той жизни, живя среди людей – *настоящих людей*, возрастая, формируясь, образуясь, трудясь, общаясь, дружа, поддерживая и получая поддержку, а потому и свидетельствует он, и утверждает, и оценивает, но при этом и судит, что тот мир – полноценный, что этот – суррогатный, так легко обернувшийся полномерным антимиром, хоть и понимает, что судить ему ныне в общем-то некого – этих нелюдей из адептов антимира, что ли?!

И ежели что занимает его сегодня, так это лишь ответ на один безответный вопрос: почему же Иное пошло на этот ужасный выворот, не ради же отместки за принудительный, оплаченный страдой, страданием и кровью выплеск мира полноценного, почти что и фантастического, не какого-то там провокационного коммунизма, а реально человеческого мира, вовсе не идеального, да почему же и не идеального, ежели другого *такого* никогда не было ранее и никогда уже не будет?!

Почему, почему, почему?

Почему же навстречу скверной, низкой, подлой природе человека и в пользу скверного, подлого, лицедейного антимира?!

Было о чём глубоко и тяжко задуматься страннику, как раз и ставшему из-за всего происшедшего никем иным, как мудрецом-отшельником, навсегда ментально покинувшим учёное поприще с его научно-де-обоснованными враками о человеке, бытии, истории, да и о самом мироздании тоже.

А церковь-то ныне вовсю процветает, не только не гнушаясь антимиром с его античеловечеством, а и став яркой позолоченной частью этого замечательно блистающего довольством, лоском и пустотой антимира.

И ежели кто-то ещё думает, что антимир – это не более чем часть, ещё и не слишком влиятельная часть, нынешнего человеческого мира, включая и российский, то он глубоко ошибается: переворот свершился и никакого собственно человеческого мира уже нет, а есть лишь *античеловеческий антимир*, зачем-то Иному потребовавшийся – уж не ради ли последнего, вполне уже какофонического, постэкзистенциального аккорда?!

Если самоуничтожение человечества неизбежно, тогда всё понятно: Иное – аки Суд Страшный, аки Кара Небесная, аки последний предсмертный выдох!

Что же касается послевоенного в четверть века длиною советско-российского бытия, как раз в главном вполне себе человеческого, то это было что-то вроде последней яркой вспышки отгорающей экзистенциальной свечи – что-о, разве не так?

ИНОЕ КАК ИНОЕ И КАК НЕИНОЕ

Оцепенение

Мир человеческий, включая, увы, и Россию, несмотря на его интенсивнейшую физическую движуху по всему охвату земного шарика, мало что, несмотря даже на происходящие глобальные, весьма и трескучие, и громкие, и даже визгливые перемены – в *оцепенении*!, да не в простом каком-то там оцепенении, – чего в бытии не бывает! – а в *великом оцепенении*, то бишь не просто в оцепенении, а прямо-таки в... ОЦЕПЕНЕНИИ!, – как раз в том самом, вовсе и не только ковидном или в том же эколого-климатическом, даже не в предвойновском, а как раз том самом, что случается на самом краю, перед пропастью, под завораживающим взглядом бездны – БЕЗДНЫ!

Что, разве не так? Преувеличение, искажение, пустой алармизм? Ложь? Это в эпоху-то «постправды»?

Мир замер *от самого себя* и *перед самим собою*, да так замер, что вкруговую оцепенел, да ладно бы умом с разумом, а то ведь и безумием своим со своим же бессознанием тоже.

Во-первых, что вообще с миром происходит, во-вторых, что с миром будет завтра, в-третьих, пардон, а что будет... э-э... послезавтра, кроме, конечно, *пост*-мира, с его *пост*-человеком, а то и, глядишь, по полной – ни мира, ни человека?!

То бишь, *ничего* не будет, как раз не в плане того, что ничего особенного не случится, а в разрезе как раз... НИЧТО – почему нет? Кто из нынешних полуобразованных, мало что знающих и хайтехположных докажет, что *такого* – ТАКОГО! – быть вообще не может?

Было когда-то *начало*, почему же не случиться *концу* – КОНЦУ!

Оглянись вокруг, читатель, всмотрись в себя, в других, и что? – что в мире сейчас сильнее всего: *что* как раз к КОНЦУ, *что* от КОНЦА или *что* через КОНЕЦ к новому-де НАЧАЛУ? А отвечая на сей вопрос, обойдись без эмоций, без ссылок на веру, как и вообще без веры в веру, а так... как осознаненный космогенный субъект. Что-о, слабо́?!

Оцепенение, а уж тем более ОЦЕПЕНЕНИЕ, ведь никого не спрашивает, приходить ему в мир или не приходить, вселяться в человека или не вселяться, обуять Землю или не обуять, оно, – это самое ОНО, – само приходит, само вселяется, само обуяет, разумеется, не без обаятельного панибратства с отчаянием – ОТЧАЯНИЕМ, но это уж как кому видится и как у кого получается!

Мир вступает не в очередную, пусть и болезненную, *трансформацию* (смену образа), а уж извините, господа-товарищи, в небывалую на памяти людской *трансгрессию*, то бишь замену себя чем-то другим, не исключая и воцарение пустоты – ПУСТОТЫ!

Что ж, увидится!

И скоро, надо заметить, увидится!

Антимир

Нет, *антимир* – это не зло как таковое, не беспорядье, не хаос как таковой, не война, даже не смерть как таковая со своим загробным миром, а вполне себе земный, «всечеловеческий», очень даже живенький мир, который прямо здесь, на Земле, частично, правда, и в космосе, мало того, мир сытый, пресыщенный, довольственный, избыточный, растратный, к тому же ещё и блистательный, весёленький, чуть ли не радостный, в общем – наш нынешний мир, рождённый передовым (западным) человечеством, воспринятый, пусть и не без ворчания, коррекций и даже сопротивления, всем просвещённым, – как раз им – антимиром – и просвещённым, – человечеством.

Да, это мир Постмодерна – игровой (мир-игра, местами и моментами игра весьма и злая, беспощадная, смертоносная); имитационный (мир-симулякр, отчего и содержательно вполне себе пустой); виртуализированный (мир-облако, как бы и невесомый, лёгкий, летучий); насквозь искусственный (мир-эрзац, мир-поделка, но при это и мир-подделка, аккурат под Царствие Божие на Земле!, отчего и мир-ложь, она же и Великая Лжа!); хоть вроде бы и живой, но так живой, что заместо жизни в нём не жизнь как таковая, а самая настоящая... *нежизнь*, пусть для индивидов и долголетняя, однако безвремéнная и беспространственная, как бы коконная, но с прозрачными, невидимыми и никак не касаемыми человеческими руками коконными стенками, как бы и бескоконная; и коли мир сей насквозь искусственный, то он уже

и сплошь неприродный, ещё и сверхприродный, мало того – антиприродный, что-то вроде мира-подвески, аккурат висит над бездной, отчего и мир бездуховный, десакрализованный, тощий, как раз пустой, этакий мир-ПРИЗРАК!

Антимир не просто сосуществует (весьма и паразитарно!) с собственно миром – МИРОМ!, он его – МИР – уничтожает, с жадностью попирая и настойчиво замещая, роя при этом бездно-хаосную яму не только ему – МИРУ, но и себе тоже: вот почему он – этот самый антимир – не просто новый мир, а именно вполне себе целостный *анти*-мир – АНТИ-мир!

Антимир всюду и во всём, главным образом, в человеке, социуме, культуре, образовании, вообще в человеческой, – если уже не *пост*-человеческой, – экзистенции, ну и, разумеется, в делах человеческих и в их – этих дел – небывалых по объёму мусора и токсичности итогах.

«Обыскусствывая» мир, бытие, жизнь, экзистенцию, среду обитания, человек-демиург, стремясь к удовлетворению своих как необходимых, так и всё более искусственно раздуваемых потребностей, создал (породил), пересотворяя данный ему мир в мир, им взятый, не что-нибудь, а своего ми́рового могильщика – АНТИМИР, самым что ни на есть лучшим символом которого стал досточтимый «Чёрный квадрат» Малевича, хоть, быть может, ещё не ставший памятным знаком на могиле человеческого мира, который пока ещё есть и пока ещё сопротивляется смерти от антимира, кажется, уже и не без всё более заметных предсмертных судорог, но зато ставший – этот милый знатокам антиискусства «Квадрат» – миру человеческому характеристической и вряд ли уже смываемой аки тюремная наколка, апокалиптической печатью.

Генштаб

Ожиданно-неожиданно странник наш, он же софийный мудрец, получил приглашение вновь посетить высокое закрытое учреждение, чтобы встретиться с запомнившими его лекции военачальниками, восхотевшими с ним кое о чём обмолвиться, как оказалось, за круглым столом и за чашкой душистого чая.

«Мы вот всё думаем о вашем Ином, не можем с вами не согласиться, – заговорил один из генералов, видимо, из инициаторов встречи с лектором, однако хотелось бы кое-что прояснить

на каких-либо близких нам, нашей стране, нашей жизни примерах, вроде той же революции 1917 г. или же войны 1939–1945 гг., ну и, если возможно, на примере крутых перемен 1980–1990-х гг., как и текущей событийности тоже».

(Нелёгкая пауза.)

«Обо всём этом мы, конечно, не сможем зараз поговорить, хотя и есть о чём, – задумчиво произнёс учёный, – а вот о кое-чём общем для названных и им подобных происшествиях, заметьте – *происшествиях*, что важно иметь в виду, поговорить попробуем».

(Задумчивая пауза.)

«Почему же именно происшествиях? А потому что все или многие, или даже некоторые, знали, предвидели, предчувствовали, что все эти события непременно или с той или иной вероятностью произойдут, но вот *как (акцент на слове*), произойдут да и с *какими итогами (акцент на словах*), кто ж это знал, предвидел, прозревал?

Э-э... отвечаю: *никто (акцент)*! В главном ведь *это... э-э... сами-себе-события (акцент на словах)*, некие известные неизвестности, а потому и *происшествия (акцент на слове)*, причём которые, обращаю ваше внимание, *не могли не произойти*, причём именно *так и с такими последствиями (акцент на словах)*, как реально и с какими реальными последствиями они произошли, хотя их и ожидали, и к ним готовились, и даже их делали».

(Краткая чайная пауза.)

Голос: «Иное?».

«Да, Иное, его работа, и заметьте, где тут планы, а где тут реальность? Ясно, что тут некие процессы, какая-то стихия, вполне заметная неопределённость, досадная неизвестность и т. д., в общем – бытие, жизнь, “ход вещей” и т. п., но – обращаю ваше внимание – *само*-происшествия *(акцент на «само»),* которые проходят вовсе не как революции, войны, перестройки, реформы, трансформации и т. п. нарочито обозначенные события, а как само бытие, сама жизнь, сам “ход вещей”, ну и сама смерть, и всем этим событиям наплевать на то, как их называют люди, ибо они, повторяю, *сами-себе-события (акцент на словах)*. Чуете? Выходят из Ничто и в Ничто же уходят, изменив течение бытия, жизни, “хода вещей”, той же смерти. Им всё равно, был ли тот же царизм во главе с Николаем II, был ли Ленин с Троцким, были ли Черчилль,

Гитлер, Сталин, как и те же Горбачёв с Ельциным, как и были ли Российская Империя, Третий Рейх или тот же СССР: надо было, всё и свершалось, хоть и не без участия всех этих исторических персон и территорий».

Голос: «Тогда что же получается, все эти персоны и территории ни при чём?».

«Вполне себе причём, однако с учётом творящего Иного, учитывающего многое, причём как раз и решающее, что по обыкновению не слишком известно и не особенно осознаваемо ни персонами, ни территориями: всё это ведь где-то в глуби, в выси, в далях готовится, ещё и очень загодя, мало того, скрытно, потаённо, ещё и извилисто, прерывисто, не прямо вовсе, а потом вдруг и является из Нави в Явь, да как-то очень *по-своему (акцент на слове)*».

(Затяжная пауза.)

«Эх, как вам всё это объяснить, шевелите своими умными мозгами, товарищи военспецы, всё явленное ведь и в самом деле выходит из Ничто и туда же уходит, что не значит, что из пустоты выходит и в пустоту уходит, нет, из Иного выходит всё нашенское, туда же оно уходит, однако через посредство всё того же Иного, – вот какая тут противная заморочка!»

(Глухая пауза.)

Голос: «Получается, что всё решает не человек, а что-то другое, так? Не исторический ли тут попросту фатализм?».

(Тревожная пауза.)

«Фатализм тут несомненно есть – задумчиво произнёс лектор, – но это не значит, что человек всего этого фатального никак не определяет и не движет им. Определяет и движет, да ещё как, либо делая что-то, либо, наоборот, чего-то не делая. Те же разломно-взрывные события 1917 г. и последующих лет – дело голов и рук человеческих, но в сути своей – деяния Иного, самой реальности, своими причинными корнями уходящими глубоко в историю, хотя бы в петровские-послепетровские времена: в XX в. разразилась на всё, теми временами порождённое, гневная реакция – как неизбежный ответ, пусть идейно-практически в чём-то и странный, даже и несуразный – причём не на что-нибудь, а на силовое унижение тогдашней российской реальности, её закрепощение».

(Явное недоумение в зале.)

«Да-да, именно так: *закон бумеранга (акцент на словах)*, скажу я вам, всегда в деле, вопрос лишь в сроках, направлении и сути ответа. Насилие, обман и унижение никогда, нигде, никому и ничему не прощается: тут ведь, знаете ли, “кровь за кровь!”, не более и не менее! (*Пауза*) Да, то, что мы называем российской революцией, загодя готовилось, за неё и против неё боролись, шли на смерть, её – революцию – по-разному понимая, но почему же готовилось, почему же боролись, почему же умирали, как и зачем насильничали с обеих сторон – революционной и контрреволюционной?.. – а-а... догадываетесь... так, так... бытие, конечно допускает насилие, обман и унижение одних другими, а вот история, увы, ничего никому и ничему не прощает, – и уже неважно, как, когда, с участием каких персон, идей, лозунгов, тех же территорий, что, конечно, не значит, что история находит-таки полное удовлетворение от бумеранговой мести за прошлое, более того, она его – это удовлетворение, хоть сначала вроде бы и находит, а потом... э-эх... рано или поздно откуда-то нахлыниевает новое неудовлетворение, кончающее с достигнутым было удовлетворением».

(Нестерпимая пауза.)

Голос: «Замкнутая на себя историческая круговерть!».

(Глоток остывшего чая.)

«А всё почему: таков он – человек, таково оно – бытие, такова она – зацикленная на себя история, – и с этим приходится считаться, хотя и тут всё неоднозначно, но об этом либо как-нибудь потом, либо уж никогда. На сегодня, думаю, товарищи, хватит, а-а?»

Генерал: «Да, на сегодня, пожалуй, хватит, но думаю, что это не последняя с вами встреча, надо бы поговорить о ближней истории, текущей прямо сейчас».

«Даст Бог, и поговорим, а пока всего наилучшего, товарищи дорогие, благодарю вас за внимание!»

Обречённость

Нет, не на смерть – хоть преждевременную, хоть запоздалую, – обречён человек, а на жизнь, которая то ли жизнь, то ли не жизнь вовсе, а так – некая нежизнь, что уж кому как кажется и кому как оказывается, однако явившись на свет, человек, снабжённый зачем-то сознанием, – нет, не разумом, которого и у животных хва-

тает, а именно сознанием (от знания, а не от ума), чего как раз у животных нет: слова нет, языка, смыслов, так вот он – человек – таки живёт, как и, само собой, неживёт, разумеется, по-разному, да не в соответствии лишь с самим собою и текущими вокруг обстоятельствами, а и с застаиваемыми им или же им достигаемыми фундаментальными, бессрочными и не слишком при этом человеколюбивыми императивами: кто-то наверху, хорошо ежели что-то нужное людям созидающий или чем-то толково управляющий, а то ведь и попросту паразитарно жирующий – прямо от рождения, а кто-то, увы, внизу, не жирующий вовсе, но зато много и тяжко трудящийся, да ладно бы только ради себя и своих близких, а то ведь по преимуществу ради цветущего пребывания на свете этих самых верхних, а кому-то удаётся бытоваться как бы посередине, не без обслуживания своим трудом верхних, но и не без поддержки и окормления нижних, не говоря уж об участии в угнетении нижних ради верхних и себя тоже, а ещё и, если есть способности и есть «везуха», заниматься творчеством – словесным, художественным, сценическим, музыкальным, mass-media, киношным, даже и спортивным, ну и, само собой, научным, размыслительным, а кое-кому суждено быть, стать, очутиться разного рода маргиналами, среди которых не только нищие бедолаги, бомжи и бродяги, как и те же умалишённые, но и редкостные дураки и редкие мудрецы, не обязательно при этом заброшенные, бездомные и нищие, а кому-то доводится быть стражами, полицейскими, тюремщиками, палачами, ну и воинами, а ещё и священниками, монахами, шаманами, гадалками, экстрасенсами, ведунами, ну и мошенниками тоже.

Да, живут-неживут люди, эксплуатируя себе подобных, насилуя, защищая, убивая, спасая, гнобя, выручая, грабя, борясь, совершая подлости и подвиги, жертвуя собой и другими, подличая, благородствуя, прячась, предавая, в общем – реализуя тот или иной экзистенциальный (для кого-то и невыносимый) проект – свой, чужой, внятный, туманный, необъяснимый, трансцендентный.

С интересом бытуют и без оного, разумно и бестолково, сознательно и наоборот, вкрадчиво и неистово, держа себя, удерживая других, творя зло и сотворяя добро, при этом что-то говоря, говоря, говоря, но и безмолвствуя тоже, веря и не веруя, плюя на всё, на что-то умиляясь, немало отчего-то беснуясь, в общем – дырчато бытуют, неровно, переливчато, хаосно, а то вдруг и стройно – по-всякому!

Обречёнными на жизнь, нежизнь и смерть людишки бытуют, но не только – на Неизвестность и на Иное тоже, надеясь на ум, знание, силу, ловкость, хитрость, даже и на безумие, но и испытывая беспокойство, робость, страх, бессилие, а главное, от всего великое недоумение – НЕДОУМЕНИЕ!, за которым чёрной тенью таится не что-нибудь, а... – ОБРЕЧЁННОСТЬ! – быть, не́быть, не быть!

Что ж – ***Великая экзистенциальная мистерия***! Непрерывная, безысходная, произвольная игра, игра без правил и втёмную, – что для человека, что и для них – уже и *за*-человеческих мистериалов, когда у игры лишь один приз – смерть, аннигиляция, исчезновение!

Жизнь-нежизнь, как и ту же смерть, можно показывать и показывать, что и проделали с давних времён сказания, мифы, сказки, россказни, религии, искусства, философии, литература, так же и гуманитарная наука, как и самая обыкновенная бытовая болтовня, а экзистенциальный воз всё там же – в болоте НЕЗНАНИЯ, в распутице НЕДОУМЕНИЯ и, соответственно, в когтистых и при этом липких лапах ОБРЕЧЁННОСТИ!

Да, человек знает, что есть вроде бы она – ВЕЛИКАЯ НЕИЗВЕСТНОСТЬ, что будто бы есть и действует втихомолку и незаметно у него под носом ИНОЕ, а вот что есть по сути это самое Великое Неизвестное, как и что есть в реальности это самое Иное, да и есть ли в общем-то они – как реалии, пусть и ирреальные, человек, разумеется, не знает, а потому и обречён на игру со всем этим вслепую, ну пусть почти вслепую, как раз с тем самым «почти», которое и позволяет играть – как раз вслепую!

И коль скоро мы тут толкуем без удержу об «Ином», то нас интересует прежде всего игра, она же дружба и война, человека с этим «Иным», мало что неотступным, вёртким и многоликим, так ведь ещё и взаправду *иным*, то бишь *никаким*, – поди-ка разгадай его, ещё и вслепую!, отчего и взаимное между человеком и Иным *обречение*, оно же и ОБРЕЧЕНИЕ, которое куда как похлеще какого-нибудь *обручения*, пусть и по любви, и по дружбе, и по общности сердец, ибо Иное на то и иное, чтобы быть, играя, а играя, не быть, при этом всегда... слышите, всегда!.. выигрывая, разве лишь иной раз уступая человеку, как то случилось вдруг со Сталиным и сталинизмом, тоже ведь, как всё более становится очевидным... *иными*!

Запись в дневнике

Обречённость, *обречение* – от «речь», «речение», то бишь высказывание, которое связывает с чем-то и не позволяет отвязаться.

А вот *отречённость*, *отречение*, которое наоборот: высказывание на отрыв, разрыв, отпад, и от которого тоже не уйти, не жертвуясь.

Первое – пусть и недоумённая, и тяжкая, и невыносимая, подминающая связь, однако могущая при случае и выручить, и приподнять, и вознести.

Второе – может, попервах и облегчение, но зато потом... э-э... что говорить, и так ясно – ничего хорошего!

Вяжись с Иным, от него не отрекайся, глядишь, и пособит, хоть и воздаст сторицей, а за что, когда и как... так тут же Неизвестность!

Обращение

Главковерху от NN
Доверительно

Глубокоуважаемый ZZ,

Обдумывая возможное содержание новой встречи во вверенном Вам учреждении с группой военспецов, я начал набрасывать кое-какой предваряющий эту встречу текст, из чего вышло что-то вроде вольного реферата, могущего, как мне показалось, представлять для Вас интерес. Передаю его Вам, надеясь, что у Вас найдётся возможность с ним со вниманием ознакомиться.

Искренне Ваш NN

P.S. Не сочтите за бестактность, ZZ, но Сталин такого рода материалы внимательно читал, правда, с неоднозначными последствиями для их сочинителей, всякое тогда бывало.

Текст I
Сталин как Иное, а Иное как Сталин

Сталин как экзистенциальный феномен – тайна!, однако не за семью печатями, точнее, за печатями, как раз семью, хоть и не срываемыми насовсем, но всё-таки поддающимися

поддеваемому их лезвию экспертного ножа, ежели нож сей протискивается под печати со стороны, от имени и по повелению не чего-нибудь из известного, а... *Иного*, отчего и возникает возможность заглянуть в саму тайну загадочной тайны, да и подразобраться что к чему в обозреваемом и вскрываемом нами феномене.

За ***печатью первой*** просматривается не человек вовсе по имени Иосиф Джугашвили, а в человеческом образе спиритуально-идеальный феномен-субъект – как раз ***Сталин***, пусть и Иосиф Сталин, но... СТАЛИН!.. э-э... что-то вроде устойчивого ноосферного сгущения, шаровой молнии, эгрегора или сингуляра, то бишь чего-то явно *ино*идеального: в самом деле Сталин – *иное идеальное*, а лучше даже сказать попросту – ИНОЕ!, что как раз и позволило Сталину не только оказаться над процессом, но и вести этот процесс, который, конечно же, процесс самой реальности, да мало что вести – овладеть им и вывести туда, куда Сталин, хоть и сокровенно предполагал вывести, но реально вывел туда, куда он сам, этот процесс, не без усилий Сталина, в него демиургически погружённым, и вывелся. *Иное субъективное* сочеталось здесь с *иным объективным*, а в итоге – для того и другого – иная реальность.

Тут нам необходимо проникнуть за ***вторую печать***, чтобы уяснить, был ли Сталин ***посвящённым***, то бишь знал ли он то, что не знали другие? Поскольку здесь доминирует тайна, то ответим так: *не мог не быть*!

Он был лишь в малую меру марксистом, как раз в ту самую, что позволяла ему более идейно-пропагандистски и социально-практически прикрываться марксизмом, чем ему аккуратно и до конца следовать, а ежели ему и как-то следовать, то уже как *иному – своему*! – марксизму.

А чему же следовал более всего Сталин, какой проективной идеологии? Сказать, что никакой, мол, был всего лишь прагматиком – ничего не сказать, да и напраслину на вождя возводить, ибо был он очень даже идейным товарищем, только вот каким, если не ... *иным*!

Тут в самый раз приподнять ***третью печат***ь, так сказать, органически ментальную, ноосферную, сингулярную. Доподлинно неизвестно, во что идеальное был посвящён товарищ Сталин, во что верил, а во что не верил, но каким-то образом осознавал, что ни одно в реалиях не получится, ни другое, ни даже третье, а будет

в итоге... *иное*, как раз то, во что верить не обязательно, даже вредно, но чего нельзя упустить и чему непременно надо последовать.

Как ни крути, но Сталин – революционер-марксист-большевик – принял на себя страну, завладев в ней властью, если и не совсем с нуля, но явно у порога, на краю, в шаге от бездны, а потому, убедившись в идейно-практической пустоте марксистско-ленинской утопиомании, обратился, посвящая себя *инознанию*... не поверите, господа-товарищи!.. к русской *софийной философии*, в центре которой располагалось не что иное как *философия хозяйства*, к той самой философии и той самой философии хозяйства, отправленных марксистами-большевиками в арестантское (спецхрановское) забытье с изгнанием их творцов из страны, а то и с отправлением некоторым из них не в книжный, а в людской спецхран, а то и прямиком на тот свет.

Читал, знал, руководствовался! С Библией ознакомился в семинарии, а с русским ведичеством в ссылке – так или иначе был приближен ментально к *софийной метафизике*, к *иному воззрению* на мир, на человека, на человечество как целое, а вот жизнь как таковую со всеми её прелестями осваивал практически, на деле и в делах познавая человека, социальность, ту же государственность, не говоря о мировом ревдвижении, революциях и революционерах. Да, знал марксизм, но знал и критику марксизма, как и критику того же социализма-коммунизма, многое что знал, очень многое, но не только одно лишь знание он знал, но и практику весьма знал, отчего и не прошёл ни мимо реальной человеческой реальности, ни мимо реальности реального глубокомыслия. Да, каких-то иллюзий он не избежал, но зато избежал *роковых иллюзий*: что идейных, что практических, что вообще экзистенциальных.

Протиснувшись под ***четвёртую печать***, мы обнаруживаем не что иное, как *свой* – *сталинский*! – устроительный для страны и мира проект, как и *свой*, опять же *сталинский*!, способ его – этого проекта – реализации, разумеется, то и другое созидалось без излишних сантиментов вроде всеобщей любви или непротивления злу насилием, совсем наоборот – насилие, насилие и ещё раз насилие, а уж потом, возможно, и любовь с непротивлением!

За ***пятой печатью*** стоит она – ***диктатура***, точнее – ДИКТАТУРА!, как раз та самая, вполне уже оправданная тогда имперской, хоть вроде бы и либеральной, Европой, к ней – диктатуре – вовсю уже устремившейся, как и немало оправданная той же

российской историей, для Иосифа Джугашвили совсем и недавней – хотя бы столыпинской и большевистской.

Сталин тут ничего не выдумал, он лишь осуществил *свою* – ***сталинскую*** – диктатуру, однако сочетавшуюся с диктатурой марксистской-де партии – ВКП (б), а заодно и силовых (карательных) структур, да и всего госаппарата, мало того, сочетавшуюся с диктатурой социалистической (коммунистической) ***идеи-идеологии***, разумеется, в сталинском, а не марксовом или ленинском, исполнении, существенно подправленной... э-э... во что трудно поверить... культурным кодом и духовным достоянием Руси-России в приемлемых, разумеется, мере и интерпретации для Сталина и сталинизма.

Но самое интересное было в том, что то была... э-э... *соборная диктатура* с *соборным обустройством социума,* с управляющим почти что всем и вся *соборным центром*, со строгой управленческой *иерархией* и армейско-церковного образца *дисциплиной* низших звеньев иерархии по отношению к высшим, но... и это самое главное... *гражданским единением общества в целом*, разумеется, не без беспощадного насилия, но ведь и не без общего на такое единение *согласия*.

Центр с беспрекословным вождём во главе, сингулярно взявшим на себя (на свою душу!) не один лишь разносторонний диктат, но и великое беспощадье; управленческая (не сословная и не собственническая) иерархия, служенческая дисциплина и всеобщая гражданская ответственность; всеобъемлющий партократизм ВКП(б) как «Орден меченосцев» и практически тотальный этатизм, а никакие не советизм, социализм и «демократический централизм»; принудительная, но принимаемая гражданами, светская соборность, когда все вместе и заодно, все для всех и каждый, нет, не за себя... а всего лишь самостен, пусть и с немалыми исключениями, как людская единица.

Невероятно, странно, даже и казусно, но... факт!

За ***шестой печатью*** открывается приобщённый к диктатуре и приспособленный к директивному управлению хозяйственной жизнью ***экономизм*** с его деньгами, ценами, капиталовложениями, зарплатами, даже купле-продажами, кредитами, бюджетами, финансами, но без крупных и даже средних частных собственников, частных капиталов и частных доходов. Этакий подавленный, но работающий экономизм, когда *хозяйство* первее и цен-

нее *экономики*, когда *не хозяйство для экономики*, а *экономика для хозяйства*. Отсюда ***плановое хозяйство*** и, как ни странно это звучит, ***плановая экономика*** – великие изобретения постреволюционной России (с плана ГОЭРЛО 1920-х гг.) и не менее великие достижения антиреволюционного сталинизма.

И как тут не вспомнить о пристрастии русской социо-хозяйственной мысли и практики именно к «*хозяйству*», а не к «*экономике*», как это было у древних финикийцев и сталось у тогдашних евроамериканцев, этих в общем-то неофиникийцев (а вот у А. Фета так и вообще к «лирическому хозяйству»!), да и как не пройти мимо изученной Сталиным русской философии хозяйства, отдававшей предпочтение хозяйству в пику экономике, хотя этой последней и не отрицавшей (как особой организации хозяйства).

Ну и, наконец, ***седьмая печать***, за которой обнаруживается приоритет, вроде бы и марксистский, *труда*, *творчества*, вообще *деятельности*, но при этом и *служения*, а потому и *образования*, *профессионализма*, *знания*, *умения*, однако в соответствии, пусть и скорректированным, с раскинувшейся по миру евродемиургии с её *наукой*, *техникой*, *индустриализацией*, в общем – с её *научно-техно-производительным прогрессом*.

Тут уж Сталин выступил как ***всеобъемлющий хозяйствующий субъект***, конечно же, вместе с ВКП(б), государством, НКВД, Госпланом, со всеми гражданами, полугражданами (крестьянами-колхозниками, фактически госкрепостными) и негражданами (зеками, шарашниками, ссыльными, фактически рабами) страны – в общем, с *трудящимися* (от разностатейных работников до первостатейных творцов – не рабов, быть может, но и не вполне свободных творческих землян).

И самое поразительное, что этот ***иной*** (физически ущербный, морально изувеченный, грубый и беспощадный, закрытый, лицедейный и хитроумный человек, родом из Грузии, из г. Гори, из самых низов, в юности неплохой поэт, в молодости революционный боевик-экспроприатор, а в зрелые годы один из большевистских вождей, видный деятель Революции и Гражданской войны, а затем и большевистского правления, однако начитанный, знающий, посвящённый) совершил-таки невозможное – обеспечил создание ***новой цивилизации***, как раз ***иной***, причём ***своей*** – ***сталинской***, о-о как!, вобравшей в себя, надо особо заметить, всё возможное для сего вдруг возникавшего грандиозного проекта

историческое наследие страны, включая имперскость (как третьеримскую, так и петровскую), государственность (как систему организации, управления, контроля, насилия в рамках общественной целостности), самодержавность (пусть теперь как вождизм), классическую (XIX в.) русскую культуру (пусть и с исключениями), византо-ордынский дух, соборность (пусть и непреднамеренную), наконец, пусть и вынужденную нетленную русскость, а лучше сказать, русскую народность (как народа, традиций и духа), даже при нелюбви к этой самой русскости, русскому народу, русскому миру, однако цивилизации, так сказать, современной, модерновой (эпохи Модерна), просвещенческой, научно-технической, индустриальной, прогрессной. Чего не вошло в цивилизацию, так это нарочитой сословности, как и сословной иерархии с делением на лучших и худших, господ, прислужников и рабов, богатых, зажиточных и бедных, высших и низших, владетелей и обездоленных, эксплуататоров и эксплуатируемых, в общем цивилизация без наследственной монархии, без феодалов и капиталистов, а заодно и без ясно выраженных разноуровневых холуёв.

Ставка на труд и трудящихся, на народность (не на демократию, не народ как таковой, а именно на народность), как и на творческих людей вкупе с рвущейся к высокому профессионализму молодежью, причём ставка не простая, а в обмен на гарантии материального достатка, жилья, безопасности, бесплатного образования, бесплатного здравоохранения, широкого доступа к культуре, спорту, досугу.

Так или иначе, с издержками, лишениями и жертвами, но удалось не только создать новую цивилизацию, пробежав за десятилетие вековой срок отставания от развитых стран противного (западного) мира, причём не без его, пусть и дорогостоящего, практического участия (!), но и, тоже не без поддержки части противного мира, одержать победу в Великой войне 1939–1945 гг., вновь, как прежде, взяв Берлин и оккупировав пол-Европы, за пять лет восстановить и преумножить порушенное войной, а с учётом всего достигнутого (тоже ведь не без побед!) совершенно легитимировать сталинскую цивилизацию, а заодно и большевизм с его не отвергнутым, а ловко использованным Сталиным, марксизмом-ленинизмом (точнее же, сталинизмом).

Ладно, цивилизация цивилизацией, пусть и *новая* и даже *иная*, но были ведь ещё и *люди* этой цивилизации, её принявшие,

ей служившие, ею попросту жившие, причём массы людей, большие массы – миллионы, десятки миллионов, да мало что люди, а... ЛЮДИ!, эти самые сталинцы (не сталинисты вовсе по преимуществу), в основе бескорыстные, неалчные, вполне себе альтруистичные, жившие и трудившиеся для общего блага, может, и не любившие друг друга, как того хочет религия (хотя почему и не любившие?!), но уж явно признававшие друг друга как членов единой и очень, надо особо заметить, очень большой (многонациональной, многоконфессиональной, светской и религиозной, многопрофессиональной, плюролокализованной, в общем – разнообразной) общности.

Сталин, сталинская цивилизация, сталинцы!

Факт, да ещё какой: ни прежде ничего подобного не было, нет уже сейчас, никогда, пожалуй, уже и не будет!

Феномены!

Всесильный, жестокий и беспощадный сингуляр Сталин; насильственно выпестованная им со товарищи новая цивилизация; несущие в себе и на себе сию своеобразную цивилизацию вполне себе исторически привлекательные– трудовые, пристойные, благодетельные – люди.

Сталин со своим сталинизмом (как идеей, как действием и как социальной системой) то ли просто использовал оказавшихся под его твёрдой дланью людей как людей – тёпленькими, то ли всего лишь на них – уже на готовеньких – опёрся, то ли всё-таки заставил быть людьми как людьми, не позволив культивировать среди них нелюдство, то ли, знаете ли, их – этих самых сталинцев – взял, да и... вывел?!

Что хочешь, то и думай! Скорее всего тут всё как-то, хоть и не совсем само собой, совпало: сталинская сингулярная интенция и сидевшая в людях потенция к людскому, вполне себе и трудовому, общежитию: *иное* совпало с *иным* и... мощный синергийный эффект, выразившийся не просто в небывалом происшедшем, а и попросту в... невозможном: роды сего эффекта, правда, были, как это и принято в Мироздании, весьма мучительными!

Вот и выходит, что Сталин – *иное*, а *Иное* оказалось не против своего воплощения в этом *ином*, однако вместе и при участии самого главного *иного* – ***иного люда***, вполне самозабвенно вдруг возникшего и себя *по-иному* проявившего.

Искрящиеся тут, знаете ли, и вполне трансцендентные контакты: одно *иное*, другое, третье, а в итоге торжество, пусть и кратковременное, пусть и первое в цивилизованном бытии и в нём же и последнее, ***соборного общежития***, причём на вполне себе светской экзистенциальной основе!

Интересно, не правда ли?!

И дело тут в том, что за Сталиным и сталинизмом стояло, как это ни странно звучит, ***достоинство*** – личное, общественное, коллективное, державное, имперское, разумеется, не как даруемое сверху, а как овладеваемое снизу – трудом, служением, творчеством, самоотвержением, жертвенностью, в общем – экзистенциальным порывом к *иному*, а именно к *полноценной жизни на началах общечеловеческой совместности*: родовой, семейной, соседской, коллективной, секториальной, областнической, этнической, страновой, государственной, гражданской, цивилизационной, культурной.

Рванулись и... *получилось*!, хоть и совсем по историческим меркам не надолго, но получилось, явившись вроде яркой – первой и последней – космической вспышки. Чего же вспышки? Как раз Иного, однако особенного *иного*, вовсе и не репрессивно-подневольного, как это многим кажется, а как раз антирепрессивного и не подневольного – *нормочеловеческого*, причём вспыхнувшего, может, и под перводавлением сталинизма (заметим, уже антиреволюционного относительно антироссийского проекта мировой революции, в который не то нечаянно попала, не то напролом влезла Россия, в обоих случаях самоубийственно), однако в решающей степени – во что невозможно поверить, не то что признать как исторический факт – *вопреки*, слышите, *вопреки* – ***во-пре-ки!*** – первосталинизму, вынужденному всё более отступать от себя, приспосабливаться к экзистенциальным основаниям и бытийным потребностям поднявшегося на полноценную жизнь народа, вполне, как оказалось, и традиционного русо-российского.

Сталин не мог не опереться на Россию, её народ, не мог не пойти на компромисс с ними, но делая это, он не пошёл до конца, не то, чтобы не любя того и другого, хотя это и было, а и вполне себе осознанно побаиваясь.

В итоге сталинизм со своим основателем и вождём – не просто смесь нового и старого, прогрессного и традиционного, а и по-своему весьма удивительный *компромисс* – с уступками с обеих

сторон и их – сторон – сближениями: народ, пусть и не весь, принял режим с его новой идеологией (не так идеей призрачного коммунизма, как с установкой на *общее благо при совместном трудо-бескорыстным* – как раз *товарищеским* – бытием), а режим, пусть и диктатурный, и репрессивный, и дисциплинарный, воспринял-таки ***традицию***, лежащую в основе любого воспроизводящегося, пусть и интенсивно обновляющегося, народного, включая и элитарное, бытия.

И что же из всего этого вышло?

А вышло не только необыкновенное чудо из достижений и побед (вплоть до выхода человека в космос, а перечислять всего мы уж не будем), но необыкновенно людская (уж позвольте такой термин употреблять – *людская*!) жизнь, пусть не без пороков, слабостей, каверз, несуразностей, но... ЛЮДСКАЯ!, когда, пардон, «один за всех и все за одного!», – и не в выдуманной удачно сказочной книжечке, а на самом деле, наяву, хоть, повторяю, не без проблем, срывов, несчастий.

И вот тут один неудобный для любого возможного ответа вопрос: «Что же тогда получается: для достижения такой вот *людской экзистенции* надобно непременно пройти через всеобщий (тот же революционный) разор, катастрофу, стресс, ту же войну, в общем – через Большую Беду (беда – по-беда!), принести обильные жертвы, пролить море крови, применять объёмное насилие, впасть в безоговорочную диктатуру, – так что ли?!».

Ответить «да» тут нельзя – по соображениям гуманности, ответить же «нет» тоже нельзя, уже, правда, по соображениям исторических реалий. Так что останемся без ответа, которого, собственно, и быть не может, хотя и есть безмолвная солидарность... э-эх... не будем о со-*кров*-енном – и так крови там с избытком!

Текст II
Иное против иного

Иная – сталинская – цивилизация просуществовала по историческим меркам недолго – плюс-минус с полвека, да и то в последние два десятка лет не то что в застое, а прямо-таки в разложении, хотя и с невзрачными попытками её спасения через какое-то её преобразование.

Сия цивилизация могла существовать лишь в сталинском, немного в изменённом в сторону всестороннего либерализма и, пусть на первых порах скромной, но всё-таки непреклонной личной наживы (поначалу собственно наживой и не казавшейся, а так – приращением благосостояния). Сталинский мобилизационный строй бытия мог быть только кратковременным, он подлежал непременному, как минимум, реформированию (изменению формы), а как максимум, существенному переустройству с выходом уже на *иную*, пусть и не противоположно иную, но всё-таки достаточно иную, социо-хозяйственную конструкцию.

Первое пытался сделать новый коммунистический «самодержец» Н. Хрущёв, второе – А. Косыгин, не бывший никаким «самодержцем», а потому и не ставший полноценным преобразователем сталинского наследия. Потребное *иное* так и не возникло, а позднесталинская реальность, напитавшись от самой себя трупного яда и пережив кое-какие предсмертные конвульсии (а-ля андроповских и горбачёвских) почила в бозе, пусть и не без субъективного к тому подталкивания, заместившись на совсем уже *иное* – мало что прямо противоположное (против которого и случились когда-то большевистская революция с ловко подменившим её сталинизмом), но ещё и активно и тотально разрушительное, да не сталинизма, давно уже износившегося и изнеможенного, а опять же... *отечественного*, как это уже бывало в истории отечества, причём ради переделки отечественного в неотечественное (западное, разумеется) с водружением в отечестве под внешнюю диктовку счастливой частно-экономической компрадорщины.

Выходит, что Иное, как бы разочаровавшись в возможности конструктивного *неосталинизма*, выдало на гора не только совершеннейший антисталинизм, но и не менее крутой антироссизм, снабдив страну (осколок, пусть и большой, от гикнувшего в один миг в небытие СССР, названный, как всегда ложновато, Российской Федерацией)... э-э... снабдив страну... э-э... сам чёрт не знает чем!.. нет, нет, вовсе не здравствовавшим тогда еврокапитализмом, а каким-то смешанным азиато-европейским, вовсю и хаосно-произвольным вперемешку с мошенническим, *олигархо-административно-финансовым деспотизмом*, одновременно морально и физиономически отталкивающим, но зато потребительски, комфортно и развлекательно невероятно для его зачинателей притягательным.

На место людей – ЛЮДЕЙ! – пришли не то что очень уж другие люди, не то что даже и нелюди, но какие-то иные человекообразные существа, возникшие как из вывернувшихся вдруг наизнанку земных особей, так и откуда-то вдруг взявшихся на Земле, может, и из самой преисподней (хотя бы через генномодифицированный процесс!) человекобразов.

Иные человекообразные заполонили жизненное пространство, рассевшись по доходным владетельным, управленческим, финансовым местам – и ничего: сидят, что-то этакое имитируют, чем-то рулят, во что-то играют, барышничают, правят, ну и вовсю благоденствуют!

Вот уж *иное* так ***иное***!

Стопроцентный ***переворот*** со стопроцентным ***выворотом***, причём без стопроцентного бунта, как и той же стопроцентной гражданской войны, хотя и не без кое-каких бунташно-расстрельных событий, как и не без массовых по причине разлада жизни с её превращением в нежизнь человеческих потерь, сравнимых с потерями от большой войны.

Раздосадованное на отсутствие преобразования сталинизма и СССР в ***иной проект***, Иное сначала признало *системно-экзистенциальный кризис* послесталинского сталинизма, затем его крах, выпустив на арену отечественного бытия заранее подготовленного «великого говоруна» (меченого) со товарищи, обеспечивших прикрытую пустой болтовнёй и мнимоделами основательную подготовку сего краха, и наспех рекрутированного в ходе подготовки безальтернативного «громилу», как раз и совершившего сначала крах сталинизма и СССР, а затем и переворачивание с выворачиванием текущей реальности, разумеется, всё это под диктовку и при участии Запада – от США с Великобританией до Ватикана, немало и поражённых встречными инициациями отечественных перестройщиков, реформаторов и разрушителей.

Да, всё из тогда оставшегося сталинского, включая и СССР, было не просто уничтожено, а принесено в жертву как бездно-преисподненскому молоху, так и улыбчивому его экспедитору на Земле – Западу, западной цивилизации, западному торгово-финансовому хищничеству, что обусловило и поражение отечества вкупе со своими союзниками-сателлитами в затянувшейся холодной войне, обусловило и активную полномасштабную, вполне себе и по качеству дрянную (проколониальную), вестернизацию всего

бывшего послесталинского пространства, включая, конечно, и отвалившуюся от СССР Россию – Российскую Федерацию.

Вестернизация – и ничего *иного*!

«Опять двадцать пять!» – как гласит русская поговорка: мало было нам призванного-де Рюрика с вещим Олегом и их попыткой норманизации Руси; Владимира Святого с его византиезацией всё той же Руси; Иванов III и IV с их «Третьим Римом»; неистового Петра Великого с его европеизацией России; отъявленных большевиков с их «социализацией» всё той же России, а фактически её растворения в выдуманном не ими, но ими горячо воспринятом каком-то будущем *ином мире*, вполне и утопическом – в ***коммунизме***, и вот теперь новая «загранизация» России, теперь в основе не так еврозападная, как американозападная, да такая по силе, размаху и цинизму, что всем предшествовавшим «великим преобразователям» Руси-России оставалось только перевернуться от зависти и вынужденного восхищения в своих нетленных в угоду придуманной краснобаями истории гробах!

Было, было, всякое было, да вот *по-иному* было, опять же вполне себе и *иное* – как раз по преимуществу антироссийское, – и ежели есть она до сих пор – Русь-Россия, то не так благодаря, как вопреки её нарочитым преобразованиям, хотя и изменившаяся под давлением сих преобразований, поменявшая свою личину, обустройство и, скажем так, механизм бытия, но сохранившая несмотря ни на что свою коренную суть, ей самой, правда, и неведомую, ибо не от мира сего Русь-Россия, а как раз от *мира иного*, мало того, к *иному миру* и бредущая, однако к *своему иному*!

Принудительно-ответный симбиоз сталинского большевизма и корневой России исторически состоялся, что позволило сталинизму и самой России выжить в лихую революционно-милитарную годину, обрести мощь и самостоятельность, включиться всерьёз в мировой научно-технический прогресс, первой в мире вырваться в космос. Но на большее сего симбиоза уже не хватило: диктатура не может быть долгой, а подверженная ей страна бесконечно лояльной к диктатуре, пусть и вполне себе людской, эффективной в трудо-творчестве, поведенчески моральной, да ещё и высококультурной. И коли исторически потребное преобразование приговаривающего себя на крутые перемены строя бытия изнутри и вовремя не свершается, то свершается вполне себе непотребное преобразование – разгромно (с разбрасыванием камней!),

при наличии внешнего разрушительного влияния и с восприятием (навязыванием) извнешнего, уже якобы исторически оправдавшего себя, образа жизни. Что же касается «чёрных энергий», разорительных замыслов, их адептов и исполнителей, то всё это непременно возникает, скапливается, а в нужный момент вдруг и подумается, набирая критическую массу и силу в ходе тупикового кризиса не преобразованной изнутри вовремя и адекватно потребностям человека и времени социо-хозяйственной системы.

И тут является вопрос: можно ли было вообще преобразовать сталинизм во что-то несталинское с сохранением... э-э... сталинизма?

Ответ: нет, конечно, нельзя было, а надо было отказываться от сталинского наследия с переходом к другому – как раз к *иному* – социо-хозяйственному обустройству человеческого бытия.

К какому же?

А «всего лишь» исключавшему уже изжившее себя сталинское крепостничество, пусть на время и вынужденное, и необходимое, даже и (не по антропотрудовым затратам, а по итогам) эффективное, но, увы, не предполагавшее адекватного ответа на нужды и потребности изрядно, как раз по-социалистически, эксплуатируемого трудящегося населения, пусть и признававшего на срок сие крепостничество, но ведь на срок, который взял, да и вышел, обусловив необходимость перехода к более свободному и справедливому социохозяйственному, а внутри как раз трудо-потребительскому, обустройству бытия.

Иное жахнуло тут по полной: раз не нашли приемлемого решения в рамках консолидирующего общество *народного этатизма* (не «Народной монархии» В. Солоневича, а именно народного этатизма – не демократизма вовсе, а государственнической соборности с элементами народоправства), то получайте, товарищи, крах сталинизма с воцарением компрадорско-колониального экономизма, что как раз реально и произошло по итогам «горбачёвской перестройки» (не горбачёвской и не перестройки) и ельцинского реформирования (не ельцинского и не реформирования). Бац, и *полный переворот*: вместо несбывшегося невозможного *иного* получили сбывшееся возможное *иное* – не только прямо противоположное сталинизму, но и вообще цивилизационному – и сделали это не так Горбачёв со предатели и не Ельцин со разбойники, даже не так Брежнев со геронтотоварищи, как, знаете ли, сам товарищ Сталин, заложивший мощнейший разрушительный

заряд под свой со силотоварищи сталинизм – разностороннее и разноликое рабство (да, да, именно так – РАБСТВО!), которое хоть и годилось для *чрезвычайки*, но совсем не годилось для *обыкновенки* – уже без жертв и самоотвержения, без подвигов и героики, без взятия вершин и побед, наконец, без выдавленной, но ненаигранной, весьма естественной, вполне себе гражданской, даже по-своему и соборной, людскости.

Рабство на то и рабство, что какими бы неодолимо чрезвычайными и благочестиво утопическими намерениями, идеологиями и проектами оно не оправдывалось, на то и есть рабство, даже и подзаправленное либеральной мягкостью и патрональной заботливостью о рабах, как и лживой идейной обработкой их сознания, на то и рабство, чтобы в один прекрасный момент либо прямо восстать против рабского строя, либо с определённо-неопределённого момента начать работать – осознанно и не очень – не упразднение сего строя, как правило, уже изрядно прохудившегося и стратегически, мягко выражаясь, подзаблудшего.

Победа в Великой войне, создание атомного и водородного оружия, вырыв в космос дали иллюзию фундаментальной правильности, стратегической выверенности и экзистенциального авторитета сталинизма перед самим собой, перед мировым контекстом и перед историей, чуть ли не перед Господом Богом, перед Иным и Великой Неизвестностью, что и обернулось по закону возмездия за эйфорию сначала дурашливой идеократией хрущевизма, затем геронто-кратической трагикомедией брежневизма, не осилившего «косыгинской реформы» и впавшего в застойный маразм, а потом и настоящей трагедией уже вынужденного конца что строя, что СССР, что гражданственности, что и человечности, но, увы, никак не рабства, просто быстренько перелившегося в другую, теперь уже в совершенно подлую и лживую, форму – *произвольного административно-финансового деспотизма*, что то же самое – разгульного компрадорско-колониального экономизма, а на самом-то деле вполне себе евроазиатского этато-феодально-капиталистического рабства.

Иное сталинское, не найдя выхода в возможно-невозможном *ином неосталинском*, подверглось атаке со стороны сакрального Иного посредством прихода и утверждения *антисталинского иного* – разрушительного, присвоительного, античеловеческого, ну и антимировского тоже.

Из ада в Ад – чем не путь?!

Текст III
Пояснение

Итак: Россию в образе евроордынской (кентаврической) Российской империи неумолимо трясло, не могло не трясти, ибо Европа с Ордынщиной несоединимы в одно целое, а исконного сущностного русизма в Империи не то чтобы совсем не было, а явно не хватало, как раз того самого русизма, ненавидимого и отрицаемого аж со времён Рюрика, а то, глядишь, и с более «раньшего» времени, – что там тогда творилось на самом деле, кто ж это знает?

И Революция, какого бы она ни была происхождения – своего или ихнего – одолела-таки Империю, – и не имело значения, кем, под какой личиной и ради утопического чего вершилась сия Революция, главное, что она таки свершилась – как *сама-себе-Революция*, поразбросавшая сразу все «камни»: строевые, государственные, культурные, людские, групповые, классовые, выставив на место тогда весьма развивавшейся и готовившейся к победе в войне 1914–1918 гг. Империи необъятную как после «Большого взрыва» преисподненскую, адовскую, бездненскую «Чёрную дыру», – прямо на принципах весёлой космогонии, а потом... а потом, как водится в бытийно-историческом чреве, уже отборным революционерам, победившим в кровавой междуусобной передряге и ставшим куда более жёсткими, жестокими и беспощадными диктаторщиками, чем вовсе не диктатурный, но зато глубоко несчастный, последний российский самодержец – царь Николай II, так вот этим победившим революционерам-диктаторщикам пришлось, не прекращая уже между собой кровавых разборок, создавать новое на российской территории мироздание, что и увенчалось вовсе не предполагавшимся Революцией (ни одной из революций 1917 г.) строем – национальным, имперским, консервативным, прогрессным, реалистичным, утопичным, этатическим, бессословным, армейским, центровластным, единоначальным, номенклатурным, репрессивным, рабствогенным, массоэнтузиазменным, трудо-творческим, победоносным, по-своему и соборным, *сталинизмом* – СТАЛИНИЗМОМ!

Так ради чего и кого творилась и сотворилась в Российской империи эта Российская-де революция? Ответим: ради Ничего и Никого, а ради *самой себя* и... *Иного*, а это последнее воплотилось в революционно-антиреволюционном, вполне себе жутком,

люцеферном, хотя на срок весьма и эффективном, сталинизме, внутри которого вдруг образовалось ни с того ни с сего, как благодаря, так и вопреки сталинским реалиям, исключительное... э-э... *людство*, да-да, именно так – ЛЮДСТВО!, проделавшее бескорыстно всё необходимое для развития, защиты и величия родной страны, пусть и называвшейся вполне себе ложно СССР, а через срок, ему роком отведённый, выдохшееся, впавшее в оцепенение, да и попросту ушедшее с глаз долой, как и услужливо туда отправленное... э-э... своими же наследничками, которые уже не раз в истории отечества захотели, – и не без оснований! – *еврожитиа́*, – чего ж ещё?!

Иного, иного, иного!

И это ***иное*** таки пришло – посредством нового броска в Бездну, вскока в Ад, спуска в Преисподнюю с новым разбрасыванием «камней» при участии очередного «Большого взрыва» и с новым висением страны над новой «Чёрной дырой»!

Заколдованный исторический (а может, и внеисторический) круг, зачем-то навязанный России Провидением, как и, возможно, навязанный самой Россией самому же Провидению. – кто знает?, однако вращается упорно этот магический круг вот уже тысячелетие, кружится себе и кружится, делая Россию непостижимой магической явью, как раз и называемой ***Россией***!

Россия – полное магической тайны *мироздание*, – запомним!

Текст IV
Иное в ином

Какое же *иное* тут обнимает *иное* и и что это за *иное,* или какое же *иное* у какого *иного* в объятиях? Сразу и не скажешь: то ли «лихое» 1990-х тут в активе, то ли поднимавшее Россию с колен «стабилизационное» 2000-х, ибо так и остаётся неясно, какому же из *иных* отдано в итоге предпочтение: «реформенному», выправленному до жизнеспособия, или же «антиреформному», как раз и выправившему уродливое реформное *иное* до его жизнеспособия?

В приоритете, кажется, всё-таки как раз *то*, пусть уже и избавленное от тогдашней «лихости», *иное* – от 1990-х, а вот *иное* от 2000-х не более чем во вспоможении тому – 1990-х– *иному* – уже как бы и не «лихому», но зато неплохо закамуфлированному под новое, чуть ли и впрямь по сути отличное от того – 1990-х, *иное*.

Диктатуры сталинского образца нынче вроде нет – ни в 1990-е не было, ни уж тем более в 2000-е, и это так, но зато прослеживается... да что прослеживается – бьёт в глаза!.. *иная диктатура* – диктатура ***Золотого тельца***, диктатура ***тотального экономизма***, диктатура по-грабительски и по-компрадорски разгулявшегося ***капитала***, причём объективно куда более могущественные, всеобъемлющие и зловредные диктатуры, несмотря на свою видимо-невидимую «мягкость», чем, казалось бы, жёсткая, злая и беспощадная, насильно и волево осуществлявшаяся, сталинская диктатура.

Однако в нынешних реалиях прослеживается, пусть и не так отчётливо, и совсем другая, как раз прячущаяся за вышеуказанными диктатурами, вполне и инициативная диктатура – ***диктатура Антимира***, причём не просто внешне мягкая, а во всех отношениях и немало приятная, идущая навстречу как плоской житейской обыденности, так и многомерной людской порочности – лёгкая, игровая, карнавальная, равным образом бросившая вовсе небезобидный вызов всему высокочеловеческому, классическому, фундаментальному, традиционному, содержательному, строгому, упорядоченному, весомому, ответственному, честному, благородному, нарочито лояльная к антицивилизации, антикультуре и квазиэкзистенциальной пустоте, ну и, разумеется, всякого рода шоу-безумию.

Если наличие диктатуры Золотого тельца могут признать даже горячие её сторонники – она очевидна, то диктатуру Антимира признает далеко не каждый, ибо она мало что касается каждого, в особенности обуреваемого индивидной гордыней, но ещё и сопряжена ни с чем иным, как со *свободой* – СВОБОДОЙ!, а кто возьмёт на себя смелость признать *диктатуру Свободы* как самую из опасных для человека диктатур, ибо человек, ежели он Человек, есть ведь сонмище не свобод, а как раз... *несвобод*, хорошо если лично осознанных и вольно воспринятых, даже и врождённых, а то ведь человеку попросту навязываемых извне, частенько и через жёсткое насилие.

Говоря о новейших, как бы и не существующих, объективных (во многом самореализующихся) диктатурах, нельзя не помянуть ещё одну – уже немало субъективного характера – диктатуру, также постигшую современную Россию, как и выше отмеченные объективные, а именно *управленческую диктатуру*, однако в о-очень

своеобразном, немало и в конспиративном, исполнении – как, внимание! – *(Не)диктатуры*... э-э... *«управления (Не)управления»*. Ничего себе, – зададутся в недоумении граждане великой державы вопросом, – что это ещё за зверь такой?

А ведь наличествует, действует, достигает результатов, вполне и диктатно, что в ходе управления, что в распыльном пылу неуправления, как в угоду *своим* – владетельным господам, так и во вред *не своим* – вынужденным лишенцам, хотя и не без вреда для *своих*, как и не без пользы для *не своих*, но зато с пользой и вредом для всех сразу, а вот с каким балансом для страны и её населения в целом, то здесь одно лишь искреннее недоумение, ибо в балансе сем какой-нибудь позитив легко сочетается с каким-нибудь негативом, например, потребительский подъём с морально-поведенческим упадком; технический прогресс с общей гуманитарной деградацией; рост обороноспособности страны с ростом экзистенциальной уязвимости населения; развитие «искусственного разума» со взращиванием «механистического постсознания»; поощрение «цифровизации» с угнетением естественного смыслоизъявления, и т. д., и т. п. вплоть до странного «управления (Не) управления» коронованной пандемией, сочетающей борьбу с ней с её же, пусть, возможно, и невольным, поощрением.

И какое же тут сальдо: «за» или «против» человека, социума, цивилизации, культуры, как и самой России? Тут уж пусть каждый умник решает за себя сам, а нам остаётся лишь констатировать, что дело наше в общем-то дрянь, ибо его – *нашего дела* – попросту и нет, а есть какое-то *иное дело*, как раз и *не наше*, но и, что примечательно, *не их* – грабителей и незнаек, а Иного, у которого своя сакральная задача: изменяя изменить, а вот что изменить и куда, кто ж знает, может, и ни во что и в никуда, ибо Иное само того не знает, да и не обязано знать – с него достаточно просто *иного*!

Вообще заметим, по-настоящему управлять в общих интересах и трудно, и накладно, и... страшно!

Тогда зачем?!

Текст V
Иное за иным

Что это за переворот такой, он же и выворот, ознаменованный приходом в российскую реальность безликой диктатуры прельсти-

тельного Золотого тельца в обнимку с лукавой диктатурой блудливого Антимира, вдруг потребовался внеисторическому Иному, зачем?

Как отрицательная реакция на кровавый большевизм и репрессивный, да и тоже немало кровавый, сталинизм, как и на послесталинскую, хоть и с благонамеренной косыгинской попыткой что-то животворно изменить, псевдокоммунистическую рухлядь.

Нет, наверное, хоть в какой-то мере и так, тут дело, видно, посложнее, ибо не ввысь же погнало страну Иное, а вниз, хоть само по себе Иное тут и не причём, и погнало как раз туда – к Бездне, к Преисподней, в Ад... о-о!.. нет тут точного ответа, разве лишь примерная догадка: чтобы Россия, нахлебавшись всего этого дрянца и его из себя изрыгнув, вышла наконец-то к самой себе, да не географически и не народонаселенчески, а... ***концептуально***!

Ежели Господь хочет наказать человека неразумного, то Он дарует ему комфортное благополучие, доводящее человека до безотказного исступления, а ежели хочет образумить человека разумного, то Он... нет, не бросает его непременно в жуткое испытание, а всего лишь вызывает в человеке... э-э... *отвращение к... самому себе*, для чего, помимо того же мнимого благополучия, дарует ему... э-э... как бы не брякнуть лишнего!.. *свободу*, как раз ту самую – *о́боротную*, отчего и являются особи-оборотни, государства-оборотни, миры-оборотни, да мало что ещё впридачу является, вовсю и блаженствуя, рассупонившись, разумеется, *до поры*, как раз той самой, что и пандемиям не отказывает в удовольствии быть приконченными – само собой, внезапно!

Пряное это дело – бытие-история, ароматное: сегодня один от происходящего аромат – вполне и приятный, завтра же вдруг совсем другой – «воньливый», а послезавтра, глядишь и... никакой, а ежели у бытия-истории может статься и запослезавтра, то тогда с каким же ароматом, ежели, конечно, не с трупным?!

Едва вроде бы освободившись из-под сталинского ига, пусть поначалу и в разгар его весьма плодотворного и лишь затем вдруг на корню прогнившего, ставшего вполне и тошнотворным, Россия попала не без, как водится, обмана, предательства и трусости со стороны властей предержащих под новое иго – *глобоэкономическое* (как раз «златотельцовское»), намеренно перемешенное с *антимировским*, а с учётом алчного дележа и присвоения российского богатства откуда-то вдруг взявшейся тьмой

«прихватизаторов», называвшими себя предпринимателями, бизнесменами, банкирами, инвесторами, эффективными управляющими, Россия попала и под вполне себе домашнее иго – *новогосподское*, подкреплявшееся новой – «демократической»-де (читай, плутократический) – властью.

Попала, да там, под этими «и́гами», и засела, да так крепко, что до сих пор под ними и сидит, щедро, как водится, поругаемая, поносимая, теснимая, но... *живая*, доставляя скорбное фобианское беспокойство своим внешним и внутренним противникам, да что противникам – врагам, причём не так за то, что она ещё *есть*, как за то, что... *будет*! Ига на то и ига, чтобы сначала под них попасть, а потом с ними тихо или громко бороться, забывая о покое, конвульсивно содрогаясь, терпя неудачи и подвергаясь расправам. Освободившись от остатков сталинизма и пожертвовав СССР'ом, а также создав скоропалительно новый господский класс, *глубинное правление*, связанное со столь же глубинным *мировым правлением*, если не являясь попросту его филиалом, пошло на внезапно-скоротечную перемену в функционально-видимом правлении, проведя – быстро, аккуратно и чисто – смену правительствующего лидерства, выдвинув на главно-верховно-центральную позицию до того момента не слишком заметную персону «из своих», но при этом и «не совсем из своих», точнее, «их» и «не их», а затем, расправившись с явно не своими претендентами на политико-шахматную корону (с «семибанкирщиной» в основе) и проведя победоносную военную кампанию на юге страны с замирением Северного Кавказа не без соучастия и «своих оттуда», приступило – не без согласия и даже поддержки заокеанских сильных мира сего, не пожелавших тогда распада опасно термоядерной и вообще вооружённой чёрт не знает чем страны, а, наоборот, восхотевших, пусть и вынужденно, видеть сию остаточную от СССР страну как целостную, так и достаточно жизнеспособную, разумеется, в роли своего союзного (партнёрского) вассала (отсюда и G-8, а не, к примеру, не G-10 с Китаем и Индией, то бишь иметь «вассала-против» – против тех же не приглашённых в сей геостратегический кластер незападных держав) – приступило одновременно к восстановлению, реконструкции и конструированию новой страны под именем «Российская Федерация» с учётом сразу главных достижений реформы и нужд её основных бенефициаров, интересов чинного Запада, ну и кое-каких чаяний самой возрождаемой страны.

И кое-что явно получилось: почти что уже труп вдруг задышал, вышел из комы, потом приподнялся, а затем и встал с колен, вытягиваясь, да чуть ли не во весь свой исполинский рост!

Это было чудо, не хуже послевоенных германского и японского чуд, хоть и не столь впечатляющее, как послевоенное сталинское, ибо... *не суверенное*!

Убедившись, что на Западе никаких сильных мира российского, как и саму Россию, никто в качестве равноправных партнёров не ждёт, мало того рассматривают Россию как новую колонию, а российских по принадлежности доходообразователей как не более чем курьеров по переводу доходов с Востока на Запад, а также предназначенных для съедения в случае надобности и для этого подсаженных в спасительную-де для всех лодку обреченцев.

Однако поскольку Россия это Россия, то бишь страна с великой историей и немалой в любые времена силой, то российское правление, несмотря на свою вынужденную функционально-финансовую зависимость от заокеанья (один скорбный случай с подлодкой «Курск» чего значит, не говоря об объективных-де курсах валют или той же расплывчатой, но крайне вредной для интеллект-жизни «Болонщине»), российское правление, пусть и по преимуществу прозападное, не могло не взбунтоваться (точнее, взбрыкнуть), заявив Западу своё огорчительное «***фэ***». Грянула знаменитая Мюнхенская речь российского пореформенного лидера, отважно положившая конец G-8, невольно усилившая западно-войновский «Дранг нах Остен», зато стимульнувшая перестройку и модернизацию российской армии, оживившая российскую оборонку.

Российское правление кинулось, идя, естественно, навстречу новому владетельному классу, укреплять армию, флот и ВКС как самых верных России союзников ради утверждения и обороны не так собственно страны, как безграничного доходообразующего, а, соответственно, и силового, волшебного источника.

Это немало удалось, как и удалось «показать зубы» (Южная Осетия, Абхазия, Крым, Сирия, тот же Донбасс, да и Белоруссия, Нагорный Карабах, Казахстан), удалось удержать, если не укрепить, то же домашнее иго – как раз пореформенное, а вот от глобоэкономического и уж тем более антимировского иг избавиться не то что не удалось, да и вряд ли сильно хотелось, ибо тут много, знаете ли, общего между всеми игами, что позволяет эти оба поначалу внешних ига превратить незаметненько в свои внутренние

ига, как раз и переплетающиеся органично с домашним игом, – и ежели освобождаться от внешних иг, то лишь освобождая от них, да и то не полностью, лишь владетельный российский класс, к чему, собственно, и готовится, судя по всему, российское правление, вынужденное брать себе в союзники не только Китай с Индией, а и собственное подвластное себе население, разумеется, в обстановке и в рамках экономического и антимировского иг.

Не простая, как видим, задача, прямо как было у Петра I, практически и невыполнимая: Иное-то ведь явно требует чего-то и явно *иного*, а именно чего-то ***пост***-реформенного, а для этого не просто нужны существенные перемены во всём строе российского бытия, что понятно, а и в самом владетельном слое с его правлением, да вот каких и как, ежели на это *им* пойти без *их* же (само) ликвидации попросту невозможно.

Тут одного телешоулидерства не то что недостаточно... э-эх... только бы не разговориться, невольно обращаясь не к феномену Петра I, а к феномену Сталина и его сталинизмом, вроде бы нынче и невозможных, да ведь и впрямь невозможных, да вот зато ко вполне возможному чему-то *иному*, даже не сильно противоречащему тому же искусственному разуму и той же технотронной цифровизации, мало того, уже в глубинах бытия сосредоточивающемуся, зреющему, набирающему сил и... смелости... о-ох!... *то-то ещё будет*!

Причём от *своих же* будет, сим правлением выпестованных, пусть и выпестованных невольно, прежде всего, от тех же обездоленных строем лишенцев – ни богатства у них, ни власти, ни перспективы (всех за границу не вытуришь, да и что им там делать, копя лишь раздражение, негодование и злобу, там они никто, а здесь, на родине, ***претенденты***, да ещё ***какие***!).

* * *

Написал и... нет, не ужаснулся и не убоялся, а просто пронизался коварным вопросом: «Надо ли это кому-либо, даже и Вам, когда Вы и так всё хорошо видите и вполне понимаете?», отчего взял да и свернул писанину: «Зачем вещать о неизбежном да ещё и нехорошем – само ведь придёт аки полночная звезда на небе?!».

Решил отослать Вам текст таким, каким он возник у меня к этому моменту – моменту сомнения и дырявой конспирации, рассчитывая, помимо Вашей о многом осведомлённости, на Вашу изрядную проницательность.

Не обессудьте, глубокоуважаемый ZZ! Что написал, то написал, а остальное написано в атмосфере-ноосфере, с которой Вы, по моему представлению, вполне себе и на Ты.

Искренне Ваш,
NN

* * *

Через какое-то время странник наш получил через офицера связи краткую записку от главковерха: «С текстом Вашим ознакомился, есть над чем думать! Продолжайте свой лекционный курс перед заинтересованной аудиторией с учётом хорошо Вам известных обстоятельств.

С искренним расположением,
ZZ»

* * *

Странник мысленно поблагодарил мудрого военачальника за понимание и доверие, мало того, за ощущение им возможности восприятия начальствующим воинством действующего в реальности и обычно не воспринимаемого обыкновенным сознанием конспиративного не по злому умыслу Иного, у которого, кстати, никаких проективных умыслов вообще нет и быть не может, если не считать за умысел само наличие (где, как, в каком виде?) этого самого Иного.

Иное – просто иное, не это, не такое, не этакое, которое имеет результатом своего действия не более чем... *иное*, – вот, собственно, и всё! И никакого, знаете ли, мошенства, не говоря о ловкости рук, если, конечно, не принять за то и другое неукротимость и неотвратимость загадочного иного.

* * *

Пришёл час и новой встречи нашего учёного странника с заинтересованной, как выразился главковерх, аудиторией.

Сказочное продолжение
Лекция третья

«Я начну, если позволите, со Сталина и сталинизма, как раз того, что было отвергнуто на рубеже 1980–1990-х гг., включая и сталинский СССР».

(Пауза.)

«Что это было? Да, была диктатура, но заметьте, не Иосифа Джугашвили, – как натуральной особи, а именно Сталина – как виртуального, как сейчас бы сказали, феномена, как знака, как символа, как, уж извините, бога (с маленькой, конечно, буквы – для нас, а не для его современников, пусть и не всех поголовно). Была также диктатура сдобренного социалистическими идеями тотального этатизма, армейского, заметьте, образца. Да, конечно, диктатура жёсткая, расстрельная, кровавая, вышедшая из такого же сначала революционного, потом постреволюционного, как раз и сталинского, времени. Однако диктатура, заметим, открытая, идейно обоснованная, даже и по-своему оправданная, причём не только словами, но и делами».

(Выжидательная чайная пауза.)

«Дела эти хорошо известны: индустриализация, образование, здравоохранение, культура с возвратом к русской (заметим, дворянской) культуре, развитие науки и техники, разные яркие достижения вроде освоения Арктики и авиаперелёта в США через Северный полюс, наконец, пусть и тяжкая, и затратная, и жертвенная, но победа в Великой, для нас Отечественной, войне, быстрое, пусть тоже жертвенное восстановление разорённой войной страны, создание ядерного оружия, вырыв в космос. Да – диктатура, да – репрессивный режим, да – жертвы, но при этом и колоссальный прогресс – возникновение новой, как раз *иной* (*акцент на слове*), цивилизации... э-э... как раз сталинской, а внутри цивилизации формирование и бытие нового типа, как раз *иного* (*акцент на слове*), социума – трудо-творческого (без класса собственников всего и вся, без владетелей, без эксплуататоров, благодетелей и кровопийц), наконец, как это, может быть, для какого-то уха странно звучит, вполне себе... э-э... *людского* (*акцент на слове*) не псевдолюдского, лишь человекообразного, а именно в полном смысле этого слова, *людского социума* (*акцент на словах*)».

(Ещё одна нудная чайная пауза.)

«Я не буду, если позволите, раскручивать сей сталинский сюжет в надежде, что вам многое об этом известно и без меня. Лишь ещё раз подчеркну эту самую *людскость* (*акцент на слове*) цивилизации и самого человеческого бытия. Скажу лишь, что я, родившийся в 1941 г. и живший мальцом ещё при Сталине, его, кстати, видевший на мавзолее или на стадионе "Динамо" во время спортивных праздников 2 мая, хотя, может, видел и двойника, знаю, о чём говорю: я жил тогда и ещё многие годы, обращаю на это ваше внимание, среди именно *людей* (*акцент на слове*), пусть и разных, и со слабостями, даже с пороками, но... ***людей*** (*снова акцент на слове*), причём с преобладанием всё-таки людских достоинств, а не слабостей и пороков.

Ладно, надеюсь, вы меня понимаете, о чём я тут пекусь, а именно о том, что диктатура вроде бы невыносимая, а тут же полнокровная людская жизнь с невероятными достижениями и победами – здесь я подчеркну – *в общих и для всех* (*акцент на словах*) делах, что означает – внимание, товарищи! – великую исключительность тогдашнего бытия в масштабе истории: *никогда такого социально-ориентированного бытия ранее не было и никогда уже не будет*!»

(Волнительная пауза.)

Голос: «А может, всё-таки будет... ну хотя бы что-то похожее?»

(Ещё одна нудная, уже и чайно-холодная, пауза.)

«Всякое возможно, и я бы этого хотел, но, как говорится, верится с трудом, ибо всемирные изменения античеловеческого характера, о которых мы ещё поговорим, если у меня на то хватит сил, а у вас интереса и терпения, набрали мощь и вряд ли обратимы, точнее, вряд ли изменимы в гуманитарную сторону, хотя, повторюсь всякое бывает: Иное на то и Иное, чтобы ино-бразничать!»

(Пауза.)

«Что тогда состоялось? Да, был диктатурный этатизм, но то ли в нём, то ли рядом с ним, то ли даже вопреки ему, возникла, – примите, пожалуйста, это... э-э... как версию... хотя бы на веру... э-э... возникла не что-нибудь, а... ***соборность*** (*акцент на слове*), правда, чересчур и слишком надолго *принудительная* (*акцент на слове*), а потому и, не получив своевременного *преображения*

(*акцент на слове*), обернувшаяся через годы массовых напряжений и подвижничества массовым же расслаблением и распадом.

“Перестройщики” и “реформаторы” добивали уже даже не больного, – я имею в виду поздний сталинизм, – а практически полутруп, ещё бывший вроде в реалиях, но уже не животрепетный, а так, аки ещё живая рыба на льду. Звёздный генсек со товарищи сделал своё дело, – хорошо ежели бессознательно, впрочем, и это плохо, если не хуже, – но подвели они таки ещё существовавший и действовавший строй к погибели. (*Пауза*). Всё как обычно, достаточно вспомнить вроде бы процветавший, но вовремя не перестроенный, строй Российской Империи, чтобы убедиться, насколько это гнусно-обыденно – держаться за власть, за верх, за привилегии, за себя, жертвуя даже не строем, а самой Отчизной (с большой буквы, разумеется). Не предатели как будто, а вот погубители – точно!

Вот так оно работает – Иное! Одни, как Сталин, не только идут ему навстречу, угадывая историческую к нему тягу, но даже его – Иное – на время покоряют, созидая *своё иное*, весьма с неведомым Иным и согласное, а другие, пардон, лишь проваливаются в это Иное, оборачивающееся вдруг для них самой обыкновенной, а может, и необыкновенной, Бездной».

(Вынужденно бесчайная пауза.)

«Управлять Бытием-Историей, точнее, управляться с Бытием-Историей – ходить по-над краем Бездны, да ещё и под лукавым присмотром Иного, ну и... кому уж что в итоге достаётся: кому своё Мироздание, а кому безмировая, но тоже своя, дыра».

(Пауза.)

Голос: «Выходит, что только тираны вроде Сталина могут выстоять и что-то позитивное сотворить?».

«Нет, конечно! Тираном-то быть можно: кто вокруг не тиран, если учесть, что не везде главы государств действительные управители, за таковыми ведь скрываются вполне себе респектабельные тираны, незаметные, «мягкие» и даже «пушистые», да вот далеко не все тираны способны стать созидателями новых, причём *иных* (*акцент на слове*), цивилизаций, ещё с таким вот, как у сталинизма, *людством* (*акцент на слове*), пусть возникшим и существовавшим в чём-то и вопреки сталинизму».

(Пауза.)

Голос: «Тогда всё равно Сталин выходит, так ведь?!».

«Нет, не так! Это в нашей отечественной истории так вышло, да ещё в страшно хаосно-жертвенно-кровавый её период, но нельзя не отдать должного, пусть и не самому Сталину, а просто тому поколению, которое выдало за каких-нибудь от 25 до 50 лет столько всего великого, а главное, подчеркну – *людского*, что примеров сей, извините, "выдачи" что-то в мировой истории не отыскивается. Назовите, я готов услышать и принять!»

(Безмолвная затянутая пауза.)

«Я понимаю вас – ведь столько вокруг всякой, что правдивой, что лживой антисталинской молвы – и мало кто хочет разобраться в проблеме по существу. А вот мы – я имею в виду наше институированное учёное сообщество под моим, извините, водительством – это сделали, и знаете когда? – в 2003–2004 гг., проведя крайне содержательные дискуссионные заседания на сталинскую тему и опубликовав затем толстую монографию под названием «Феномен Сталин» (не феномен Сталин*а,* а именно феномен Сталин), в которой выступили тогда лучшие умы страны, да мало что выпустили толстую книгу, так мы ещё отослали её прямиком в Кремль, лично президенту – ответа, правда, не получили, но вскоре заметили, что карикатурные изображения вождя в кино и СМИ прекратились, хоть и не исчезла критика Сталина и сталинизма, но это другое дело, вполне допустимое и, безусловно, необходимое».

Голос: «Ничего себе!».

«Да-а.. ничего себе! А вы ведь меня уже в сталинисты, почитай, зачислили...»

Голос: «Что-то вроде!».

«Вот именно! А я всего лишь за историческую правду, какой бы горькой она ни была, как и за честь сталинского, как раз людского, в моём понимании, поколения, за правду о той жизни, о тех деяниях, о тех победах, как и о тех же поражениях тоже. Я не буду вам ничего назойливо доказывать, сами думайте, тем более что вы в курсе, наверное, исторического приказа "Ни шагу назад!", как и того, что с него-то и начался настоящий перелом в Великой Отечественной войне. Вы что можете предложить другой ход войны, это в тех-то условиях, с теми тяжелейшими проблемами, тем мощным противником, с тем мусором в головах, не исключая и сталинской. Пока разобрались, пока всё поняли, пока

кое-чему научились... э-эх... судить-то о прошлом можно, да вот как бы в его нутро погрузиться, да не умом только, а и духом тоже, интуицией, а это совсем и не просто. Дело ведь не в одной только войне, а и во всём остальном тоже, а главное – в Ином, которое выворачивает реальность и так, и этак».

(Чайно-тёплая пауза.)

«Соглашусь с вами, что кутерьма была тогда страшная, да вот объясните мне, почему же это вдруг из такой вот жуткой кутерьмы вышел новый, вполне себе и иной, и эфффективный, и даже воистину истинно людской мир, а-а?.. причём такой, которому, уж извините, наш свободный-де нынешний мир даже в подмётки не годится, но об этом, ежели я вам насовсем не надоел, при следующей встрече, товарищи, лады?»

Голоса: «Лады, лады, профессор. Очень интересно было бы взглянуть на себя вашими проницательными глазами!».

«Ну уж и на себя, да ещё и проницательными, на всех нас, хотя, не скрою, глазами таки довольно проницательными, с внутренним, так сказать, зрением. Не обессудьте, если что не так, Иное ведь не обманешь!»

Дневниковая запись

ОБНАЖЕНИЕ как вестничество Ниоткуда и в Никуда в масштабе необъятного, в русле Непостижимого, по разряду Необъяснимого и в угоду Необратимого.

Ах, как хорошо написал, если вдуматься!

Хотя, быть может, всё тут и наоборот: и откуда, и куда, и объятно, и постижимо, и объяснимо, кто знает? – разве лишь «ОБНАЖЕНИЕ» в полном своём раскладе, аки тать в ночной мгле.

Проект как Тайна, а Тайна как Проект! А иначе, увы, нельзя, да и вообще быть не может! Но лучше всё-таки с обнажением, чем без него, пусть и для единиц, для мудрецов-ересиархов, – хватит и этого!

Лекция четвёртая

«Ну что, товарищи, не соскучились по моим полубредовым измышлениям: Иное, людскость, хороший-де Сталин, а-а?»

Голос со смехом: «Соскучились, профессор, да так, что чуть ли не философами стали».

«А вот этого не надо: воин должен много знать, всё учитывать, как и принимать объёмные решения (это я о генштабистах), а вот философствовать ему противопоказано, как и жертвовать армиями. Суворов наш был не философ, а мыслитель, чего я и вам желаю – быть мыслителями, однако (*смеётся*) всё-таки философствующими – разумеется, в меру».

(Пауза.)

«Со Сталиным мы, кажется, подразобрались, хотя и не вполне – феномен, конечно, сложнее, густее, мощнее: ведь и в самом деле ниоткуда он взялся, да вот кое-чего великого наворочал, разумеется, всякого. Тут ведь не что-нибудь, а тайна, которая никогда, слышите, *никогда* (*акцент на слове*) не будет раскрыта, поскольку она от Иного, а не от Этого, да и кому её разгадывать – не философам же, тем более уж не шибко учёным. А что в просветлённых головах мудрецов вдруг является, так это как раз то, что в этих головах и остаётся – передать-то некому и нечем, да и страшно, что передающим, что принимающим. Заметьте, нет ничего страшнее знания об обнажённой реальности! Тут, что называется, табу!»

(Чайная пауза.)

«Так что намёками, товарищи командиры, намёками, ничего другого нам не остаётся.

Что ж, бывают гениальные созидатели, вроде того же Сталина, но бывают и гениальные... разрушители».

Голос: «Понятно, о ком вы!».

«Ну и хорошо, что понятно, главное, не питать тут никаких иллюзий: его, этого гениального разрушителя, задачей было избавиться от остатков сталинизма, развалить СССР, уйти элитарно на Запад, совершить в стране прозападную революцию. Э-э... чуть было не сказал: “Этакий Сталин наоборот”, но нет, не тянет, даже на наоборотного не тянет, но, тем не менее, *явление* (*акцент на слове*), в котором хватает тайны, с которой, замечу, тоже до конца никогда не разберутся, ибо он не просто не от мира сего,

а вообще *от иного мира* (*акцент на словах*), увы – *преисподненского* (*акцент на слове*)».

Голос: «Меченый!».

«Да, меченый, этакий мечиносец (*акцент на "и"*), вовсе не сталинский меченосец (*акцент на "е"*)».

Голос: «Однако мечом поработал, пусть и словесным».

«Да, поработал, причём гениально: живо, витиевато, скользко, причём ещё и лживо – *гениально* (*акцент на слове*), мастерски, разумеется, не без подсказок оттуда – из западной преисподней, но всё-таки в целом *сам* (*акцент на слове*), *сам*, недаром же был публично зачислен в ***"Князи тьмы"***, а ведь всего лишь шустрый, приятный, вкрадчивый, а главное, юркий, неухватываемый, скользкий, аки колобок, но зато насколько завораживающий, магнетический и магический, ну и эффективный тож – настоящий "Князь тьмы", всю страну и весь мир завороживший, всю страну и весь мир перевернувший, и ту жизнь укравший, причем *один (акцент на слове),* приспешники тут не в счёт. *Один (!)),* а-а, разве тут не чудо, товарищи?*!*»

(Выразительная пауза.)

Голос: «Действительно, чудо!».

«Зачем я говорю о само́м этом явлении, конечно же противоположном сталинскому, но о-очень показательном в русле моих рассуждений, гораздо более очевидном, но при этом и гораздо менее понятном... бац!.. и нет страны, да что страны, мира прежнего нет, а тут, понимаешь, Запад, Восток, капитализм, социализм, демократия, диктатура, наука, философия, религия (!), бытие, история, человек, человечество, да мало ли ещё что! – вот оно как, вот как всё на свете творится... бац!.. и нет света, а есть тот же ковид, но это всё-таки целый большой ковид, а тут всего лишь один меченый... с бездными глазами (знаю, о чём говорю, довелось взглянуть своими (*смеется*) проницательными очами прямо туда, в бездну, через глазной его портал, – в глазах ведь всё и торчит – у кого свет, а у кого тьма!»

(Долгая чайная пауза.)

«Так кто же или что же, товарищи, на самом-то деле сотворяет реальность: человек, сама реальность или всё-таки Иное?»

Голос: «Всё сразу!».

«Вот именно! А что более всего?»

Голос: «Выходит, что Иное, трудно с вами не согласиться».

«Вот и славно! Отсюда и объяснение того, что творилось в 1990-е и сотворяется сегодня, не так ли? Разумеется, неудовлетворительное, бессловесное, бесприговорное объяснение – этакое необъяснённое объяснение, но вы, дорогие слушатели, надеюсь теперь понимаете, о чём я вам толкую: “Не ищите объяснений там, где их нет, как и взыскуйте молчаливого понимания того, чего тоже нет, но зато какого при этом безмолвно говорящего!”».

(Безмолвная затяжная пауза.)

«Что-о, догадались: соедините вместе то, что называлось сначала перестройкой, затем реформой, а потом стабилизацией, и получите с учётом прихода и внедрения в Россию новейшего, то бишь антимировского, Запада, как раз то, что и представляет собой по сути ныне страна, отважно называемая Российской Федерацией – смекаете?»

Голос: «Синтез?».

«Да, пожалуй, как процесс и как итог, да и как продолжение процесса, несмотря на вроде бы реальное стремление его прервать и приступить к другому синтезу – России с Россией, да вот с Россией, а не псевдо-Россией, да и не с прошлой Россией, а с новой, хотя и концептуально уходящей вглубь веков.

Чувствуете? Отчалить от Запада с его финансово-идеологическим гнётом, с его пошлым и разлагающим антимиром, который легче всего представить по тому же нашему-ненашему телевидению голливудского пошиба, но который, я имею в виду антимир, увы, всюду нынче и во всём, включая и последние управленческие, точнее менеджериальные, реформы, убивающие сами объекты реформ: науку, образование, здравоохранение, жилищное хозяйство, как и многое другое, а главное – человека в человеке!»

(Тягостная пауза.)

«Финансовая кабала – дело понятное, идеологическая токсина – тоже, труднее воспринять *антимир* (*акцентирует на слове*), а это, знаете ли, не бельмо в глазу, а что-то вроде замещения естественного глаза на искусственный: вглядитесь повнимательнее в глаза масс современников и ничего в них не найдёте, кроме заботы, раздражения, страха, пустоты, а это и есть присутствие антимира в человеках, хоть вроде бы все сыты, динамичны, насыщены развлечениями, путешествиями, набиты информацией и чуть ли

не счастливы. Тот же расцвет *постправды*, смекайте, *постправды* (*акцент на слове*), лжи, обмана, мошенничества, имитаций, фальши, фейковщины – верный признак овладения и поглощения человеческого мира нечеловеческим антимиром».

Голос: «Что ж, тогда во всём виноват Запад, США, мировое правление?».

«Нет, Запад тут не в чём не виноват, он просто делает своё дело, превращая Россию в своего полуколониального вассала и удерживая её в этом неприглядном положении, пусть уже и взбрыкивающей, даже не то рвущейся, не то делающей вид, что рвётся к полному суверенитету. Виноваты... нет, конечно, не мы как таковые, не мы с вами, как я надеюсь, не я во всяком случае, который всегда стоял за независимость и самостоятельность родной страны, за её умное преобразование, отстаивая даже в чёрное время рубежа XX–XXI вв. её самобытность, российскость, даже и русскость, государственничество, великодержавность, имперскость, поднимая на щит и того же Сталина, точнее феномен по имени Сталин – не как, разумеется, пример для подражания, а как довод для выбора *своего* (*акцент на слове*) пути. Однако правление наше, да и немалые массы людей, причём ещё и в советское время, были буквально инфицированы Западом, – не без оснований, конечно, – а когда всё-таки представилась возможность покончить со своим, как раз сталинским, цивилизационным экспериментом, то правление и сии массы кинулись сначала к Западу, потом на Запад, а теперь наслаждаются его отхожеством с его экскрементами в собственной стране».

(Взволнованная пауза.)

Голос: «Вы антизападник, профессор?».

«Нет, вовсе нет, я хорошо знаю Запад и многое в нём ценю, я не против самого по себе Запада, с ним взаимодействия, даже его у нас присутствия, я лишь против безумной западнизации России, её роковом растворении в западной зоне планеты в качестве колонии Запада. Тут уж увольте! Я за россиезацию России, за национализацию её хозяйства, государства, культуры, образования, вообще бытия (*улыбается*)... э-э... “Такой хоккей нам не нужен”, как говаривал незабвенный Николай Озеров».

Голос: «Ну, а мюнхенская речь президента, разве не свидетельство стремления к самостоятельности, вынужденно или нет частично утерянной в результате поражения в холодной войне?».

«Во-первых, если и было поражение, то в виде добровольной сдачи на милость победителю, а никак не победа Запада над СССР, а во-вторых, заява в Мюнхене имела место – факт! – однако вместо освобождения мы получили войну, о которой вы не хуже меня знаете. Самое интересное тут в том, что мы вроде бы хотим освободиться от заокеанской зависимости, но в самой стране от западнизации никак не освобождаемся: то ли не можем, то ли не хотим. Кажется, что мы бы хотели быть по факту, букве и духу западническими, почитая свою западнизацию за великое благодостижение (ради чего и благородную страну с её оригинальной социо-хозяйственно-культурной начинкой сдали, да не только страну, а целый международный соцлагерь, не говоря о «международном ревкомдвижении»), и, знаете ли, быть в итоге с западными хищниками в одном зоопарке на равных, даже ультиматумом им грозим».

(Гробовая пауза.)

Голос: «А что, разве это плохо, этот ультиматум?».

«Нет, не плохо, совсем даже не плохо, как и иметь дееспособную военную силу, но с условием, что это начало действительного освобождения от многостороннего западного гнёта, если не ига, освобождения, сопровождающегося и соответствующими переменами в стране, да не только по вектору антизападнизма, но и по вектору, скажем так, многоэтнического россиевизма с достижением социо-хозяйственной и народовластной соборности, под которой понимается осознанное и деятельное единение в социально-культурном разнообразии».

(Грозовая пауза.)

Голос: «Так это же настоящий переворот!».

«Почему нет, да – переворот, даже и выворот, но уже как *выворот вывернутого* (*акцент на словах*), как раз тот самый переворот-выворот, который к России, причём и к России не изнаночной, а лицевой, не имитируемой, а действительной, вполне и модернизированной».

Голос: «Но, может, западнизация, о которой речь – необходимый в нынешнюю эпоху преобразовательный ингредиент, как раз *иной* (*акцент на слове*), как вы предпочитаете говорить, пусть и инородный, токсичный, даже и враждебный?».

«Могу с вами согласиться, ежели это всего лишь ингредиент, но ведь его, этот самый западнизм, ещё надо в ингредиент превратить, мало того, вытравить его из сердцевины, а лучше сказать, из себя, да и не без натуги, выблюнуть, а как это сделать в рамках и силами действующего властно-управленческого режима, на такого рода подвиги, кажется, не очень-то способного?»

Голос: «Хм, сталинизмом запахло!».

«Нет, милостивые государи, не сталинизмом, а, уж извините... *Иным* (*акцентирует на слове*), а оно – это самое Иное – подскажет, ничего при этом не говоря: *события*, *события*, *события* (*акцентирует на словах*) подскажут, кто, когда и как займётся сим преобразованием, коли нас, скромных мудрецов, не слушают и вовремя не делают потребное, то придётся выслушивать события, как их уже выслушал тот же Батька, так ничего в них и не поняв, как слушают сейчас казахские ханы, хотя можно события не только слушать и слышать, но и понимать, соответственно на них реагируя, а лучше, ежели их предвидеть и избегать посредством и в ходе необходимых перемен».

Голос: «Как это делал Сталин!».

«В каком-то отношении и так, но Сталин принял страну в большом разладе, как, собственно, приняло страну и нынешнее правление, но сейчас не разлад, а... *не-до-ум-ение (произносит врастяг и нараспев, акцентируя на слове*), грозящее новым разладом, – и ничего не остаётся, как действовать, а ежели через *диктатуру* (*акцентирует на слове*), так она никогда и не прекращалась, лишь меняя знаки, цели, установки, личины, а потому...»

Голос: «Потребная к случаю диктатура!»

«Как вы, командарм, догадались! Однако обратите внимание на то, что к такого рода вещам ведёт сама реальность, в которой и субъекту место, и объекту, и Иному тоже, как раз та самая реальность, которой никак нельзя пренебрегать, в особенности той её долей, которая не на поверхности».

(Крутая пауза.)

Голос: «Так вы, выходит, за новую диктатуру, и чуть ли не сталинского образца?».

«Нет, совсем нет, это не я, не вы, вообще никто, тут всё иначе: диктатура, о которой речь, то есть открыто жёсткая, военного образца диктатура, как и та же революция, возникает более все-

го *сама* (*акцентирует на слове*) – вот что надо бы, уж извините, зарубить на носу и закрепить в голове, а вот чья, какая, с какой целью... тоже, знаете ли, по преимуществу само – не диктатор выбирает диктатуру, а диктатура выбирает диктатора, во всяком случае в больших, что называется, системах».

(Озабоченная пауза.)

Голос: «Интересненько выходит!».

«Да-а, интересненько! Таково оно – бытие, такова она – история, такова она – судьба! Всё ведь идёт не так, как хотелось бы, в особенности мирным домохозяйкам, смирным торговцам и бойким рестораторам. Почему? А это надо спросить у Иного, которое и делает всё *иным* (*акцент на слове*), не таким, как кому-то, даже и императорам, хочется!»

(Тихая пауза.)

«На этом я позволю себе закончить, и не только сегодняшнюю лекцию, но и наши встречи, завершив всё это следующими словами: "Дай нам Бог, учась у реальной были, избежать сталинского рецидива. Для чего есть немалые шансы, только надо ими умело воспользоваться!"».

(Недоумение в зале.)

«Благодарю вас за внимание, терпение и, кажется, восприимчивость!»

(Кратко поаплодировав, слушатели не стали донимать лектора вопросами, а лишь молча выразили ему взглядами признательность.)

В кабинете трёхзвёздного генерала

Генерал: Спасибо, профессор, за всё вами высказанное – ясное, но в то же время и загадочное... э-э...даже магическое! Насколько я знаю, вам удаётся кое-что из вокруг происходящего предвидеть. Не каждому из светских мыслителей это удаётся. Дар свыше! (*Пауза.*) Однако, я думаю, что уместно было бы нам немного расслабиться и подкрепиться. Что вы предпочитаете, кроме доброго зелёного чая?..

Профессор (заметно усталым тоном): Бокал не менее доброго, чем зелёный чай, красного сухого – надеюсь, найдётся?

Генерал: Разумеется! А я с вашего позволения коньячку.

Профессор: Как не дозволить, генерал, в вашем-то кабинете!

(Генерал отдаёт по селектору чёткие указания насчёт всего благонамеченного. Переходят в комнату отдыха.)

Генерал: Да-а, нелегко вести такого рода разговоры, да в такой аудитории, понимаю вашу усталость, но ничего, сейчас малость отдохнём.

Профессор: Благодарю за сюрпризное гостеприимство, генерал!

(В комнате появляются адъютант с дамой в белом фартучке, вносят всё необходимое для маленького импровизированного пиршества. Бокалы наполняются превосходными напитками).

Генерал: За вас, профессор, и за ваше учёное подвижничество!

Профессор: Спасибо, генерал, и за вас тоже, за ваше нужное внимание к не очень-то нужной мысли!

(Прикладываются к бокалам, отпивают благодатных напитков.)

Генерал: Не к ненужной, думаю, а к неудобной, не так ли?

Профессор: И так тоже. Я к этому, то бишь к неудобью и ненужности, привык, хотя... э-э... мерзавцы вовсю моими мыслями пользуются, никак не ссылаясь, хотя всё у меня опубликовано.

Генерал: И правильно делают, причём в обоих случаях: что пользуются и что не ссылаются!

Профессор (заметно менее устало): Верно, не могу с вами не согласиться, генерал. Позвольте выпить за понимающих и воспринимающих, они тоже есть, думаю, что и среди моих недавних слушателей тоже!

(Отпивают по глотку и с в самом деле превосходных напитков. Закусывают.)

Генерал: Есть они, есть, и среди наших тоже. Однако вы их немало озадачили своим неукротимым Иным, как и меня тоже. Рок, выходит, фат!

Профессор: По преимуществу, пожалуй, да, но иной раз... слышите – *иной* (*акцентриует на слове*) раз... вовсе и не рок и не фат, а, скорее, подмога, а то и фарт... э-э... как это, заметим, не раз уже случилось у нашего нынешнего правления.

Генерал: Вы имеете в виду экономический подъём нулевых и удержание экономики на плаву в дальнейшем, а также известные геостратегические события, включая крымские, сирийские, белорусские и другие, так?

Профессор: Конечно! Что ни говори, а кое-какой фарт имеет место, весьма и заметный – как позитивный ответ на потребности ближайшего Иного, да вот со стратегическим Иным не всё у нас, на мой взгляд, ладится, особенно по внутреннему контуру.

Генерал: А теперь что вы имеете в виду?

Профессор: От невзятия Тбилиси и до отсутствия в стране необходимых, слышите – *необходимых (!) перемен* (*акцентирует на словах*), ибо то, что удалось состряпать по итогам 1990-х не отвечает ни потребностям нации, ни, уж извините, Иного.

Генерал: Знаю о вашей теории постреформизма, да ведь как на это решиться?!

Профессор: А ведь надо было, воспользовавшись тем или иным благоприятствующим событием: не смогли после грузинских событий, так надо было по следу крымских, на крайний уж случай по итогам выборов 2018 г. Но, увы... *ничего* (*акцент на слове*)! Даже в ковидную пандемию можно было проявить решительную инициативу – ведь какой был шанс!

Генерал: Да-а, ваше Иное прёт из всех щелей. О-очень интересная идея!

Профессор: Не так идея, как идейная констатация реальности, пусть и не слишком очевидной, но всё-таки достаточно заметного свойства.

Генерал: Метафизического?

Профессор: Не научного же!

(Генерал предложил тост за метафизику,
профессор не отказался. Выпили. Закусили. Задумались.
Первым заговорил генерал.)

Генерал: Ситуация во всём мире очень сложная и очень тревожная, не только в России.

Профессор: Тупиковая!

Генерал: В смысле?

Профессор: Безысходная, апокалиптическая. Управители навязали и продолжают навязывать человечеству совершенно ему неприемлемое, самоубийственное. Отсюда и повсюду протесты,

неважно под каким предлогом, кем провоцируемые и кем исполняемые: от американских «блэков» и французских «жёлтых жилетов» до белорусских студентов и казахских боевиков. (*Пауза.*) *Протест* (*акцент на слове*)! Тотальный, недвусмысленный и беспощадный! (Пауза.) *Восстание* (*снова акцент на слове*)!

Генерал: К войне идёт, которая вовсю уже и идёт!

Профессор: О-о, она идёт уже давно, она уже даже не при дверях, а прямо в домах. *Война миров* (*акцент на словах*)! Теперь уже не мир с войной, *мир-война* (*акцент на слове*), да и не просто мировая война, генерал, отчего и «Ваше слово, товарищ маузер!», как восклицал ажиотажно несчастный поэт-громовержец, а в данном случае уже не маузер, а...

Генерал: Ваше Иное!

Профессор (*смеётся*): Нет, не зря, совсем не зря я тут промучился с этим Иным! Да-а, товарищ генерал, на Иное надо отвечать Иным, и кто первый ответит, тот и выиграет. Тут война не так с текущей реальностью, как с Иным и в Ином. Вот тут какая каверза выходит!

Генерал: И поэтому надо действовать, пока Иное не проглотило верхи вместе с низами.

Профессор: С аморфностью, коррупцией и мошенничеством далеко не уедешь. Нужны крутые позитивные перемены, а ежели их нет, то они приходят сами, только уже (*усмехается*) *иные* (*акцент на слове*), а вот какие и для кого как, это уже дело реальной истории. (*Пауза.*) Что ж, мудрый генерал, наговорились, пора и честь знать, по последней, пожалуй, стремянную!

Генерал (*оживившись*): Жаль с вами расставаться, но, может, Бог даст, ещё свидимся и поговорим. За вас, профессор, и за ваше Иное (*улыбается*)!

Профессор (*охотно рассмеявшись*): И за вас, генерал, и за ваше сакральное по нынешнему времени иновоенное бдение!

(Выпивают положенное, встают из-за стола, прощаются, направляясь к выходу из кабинета.)

Генерал: Задали вы нам, профессор, метафизического перцу, теперь только (*усмехается*) об Ином и будем думать.

Профессор: Но непременно в единении с происходящим вокруг *Этим* (*акцентирует на слове*). Уж извините за назойливость, но надо видеть то, чего не видно, чего даже как бы нет, а вот тут как раз и Иное на выручку, однако сквозь Это, сквозь

Это, такое разное, такое закрытое и такое вот коварное, в общем *прозревать* (*акцент на слове*) надо, как учил нас незабвенный Александр Васильевич, *прозревать*!

Генерал: Сердечное спасибо, профессор, все уроки хороши, и ваш тоже. От кого ещё *такое* (*акцент на слове*) услышишь? Спасибо! (*Деловито.*) Вас проводят до машины, она в вашем распоряжении. До свидания, дорогой профессор, здоровья вам и удачи!

Профессор (*смеётся*): И вам того же! До свидания, может, и впрямь свидимся и потолкуем, а там, глядишь, и кое-что из нашего вдруг сбудется. Спасибо за тёплый приём. Прощевайте!

Дневниковая запись

Иное – потаённая, суровая, неотвратимая и крайне судьбоносная сила, ключ к восприятию которой в лучах софийной метафизики, даруемый лишь единицам. Это то, чего как будто бы и нет, но что реально тревожит реальность, её возбуждает, побуждая к переменам, ведёт, а в итоге и определяет, за ней надёжно и скрываясь.

Думы

Доехав на комфортабельном авто до своего дома и прогулявшись по привычным дорожкам своего зелёного, а в январе 2022-го белого от снега, района, странник, придя домой и оказавшись за чаем в своём любимом, не занятом на тот момент дружественным ему рыжим котом кресле, глубоко задумался.

«Поняли ли его товарищи военачальники или нет, тут ничего не поделаешь, но зорким глазом опытного оратора профессор заметил, что кое-кто из заинтересованных слушателей его, конечно же, понял, и понял, безусловно, как раз то, о чём странник на полном свету не сказал бы – общую бесперспективность сфабрикованного в стране строя и его недоброкачественной ситуационной реализации, как и необходимость фундаментальных строевых и стилевых перемен, которые гладко, мягко и безболезненно вряд ли уже пройдут, а потому сомнительно, чтобы нынешнее удачливое-де правление на них решилось, а, скорее, оно будет стараться, мимикрируя то под правых, то под левых, то под отъявленных центристов, обойтись без существенных перемен, ограничившись даже

не полумерами, а так – вербально-немотной имитацией. Драматическая в общем-то ситуация – тупиковая! Однако Иное почему-то благоволит правлению, само решая за него стоящие перед правлением задачи, но так долго продолжаться не может, и настанет час Х (икс), как он уже методично наступает вокруг, перебегая из одной бывшей советской республики, а ныне "независимой страны" (ровно настолько независимой, чтобы свободно и охотно податься в логово заокеанского зверя – на съедение, как та же Украина) к другой бывшей советской республике (от одной карикатурной тени к другой), – и выходит, что та же государственность, не говоря об имперскости, либо генетически предрасположена, либо генезисно выстрадана, а просто так, по-шпански, – не является».

«Да, клянут Россию, хулят, гнобят, отрицают, переделывают – и всё более по-мудацески!, а бытуют соседушки и даже процветают аккурат за счёт России, но не одних лишь ресурсов, а более за счёт её наличия на свете, её исконной парадигмы и исторической экзистенциальной магмы, выливающейся незаметно в мир; не будет России, никого из нынешних "государств-членов ООН" на половине земного шарика не будет, ибо не будет сакрального сингуляра в лице и в образе России, всё и вся, как это ни странно, удерживающей!»

«Что такое на самом деле Россия, а не тот же искусственный СССР, позитивно доказал товарищ Сталин, а негативно – гражданин мира "меченый", каждый по-своему переворачивая не одну лишь ни в чём не повинную страну по имени Россия, а и весь мир, весь, да ещё, как тот же "меченый", безо всякого заметного усилия. Вот что такое Россия! Ибо это не что иное, как сакральная идея, земно-космический сингуляр, проект Божий, его софийное достояние.

Никак не поймут, сволочи, что мир зе́мный – идейно-информационно-духовная матрица, в которой центральное, вполне и трансцендентно-метафизическое, место принадлежит России, а не Европе и не США. Америка с Европой сдохнут, никто на Земле и в Космосе не охнет, а вот ежели Россия вдруг исчезнет, то ничего на шарике и не останется, ибо она – Россия – скрепляет всю земную матрицу, всё человечество, всё бытие, всю историю. Чем же? Неотмирьем своим, не-от-мирь-ем! Россия прямо оттуда – от Изначалья, от Иного, от Неизвестности, следственно, и от Бездны, от Преисподней, от Тьмы, но при этом и от Неба, от Света, от Бога!»

Тут мудрец, несмотря на..., а то и благодаря обуревавшим его ипохондрическим мыслям, как-то внутренне осел и... задремал, не уходя, конечно же, при этом ни в какую Нирвану, ни в какую оторопь, а всего лишь... *в себя*, как раз в того самого, что на связи и на решении, называемых обычно подсознательными или интуитивными, а на самом-то деле трансцендентно-сверхсознательными, как раз иномирными, ну и, само собой, вестническими. «Поцелованный Богом», как выразился однажды о нём один его верный друг-товарищ, – «поцелованный» или нет, но вот «избранный среди званых», наверное, – да, не счастливчик вовсе, а более всего страдалец, возмездно получающий непонимание, отрицание, незамечание, разумеется, не ото всех, есть и «слабые звенья» – из понимающих, признающих, замечающих, пусть и немногие, но зато *какие*! В итоге он не один, а с «кластером», или в «кластере», аккурат в его центре, что для него как бы счастье, но как бы и несчастье, а в целом – большая удача с мощной бронезащитой!

Спит и видит, ничего кроме призрачных снов не видя, и думает, ни о чём не думая, и решает, ничего не решая, а в итоге... ох!.. что же в итоге? – а-а, да... *озарение*! – что поделать, коли всё так и вершится, хотя и не только так, на бодрствующую голову тоже – как финальный добавок ему в утешение!

Оказался ли одарён открытиями странник во время того сна или нет, доподлинно неизвестно, но вышел он из сна... нет, не *иным*, которым он уже был давно... а... *воодушевлённым*, однако на что или же по какому поводу, то ни на что и не по какому поводу, а так, вообще, по случаю, вопреки, наперерез, назло, если хотите, ибо он давно в борьбе, всегда в борьбе, давно уже в оборонительно-наступательной стойке, и, получая удары, он ни разу не упал ниц, уклоняясь, отвечая, лавируя, уходя даже в тень, чуть ли не в навь, иной раз и благоразумно отступая и уступая, чтоб не вляпаться, зато всегда добиваясь *своего*, а именно – ***иной мысли*** всего-навсего, чего ж ещё, нередко и восклицая про себя аки Пушкин: «Ай-да вестник, ай-да сукин сын!», а почему же ему было иной раз не воскликнуть, ежели так оно в реалиях и было, и есть, и будет: Тайна и Великое Неизвестное, метафизис с метафизикой, метасмыслология с полилектикой, Иное с работающей трансценденцией, выворачивание с выворачиванием вывернутого, не говоря уже о Бездне с Преисподней, да мало ли ещё что, за чем стоит *изначалье, иномирье, инореалье*, а он им верный *соработник*!

У Главковерха

Главковерх неожиданно попросил мудрёного профессора прибыть к нему для краткого разговора.

Поблагодарив учёного гостя за прочитанный им перед генштабистами курс, он, не мешкая, прямо обратился к гостю с вопросом:

– Так значит нас всех ожидает *иное* (*сакцинтировал на слове*), не это и не то, в общем – не то, что есть, и не то, о чём помышляем, тогда *что* же (*акцент на слове «что»*)?

– Иное, – ответил гость, – что я вам могу ещё сказать, ежели ничего иного не знаю.

– Не лукавьте, профессор, знаете ведь!

– Знаю, но не скажу более того, что уже сказал.

– И всё-таки?

– О-о, ZZ, вы многого хотите, не жалея моей головы! А мне представляется, что голова мне ещё потребна, несмотря на уже преклонный возраст.

– Это самый что ни на есть убедительный возраст, в особенности после того, что вы уже сказали в своих книгах и статьях, в лекционном курсе.

– Так ведь там всё уже сказано, ZZ, что вы теперь от меня хотите?

– Истины! Прямо как Понтий Пилат (*усмехается*).

– Пилат обратился не по адресу, ибо реальную истину знал не растерянный Иешуа, а собранный в кулак Афраний, который, собственно, всё и разыграл...

– Что всё? – не выдержал главковерх, прервав гостя.

– Всё!

– И *этого* (*акцент на слове*) тоже?

– И *этого* (*акцент на слове*) тоже.

– Ничего себе! Я об этом не подумал, когда читал ваш глубокомысленный «Реквием».

– Читали?!

– Да, читал.

– Ах, вот почему вы уделяете мне внимание, понятно!

– И поэтому тоже, но не только.

– Но я, скорее, Иешуа, чем Афраний, быть может, и что-то знаю не хуже Афрания, а может, и получше, ибо всё-таки я не Иешуа, а попросту *я* (*акцентирует на букве-слове*).

– Да, – задумчиво произнёс главковерх, – не Иешуа и не Афраний, а автор «Реквиема», а это, согласитесь, немало.

– Есть такая (*иронично*) профессия – думать, открывать, упреждать, предлагать, так ведь не слушают, даже не отвечают на прямые обращения, прячутся. Не понтии, прямо скажем, пилаты, даже и не афрании, а так... подобия, да и то кривые. (*Пауза.*) Однако я их понимаю, нелегко им соединить Карфаген с Римом, а надо бы к России как таковой обратиться.

– К какой же, к неотмирной что ли, тогда как?

– С любовью – тут я Иешуа, и с умом – тут уж я Афраний.

– Да, нелегко с вами, мудрецами!

– А вы ещё кого-нибудь знаете... из живущих?

– Да нет, правда ваша, не знаю, оттого вот и с вами общаюсь.

– Впереди (*меняя русло разговора*) перемены – факт! Но вот какие? Конечно, тяжкие, упругие, силовые. Но для этого должна созреть ситуация, примерно, как в Белоруссии, Армении, Казахстане, да и как на той же Украине зреет, впрочем, и в США с Европой, почти повсюду, и у нас зреет... зреет, уж вы мне поверьте, да и вы сами чувствуете, мало того, знаете. (*Пауза.*) Я хоть и не Иешуа, и не Афраний, но зато, вслед за Булгаковым, их, знаете ли, автор, а советую вам, как уж извините, Понтию Пилату, не запачкать руки, когда надо будет их только умыть, а когда надо будет не умыть, то следить за Иным, чего ни у кого нет ни в головах, ни в писаниях, кроме вашего покорного слуги.

– (*Задумчиво.*) Хорошо сказать!

– Следите за ситуацией, которая хоть и непрерывно меняется, но в тупике, и за событиями, которые уже есть и которые ещё непременно будут, включая и роковые!

– Значит, не скажете?

– Нет, не скажу, но не потому, что боюсь или не уверен, а потому что так надо, не хочу мешать Иному.

– Ах, опять это ваше Иное!

– Но ведь это и есть ваше главное оружие, ZZ, вы – *посвящённый* (*акцент на слове*). (*Пауза.*) Время не ждёт, но оно ещё не пришло!

– Опять эти ваши загадочные афоризмы! Впрочем, иначе нельзя, я вас понимаю.

– Скоро, скоро, а вот когда, следите *сами и только сами (акцент на словах*), тут ни один мудрец, которых, впрочем, вокруг

нас и нет, не поможет. Я дал вам не в руки, а в голову великое оружие, так воспользуйтесь им.

(Несколько натянутая пауза.)

– Да-а, ловкий вы, простите, старец, чуть было не сказал – малый, и говорите ясно, и от ясности ловко уходите.

– Школа, знаете ли, школа, как раз у сильных мира сего, точнее, умно-ловких мира сего, а они великие хитрецы, правда, они от сего мира, а я всего лишь не от мира сего.

– От Иного, стало быть!

– Возможно, хоть это и круто!

(Облегчающая разговор пауза, во время которой странник открыл свою красивую рыжекожую сумку и вытащил из неё небольшую брошюру.)

– Если позволите, ZZ, я хочу вручить вам брошюру, которую я писал аж в 1992–1993 гг., а опубликовал в 1994 г., под названием «Российская Реформация», когда я был ещё наполовину экономистом и уже наполовину философом хозяйства, но ещё не метафизиком и уж тем более не софиасофом, то бишь вовсе никаким не мудрецом, а так... к нему прикидышем. (*Пауза.*) Это не просто брошюра, конечно, а смысло-функциональный бриллиант, в котором, как в хорошем сингуляре, сразу *всё* (*акцент на слове)* и есть, отчего он как ярко по-радикальному сверкает, так и вкрадчиво горит тихим мудрым светом. (*Пауза.*) Думаю, что она ответит на многие ваши вопросы, кроме одного: «Когда и как?». Тут уж дело самой реальности...

(Перебивает гостя, продолжая его мысль.)

– ... И вашего Иного!

– Да-с, и нашего с вами Иного – факт!

(Убедительная пауза, во время которой главковерх рассматривает брошюру, не веря своим глазам.)

– Так это было сказано *тогда* (*акцент на слове*)! – удивлённо говорит он, – и никто об этом не знал?!

– Знали, очень даже знали, но алчность с западнизмом намертво вцепилась уже даже не так в ещё разрушителей, как в уже присвоителей, а попросту в грабителей, в знаменитых «прихватизаторов». Страна была пущена в расход и, как заметил мне один из высоких чинов как раз *оттуда* (*акцент на слове*),

тогда уже, конечно, бывший, «даже не бандитами, а хуже, с которыми, в отличие от бандитов, даже договориться нельзя».

(Глубокомысленная пауза.)

– Да, понимаю, но ведь сегодня, как будто бы, всё по-другому, пусть и не без 1990-х хвостов?

– Но не *по-иному (акцент на слове*), а потому и потряхивает где-то в социоглубинах страну, ох, как потряхивает, почти что и незаметно, но зато как потенциально грозно, и идущий из подземно-подпольных глубин тревожный гул мало что надо слышать, ещё и надо на него реагировать, как раз *по-иному* (*акцент на слове*), то бишь предупредительно-перестроенчески.

– По-постреформенному!

– Совершенно верно, как в этой скромненькой брошюрке давно, аж 30 лет назад, было сказано.

(Явно завершительная пауза.)

– Что ж, спасибо вам, непризнанный мудрец, во всяком случае, широко не признанный, может, кстати, и к лучшему! Счастлив был с вами снова побеседовать – редкость, она и есть редкость! Спасибо!

– И вам, как говорится, спасибо, не обессудьте, если что не так: мы ведь не от мира сего, всякое бывает! До свидания!

(Удовлетворённые беседой, по-товарищески прощаются, хозяин кабинета провожает странноприимного гостя до дверей.)

«Да-а, – подумал главковерх, направляясь к своему рабочему столу, – непростые у нас в отчизне водятся умники, очень непростые, загадочные!»

Едучи в авто домой, странник наш неторопливо думал: «Да-а, пиши писания, старайся, страдай, а реальность людская идёт по-своему, никак не взирая на пророческие писания, на которые ей попросту наплевать. Великая тут, почти-ка и безобразная, тщета! Однако не совсем: писания тоже работают на реальность, её незаметно меняя и не без жестокости мстя своим самоуверенно бестолковым неслухам – каждому в свой срок, бумерангом... через ноосферу. Так вот!».

Ничто при этом не помешало страннику-страстотерпцу незаметно погрузиться в удовлетворительную дрёму: как никак, а ведь доходит!

Дневниковая запись

Что бы ни проповедовали религии, что бы ни вещали мудрецы, что бы ни исповедовали честны́е люди, что бы ни провозглашали комиссары, как бы ни старались ревизоры и инквизиторы, а человек как был человеком, так им и остаётся: либо врождённо и частично воспитательно бывает именно человеком, либо врождённо и частично благоприобретённо оказывается лишь по внешнему образу человеком, хоть и тут уже весьма приблизительно (Бог, как известно, шельму метит, особливо, глазами, мимикой, а не только бородавками, пятнами, сросшимися на ногах пальцами, да мало ли ещё чем, даже и улыбчивостью), а по сути-то вовсе и не человеком, а так, *полу*-человеком, *недо*-человеком, а то и впрямь *чистым бесом*, но что интересно: существом активным, инициативным, победным, хоть и не всем этим «человекам» светит большая удача, случаются сплошь и рядом и неудачи, вполне и сокрушительные, да вот фартит всё-таки достаточно многим, пусть и до срока, – *легиону*, как известно, и очень большому легиону, можно сказать, бесчисленному!

Высокомерие, алчность, лживость. беспощадность, трусость и... *страх* – вот они, ведущие качества-отмычки, сих нечеловеков в человеческом, весьма, правда, на погляд и сомнительном, образе-параде. А сколько среди таких вот человекообразов умных, талантливых, обаятельных, даже по-своему и красивых, но... игроков, игроков!

Бесов!

Легион, он, конечно, легион, хоть и бесчисленный, но всё-таки не бесконечный, а что же миллионы, они же и миллиарды, землян, не падки ли они на лесть, дармовщину, на милость, соблазны, на сказки и ложь (в особенности, правдоподобную), на сносное рабство, на словесную канитель, на зрелища, на веру, надежду и любовь, на призрачно-статистическое счастье, которое вроде ясного неба среди непрерывного громового ненастья, на тот же «мир во всём мире», чтоб «лишь бы не было войны», а главное – на трусливо-блаженное оправдание всего и вся, то бишь самого вселенского зла, хотя, конечно, есть и другие на Земле миллионы, хоть и не миллиарды, а может, и не миллионы вовсе, а так – кое-какие массы – сами, что надо, и постоять за человека с человечеством могут, да всё как-то без конечно благого результата: стараются,

вещают, делают, борются, гибнут, а воз человекообразный всё там же – в болоте псевдочеловеческом!

Тщета, она и есть Тщета, куда от неё?!

Закон!

Неожиданное послание

Странник вдруг получил нарочным тщательно запечатанный, чистый, безо всяких надписей конверт, как оказалось, от главковерха. Вскрывает, вытаскивает записку, читает.

«Прочитал взахлёб вручённую Вами брошюру. И дело тут не в том, что нет пророка, как и попросту большого самостоятельного мыслителя в родном отечестве, а в том, что отечество ни тогда, ни сегодня, ни завтра не в состоянии со своими двусмысленными элитами принять... нет, не очередную утопию (утопию-то оно как раз приняло, уже который раз, и, видно, примет и ещё, если жёсткая рука не пресечёт это порочное увлечение), а... идеал, который Вы как благородный человек и верный гражданин известили Отечеству, хотя считаю, что такой идеал надо не просто иметь в виду, а держать перед собою, проявляя всякие судьбоносные для страны инициативы и принимая рокового характера решения. Теперь лучше понимаю Ваше Иное: иномысль, инопроект, инодействие! Спасибо за Ваш гражданский интеллектуально-духовный подвиг!»

Новое послание от главковерха

Всего лишь с коротким не имеющим простого и точного ответа, вопросом: «А что там вещает нам, NN, Ваше Иное?».

Странник, конечно же, ответил: «Грядут большие перемены, но не те, о которых всюду болтают, отчего надобно ждать, внимая событиям и втягиваясь в смыслы – как раз в иные! – происходящего. Критерии: реальность в ущерб о ней говоримому; народ первее правления, ибо народ стоит, лишь вибрируя, а правление плавает, не находя себе места; Россия как главный идейно-духовный ориентир, ибо никакого другого для нас попросту нет. Иное непременно даст о чём-то знать, однако внезапно (можно и пропустить); невероятно (такого не может быть никогда!); загадочно (тайное никогда ведь не явное, а явленное всегда, как нам известно, иное,

да и опять же, тайное). Восприятие конкретики за Вами, Вы её вообще лучше знаете, за мной лишь посильное пронизывание реально потаённого. Там и там – искусство, причём искусство невозможного: не вляпаться бы, отчего глазомер и расчёт, интуиция и прозорливость! Ну и выдержка, правда, не сталинская июня 1941 г., замешанная на помрачении, а суворовская – ясная и озорная! С глубоким уважением, NN».

БЫЛЬ НА НЕБЫЛЬ

«Тет-а-тет»

Они долго не виделись, многие годы, а сейчас вдруг встретились – из потребности общения, аккурат в жуткое ковидное время, но не для обсуждения пандемии и всего с ней связанного, а так – ради самих себя!, и для встречи выбрали кафе под альмаматеровским именованием, что обоих особо и устроило. Сделали заказ, дождались вина с закуской, разговорились.

– За встречу, очень рад тебя видеть!

– Я тоже рада. За встречу!

(Соприкасаются бокалами, пригубливают вина – италийского. Добротного).

– Как давно мы не виделись, сколько воды и времени утекло!

– И жизни тоже! Но я в курсе ваших дел. (*Пауза.*) И писаний тоже. Это, конечно, подвиг! (*Пауза.*) Трудно вообще представить что-то подобное: какой колоссальный труд и какой взлёт!

– Полёт, пожалуй! Не буду отрицать ни того, ни другого, ни третьего: провидение, судьба, да и обстоятельства постарались, ну и поддержка соратников, в особенности героическое участие соратниц.

– Куда ж без нас, без женщин.

– А потому за всех тружениц-соучастниц и за тебя! (*Пауза.*) Тут уж мне действительно повезло, чего бы я достиг без них, причём, знаешь, не только в объёме и разнообразии проделанного, но и в заложенных в тех же писаниях смыслах. (*Пауза.*) Кто, кроме женщин, выслушает тебя, поддержит, восхитится. Ах, эти Магдалины с Маргаритами, что мы, творцы-де, без них, без восприемниц и пособниц, без верных союзниц?!

– Ладно, не преувеличивайте: ручки и глаза, может, и наши, а мозги с руками, творческое перо держащие, всё-таки ваши.

– Да нет, я не преувеличиваю: факт, он и есть факт – «без женщин жить нельзя на свете», но ведь и творить тоже нельзя, точнее

(*смеётся*), невозможно, а если и возможно, то по-другому, не так, явно «хужее»... так что за женщин, разумеется, наших, и, как у нас в коллективе в доковидное время говаривали по случаю застольных слётов, «в хорошем смысле».

(Выпивают за женщин «в хорошем смысле», закусывают, молчат).

– Как прошёл ваш юбилей. В позитиве?

(Глубокая пауза.)

– Да-а, неплохо, совсем неплохо, даже хорошо: без помпы, слава Богу, да и душевно. Я и не ожидал такой степени признания, уж очень привык к непониманию и игнорированию, даже и к отрицанию. Были задеты и вполне сущностные вещи, как раз «в хорошем смысле», и не одна философия хозяйства, но и моя метафизика, даже мои Иное с софиасофией. Грех не то, что жаловаться, но даже и натужно скромничать: признание, пусть и не всеобщее, пусть и по исключительному поводу, состоялось, да ладно бы от своих, что не удивительно, а то ведь и не от своих тоже, – *задумались (акцентирует на слове)*, наконец-то!

– Вот и хорошо! Давайте-ка за ваш юбилей, точнее, за ваши достижения, так или иначе замеченные на юбилейных торжествах!

(Тренькают бокалами, выпивают вина, вглядываются друг в друга с нескрываемой симпатией.)

– Да... и в самом деле замеченные, особенно не своими. (*Пауза.*) Я тут принёс для тебя последнее своё произведение, как бы итоговое, частью биографическое, частью концептуальное, частью отчётное, в общем – разное, под нестандартным названием «Отшельник, или Вестник не от мира сего». И ещё сборничек очерков в мою, так сказать, честь «Предназначение», сотканный в секрете от меня моими благородными соратницами. Круто, скрывать не буду!

(Передаёт книги собеседнице. Та их берёт, сходу рассматривает, немало и поражённая.)

– Да, в самом деле круто, особенно это ваше загадочное, как всегда, произведение! Буду читать! Может, и другие ваши вещи за последнюю дюжину лет, как раз после «Реквиема», дадите?

– Разумеется!

– Тогда за ваш словесно-метафизический дар, мало что уникальный и универсальный, но и бесценный!

(Бьются оживлённо бокалами, с удовольствием пьют оставшееся вино. Заказывают италийского вновь.)

– Вот видите: и мирской отшельник, и вестник неотмирный, и заядлый мыслитель...

– Но, – перебивая собеседницу, – немало и отверженный!

– Ну уж, – удивлённо парирует она, – пусть не понимаемый и не принимаемый, как это было с той же «Теорией хозяйства», не понятой и не принятой коллегами из тех, кто навеки увяз в марксизме или увидел «свет истины» в экономиксе (это-то как раз объяснимо: так ведь всего проще), но ведь и не отверженный же!

(Упругая пауза.)

– Как сказать, знаешь ли, в глаза, вроде бы, и «вклад», и «школа», и даже «новое течение гуманитарной мысли», а при первой возможности... э-э... не критика, конечно, а умолчание, как будто бы ничего и нет, хотя передо мной, как известно, стался альмаматеровский Сергей Булгаков, да и мы весьма постарались, и ректор это отмечает, правда, только в своих благодарственных грамотах, а вот публично об этом достижении не говорит и почему-то продолжает упорно настаивать, что на гуманитарном универфронте нет никаких концептуальных прорывов, хотя тут, пардон, не прорыв, о целое цунами, сносящее всё надуманное под точной-де научной крышей: а вот, оказывается, «ничего прорывного нет».

– Потому и не признаёт, что цунами, да и что вы хотите, давно ведь известно, что нет пророка в своём отечестве?!

– Да и в своём времени тоже, – это-то понятно, но хотя бы признать за альма-матер право открытия, а ведь это всё – открытое, поднятое и водружённое – не что-нибудь, а единственное в истории России *совершенно российское достижение в среде гуманитарной мысли*. Единственное! Ничего другого ведь нет, кроме, пожалуй, русской софийной философии, однако всё-таки мысли религиозной, пусть местами, квазирелигийной, да и достаточно всё-таки ещё рыхлой.

(Берёт бокал с прибывшим вином и не без удовольствия отпивает. Молчит.)

– Что вы хотите от официоза, Мастер, у него ведь свои задачи: самому уцелевать и дать возможность уцелеть многочисленным

другим – не столь мастеровитым? Да и, пожалуй, самое главное, а *вдруг* это кому-то где-то наверху почему-то не понравится и...

– Всё так, но у официоза есть и другие задачи: марка и честь заведения, которому официоз вроде бы служит, причём заведения, прямо скажем, не вчера возникшего, уж скоро как 350 лет минет, не то, что наш с тобой факультет, всего лишь 80 лет назад, кстати, в декабре 1941-го, когда немцы-то ещё были под Москвой и очень неохотно от неё отступали, но ведь он – факультет наш – всё равно уже с немалой историей, известной маркой и, само собой, честью.

(Пауза.)

– А чтой-то вы вдруг о факультете заговорили?

– О-о, есть что поведать! Совсем свежая картинка, аккурат конца декабря 2021-го. Торжественное заседание Учёного совета в честь 80-летия факультета с некоторым числом официально приглашённых. Я по случаю ковида (и Провидения, видно, тоже) остался дома и смотрел сие шоу – дань времени! – онлайн. И вот в один прекрасный момент в рамках основного доклада на большом экране, что на сцене, появляются два слайда с достижениями факультета: сначала перечень научных школ, в котором не нашлось места для моей школы, может, единственной или одной из немногих, имеющих государственную регистрацию, и немалое общественное и даже номенклатурное признание, а главное, с оригинальным, не имеющим аналогов ни в России, ни в мире, смысловым содержанием, а затем на экране появился список факультетских журналов числом в четыре, естественно, без моего 20-летнего детища!

– Что-о, серьёзно?!

– Да, представь себе! Нас как бы и нет! Каково?

– Это ж прямо-таки преступление, причём и против факультета, и против университета, да и вообще науки!

(Взлохмаченная пауза.)

– Хорошо, что меня там не было, как чувствовал! А вот ведь в благодарности ректора к моему юбилею (мы ровесники с факультетом) всё отмечено: и научная школа, и журнал, как и многое другое.

– Вот и выходит, что достижение будто бы есть, а вот *достояния* (*акцент на слове*) как бы и нет! *Сам* же факультет от *своего* же достояния отрёкся! Вот уж, право слово, вспомнишь унтерофицерскую вдову.

– Зато есть *беззаконие* (*акцент на слове*)! Трудно *такое* (*акцент на слове*) себе представить, но *оно* (*акцент на слове*), увы, свершилось! А ведь юбилей факультета, его славная история – и какое ему оскорбление!

– Да и вам тоже!

– Я-то ко всему подобному привык, что поделать – учёный мир, он ведь совсем не сладкий, но ведь есть известная институция, её история, её судьба! Понять происшедшее в терминах достоинства невозможно, его можно только принять... не принимая: факультет по духу своему был и пока остаётся, пусть уже в высыхающем остатке, фундаментальным, теоретическим, политэкономическим в конце концов, а всего этого как будто бы не было и нет! Так что дело тут не только во мне и в моём размыслизме: цифра берёт верх над словом!

– Так и хочется воскликнуть: «Зачем, ребята, такой грех на душу берёте, зачем?». Бумеранг всё равно прилетит, неизвестно какой и откуда, с какими последствиями! Разве мысль прихлопнешь! (*Пауза.*) Не расстраивайтесь, хоть это вовсе и не пустяки. Как они жить-то будут дальше после такого?

(Угрюмая пауза.)

– Как? Э-эх... победителями, разумеется... до поры, конечно, им кажущейся непрерывной и дальней, а бытие-то оно такое... бац!.. и всё вокруг вдруг уже по-другому, да так по-другому, что только ёжится остаётся, пряча голову в колких потёмках от наступившей нежданно-негаданно новой реальности!

(Бряцают бокалами, допивают вино.)

– Да-а немало интересного вы мне поведали. Неестественный мир, искусственная наука, искусственное образование, неестественные жесты. Жаль!

– Всё тут, что называется, в соответствии. Ну что, линяем?

– Линяем!

(Расплачиваются, выходят из заведения.
Дышат свежим градским воздухом. Подходят такси.
Расстаются, направляясь каждый к своей колеснице,
договорившись ещё когда-нибудь встретиться.)

«Вот те на, – подумал сходу странник, – задело-таки, да и как тут всё непростенько... идеал!.. что ж, может, и так, но ведь... *не только*!»

Эсэмэска

«Читаю, поражаюсь, балдею! Сколько всего ценного Вами сказано, да и когда – когда как раз никто ничего подобного не говорил, вовсе не зная, что говорить, боясь собственной тени! Теперь-то болтают, когда стало вдруг можно, Вас при этом беззастенчиво грабя и нестыдливо повторяя – без ссылок при этом! Интересный вообще-то феномен: Вы есть, все знают, что Вы есть со своими трудами и открытиями, но Вас как бы и нет, и все знают, что Вас КАК БЫ нет: к сожалению это всё или к счастью?! Но я-то точно знаю, не только то, что Вы есть, но и цену Вам знаю. Вот и хочу быть и полезной, и причастной. Обращайтесь!»

Ответ: «Непременно обращусь! Спасибо за поддержку! А сожалеть или радоваться, так скорее, принимать как есть, это самое правильное. Главное, оставаться собой и пребывать в потоке, льющемся оттуда – сверху, а ползучий или же скачущий ход вещей сам всё и решит!».

Ещё эсэмэска

«Согласна, но всё равно как-то странно и обидно, мне, по крайней мере, хотя Вы и правы: надо терпеть и прощать, даже тех – с факультета: ход вещей ведь богаче, хоть, увы, и не сильно справедливее. Успехов! P.S. А ведь они Вас там всё-таки ценят – и на факе, и выше!»

Дневниковая запись от 15.01.2022

Вот и прилетел разящий бумеранг в елбасыево логово – не без содействия своих же или как бы своих! Это за русских, прежде всего, изгнанных из «государства», ну и за всех униженных и оскорблённых – уже и «коренных». На внешние происки, хотя они и есть, всего не спишешь: высокомерие, произвол, алчность, беззаконие, проклятый западнизм, но и ещё не проклятый, но ждущий нового своего рокового часа, пантюркизм... о-о!.. тут пролог как раз для всех «бывших союзных», а ныне едва здравствующих «независимых», нам бы самим не вляпаться, ибо Россия вне аналогов, эталонов и графиков, да и бумеранг её поджидает совсем другой... *особенный*!

Никак не поймут свежеиспечённые главари «новых государств» что не быть им ни царями, ни ханами, ни шахами, ни тем более императорами, не из того, знаете ли, они теста, да и печь не та, а может, как раз та, как у досточтимого Елбасы! Где Македонский, где Цезарь, где Бонапарт, где Гитлер, разве лишь Сталин, так ведь именно *Сталин*, а не Джугашвили, а ещё и партия, и НКВД, и Россия с Пушкиным! – интересно, не правда ли?!

Брошюра-выстрел, брошюра-залп, брошюра-канонада

Недаром, ох, как недаром, обратил главковерх своё отточенное образованием, служением и неординарностью, включая и нестяжание, острое внимание на «Российскую Реформацию», и совсем недаром, ибо уловил главное: вот она – ***концепция России***, которую, конечно, не исполнять слепо надо, а которой бы надо зряче руководствоваться.

Ничего подобного он ни у кого не видел, даже и у И. Ильина, ибо родиться сия концепция могла только *после* СССР, перед *дурной неизвестностью* и в момент падения страны в *тухлую прозападную бездну* (в *антимир*, стало быть!).

В глухие к России 1990-е сия брошюра, писанная в жуткие 1992–1993 гг., аккурат после Беловежского путча обалдевших от свалившейся на них власти и открывшихся перед ними западно-буржуазных перспектив глав «республиканских режимов», сия брошюра прозвучала как вовсе не отчаянный, а вполне уверенный в себе выстрел (не из охотничьего ружья или даже боевой винтовки, а из вполне себе зычно-раскатистой пушки!), услышанный (всё-таки 500 экземпляров как-никак), но не принятый в действенное внимание не то что правящей тогда «рыночной шайкой», но даже и так называемой оппозицией, среди которой не нашлось тогда не то что Ленина со Сталиным, скорее же, Сталина с Лениным, но даже и волевого Столыпина, в общем, никого не нашлось, кто хоть что-нибудь понимал в происходившем в непонимаемой ими стране – родной, кстати, стране!, в которой всё это невообразимое даже не происходило, а безобразнейшим образом творилось. Не было страны ни как субъекта, ни как идеи, ни как матрицы, ни как концепции, не сталось у неё и её – ей родного! – лидера-спасителя!

Катастрофа, она и есть катастрофа!

Так что выстрел тогда состоялся и даже был услышан, но прозвучал он среди хваческого хаоса, экзистентной пустоты, аморальной сквернины... бац!.. и в ответ... *ничего* – НИЧЕГО!, как это у нас вообще принято, никакого тебе в реалиях отклика!

Однако текст не исчез из страновой, вовсе тогда и не российской, тем более, не русской, ноосферы, хотя брошюра не переиздавалась, широко не распространялась, не вдалбливалась псевдогражданам псевдостраны и никакие программы оппозиционных-де партий не задевала. Текст сам вошёл в эгрегор постепенно опоминавшейся страны, всё более чувствовавшей себя Россией, мало того, снова выстрелил в 2000-е, но уже *громогласным залпом*, услышанным не отдельными персонажами тяжкой эпохи, а самою страною – *Россией*! Разумеется, он реализовывался и жил тогда в других текстах нашего мудреца со товарищи, доходивших до самого верха и на происходившее в стране немало влиявших. Эгрегорный ноосферный текст сочетался с новыми реальными текстами, что и давало свой резонансно-сотворительный эффект: текстовка вытягивала из засевшей было в Нави страны уже явскую Россию, выдавливая из страны гнусный для неё западнизм, впрочем, это последнее без большого успеха, хотя вовсе не так уж и безуспешно.

Опутанная глобалистским западнизмом, страна, как ни странно, оживала и поднималась, и что было ещё страннее, не без поддержки – разумеется, господско-колонизаторской – «цивилизованного» Запада, рассчитывавшего окончательно приручить страну в роли эксплуатируемого им и им используемого в своих антивосточных интересах вассала. Немало у Запада, точнее у США, тогда получилось. Однако не всё и не до конца, что стало ясно в момент громоподобной мюнхенской речи российского лидера, одновременно обвинительной в адрес Запада и охранительной в отношении страны, всё более ощущавшей себя Россией.

И разве не сыграли в мюнхенском происшествии, а потом в разных событиях, вроде отпора агрессивной Грузии, возвращения Крыма, поддержки Донбасса, а также в появлении президентских смысловых инъекций, вроде «консерватизма», «патриотизма, «крупнейшей катастрофы XX в.» (это о крушении СССР), как и в повышенном внимании к феномену Великой победы в Великой войне, да мало ли ещё в чём, текстовые залпы «катюшечно-

го» типа, исходившие от странника и его товарищей по интеллектуально-духовной борьбе за страну, за Родину, за Россию?!

О-о, тут нет никакого преувеличения, скорее наоборот, гуляет по отечественной ноосферной арене недооценка – частью стихийная, а частью и осознанная, да вот от реальности никому не уйти – что тем, что этим, как бы те и другие укрыться, а то и удрать от неё ни старались.

Достаточно взглянуть на тексты и на время их появления на свету, чтобы убедиться в том, что не то что «рукописи не горят», а что тексты не только не исчезают, но и вовсю работают, сначала выстреливая, потом залпируя, а потом, знаете ли, грохоча канонадой, в нашем случае уже в 2010-е и 2020-е гг.

Что, скажите, господа хорошие и товарищи дорогие, не так в этих текстах об Отчизне, о Родине, о России, о той же нынешней Российской Федерации, как и о зе́мном мире в целом и по частям, как в позитивном ключе, так и в негативном, а главное – в промыслительно-долженствовательном, – что?!

И вот оказывается... *ничего!* – всё там *так*! – и после такого заключения есть ещё желание учить странника со товарищи прозападной мудрости, точнее, прозападному безумству, которое не просто ныне налицо, а которое вовсю уже разбушевалось в отчаянии от своего бессилия и неумолимо наступающего предсмертия, провоцируя нервозность, опасность и страх.

Отсюда и «Ультиматум» Западу, который уже куда как похлеще мюнхенского выпада будет!

И что ж, странник со товарищи тут разве в стороне, и их тексты, начиная с «*Российской Реформации*» (1994 г.) и кончая тем же «*Российским разворотом*» (2021 г.), не имеют никакого значения?

Ошибаетесь, господа хорошие и товарищи дорогие, очень даже ошибаетесь, делая вид, что тут ничего особенного не происходит – так себе, буря в стакане воды, ан нет, ибо за всем этим... ***правда***, которой вроде бы в эпоху «пост-правды» уже и нет, а она, видишь ли... *треклятая*... есть!

Вот уж беда, так беда!

Конспирация

Хорошее это дело – конспирация, нечего сказать, увлекательное, да ладно бы у спецслужб, в разведке там или, наоборот, в контрразведке, в тех же тайных обществах, включая и уголовные, а то ведь повсюду – что личная, что семейная, что общественная, в особенности административная, государственная, вообще управленческая.

Сокрытие фактов, сведений, информации, деяний, ну и намерений, планов, хорошо если у тех же военных организмов, а то ведь у любых. Если подумать хорошенько, то бóльшая часть бытия человеческого, особливо цивилизационного, да и не только человеческого, проходит в сокрытии, в тени, в темноте, в тайне, за кулисами, в зазеркалье.

Только круглый дурак не верит, убогий, в заóворы, поминая при этом в своё оправдание ловко ему подброшенный «пирожок» в виде пресловутой «теории заговоров», в которой он, дурак, как раз не без удовлетворения и облегчения и верит.

А что из происходящего вокруг так называемого исторического обходится без того или иного заговора – от безобидного картельного сговора до судьбоносного политического? Может, горбачёвская перестройка не была заговором, причём более глубоким и дальнобойным, чем сами перестроечно-разрушительные события, бывшие на поверхности, да и что можно сказать верного и убедительного об этих самых событиях, не говоря уж об их теневой подноготной? Или тот же Беловежский путч – разве это не заговор? Или восстание Верховного Совета в 1993 г.? Или «победа» Ельцина на выборах 1996 г.? Или же приельцинская авантюра с теми же ГКО 1997 г.? Или тот же «добровольный» уход «всенародно избранного» и «вынужденный»-де приход нового лидера? Или, или, или...

Да, одно дело необходимая или попросту неотъемлемая конспирация, как у ФСБ, у СВР, в ЦСУ, в магазине, на предприятии, в банке, на театре, в спорте, в медицине, в том же вирусотворении, как и в любом управлении (какое-такое управление без закрытости и тайн?), совсем другое дело – увлечение конспирацией, причём не в любовных отношениях. что понятно и извинительно, а в государственных делах, где само собой хватает необходимой конспирации, весьма оттого и оправданной, но вот ежели чрезмерной, тогда, скорее, предотвратительно порицаемой.

От населения (о народе и общественности мы уж тут помолчим) кое-что, может, и надо скрывать (мы не говорим тут об армии, вооружениях, спецслужбах и дипломатии), да вот не всё, а именно: *реальный образ страны*, текущее её и в ней положение, имеющиеся проблемы, возможные перспективы, вводя население, оно же и «электорат», если не в управление страной. то хотя бы в общую для всех жизнедеятельность.

Есть чему у большевиков и товарища Сталина поучиться!

Вот тут-то у нынешнего, во многом как раз конспиративного, пореформенного режима и главная загвоздочка: *нет* между правлением, восходящего вовсе не к обездоленному им народу, а к обездолившим народ владетельным господам, необходимой для полноценного и уверенного существования страны и самого правления прочной конструктивной *сцепки*!

Между правлением и населением лишь объятый конспирацией бездный разрыв!

Вот она – *величайшая и жгучая проблема режима*, в рамках сего режима, увы, *не разрешимая*!

Да, управлять огромной страной надо с умом, не без тайн, хитростей и даже цинизма, но ежели страна – *единый социум*, внутри, а не вне которого бытует и само правление, а каждый... слышите, *каждый*!.. член социума имеет не только хлебы и зрелища, жилище, авто и путешествия, но и свой... слышите, *свой*!... *экзистенциальный манёвр*, не являясь ни обездоленным бастардом, ни вынужденным холопом, ни подобострастным холуём, как и тупой, обманываемой и обкрадываемой чисто оцифрованной марионеткой, то общегосударственной конспирации, лишь оплодотворяющей функционально-экзистенциальный разрыв между правлением и обществом, должен быть предел!

Нам тут же глубокомысленно заявят трезвомыслящие люди: «Чего захотели! Не было, нет и не будет!».

«Верно, – ответим мы, – однако кое-что подобное всё-таки было, как раз то самое, от чего мы дружно отказались, пусть и не без теневого на то заговора и предательского тому содействия, и о чём, пожалуй, уже немало сожалеем, оказавшись во внезапно и весьма конспиративно нагрянувшем антимире».

Бытие людское на планете, если отвлечься на секунду от пандемии, как будто бы всё блаже – прямо как под дланью антихриста, но при этом оно всё ужаснее и страшнее – тоже аки под сенью

антихриста, – факт! – не минует сего благостно-страшного бытия пока и российская сторона.

Какое ныне может быть состояние человека (всё-ещё-человека!)... нет, вовсе не голодающего, не одетого в рубище, не бомжа... а вполне себе сытого, вкусно одетого, не без комфорта обитающего, ещё и мигрирующего туда-сюда по городу на комфортабельной автоколеснице, путешествующего по стране и миру, чуть ли не гражданина мира, при всём этом знающего, что с ним беспрерывно играют втёмную, его старательно обманывают, его морально и ментально теснят, упорно выветривают из него человека, преобразуют в нечеловека, готовят к закланию, пусть пока и не физическому, хотя почему и не физическому, а уж ежели этот человек захотел прогуляться по новой – как раз антимировской – Москве, захваченной нечеловеческой серо-чёрной (крематориальной) архитектурой и назойливо сверкающими искусственными (не райскими вовсе, а вполне себе адскими) огнями, а ежели этот человек ещё и культурно подкован, то что делать ему в таком вот мире и с таким к нему подходом? – разве удавиться, да что-то ему, уже давно терроризируемому антимиром, антикультурой и антиискусством, как и ложью, дезинформацией, пропагандой, пока удавливаться почему-то не хочется, – человек сей всё ещё надеется, наивный «неандерталец», на возрождение чего-то человеческого... нет, вовсе не религийного, а попросту человеческого, хоть и прекрасно понимает, что никакого *такого* возрождения никак, судя по всему, не предвидится!

Надеется, хоть и не верит, не удавливается и добровольно не уходит, хоть от мгновения к мгновению невольно и исчезает, как вынужденно исчезают натура, естественность, вообще человечность... бр-р-р!

И что же: никакого шанса?

Разумеется, никакого!

Однако, само собой, шанс всегда есть, ибо есть... *Иное*, которое всегда на стрёме, непрестанно требуя от текущей реальности чего-то *иного*, да вот где, когда и чего – *вопрос*!

У США шанса остаться *как есть* практически уже нет, слишком погрязли они в порождённом ими же антимире: Голливуд сделал своё чёрное дело, да и не так Голливуд, как... *тоже*, да – *денежки*, они самые, сделав Америку великой, они превратили её и в великую анти-Америку, а точнее, в антимиро-Америку, отчего

Америке остаётся лишь одно – исчезнуть, хоть и оставшись, но уже став пост-Америкой, то бишь чем-то другим, как раз *иным*, разделённым, но уже не с новым миру словом, делом, проектом, ибо гигантский и по-своему гениальный масонско-монетарно-маркетинго-миграционно-мессианский (мммммм) проект «Америка» завершается и завершается навсегда.

Европа, если вдруг не опомнится, последует за Америкой, но и опомнившись, что маловероятно, она к себе уже не вернётся: трёхактовое похищение Европы – самой Европой, Америкой и мусульманством – делает своё гнусное дело!

Китай, о-о!, у него всё впереди, ежели продержится и не впадёт во внутренний кризис с катастрофическими, как у СССР, последствиями. Вряд ли вроде бы, но вот у Иного свои расчёты, никому не известные, даже и самому Иному, а против Иного не попрёшь, ежели вовремя и соответственно Иному не измениться, вот и выходит, что всё у Китая и впрямь впереди!

Великобритания, о-о!, эта непременно исчезнет, разлетевшись на куски – хватит!

Мусульманский мир поначалу возвысится, воспользовавшись кризисом, ослаблением и отходом Запада, он даже попытается стать *иным*, но его остановит традиция и погубит мстительная агрессивность. которую он в себе ныне нещадно культивирует.

Иран уйдёт к себе – в Персию, станет *иным*, примкнув к России.

Индия... что Индия?, как была Индией, так ею и останется, у неё тоже всё впереди, как и у Китая, с той лишь разницей, что Китай хочет большего, чем Китай, и очень рискует, а Индия ничего, кроме себя, не хочет, отчего, не рискуя собой, и выживет, и будет даже в меру изменяться, став функционально *иной*, ежели, конечно, мир человечий на Земле ещё какое-то время побудет.

У Африки сплошная неопределённость, кроме разве драк, исчезновений в никуда и возникновений ниоткуда, как и изощрённого неоколониализма, в общем – чехарда!

У американских латинов... э-э... тоже чехарда, только не африканская, а... *своя*, отчего им особенно не легче – хорошо, ежели «междусобойчик у них удастся, да вот вряд ли!

Австралия, Новая Зеландия, Канада, скандинавы – тут немалый риск самим себя по-антимировски сожрать, – посмотрим!

Япония: эта либо с Россией, либо каюк ей, – не под Китай же!

Все эти геостратегические размышлизмы – не более чем конспирологическая, при этом и метафизическая, бредятина, на которую можно и наплевать, но к которой не вредно всё-таки и прислушаться, – всякое ведь бывает!

Да и что из происходящего в мире не бред, а-а?

Разве лишь «бредовый» ультиматум, предъявленный Россией с ума сходящему Западу с его дистрофичной и подлой НАТО'й, поскольку в нём – в ультиматуме – правда и за ним справедливость, однако всё тут зависит от продолжения – очень и рискованного, – не потерять бы России не только лица!

Ну ещё сбрендившая укро-Украина, да и не одна она в этой адовской очереди, есть ещё кандидаты вроде Польши, прибалтийских себялюбцев, Грузии и прочих любителей ядовитой «Кака-Колы».

Россия на пути к России

Да, больше из области пожеланий, чем реалий, но другого варианта для России нет, – и что интересно: шаг за шагом, но идёт Россия к России, ибо тут провиденциальная необходимость, диктуемая всем бытием-историей – что собственно российским, что мировым.

Хочешь страной быть, страна, – будь Россией!

Наличное преимущество сегодняшней России перед сопоставимыми «коллегами» по планете не так в вооружениях, армии и ресурсах, как в факте пережи́тия страной великой экзистенциальной катастрофы рубежа 1980–1990-х, её падения в бездну, там пребывания и, самое главное, выползания из неё с шансом обретения новой экзистенциальной перспективы.

За одного битого, да ещё самобитого, десять небитых дают, мало того, одного на выходе из бездны, может, ещё и не полном, десять на входе в бездну, пусть ещё только выходе кажущемся, во что трудно поверить, но неумолимо всё-таки приближающемся.

Россия так или иначе выбирается оттуда – из бездны, направляясь к иной экзистенции, а «коллеги» по планете как раз вползают туда, рискуя там и исчезнуть, хотя, быть может, и не исчезнут, да вот какими же они оттуда выберутся?

Россия уцелела, поднялась, окрепла, стала *иной*, но далеко *не той*, какой надо бы Провидению, то бишь Иному, ибо слишком

она ныне прозападная, не вкруговую суверенная, опасно антимировская, не очень-то и российская, при этом вовсе не единая, не собранная, разрозненная, не очень-то праведная, не слишком добрая к своим, немало и фальшивая (в плане, конечно, режима правления и поведения элит), даже и вредоносная, ежели принять во внимание недоброкачественное управление, разгулявшуюся коррупцию, невообразимое неравенство в доходах и житейских возможностях, страшное социальное расслоение, в общем – практически роковое экзистенциальное неблагополучие: произвольный финансово-административный деспотизм сверху и надсадное неодобрение, гнетущее раздражение и безмолвно-грозное противление снизу!

Серьёзные и фактически фундаментальные перемены внутри страны по курсу достижения *иного* её обустройства, как раз российско-соборного, уже назрели и просятся в повестку дня – и лучше, ежели сии перемены пойдут сверху при одобрении снизу, чем страна дождётся сначала жёстких требований снизу, а затем и неизвестно каких в своём бесстрашии и безграничии перемен – «бессмысленных и беспощадных»!

Что делать и куда идти не представляет никакого секрета, а ежели есть тут всем хорошо известный «секрет», так это возникший из небытия (вышедший из Бездны да там ещё немало и торчащий) *по*реформенный режим, который как раз и противится потребным – уже *пост*реформенным – переменам, а сохранение сего режима чревато... нет, не так восстанием масс... как восстанием Иного, которое, как мы уже немало убедились на опыте того же XX в., умеет достигать своих целей и без восстания масс, а так... как-то *само соб*ой!

Общее экзистенциальное напряжение в мире и в стране ныне велико, очень велико, и особого времени для сохранения и бытия явно порочного строя и раскачки в аспекте его «совершенствования» и «облагораживания» нет (да, собственно, это и невозможно!), отчего потребно действие, действие и ещё раз действие!

Сейчас в стране в приоритете диктатура денег, обмана и фальши, которую необходимо срочно заменить на диктатуру морали, совести и чести, разумеется, в возможных в человеческом общежитии пределах.

Утопия?

Если в идеале, то, пожалуй что, и утопия, а ежели практически, то никакой утопии тут нет, а есть лишь непомерная трудность

реализации потребных перемен, ибо сии перемены есть не что иное, как *выворачивание вывернутого*, конечно же, с новым предметным разрешением.

Вот это и в самом деле задача – задача из задач!

Что-то вроде того, что было проделано Сталиным, которому таки пришлось выворачивать вывернутое и как раз с новым предметным итогом. Но это не означает, что надо, да и возможно, повторять сталинский опыт резких и жёстких преобразований – сейчас другое время, другие реалии, другие и возможности, и другое должно и может быть преображенческое действо, главное – *действовать*!

Тут уместно вновь обратиться к концептуальному выпаду странника по имени «Российская Реформация», да и к другим последующим его со товарищи концептуальным выпадам, где всё экспликативно и проективно изложено, разумеется, идеологически, что подтверждает одно важнейшее обстоятельство: никакого отсутствия идеологии и проекта для *иной России* нет, а ежели что в связи с этим и есть, то, с одной стороны, нежелание, смешанное с неуверенностью, что-либо в стране существенно менять в постреформенном направлении, а с другой – инсинуативное стремление «говорунов» оправдать бездействие властей якобы отсутствием проекта *иной России* и преобразовательного согласно ему движения.

Всё есть, господа хорошие: и идеология для России есть, и образ *иной России* есть, и путь к ней начертан, а вот чего нет, так это и так ясно, но, заметим, снова и особо: Иное не дремлет и наряду с высвобождением от западно-прозападного гнёта, вроде бы вновь после Мюнхена 2007 г. подтверждённого «ультиматумом» декабря 2021 г., должно идти освобождение России от внутреннего – уже и доморощенного – гнёта: спокойно, без паники, с любовью!

Россия во внешнем пространстве

Странник никогда не сомневался в великодержавии и имперскости России, даже и остаточной от великого СССР страны под названием Российская Федерация, наоборот, всячески отстаивал сию неординарность Отечества, руководствуясь не убеждением, а фактической реальностью: кризис, катастрофа, падение не довод в пользу отрицания великодержавия и имперскости, – и реальность это лишь подтвердила: сегодня уже мало кто сомневается в уникальных параметрах уникальной страны.

То и другое – великодержавие и имперскость – не хорошо для России и не плохо, это её реалии: либо Россия с ними, либо её нет, хотя всё это для России и бремя, и ответственность, и тягло, в чём мы день ото дня и убеждаемся.

Да, Россия – великая держава, имперски внутри себя обустроенная и имеющая имперские функции за своими пределами (заметим, функции, а не колониальные амбиции). Есть Россия, а есть геопространство... нет, не подчинённое России, а... ею, скажем так, опекаемое, поддерживаемое, при нужде и защищаемое. Почему? Вовсе не из-за чисто имперских (империо-колониальных) мотивов, а по причине охранения себя и подопечных ей стран от любого рода враждебных посягательств, не говоря о прямых вторжениях извне. А сейчас есть ещё и мощный постсоветский синдром: какими бы независимыми себя не воспринимали бывшие союзные республики, они нуждаются в покровительстве и защите со стороны более мощной России, а ежели они в покровительстве России не нуждаются, то либо уходят к другому имперскому сюзерену, либо бытуют вроде бы самостоятельно, но, увы, до поры до времени, обращая при нужде свой взор к России, ища поддержки и защиты.

Ареал бывшего СССР – зона безусловных интересов России, хотя бы из-за проживающих в «независимых государствах» и, как правило, там притесняемых и гонимых, русских. Ничего не поделать, такова правда жизни, и Россия обязана стоять, немало и имперски, на страже интересов притесняемых и вытесняемых русских, хотя и делает это пока из рук вон плохо.

Вообще говоря, ни Российская империя, ни СССР никуда из европейской ноосферы не делись, и несмотря на желание некоторых из «независимых государств» отделить себя от России с её Москвой и московским Кремлём, взаимное политико-хозяйственное, как и просто межнародное тяготение друг к другу и к России в частности, всё равно остаётся, а ежели учесть неоднозначное давление на сии государства внешнего контекста – что западного, что восточного, что южного – то стремление скучковаться вместе с центром в Москве выглядит более чем естественно (за примерами далеко ходить не надо, они хорошо известны: без совместности и без России во главе и в центре ныне никуда!).

Да, это важнейшая геостратегическая и, само собой, экзистенциальная миссия, вполне по стилю и имперская, однако на условиях независимости, взаимности и взаимовыгодности для всех

участников то ли не распавшегося, то ли вновь собирающегося, но в любом случае как-то воспроизводящегося геостратегического, единения, хотя уже и не СССР.

Здесь очень важно обратить внимание на то, что ничего, или почти ничего, или многое из прошлого просто так не уходит в полное забвение и абсолютное небытие: ни древние цивилизации никуда в пустоту насовсем не ухнули, ни Рим с Карфагеном, ни финикийцы со своей торговлей, финансами и вообще экономикой, ни та же Великая французская революция, породившая Бонапарта со своим имперским бонапартизмом, ни Ленин со Сталиным с их революциями, крушениями и победами, ни даже Гитлер с Муссолини и их фашизмами, ни тот же СССР, но не потому что это и многое другое остаётся в людской памяти, а в том, что всё *это* так или иначе... *воспроизводится*, пусть и по-другому, и вовсе не так, как когда-то было, но... *воспроизводится*, – вот и Российская империя с СССР воспроизводятся, хотя и совсем иначе, чем то было в «раньшие» времена.

О России как мировой державе и говорить ныне особо не приходится: да, такая-сякая, всё ещё экзистенциально во многом прозападная и антимировская, но... недаром же против неё тот же Запад со своим анитимиром ведёт бытийную войну, пусть и гибридную, и гуманитарную, и экономическую, и санкционную, а всё почему? – разумеется, не из любви к «демократии» или к «правам человека», чего, якобы, нет или не хватает в России, а из-за того, что чует Запад в России мирового масштаба лидера, даже не чует, а знает это, из-за чего и страшится России, и, провалившись с идеей сделать её своим антивосточным (читай, антикитайским) вассалом-орудием, пустился во все, для себя немало и самоубийственные, тяжкие – лишь бы ослабить и уничтожить подступающего лидера, пусть лишь кандидата в лидеры, да мало что из белорасового и христианского ареалов, так ещё и вовсе не чуждого *всему* планетарному экзистенциальному пространству.

Сама по себе Россия вовсе не жаждет мирового лидерства, на что её как будто выводят Провидение и Иное, а потому воспринимает сию каверзу как невольно необходимую повинность перед Великой Неизвестностью и даже самим Господом Богом.

Россия велика, разнообразна и самодостаточна, она сама целый мир, отчего ей вовсе не нужно никакое личное мировое доминирование, а с учётом миромасштабного опыта СССР, попы-

тавшегося руководить половиной мира и на том надорвавшимся, попросту и противопоказано: тут лишь одно при отсутствии метропольной корысти разорение. Да и глядя на нарастающие предкончинные конвульсии нынешних США, попытавшихся после краха СССР единолично управлять всем миром, хоть при этом и грабя его, Россия должна хорошо понимать не только тщетность такого правления, но и его для мирового правителя самоубийственную суть.

Так что если речь идёт о всемирном лидерском значении России, то не как о возможном единоличном правителе мира, а как о всего лишь великой стране, способной к самостоянию и эффективному участию в коллективных разрешениях мировых проблем, а уж ежели припрёт, то и предпринять мирового значения деяния.

Если выйти на метафизический уровень, то для планетарного мира вполне достаточно наличия сильной, самостоятельной и эффективной России, а никак не российского кем-либо, даже и соседями, руководства.

«Pro» или «Contra»?

Одно дело противостоять бойцовскому натиску извне, тому же новому «Дранг нах Остен» – тут всё понятно и более или менее ясно, что делать; совсем другое – противостоять упорно и исподтишка окружающей страну враждебной «анаконде» из «не любящих» тебя стран-соседей, военных баз, воинских подразделений, ракетных установок, тайных биолабораторий; а ещё другое – противостоять то нахрапистому, то ползучему проникновению в страну чуждых ей и для неё токсичных реалий, в особенности встречающих одобрение «внутренней эмиграции», не исключая и из властей предержащих.

Последнее тут самое трудное, в особенности в нынешнем – открытом-де всем идейно-ментально-поведенческим ветрам, поветриям и эпидемиям – мире. На первое место в сопротивлении сим напастям выходят традиции, культура, просвещение, воспитание, ну и «контр», чуть было не сказал «пропаганда»... нет, не пропаганда как таковая, а идеологическая взвесь, наполняющая живительным духомжитейскую в стране атмосферу, хотя и не без малой толики самой что ни на есть, разумеется, умной и привлекательной пропаганды.

Тут же у нас встаёт вопрос о цензуре: нужна, не нужна, какая, от кого, как, с санкциями, без санкций и т. д.?

А для чего, вообще говоря, у нас в стране «море» депутатов, как и разного рода общественников и доброхотов, тот же Народный фронт, хотя он никакой не фронт и никакой не народный, наконец, для чего деятели науки и культуры со званиями и степенями, известностью, авторитетом, немалой и славой, как и те же литераторы, учителя, профессора, не говоря уже о гражданах вообще, как бы и с гражданской перед обществом и людьми ответственностью?

Цензура, кстати, может быть разной: запретительной, ориентирной, разъяснительной, воспитательной, вовсе не обязательно репрессивной, хоть и куда без них, без репрессий, ведь не хотят, не понимают, сопротивляются, борются, смердят.

Эх, высокая сознательность высококультурного человека, где она?!

Однако что-то делать всё равно надо, в противном случае – беснование, разложение, гниль, падение, а ведь хоть разложены элиты и массы уже предостаточно, как и пали они уже ниже плинтуса, осталась лишь погибель – уже и окончательная!

Как не хочется обо всём этом говорить: этом расплодившемся гнусном, о ему вынужденном противостоянии и противодействии, о нежелании властей и бессилии гражданского общества что-либо изменить в позитивную сторону.

Бесы, бесы, ребята, вокруг: на сцене, на подиумах, на панелях, в эфире, на экранах, в книгах, в интернете – повсюду!, да мало что бесы, так ещё и успешные бесы, богатенькие, элитненькие, модненькие, красивенькие, вовсю молодящиеся, энтузиазменные!

А «людство» пустеет головами и мельчает сознанием, опускается, катит к столь уважаемому наукой дарвиновскому обезьянству, – а может, всё так и надо?

Их уже там – на Западе, собезьянили, теперь вот за россиян взялись: образование извратили, гражданское воспитание оболгали и порушили, успешно культивируют киборгианство (точнее, антикультивируют), втаскивают людей в удушливый онлайн, ковидную пандемию лелеют, в общем, вершится научно и идейно обоснованное обезьянивание, хоть сами дикие обезьяны тут и ни при чём.

Однако всё-таки кое-что тут при чём, а именно правда, причём по вине всё того же человека разумного, отчего для убедитель-

ности тут уместен один рассказик, как раз про человека разумного и про, якобы, неразумную обезьяну, конечно же, в дарвиновском для одного и другого персонажа обличье.

Рассказ

В Париже, когда избавлялись на рубеже 1970–1980-х гг. от знаменитого «Чрева Парижа» (старинного продуктового рынка в центре города), соорудили торгово-метровский комплекс, внутри которого прямо по пути к станции метро, сподобились сваять на стене аллегорическое мозаичное панно по близкой нам теме «История человечества: от обезьяны к обезьяне», на котором было показано, как сначала обезьяна превратилась-де в человека, потом человек прогрессировал как вроде бы человек, дойдя в своём развитии до некоего апогея, представленного на панно тремя рассыпчатыми, но узнаваемыми ликами: Виктора Гюго, что понятно – француз как-никак, великий писатель и мыслитель, ещё и розенкрейцер вдобавок; Альберта Эйнштейна, что тоже понятно – гений от науки, вполне современный и своевременный; ну и... не поверите... Льва Толстого, что, согласитесь, хоть понятно и верно, но всё-таки весьма странно – было отдано предпочтение русскому гению от литературы и мысли (хоть это и странно, но зато для русского сердца видеть это было очень приятно), а далее, уже после сих ликов, на панно следовало... да, правильно!.. инволюция homo sapiens в обезьяну.

Говорящее, прямо скажем, панно, вполне и метафизического свойства, при этом, заметим, что пик развития человека в момент создания панно уже был как бы позади – далее от сего момента в реалиях-де шла лишь одна деградация! Но самое интересное в связи с этим панно оказалось не так даже его содержание, – чего на свете не бывает, каких только нет фантазий, может, и попросту ради хохмы (вроде хохм пресловутого журнальчика «Шарли Эбдо»)! – а вот в том факте, что панно сие всё-таки через десяток-полтора годков таки исчезло: то ли подступающий электронно-оцифрованный чек-киборг всё-таки не обезьяна, и авторы панно крупно просчитались, то ли наоборот – вполне себе обезьяна, и авторы попали прямо в точку, а вот блюстители подступающего нового мира (читай – антимира!) постарались убрать с глаз долой острый на «нового человека» (читай – постчеловека) компромат.

И так можно понимать панновскую аллегорию, и этак, как и, разумеется, творящуюся в мире и в России реальность: кому в радость, а кому в негодование, а кому и в страх!

Тут нам откуда-то из-за поднебесных туч является призрак... нет, не коммунизма и не отца Гамлета... а... Сталина – аккурат по причине его цензурно-инквизиторской борьбы за высокого пошиба культуру, литературу, искусство, житейскую мораль, даже и стиль поведения. Странно, конечно, даже и кошмарно, но факт: жестокий усатый «тараканище» и его жёсткая борьба за высокий «штиль»!

А что, можно ли тут обходиться сначала, то бишь с младенчества, без кое-какого, пусть и мягкого, и лёгкого, даже и вежливого, но всё-таки насилия, разумеется, воспитательного, а потом, быть может, и куда более выразительного насилия вплоть до жестокого, коли человека (или некоего существа в образе человека) тянет к хамству, зверству, бесовщине, в общем к тому или иному нелюдству? И ежели сегодня наблюдается буквальный разгул буквального нелюдства, что остаётся делать, да и кому: гражданам, обществу, власти, полиции, прокуратуре... кому? Судам что ли с их адвокатами? А может, в делах той же культуры потребна всё-таки цензура?

И самое занимательное: дойдёт ли дело до моральной диктатуры, до ясно выраженного насилия, до откровенных репрессий?

Отвечаю как метафизик, погруженный в созерцание Этого и Иного: *дойдёт*!

Всему в мироздании есть *мера*, как и многому, пусть всего лишь и малому, есть *безмерие*, которое нередко возникает из меры в поиске новой меры, – и за всем этим мероизведением, включая безмеродопущение, «присматривает», по меньшей мере, Иное, которое не проходит мимо ни меры, ни безмерия, как оно не прошло мимо сталинской меры, навязав её взбаламученной революцией и гражданской войной стране, так и не прошло мимо попущенного им горбачёво-ельцинского безмерия, однако не пройдёт и мимо новой, уже постантимировской меры, а сия новая мера просто так не возникнет – только через насилие, которое само придёт и будет вчистую оправдано борьбой с антимиром, ведущем человека в обезьянство. Станется ли эта борьба или нет, даже не вопрос – *станется*!, да вот какая и с какими же итогами – вот это и в самом деле вопрос!

Иное о себе и не только
(Инозис)

1. Меня обычно не замечают, а я везде, всегда и всегда здесь!

2. Иное –не Это, но и не То, ибо Иное – Ничто, однако и Нечто, но лишь как нечто иное!

3. Иного, строго говоря, нет, хотя оно и есть, но лишь как Иное, то бишь как не Это и не То – иное ведь!

4. Меня обычно не принимают во внимание, а зря, ибо вокруг кроме меня ничего нет, хотя и есть меня прикрытие в виде Этого, но ведь и оно иное, не Это.

5. Я не ищу встречи и согласия с Сознанием, которое само нечто иное, это пусть Сознание алкает встречи и согласия со мной, ибо я – Иное!

6. Для чего? Для иного видения Этого, самого себя и всего происходящего, сплошь ведь *иных*!

7. Быть *иным* означает не более чем... быть *иным*!

8. Что значит быть *иным*... э-э... нет, не никаким вовсе, хотя это и так, а именно *иным* – не этим и не тем, и кто ж знает *каким*?

9. В том-то и дело, что быть не неизвестным, хоть это и так, а либо известным неизвестным, либо неизвестным известным – мне всё равно!, хотя я предпочитаю простое в сложности и сложное в простом – так и этак, но... *иным*!

10. Я ничего из того или другого не хочу, алкая перемен, я хочу лишь *иного*, причём не этого и не того, а исключительно того самого – *иного*!

11. Я не полоню всё и вся, ни к чему, кроме *иного*, не понуждая, я даже и к иному не понуждаю, ибо оно само является – как раз как *иное*!

12. Я дружу с Навью, которая меня ценит и «терпеть ненавижу» Явь, которая меня заносчиво отвергает: вот я и не даю покоя Яви, опутывая её собою, не давая ей быть Явью. Да и вообще какая-такая Явь, ежели она... Иное?!

13. А почему Иное? Да чтобы жизнь была, а не мертвечина, не твердь, не пустота! Без меня нет жизни, да и разве сама жизнь не Иное?

14. Быть с Иным – знать, что всё в реалиях не так, как есть, что за бытующим «есть» непременно торчит ещё и другое «есть», как и «неесть» тоже, а оно, это *неесть* – не только есть,

а в самом же есть оно и есть; знать, что впереди не то, что есть, а что ещё не есть, но уже есть – в потенции, а потому потенциальное, которого вроде бы нет, а оно уже есть, сильнее того, что вроде бы есть; бытующее есть не отменит потенциального, а лишь себе навредит, сопротивляясь; уметь надо идти навстречу потенциальному – как исходящему из того, что есть, но через его отрицание, так и идущему от Великой Неизвестности – через мучительное полагание неизвестного, для чего в приоритете не так знание и интуиция, хоть они и хороши, как... *откровение*, дающееся лишь признающему Иное и идущему ему навстречу.

15. Великие деяние – воля Иного, сопрягающаяся с волей признающего Иное и в нём – в Ином – таинственно растворённого субъекта – *иносубъекта*!

16. Иное объективное волево совпадает с субъективным иным, а в итоге – *инособытия*, *иноперемены*, *инобытие*!

17. Иное не морально, оно просто *иное* и всё, а то, что выходит по его и иносубъекта волям – дело уже реальности, конечно же, не той и не этой, а опять же *иной*!

18. Когда Господь творил софийно мир из ничего в окоёмах Бездны и с участием Преисподней, то он, поставив в исходе мира Великую Неизвестность, выделил из ничто дух и материю, соединив их в творческом прорывном содружестве, однако под неусыпным контролем и с непрерывным участием Иного, восходящего к Великой Неизвестности и пронизывающего мирозданческую реальность, включая природу, жизнь, Землю, человека, сознание, а также бытие человека, его жизнеотправление, его хозяйство, труд и творчество, его демиургию, как и его историю с их телеологией, эсхатологией и апокалиптикой.

19. Иное – порученец от Бога!

20. Иное – не враг человеку, но и не друг, это всего лишь его нарочито-необходимый сопроводитель, он же и крест!

Россия как Иное и Иное как Россия *(неясно о неясном)*

1. Россия *не от мира сего*, она от *иномирья*, она – *Иное,* отчего и не улавливается, не понимается, вовсю отрицается и немало ненавидится.

2. Этакая белая ворона среди чёрного воронья, как и, что тоже не исключено, чёрный лебедь среди стаи белых лебедей, во всяком случае – ***иное***, не такое, как всё подобное вокруг, вовсе и не сплошь хорошее, хотя и не сплошь плохое, а так – какое есть, главное – *иное*, но настолько и так *иное*, что извнешний (зарубежный), – что чёрный, что белый, – контекст почему-то всегда навязчиво тяготел и тяготеет сейчас к неординарному *иному*, причём более всего с целью либо им выгодно для себя воспользоваться, на него опершись, а то и ненароком пограбить, либо надёжно покорить, сделав рабской колонией, либо вообще убрать с глаз долой, устранить, убить, – и всё это, надо заметить, имело вследствие природной, стратегической и духовно-поведенческой открытости страны, её экзистенциальной уязвимости не единожды кое-какой успех – иной раз и немалый! – но всегда в итоге безуспешный: Россия всегда находила возможность вывернуться, отпрянуть, оборониться, сохраниться, победить, мало того, самой воздействовать на контекст, причём никогда корыстно, ибо она... *Иное*!

3. Да, Россия – *Иное*, она оттуда – от изначалья, а потому она всегда по-над вселенской Бездной и бок о бок со вселенской Преисподней, что не значит ни хорошо, ни плохо, а просто как есть, но что всё-таки значит, что Россия не для обывательского благополучия, что и она сама тоже бездна и тоже преисподняя, однако не та бездна и не та преисподняя, а *иная* бездна и *иная* преисподняя – ***экзистенциальные***!

4. Трудная, тяжкая, страдная и страшная страна, замешанная вовсе не на рабской, а более всего на адской закваске, однако... однако какие только «райские» и «благополучные», «передовые» и чуть ли не «образцовые» народы и людские пространства она не выручила, сохранив им и на них мало что жизнь, но по преимуществу их собственную, им свойственную – свою – жизнь. Не без издержек, конечно, но всё-таки!

5. Главное тут не путать глубинную Россию с существовавшими в ней режимами, далеко не всегда не то что не русскими, но даже и не российскими, и это не всё – заметно и антироссийскими, даже и немало антирусскими!

6. Почему же всё так, почему же нет – и, заметим, давно нет – достаточной и бесспорной органики между глубинной Россией и в ней (или даже над ней) проходящими режимами, включая и идеологические «таинства», усердно России навязываемые?

{Мнение, что Россия пошла-де как Россия (она же Русь и Рось) с момента и по причине утверждения в ней византийского – не путать с собственно христианским – вероисповедания – не более чем частное, пусть и распространённое, мнение, ни к коренной, ни к когда-либо бывшей, ни к текущей России в качестве исходной историогенезной и вообще основной экзистенциальной установки никак не подходит, к тому же почему-то закрывающее глаза на тот очевидный факт, что на Руси утвердилось вовсе не ортодоксальное христианство, даже и не византийское, а... *православное*, то бишь нашенское, своё, что означает, что Рось оказалась не слабее сымпортированной в страну и не без насилия внедрённой идеологии, а нашла возможность с ним приемлемого для себя компромисса, – не более того! Вообще же Россия в непосредственном идейно-экзистенциальном плане – синтез ведизма (никакого не язычества), православного христианства и светского европеизма, пока включающего даже и марксизм, не говоря об атеизме и всё ещё сохраняющемся советизме (сталинизме), а в широком плане это целая матрица, в составе которой помимо вышеперечисленного ещё и ислам, иудаизм, буддизм, шаманизм, то же католичество и немало, надо полагать кое-чего другого, о чём говорить здесь совсем и не обязательно!}

И отвечая на выше приведённый вопрос, нужно, видно, заметить, что режимы, возникавшие и бывшие в Руси-России, всегда ставили цель, пусть и вынужденно и даже по-своему оправданно, переделать страну, оторвав её, того не сознавая, от Иного и вытравив из неё её коренное *иное*, что вроде бы даже удавалось сделать, а в итоге-то – нет!, ибо Иное с *иным* на то и Иное с *иным*, чтобы, с одной стороны, не отдавать предпочтения ничему не своему, ну, пусть и до срока, не отдавая при этом предпочтения и ничему своему тоже.

Ответ тут не полный и не ясный, но какой же ещё, ежели тут Иное с *иным* в фундаментальном приоритете: хоть над режимами, хоть над их создателями и властителями, исключая, да и то с оговорками и на короткий срок, разве лишь Сталина, пошедшего навстречу Иному, создавшего *иную цивилизацию*, даже и Иное на срок покорившего, хотя, надо заметить, разочарование кое-какое всё-таки испытавшего – против природы человеческой, совсем иной, чем это утверждается религиями и светским просвещением, не попрёшь (думал, что переделал «чека», а всего лишь дал возможность, прижав на срок нелюдство, людям статься людьми).

7. Обретение Россией своей, соответствующей её фундаментальному *инообразу*, цивилизационно-режимной формы либо впереди, либо этого никогда не случится, ибо Господом сие, видно, не предусмотрено: Россия должна оставаться Россией, меняющей неорганичные ей формы, ради не обретения адекватной для себя формы, а ради лишь к ней стремления (стремление тут – всё, обретение – ничто! – не худо, правда?).

8. И вот тут особенно интересно, что не только сама Россия *ина*, но и Иное тоже, ибо выходит, что не только Россия *как Иное*, но и... само Иное... *как Россия*! Ничего себе! О-о, между Иным и Россией двусторонняя органика: Иное делает Россию *иной*, а Россия, полномочно представляя на Земле Иное, делает это самое Иное... *Россией*, – не слабо, кажется!

9. Из всего этого следует, что ни Иное не поймать и не приручить, хоть на момент оно и может кому-то вдруг покориться, как тому же Петру I или тому же Сталину, особенно последнему, ни Россию не поймать и не приручить, хоть и можно её на время покорить, даже и в историческом измерении весьма надолго (от норманнских Рюриковичей до онемеченных Романовых с Чингизидами промеж ними), но всё равно наступает момент сброса покоряющей формы покорной-де страны – бурно, злобно, весело!

10. Править Россией, думая, что она переделана и от неё остаётся одно название, что сидеть, пардон, на паровом котле, вроде бы мирно посапывающем и время от времени добродушно пофыркивающем, а потом вдруг внезапно либо намертво затухающем, источая гробовую нежизнь, либо бодро взрывающемся, источая уже грозовую нежить.

11. Вроде бы по обыкновению спящая, огромная, сложная и разная, а главное – *инаковая*, Россия тем не менее нуждается в укрощении, даже и в узде, что практически издавна понимается её правлениями весьма по-простому – как ***крепостничество***, включая и идейно-духовное, и правления этим усиленно занимаются, что не так уж для страны бывает и плохо, однако почему-то забывают, как правило, о ***воле***, в которой инаковая Россия тоже нуждается, отчего и главный россиянский парадокс: согласная в целом на крепостничество страна требует и немалой воли, а потому баланс между крепостничеством и волей – основная, как и, разумеется, давно проклятая, нужда и тщета страны, как и забота и тщета её правлений; если баланс сей иной раз и удавался, то ненадолго и не для всех насельников и насильников земли

российской, да и посредством другого парадокса: сочетания одного зла-добра – крепостничества, тягла, долга, вообще послушания, с другим добром-злом – праздником, расслабухой, разнузданностью, буйством, а ещё и с участием совсем уж парадоксальных сочетаний: порядка, закона, гражданства, патриотизма, с одной стороны, и стихии, беззакония, уголовщины, предательства – с другой, как и житейских восторгов и радостей с горем, плачем и дерзостью.

12. Россия – Великая Тайна, она же и Великая Тщета, а парадокс в ней – Великий Знаменатель! {На возражения, что, мол, если не повсюду, но во многих локалиях творится то же или почти то же самое, ответим, что то же, да вот не то же, ибо творящееся в стране нашей, включая и её (или в ней) правление, не особенно страдает ни рацио, ни логикой, ни устроением происходящего и делаемого: утвердительное сравнение с сегодняшним разлагающимся и умирающим Западом тут не в счёт, ибо в России *так* есть *всегда*, иное дело, что по-разному, в разной степени проявлений и с разными последствиями, а как же? – да вот всего лишь не без выручающей дури и спасительного авось, а жизнь народная идёт себе при этом и идёт – как раз *изобретательно по-иному*!}

13. Великая Тщета сочетается в России, привязанной к Иному и Иное в себе держащей, с Великой Экзистенцией, ибо Иное превращает Россию в потаённую *саму-себе-страну*, принимающую те же деспотическое правление и крепостничество, зато втихомолку, а иной раз и громоподобно, им сопротивляясь, но существуя при этом и вне навязываемых ей строя и правления, реализуя потому ещё один странный парадокс – невероятного сочетания нечеловеческого, нелюдского, злого, безумного с человеческим, людским, добрым, разумным. ***Экзистенция вопреки*** – тоже ведь от Иного и в Ином, но зато не прозябание, пусть и благоустроенное, а ***Великая Экзистенция***, вполне себе и российская, русская, евразийская, многоконфессиональная и многоэтническая, в общем – Бог знает какая!, да мало что Господь не знает, так ещё и, видно, не торопится узнать и что-либо изменить, что-то *этакое* ожидая от России и из неё выдавливая.

14. *Страна не так мыслимых противоречий, хотя их в ней и предостаточно, как немыслимых парадоксов, которых у неё в избытке!*

Глаза в глаза

Они, как и собирались, снова встретились, немного прогулялись по парку, зашли в ресторан, заказали вина и еды, разговорились, что называется глаза в глаза – доверительно, начистоту, без обиняков.

– Как вам, – заговорила первой женщина, – работается в эти тягуче неморозные крещенские дни?

– Да не очень, знаешь ли, я вдруг ударно ощутил, что смыслы куда-то утекли, да ладно бы из моей буйной головушки, а то ведь из самой реальности, точнее, её пошлой имитации. (*Пауза.*) Ещё на Новый год что-то в голове роилось, хотя бы как нагнетание смыслов в обессмысливавшуюся реальность, а сегодня, пардон, как раз под Татьянин день, что-то вдруг смысловое враз и исчезло. (*Пауза.*) Моё любимое Иное (*смеётся*) добило-таки меня, не говоря о реальности, навязав расставание с последними иллюзиями: теперь вокруг один лишь смертоносный карнавал, да и только!

– Прямо как в сумасшедшем доме!

– Если уже не на погосте... э-э... той же лишённой смыслов реальности, её сетеобразного скелета. (*Пауза.*) О-о, а вот и винцо с закусочкой!

(Пауза гастрономического ожидания.)

– За встречу, дорогая принцесса-старательница!

– За встречу, дорогой король-смыслодобытчик!

(Пригубливают вина, охотно закусывают.)

– Был добытчик, был их нагнетатель, а теперь вот лишь свидетель их убытия и отсутствия, уже и не их адвокат, и не обвинитель бессмыслицы, и тем более не судья всему бессмысленно происходящему. (*Пауза.*) Теперь всё вокруг аки игра в игру, как тот же футбол, как покер, даже и как шахматы. Движуха есть, ноги, руки и даже вертящиеся туда-сюда головы есть, чемоданы на колёсиках, всё есть, а вот смыслов нет... кроме разве смысла самой игры. Жить не по смыслам, а так – играючи.

– А суперудача в Казахстане – подавление мятежа бог знает кого с одновременным подавлением елбасы вкупе с его олигархической бандой, а то же представление нашего «ультиматума» американцам с их натовскими и иными прихвостнями?

– Бывшими нашими... но тогда-то не прихвостнями всё же, а чуть ли не собратьями, в общем «друзьями», скажем так, в кавычках. (*Пауза.*) Но тут ведь тоже игры, за которыми скрывается не что иное, как стремление... э-э... успешных и богатеньких сохранить себя и всё своё нажитое, имитируя перемены в реалиях, не трогая сути. Те ещё вериги на руках и ногах, а в головах лишь по преимуществу химеры! (*Пауза.*) И заметь, это-то и есть первая из бессмыслиц, гуляющих сегодня по нашему скорбному свету – удержать непристойное! Тут ведь явный тупик, особенно значимый своей тупиковостью под негласным, но громко звенящим покровом лукавого антимира.

– Тогда за что же?

– Наверное, за нас, за всё ещё человеков! Что ещё остаётся, как не гордиться званием всё-ещё-человека, пусть и уходящего в небытие под хриплый перестук надтреснувших бокалов. Каково сказано, а-а?!

– Да уж!

(Выпивают вина, молча едят.)

– Да, – прервала молчание дама, – только за это и остаётся пить, а не за здоровье, любовь, дружбу, что хоть и надо делать, но как-то уже... э-э... не без ощущения при этом какой-то унылой фальши. (*Пауза.*) Любопытная свалилась на нас «жисть», какая-то ненатуральная, фиктивная, пустая!

– И вовсю фарсовая! Причём фарс тут – не только погубитель жизни, но и её спаситель, хоть уже и не полнокровной жизни, а более всего её имитации, за которой, собственно, не так уже жизнь прячется, как нежить.

(Задумчивая пауза, сопровождаемая сдержанным винопитием.)

– Ну вот, – заговорила опять первой дама, – хорошо сидим, говорим, едим, пьём, а вы всё про нежить да нежить, может, не так всё и плохо... э-э... с жизнью-то?

– Разумеется, жизнь как жизнь продолжается, для кого-то весьма и бурная, и даже содержательная, но, во-первых, жизнь ли, а не всё-таки нежить, а во-вторых, если и жизнь, то не просто рядом с нежитью, даже не вопреки нежити, а, пусть и не в бросающейся в глаза, но в борьбе с уже туго захватившей жизнь нежитью. Что человеку от такой жизни, кроме разочарований, печали и мольбы?!

– Но молодь-то вряд ли это чувствует, для неё вся эта игровая движуха и есть жизнь.

– Да-а, но не для всей молоди, есть молодь, для которой куда как страшнее соприкасаться с нежитью, чем нам, уже пожившим, ибо у них ведь надежды, намерения, планы, оттого и протестные события – повсюду, как раз молодёжного порядка: всё у молоди есть, а полноценной жизни, увы, нет! (*Пауза.*) Тут-то как раз и сидит разгадка молодёжных протестов, причём всё равно какой молодёжи, по какому поводу и насколько глубоко ею осмысленных.

– Схватка тут мира с антимиром, согласно вашему учению.

– Не учению, конечно... хотя почему и не учению, а ежели это и в самом деле так... скорее, согласно моим представлениям о происходящем в мире и в стране... чуть было не сказал... нашей, нет, конечно, уже опять не нашей, не совсем нашей, по крайней мере. (*Пауза.*) О-о, винца уже и нет, как, повторим?

– Повторим, хорошо сидим и говорим сносно, может, на что-то и *иное* (*акцент на слове*) набредём... очень хотелось бы!

(Заказывают ещё вина с сырной закуской.)

– Иное, как ты понимаешь, не дремлет, особенно, ежели потребны крупные перемены. Это как раз Иное не даёт покоя нынешним правителям, да и массам тоже, хотя никто об этом не догадывается. (*Пауза.*) А вот и вино с превосходным, надеюсь, сыром! Выпьем за Иное, оно этого заслуживает!

(Пьют вино, закусывая превосходным сыром.)

– Да-а, – продолжил, размышляя, говорить мэтр, – с Иным шутить нельзя, как и с Космосом, не говоря уже о Господе Боге или той же Софии.

– Вы утверждаете, что лишь такие, как Пётр I и Сталин совладали с Иным, но оба ведь были безжалостными диктаторами, тогда что же, без диктатуры никак?

– Э-э... диктатура всегда и везде по всему свету, иное дело, какая диктатура и с какой целью? Вот те же Пётр Великий с не менее, если не более великим Сталиным, оба жуткие диктаторы, однако один гнал Русь от себя взашей, лихорадочно европеизируя страну, а другой, как это не странно, опёрся на Россию, хотя и строил новую, как раз трудо-творческую, даже и соборную, цивилизацию, правда, увы, не давший России потребного ей свободного дыхания, а её, наоборот, закрепостивший, однако в отличие

от Петра, закрепостивший этатически, не допуская частного владения трудо-хозяйственным доходным потенциалом.

– Оба, выходит, крепостили, каждый по-своему, закладывая главное условие погибели ими же сотворённого.

– Так оно и было, так оно и есть: Россия – страна жестоких чуд и печалей, а её безмолвие – лишь надёжный залог краха ей силой или обманом навязываемого.

– А что она – Россия – сама-то хочет... или хотела бы?

(Настырная пауза.)

– Она хочет *иного*, как раз того, чего быть не может – *сказочного*!

– И всё это от её иномирности?

– От неё, родимой, от неё! Все страны и народы так или иначе устраиваются, а вот Россия с русскими – нет!

– Отсюда и устроительное насилие, и обман?

– Разумеется!

– И что же? Что из всего этого?

(Пауза с глотком вина.)

– В нынешней аномальной России, а фактически-то снова в не-России, нет надёжных идейно-духовных скреп, кроме самовоспроизводящихся житейских, а в меру и историо-экзистенциальных традиций: диктатура денег и деньгодержателей – не скрепа! (*Пауза.*) Деньги, точнее, стремление к деньгам, их безудержному накоплению, то бишь разнузданный экономизм, *эту* Россию-не-Россию доконают, а субъективный фактор лишь в этом поучаствует: либо сверху, либо снизу, как и, само собой, сбоку. (*Пауза.*) Ни имитация перемен, ни охранка, ни посулы и подачки тут не помогут: от тягостного ожидания потребных перемен до искрящегося разухабистого «поехали» – один внеисторический миг, просто никто не знает, какой из мигов и когда: всё самое-самое в истории, благодаря Иному, конечно, творится само, причём непостижимо невероятно и необъяснимо внезапно.

– Да уж, о чём только давно уже происшедшем до сих пор не спорят.

– И о происшедшем совсем недавно, прямо на наших и всех спорщиков глазах, при нашем и их свидетельстве, даже и с нашим и их участием.

(Отхлебнув вина и пожевав сыра странник продолжил.)

– Управление повсюду и в России сейчас вроде бы есть, как есть и плохое управление, даже и неуправление, которое, правда, бывает, получше собственно управления, тоже есть, оно, кстати, и превалирует нынче, – и вся реальность катится как бы *сама-по-себе*... э-э... вроде полноводной реки, и всё по этой реке плывёт, что-то уходит под воду, что-то и навсегда, что-то вдруг выныривает, изменившись, и никто целостно всю картину сей всемирной, да и российской, течи не видит, как и худо понимает, что всё самое важное происходит *само собой*, без видимых причин и прогнозируемых следствий.

(Многозначительная пауза.)

– Значит, куда само и вывезет? Но ведь та же цифровизация делается сознательно, а она очень всё меняет?

– Да-а... сознательно, но при этом никто не знает ни того, что есть на самом деле цифровизация и к чему она на самом деле приведёт. Прём туда к ней и с ней вслепую! И ничего, кроме фашиствующей цифровизации, которая в общем-то уже пришла и пришла, заметь, сама, как и сама в общем-то реализуется, человек придумать не может, разве лишь экономическую безопасность, так и это ведь природа за человека придумала – от отчаяния! (*Пауза.*) Тотальная цифровизация, она же шифровизация, тоже ведь от отчаяния, – своих мозгов уже не хватает, да они ныне им страшны и не нужны. (*Пауза.*) Однако меня более занимает другое: под цифровизацию уже явился новый человекообразный, чуешь, *новый*, не бывший ранее, но *уже* явившийся. (*Пауза.*) Он даже физиологически другой: мужчина теперь субтильный, а женщина кукловидна, и оба поведенчески и умственно что-то вроде механических органчиков, как раз и соответствующих компьютеру и всесильной цифре.

– Эпоха человеков, выходит, заканчивается, если не закончилась...

– Зато будет всеобщая масонская благодать, правда, уже по преимуществу на погосте.

– Так значит, Страшного Суда не будет?

– Почему не будет? Это и есть Страшный Суд, лишь вершимый электронной механикой. Великий отбор вовсю уже идёт, правда, наоборотный, когда благочестивых – в небытие, а цифрочестивых – в Космос.

– Похоже, что так, хоть верить в это очень не хочется!

– Вот именно, что верить, а не знать, одна ведь всюду путаница – что в онтосе, что в гнозисе.

– Тогда что же, так вот с закрытыми глазами и спутанными умами прямо туда – в бездну?

– Зачем же в бездну, лучше в Космос, который, правда, тоже бездна, так что да... в бездну!.. правда, уж кому в какую!

(Тягостная пауза.)

– Видишь ли, всё мною уже давно сказано, но ничего из сущего правленцами не услышано, хоть и знают, и даже поверхностно под свои интересы на что-то реагируют, имитируя, но не более того, так что дело теперь за ходом вещей и за ходом неизвестности, стало быть, за ходом Иного. Так было всегда, так будет и теперь! С той разве разницей, что в судьбу человечества ныне вмешался *искусственный разум* (*акцент на словах*) – как уже возникший человечий, так и возникающий технический. (*Острая пауза.*) Надоело говорить, открывать глаза, убеждать! Великая, знаешь ли, мудрецовская, она же и, уж извини, мудаческая, тщета!

– Понимаю, но что поделать, правда ведь никому не нужна, так что...

– Лучше допьём наше замечательное винцо, да и двинем куда подальше, а-а?

– Согласна!

(Допивают остатки вина, расплачиваются за угощение и обслуживание, выходят на улицу.)

– О-о, как снег-то валит! Какая чудесная зима ноне в столице!

– Да, кто бы мог подумать, прямо Карпаты какие-то: снежно, не морозно, мягко!

– Без солнца, правда, но всё равно хорошо, хоть и тягомотненько.

– Ладно, ладно, Господь нас явно не бросает и не бросит!

– Смеем надеяться!

(Тут является такси, собеседники прощаются, дама садится в машину, и автоколесница мчит её по заснеженному городу, а странник... что странник, он отправился восвояси пешком, слегка, как гвардеец на посту, покачиваясь, то ли от выпитого вина, то ли от снежного воздуха, то ли просто от старости, впрочем, может, и от дум, а может, и от возможности ни о чём не думать, это уж как ему тогда пришлось – Иное ведь никогда не дремлет!)

Он как есть!

Почему это вдруг с восклицательным знаком? Есть и есть, что из того?

Однако не всё тут так уж просто: как-никак, а большая жизнь, длинная экзистентная дорога, личностная самодостаточность, гигантский труд, уникальные творческие достижения, размышлительные плоды, не имеющие аналогов, уйма шикарных, неподражаемых, загадочных, им самим не повторимых, текстов, включая и необычную многоплановую поэзию, сонм открытий, прозрений и откровений и, как венец, – ***иное мировоззрение***, да не так в его компонентах, которые есть и у других, как в особой, вполне себе и искрящейся смысловой игрой, *иначе* стрaктованных и *по-иному* скомпонованных в *иную* матрицу, компонентов, что как раз и даёт то самое «мета», уже и *иное* «мета», которого нет у других, а главное, которое меняет представление о всеобщем мировом внешнем и особенном человеческом внутреннем, как и их между собой таинственном взаимодействии.

Хозяйство Бога, мир как хозяйство, а также бездное хозяйство (лоно мира), преисподненское хозяйство (фабрика мира), хозяйство Великой Неизвестности (трансцендентное хозяйство), хозяйство Иного (иное хозяйство), как и, разумеется (вслед за С. Булгаковым), хозяйство софийное (божеское) и антисофийное (противобожеское), – разве это не *Весть*, разве не *Иная весть*, разве... нет, никакой не переворот... а всего лишь разворот – от вовсю бытующего вокруг гнозиса к *иному гнозису*, однако в тесной его привязке к бытующему вокруг *онтосу*, который оказывается тоже *иной*, вовсе и не такой, каким его представляют бытующая вокруг просвещенчески обустроенная людская мысль, прежде всего научная, физическая, исследовательская.

Никто из человеков не знает, что есть Истина, но теперь человек хоть знает, что Истина *ина*, мало того, имеет теперь о ней кое-какое *иное* представление, – не так уж и плохо, не так ли?

Так почему же не поставить хоть здесь, в конце предыдущего абзаца, как и там – в заглавии сего текста, да и в конце этого абзаца тоже, восклицательного знака, а-а?, тем более, что понято, признано, поддержано, пусть пока и немногими, но всё-таки понято, признано, поддержано и... *работает*, путь пока и латентно, ограниченно, конспиративно, чуть ли не заговорщически, но *работает*!

Опять же оригинальное, не имеющее аналогов, воззрение на Россию, мало что как на *мир*, но ещё и ***неотмирный мир***, то самое воззрение, которое позволяет узреть совершенно *иную Россию*, не просто восходящую корнями к *иномирью*, так ещё и имеющую необъяснимую просто так судьбу, но и это не всё – имеющую какое-то *иное предназначение*, никому, даже самой России в первую очередь, не известное, то бишь какое-то трансцендентно-экзистентное, вовсе и не российское, точнее, не только российское, пусть и имперское, даже и мондиальное, но *по-иному* имперское, пусть и не совсем по-доброму, но ведь и не по-грабительски злому, скорее всего, по-людски спасительному, правда, после и по итогам свершения постреформенного преобразовательного разворота, аккурат на 180 градусов, – разворота прежде всего к самой России!

И что, не ставить и тут восклицательного знака?

О какой же потребной Иному России толкует непрестанно наш мудрый странник? Да о *соборной России*, а не о демократической (фикциократической), капиталистической (монетарократической) или даже социалистической (фальшекратической), а именно о ***соборной*** – *целостной в разнообразии*, не чуждой ни иерархии, ни сети, ни центровости, ни локальности, ни управления, ни самоуправления, ни гражданственности, ни служения, ни свободы с открытостью, ни ответственности с узаконенной упорядоченностью, ни частных инициатив, ни общих долженствований, ни воли, ни дисциплины, но зато приверженной общности, совместности, солидарности, разумеется, нетерпимой к анархии, уголовщине, разгильдяйству, паразитизму, мошенству, как и вообще ко всему античеловеческому, включая и угрожающий человеческому сознанию чародейный «искусственный разум».

Однако не всё так уж гладко и привлекательно в гуманитарных исканиях и суждениях, как и экзистенциальных прозрениях нашего странника. Мало того, что для него, перефразируя великого поэта-мыслителя, «Тьма горьких истин, вполне и низких, всего ему дороже, а вовсе не прельщеньем лю́бым брызжущий обман», так он же ещё не отрицает ни благодатных-де насилия, надзора, диктата, даже и армейщины, вовсе не останавливается на диктате закона и права, но зато не проходит мимо диктата антимира и лжи, его осуждая, отстаивает диктат правды и совести, не отрицая при этом ни конспирации, на зазеркалья, ни даже хитрости –

во спасение, утверждение, вообще бытование человека, народа, России, мира в целом!

Ох, как тут всё в людской реальности не просто, сколько в ней алчности и беды, иллюзий и тщеты, бессилия и маеты, сколько безумия, да ладно бы сошедших с ума, а то ведь – вот уж великое открытие странника! – вполне себе в уме – *умного безумия*!, – с которым страннику и поделать ничего нельзя, что как раз убедительно доказал сталинизм своей конечно тщетой и ловко показал горбачевизм-ельцинизм своим сначала шикарным иллюзионизмом, а затем и совершенно бессовестным утилитаризмом.

Умное безумие – вот за какое открытие надо бы давать нобелевку, причём сразу по науке и литературе, да и по самой нобелевке тоже!

А ежели учесть, что среди умных безумцев хватает пара-, квази- и вполне себе заядлых безумцев, то чему вообще удивляться, обозревая в меру и не в меру безумный трепет бытия-истории, особливо научно-технически подкованной!

Осуждает ли странник умных безумцев, как таковых, лишь за то, что они умные безумцы? Нет, конечно, они ни в чём тут не виноваты, ведя невольно свой род от Каина (это ежели по писанию) и бросая свой незаурядный ум вместе с возбуждённым сознанием и укромным бессознанием в бытийно-историческое пекло – вполне и преисподненское! Иное дело их – этих умников – деяния и последствия их деяний: тут уж как придётся – кого приветствовать, кого высудить, а кого и с пьедестала долой (зачем, скажите, известному во всём мире физиологу, нобелевцу, надо было резать собак, чтобы убедиться, что они живые и умные?!).

А вот относит ли себя наш странник к умным безумцам? Безусловно, да! Мало того, ещё и к безумным дуракам себя относит, ибо какой вообще здравомыслящий, да ещё и университетски образованный, человек станет ловить «золотую рыбку» за пределами общепризнанной и вполне здравомыслящей гуманитарной науки, уходя в неопределённое, вовсе не безобидное и крайне рискованное плавание по метафизическим, давно уже наукой осуждённым и приговорённым к забвению, весям, замечая там «золотых рыбок», даже и при случае их ловя, но для чего и для кого, коли разум человеческий, бытующий вокруг в мегаполисах и не только, уже надёжно обыскуствен экономикой, юриспруденцией, бюрократией, наукой, техникой, электричеством с электроникой,

новейшим искусством, склочной литературой, унылой школой, масонским университетом. беспардонными медиа и ни в каких «золотых рыбках» из метафизических «ёмов» не нуждается, мало того, гонит от себя этих безрассудных ловцов «золотых рыбок» вкупе со своей драгоценной добычей взашей, подвергая заслуженному осмеянию, поруганию и... уж кому как из сих безумцев повезёт... а то и, знаете ли... э-э... если повежливее... обнулению.

Да, странник наш не меньший безумец, чем любой... нет, не любознатец и не искатель новизны и приключений, нет... а любой, кого тянет почему-то... к истине, запрятанной в реальности, в данном случае, в гуманитарной, где, разумеется, никакой истины нет и быть не может, что гуманитарный безумец узнаёт позже – как единственную истинную там истину, но – и это самое главное! – он перестаёт быть заблудшим в не свой огород и им, этим огородом, приманутым... э-э... козлом, а, сбросив с себя козлиный образ, сам становится, но уже не огородником, а садовником, взращивая *свой*, пусть никому особенно и не нужный, но зато нужный ему самому, вовсе и не прекрасный, немало и безобразный, но Сад, который, собственно, и оказывается искомой им *Истиной – его* и *её* – реальности – Истиной!

Что же это за истина такая: во-первых, какая-то «неистинная истина», во-вторых, не точечная, а матричная (Сад в целом), в-третьих, никак отчётливо не выраженная (вроде садового духа, что корреспондентно каким-нибудь Лешему с Кикиморой, тому же Домовому, а то и самой нечистой силе, в общем, чего явно нет, но что неявно всё-таки есть (вроде «теории заговора»)?

Да-а, тут уж тоже ничего не поделать, ибо любая гуманитарная истина – *без*-умная, она же и просто *безумная*, – и никакой другой она быть не может, отчего не иметь её надо и можно, а всего лишь трансцендентно полагать – как *Иное*, у которого одно истинное достояние, оно же и достоинство, как раз то, что оно... *иное* – не это и не то, однако в гуманитарных, да и не только в гуманитарных, в естественных тоже, реалиях бытующее, ещё и там вовсю и по-своему работающее.

Чертовщина какая-то, если не просто белиберда, да вот что вокруг не чертовщина и не белиберда, кроме, конечно, Неизвестности, которая, собственно, одна и есть неоспоримая истина?

Истинно всё, что неизвестно, как и известно всё, что не истинно!

Хорошее итожащее сальдо для странника, который знает хорошо, что он *иной* и что сам для себя *неизвестность*, как и хорошо знает, что он, ничего достоверно *не зная*, знает сразу *всё* – как раз из *незнаемого*! Не бывает, конечно, так, да вот случается!

Сон

И приснился удручённому страннику вещий сон, будто он где-то в сложно пересечённом пространстве, заполонутом какими-то подвижными в очертаниях горами с извивающимися среди них лабиринтными ущельями, а где-то за ним, за странником, раздаётся, мощно нарастая, глухой топот казачьей конницы, а горы с их тёмными лабиринтами почему-то раздвигаются, уступая место коннице, а за горами, как раз там, куда устремлена казачья с шашками наголо лава, открывается зарнистый недосягаемый горизонт, а чей-то раскатистый зычный голос говорит откуда-то сверху: «Ну вот и пошло-поехало, наконец-то!».

ПО ПРИХОТИ ИНОГО

Они, сомыслители, один – создатель философии хозяйства, отец софиасофии и автор «Отшельника», он же NN, другой – один из героев сего произведения, даже и его соавторов, как и автор фолианта под названием «Софиасофия», он же NB, наконец-то встретились, невзирая на ещё не утихшую пандемию, разговорились под коньячок и лёгкую закуску.

– Да-а, – заговорил первым после глотка коньяка тот, который соавтор, – задали вы перцу своим «Отшельником». Я прочитал это несравненное произведение дважды, сделал выписки, набросал и свои мысли по ходу чтения. (*Пауза.*) Да-а... это мог сделать только ***отшельник*** (*акцентирует на слове*), да не назвавший себя кокетливо отшельником модный писатель, даже и не всезнающий учёный, а углублённый в себя и в реальность их – себя и реальности – *считчик*, а лучше бы сказать – *открыватель*, если не *вскрыватель* (*акцент на словах*), что реально возможно не так в физическом и даже не в ментальном, а, я бы сказал, *мирозданческом* (*акцент*), даже и в *бездном* (*акцент*) уединении, когда всё видится *иным* (*акцент*), вовсе не таким, как это вокруг принято у образованщиков, да мало что иным, а *совсем иным* (*акцент*)... э-э... не побоюсь заявить... ***новомирозданческим*** (*мощный акцент на слове*). (*Пауза.*) Вы долго к этому шли, NN, создавая свой мировидение, а теперь оно есть не просто как ваша личная познавательно-размышлительная версия, а как *трансцендентный* факт, вполне и *софийный* (*акцентирует на словах*).

(Совместная задумчивая пауза.)

– Я нисколько не преувеличиваю: это уже не новое воззрение на мир, даже не новое открытие мира, а это явление в людском сознании ***иного мира*** (*сильный акцент*), делающее всё ранее сказанное о мире, включая наговоренное о Боге и человеке, не то чтобы неверным, а попросту ненужным, хотя оно и есть, и будет, и просто так не обнулится... ещё будет и будет заслонять собою мир от новочеловеческого его осознания, разумеется, его – этот мир – посильно искажая. А мир-то страшен!

(Новая совместная пауза.)

– Да-а, – продолжил свою речь собеседник, – Бездна, Хаос, Преисподняя, Великая Неизвестность, Иное, Безумие, – куда те-

перь от них, уже и некуда! (*Пауза.*) Как вас замечательно во всё это угораздило, NN! Весь мир, человек, все их формы и образы, все так называемые исторические личности, все их деяния, все события, все происшествия – всё это, как и многое другое, *иное* – ИНОЕ! (*говорит с нажимом*)... и нет уже не то что гуманитарной науки, так ведь и философии уже нет, хоть остаются университеты с их философскими факультетами, профессорами и профессоршами, даже и богословия нет в привычном понимании, хоть и остаются религии как религии, церкви как церкви, храмы как храмы, обряды как обряды... э-э... всё перевернулось в земно-космическом, осознаниенном Богом и человеком доме!

(Автор «Отшельника» молча протягивает свой бокал к бокалу говорившего, собеседники чокаются, выпивают по глотку бодрящего ароматного напитка, закусывают. Теперь заговорил главный виновник ментальной мистерии.)

– Видите ли, NB, трудно не то что напрямую со сказанным вами не согласиться, а... э-э... не признать хотя бы права на существование *принципиально иного* (*акцентирует на словах*) мировоззрения, не прежнего, не «ихнего». (*Пауза*). Как угораздило? (*Пауза.*) Во-первых, шёл к этому, вгрызаясь ментально в реальность, не довольствуясь нажитым человечеством о ней представлением, видя, что в реалии всё не так, не такое, не это, да и сами реалии не очень-то и реальные реалии в привычном понимании, а во-вторых, на этот раз размышлял и писал *для себя* (*акцент*), а не для читателя, вовсе не рассчитывая не то что кого-то в чём-то убедить или, не дай Бог, переубедить, а попросту что-то для себя понять и лишь до единиц вроде вас донести. (*Пауза.*) Вообще, знаете ли, вышел из того порочного круга, в котором сплелось воедино, в один бессмысленный клубок, всё сказанное, знаемое, общепринятое – это – с одной стороны, а также читатель, его мнение, отклик, понимание, убеждение – с другой. (*Пауза.*).

Только «Я» (*акцентирует*) и Реальность (*акцентирует*), причём «Я» аки отшельник, а Реальность тоже аки отшельница, один на один, правда (*усмехается*) – один на одну, что сути не меняет.

– И вы, скажу я вам, одержали победу!

– Над собой, конечно, над собой: дураком образованным перестал быть окончательно и бесповоротно, а это и в самом деле

кое-чего сто́ит! (*Пауза.*) В наших так называемых «народных сказках», а по сути-то в волхво-ведических сказаниях, куда больше смыслов и правды, чем во всём на нас обрушившемся зарубежном, считай, для нас вторичном, знании, причём всё равно каком и откуда явившемся (*Пауза.*) Коренная Россия вся там – в той ещё мудрости – волхво-ведической, хоть и не только – Она «глубжее» и этого, ибо... от Бога!

– О-о, что что, а уж Россия вам удалась!

– Это как раз третье обстоятельство, позволившее мне избавиться от ментально-знаниевых наваждений и набрести на первоисток в аспекте адекватных представлений о мире, поскольку, во-первых, Россия не поддаётся расшифровке бытующим вокруг знанием, а только им заслоняется, это в лучшем случае, или же попросту, уже в худшем варианте, искажается, да так, что не то что от России ничего не остаётся, так ещё и возникает зияющая пустой чернотой смрадная дыра.

– Это уж точно!

– А во-вторых, – продолжает своё речение назвавший себя отшельником, – Россия, как вам уже хорошо известно, *не от мира сего* (*акцентирует*)...

– И ваш «вестник» тоже... тоже ведь *не от мира сего*.

– Да-а, но это всё-таки не главное, главное тут в другом – в погружении в смысловой сингуляр по имени Россия, то бишь не в страну, не в цивилизацию, не в культуру, даже не в народ, а именно в *сингуляр* (*акцент на слове*), в смысловую завязь, в трансцендентную и́значаль, в метасмысловой узел, – и когда, замечу особо, туда погружаешься, в это в общем-то *Ничто* (*акцент*), то всё наносное, закрывающее, затемняющее, ну и, само собой, искажающее, отпадает, как засохшие листья с осеннего древа... э-э... чуть было не выразился покрепче!

– Понимаю вас и отдаю должное вашей прозорливости, явно даденой сверху!

– Да не в том вовсе дело, может, и сверху, кто знает, а попросту *родиной* – РОДИНОЙ! Чуете: отнесись к России как к отцу, к матери, к предкам, в конце концов как к себе, точнее, увидь себя в России, стань Россией, а Россию вбери в себя, причём не ориентируясь на ту же великую русскую, а во многом-то попросту антирусскую, литературу, а ей вопреки, как, собственно, вопреки и якобы русской официальной истории, даже и вопреки так назы-

ваемой русской философии, которая либо отрыжка спекулятивной западной, либо пленница путанного византийства.

– Верно!, – горячо замечает собеседник, – так оно и есть! У нас даже давно потребного россиеведения нет.

– Россия как идея, как концепт, как парадигма в конце концов, даже не подлежит никакому у нас рассмотрению, это только страна, пространство, государство, население, ну ещё неполноценная цивилизация с уродливой, тоже неполноценной, историей, причём почему-то исключительно православная либо попросту многоконфессиональная, как будто весь народ русский, как и любой другой, не от земли с космосом и от самого себя произошёл, а исключительно от привнесённой извне и насильно внедрённой религии. Хоть бы обратили внимание на древность русского языка, который чуть ли не постарше пресловутого санскрита будет!

– Да-а, евро- или тот же византоцентризм, ну ещё с добавкой исламизма с буддизмом да шаманизмом, а истоковой русскости как бы и нет.

– Всё за дураков нас держат!

(Напряжённая пауза, сопровождаемая обращением к благородному напитку, да и то без всякого энтузиазма.)

– Даже Ломоносова за такового держат, а его великолепной истории, посвящённой как раз истокам русского народа, как будто и нет... профессионалы хреновы!

– Да-а... это даже не убожество, а так... уродство какое-то!

– Можно подумать, NB, что дикие племена восточно-славянские вдруг собрались на очередной конгресс и решили Рюрика пригласить собою править, как и занемогший Владимир только и делал, что религию для Руси подходящую выбирал. Враньё, оно и есть враньё!

– Всё тогда шло по той же модели, что и сейчас: предательство верхушки с одной стороны – нашенской, и колонизация нашего бытия другой верхушкой – уже «ихней». Вот и всё!

– Новомодная «эпоха послеправды», попросту «эпоха неправды», вовсе не сегодня родилась: так было всегда, есть сейчас и, увы, будет и дальше...

– До момента Страшного Суда!

– Да-а, совпадающего, надо думать, и со Страшным Концом!

– Причём вовсе не обязательно и с армагеддонным.

– Совсем не обязательно: цифровизация и без Армагеддона сделает своё чёрное дело... даже никакой Гитлер не нужен... всё само гакнется, испарится, исчезнет.

– Как уходит из нынешнего Запада, особливо из старушенции Европы.

– Ну да, из Штатов-то уже утекло, там уже давно не жизнь, а лишь некий скелет от жизни. Прямо из масонского шкафа: Град на Холме построен, однако вдруг в скелет превратился, ещё и в призрачный. США, как и весь Запад – *Призрак* (*акцент на слове*), большой такой ПРИЗРАК! Сам был там, видел, знаю. У Европы ещё были шансы за счёт Традиции и Культуры свернуть с пути на земно-космический погост, но увы... сама себя и усердно похищает, тоже превращаясь в Призрак.

– Призрак Запада бродит по планете и порхает в космосе...

– Уже, пожалуй, не так бродит, как попросту торчит!

– Но опасно торчит!

– Это уж точно. (*Пауза*). Отчего и война с Россией, хоть и заболевшей очередной раз Западом, но запытавшейся выздороветь.

– Под воздействием Иного, надо полагать.

– Разумеется! Бес западный Россию очередной раз попутал, а София через Иное Россию выручает!

–Давайте по глоточку за Софию, за Иное, за Россию!

– Почему нет, добрая мысль!

(Соприкоснувшись бокалами, отпивают по глотку бодрящего напитка. Что-то жуют. Молчат.)

– Вот и опять, как говорится, двадцать пять! – прерывает молчание NB, – опять война Запада с Россией, хоть и гибридная, да вот не без войсковых операций, причём вполне себе и горячих.

(Тяжкая пауза.)

– В том-то и дело, что мир вроде бы меняется, становясь внешне другим, а вот внутри-то он всё такой же: как был натиск Запада на Восток с Россией в авангарде сему натиску сопротивления, так и остаётся, хоть и Запад вроде бы другой, и Восток другой, а вот направление всё то же. (*Пауза.*) И обратите внимание: христианский, пусть уже давно и псевдо-христианский, даже и постхристанский, Запад прёт и прёт на Восток, по большей части как раз нехристианский, а ежели и внешне христианский, как та же

Россия, то всё-таки другой христианский, а для Запада всё равно преступно восточный.

– Э-э... иное на иное, так выходит.

– Да-а, так, именно так, только одно иное непосредственно от этого мира, а другое иное – от мира иного...

– И этим двум иным мирам никогда не сойтись меж собой ни в этом мире, ни в каком-то третьем ином.

– Выходит, что так!

– Тогда понятно: и инаковские миры, и вековечная война меж ними – ***война миров*** (*акцентирует на словах*).

(Тягомотненькая пауза.)

– Выходит, *кто кого* (*акцент на словах*)!

(Повисшее безмолвие.)

– Выходит, – произносит в конце концов отшельник, – что так!..

– Но победа любого из миров ведь не решит *Великой экзистенциальной проблемы человечества* (*акцент на словах*)?!

– Нет, не решит!..

– И дальше опять нескончаемое сражение.

– Опять... если, конечно, будет кому и за что сражаться.

– И тогда вопрос: что же есть человек, зачем он, чем закончит?

(Новая тягомотная пауза.)

– Кто ж *это* (*акцент на слове*) на Земле, да и в ближайшем Космосе, знает – ***никто*** (*сильный акцент на слове*)!

– И Господь не знает.

– Может, и знает, хотя и не факт, как и не факт, что всё творимое человеком входит в Его первозамысел о человеке... Хотя... а, может, и что-то этакое всё-таки туда входит... одно можно сказать, что сейчас, видно, кульминация: проект либо завершается согласно самому проекту, либо проект сам себя исчерпывает... так что драка меж зе́мными мирами идёт и будет идти.

– Но не ради светлого будущего, а ради приемлемого конца, пусть и оттянутого во времени... а *время-то заканчивается* (*акцентирует на словах*), причём не как долгота, а как... э-э... феномен мироздания... для человечества, разумеется.

– Человечеству уготована почётная вечность.

– Что-то вроде того. Однако в каких координатах, не в двумерных ли?

– Жуть!

– А что, разве разговоры про Страшный Суд идут просто так, что ли?

– Да-а, помните, NN, как вы ясномысленно высказались о явлении Христа и Его конце в муках на кресте как о покаянии Бога перед своим неудачным творением – человеком, с целью его просветления и исправления, а уж Страшный Суд будет не просто страшным, как раз с помещением человека в двумерное заключение – самое страшное из страшных тюремного образца наказаний.

– Немного осталось, ибо из человека стремительно выветривается всё божественное, софийное, собственно человеческое, человек сам стремительно превращается в двумерное ничто, творя сам над собой Страшный Суд, не дожидаясь Второго пришествия Христа – уже в образе Страшного Судии, а не незадачливого проповедника общечеловеческой любви!

– И шанса, похоже, нет.

– Какого и для кого? Ежели для человека, то пока ещё есть, но для этого потребно *преображение* – ПРЕОБРАЖЕНИЕ! (*акцентирует на слове*), да вот кто на это пойдёт, да и какое, собственно, преображение – в кого или во что?

– Значит, выхода нет?

– Кто ж из смертных, да и бессмертных тоже, знает, есть он или нет, опять же для кого и куда: вокруг ведь Великая Неизвестность со своим назойливым Иным. Ежели спасутся, то немногие, однако кто же?

(Колкая пауза.)

– А что Россия, она же неотмирна?

(Затяжное молчание.)

– На большую перспективу, – прервал молчание отшельник, – тут нечего сказать, а вот на малую... э-э... России надо выбираться к самой себе, отрицая и подавляя охватывающий её и весь земный мир *апокалиптический антимир* (*акцент на словах*), так что впереди если не преображение России во что-то невозможное, а хотя бы её *преобразование в саму себя* (*акцент*). (*Пауза.*) Да, это так, ничего другого не остаётся, причём ничего для России не выдумывая, просто раскрепостив её как идею, концепт, проект, что хоть никому и неизвестно, но что, однако, есть и ждёт своего часа.

– И софиасофия с философией – точнее, метасофией, – хозяйства тут как тут...

– Пожалуй, только аки ноосферный феномен, не более того! Это ведь осознанно никак не воспримут, хоть и невольно действовать в этом направлении в общем-то могут, даже и будут, ибо иного пути попросту нет: или Россия с жизнью, или погибель без погоста!

– (*Удивлённо.*) Что это значит: без погоста?

– А то и значит, что без всякого следа в Мироздании... э-э... разумеется, вместе со всем окончательно обезумевшим человечеством.

(Острая пауза.)

– А Восток с Китаем во главе?

– Э-э... а что такое Китай без России, ответьте мне?

– Неожиданная постановка, тут надо подумать! – Китай хорош, но он... э-э... *неживой* (*акцент на слове*). Тот же Запад с Европой и США, может, и наглец, но он... ещё *живой* (*акцент на слове*), с ним даже договориться можно, пусть и ненадолго, а с Китаем, знаете ли, не договоришься, ибо он... *Китай* – КИТАЙ! (*акцент на слове*), сам по себе, уж никак не для других, как та же Россия или даже, пусть и корыстно, тот же Запад. (*Пауза.*) Западу мир земный нужен хотя бы ради его эксплуатации и развития, пусть и развития для самого, в первую очередь, Запада, кстати очень рискового для Запада и мира развития, а Россия нужна земному миру ради хотя бы окорота и коррекции Запада, а потому и самосохранения мира и себя, а Китай... э-э... разве лишь для того мир Китаю нужен, чтобы окончательно дожрать его и незаметно для себя из мироздания исчезнуть.

(Напряжённая пауза.)

– Россия или земный мир, так выходит?

– Примерно так!

– Отсюда, выходит, и нынешняя война Запада с Россией на Украине – чуть ли не для расчистки планеты для Китая. Не парадоксально ли?

– Парадоксально, конечно, но лишь на первоповерхностный взгляд, а вот ежели подумать, то... для отрезвления, а лучше сказать – выздоровления России и, как я уже сказал, для окорота Запада, его ненаигранного безумства, ну и для недопущения к земной кормушке того же Китая, о чём пока меньше всего думают.

(Разящая пауза.)

– А ведь так и есть! Всё мировое на Украине и решается!

– *Смысло-стратегическое*, конечно, – утвердительно проговаривает отшельник, – но можно сказать, что *земно-космо-экзистенциальное* (*акцентирует на словах*), это уже давно ожидаемый прорыв – как раз в новое *смысло-концептуальное пространство* (*акцент на словах*).

– Евроцентрическая парадигма ёкнулась.

– Да, только это не значит, что на смену приходит наша с вами парадигма, хотя сказать, что она не имеет шанса в конце концов прийти, пусть и в ином – обывательском – облике, мы тоже не можем.

– По-моему, всё к тому идёт!

– Не исключено, но, сами видите, через кровь, через кровь... о-о... как безумен человек, правда, *этот* человек – *передовой* (*акцент на словах*), а китайское холодное благоразумие как раз очень тут кстати.

– Чтоб нам не заиграться!

– Да, чтобы не потерять насовсем голову.

(Острая пауза.)

– А есть ли они эти головы, себя не теряющие?

– Вы это хорошо знаете, NB: как ни странно, но зато вполне логично есть, особливо среди военных, да-да, среди военных, не утративших, как говаривают злые языки, «казарменного»-де, а на самом-то деле вполне себе *экзистенциально-проективного* (*акцент на словах*) благоразумия. (*Пауза.*) Они-то всё и решат: без тотальной войны, без плутократии и без фашизма, хотя и небездиктатурно. (*Пауза.*) Вы сами об этом писали – о диктатуре армейского образца!

– Да-а, я хорошо запомнил вашего – именно вашего, а не булгаковского, Афрания, не из «Мастера и Маргариты», а из вашего «Реквиема»! Да-а, снова приходит время военных, но действующих уже не столько на поле боя, сколько на зе́мном поле вообще – вовсе не ради смерти, а как раз ради жизни!

(Глубокомысленная пауза.)

– Верно, так оно и есть: или военные спасут планету и спасут не войной, а миром, причём миром *ответственным* (*акцент на слове*), либо политиканы-комики доведут земный мир до полной катастрофы. (*Пауза.*) Меня армейство не страшит и даже

не смущает: сами армейцы уже больше технократы и сами себе управленцы, вполне и высококлассные, чем попросту «вояки», это, во-первых, а во-вторых, они очень хорошо, в отличие от гражданских гуманитариев, воспринимают близкие нам с вами мировоззренческие, включая и эсхатологические, посылы. Военные вообще куда как открытее и понятливее для *иномирья* (*акцент на слове*), чем невоенные. Проверено (*улыбается*), мин нет!

– Согласен с вами, NN, и предлагаю по глоточку за армейцев, разумеется, современного образца, за их неискусственный разум!

– Хоп!

(Соприкасаются бокалами, выпивают по глотку оставшегося в бокалах ароматного напитка.)

– Хорошо посидели, всласть и поговорили, кое до чего, кажись, и договорились!

– Да уж!

– Мир земный трещит, NB, как весенний лёд, а теперь вот через посредство Украины вовсю и ломается...

– А Россия взрывает ледяные заторы?

– Так точно, товарищ! А после ледохода мир, как и полая вода, станет *иным* (*акцентирует на слове*). Во всяком случае, уже не американским, как и, будем надеяться, ещё и не китайским.

– Как и, слава Богу, не российским, а просто *иным*! Да сбудется!

СПЛОШНЫЕ ИЗМЫШЛИЗМЫ

29.12.2021

1. «Всё суета сует!» – верно сказано, и никакой технотронный мозг этого не только не одолеет, а, наоборот, ещё более засуетит, спотыкаясь о самого себя. Суета – экзистенциальная великая данность, без которой жизнь ведь и не жизнь, а всего лишь сначала нежизнь (прозябание), а потом и ещё проще – сама и смерть! А суета, которая даёт жизни жизнь, как раз и есть чудотворная живая нежизнь, а то и смерть, всего лишь принимаемые за обычную живую жизнь. Вот и живи, чек, каждый миг умирая, а непрерывно умирая – живи!

2. «Стиши» я начал писать в Париже, в 33 года, от великой, при этом и насыщенной деяниями, эмоциями и переживаниями, личной свободы, которая стала вдруг доступной в роли, пусть и не именитого, но гостя Парижа, Парижем принимаемого и окормляемого. Хороши были или плохи мои стиши, не так уж было важно, но зато когда мне стало на родине всамделишно худо от непризнания моих творческих порывов, аккурат в сорокалетнем возрасте, и безысходного карьерного тупика, в который меня тогда загнали, мои стиши, которые я вдруг решил однажды перечитать, буквально меня спасли... нет, не от петли, конечно, а вот от уныния – точно, как и сейчас, уже на склоне лет, когда всё мною для себя и для мира сказано, да ещё как сказано!, меня выручают, правда, уже не от уныния, а от старостной унылости, мои чу́дные тексты – причём на любой наобум открытой странице... бац!... и получаешь пригожий ответ – вот она – магия *Слова Своего*!

3. С эпохораздельного для страны, называвшейся СССР и ныне называемой Российской Федерацией, как и для ряда других осколочных от СССР «независимых стран», незабвенного 1991 г. вдруг стало ясно, что значило было жить в *соседстве* с бездной, адом, преисподней, бытовавших внутри социализма, но всё-таки с примерным людством внутри него, среди людей, и что зазначило жить, а по сути-то уже и не жить, а так – переживать, а то и просто «нежить», *внутри* бездны, ада, преисподней, ещё и с нелюдством и среди нелюдей в приоритете. Две тут больше разницы: жизнь в небезуспешной борьбе с нежитью и жизнь аки нежизнь под нежитью, лишь ей небезнадёжно, быть может, но явно беспобедно, сопротивляясь!

4. Славные и бесподобные (*бесу*-подобные), они же революционные, вольные, хаосные, лихие, пакостные, гадкие 1990-е, оказались годами, сотрясшими до глубины моральное, гражданское и онаученное сознание, как и годами примечательных открытий: стало ясно вдруг, что не только бездна, ад, преисподняя прямо здесь, на Земле, среди людей, в социуме, в цивилизации, что они – эти бездна, ад, преисподняя – не просто всегда вместе с человеком, социумом, цивилизацией, с той же церковью, так ещё они могут вдруг возвыситься, объяв собою человека, социум, цивилизацию, ту же церковь, да так объяв, что сама жизнь, тесно сомкнувшись с погибелью, смертью и небытием, перестаёт быть собственно жизнью, а переходит в разряд нежизни, а приоритетный субъект сей нежизни, её актор, оказывается не человеком вовсе, а каким-то иным существом, лишь носящим внешне человеческий образ – этаким ***ино****существом*!

5. Однако самое поразительное открытие состояло благодаря 1990-м гг. в том, что человек *от роду своего* вовсе не то существо, за которое стал себя успешно выдавать посредством мифологии, философии и религий, а в особенности в век просвещения, гуманизма и атеизма, а весьма, если не совсем, *иное существо*: животное, звериное, бесовское, хоть и самим же собою окультуренное, обыскусственное, очеловеченное, да вот очеловеченное не до конца, не на всю глубину, не вполне – как засели в тайниках людских душ бездна, ад и преисподняя, так там и сидят, а при случае, которого они – бездна, ад, преисподняя – не только терпеливо поджидают, но и неустанно нагнетают (вроде войн, набегов, нашествий, агрессий, революций, бунтов, восстаний, воровства, разбоя, но и хамства, ссор, скандалов, споров, стычек, драк и т. п. вещей и вестей), эти бездна, ад и преисподняя вдруг поднимаются, расширяются, растут, захватывая витально-экзистенциальное пространство, главенствуют, переводя бытие в небытие, лишая всё позитивное человеческое шанса быть и выводя наперёд аномальную небыть!

6. Да... бездна, ад, преисподняя – всё это в мироздании, в природе, на Земле, но ещё и в человеке, в его сознании-бессознании, в разуме-безумии, в ноосфере-инферносфере, в текущих состояниях и вершащихся поведениях человекообразных существ – и это бесспорный факт! Иллюзия о человеке и человечестве как носителях божественного, софийного, сакрального начал безнадёжно

рухнула, а штилевое денежно-материальное благополучие суперновейшего разряда лишь закрыло дорогу к возврату сей лженамеренной иллюзии: неблагополучный человек (как и страна, народ) бывает страшен, но нет ничего омерзительнее благополучного или неистово стремящегося к благополучию человекообраза, народобраза, странобраза!

7. Данте писал об аде как о каком-то внешнем относительно зе́много человеческого мира заведении – вроде приюта для сумасшедших или тюрьмы для арестантов, куда Данте старательно отправлял по адовским округам разного рода грешников, почитая почему-то свой тяжкий судейно-инквизиторский удел за «божественную комедию» (не без, видно, веских на то оснований), однако ад не где-то там за пределами земно-человеческого мира, на каком-нибудь спутнике Марса или Сатурна, а здесь, на Земле, посреди мира человеческого, и находятся в этом аду вовсе не так великие грешники, того заслуживающие, а и самые что ни на есть позитивные особи, а ежели «по чесноку», то великие грешники по преимуществу не в аду, который они сами устраивают и которым управляют, да и какими-то там грешниками себя вовсе не считая, как и не получая по обыкновению за свою адовскую миссию причитающегося им возмездия, а вот настоящие люди, пусть и не без грехов, как раз в земно-ми́ровом аду и бытуют, ибо ад устраивается на Земле и в человеческом мире аккурат для них, а не для дантовского пошиба великих грешников. Коли ты позитивный и настоящий, борись с адским миром и самим собой, тоже ведь адским, зарабатывая себе вовсе не на рай, который как раз где-то там, а не более чем на райский погост!

8. Что ни говори, а вокруг всё *иное*, вовсе не такое, кем, чем и как людям кажется. ***Иное!*** Реальность – не более чем реальная кажимость! Вокруг лишь бескрайнее владение *Великой Неизвестности* и полный тайны заповедник *Иного*, а это Иное – не более чем *иное*, – вот и всё! Вроде бы приличный напогляд человек, а на самом-то деле – бес (бесовек), как и наоборот – будто бы бес, а на поверку чуть ли не приличный человек. *Who* тут *is who?* Чтобы разглядеть в человеке беса, иной раз мгновения достаёт, а вот чтобы в человеке разглядеть просто достойного человека и целой жизни частенько не хватает. А потому кругом по преимуществу «как бы» да «как бы»: «как бы человек» и «как бы бес», а кто и что на самом деле – кто ж это знает? Тогда что же выходит:

не знать, не думать, не гадать? Совсем нет: и думать, и гадать, хоть при этом и не знать, зато можно догадываться и... ошибаться, но не без того, чтобы кое-что всё-таки и знать (Бог, как известно, шельму метит, как и не шельму тоже – лишь по-другому).

9. Почему ныне развелось так много (легионы!) всякого рода знатоков, экспертов, консультантов, советчиков, гадалок, знахарей ну и, само собой, пророков? А всё потому, что все они, кроме разве удачливых гадалок, ничего о реальности достоверно не зная и ни за что из ими проговариваемого головой своей не отвечая, несут всё, что им угодно, ибо реальность одновременно и такая, и этакая, и разэтакая, а главное – всегда *иная*, отчего и нести о ней можно всё, что ни попадя, – всё равно будет не так, как сказано, а иной раз вдруг и так, отчего тогда и гешефт! Попробуй-ка, разоблачи таких вот говорунов, не попав под суд за клевету и не получив тебе вдруг запричитавшегося, ибо там – в судах– такие же! А потому мы уж без имён, без адресатов, ну и, само собой, без разоблачений!

10. Гуманитарная реальность вроде бы вокруг есть, но её как будто и нет, поскольку она – реальность – *ина*, да так *ина*, что не раз, не два и не три *ина*, а бесконечно ина – ***и́ноина́!***, отчего вокруг пресловутое зазеркалье со своей «теорией заговора» не за реальностью, не вне реальности, а прямо в ней самой: реальность как раз и есть ***зазеркалье***!

11. Гуманитарная реальность – игра *Иного* под началом, опекой и приглядом *Великого Неизвестного*, отчего ни схватить сию реальность за ейный вертлявый хвост, ни усадить в догматическую клеть, ни покорить её раз и навсегда,– с реальностью можно только *играть*: операционально-фактологически, ментально-рассужденчески, безумно-откровенчески, причём не рассчитывая на прочный и долгий выигрыш: за мимолётным и нестойким, как правило, выигрышем непременно стоит или же назойливо следует неминуемый проигрыш. Интересно всё это, занятно, даже забавно, но при этом и весьма рискованно, да так, что и костей иной раз не соберёшь, не то что мыслей, суждений, оценок, картинок. Всякий взявшийся за истинное-де познание гуманитарной реальности – дурак, простак и безумец!

12. Что есть истина? Да всё, что угодно: обывателю, эксперту, правителю, суду, церкви, лишь бы работало, принося удовлетворение, пользу, вред или даже ничего не принося, кроме видимости и суеты, что, надо заметить, всего более и истинно!

13. Вот говорят, что революции делаются *бесами* (это по Достоевскому) и правильно говорят, да вот не только бесами, да и по большей части не бесами вовсе, даже и не безумцами всех мастей, хоть и не без этого, а совершенно, знаете ли, благонамеренными, вполне и позитивными людьми: правителями, сановниками, жандармами, генералами, не говоря уж о философах, поэтах, писателях, театральщиках, журналюгах, бардах, скоморохах и любых иных гражданах, да вот мало кто из них готовит и творит революцию осознанно, по большей же части совсем и нет, однако есть категория вполне сознательных революционеров, вовсе не обязательно и бесов с безумцами, хоть и не без кое-какого бесовского безумства, – речь тут о тех представителях рода человеческого, которых обычно называют если не *праведниками*, то уж правдолюбцами, борцами за справедливость, пусть никому толком и неизвестную, а также речь идёт о тех персонажах, которых можно обобщённо называть *бастардами*, разумеется, социальными, а не по рождению, хоть и не без этого тоже, как раз тех, кто *не имеет*, но претендует на то, чтобы *иметь*, а именно – свободу, возможности, положение, авторитет, власть, деньги, богатство, которых отличают помимо амбиций и агрессивности, эгоцентрической страстности, так же и незаурядный ум, нестандартная изобретательность, заметная творческая жилка, немалая хитрость и рисковость, которых не сильно гложет совесть и не сильно пугает страх, в общем – не просто куда-то и к чему-то слепо стремящихся, а осознанно и расчётливо желающих того, что не даёт им существующее социальное устроение, которое следует либо радикально изменить, либо под корень вырубить и насадить на его месте что-то совсем уж другое, как раз им – бастардам – потребное. Из этих вот бастардов и выходят главные революционеры – главари революций!

14. Революции подталкиваются и делаются агентурой из-за рубежа с участием своих (отечественных) ставленников иных стран и сил, секретных служб, генштабов, в революциях участвуют в момент их разгара массы населения из недовольных существующим строем бытия, им – этим строем – униженные и оскорблённые, как и не проходит мимо революционных безумий разнообразный уголовный, включая и бандитский, элемент, однако самым главным, менее всего замечаемым и понимаемым свойством революций является то обстоятельство, что революции во многом,

если не в решающей степени, вызревают, вспыхивают и катятся по своей дорожке... *сами по себе*, оказываясь по сути и в целом *самими-себе-революциями*.

15. Тут виновато прежде всего бытующее подспудно в глубинах реальности *Иное*, которое, не давая покоя никакой, даже и самой напогляд устойчивой реальности, всё время заряжено на *иное*, не на то, что есть, а что будет, а что будет-то само это Иное не знает... и знать не должно, ибо это прерогатива самой реальности, которая и решает, что будет и не будет никогда, и что интересно в случае с революциями: да, они совершаются – невероятно и внезапно, – имеют какие-то свои ближние цели и решая текущие задачи, но никогда не достигают того, ради чего они на перспективу затеваются и происходят. Сначала вырыв свободы, стихии, хаоса и безобразия, а затем неизбежный тупик, из которого ищет выхода если не прямо *контрреволюция*, то уж *антиреволюция* – точно! И тут виновато оно – Иное, которое не может ничем удовольствоваться и всё время тянет к переменам, побуждая в итоге сначала к революции, а затем к её преодолению, однако уже в ином – не в прошлом дореволюционном и не в собственно революционном варианте бытия, а как раз в постреволюционном, не исключено, что и в худшем, чем то было до революции.

16. *Парадоксы революции!* Сначала вдруг случается, чтобы под приемлемо-прельстительным лозунгом (даже и программкой, даже и поддержанной какой-нибудь «вечно живой» теорией) перевернуть ситуацию, захватить власть, разрушить бытующее, перетрясти «людской материал», двинуться вперёд по намеченной или желаемой дорожке, чтобы убедившись в несостоятельности движения по той дорожке, лишь заведшей в тупик, выйти затем, изрядно передравшись, поуничтожившись, вновь окропившись кровью, приступить к воссозданию жизнеспособного бытия, зачерпывая что-то из прошлого, вводя что-то новое, а в итоге получив ни то, ни другое, даже и не третье, а... *иное*, – вот тогда-то и достигает революция реальной цели, да вот не своей заповедной, а совсем иной, которую уже достигает не революция, а сама текущая бытийно-историческая реальность, пусть и достигает прерывно, колебательно, вариативно, импульсивно, даже и конвульсивно.

17. *Парадоксы революции!* Но не только: тут и парадоксы самого Бытия-Истории, и существа под шифром «ЧЕЛОВЕК», и даже самого Мироздания, в общем – парадоксы тут от самого

Его Величества Парадокса, а потому и *сами-себе-парадоксы*, которые вольготно бытуют посреди бесконечной и безраздельной Неизвестности!

18. *Сами-себе-революции*, как и, заметим, *сами-себе-войны*, вообще много ещё чего, что происходит в бытии-истории при участии людей, по их вроде бы желанию и под их водительством, да вот происходит мало что не так, не совсем так, а то и вовсе не так, но происходит, что в общем-то нетрудно заметить, как-то *само собой*, но это не всё – происходит вообще не столько по воли (волям) людей, как по воле *самого Бытия-Истории*, но и это не всё – по воле и какой-то совершенно *неведомой силы*, прямо восходящей к неизвестности – как раз *Великой Неизвестности*! Так было раньше, так есть и сейчас!

Аки эпидемии: *сами* возникают, *сами* идут, *сами* исчезают, хотя всё это и не без участия людей и не без влияния каких-то известных людям обстоятельств.

19. Это-то «САМО», как раз *са́мо* и *само́* – важнейший момент-принцип бытия-истории, да не только земно-человеческого, но и космо-мирозданческого, а всё почему? – да потому что иначе и быть не может! Ну и ответ! Да-да, именно такой ответ, в котором или через который всё и сказано: работают энергии-информации, бродят по пространству-времени, сходятся, расходятся, сталкиваются, накапливаются, образуют в бытийно-исторической или той же космо-мирозданческой ткани узлы, холмы, горы, впадины, воронки, дыры, где-то вдруг взрываются – как раз войнами и революциями, что означает, что эти последние есть не что иное, как те или иные *состояния* всего сразу *сущего* вперемешку со всем сразу *несущим* (не существующим-де, но примыкающим ко всему существующему, участвующим в нём, а иной раз и определяющим).

20. Вот поди-ка и пойми, что в реалиях реально есть, почему есть, отчего *само́* есть, а человек – что человек?! – он всего лишь в потоке всего сущего, хоть и сам он сущий, и влияет на внешний сущий поток, им даже до некоторых пределов и пор управляет, да вот и сам он сим «сущим» потоком управляется, отчего те же революции и войны хоть и готовятся, и разжигаются, и ведутся человеком, да вот на основе, по интенциям и в пределах этого самодвижущегося всеобщего сущего, а у кого тут бывает приоритет – у всеобщего сущего или особенного человеческого – решается всеми сразу конкретно в каждом конкретном случае.

21. *Сущее* – хорошо сказано, ибо это не только всё существующее, но, скажем нейтрально, и *экзистенциирующее*, то бишь о себе конкретном как-то заботящееся: сохраняясь, изменяясь, передвигаясь, приспосабливаясь, отступая, наступая, дробясь, соединяясь в целое, то бишь вообще-то говоря по-нашему... *хозяйствуя* – вплоть до угасания и исчезновения, уже в другом, – подобном или нет – сущем.

22. Хорошо сказать, что всё сущее есть *энергия-информация*, да вот не всё при этом сказать, причём не сказать главного, как раз того, что всё сущее ещё и... *ум* – УМ!, – да-да, именно так: УМ! Нет, конечно, не Божий и не человеческий ум, у каждого сущего, заметим особо, свой ум, свой аттрактор (замысел), своя бытийная программа, ну и свой механизм себя поддержания (гомеостаз), включая и механизм сущему перемен (строенческой, качественной, поведенческой динамики).

23. Об уме камня, понятное дело, говорить как бы неумно, а вот о тех же горах вполне уже допустимо, не говоря уже о живой природе, да ещё и не вегетативной, а анимальной: кто откажет в уме ладно бы волкам, собакам и лошадям, ладно бы уж воронам, гусям и воробьям, даже и пчёлам а то ведь и тараканам с мухами не откажешь. Ум, он и есть УМ, куда от него? Что, разве болота, реки, моря не *ум*ные, а сама планета Земля, а Солнце с Луной, а весь Космос, а всё Мироздание? Да, можно запретить говорить об уме (умах) всего сущего, но разве от этого оно перестанет быть *ум*-ным?

24. Лучше всего говорить о человеке: чего-чего, а ум у него есть, да вот каков он – сам-то человек – в аспекте реализации своего ума: умный или не очень, а то вдруг и попросту... безумный?! Не будем говорить об уме-безумии какого-нибудь вулкана или того же слона, как, впрочем, и самой Земли-матушки вкупе с угнездившейся на ней Природой, а лучше уж о человеке: не то «венце творения», не то «венце природы», не то «сыне Божием», не то... э-э... «продукте Мироздания», в общем – владельце и носителе *ума*, хотя никто из умных сам по себе ум никогда не видел и что это такое на самом деле нисколько не знает, а всё потому, что это – *ничто*, лишь кажущееся нечтом, или же нечто, исходящее из *ничта* – это уж кому как нравится.

25. Однако УМ в понимании человека это как раз то, что... *решает*, прибегая к *разуму* и не избегая *безумия*. Сойдёмся на этом,

хотя опять... ничего досконально не знаем, несмотря на наличие *сознания*, то бишь отвлечённого ото всего сущего обо всём сущем сущего знания, выраженного в абстрактных смысловых символах – словах и речи, цифрах и числах, однако непременно сочетающегося с *бессознанием* (прерыванием сознания, его временным отсутствием).

26. Если учесть, что не только человек, как особь, как индивид, как субъект имеет УМ, но и человечество как целое (неважно какого размера и конкретной выраженности – семьи, рода, общины, общества, всего зе́много населения), то бытие-история мало что тоже располагает своим УМ'ом, но и тоже им вовсю пользуется, принимая решения, будучи как раз аналогом того, что принято в науке принимать за так называемые стихийно-объективные процессы, и хотя это по видимости так и есть, но что при этом вовсе не исключает возможности трактовать это как именно решения, пусть вроде бы и не субъектные, да что из того?

27. *Войны* и *революции* – вполне себе сущие, а потому и *умственные,* события, со своим умом, своим разумом и своим же безумием, ну пусть квазиумом и квазиразумом, но зато уж безумием, так уж безумием, без всякого «квази», как и теми же квазисознанием и вполне себе уже не «квази» бессознанием. Что, разве не так? А приглядись гражданин, господин, товарищ, повнимательнее к такого рода событиям и вдруг увидишь, точнее, незримо обнаружишь... э-э... УМ, да-да, тот самый УМ, который повсюду, а ещё, уже и не вдруг, осознаешь, что в этих событиях и умах участвуют и другие умы, да мало что человеческие, что понятно (вояки, боевики, революционеры, герои, мыслители, художники, репортёры, проходимцы, мошенники, спекулянты, ворюги, бандиты, беспризорные... надо ли продолжать?), а то ведь ещё и такие таинственные умы, они же и квазиумы, они же и неумы, как ум-неум Бытия-Истории при соучастии «ума» Иного и даже «ума» Великой Неизвестности тоже (о Боге Творце с Его Софией мы уж тут лучше помолчим, как, собственно, и о сатане, дьяволе, шайтане, – с нас вполне хватает и выше, до скобок, упомянутого).

28. Какой же из умов («умов», неумов) более всего решает быть или не быть войне или революции, какими им быть, к чему привести? Вроде бы тут всё решает ум человеческий, без которого как будто бы ничего не обходится: ни начала события, ни его хода, ни его завершения, ни даже от него последствий, хотя тут –

в последствиях – куда как в меньшей степени, чем во всём предыдущем, – да, это всё так, но, по размышлении, и не совсем так, а то и вовсе не так, что тоже ведь бывает. Говорят же, по тому же Чижевскому, что волнения, бунты, революции и войны зависят-де от активности Солнца, а у астрологов от положения и межсоотношений планет, от движения и пролётов комет, от взрывов в Космосе, хоть дело тут вовсе не в этом или не так уж в этом, однако говорят, ибо чувствуют, что дело тут не в одних человеческих головах, а кое в чём ещё, что как раз за пределами человеческих голов, а ежели что и в пределах, то не слишком носителями голов осознаваемо. А всё почему? Да из-за включённости ума человеческого в другие умы, вовсе не или не такие уж человеческие: Бытия-Истории, Иного, Великой Неизвестности, отчего и вопросная неизвестность, почти что и безответная: «Какой же из умов («умов», неумов) более всего и решает в войно-революционных событиях?».

29. Чтобы не запутаться, ответим так: «Все тут решают, и каждый по своей мере, а вот кто по какой мере, так кто ж из смертных это знает?». Ясно, что та же Великая российская революция 1917 г. с мощным антироссийским (дважды прозападным: сначала либерально-буржуазным, а затем диктатуро-... э-э... вовсе и не пролетарским, а так... якобы, мирово-социалистическим) мотивом готовилась долго, даже и предпринималась в 1905 г., а случилась она внезапно после знаменитого демарша генералов, отказавших действовавшему царю в доверии и желавших всего лишь перехода престола к его брату – боевому комдиву, а всё пошло не так, брат от престола отказался, в дело вошли тогдашние политики-думцы, принявшие на себя власть, ну а дальше пошло-поехало, когда революция сама стала за себя думать, доведя дело до оголтелых большевиков, их переворота, а потом и всего остального – ужасного и неостановимого, включая конфискации, экспроприации, террор, братоубийственную – а вовсе и не какую-то там «гражданскую» – войну!

30. Да, Великая российская революция долго готовилась, аж с рубежа XVIII–XIX вв., и готовилась не только «людями», но и самим Бытием-Историей (не только собственно российскими, а и той же Европой с её Просвещением, Великой французской революцией, Наполеоном Бонапартом, капитализмом и промышленной революцией, плутократическим либерализмом в сочетании с колониальным империализмом тоже; готовилась сия революция

и Иным, то глухо, то громко призывавшим Российскую Империю, родившуюся от Петра I, к фундаментальным переменам, на которые она хоть и пошла, да вот непоследовательно, не вполне, лишь разжигая уже давно тлевшую в стране и поджидавшую сполоха революционную страсть; сию революцию поджидала и Великая Неизвестность, как раз и шандарахнувшая вдруг генеральской дланью по несчастному престолодержателю, от которого тогда отпрянула вся или почти вся, ну пусть лишь многая, Россия: всякая власть ведь ради постоянного управленческого дела, своевременных и нужных перемен, а не ради просто власти, её удержания, а ежели чего-то такого нет или просто не хватает, то приходит она – революция, причём приходит при всём её всеми ожидании для всех же внезапно, а главное – в самом невероятном образе и исполнении, а ещё круче – в невообразимом *безобразии*!

31. Поначалу в революции участвуют помимо заранее заточенных на неё профессиональных революционеров – бесов, бастардов и правдолюбцев, по большей части «честняки» и наивняки, пусть даже и малость бесноватые и немало на тот момент обезу́мленные, вовсе и не все непременно лично обездоленные, но по мере развёртывания рокового события, как обычно, весьма неоднозначного, в него втягиваются массами все чем-либо недовольные – устройством ли жизни, правящим ли режимом, реализующейся ли у каждого экзистенцией, как и приходит туда же и уголовно-деклассированный элемент, а в итоге плодами революции пользуются... а кто в самом деле пользуется плодами революции?.. нет, вовсе не только и не столько отпетые негодяи, сколько публика особого – очень даже деловитого, так сказать – рода, вовсе не обязательно, повторяем, и негодяйского, а умеющего как рыбку в мутной воде словить, так и синичку в туманной атмосфере поймать, не говоря уже о крупных рыбинах и ширококрылых журавлях. О совести и её угрызениях тут особо не помышляют, как и не сильно стенают по жертвам пертурбационных процессов, хоть потом и вирши слагают пламенные о благородстве, мужестве и бескорыстии что сгинувших революционеров, что революционных бенефициаров, и песни бодрые о революции и её героях и жертвах хорами распевают. Всякие особи и особы оказываются в составе конечных победителей по итогам революции, разные – по всей гуманитарно-экзистентной шкале, но в чём им не откажешь, так это в деловой хватке, ловкости и упорстве, ну и, само

собой, в нюхе, что похлеще и собачьего, будет: пройти через горнило революции, в ней вовсю участвуя, уцелеть, да ещё и победить – не хухры-мухры, прямо скажем!

32. Всё так тогда и было, начиная с 1917 г. и длясь, как минимум, до... э-э... чуть ли не до энского года: добрая революция ведь не сводится к государственному перевороту, народному восстанию, захвату власти, даже и к фронтальной гражданской войне, она может длиться долго, очень долго, изобилуя хаосом, борьбой, туда-сюда деяниями, насилием, героизмом, подлостью, ложью, преследованиями, репрессиями, приговорами, обильным кровопусканием. А как же иначе: революция на то и революция, чтобы разрушив бывшее (может, ещё и не дряхлое, даже не устаревшее), создать что-то новое – *иное*, а при его – этого нового – создании уже передраться между самими революционерами – за власть, за путь, за жизнь, за добро (в смысле владения), а также подавить сопротивленцев, закабалить по-новому работное население, расправиться с любым чуждым элементом, отбиться и от внешнего врага как тоже ведь претендента на добро. Вот и наша Великая революция, когда же она всё-таки завершилась: в 1922 г. (НЭП, СССР), в 1929 г. («Великий перелом»), в 1936 г. («строительство социализма в основном», новая конституция СССР), в 1940 г. (конец массовым репрессиям, индустриализация, коллективизация, культурная революция), в 1953 г. (смерть вождя народов И.В. Сталина и конец политическим репрессиям), в 1964 г. (избавление страны от последнего р-революционера Н.С. Хрущёва), в общем никто не знает и когда? – там, где-то там – в песочных часах исторического времени!

33. Да, именно так и было, а что же было? А всё что угодно, кроме того, что жаждала увидеть революция. А что она жаждала увидеть? Сначала (по итогам Февраля) либеральную в России Европу, потом же (по итогам Октября и великой гражданской бойни) Европу социалистическую, правда, лишь в Европе придуманную, но там не осуществлённую, где были реально осуществлены лишь мягкий *социал-демократизм* и жёсткий с*оциал-фашизм*. Жаждать-то жаждала, да вот что реально получила Великая российская (вовсе не русская!) революция 1917 г.? Известно что – ***сталинизм***, то бишь не то что либерализм с капиталом, но даже и не собственно (как он был в Европе придуман) социализм, а ежели и социализм, то лишь как *социал-сталинизм* (не социал-демократизм с его союзом с капиталом и не социал-фашизм как некий

корпоративизм в союзе с тем же капиталом, тем более уж не национал-фашизм, а некий социал-интер-этатизм, где «интер» означало единение российских народов в рамках единого, как оказалось, вполне и имперского, государства).

34. Вот и вышло, что революция революцией, а реальность реальностью, причём там и там след от Иного, сначала в виде взрыва текущей реальности, её обезумления, а потом в виде её – реальности – восстановления, но при успехе революции в плане невозврата к прошлому (предотвращение контрреволюции), восстановления реальности в новом виде, причём в таком новом виде, к чему сама революция в содержательном плане уже имела мало отношения, а то и вообще не имела, зато к нему имело отношение возрождавшееся, пусть и частично, прошлое. Иное тут на Иное, отчего выходило сначала выворачивание реальности, а затем новое выворачивание уже вывернутой реальности с частичным возвратом к прошлому.

35. Тогда в чём же истинная, а не надуманная, цель революции? А вот в чём: перетрясти существующее, вывернув его наизнанку, вытрясти затем из потрясённого полу существующего какое-то новое существующее, проделав выворачивание вывернутого и обретя какой-то синтез нового со старым, а в итоге получить что-то *иное*, не то, что было, это понятно, но и не то, что чаялось революцией, что не столь, быть может, понятно, но как раз и реально. Вот и выходит, что революция всегда *ина*, она не такая, какой её представляют её провозвестники, а её итог и вовсе не такой, каким мог сим глашатаям представляться. Так надо или не надо учитывать Иное?

36. Большие войны вроде больших долгоиграющих революций, как, собственно, и глубокие затяжные кризисы, всё равно какие – социальные, политические, экономические: везде хаос, потрясения, анархия, неразбериха, жертвы, как и насилия, чрезвычайки и диктатуры, скорые расправы и суды, козни и казни. Не ровно, совсем не ровно течёт бытие-история, а как-то коряво, прерывисто, дискретно, импульсивно, конвульсивно, волнообразно, чересполосно, турбулентно, возвратно, в общем – *нелинейно*, мало того – «дюже погано»! Да ладно бы от одной тряски и тёрки с трудностями и потерями к другой тряске и тёрке с трудностями и потерями через стабильность и процветание, а то ведь через ту или иную схватку не на жизнь, а на смерть меж «людями»

с массовыми людскими и материальными потерями, с мильонными жертвами, с обильным, так сказать, кровопусканием. Человек (особь, семья, сообщество, общество, народ, государство, цивилизация) никак не удовольствуется либо своим бытием, либо бытием других (обычно соседей, но не только), либо попросту самим собою, и выпускает своё фундаментальное неудовлетворение, будучи вполне себе умным животным, осознаниенным зверем, изобретательным хищником, на других, громя их, грабя, насилуя, убивая, подчиняя себе, эксплуатируя, как и устраивая вдруг разносы своего собственного бытия, стремясь избавиться от одного его образа (устройства), чтобы перейти к другому – как бы и к лучшему (до следующего разносного захода), но не преминув подраться и поуничтожаться уже по итогам бурных коллизий, уже и среди своих же; но что особенно интересно: и *само бытие* оказывается вдруг недовольным как самим собою, так и реализующим его человеком (человечеством), и... уже оно само восстаёт против самого себя и своего же хомо-исполнителя, либо просто саморазрушаясь, либо ища при этом выход в *ином* образе (устройстве) себя и в обретении *иного* для себя хомо-исполнителя, что тоже сопровождается немалыми разрушениями и бедами. *Бес*-покоен он – человек, *бес*-покойно оно – бытие, *без(с)*-образна она – история!

37. Да, конечно, мораль-де виновата, не та-де религия, не та культура, не та цивилизация, ну и, само собой, экономизм с его деньгами и капиталами, как и чуть ли не врождённые алчность, корысть, захребетничество, паразитство, опять же животность, звериность, хищностность, в общем – *нелюдство*, сидящее в человеке всему виною, а может, и сам человек, прочно засевший в нелюдстве, однако, кто и что не были бы тут виноваты, факт остаётся фактом: *жизнь, нежизнь* и *смерть* вместе, скопом, в единении, выдавая на гора все отмеченные выше бытийно-исторические безобразия, да не просто выдавая, а без сей выдачи *никак* (!) и не обходясь! Сожалеть о давно де минувшем легендарном «Золотом веке» или же мечтать о будущем – тоже в общем-то легендарном – «Золотом веке», конечно, можно, но человек со своим бытием-историей, или же бытие-история со своим человеком, демонстрируют пока более всего не «Золотой век», а непрестанную «Золотую лихорадку», проявляемую и так, и этак, как и невообразимо как: не «ндравится» человеку быть *человеком* – ЧЕЛОВЕКОМ!, ох, как не «ндравится», а нравится почему-то... э-э... не быть человеком...

впрочем, может, как раз *человеком* – ЧЕЛОВЕКОМ!-то и быть! «Человек – это звучит гордо!», разумеется, в устах самого же человека, да и перед самим же собой – аки перед зеркалом!

38. Удивляться бытийно-историческим безобразиям вроде войн, революций и кризисов вообще-то не приходится – и ежели тут чему-то удивляться, то не столько интенционным деяниям великого безобразника– человека (чуть ли не сосланного на Землю откуда-то из космоса неисправимого каторжника, наделённого сознанием, разумом, когнитивом, как и их вполне себе действенными противоположностями), сколько безобразиям самой бытийно-исторической реальности, непременно лояльной к Иному и услужливо считающейся с Великой Неизвестностью.

39. Да-а... Великая Неизвестность, Иное, «Мета», «Транс» (трансцендентность), ну и «Са́мо» (или «Авто»), то бишь что-то, отчего-то, зачем-то вдруг *само́*, хоть и при участии человека, в бытии-истории и происходит: среди и под влиянием Неизвестности, в столкновении Этого и Иного, не слишком угадываемое и слишком неотвратимое, весьма невероятное и очень внезапное, а главное – с совершенно непрогнозируемым результатом. Объективное умное тут непременно переигрывает умное субъективное, хотя умному субъективному и кажется, что оно чуть ли не владеет объективным умным, хотя это последнее весьма владеет субъективным умным и без всякого «чуть ли». Это Ленин ли делал революцию или революция сделала Ленина, да и кто тут кем владел: Ленин революцией или революция Лениным? А тот же Гитлер, который вроде бы развязал войну в Европе, поперев сначала на Францию с Англией, а потом и на СССР, или же война, порождённая, надо заметить, всем, что называется, миром – дружно, хором, слаженно, сделала Гитлера, им владела, его вела от Франции до СССР, не считая разных иных, уже не столь значимых, геосубъектов?

40. Опять же, что более всего сказалось в подготовке этой воистину великой войны: объективное бытийное, субъективное событийное или же неведомое неизвестное? О-о, какая же тут велась геостратегическая, она же и роко-экзистенциальная, игра, причём всех сразу достойных её умов и воль, не исключая и воли и безволия обстоятельств, ситуаций, случайностей, пустот! Готовили и развязывали сию войну *все* её доброхоты и *всё* бытийное сразу, иное дело, что в ней, как водится, кто-то со временем потерпел сокрушительное поражение, а кто-то одержал несомненную

победу, хотя и не факт, что сложившие знамёна навсегда проиграли, а водрузившие победные знамёна столь же навсегда выиграли, а что касается самого Бытия-Истории, которое тоже поучаствовало в подготовке, ведении и завершении войны, то оно, как водится, оказалось в нейтральном положении, когда главной ставкой и главным призом оказывается не что-нибудь из текущего, а... Иное! – *иной за*ход (мотив) и *иной исход* (результат), а в итоге – *иной на Земле мир*!

41. Кто-то вроде бы готовит большие события типа войн и революций, как и тех же кризисов, кто-то их провоцирует, кто-то реализует, кто-то проигрывает, терпя поражения, убытки, крахи, попадая в разряд виновников происшествия, оказываясь, не без оснований, политическим и уголовным перед миром преступником, кто-то же, наоборот, выигрывает, одерживая победы, обогащаясь, уже не без основания, усиливаясь, надевая на себя тогу благородных судей и отпетых моральных авторитетов, а кто-то и насовсем исчезает, среди которых и мильоны ни в чём не повинных, но невольно попавших в беспощадные жернова коварных событий, землян. Однако повторимся: всё это происходит на фоне и по причине имманентных человеческому миру глубинных интенций, по воле и при участии самого Этого, пусть и подверженного влиянию Иного, мира: хотя у всех такого рода больших событий есть свои субъекты-верховоды, но сии события в главном обусловлены всё-таки миром, его движением, они творятся в мире и миром, хотя и творятся в решающей степени и *сами по себе*, что всего труднее понять, однако без учёта чего всё происходящее выглядит не то что неясным, а и попросту неправдоподобным.

42. *Сталинская цивилизация* – победительница в Революции (по её – революции – итогам), в строительстве самой себя, в Великой войне, в отстаивании самой себя (первоклассная армия, классная оборонка, высококлассное ядерное оружие), в развитии самой себя (первосортные образование, наука, техника, инфраструктура, транспорт, строительство, здравоохранение, искусство, спорт), в уникальной для того времени социабельности, в вырыве первой в мире в Космос, наконец, в международном авторитете с распространением своего влияния, включая и идейно-проективное, на полмира, в общем – крутая по всем параметрам победительница, однако, увы, не могшая долго продолжаться без существенных себя перемен, способных перевести её с армейского типа

государственнического бытия в гражданский соборный, и не получив под нудной сенью фактически противного ей геронтоправления необходимых перемен, стала хиреть, разлагаться, терять историческую перспективу, даже и блуждать вдруг в возникших перед ней экзистенциальных потёмках, а потому, попав в руки уже настоящих своих противников, как-то легко, почти и не сопротивляясь, обречённо рухнула вместе с КПСС, СССР, соцлагерем, международным коммунистическим движением, ну и с бытийно-исторической парадигмальной альтернативой, которую чуть ли не реально представляла собой на потребу всему земному миру по итогам сталинского разворота от «мировой революции» к мирового значения *иной*, чем прежде, бытийности.

43. Да, то была победа – ПОБЕДА!, но, увы, во-первых, слишком тяжкая то была победа, затратная, кровавая; во-вторых, не увенчавшаяся возникновением достаточно жизнеспособного строя и не столь уж принудительного бытия; в-третьих, изрядно поддавившая, скажем так, обывательско-животно-хищнические инстинкты, свойственные человеку от природы и неустанно в нём воспроизводящиеся, но их вчистую не одолевшая, обеспечив тем самым вызревание противного себе внутреннего фронта; в-четвёртых, не на шутку испугавшая своего отрицательного прародителя – Запад (в лице прежде всего англосаксов), вольно и невольно сделав те же США с Великобританией горячими своими противниками, развязавшими против сталинского СССР беспримерную и беспрекословную «холодную войну» – войну на медленное уничтожение!; в-пятых, несмотря на обращение к коренной России и на неё опору, победный сталинизм, страшась этой же самой России, не стал ей – коренной – органичным, оказавшись всего лишь неорганичным (пусть полу-органичным), а потому и не слишком жизнеспособным, навершием; в-шестых, коварно головокружительной в международном плане оказалась сия победа, бросившая СССР в утопическое перестроение по сталинскому (пусть и квази- или даже псевдосталинскому) образцу весь зе́мный мир, обеспечив возможность надрыва и исчерпания материальных, духовных и вообще экзистенциальных сил, причём не так СССР, как закрепощённой им России.

44. Победа сталинская была великой, но и заплатить за неё пришлось великим... нет, пожалуй, не поражением, тут было что-то всё-таки другое, скорее... ***великим ниспровержением***, пусть

и коварным, и предательским, даже по-своему и легкомысленным: мало что отказались от победоносного сталинизма, его не перестроив и не превратив во что-то более реалистичное и жизнеспособное, обеспечив ему погибель, так ведь ещё и кинулись прямиком… э-э... на Запад (!) («Дранг нах Вестен!») с вассально-подобострастным приглашением Запада к себе в бывший СССР, в Российскую-де Федерацию, на Евровосток, то бишь с оживлением уже было навсегда загнившего «Дранг нах Остен!»! Каково, а-а?!. Вот уж *переворот с выворотом* так уж *переворот с выворотом* – великий такой ПЕРЕВОРОТ!, мало что антисталинский, что более или менее понятно, так ведь ещё и антидержавный, антисубъектный, антироссийский, в общем – сам чёрт даже не знает какой! Одно ясно: прозападный, проглобалический, проколониально-экономизменный, прокапитало-финансовый! Но почему же произошло именно ЭТО?!

45. В том-то и дело, что в Бытии-Истории, которое вовсе не просто человеческое бытие-история, а включённое в Мироздание Нечто, ведущее себя не только и не столько в соответствии с человеческим умом, как и не только и не столько со своим собственным бытийно-историческим умом, как с неизвестно каким – *иным*! – умом, что не означает, что никто из фигурантов ПЕРЕВОРОТА за него не ответствен (что натворили творцы, то уж натворили!), но что означает, что сей ПЕРЕВОРОТ ***не мог не произойти*** (!), но не по этим – этих фигурантов – соображениям, а по соображениям, уж извините за настырность, *Иного*!

46. Одно дело – победоносная сталинская цивилизация, совсем другое – её продолжение, вот тут-то и выявилось, что продолжать-то её без насилия практически невозможно, когда и само насилие, исчерпавшись, уже стало невозможным, и переделать в ненасильственное бытие оказалось невозможным, в общем – образовался сталинский, ну пусть постсталинский, тупик, и тогда последовал... *срыв* – СРЫВ!, причём прямо туда – к бездне, в преисподнюю, в ад, скрашенные, правда, улыбчивым Западом и услужливым западнизмом: Иное, само того, быть может, не желая, сработало именно так – наотмашь по сталинизму, уже по его остаткам, если не по останкам, и, – чтобы, надо полагать, не провалиться стране России навсегда в Небытие, – сработало на сцепку с Западом, пусть и на унизительную для России сцепку, однако, как вообще ни странно и как это было ни вопреки отчаянным

трансформаторщикам, обеспечившую России, пусть и подспудное, но уцелевание, однако при сохранении, может, и невольном, кое-каких важных резервов, нетленно заложенных сталинизмом и бескорыстно выручивших павшую-де страну в сей потрясающе невообразимый для страны и даже всего мира критический, да что критический – *катастрофический*! – момент. Вот такая тут заспиралилась бытийно-историческая загогулина: падение сталинизма с опорой на... сталинское наследие (та же ядерная бомба), как и его – этого наследия – жадное, разорительное, подлейшее и пошлейшее присвоение и проедание, а также с опорой на зацеп за сталинского врага – за Запад, причём с явной изменой Сталину и с не менее явной сдачей уже бывшей сталинской страны Западу! Поди-ка, всезнающий интеллектуал, разберись!

47. Почему же всё случилось так, а не иначе? Сталинские безжалостные, во многом не обоснованные и уж вовсе не сильно справедливые, репрессии сделали, помимо как бы «святого дела» подъёма, обновления и укрепления станы, ещё и вполне себе чёрное дело, нагнав органического страху, причём не только тогда, в период разгульных репрессий, но, что ещё страшнее, и на вроде бы уже нерепрессивное будущее тоже: ни сталинское поколение, признавшее главенство вождя и вытащившее на себе победный сталинизм, ни тем более идущее на смену сталинцам новое поколение, не решились вовремя и всерьёз тронуть сталинизм, как принимая его тогдашние достоинства (в Космос ведь вырвались!), так и обоснованно опасаясь новых массовых (венгерское восстание 1954 г., новочеркасский расстрел 1961 г., чехословацкие события 1968 г.) репрессий, а для своих вполне и беспощадных (привычка, знаете ли, хотя бы с 9 января 1905 г.), отчего и весьма деликатная попытка что-то изменить, – после увода от власти ярого сталинского разоблачителя и последнего его политического и идейного невольника, ещё и троцкистского толка, – что-то изменить посредством «косыгинской реформы» быстро сошла на нет, а потому и пошло, – осознаваемо или нет, скорее, всё-таки нет, – выжидание... э-э... откуда-то вдруг могущих взяться радикальных перемен, ну и перемены эти вдруг пришли, однако уже на геронтогенном спаде, породившем только одно: отрицание со смехом бывшего тогда бытия, то бишь самое страшное из отрицаний, не требовавшее ни восстаний, ни борьбы, ни жертв, ни подвига, но зато какое в итоге эффективное! Сталинизм оттого просто сам и сошёл на нет!

48. Вот тогда-то перед политически оцепенелым поколением вдруг явился во всей красе воистину великолепный Запад (который уже раз перед Отчизной!), причём не как дальний и недосягаемый призрак, а как близкий и вполне себе досягаемый блестящий образец, как вполне уже воспринимаемая данность, ну а субъективный движок на Запад уже был подготовлен (разумеется, никак не по «теории заговора», а так, «сам собой» – это для дураков!), более того, этот движок уже был наверху, во власти – ещё ведь по сути-то сталинской, то бишь безоговорочной, и пошло-поехало: так вот страна и ринулась с надеждой на Запад, так вот Запад и въехал триумфатором в страну, так вот жестокий и беспощадный, хоть и временно конструктивно-победоносный, сталинизм сам себя и похоронил, дав при этом возможность не только похоронить КПСС, КГБ (НКВД), СССР, МРД (международное рабочее движение), МСС (мировую социалистическую систему), ДНС (движение неприсоединившихся стран), ДН (дружбу народов), как и «вечно живое» учение тоже, но ещё и чуть ли не похоронить самую Россию, немедленно по итогам прозападного переворота 1991–1993 гг. укрывшуюся в Нави (не в нави, чёрт возьми, а именно в Нави) и, надо заметить, из неё вполне до сих пор до конца и не выбравшейся... нет, даже не высунувшись... а лишь оттуда выглянув – словно девица-красавица из теремного (если не тюремного, кто его знает?!) зарешечённого оконца.

49. На Запад-то на Запад, да ещё и с наглейшим «Западом» у себя внутри, но да вот вряд ли кто из отечественников думал, что окажется под одной крышей с западными и своими-де прозападными-де господами, да не просто с господами, а с владетелями земли... э-э... российской, уж и не русской! Вот-те на! Ни бурной тебе революции, ни буйной гражданской бойни, ни лавинообразного вражеского нашествия, ни грубой военной оккупации, а... ***революция***-то вдруг налицо, а жалкое ей сопротивление не то что подавлено, а так... выдавлено аки чирий, а страна-то скоропостижно расколота, а её осколок, называемый ныне РФ, поспешно прихвачен и уродливо вестернизирован, а диктатура и рабство никуда не делись, а брошенное на произвол судьбы население, лукаво превращённое в электорат, бросилось приспосабливаться к новому для него беспорядку, ища себе удачи, не исключая ни торговой («челночество», торговлишка на вдруг возникших повсюду улично-площадных рынках), ни воровской, ни бандитской, ни мошенской (ОПГ – «Организованные преступные группы», –

додуматься же было надо!), ни бегловской (за границу), а что было делать честно́му народу, коли на сакральном-де верху было куда как веселее – там уж воровали, грабили, прихватывали по-крупному, по-акульи, аж и не проглатывая схваченное, давились, да и друг друга охотно давили. Не война вроде бы, а ведь не хуже войны всех против всех получилось, куда даже и страшнее! Падение! Вполне и тотальное, всестороннее! Выворот! Без правил, эффектно и эффективно! И жертвы были обильные, почти как в ту войну – отечественную – мильонные, – что прямо на тот свет, что на свету – ограбленные и униженные, да не в наказание никакое, а в долгожданное торжество-де долгожданной свободы! Есть он, как выяснилось, есть, причём в изобилии – бес, злодей, ворог, супостат, подлец, пошляк, в общем – *нелюдь*, – да не вообще нелюдь, чего всегда хватает в звании отродья, что не так уж и интересно, а как герой, причём прямо-таки в образе *героя нашего времени* (какового ни Пушкину с Лермонтовым, ни Гоголю с Салтыковым и Чеховым даже не снилось!).

50. Свой у нас получился «Запад», *свой*, как раз близкий к тому – вестерному, захватническому, пиратскому, колониальному, только вот *свой* и *у себя*, близкий, кстати, к раннему рюриковскому, как и к лихорадочному петровскому, да и к ажиотажному большевистскому тоже – это по части захватов, разорений, расправ, репрессий, жертв. И всё-таки почему же такой вдруг случился свал вниз, в бездну, в преисподнюю, во ад, откуда вроде бы Сталин уже вытащил было страну за волосы... э-эх... да вот то ли не дотащил, то ли, вытащив, сразу же придавил выжимным камнем, как квашенную капусту, то ли вкупе с тяжкой войно́й, великой победой в ней и другими великими победами силово́ и экзистенциально истощил, не дав шанса долгой жизни всему тому, что созидал, к чему стремился, чего добивался, чему столько жертв принёс, не минуя и самого себя, как и посмертных ему похоронных жертв на Трубной, да и последующих, пусть уже и не массовых, но всё-таки жертв. *Жертвы, жертвы, жертвы!* Ну и непременное за них воздаяние, однако мало что тоже жертвенное, а прямо-таки... *в наоборот* – с чем боролся, не очень-то тщась о справедливости, на то и напоролся – через невообразимо причудливое сальто-мортале, прямо в угоду, как уж давненько повелось на Руси, да и вокруг в человечестве, чудищу окаянному – *алчности человеческой*!

51. АЛЧНОСТЬ! О-о, величайшее достояние человеческое – животное, звериное, плоское! Сколь ни осуждай его, сколь ни борись с ним, а оно всегда, как только возникает или же создаётся возможность, тут как тут, даже и прикрытое образованностью, «культуркой», манерами, той же стильностью. Уже азартные игры с казино о многом говорят, как и разделы потомками оставшихся от мертвецов имуществ, то же мошенничество, хоть это и сущие мелочи в сравнении с алчностью завоевателей, колонизаторов, предпринимателей, банкиров, прихватизаторов, ну и властителей тож, не исключая и ныне пребывающих в моде и на взлёте «эффективных менеджеров». Чем не страдал товарищ Сталин, так это алчностью, он её ненавидел и с ней боролся, да вот не доборолся, мало того, ужаснулся, увидев в 1945-м размеры тех же генеральско-маршальских трофеев, осознав, наверное, неистребимость сего замечательного людского свойства, это во-первых, а во-вторых, убедившись в тщетности своей попытки создать трудо-творческую цивилизацию, лишённую этой самой алчности. Судя по последнему, немало уже и больному, Сталину, его раздражённой не то реплике, не то возгласу: «Чему аплодируете?!» (на последнем для вождя партийном съезде), как и по нежеланию ежегодно широко праздновать День Победы, непременно проводя и проводя Парад Победы, вождь народов и креатор новой цивилизации вряд ли был уверен в долгой жизнеспособности всего им содеянного и предложенного человечеству – как, наверное, по причине пролитой за всё это то ли винной, что возможно, а попросту и невинной, что вполне себе явно, но обильной крови, так и из-за неисправимой природы человека, вовсе и не грехопадейной, как любят в утешение греховодам говаривать те же греховоды, а попросту вот такой и всё, о чём товарищу Сталину, вовсе не агнцу, а скорее... э-э... *тому самому*, о ком принято помалкивать, было очень даже хорошо известно: чего-чего, но вот тут Сталин никаких иллюзий не питал, хоть на инквизицию иллюзорно и надеялся, да вот, выходит, зря, точнее, в короткую, может, и не зря, а вот в долгую, увы, не то что зря, а так – вхолостую!

52. Ослабление и истощение сталинизма как идеи и как строя трудо-коллективистского бытия, его фактически уже клиническая смерть с момента ухода звёздного старца-генсека, не только создали условия для окончательного демонтажа сталинского детища руками его завзятых врагов (частично оправданными,

скажем так, необоснованными репрессиями со стороны сталинского режима, а в основном-то нет, попросту противников всего, что мешало эгоизму, алчности, обогащению, присвоению, паразитизму, антигражданской безответственности, непатриотизму, безразличию к общественной жизни, поведенческой разнузданности, как и тому же уродскому антиискусству, ну и, разумеется, разнообразному мошенству, не исключая законное-де экономо-финансовое), а враги эти, пусть, может, и не сразу, но оказались-таки у власти, наверху, у руля, у штурвала, и воспользовавшись возникшим аки космическая дыра, строевым и идейным *безвременьем* – БЕЗВРЕМЕНЬЕМ! (строй и идеи по факту вроде бы ещё были, но по присущему им сакральному делу их уже фактически не было, отчего и *безвременье* – аки дыра в мозгах, когнитиве, сознании, ноосфере), так вот эти-то враги проделали большую противосталински разрушительную, но при этом и новую антисталински поделочную, работу, опираясь, как было выше замечено, на сталинское наследие, причём вовсе не только на материально-индустриально-инфраструктурное, но и на идейно-гражданское в аспекте неукоснительного признания со стороны населения любой действующей в стране власти и к ней достаточного для власти гражданского, пусть и псевдогражданского, доверия, а также зацепившись за как бы помогавший сему перестроению и бывший сему перестроению образчиком на перспективу, даже и с возможностью с ним полного слияния, Запад.

53. Примем во внимание и совокупим воедино, как в магическом кристалле, ряд исходных и крайне судьбоносных на тот момент факторов, обстоятельств, ситуаций: 1) тягостное оцепенение позднего сталинизма, пусть либерально подправленного, но животворно не переделанного, его клиническую смерть, неумолимо подкравшуюся к нему кому; 2) привод в ещё попахивавшую позднесталинским душком верховную власть сначала скрытых, а затем и открытых врагов сталинизма во всех его идейно-строевых проявлениях, однако врагов по преимуществу с «того берега»... да ладно бы лишь с реально западного или Западу симпатизантного... а то ведь... э-э... алчно-присвоительно-грабительского, точнее даже, не с «берега», а из собственной для страны «мусорной ямы», откуда и повыскакивали на свет особого рода людишки, которые оказались, как метко заметил где-то в 1992 г. один из бывших высокопоставленных спецслужбистов, «хуже бандитов – с бандитами

хоть договориться можно!»; 3) сцепку новых властей предержащих с Западом как с образчиком, прикрытием и споспешником хаотизменного (в хаосе), но целеустремлённого переделывания страны; 4) уже утвердившееся в умах правящих элит неприятие СССР как имперского, угрожавшего тому же вожделенному Западу, геополитического образования с его анахроническим-де постулатом «дружбы народов», а на самом-то деле созревшее за поздний сталинизм стремление правящих элит и поднявших голову «алчников» к ликвидации СССР как СССР; 5) обязанную жёсткому, диктатному, репрессивному ещё и гарантировавшему сносное – безопасное, трудо-творческое, товарищеское – бытие сталинизму политическая инертность и индифферентность не только масс, но и элит (испуг и страх как несмываемые с людских душ невидимые, но очень чувствительные, родимые пятна); 6) экзистенциальную усталость населения, в особенности элит, от геронтократического правления, дефицитократического потребления и лимитократического (полукрепостнического) существования: 7) усталость и исчерпанность СССР в его роли лидера, опекуна и защитника альтернативного Западу «прогрессивного»-де полумира – утопического, искусственного, призрачного, для СССР во многом иждивенческого, нагрузочного, затратного, хотя и казавшегося реальным и даже действенным, однако мгновенно с уходом СССР и соцпроекта развалившегося и исчезнувшего; 8) неоднозначную роль в реализации и судьбе послесталинской страны действовавших в СССР высших парторганов и спецслужб («Pro et Contra»), как и отстранённость от внутренней жизни страны армейских структур, изрядно к тому же деморализованных поспешным уходом, хоть и не бегством, из Афганистана и ГДР; 9) шаг за шагом усиливавшееся не без скрытой поддержки «структур» протестное (молодёжное, интеллигентское, культурабельное) движение, получившее именование диссидентского, как и протестно-трансформационные политические движения и эксцессы в странах-сателлитах (Венгрия, Чехословакия, Польша), разъедавшие всё сталинское наследие, а вместе с этим и готовившие прыжок в сторону Запада; 10) упорную подрывную работу против всего сталинского наследия со стороны Запада, ведшего «холодную войну» с СССР и его сателлитами, как сейчас бы сказали – гибридно-гуманитарную, столь же, кстати, настырную и последовательную, что и сейчас, заимевшую место уже в XXI в.; 11) выведение на высшие руководящие

позиции – в лидеры страны – персонажей, соответствовавших задаче ликвидации не только самого по себе сталинизма (строя, идеологии, практики), но и вообще социализма-советизма-коммунизма вместе с существовавшим тогда СССР, а затем, если повезёт, и задаче дерусификации с перекодированием страны, с забвением её исторических истоков, перетрактованием её истории, стиранием этно-экзистенциальных печатей, вестернизацией бытия и «культурной (антикультурной) революцией», что и было при участии своих и западных спецслужб, тайных организаций и зарубежных правительств проделано, – во главе страны таки оказались потребные для сих деяний акторы; 12) активное участие Запада, включая и папский Рим, в заговоре (именно в *заговоре*!) против не только антизападного образа бытия страны, но и против самой страны, как и участие Запада непосредственно в перестроечно-ликвидационных и новостроечных процессах в СССР и в Российской Федерации.

54. Внимательно, не без волнительного трепета и толики невольного ужаса всмотревшись в полученный нами магический кристалл, не сильно трудно осознать, что стране нашей было тогда не миновать *катастрофы* – КАТАСТРОФЫ!, и эта, как оказалось, весьма желанная многими внутри и вне страны, катастрофа таки разразилась: страна нырнула-таки в Бездну, в Хаос, в Преисподнюю, во Ад! Преувеличение? Нисколько! Обманутая, растерянная, помрачённая, прельщённая, пленённая, но при этом и оболганная, обгаженная, униженная, оскорблённая, с брошенным на произвол судьбы народом, воровски обчищенная, бесподобно разграбленная, лукаво прихваченная и алчно присвоенная! Что, разве не так? И глядя на всё это, разве не бездна, не хаос, не преисподняя, не ад, – а-а, господа хорошие и товарищи дорогие? И то была, пусть на тот момент и кризисная, и больная, и ослабленная, даже и заблудшая, но великая страна с великой историей, великими победами и великими достижениями, с великим ещё, пусть уже и отходившим на задний план, поколением людей-созидателей, и однако ловко *само*-забвенно пущенная жестокосердно, трусливо и глупо её же «вождями» в расход – коварный, пошлый, жалкий!

55. Но что же воистину волнует любого порядочного, патриотично и человеколюбиво настроенного обозревателя (и даже свидетеля!) того потрясающего любое воображение бытийно-исторического происшествия-события-деяния, а в общем-то – *пре-*

ступления, да-да – ПРЕСТУПЛЕНИЯ!? Неужели нельзя было сделать как-нибудь по-другому, по-людски, по-благому? Смешной вопрос, но он вольно или невольно приходит на ум и тревожит, тревожит, тревожит, а ещё более тревожит, точнее... *убивает*... на него ответ: иначе, чем произошло, могло произойти, но не намного иначе, ибо у страны, не говоря о её «вождях», была уже утрачена *воля* – ВОЛЯ! – к своему бытию и своей истории, – и наступившее иное – ИНОЕ! – не могло не стать *таким* или примерно таким, каким и стало. Неутешительный вывод, но что делать: чего было не миновать, того и не миновалось! С победных высот, да в *яму* – ЯМУ! – полную грязной, отвратительной, мертвящей жижи, однако Россия на то и Россия, чтобы, нырнув в зловонную яму, в ней не утонуть, а, как бы это было ни чудовищно тяжко, вынырнуть, уже, разумеется, *иной Россией*, может, и на погляд, и не Россией даже, но тем не менее... всё-таки Россией, пусть и помятой, поруганной и истерзанной, однако кем или чем же ещё?

56. Невероятно, гнусно, подло! И страшно обидно! За что, за какие прегрешения, за какие преступления? В чём был виноват народ-труженик, народ-герой, в чём провинилась страна-чудесница, страна-страдалица, почему же *такое* (!) над ней издевательство? Недаром же известная диссидентка, жена ещё более известного диссидента, отсидевшая свой срок на нарах не то в Коми, не то на Колыме, хорошо знакомая с выразительной тюремной лексикой, выкрикнула по ТВ прямо из Парижа: «Суки, суки, козлы вонючие!», – это о, казалось бы, близких ей по отрицанию сталинизма тогдашних «преобразователях» страны – «борцах» с СССР, социализмом-коммунизмом-советизмом, а на деле всего лишь алчных прихватизаторах-мошенниках, которые даже «хуже бандитов». Да-а, Провидение бросило под давлением Иного на страну грифоподобных стервятников, её жадно клевавших и рвавших на куски, да не только её сочное тело, но и её благодатную душу, мало что разрывая страну на куски и жадно присваивая задарма доставшиеся им богатства, но и понося страну «идейно», да ладно уж за сталинизм с КПСС и КГБ, а то ведь и за Россию с русским и другими её народами, за то, что она, видите ли, дика со своими столь же дикими сыновьями и дочерями, не цивилизованна, не европейна, не американиста. И кто судил, кто приговаривал, кто казнил: человеки или всего лишь человекообразы? А ведь, знаете ли, образованные, эрудированные, речистые! Вот уж насмешка

так насмешка над сакральным проектом «Человек», над Просвещением, над Гуманизмом и над знаменитым «Любите ближнего!» (церкви наши, кстати, оказались, извлекая для себя блага, как-то незаметно на стороне... э-э... подлого режима, им – церквам – заметим, активно и потворствовавшего, – любопытно, не правда ли?!).

57. Нет, не в обличении кого-либо из антигероев того, а в меру и нынешнего, времени, наша задача, тем более людей воспитанных, что называется, культурных, даже по-своему и приятных (нет, не троглодиты вовсе занимались «реформой» и «прихватизацией», разорением и покорением страны, присвоением понаделанного трудовым народом богатства, безмерным и беспримерным личным обогащением, выделыванием из себя олигархов, магнатов, богачей, в общем – сто́ящих дорого и крепко-де стоя́щих на не столь уж крепких ногах «агнцев», которые совсем, совсем не троглодиты, – что их вообще обличать!), тут дело в другом: почему же всё произошло именно так, как произошло, почему. помимо, конечно, вполне понятного исходного от природы безудержного стремления людей к благополучию, включая и безмерное, ну и к высшему положению, к материальной, духовной и политической власти, к господству? Да, всех *этих* «людей» понять можно, труднее понять, почему это вдруг *им* стало *это* позволено, причём не только по общечеловеческому присвоительному рефлексу, даже и круто рваческому, как и не только по причине несопротивления народа всему, что обычно творит в стране деспотическая по обыкновению власть, а сие перестроечно-перепрограммивочное безобразие творила тогда именно обернувшаяся сизым оборотнем власть, как и не только по причине великого обмана с той же ваучеризацией, сотворённого всё той же властью, как и не из-за блаженных ожиданий населения от проводимого благого-де переустройства бытия, нет, конечно, тут дело круче, загадочнее и острее, а для порядочных людей, верящих в Бога, Христа, человечность, порядочность, ещё и больнее!

58. Каждый человек сам вроде бы выбирает свой путь, вершит свою судьбу, идя или не идя на ту же сделку с совестью, а то и с самим диаволом, наша задача – разумеется, совершенно добровольно на себя взятая – разобраться в происшедшем со страной на рубеже 1980–1990-х и далее годов странным и страшным превращением, вмонтировав сие безобразное происшествие в общий и душный бытийно-исторический контекст, использовав не ма-

лые, а большие верификационные метры, отчего и потребно обратить своё внимание на истоки, да и не самого этого безобразного происшествия, а на истоки его *вообще возможности*. Где они – эти истоки? Не заглядывая слишком далеко вглубь истории, воздадим должное для начала Петру Великому с его ломкой через колено матушки России, тогда более Руси, чем России, а потом вершителям Великой революции 1917 г.: что, разве, петровская ломка не должна была отозваться другой ломкой, уже в 1917 г., и тоже через колено, предназначенной уже не для переделки России, как было у Петра, а для её полного уничтожения, да вот Сталин со своим тоже ломообразным сталинизмом вдруг помешал насовсем и навсегда отменить Россию, хоть и оседлал её, творя на месте, да и вместо, России, её при этом нещадно эксплуатируя, свой СССР – и что, разве все эти ломки не могли привести к новой очередной ломке – вроде бы антисталинской, что, конечно, и так, но ведь более всего-то опять же *антироссийской*!, причём, что самое неприятное, да и попросту отвратное, как очередное *возмездие*, да вот не за грехи вовсе, не за победы, да не за угрозу кому-то и чему-то, а... Sic!.. *за предшествовавшие ломки*!

59. Любопытнейшая получается вещь, она же и весть: тысячелетняя борьба России (протоРуси, Руси, России) с не покидающей её и никак насовсем ею не одолеваемой *анти*-Россией: то ли Россия из России никак не вылупится, то ли у России миссия «така» (она же и бремя, и беда, и тщета) – быть и не быть Россией, а ежели стать-таки самою собою, то уж, видно, в конце времён, чуть ли не по итогам Страшного Суда, что как раз и подтверждает неотмирность Руси-России, не вполне полное приятие ею этого мира и острейшую неприязнь этого мира к России, конечно же, как к сокрытой экстраординарной (альтернативной этому миру) идее, уникальному экзистенциальному проекту, телеолого-эсхатологическому замыслу, а может, и замысленному где-то там орудию того же Страшного Суда, – кто знает? Подправляет же Россия, немало жертвуя собой, терпя те же издевательские над собой ломки и при этом одерживая победы, мировое бытие (и не только в евроатлантической, а ещё и в азиатской интерпретации, включая и мировые войны, среди которых не только паневропейские, но и, к примеру, та же паназиатская чингисхановская), разве не так? Выходит, что не так для себя бытует Россия, как для всего планетарного мира, будучи ему невнятным противовесом, хоть и находясь в нём, но ему

всецело не принадлежа, отчего и острый у мира зуд на Россию, и страх от неё великий, и ненависть большая к ней, сочетаемая всегда с последней на неё надеждой, а вовсе не только с жадной зарью на её пространства и ресурсы. Любопытно, что любая победа России не выгодна никому, даже самой России, зато поражение России выгодно всем, кроме, конечно, самой России.

60. Анти-Россия – что внешняя, что внутренняя – это, заметим, постоянная претензия этого – зе́много – мира на переделывание иномирной России, столь же несбывающаяся, как и внутреннее из глубины веков стремление (или просто потенция) России стать собственно Россией, да не как-то наполовину, а то и того меньше, всего лишь поверхностно-феноменально, нет, вполне себе глубинно-ноуменально. Россия всегда ведь полу-Россия, а то и недо-Россия, – вот что надо бы всем нам уразуметь! И где ж она более всего? Как раз там – в исходе, в изначалье, в ином мире, а здесь она менее всего, и то более всего в преданиях да в душах людских, чем в государственной феноменальности. Мало кого из русских вполне удовлетворяет Россия, но мало кто из русских с ней расстаётся, зато много кто из русских встаёт за Россию, её обороняя и идя вместе с нею, коли надо, в поход на супостата, врываясь в его не только окоёмы, но и в столицы, а победив супостата, уходя обратно, к себе, в странную российскую иномирь. Россия сопротивляется антиРоссии, время от времени её от себя отбрасывая или под себя подминая (русифицируя), но, не терпя ворога-захватчика, терпит почему-то, немало и вынужденно, внутреннего противника-отвергателя-передельщика, может, не давая себе морфического покоя, бдя себя, а бдя, изменяясь, как и приспосабливая себя к этому – во всю меняющемуся – миру. И вот в силу тяжкой двойственности: быть сразу Россией *этой* (этого мира) и Россией *иной* (иного мира), отчего и быть Россией и анти-Россией, да мало что в двух противоречащих друг другу ипостасях, так ещё и в противоборствующих, что совсем для страны не редкость, не на жизнь, а на смерть!

61. Отсюда и внутренние, перемешивающиеся с внешними вкраплениями, выпадами и вторжениями, тёрки – как раз между анти-Россией и Россией, да что тёрки – самые что ни на есть войны, пусть и представлявшиеся обычно в официальных историях смутами, бунтами, восстаниями, реформами, обновлениями, преобразованиями, но зато какими же эти происшествия бывали разломными, затратными, утратными, жертвенными, кровососными.

Аж жуть! И что в те же 1990-е: случилась ли тогда очередная война меж анти-Россией и Россией аль нет? Ответ: случилась, конечно же, не такая как при Петре I или по итогам 1917 г., а более, так сказать, деликатная, хотя атака на Россию со стороны анти-России была не менее содержательно отменной, чем прежде – от разрушения соборно-государственнических начал, характерных для российского жизнестроя, до гнусно-гадкой русофобии. И что тут по-своему интересно: сия война, приняв, быть может, более завуалированные и эластичные формы, и по сей день на ходу! Российская сторонка усиленно вестернизируется на американский манер, а цепкая русскость хоть открыто и не отвергается, но на деле и не очень-то приветствуется. Тут вообще примечательно, что за борьбой де со сталинизмом скрывается куда более значимая для нынешних хозяев страны борьба – борьба с Россией – как идеей, замыслом, проектом, как образом бытия, как животворным духом, даже и когнитивом, образом мыслей, мировоззрением.

62. Хошь не хошь, а приходится сие прискорбие не без скорби констатировать. И дело тут не так даже в прямом преследовании русскости, как это имеет место в тех же латвиях с украинами, и не в тишайшем вытеснении русских из бывших «братских республик», а ныне «независимых государств», как и не в глухом непринимании вытесняемых (гонимых!) русских в самой Российской-де Федерации, как дело тут попросту в тотальном замещении русского мира на мир нерусский, – вот, собственно, и всё! И не тут ли таится главный коварный смысл так называемых «социальных реформ», проведённых и удерживаемых нынешней властью: реформ образования, здравоохранения, науки (гуманитарной, прежде всего), нарушивших характерный как раз для русскости, с чем считался и сам товарищ Сталин, образ реализации и ведущий к потрясающе вредным результатам – формализации, выхолащиванию, умиранию?! Что уж говорить о разворачивающейся электронизации-цифровизации гуманитарного бытия и упорно подступающем замещении уже денационализированного и почти уже обыскусственного людского разума вполне уже искусственным техническим разумом – какая уж тут коренная русскость?!

63. Ясно, что осуществить в мгновение ока внезапный на 180 градусов социохозяйственный переворот можно было лишь бросив огромную развитую страну с её ничего такого не подозревающим населением в затхлую бездну, в перемалывающую

всё и вся преисподнюю, в аморально-криминальный ад, что как раз и было ловко проделано (насколько субъективно осознанно или нет, значения не имеет – камешек злой был брошен на краю обрыва и лавина каменного зла, пошла, поехала, понеслась вниз, как раз туда – в бездну, в преисподнюю, во ад, – ничего тут такого уж удивительного!), однако было проделано и другое – созидание из разбросанных камней «Иного Храма», причём не менее деспотического, чем сталинский, только по-другому деспотического – в пользу не государства, не народа, не развития даже, а в угоду захватившего и оккупировавшего страну ловкого – как раз того самого, с которым «не договориться» – алчного, безудержного, беспардонного – меньшинства, охотно сдавшегося примерному для себя западному опекуну, а заодно и сдавшего сему доброму-де злодею и великую страну с Россией в сердцевине.

64. И опять, и опять, и опять: Россия будто бы пала, но не исчезла; погрузилась вроде бы в Навь, но там не сгинула; накрылась мертвящей тенью, но в ней не растворилась – и что, как всегда, поразительно: мало что осталась в Яви, что выжила, не покидая преданных ей русских душ, а стала вновь, как и прежде, подниматься – как вопреки новому «сооружению» на российской земле, так и в кое-каком согласии с ним, точнее, в его – этого сооружения – с ней – Россией – согласии, ибо скоренько «преобразователям» стало ясно, что без России им и их «Новому Храму» ни хода, ни жизни нет, разве лишь полностью покориться двуличному зверю-опекуну, служа ему вассальной подпоркой, имея, конечно, в руках своих немалые богатства, однако и делясь ими униженно со зверем-хозяином, не только не будучи при этом с ним «на одной ноге», но даже не будучи допущенным далее его «Кощеевой прихожей», отчего пришлось новому режиму с его новым правлением сначала не очень гласно, а потом всё более заметно разворачиваться к России, разумеется, в меру, ровно настолько, чтобы на Россию, как когда-то Сталин, лишь опереться, но не дать России превосходства над охватившей её анти-Россией. И вновь Россия, как это бывало с испокон веку, никуда насовсем не делась, она вновь в действии, но в действии, как обычно, вспомоществовательном, оставаясь в противоположении с анти-Россией, сопротивляясь ей, даже с нею и борясь, но, увы, и обеспечивая ей – анти-России – немало и паразитарное выживание. Парадокс, конечно, но что на свете не парадокс, – да, может, здесь и парадокс,

да вот всё-таки необходимый, ибо кто знает, что более потребно сейчас России – она сама или её борьба с анти-Россией, за которой ведь не что иное, а мирового масштаба Кощеевский *антимир* – АНТИМИР!, с которым нынче судьбоносная тяжба не одной лишь глубинной и функциональной России, но и всего всё-ещё-человеческого мира, – вот как!

65. Обретение Россией самой себя – дело, видно, будущего, если, конечно, будущее будет что у России, что у антиРоссии, что у всего человеческого мира, ибо общемировое дело идёт, всё более убыстряясь, словно санки на спуске с ледяной горы, уже к ***большой трансгрессивной перемене***, за которой всё, что угодно, кроме мира человеческого, на крайний случай – уже лишь *пост*человеческого, который настолько утратит людские, не говоря о божественных, качества, что вряд ли вообще вспомнит о своём человеческом прошлом. Это, разумеется, большая, хотя и не такая уж долгая, перспектива, ежели учесть как быстро и мощно надвигается на планету *антимир* – АНТИМИР!, сводящий человечество с ума, или же как быстро и мощно сходит с ума человечество, допуская и насаждая на планете *антимир* – АНТИМИР!, который непременно обрадует человечество любезной взаимностью – если не ***Армагеддоном***, то уж ***постчеловеческой трансгрессией*** – точно! А что же Россия? А что Россия, пленённая анти-Россией с адекватным ей на сегодня антимиром, их – анти-Россию и засевший в ней антимир – на себе выносящая, обеспечивая возможность пока лишь квазисуверенного выживания перед хищным рылом западного партнёра-врага бытующего в стране пореформенного социохозяйственного строя. Эта самая Россия, выстояв, выжив и окрепнув, обозначает сегодня, в 2022 г., не противодействие сему строю с его анти-Россией и антимиром, а самый что ни на есть со всем этим *конфликт* – КОНФЛИКТ!, пока лишь требуя существенных *перемен* – ПЕРЕМЕН!, ещё возможных сверху и без очередной «гражданки», как в те же 1990-е, а в случае оставления её под вестерно-азиатическим экономо-административным гнётом, столь сладостно реализуемым действующим в стране режимом, инициатива вдруг может перейти... нет, пожалуй, не к низу... а к Иному, а вот какой же выйдет в реальности из инойных вариантов, это уж покажет реальная история, – какая де для последней России разница – сокровищница выйдет или сукровинница?!

Итог:

Или Россия, или Ничто! Причём мало что здесь, в стране, но и в мире тоже, причём Россия как Россия, так ведь ещё и Россия имперская, соборная, единая... чуть было не вырвалось... сталинская!.. нет, вовсе не сталинская, а... ***российская***, однако субъектная, великодержавная, деятельная, вовсе не толерантно-инертная, не покойно-тёплая, не сонно-распростёртая, а соборная, бодрая, занозистая, горячая! Сбудется ли? Кто ж знает? Но почему же нет, коли время и бремя у нас такие: крайние, колючие, тяжкие?! Вот и Украина подоспела в роли тревожащего Россию пропитанного ядом и разогретого докрасна трезубого наконечника западного(евроамериканского) копья. Факт, да ещё какой!

25.01.2022

Ободрение СЛОВА СВОЕГО
Эпилог КАК АПОЛОГ

Книга под, как кому-то может показаться, претенциозным названием ***«Обнажение. Исповедь учёного странника»*** сделана и представлена читателю, который никакого особого обнажения с исповедью в книге и не увидит, а скорее сочтёт сей интеллект-продукт за итогово-рекламно-затвердительное полубеллетриальное, в меру или не в меру даже вычурное, произведение, в котором что-то обнаженческо-исповедальное вроде бы есть, а вот настоящего обнажения с настоящей исповедью явно нет, хотя есть кое-какие характерные для автора мировоззренческие и путеводческие рассуждения с заходом на его личную творческую стезю.

Да, это всё, может, и так, оспаривать сие вполне законное мнение не будем, а лишь заметим, предвидя подобное суждение, что цель книги, конечно, не в самих по себе обнажении и исповеди вроде публичного сбрасывания одежд и душераздирающего рассказа-вопля о тяжкой доле искателя упорно ускользающей от него истины, – нет, конечно, тут цель совсем иная: открыто заявить о наличии в России текущей актуальной отечественной гуманитарной мысли, возникающей и бытующей не без творческого контакта с зарубежной мыслью, прежде всего западной, но вполне себе оригинальной и немало от «зарубежки» отличающейся, даже заметно с нею и расходящейся, что даёт основание отечественной мысли занимать вполне самостоятельное место в мировой «гуманитарщине», не нуждаясь ни в какой судейской оценке, кроме как от самой гуманитарной реальности – как отечественной, так и мировой.

Здесь нет намерения ни высокомерно отбрасывать зарубежную мысль, ни навязывать ей какую-то нарочитую конкуренцию: с нас достаточно ободрения Своего Слова и доказательства, что отечественная гуманитарная мысль сегодня *есть* и что она *сама* в состоянии разобраться в критическом диалоге с реальностью в своей смыло-провиденциальной значимости.

Не отвечая за всю отечественную гуманитарную мысль, автор сосредоточил внимание в вышеприведённой книге на том течении мысли, с которым ему самому довелось по ходу рабоче-творческой жизни напрочь сойтись и которое ему самому довелось... нет, не разрабатывать – этого мало, да и не очень-то верно... а, скажем

так, *эманировать*, находясь в свободном от фланирующей вокруг догматики творческом контакте с реальностью, отчего и вытаскивая на гора не имеющую аналогов мысль не так даже из себя, как из этой самой головокружительной на сегодня реальности.

Уместно заметить, что автора всегда возмущало и продолжает возмущать укоренившееся в «интеллектуальных кругах» страны пренебрежительное отношение к собственно отечественной гуманитарной мысли, как и весьма раздражает распространённое в стране убеждение, что у нас, кроме никому ныне не нужной «русской религиозной философии», ничего достойного вообще нет, в особенности нет сегодня, когда Россия ринулась, мол, на Запад и должна лишь с ученической жадностью черпать оттуда актуальную, а главное – эффективную-де мысль, что, кстати, армия преданных мифическому Западу местных новомодных компиляторов с нескрываемым энтузиазмом и делает.

Не ставя перед собой цели что-либо доказывать сим ярым поклонникам «закордонщины», автор счёл для себя необходимым и возможным не только указать на присутствие в Отечестве *своей*, то бишь исходно *отечественной,* гуманитарной мысли, вполне и оригинальной, и современной, и работоспособной, но и раскрыть в меру допустимого в такого рода трудах, каким является выше представленный опус, её – этой мысли – абстрактно-воззренческие и конкретно-практические «кейсы».

Речь здесь идёт о новом и вполне себе *ином* воззренческом (гносеологическом) и практическом *концептуализме*, не имеющем аналогов в мире в силу своего обращения через призму *философии хозяйства* (совершенно отечественном течении гуманитарной, а вовсе не только экономической, мысли) к метафизике (уже постнаучной), а потому и к трансценденции (известной неизвестности), полилектике (целостности, а не системности), эзотерике (сокрытой тайне и с нею откровенческому взаимодействию), к идеальному, духовному и софийному (первомудрости), к сознанию и ноосфере, вообще к человеку как человеку (а не просто особи, субъекту, организму, механизму, системе, составу, точке) и всему человеческому (во всех его проявлениях – как благих, так и отвратных), к экзистенции (жизни, смерти, труду, творчеству), не третируя при этом ни Великой Неизвестности, ни Иного, ни даже Бездны с Преисподней, ни Неба, а всё это рассматривая как принадлежность мироздания, миробытия, людского

мирожизнеотправления, не проходя мимо и бесовского (и очень сильного!) начала в человеке, равным образом, животного, зверского, инстинктного, различая как данное исходно человеку, так и им самим обретённое, природное и культурное, естественное и искусственное, используя при этом и понятийные достижения просвещенческой (научно-философической) мысли, к примеру, такие, как те же система, энергия, информация, синергия, энтропия и негэнтропия, организация и самоорганизация, хаос и хаосмос, кризис и катастрофа, ну и эпохоисторические – Премодерн, Модерн и Постмодерн, да мало ли ещё что из наработанного умным человечеством, что думающему сознанию оперативно нужно, что работает на понимание и трактование реальности, не исключая ни древнего, ни средневекового, ни нововременского, ни новейшего, причём не втискиваясь ни в какую, уже и успевшую сдогматизироваться, парадигмальную ловушку, оставаясь не только свободным от «незыблемых истин», но и используя общепринятый, вполне и литературный, а не какой-нибудь специфический, он же «птичий», язык.

Главное тут вовсе не в том, чтобы нарочито придумывая новые термины, компоновать новую системную теорию, а пользуясь словами и терминами, в том числе и новыми, иметь *иное*, чем прежде, как раз и куда более адекватное представление обо всей реальности, её смысловой начинке, её началах и концах, её роковой экзистенции!

Европоцентрическое умственно-ментальное наваждение, близкое к помрачению, у россиян непременно пройдёт, Россия встанет на свою идейно-духовную платформу и вытянется во весь свой гигантский, но уже не пространственно-имперский, а идейно-смысловой рост, и представленная выше чарующе обнажённой в виде деликатно-исповедального оттиска актуальная отечественная гуманитарная мысль очень России пригодится, как пригождается она и ныне, пусть и в заметно искривлённой, аки в зазеркалье, смысловой интерпретации и практической реализации, что лишь подтверждает, что сия мысль не только есть, но и находится в продуктивном взаимодействии с реальностью, которую она не только по-своему трактует, немало и нелицеприятно, но и, пусть и в сопротивлении со стороны «европеоидов», меняет, а чтобы убедиться в том, другом и третьем, как и ещё в чём-нибудь, о чём обычно в открытую не говорят, в качестве приложения публикуются

в дополнение к представленному выше тексту как уже некогда возникшие, так и ныне возникающие тексты, раскрывающие как концептуальную (и трансцендентно *иную*!) заданность России, так и её текущую (тоже весьма *иную*!) данность, а также обосновывающие потребные нынешней России (опять же очень *иные*!) крутые перемены.

Обрати внимание, читатель, коли у тебя хватит интереса и духу справиться с представленными в книге доптекстами, насколько, скажем попросту, *хороша* отечественная гуманитарная мысль в своей познавательно-оценочно-провиденциальной адекватности полной загадок гуманитарной реальности, безжалостно настигающей разумно-безумное человечество и беспощадно накрывающей собою неотмирную Россию!

Всё, Господи*, уже сказано*: у России есть своё ***Концептуальное Слово*** и дело за... нет, не за малым, а как раз воистину за большим – за Делом, причём *иным* Делом, а не каким-нибудь ещё из уже набивших оскомину!

Да будет!

Странник

ОБРЕЧЕНИЕ
или Новый Екклесиаст

монолог с самим собой и для себя

Время и вечность
(сквозь онтологическую призму
немотно ревущего августа 2022 г.)

ПРЕД - ЛОГ

Нижеследующий текст, он же и логос, создавался в августе 2022 г. в виде вольно определявшихся записок, причём происходило это даже уже не в тревожный, а и во вполне уже остросюжетно и зло разверзшийся момент, он же и разрыв, исторического времени, судьбоносно обрушившийся на всю планету и на всех её насельников – что тех, что этих, что иных, а вовсе не только на россиян и украинцев, хоть и в особенности как раз на россиян и украинцев, – и писался сей текст достаточно умудрённым жизнью, познаниями, впечатлениями и собственными многочисленными научными, мировоззренческими трудами русским интеллектуалом-гуманитарием, верным гражданином России, весьма обстоятельно знающим, в чём он был абсолютно уверен, родную страну и её народ, достаточно представляющим себе, что есть в реальности владетельная и правящая теперь в стране элита, но и вполне себе сносно, в чём он тоже достаточно уверен, осведомлённым в ныне воюющем с Россией Западе, включая и его новоиспечённых сателлитов из Центральной Европы, а также весьма сведущим в сцепившейся с Россией не на жизнь, а на смерть Украине (Укронии), вновь по давней своей привычке воинственно воспылавшей яростью к России, бодро при этом перекинувшись, как не раз уже бывало в истории, на сторону исконных врагов и сиюмоментных противников не одной лишь России, а и вообще славянского мира.

Это чисто размыслительный, а вовсе не ситуационно-хроникальный текст, вполне себе и субъективный, а ежели он и страдает кое-какой объективностью, то не по причине обстоятельно изложенной в нём железобетонной фактуры, которой как таковой не только в тексте, но и где-то ещё предусмотрительно вовсе и не бывает, а лишь в силу доступного автору смысло-экзистенциального размыслительства, в особенность которого входит и такой обычно неприметный момент, как заслуженно доверительный контакт мыслителя не с чем-то в обыденном понимании потусторонним, а не более и не менее как с фундаментально онтологическим… э-э… Незнанием, причём контакт вполне себе трансцендентно творческий вследствие открывающейся перед мыслителем возможности распознавательного захода на оптически фиксируемую сознанием реальность со стороны как раз Незнания и вообразительно-гносеологического учёта его – этого Незнания – не только присутствия в видимой и знаемой человеком реальности, но и на неё, хоть и обыкновенно не замечаемого человеком, постоянного и вовсе не нейтрального влияния, что позволяет дошедшему до восприятия сего предельного познавательно-откровенческого пункта любознатцу не только заметить, что текущая вокруг реальность весьма и весьма не та, какой обычно представляется не одному лишь обыденному, но и вполне себе пытливо-изыскательному уму, то бишь заметить, что она – реальность – очень и очень иная, но ещё и обнаружить, что гуманитарная реальность не только не нечто всегда лишь итоговое, причём и нейтрально итоговое со стороны самой реальности, пусть хотя бы и объективно (так и как уж в ней всего лишь де случается), а нечто всегда ей – реальности – предшествующее, да ладно бы от человека, а то ведь от самой же реальности, которая, оказывается, тоже «думает» и тоже «решает», причём делает это и вполне проективно, хоть и весьма совсем не так, как это делает человек, а как-то очень по-своему, но ведь вершит же она себя, вершит, да мало что себя, а и человека тоже вкупе с захваченным ею его бытием.

Выходит, что человек, будучи – в чём он ныне абсолютно убеждён – царём не только себя, но и природы, даже уже и космоса, а потому и *полновесным де* вершителем своей реальности, оказывается тем не менее… – как раз рабом само́й по себе вершащейся реальности, не говоря уж о природе с космосом, не без великого

раздражения и заслуженной укоризны вполне себе реально царствующих над зарвавшимся в своей экзистенциальной гордыне человеком.

Знание человеком наличия недоступного ему и вполне невозмутимо субстанционального Незнания, восходящего к Вечности и лишь присутствующего инкогнито во Времени – великая для человека весть, как и ему удача и его же заслуга, а учёт человеком этой вести в делах размыслительных и управленческих – попросту великий ему приз!

Что это даёт алкающему истины гуманитарному интеллектуалу (не исследователю, конечно)? Не что иное, как выпадающую на него возможность вдруг обнаружить… как бы это сказать… э-э… скажем, пожалуй, так – вибрирующую состояниями, образами и картинами нереальную, почти что и отсутствующую, реальную ирреальность, которая мало что внутри обычно легко воспринимаемой человеком и ловко им под себя трактуемой реальной реальности, но и вне её, как раз там, где вальяжно раскинулась *Неизвестность* и вольно витает производное от неё *Иное*, где само *Время* сходится с самой *Вечностью*, – это как раз та скрытая от глаз человеческих реальность, которая была замечена, вскрыта и отображена на диссонирующих цветом, линиями, контурами и неживой плотью художественных полотнах дерзких модернистов и грубо припечатана к каждодневному бытию человека антибытийным и вовсю для человека уже пенитенциарным постмодернизмом.

В нижеследующем тексте нет никакой попытки подражания библейскому Екклесиасту, а есть лишь не более чем некоторая с ним духовно-настроенческая перекличка, хотя, впрочем, нет, не перекличка даже, а, скорее, ему – Екклесиасту – некая смысло-оценочная сопричастность, – почему нет, имеем право, пережив ужасную Великую войну, непреклонный сталинизм с его Победой в войне и Прорывом в Космос, естественно-неестественное угасание советизма с предательски обусловленным крахом СССР, торжество в изуродованной реформами стране хищного, хоть и улыбчивого, западнизма, крушение едва нажитой человечности и взлёт вездесущего сатанизма, в общем, всего этакого без всякой меры нахлебавшись, почему же было «не замахнуться» на Екклесиаста и не побрататься с ним понимающе: правда – она ведь и есть правда, хоть и колет порой глаза, да ведь иной

раз и излечивает, – хотя бы от иллюзий; не закоренелых трусов, конечно, выпечивает, не подлых предателей и не отпетых негодяев, а всё ещё бытующих на Земле, может, и изрядно подзаблудших, но… всё-ещё-людей!

Время, именно Время, находящееся под бдительным надзором Вечности, под неустанным напором Иного и под жутким давлением Великой Неизвестности, диктует, раскрываясь, что и кому на Земле думать и писать, как и бросает, предусмотрительно в себе закрываясь, на произвол судьбы сотворённое вдруг кем-то писание вкупе с его – писания – незадачливым творцом: а что ежели не о том и не так он помыслил, не то и не так написал, не на тот адресат нацелился, да и вообще раструдился велеречиво впустую.

Тут уж автору сего, как и любого подобного, текста нечего сказать: лажа, коли она случается, да ещё и с завидным постоянством, она и есть лажа, а уж удача… э-э… о какой-такой удаче вообще можно нынче говорить, когда такое вокруг творится и такие всюду творцы бытия, да и текстов тоже: лучше уж отдаться настойчиво инеумолимо текущему Времени, которое что-то непременно да и подскажет, ну и положиться, положа руку на сердце, на непогрешимую Вечность, которая сходу ничего, разумеется, не подскажет, зато утвердить ненароком кое-что из ныне сотворённого и всего лишь временно́го вполне себе и может!

ПО – ЛОГ

Время – либо ментальное изобретение человека, его сознания, либо ставшая достоянием человека, его сознания, извнешняя данность, что всего вероятнее, как, собственно, и Вечность – тоже ведь возникшее в сознании человека или в него запущенное извне знание-понятие, – и человек всем этим так или иначе обретённым им понятийным знанием весьма пользуется, понятия при этом не имея, что же на самом деле есть та же Вечность, кроме как полное Ничто, как и что есть Время, кроме как пусть и не такое уж полное, но тоже Ничто, лишь оба – Вечность и Время – становящиеся какими-то смысловыми Нечт'ами исключительно в воображении и переживании человека, который ведь ничего достоверно обо всём этом не знает, как не знает ничего достоверно и о себе самом, кроме лишь того, что либо он сам о себе, либо что-то (или кто-то) о нём за него думает, путаясь меж Нечто'м и Ничто'м.

* * *

Да, каждый человек, являясь на свет почти из ничего (а из чего?) и обретая сознание через посредство других (взрослых), уже и осознаниенных, людей, как бы и знает, опять же взрослея, что есть время – как прежде всего время (протяжённость) своей жизни, ну и время жизни (бытия, существования) кого-либо или чего-либо из вокруг зачем-то бытующего (существующего), при этом человек (особь) многое из чего, включая и самого себя, принимает за временное (сроковое, ограниченное, конечное), а многое из чего окружающего почитает за вечное (бессрочное, безграничное, бесконечное), имея при этом возможность кое-какой меры для многого из временного – той же погодовой меры, аннюэльной, круго-возвратно-цикловой, ориентируясь хотя бы на круго-возвратно-цикловое движение небесных светил вроде тех же Солнца с Луной (а они-то что, светила эти?).

* * *

Человек обычно знает, сколько ему бывает на тот или иной момент годичных кругов, то бишь лет, отмечаемых им по движению того же Солнца с учётом циклических перемен в окружающей человека природной среде, не преминуя при этом пользоваться изобретённым им для меры времени календарём и теми же часами, отчего человеку известно, пусть и не до конца и условно, время его сбывшегося пребывания на свете – в летах (годах), месяцах, днях, а при желании, которого обычно нет, в часах, минутах и секундах, однако это для человека не всё и не главное: человек знает (ощущает, чувствует) другое – самого себя, свой физический (животный) организм, его текущее состояние вкупе с прожитостью (возрастом), свою ментальность, свои мироощущение, миропонимание и мировосприятие, своё отношение к людям и их отношение к себе, своё бытие в разных контекстах – природном, семейном, социальном, культурном, хозяйственном, политическом, творческом, военном, уголовном, мошенническом, да мало ли ещё в каком, в общем, человек осознаёт по самому себе не только свою принципиальную экзистенциональную временность, но и сам ход (течение) этой временности по движению его собственной, им ощущаемой, чувствуемой, фиксируемой экзистенции.

* * *

Младенчество, детскость, юность, молодость, затем первая, вторая, третья (от 30 до 60 лет) зрелость, а потом и, это уж как станется, либо ещё одна, вторая, третья зрелость, либо, увы, старость, сначала первая (иной раз и последняя), затем, коли повезёт, вторая, а напоследок уж, коли повезёт или коли, наоборот, не повезёт, третья – совсем уж завершающая (немощная). Так или иначе, но человек примерно знает, какие экзистенциальные этапы он проходит по жизни, в каждом из этапов соответственно себя и проявляя: сначала и весьма долго входя в окружающее и своё собственное бытие, осваиваясь и учась, в меру потребностей, возможностей и сил участвуя в бытии и что-то своё в нём построяя, более всего, конечно, построяя самого себя; затем вполне осознанно и со знанием дела напористо участвует в реализации своего и окружающего человека бытия, мало того, в его – бытия – созидании, как, впрочем, и разрушении, как, собственно, ничего особенного и не совершая, а так – лодырничая, уклоняясь от дел, сибаритствуя, паразитируя, мало того, присваивая не своё, воруя, грабя, мародёрствуя, но и это не всё – издеваясь над людьми, пытая их, калеча, убивая, правда, участвуя и в оправданных защитой себя, близких, имущества, территории, страны, вообще жизни, смертоносных схватках, битвах, войнах; потом наступает момент осознания итога: как жил (жила) и кем был (была), кем и стал (стала), кем и как завершаешься, да ладно бы кем и как есть, то бишь самим (собой) по себе, а то ведь с обезоруживающей печатью на своей «физии» (лице, стало быть, если не прямо на «морде лица»), это во-первых, а во-вторых, вкупе с вдруг являющимся в тебе… э-э… двойником, вступающим с тобой в нелицеприятный (немордоприятный) диалог, а то ведь и вполне каверзный, едкий, колкий, дрянной, адский, да всё о том же – о тебе самом, о тобою прожитом и тобою совершённом (как и не совершённом): как, зачем, какой ценой, с каким итогом?; и идёт тогда он – суд, он же и самосуд, и не скрыться от него, разве лишь отмахнуться, да вот всё как-то неловко, не насовсем, не навсегда, и гложет, зараза, гложет, ничего такого и не говоря, а так – молча, без воплей, втихую, ибо не так от Времени он, как от… Вечности, которая и не глаголет ничего, а молчит себе и молчит, всё тебе молча и говоря: что в угоду и в добро, что в упрёк и на зло, ей то что – Вечности!

* * *

Хошь, не хошь, а диалога сего с Вечностью никак не избежать, никому из проживших и доживших не избежать, и диалог сей как раз на старости лет и случается, когда исторический персонаж не то что никому уже не нужен (даже и себе самому), а попросту он уже вне – вне животворного процесса, вне деловой суеты, вне искристого бытия, хотя персонаж сей вроде бы ещё есть на свете, даже и что-то осмысленное говорит и что-то полезное делает, что-то, глядишь, даже и творит, но… «жисть» вокруг уже другà, бытие уже ино́, даже не так по образу и смыслу своим, хотя это так обычно и бывает, а попросту всё это уже не его, ему не своё, к нему не доброе, хоть и совсем не обязательно, что злое, оно всего лишь… безразличное – что к персонажу сему, что для него самого! И брюзжит тогда персонаж, брюзжит, да всё мимо цели, всё в «молоко», всё в пустоту – судьба-с!

* * *

Награда! Да, пожалуй что, и награда, да вот не за отвагу, не за подвиг, даже не за му́ку, вообще не за что-то житейское, хотя что-то подобное, возможно, и было, и есть, а за… невозможность – НЕВОЗМОЖНОСТЬ, вообще невозможность, как раз за то, что не может быть и не может быть никогда, однако почему-то может-ся, свершается, стается, делается, происходит, как раз то самое, за что не может быть никакой другой награды, кроме тупого игнорирования, шипящего осуждения, безмолвной злобы, ну и нарочитого забвения тоже – так всё и бывает: вот тот же Ленин – то ведь ещё забвение, – и это при массово посещаемом мавзолее посреди Красной площади!

* * *

Старость старостью, да вот немало ведь старостей как-то очень уж смахивающих на голгофу, да совсем не ту, всем хорошо известную, а совсем другую: казнь неторопливая тут, да вот не так физическая или та же моральная (ещё и с угрызениями – слово-то тут какое!), а затянутое присутствие на старовозрастном эшафоте то ли в роли известной ненужности, то ли ненужной известности, – тут уж всё одно: быть, не будучи, или же не быть, зачем-то вроде бы будучи, что не мешает проникать туда – в зачеловечность, обнаруживая вдруг оттуда, что человечность покруче самой

дьявольщины будет: с дьяволом хоть потягаться, а то и договориться, можно, а вот с человеком, увы, никогда!

* * *

Всякий переживший не совсем уж кое-как 1990-е и переживающий совсем уж кое-как 2020-е должен понимать, что за хлебами, зрелищами, цифирью и «патриотизмом» стоит нечто, что прямо в Нём, кто выше всех, вне всех и во всех сразу, кто безгрешен, безграничен и неоспорим, кто – *чудотворец* – ЧУДОТВОРЕЦ! и кто – благодетель – БЛАГОДЕТЕЛЬ!, кто был, или не был, в общем-то… НИКЕМ, кто вышел, или не вышел… НИОТКУДА, но кто явно теперь тянет на личное БЕССМЕРТИЕ!

* * *

Свершилось-таки! И именно в России! О-очень интересно! Мало, как оказалось, нам было Иоаннов, Петра, Ленина, Сталина, так теперь вот и Он – кульминация!, за которой кое-что совсем уж невероятное: из всего нынешнего российского гуртования вдруг вызревает аки цветок из навоза что-то совсем уж невозможное – последнее на Земле человечество, которое вскоре и не человечеством будет, а… уж кем будет, тем и будет – каким-то там постчеловечеством, но не тем, о котором мечтал наш полусумасшедший звездочёт из Калуги – не «лучистым» вовсе, а совсем другим – всего лишь «тлеющим», нам, глупым умникам, совсем никак и контентко не известным, зато немало эффективным, настолько, чтобы навсегда покончить с этим странноприимным земно-космическим проектом, называемым «ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ» – и, обрати внимание, случайный читатель сих неблагосклонных записок – через восположение к старательно затёртому, не без удовольствия обгаженному и нарочито ныне воспыляемому квазирусскому помёту! Правда, всё может случиться и по-другому, да так, что лишь одни мурашки по телу!

* * *

Старость на то и старость, чтобы хотя бы пробурчать себе под нос хоть какую-то *правду* (правдишку), обычно умалчиваемую, гонимую, а то и высокомерно презираемую, да и не просто правду, а правду-*суд*, правду-*приговор*, правду-*штык*, которая куда-как покруче любой добытой любовно истины будет, ибо она – правда –

выше истины, поскольку она вовсе не антизнание, чем хочет всегда казаться истина, а всего лишь… антиложь, *чем правда обычно и кажется*, когда ложь бывает чуть ли не истеннее самой истины, мало того, ещё и значимее гуляющей по закоулкам бытия щемящей правды, ибо с правдой сей никак никому не прожить, а вот с ложью, глядишь, и *князем мира* сможешь вдруг статься, пусть и краплёным князем, даже на худой конец и *князем тьмы*, да вот **Князем** всё-таки!

* * *

На моё как-то брошенное среди умных пресс-интеллигентов замечание (сенсацию, блин!), что Россию предавать никак нельзя, мне было вполне резонно возражено: «А разве можно предавать любую другую родную страну?». Тогда я вразумительно осёкся, а вот сегодня скажу, что предавая Россию, предаёшь не только и не просто Россию и даже не только и не просто себя, а предаёшь какую-то сакральную неведомость, которая не то чтобы потом предавшему мстит, превращая в безликое и безличностное ничто, пусть и внешне вполне ухоженное и чуть ли не пристойное, а как-то по-особому его метит, да так, что никому из изменщиков и свидетельствующих неизменщиков мало почему-то не кажется! Загадка тут, да ещё и какая: предал Россию и… прямиком в фатально бытующее среди бытия и бдительно тебя подкарауливающее небытие!

* * *

Счастье это или несчастье родиться в России и ей принадлежать, в ней быть, мало того, ещё и бескорыстно ей служить, не рассчитывая ни на какое вознаграждение, кроме страды, неприятия и гона, а то и ненависти, но так уж случается по вовсе не твоей и даже не твоих родителей воле, а по воле свыше – родиться именно в России, а может, попросту всего лишь в ней оказаться, а потом в ней быть, таща житейскую лямку, даже и, коли повезёт, расцвести, ещё и ей – России – непременно послужить, причём самоотверженно, часто слишком уж вокруг многому, а то и прямо-таки всему, вопреки, даже и наперекор самой же России (это ежели служить по правде, пусть и спасительно для неё – для правды, как, впрочем, и для себя и даже для России – ловко тобою непременно прикрываемой – недоговорами, умолчанием, намёками,

отводом глаз, улыбочкой, – что тут поделаешь: правды на Руси хотят, её жаждут, но за правду со тщанием бьют и без пощады изничтожают, да и саму правду непременно замолчат, заболтают, упрячут, в общем – саннигилируют!)

* * *

Верил ли автор этих записок в коммунизм? Да, верил, ибо застал сию веру в действии; почему было не верить, хотя бы как в возможное, если и не в светлое, то в хотя бы достойное зéмное будущее; верил вкупе с верой в человека, да ведь и основания были – коммунисты-сталинцы по большей части тогда не подводили, трудясь во благо людей и бескорыстно служа Родине, да и сам автор, побыв октябрёнком, пионером и комсомольцем, то бишь тоже сталинцем, вовсе и при этом не сталинистом, вполне осознанно и не без пусть и не так веры в коммунизм, как не без признания самой идеи коммунизма, повторяю, как идеи достойного будущего, стал в 23 года коммунистом. Да, со временем, конечно, убеждался, что всё вокруг не столь уж соответствовало «светлым» коммунистическим идеалам, отчего желал какого-то иного коммунистического бытия, да вот само-то бытие как-то всё меньше соответствовало провозглашавшейся Модели, отчего и желал Перемен, весьма и существенных, как раз в направлении коммунистических идеалов, в сторону Модели, да вот пришлось-таки осознать, хоть и не сразу, что реальная жизнь не то что вообще, мягко выражаясь, далековата от любых благих идеалов, как и сами благие идеалы весьма далеки от реальной жизни, но ещё пришлось осознать и то, что мало что реальная жизнь не торопится спешить к братанию с идеалами, предпочитая, хочет она того или нет, суровую правду жизни, пусть и густо замешанную на житейской корысти и лжи, а благие идеалы, увы, несут в себе не так благую правду, как более всего благую ложь, даже и (Sic!) немалую корысть.

* * *

Нет, никакого ужасного стресса от крушения коммунистических идеалов, уже и весьма к тому моменту потрёпанных, он не пережил, зато пережил немалый стресс от крушения собственных (нет, не личных, а именно собственных) идеалов относительно человека вообще, общественной жизни вообще, граждан-

ственности вообще, наконец, и россиянскости вообще, ибо многое из реально людского оказалось совсем иным, к сожалению, совсем и не благим, хотя многое из реально людского ухитрилось и в момент безудержного нашествия алчности, несправедливости и лжи (в славные 1990-е) остаться людским, немало, кстати, и соответствовавшим коммунистическим идеалам бескорыстия, товарищества, преданности Родине, гражданственности, труда, творчества, служения людям и общему делу, вообще человечности.

* * *

Автор смеет отнести себя ко второй части соотечественников – людской, кстати, вовсе и не малой, скорее даже, бóльшей, но, увы, не оказавшейся способной предотвратить крах не одного лишь СССР с его уникальным социохозяйственным устройством, и не только крах КПСС с её коммунистическими идеалами в роли ведущей не только идеологической, но и экзистенциальной силы, так и не смогшей предотвратить краха, а скорее, оказавшейся невольным и весьма удручённым свидетелем краха, увы, идеала человечности вообще (пусть и не в тотальном масштабе, но всё-таки в большом, слишком большом, слишком!), когда из человека вдруг масштабно повылез нелюдь, зверь, бес, опять же слишком масштабно повылез и слишком уж нелюдь, зверь, бес, да мало что повылез, так ведь и инициативу захватил, отменив начисто совесть с её нелепыми-де угрызениями, справедливость, честь, стыд, ну и само собой, честность, гражданственность, бескорыстие, преданность Родине, а взамен навязав корысть, алчность, несправедливость, златолюбие, разудалую порочность, – и всё это, заметим, под сенью «свободы, цивилизованности, демократии». И удалось же, удалось, даже и блестяще удалось – не просто вывернуть бытие наизнанку, но и бросить его прямо в бездну, в преисподнюю, в сущий ад! Каково, а-а?! Бац… и на тебе… Ад!

* * *

Говорить тут о том, что происходило в 1990-е с людским житиём, с самими людьми, их моралью, поведением и судьбами хоть и можно, но не слишком-то и нужно: и так ведь всё всем из порядочных и здравомыслящих людей ясно, да и что добавит такая вот фактологическая историография, какой от неё будет резон, а вот попытаться понять почему – ПОЧЕМУ! – сие произошло: что сам

переворот, что его итоговый результат, вот это, пожалуй, важно, да что важно – страшно, ибо касается это не так даже глубинного переворотного заговора, не той же подрывной в отношении СССР и его строя деятельности тогдашних верхов, не их предательства вкупе со сдачей любых сколько-нибудь человеческих, кроме, разумеется, дьявольских, идеалов, как и со сдачей своей (вроде бы своей!) страны исконному противнику – Западу во главе с США, не того же привольного впуска Запада в бывший СССР, в новую РФ, не обильной вестернизации страны, не разрушения под действием Запада той же отечественной промышленности, не спутывания по западным рецептам отечественной науки, не запутывания культуры в терновых венцах антикультуры, в общем – не так всего из всего подобного, что явно и размышлений-то особых с доказательствами не требует, – тут, пардон, дело совсем в другом, вовсе не в столь уж и очевидном, не в историческом процессе как таковом, не в текущих ситуациях и происходящих событиях, даже не в самих по себе деяниях людей, а дело как раз в обычно либо по наивности не учитываемом, либо по незрелости непонимаемом, либо умышленно замалчиваемом, а то и ловко оправдываемом – как неизбежности, если не блага, а именно в феномене, называемом что походя, что специально, что официально не иначе, как человек – ЧЕЛОВЕК!

* * *

Неизвестно откуда, как и зачем взялось на планете, называемой человеком Землей, живое существо, называющее себя человеком, но зато весьма известно, что сидит в этом существе, переполненном сознанием вкупе с безсознанием, немало чего, пардон, не-человеческого, животного, зверского, бесовского, ещё и корыстного, алчного, подлого, лукавого, как и известно хорошо, что только идейные, культурные, государственные (в той или иной мере насильственные) оковы способны сдерживать всё это, нечеловеческое в человеке, да и то лишь в некоторых пределах, никогда сие нечеловеческое в человеке до конца не устраняя, а ещё известно, что всё это нечеловеческое не только прочно удерживается в человеке, будучи не просто трудно устранимым, но и (Sic!) ему – человеку – необходимым, как и всё это для кого-то мерзкое, а для кого-то и душу греющее, всегда (!) стремится вырваться на свободу, что и обычно происходит в случае ослабления над сим нечелове-

ческим человеческого контроля со стороны самого же человека, и непременно вырывается при случае на простор, да мало что бунташно-анархически, а… (Sic!) вполне и организованно, и обусловленно, причём вовсе не на мгновение, а иной раз и весьма надолго – бессрочно, однако пренепременно дожидаясь какого-то нового, даже, знаете ли, совсем и не деликатного, укрощения. История человечества – история борьбы, скажем так, человеческого и нечеловеческого начал в человеке, его житии и деяниях, в которой и не разобрать бывает, где, когда и какое из этих начал в большем деле, как и где, когда и какое из них превалирует, да и где, когда и какое из них чему в итоге служит.

* * *

Вот и вся тут недолга: бытие с историей очень уж в этом вопросе – диалектики в человеке человеческого и нечеловеческого – неразборчивы! «Я есть то зло, которое делает добро, как и я есть то добро, которое вершит зло!» Замечательно! И причём же тут всякие умные сентенции относительно того, что хорошо, а что плохо, хоть без таких сентенций человеку и не обойтись: нет добра без зла, как и зла нет без добра? И что же? А ничего: что сказывается и делается, то и истинно, причём сказывается и делается что-то этакое обыкновенно победителем, властителем, синьором, господином, авторитетом, решалой, вообще более на тот момент сильным, а вот где, когда и как сказывается и делается, ещё и с помощью кое-каких вспомогательных средств вроде media, адвокатов или того же пистолета, это уж дело конкретного бытия и конкретной истории, причём вовсе не как обстоятельств, участников, средств и свидетелей, что понятно, но и как решающих агентов сложного (запутанно-перепутанного) диалектического процесса, что, может, не так уж и понятно, но зато верно! Поди-ка, разберись!

* * *

Да, конечно, человек человеку – друг, товарищ и брат, особливо при взаимной опасности, при совместных невзгодах и испытаниях, при бедах, на войне, в бою, на пожаре, на охоте, в море, хоть и здесь не без отклонений и вывертов, однако всё же это есть, бывает и вовсе немало по жизни бывает, даже много бывает, иначе ведь не прожить – без взаимопомощи, деловой и душевной взаимности, без дружбы, товарищества, братства – факт! Однако есть

и другой факт, прямо противоположный, пожалуй что, и более достоверный: что человек человеку не то что враг, хоть это вовсю и случается, но в той или иной мере противник, конкурент, недоброжелатель, в лучшем разе – никто, причём прямо в песочнице, во дворе, в школе, в семье, в вузе, на работе, в той же армии, а что говорить о рабствах, войнах, колонизациях, том же геноциде – э-эх, везде и всюду межлюдская внутривидовая экзистенциальная война, которая, конечно же, сочетается с экзистенциальным внутривидовым миром: меж людьми, коллективами, стратами, странами, цивилизациями, геомирами, – иначе всё это несуразное, а может, по-своему и суразное, земно-космическое давно бы сгинуло, да и вряд ли бы возникло.

* * *

Жизнь и смерть, бытие и небытие, взращивание и погубление, а соответственно – Время и Вечность! Нет, не так Время, оно же Хронос, пожирает всё живое (и неживое тоже), всё человеческое (и нечеловеческое тоже), как Вечность, да-да, та самая Вечность, о которой и сказать-то нечего, кроме того, что она – Ничто, что она – Пустота, что она – Смерть, хотя она не первое, не второе и не третье, а вот сказать о ней действительно нечего, ибо она – Тайна! И не Вечность зависит от Времени, а Время зависит от Вечности, а потому не Время пожирает Вечность, а Вечность пожирает Время со всей его временно́й и вре́менной начинкой. Вечность первична, изначальна, исходна, а Время вторично, производно, выходно, и за любой экзистенцией, какой бы она ни была, стоит не так Время, её порождающее, как Вечность, её сначала дозволяющая, а затем и умерщвляющая, а вот зачем всё это, а главное, отчего же не может быть иначе, кто ж из смертных знает?

* * *

А если так, то как же это бытовать во Времени без борьбы за это самое бытие, да не только биться со смертью и за свою жизнь, не только с природой, стихиями и космосом, не только с другими существами, не только с себе подобными, не пренебрегая при этом и единением со всем этим, пусть относительным, ограниченным, временным, но и не без борьбы с самим собою – каким же тогда быть? – а всего лишь (!) осознаниенным, то бишь знающим, да не что-нибудь, а то, что есть факт смерти, а потому есть и факт

жизни, и что со смертью надо бороться, и борясь с нею, надо бороться не только за жизнь, но и с жизнью – что своей, себя ломая, что с другой подобной жизнью, уже её ломая, чтоб покорной была, чтоб кому-то и для чего-то была полезной (рабской), либо же кому-то зачем-то хотя бы не мешала: отсюда и феномен геноцида, который, заметим на полях, вовсе не сводится к уничтожению одних народов другими народами – феномен тут, что называется, «поширше», пообъёмнее, поразнообразнее будет, да и куда как поорганичнее относительно человека, бытия, истории!

* * *

Время – это не только бытийная протяжённость всего временно-временного, но и его – этого временно-временного – субстанциальность, включая и идеальную, ментальную, когнитивную, а потому Время не только протяжённо, но и дискретно, турбулентно, вертляво, вихревато, курчаво, выворотно, крученно, ибо ***vito*** необходимо сочетается во Времени с ***morto***, что и означает, что Время всё время в борьбе за себя с Вечностью, которую победить при этом не может, но без борьбы с которой оно быть тоже не может. Вот отсюда и Обречение – на временно-временное бытие всего во Времени бытующего, на какой-либо срок пребывания, на прерывность сознания, на неполноту знания, на непременность угасания, на неизбежность конца, на неотступность смерти, во всяком случае, смерти во Времени! Не худо, не правда ли?! Обречение, но всё-таки не обречённость, поскольку у каждой временно-временной явленности (сущности, вещности, вестности) есть своя стойкость, своё к себе самоуважение, своя способность к сопротивлению и даже к действию – как раз в своих интересах – до поры, разумеется! Обречение – сочетание внешней, идущей от Вечности, неволи с внутренней для всего существующего во Времени волей, что в итоге и даёт то, что как раз и есть для всего временно-временного экзистенция!

* * *

Время – не Вечность, у которой, кстати, никакого времени нет, даже и вечного. Время – категория смертного, а для осознаниенного зачем-то смертного – своё, то бишь осознаниенное, время – человеческое, что для отдельной особи, что для рода или какой-нибудь людской общности, что для этноса, ну и, само собой, для всего

человечества. Человек – что особь, что коллектив, что масса – живёт во времени, его учитывает, считает, нумерует, квалифицирует, а своего точного для себя времени бытия не знает, ибо живёт он ещё и вне времени, сопрягая своё бытие с Вечностью. И вовсе не Время, точнее, не только Время даёт человеку жить и бытовать человекам, а и Вечность, отчего можно сказать, что Время – матерь человека, а Вечность – отец, – и как отец решит, так оно и бывает! А Время – как время как раз человеческое – что-то ныне не то что вдруг заколбасилось, а явно пошло в разнос, – нет, не мир земный, не человечество только, а именно само Время, – каково, а-а?! Что-о, не согласен, случайный читатель, не может, мол, такого быть, так ведь Вечность ни тебя, ни меня, ни кого-либо ещё из смертных спрашивать не собирается: как хочет, так и делает! Разве не чуешь ты, умный читатель, тревожного беззвучного гула от нарастающей тёрки между Вечностью и Временем – как раз в сердцевине своей человеческим?!

* * *

Не чуешь, недоверчивый читатель, ну и бог с тобой (не Бог, а именно бог – в ходячем выражении), и не надо тебе ничего такого чуять: Время и Вечность сами разберутся, что делать с тобой и тебе подобными: Третья мировая не только уже идёт, но и идёт как именно третья, а ведь ничего крутому четвёртому, как известно, не бывати, как не стать той же продажной карфагенообразной Америке Четвёртым Римом, а той же запутавшейся в самой себе Европе уже не стать не то что Римом, а даже и Четвёртым рейхом! Так что последняя тут война, причём как раз с последним Римом – Российским, пусть и ныне по-карфагенски и по-вавилонски весьма загаженным усердным Западом за последнее, почитай, полустолетие (уж постарались западники и вавилонцы – что те, что эти!) – и война сия более всего тянет на войну не на завоевание, а на уничтожение – да не городов с населением, что понятно, а самого́ по себе человека, точнее уже производного от человека некого человекобраза, который, будучи уже хорошо оттиснутым воцарившимся на Земле евроамериканским и идеально-антикультурным агрегатом, теперь ещё и с тщанием оцифрованным, как раз и вершит последний на Земле дышащий погибелью вавилонский бал. Круто, не правда ли? Можно ли так утверждать? А можно ли так не утверждать, а-а?

* * *

Дурной, так сказать, контент! А какой же ещё, коли мир дурён, коли он уже на крайне опасную для своей экзистенции долю поглощён созданным человекобразом антимиром, и уж коли есть сегодня война, то война как раз между антимиром и миром, когда первый пожирает второго, а второй, мало что из происходящего с ним понимая, лишь робко этому пожиранию сопротивляется. А что касается человекобразов (или постчеловеков), то это вовсе не так босхианские корабельные дураки, которые всегда были, есть и будут, немало иной раз и в ином месте преуспевая на житейском поприще, а вполне себе (Sic!) благообразные, даже по-своему умные и изобретательные, деятели от политики, управления, культуры, науки, образования, криминального мира, военного дела, той же юстиции, в общем – наше и их всё! Антимир – противо-мир, то бишь анти-мир, мир от Преисподней, от физики, от живота, от комфорта, следственно, от небытия, от пустоты, от смерти, а смерть в данном случае вовсе не входной билет в иной мир, а главная судная памятка, она же и повестка, для этого, вполне и живо мельтешащего внутри себя, мира. И не деньги тут виною, не злато-серебро, не техника, даже и не модная на сегодня цифровая электроника, – тут, знаете ли, виною… сам человек, охотно и бодро ныне расчеловечивающийся, так и не успев стать собственно человеком (в массе своей, конечно, да вот прежде всего, однако, в той самой – элитарной!).

* * *

Скажи человеку: «Свободен!», да ещё и прибавь: «Всё позволено!», и нет человека, зато массово является человекобра́з, а уж ежели оснащённый хлебами, зрелищами, комфортом и безумной туда-сюда движухой, то и вообще челозверобра́з, – незаметненько так, но зато в мириадных общемировых количествах. Человек – это ведь скрепы, тиски, границы, страды, даже и кое-какие муки, а иначе ни души, ни сердца, ни сознания, ни когнитива, ни совести, ни чести, что как раз ныне в почёте и в бесконечности и имеем, то с умилением, то с ужасом взирая на разгулявшегося челозвероборазa, ничуть не задумываясь о значении лихорадочной подрывной предвариловки его гениальных предшественников. Теперь уже всё – альтернативный миру целостный искусственный антимир создан (возник), да мало что как

запараллеленный естественно-человеческому, так ведь ещё и этот последний жадно разъедающий, валом вытесняющий и скопом умертвляющий, разъедая, вытесняя и умерщвляя само естество и самого́ человека, а хода назад для мира и человека нет, но нет им хода и вперёд: наступила-таки счастливая фаза эвтанации мира и человека, а как же иначе? – да уж, сколько ленте Мёбиуса ни виться, а конец её (ей) непременно найдётся, не так ли?

* * *

На всё это гнусное речение вовсе не обязательно обращать внимание – не в первой же!, как и не обязательно обращать внимание на пророческий Иоаннов «Апокалипсис», – мало ли что могло придти в воспалённую голову удручённого пророка, да и преображение, кажется, он прозревал, так что вперёд, человече, только вперёд, а пока… всего лишь… пере-образ-ание, причём уже по своему, сугубо человеческому, рецепту, – что в этом плохого?, а ничего, кроме, пожалуй, убывания из человече чего-то тяжкого, но для него благого, и прибывания в человече чего-то лёгкого, вовсе на погляд и не злого, даже и приятного, но напрочь для человека другого – как раз нечеловеческого, что и превращает человека в какое-то иное существо – из натуро-духовно-соборного в искусно-механо-сборного. И это, знаете ли, не шутки вовсе и не вольные фантазии: процесс пересотворения человека человеком по указанному выше треку вовсю идёт, везде идёт, по всей Земле идёт, и обязан сей процесс более всего не чему-нибудь, а научно-техническому прогрессу, да и более всего не кому-нибудь, а еврохристианской в ядре, пусть с ренессансного момента и более всего антихристовой, цивилизации!

* * *

Ладно, не будем обо всём об этом – странном, страшном и смрадном, то ли сбыточном, то ли несбыточном, хоть война мировая и разгорается: то ли за человека и против «зачеловека», то ли, наоборот, более за «зачеловека» против всё-ещё-человека, во всяком случае война сия идёт, причём такая война, которой никогда на свете и не было – антимира с миром, как и мира с антимиром, но при этом уже и ещё одного антимира с другим антимиром, – не слабо, а-а? У-ух, и догадочка тут, как раз та, что последняя! Ничего себе! Следственно, мир уже не то что приго-

ворён, а и впрямь, приговорённый, уходит, а на его месте уже вольтижирует антимир, так что не так теперь война миров, даже не война мира с антимиром, как и антимира с миром, а самая что ни на есть война антимиров – шутка ли! Что-о, замер, небось, неуступчивый читатель, почувствовав хладный пот меж лопаток от невольного ужаса, а может, и не замер вовсе, а наоборот, пришёл в дикий восторг – наконец-то?! Да-а, к традиции уже мир не вернётся, – да и чёрт бы с ней – с традицией – новая жизнь ведь впереди – неведомая, но такая привлекательная, красивая, лёгкая, когда думать не надо, а только жить да жить, наслаждаясь самим наслаждением, а так вот наслаждаясь, вовсю и жить, – вот оно – Золотое время, и не какой-то там примитивный коммунизм, это уже изощрённый наслаждизм – свободный, щедрый, вседозволяющий! Безбашенное безбудущное будущее – сила!

* * *

Да-а, будущее – БУДУЩЕЕ! – сила, – но и отсутствие – ОТСУТСТВИЕ! – будущего – тоже ведь сила, ещё куда как бóльшая сила, ибо неодолима она – НЕОДОЛИМА!, ибо от Вечности она! И сегодняшняя межмировая, она же и межантимировая, война кое о чём касательно будущего, как и его отсутствия, скупо, но достаточно остро, говорит. Обращает на себя внимание внешняя бессмыслица войны: её вроде бы не должно было бы быть, а однако же война есть, она идёт, превращая мир человеческий не просто в мир с войной, а в мир-войну, если не в войну-мир, разумеется, с учётом того, что за миром-де скрывается ныне захвативший его антимир, отчего теперь не что иное в реальности, как мирантимир-война**,** или же война-мирантимир. Вот и приехали, вот и добились своего: какое же тогда будущее нас всех поджидает, а-а? Сейчас, знаете ли, имеет место очень интересненький внеисторический (конец истории!) момент, когда будущее вдруг оказалось… без будущего, но не в силу незнания человеком своего будущего, что понятно, а в силу знания человеком его – будущего – отсутствия! Не слабо, правда?!

* * *

Никто ничего такого не знает, да и знать по преимуществу не хочет, а ежели кто что-то, возможно, и знает, то помалкивает, чтоб не приняли за сумасшедшего (не назначили безумцем, да и не упрятали с глаз долой в «сумашеку»). Что же касается знания

всего не такого, то бишь попусту суетно-обыденного, с этим то как раз вокруг всё в порядке: «тараканьи бега» в разного рода и достоинства головах в полном разгаре! – что осознанно в политикууме, что самоуверенно в media, что расчётливо и осторожно в науке, ну и, как водится, в дружеских, родственных и соседских не без приёма горячительных напитков посиделках: вот уж где и когда все всё знают (теперь вот более всего из интернета), обо всём бесцеремонно судят, что не надо и к чему не надо приговаривают, чего не надо и кого не надо превозносят, утверждая при этом прямо противоположное и никак не идя на мнениевые компромиссы. А всё почему? Да по тому простому обстоятельству, что бытие-история хоть и творится человеком, да вот творится оно им практически вслепую, мало того, само бытие-история, уже самотворясь, тоже творится вслепую, подталкиваемое безразличным Иным и обволакиваемое беспощадной Неизвестностью, отчего на ярмарке всезнающего человеческого тщеславия в ходу по преимуществу незнания, выдумки, ошибки, околесицы, дурь, что там ещё?

* * *

И вот среди всеобщего незнания (незнания как раз всего главного!) и столь же всеобщей деятельной слепоты (неузреваемости опять же главного!) есть только один субъект, да и тот трансцендентный, который что-то этакое знает и куда-то, если не прямо в Бездну, прозорливо зрит, и этим субъектом является, кто бы подумал… Россия, да-да, именно так – РОССИЯ!, однако не как страна, не как геообразование, не как государство, даже не как народ, а как… идея, да-да, именно так – ИДЕЯ!, однако никому не известная, даже и самой России, ещё и как раз той са́мой России – глубинной. И дело не в том, что у России нет де своей идеи, а в том, что сия идея, которая, конечно же, есть, не должна быть никому до срока известной, отчего и всякие попытки навесить на Россию хоть какую внятную идею обречены на провал, а ежели что-то всё-таки в связи с этим осознанно принять, то лишь одно: «Россия – кладбище любых внешних и надуманных относительно неё идей, но при этом и сокровенный кладезь своей, как раз нехомогенной, идеи». Россия слишком ина – ИНА!, чтобы, во-первых, не иметь своей идеи, во-вторых, чтобы сообщать сию идею кому ни попадя, в-третьих, чтобы не добиваться реализации в Конце времён этой своей идеи.

* * *

Идею России, что не значит российскую идею, надобно просто признавать, не зная, какова же она, эта идея, ибо не формулируема она на языке человеческом и ей – этой неизвестной идее – ИДЕЕ! – надобно человеку русскому, включая и любую обрусевшую или ещё активно обрусевающую особь, несмотря ни на что… служить, хоть это и не просто, и страдно, и тяжко, и даже страшно, а то и попросту невыносимо, однако личностно не то что продуктивно, а и по-особому душеподъёмно и даже по-своему – без фанфар, разумеется – торжествовательно! Во как! Выдумка? Конечно, согласимся, тут не что иначе, как выдумка, однако зачем-то вдруг выдумываемая, да не кем-нибудь, а потомком беззаветно послуживших России, пусть и не спец-идейно, вполне себе русских людей (как раз из русичей), да и лично самим России весьма послужившим, пожалуй что, немало и спец-идейно, даже и весьма по-своему, так уж случилось, ибо в натуре и сознании его, как и в самой его жизни, включая и гуманитарное творчество, много чего сошлось из русского, что и вывело его в итоге на заветную размыслительно-переживательную дорогу, не дав с неё свернуть и позволить дойти ежели не до конца (где он – этот конец?), то уж до весьма значимых рубежей – точно! Знает, старче, о чём говорит, знает!

* * *

«В Россию можно только верить!» Факт! Как вполне себе фактом является и то, что Россия, собственно, и есть для русского человека первая и последняя вера. Да-да, именно так: первая и последняя вера! Тех же христиан, как и среди них ортодоксальных, а в России православных, по миру и в самой России хватает: близких друг к другу, отдалённых друг от друга, небезуспешно между собой враждующих, как и друг другу дружественных, в общем – разных хватает христиан, а вот Россия, задолго до христианства и его внедрения в Россию (Русь) уже бывшая русской (неважно под каким названием, пусть попросту протоРусью со своим проторусским языком и тем же протоисторическим волхво-ведизмом), так вот эта самая Россия не просто была (пусть и как протоРусь), так и ныне есть, была и есть у русского человека мало что своя, но ещё и одна, но и это не всё – родной отцовский очаг она для русского человека, ещё и матка родная, – и что же тогда – не верить

в Россию, не быть её сыном, её дочерью, не служить ей? Можно, конечно, но, как давно уже повелось – с потерей не только Отчизны и Родины, не только России, но и себя – русского!

* * *

Россия – дар, но, увы, не подарок, мало того, она жмёт, треплет, гнёт, не уставая проверять детей своих не прочность, но и на любовь к себе тоже, как и на к себе же неприязнь, на отказ от себя, даже и на к себе ненависть, но зато даёт своему, причём своему не так по рождению, как по трансцендентному сродству, чего вряд ли где ещё встретишь, ибо тут контакт не только с Небом, но и с Бездной, даже и с Преисподней, а уже через них с Иным, с Великой Неизвестностью, с Тайной, а уж затем, уже для избранных – крепких духом, и с Софией, а там, глядишь, и с самим Господом Богом, с той же Троицей, в которой, не забудем, место нашлось и самому человеку, пусть и исключительному. Россия – сортировочное сито, когда мало лишь быть, житийствовать, трудиться, как-то преуспевать, чего-то достигать, а ещё надо подвижничать, да ладно бы бескорыстно, так ведь частенько ни на что, кроме контекстного осуждения, неприятия, гона и даже презрения не рассчитывая. Россия – благо, но благо жертвенное – что собою, что своими детьми, а как иначе, коли ина она – Россия, неотмирна она, отчего свята и адова одновременно!

* * *

Добра ли Россия, эта «мачеха злая»? Как ни странно, добра, однако по-своему, по-неотмировски, не так уж и по-доброму. Нет, не по-злому вовсе она добра, а испытывающе, точнее бы сказать – ис-пыт-ующе, где «пыт» не только испытание, но и попытка быть, и пытание, и даже пытка Быть русским – мало что пытаться вообще быть, мало что что-то этакое при этом испытывать, мало что быть занозисто самим бытием пытаемым, но ещё и испытывать са́мую тяжкую из пыток – безмолвием, а уж ежели в России говорить, то либо пустое и ни для кого не страшное, либо же в обнимку с жутким страхом, да не за выказанную тобой правду, что понятно, а за непреднамеренную неправду (ложь, хулу, поклёп), что очень даже возможно и очень даже бывает пыточно! Многим русским по рождению людя́м всё это русское очень не нравится и они, пополняя ряды русофобов, оказываются на стороне анти-России – что

внутренней, вполне и имманентной, что внешней, закордонной. Бежали и бегут от и из России, даже и оставаясь в её геопределах, ну и эмигрируя вон, причём ладно бы из-за царящей в стране гражданской несправедливости, а то ведь из-за самого́ трансцендентного концепта России – что обывательски житейского, что идейно-экзистенциального, – это уж у кого и кому как!

* * *

Страшат в связи с Россией не так трудности житейские, хоть ничего хорошего в этом нет, как страшит бытующий в России жуткий экзистенциальный пресс, как бы выделывающий человека в человеке, как будто выдавливая человека из человека, или делая из человека… *человека,* но при этом немало давя человека в человеке, немало человека и раздавливая. Россия не для слабых духом, а чья-либо личностная сила духа в России – вовсе не гарантия удержания личностного приоритета: тут ещё и немалая сила Сакрала потребна вплоть до силы самой Вечности. Немало бывает званных, да вот мало случается избранных, а ещё меньше – дошедших! Ох, как трудна, извилиста и ухабиста, полная невероятных препятствий и изобильная на человекообразных зверей, личная экзистенциальная дорога в России, особенно для личностных выскочек-де, для самостей, для тех же творцов, но зато какой значимой она бывает по своим итогам, если духу хватит и везения у дошедшего, пусть и с дорого им оплаченным итогом – не так по́том, как кровью! А стоит ли вообще продираться самостному творцу сквозь густые российские идейно-экзистенциальные дебри? Что ж, может, и не стоит, да вот хоть и легче бы, наверное, жилось и творилось протоПушкину за границей, да вот стался бы он там именно Пушкиным, а-а?!

* * *

Жить в России нелегко, но можно, ещё и, простите за банальность, интересно – в стране-то нелепостей, несуразностей и парадоксов! Однако и небывалой человечности, как раз выдавливаемой адскими обстоятельствами – совсем уж золотой человечности, следственно? Не понять её – Россию, как не понять бытующего в ней, с нею и ради неё русского человека. Тут ведь не культивируемый исподтишка и поневоле патриотизм, а бессознательная щемящая любовь! Откуда, почему, зачем? А откуда, почему,

зачем тогда она сама – Россия, как и сам русский человек в ней, с нею, ради неё, а-а? Молчит Россия, не отвечает, да и сам русский человек помалкивает, тоже не отвечая, ибо не знает, что и сказать, молча поднимая чарку водки за Россию. Необъяснимо тут всё! Не только ведь чарку поднимает, но и трудится в поте лица и в напряжении ума своего, а ежели что, то и в морду хулителю России дать может, а с появлением ворога не за одни лишь вилы, но и за оружие хватается, и бьёт врага, гонит, кончает, не жалея живота своего. И всё это без высокопарных слов, без фанатизма, без фанаберии, почти что и обыденно, разве лишь под сдавленные вопли и обильные слёзы матерей и вдов: что ни мужик, то герой, что ни женщина, то героиня! Страна героев – и это посреди-то «страны негодяев»! Каково, а-а!

* * *

Со слов одного поляка, друга автора сего текста, живущего и работающего университетским профессором во Франции, знавшего Россию и говорившего по-русски: «Во Франции, если ты куда-нибудь обратился, тебя сначала встречают с обаятельной улыбкой, в следующий раз говорят с тобой без улыбки, а уж в третий раз тебе холодно дадут понять, что ты не к месту или им не нужен, а вот в России всё наоборот: сначала встречают без всякой улыбки, почти что и враждебно, потом с улыбкой и весьма дружелюбно, а в третий раз уже совершенно по-свойски». Да, это так, сам убеждался: там, коли ты не нужен, не пробьёшь стену отчуждения, у нас же, в России, даже если ты и не нужен, всё-таки пробьёшь эту стену, стоит лишь набраться терпения и не отчаиваться. Вот она – разность бытовых культур и менталитетов, соответственно, и стран, и людства, и жития: там с внешним изначально вроде бы уважением, но зато с последующим, достаточно и откровенным, отвержением, а у нас наоборот – с внешним поначалу отторжением, но зато с последующей вполне себе дружеской приязнью. Правда, всё это говорилось мудрым поляком о прежней России, ещё советской, сейчас же, судя по всему, у нас ни того, ни другого, а ежели что из своего человеческого и осталось, то не более как выручай-анахронизм, однако же осталось, что ни говори! И не эта ли разность менталитетов и поведенческих культур заставляет русских, оказавшихся ныне по своей (Sic!) и не по своей воле на чужбине, тосковать по родной, внешне вроде бы неприветливой, стране, а-а?

* * *

«Мы, русские, – как заметил один современный замечательный философ, – все родственники, а с родственниками не церемонятся!» Что ж, верно заметил, однако родственникам у нас помогают, в беде не оставляют, при нужде поддерживают, хоть, наверное, всё меньше теперь, при вестернизованной-то жизни… впрочем, кто его знает, может, и держимся друг за друга, скорее, всё-таки, держимся, чем не держимся, ибо как выживать-то, когда ты никому, кроме как раз родственников, включая и вообще русских как русских, не нужен, – это только кажется, что русские ныне разобщены, ибо до поры это, а пора, кажется, наступает: русские всех стран соединяйтесь! Русский мир, он таков – неуловимо загадачен: сегодня враждуем меж собой, завтра же все уже вместе. Зачем тут об этом? А чтоб понятнее было: кажимость – тоже ведь реальность, пусть только кажущаяся, – и вот для нас важно уразуметь, что за кажущейся Россией стоит реальная Россия, вроде бы растворённая в безграничье, навская, нездешняя, безмолвная, покорная и чуть ли не безразличная… э-э.. ан-нет, не всё тут так уж просто: Россия умеет казаться, но и показываться тоже умеет, да так иной раз, что не дай бог сие и ненароком у́зрить!

* * *

Россия ныне уже не просто сосредоточивается, даже не просто поднимается, она на явном подъёме, поигрывая не только окрепшими мускулами, но и судьбами – это для врагов, а для друзей – судьбам их споспешествуя! Внезапно, вдруг, почти что и незаметно, если, конечно, нарочито проигнорировать предупредительный сигнал в виде молниеподобной по сути своей мюнхенской *(Мюнхенской!)* речи, произнесённой негромко, даже не без некоторого стеснения, российским президентом аж в 2007 г., что, кстати, хоть и с недоумением, разочарованием и даже негодованием, но было-таки воспринято на Западе, разумеется, по-своему: как сигнал не то что остановить Россию-РФ, но и наказать её, поставить на место, покорить, не дать ни сосредоточиться, ни подняться, ни, тем более, взлететь. Дошло дело и до войновской войны, что разразилась на Украине. И что же? Россия не только уже поднялась во весь свой нетривиальный рост, но и немало возвысилась, пусть для себя и рискованно, а те же США, ничем вроде бы не рискуя, стали вдруг сползать вниз со своего холма, теряя своё

геоглобостратегитческое величие, а в итоге Россия, отлучённая от G-8, оказалась сегодня прямо в эпицентре мирового переустройства, чему США, как и весь Запад, воспрепятствовать никак не могут, хоть и вовсю стараются. Вот и понимай… непонимаемое! А всё дело тут в действительно непонимаемом Ином, ведомом тем более непонимаемым Великим Неизвестным, ну и, само собой, в Господней воле. Толкаемое вперёд Иным и любезно воспринимаемое Великим Неизвестным зéмное Время, согласуясь с Вечностью, само решает чему и кому на Земле быть, как, чем и кем быть, когда и сколько быть, и тайны своей «решаемости» оно никому не открывает.

* * *

Да-а, тут оказался немало виноват президент со своей нетимуровской (Гайдар) командой, соединивший в себе потаённые симпатии к Западу, приверженность к гражданским свободам, предпочтение свободной-де рыночной-де экономики, частного предпринимательства, постмодерновой культуры, это с одной стороны, а с другой – принадлежность к самостоятельной и сильной, вполне себе имперской и уж никак относительно англосаксов не вассальной России, пусть и к не той глубинной, не коренной России, но всё-таки к России, пусть и постмодерново вестернизированной, но, уточним особо, вовсе не просто формально (юридически) независимой, а способной вести и свою замысловатую геостратегичекую игру на планете, быть в сей игре и ведущей силой. В общем, великая Россия, вестернизованная в образе, но при этом функционально не прозападная, то бишь некая новая Россия, одновременно пореформенная (как раз вестернизированная) и археосамобытная, как переделанная социоструктурно, так и сохраняющая традицию в своём экзистенциальном коде – ***Россия XXI в.,*** не имеющая смыслового определения, но имеющая шанс не только выжить и возвыситься, но и сказать какое-то новое геостратегическое слово, может, ничего особенного и не говоря, а лишь что-то особенное делая – меняя планетарный мир!

* * *

Задумка знатная, деяния значительные, достижения заметные! Однако какова же она и чья же она – эта ныне не совсем, мягко выражаясь, российская Россия с плотно и мирно засевшими

в ней антимиром и антиРоссией – как раз более всего прозападными? Уж не удельная ли это страна для её новых хозяев и властителей с рудиментами россо-российскости и даже советскости, не имеющая ни своей ясной идеи, ни собственного характеристического концепта, ни чёткой квалификации, акромя разве «Третьего Рима» вкупе с прозападным «Карфагеном». За какую Россию льётся ныне россо-российская кровь на той же Украине, какую Россию эта кровь окропляет? Вряд ли за и ту «Россию», которая сегодня есть, называясь РФ, несмотря на царящее в ней житейское – материально-развлекательное – благополучие, немало и фиктивное, и уродливое, а скорее за и ту Россию, которой в нынешних реалиях нет, или почти нет, или как бы нет, но которая трансцендентно удерживается в массовом сознании (скорее даже, в подсознании) и в народонаселенческой памяти как смутная идея прежде всего, но при этом и как инстинктивный принцип общежития и поведения, свойственный (исторически выверенный и историей закреплённый) русскому (российскому) миру. Вот тут-то и вылезает фундаментальное противоречие: между главенствующей в текущей реальности новой Россией – не очень-то и российской, с одной стороны, и находящейся втуне реально происходящего идеальной и навской по преимуществу археоРоссией, с другой стороны, как раз то самое противоречие, без разрешения которого великое будущее России как России что-то не очень-то просматривается, – роковое, так сказать, тут противоречие!

* * *

Россия как Россия – это вовсе не «Третий Рим» и не новый «Карфаген», она – Россия! – и всякие попытки втиснуть Россию в иноземные и инородные одежды, как уже не раз бывало в истории России, включая и выдуманный евромасонореволюционерами СССР, лишь доказывает, терпя одно формное поражение за другим, что Россия – это всего лишь Россия и ни что другое, правда, нечто самое что ни на есть в планетарном мире загадочное и просто так не объяснимое. ПротоРусь, Рось, Русь, Россия, Российская империя, СССР – что это такое по сути своей, а-а? И сегодняшняя Россия в виде Российской Федерации, что это? Не отвечает Вечность, предпочитая безмолвие, хоть и, наверное, что-то этакое знает, не отвечает и Время, что-то безумолку про сие загадочное дело бормоча, ибо… не знает ничего толком, не отвечает ни земной

человеческий мир, ни росс-россияне, ни действующее в РФ правление, ни сервильная гуманитарная наука, ибо не в ответе тут дело, а в безответном постижении… чего, кстати?.. а всего лишь смысла одного невнятного словца, имя которому… Россия, да вот какого смысла?.. да никакого, точнее – тайного, сокрытного, самого-себе-смысла, отчего сердцем, только сердцем, а не по-европейски (следственно, и по-масонски) вышколенным умом. Науке с обслуживающей её философией тут делать нечего, отчего и остаётся лишь одна, почти что и бессловесная, софиасофия – как мудрость мудрости, отдающая приоритет не знанию, а, наоборот, незнанию, но не как невежеству, а как чему-то превосходящему любое знание, какому-то сокровенному нечто из ничто, но зато какому тогда по силе бессловесного знания нечто и из какого по силе сакрального незнания ничто!

* * *

Да, разыграл-таки дьявольски хитроумный Запад во главе с высокомерными США при бодром пособничестве гадливой Англии войнушку посреди русского, да и вообще славянского, как и центрально-восточно-европейского, мира, причём войнушку-то самого Запада с как раз этим самым миром, однако (Sic!) ведущуюся руками, кровью и жизнями как раз этого самого мира, загодя разделённого коварным Западом с участием внутренних прозападных коллаборантов, безумных системных каннибалистов и оголтелых ненавистников России на враждующие ныне части. Таким вот войновским стался итог сначала краха СССР, затем сдачи Западу всего из бывшего СССР-овского и соцлагерского, а затем либо прямого и открытого устремления туда – на Запад, либо втихомолку к нему – Западу – извивливого подползания, где – на Западе – никто за своих и на равных сих добровольцев держать не собирался (только вассалитет и только в беспрекословное услужение Западу!). Однако явилось и сопротивление безумному «Дранг нах Вестен» со стороны так и не поддавшейся на западную приманку Беларуссии, либо вдруг опомнившейся РФ, вступившей в борьбу за свой суверенитет, хотя уже и весьма при этом глобализованной, заметно вестернизированной и немало от Запада жизненно зависимой. Так что разыгранная Западом кровавая бойня посреди им под себя обретённого, почти обретённого, чуть ли не насовсем обретённого (РФ) и как бы не обретённого до поры

(Белоруссия) есть на самом деле самая настоящая и вполне себе большая (пока лишь по смысловой значимости) война: со стороны Запада – не только за всё им на положении сюзерена обретённое или подлежавшее обретению, но и за своё господство на планете, а со стороны восставшей России – за свой суверенитет, свою великодержавную субъектность и своё собственное независимое ни от кого будущее. Однако это всё лишь на первый обозревательный взгляд, ибо суть тут, ребята, куда как круче, «глубжее» и… страшнее!

* * *

Это вовсе не третья мировая война, хотя и имеет кое-какие признаки очередной мировой бойни, – и хотя это, безусловно, война миров, включая и войну антимира со всё-ещё-миром, как и войну региональных антимиров между собой, но это ещё и первая и, возможно, последняя, уже и суицидная для всего человечества война, и вовсе не из-за возможного перехода её в испепеляющую термоядерную стадию, что может статься всего лишь финальным аккордом сей ещё только-только разворачивающейся Великой войны – на самоуничтожение! Война, о которой речь, если она таки развернётся на полную мощь, может оказаться не просто последней, а именно конечной для человечества, но не потому, что разверзнется термояд, а потому что само человечество уже заканчивается как собственно человечество, как извнешний (неземной) проект, а проектное окончание как раз и требует не просто Великой войны, а Великой конечной (суицидной) войны, хотя никто в мире о сей конечной суицидной войне вроде бы и не помышляет. Однако и тут всё с войной не просто, ибо война сия может вдруг статься и спасительной… э-э… не для всего, конечно, человечества, как и не в привычном его образе, а лишь для части человечества и (Sic!) непременно в его конечном, уже и не-человеческом образе. И не случайно в роли одного из главных борцов в сей войне выбрана Провидением через наглое посредство давненько уже ссучившегося Запада как раз Россия – вкусившая прельстительного Запада, а теперь, будучи уже донельзя вестернизированной, отпрядывающая от гнусного Запада, вынужденно сцепившись с ним в смертоубийственной схватке.

* * *

Нынешний мирового масштаба гибридный кризис уже не просто аналог любого прежнего пошиба мирового кризиса, а самый что ни на есть кризис мира – человеческого мира на Земле, как и самого по себе человека, отчего это вполне себе апокалиптический кризис, как раз тот самый, который не имеет ни автоматического, ни умотворного, ни даже попросту ожидаемо-предусмотренного выхода, то бишь это по завязи своей безысходный кризис, что вовсе не значит, что какой-то неожиданный выход из него вдруг внезапно не случится – сам по себе в основе, хотя и не без каких-то усилий и манёвров со стороны человечества. И война теперь тоже вполне себе апокалиптическая, вполне и безумная, а потому безъясноцельная и безъясновы́ходная: тут ведь судорога – СУДОРОГА! – всего планетарного организма, включая и самого человека. Да, конечно, намечается и будто бы уже творится переустройство зе́много человеческого организма, но… но как всё тут не то что не безоблачно и заметно хмуро, а, увы, прямо-таки… безнадёжно, и уж ежели есть надежда, то, помимо надежды на Господа Вседержителя, лишь на… ничто – НИЧТО! – как раз то самое ничто, что и творит вовсю нечто, а вот как и куда, то умно-мудрому «чеку» (особи и только особи!) остаётся лишьоткровенчески и немотно догадываться – про себя, конечно!

* * *

Война сия в общем-то давно уже просилась из Нави в Явь, да уход СССР вкупе с соцлагерем как раз туда – в Навь – с разнородной по бывшим соцреспубликам и соцстранам сдачей СССР-овского и соцлагерского соцпространства улыбчиво-хищному Западу отложили сию мировую войнушку, ровно для того, чтобы разыграть её по случаю опамятования РФ, а точнее – России, хоть и ушедшей было по случаю прозападных и проантироссийских реформ в экзистенциальную Навь, так ведь вдруг… вернувшейся в экзистенциальную Явь, чтобы заставить РФ вспомнить, откуда и от кого она родом, как и указать Западу давно заслуженное им место в мировом зазеркалье, мало того, ещё и переполошить его, да настолько сильно, что Запад, не слишком отдавая отчёта в том, что происходит в мире и с ним самим, пошёл на развязывание войны, вроде бы с непокорённой Россией, а на самом-то деле в угоду неумолимо разыгравшейся в мире Апокалиптики,

требовавшей тотального Иного – не западного, не восточного, даже и не российского, а именно иного, чего, надо полагать, никто и не знает, даже сам Господь Бог, ибо тут, знаете ли… Импровизация, возникающая в роковой игре Времени с вовсе не безразличной к земно-космическому Бытию-Истории загадочной Вечности.

* * *

Всё у нас впереди: грандиозный апокалиптический земно-космический спектакль только начинается, в котором главной жертвой опрометчиво назначена безумным заокеанским драматургом даже не РФ, а именно, Россия – РОССИЯ!, ибо как раз исконная с незапамятных времён бытующая Россия, а не нынешняя вестернизированная РФ, страшит Запад, да и мир в целом тоже немало беспокоит, ибо для Запада Россия есть реальная (и единственная по возможному исполнению) эсхато-экзистенциальная угроза, а миру зе́мному западная комфортная эвтаназия явно предпочтительнее росского спасательного преображения – трудного, волнительного, терпкого! Западу страшна, а миру страшновата, пусть и не всему миру, не телесно-физическая в образе нынешней РФ Россия, а духо-метафизическая Россия, которая не от мира сего и которая способна привнести на Землю нечто действительно иное – иной мир, не предполагающий ни предводительства на планете Запада, ни превосходства западнизма, ни преуспеяния усовершенствованного Западом антимира. Кровь, проливаемая россиянами в нынешней сакральной для РФ-России войне, окропляет и благословляет не столько нынешнюю РФ с её вестернизированным правлением, сколько глубинную Россию в её ещё неведомом будущем образе, который вполне может и не явиться, ежели в РФ не наступят радикальные перемены – ПЕРЕМЕНЫ!

* * *

Перемены обычно целеположенно делаются – осознанно и не очень, делаются они и исподтишка, как и вершатся сами, внезапно обрушиваясь ни с того, ни с сего на объект перемен – страну, народы, население. В любом варианте они достаточно рискованны и немало страшны. РФ-Россия успела пережить за XX и XXI вв. не одну волну перемен: реформы, революции, войны, перестройка, катастрофы, реконструкции, стабилизации. Весь возможно-невозможный набор возможно-невозможных перемен! И вот опять,

уже в 2020-е гг., в только что переделанной на западный лад России-РФ новая потребность в переменах. Каких же? О-о, практически невозможных, а именно: в анти-западных и противоантимировских, но при этом в про-российских и в про-человеческих, то бишь в переменах, способных преодолеть наследие только что состоявшихся в 1990–2000-е гг. антимировских, антироссийских и античеловеческих перемен. Архитрудная задача, а для нынешнего режима попросту и невозможная, ибо, во-первых, он ничуть в таких переменах не заинтересован, будучи совсем не против того, что ныне в РФ есть, включая и им самим – этим режимом – «наработанное»; во-вторых, не хочет, почивая пусть и на сомнительных, но лаврах; в-третьих, категорически не сможет, ежели сам, вдруг, круто не изменится, чего увы, просто так не бывает. Тупик! Да, тупик с этими переменами, тупик-с! Вот и с войной не всё так уж просто: перемена в ней нужна, да вот какая и с какими переменовскими последствиями?

* * *

Да, это так: каким бы привлекательным ни казалось в материально (вещно)-потребительском плане нынешнее российское бытие, оно не является экзистенциально и исторически полноценным, а режим, за него ответственный (как и безответственный тоже), не есть достойный признания Временем, не говоря о Вечности, ибо этот режим – не более, чем временщик – ни заслуженного прошлого у него, ни уверенного будущего, ни по-настоящему ладного настоящего. А всё почему? Да всего лишь оттого, что не уходит сей режим от безразмерных несправедливости, алчности, коррупции, подлости, пошлости, беспардонности, бездуховности, что как раз им и сообщается страновому житию, отвечающему режиму тем же, а потому ни тебе достойного морально и поведенчески настоящего, ни потребных перемен, ни уверенного будущего. Он, сей режим, как и само бытие ведомой им страны, от изначала неизлечимо порочен, и сам по себе вместе с бытием страны переменяться не будет, отчего ежели стране-России выстоять, выжить и заиметь новую перспективу, то лишь вывернувшись с гнусной антимировской изнанки на нормальное бытийное лицо, пожалуй, уже и насильственно, как это случилось со страной, к примеру, в те же сталинские времена. Разумеется, можно продолжать быть и бытовать как есть, ожидая по-валтасаровски неизбежного

и весьма скорого конца, а можно всё-таки что-то делать, хоть это и трудно, и вязко, и рискованно, и даже кроваво: Бытие-История само решит, куда и как идти – в небытие ли с погасшим вдруг Временем или же в новое бытие, освящаемое Вечностью!

* * *

Режим российский не за человека как человека, он в лучшем случае за человека как платёжеспособного потребителя, но никак уж не за человека как экзистанта, а потому человек российский экзистенцирует как уж сам может, иной раз, правда, как член какого-то надуманного сообщества или же фигурант не менее надуманного социально-де движения, но никак не полноценный член-фигурант единого в разнообразии социума, а так – аки амёба в некой приторно пахнущей неизвестно чем вроде бы людской массе: без лица, без выразительных глаз, без доверительного общения с себе подобными. Так случилось или так было сделано? О-о, непростой вопрос! И ничто не мешает нам сделать ужасный вывод: да, так было сделано! Можно, конечно, на кого-то сваливать вину за содеянное, можно этого и не делать, однако Валтасаров пир тоже был по-своему сделан, а главное, неизбежно сделан: не хочет многий человек как раз нередко очень активный, быть собственно человеком, вот и творит свои нечеловеческие дела, отчего и интересно ему, и занимательно, и гешефтно, не думая, конечно, о неизбежном валтасаровском конце, но фатально к нему всё-таки устремляясь. Что ж, ещё один весёлый конец, правда, может, и не последний!

* * *

Обречение – великая вещь: фатальная, непреклонная, судьбинная! Запад, однажды возникнув как Запад, обречён на «Дранг нах Русия!», как когда-то были обречены на то же самое степняки, татары-монголы, кто там ещё с Востока и с Юга вроде тех же тимурцев, крымцев, нагайцев. Наступать на Русь-Россию, завоёвывать её, проникать в неё, подчинять, прсваивать! Россия же обречена в веках отчаянно отбиваться, себя обороняя и сохраняя, но при этом и изменяясь, даже что-то заимствуя от врагов-соседцев, а уж от Европы, то бишь от Запада, как когда-то от Византии, не одни промыслы, но и культуру, правда, оказываясь не в меру византизированной, европеизированной, а то и, как сейчас,

вестернизированной, ухитряясь при этом оставаться хоть и не совсем самой по себе, но всё-таки российской (то же Православие – русская, скажем так, версия христианства, а рождённая Петром Великим Российская империя, как ни крути, вовсе не европейская, как та же, к примеру, Британская, а русская в сердцевине своей империя). Итак, обречение России – биться с контекстом, себя отстаивая, немало, а то и много, от контекста заимствуя, но при этом оставаться, пусть и изменённой, но Россией, Русью. Она меняется, даже и развивается, но более всего рывками, импульсивно, как раз более всего в связи с «благонамеренными» контактами с внешним миром, как и с охранительной борьбой с этим последним.

* * *

Вот и сейчас, с одной стороны, доброхотное и добровольное «поражение» СССР-России в холодной войне, разумеется, предательское от тогдашней верховной власти по цели и исполнению, хоть и не только от неё – от внутренних анти-СССР и даже анти-России тоже, и столь же доброхотная-де и добровольная-де вестернизация (по факту – американизация) страны, её бытия, с попыткой стать (это после-то столь не виданного гигантского по размерам и весу предательства!) на одну ногу с «западными партнёрами», а с другой стороны… бац!.. ни равного тебе партнёрства, ни даже попросту мирного взаимодействия с Западом (США, в первую очередь), а, увы… война – ВОЙНА! – Запада с Россией, да ещё какая! – экзистенциальная, то бишь не на жизнь, а на смерть! И видно уже, что совсем не простенькой, вовсе не только демонстративной, станется сия война, а вполне себе кромешной, да вовсе и не короткой, коли дело не дойдёт до быстрого обмена термоядом, а, выразимся поскромнее, вполне себе бессрочной – без заранее выверенных в штабах плюс-минус сроках. Никто ничего толком не знает! Тут дело за Иным да за Великим Неизвестным, а куда двинет Иное, как, чем и когда разразится Неизвестное, даже сам Господь вряд ли знает, да и хочет ли Он это знать? Человек-землянин в очередной между собой разборке, однако крайне рискованной, способной закончиться и полной разборкой самого земно-человеческого мира – до последнего элементика!

* * *

А России, оказавшейся в эпицентре сей разборки (война войной, а разборка, пардон, разборкой), необходимо немедля менять свой социо-хозяйственный, а коли смысловитее сказать – экзистенциальный, курс, да не так двигаясь от Запада к Востоку, что в меру само по себе не возбраняется, как к самой себе – к России, той самой – коренной, да не для того, чтобы проехаться по ней, сохраняя любезный многим в РФ сердцам вестернизм, включая и нынешнее правление, а для того, чтобы, отмобилизовавшись и перестроившись на марше (как раз уже на военном), основательно преобразиться, чтобы не только называться, но и быть действительной Россией. Коли не станет ничего такого делать нынешнее правление, не пошевелится занятый потреблением, развлекухой и выживанием одураченный антимиром российский люд, не вмешается вдруг в бытийный процесс армия, судьбой страны займётся… нет, не только Запад с Востоком и Югом, чего и впрямь насовсем не исключено, а, вновь повторимся, Иное с Неизвестным, то бишь Промысел, пусть и принимаемый всего лишь за пресловутую объективность, а уж куда, как, когда и что при этом в итоге выйдет, опять повторимся, и самому Господу Богу не очень-то известно, а ежели и известно, так недаром же русская мудрость гласит: «На Бога надейся, а сам не плошай!», да и Господь не очень-то склонен потворствовать увлёкшимся сатанизмом, а тот же нынешний антимировский вестернизм, засевший в РФ, от которого Господь Бог, кажется, отводит уже через войну Россию, и есть самый что ни на есть натуральный сатанизм, разумеется, вкупе с отечественным, весьма и по-своему незаурядным, ему всецело вспомоществующим.

* * *

Россия обречена быть в одно и то же время Россией (глубинной) и анти-Россией (поверхностной), но ещё и как бы межевой, срединной, при этом и ублюдочной, квази-Россией, как раз и приходящей на выручку любому из являющихся в России псевдо-правлений, которые не могут быть в силу своего пристрастия к европейской заграница (пусть и в какой-то мере вынужденного) собственно российскими, как не могут быть и совсем уж (откровенно) антироссийскими (хотя немало таковыми обычно и являются), но зато могут быть и обычно бывают как раз квазироссийскими,

хоть каждый раз для и до них неизбежно приходящего срока. Однако другого выхода здесь нет: не хочется предержащим терять страну как своё доходное владение, не хочется видеть в ней собственно Россию, не могут стать грудью за анти-Россию (опасно!), вот и довольствуются симуляционной, имитационной, фиктивной квази-, если не псевдо-Россией, да-да, именно так – КВАЗИ, а то и ПСЕВДО, вполне себе и химеро-обманной! Здесь как раз и царят химера с обманом, фальш с ложью, будучи на первом месте, а далее за ними всё остальное: игра, подмостки, режиссура, актёры, фокусники, циркачи, жульё, ну и мошенники, как раз все те, кто «хуже бандитов», то бишь по преимуществу… нелюди, они же и бесы. И вот ежели когда всюду перед глазами каждое мгновение маячит квазипсевдо-Россия, то будь уверен, наивняк, что, с одной стороны, всё будто бы вокруг в полном ажуре, а с другой – не миновать новой большой беды, ибо глубинная Россия, подталкиваемая Иным и Временем, как и самим Обречением, и поощряемая Великим Неизвестным, с Вечностью и Промыслом заодно, непременно вновь о себе заявит, да так, что мало уже никому из квазипсевдороссийцев не покажется!

* * *

Квази – КВАЗИ! – добротное словцо, означающее более всего «почти», примерно, приблизительно, но в кое-каком контексте оно – это словцо – принимает весьма зловещий оттенок, ибо за ним уже выглядывают мало что имитация, так ещё и фикция, фальшь, да и та же, уже и не безобидная, фантазия (фэнтези), в общем, там, где «квази», там и рядышком более сильное «псевдо» – ПСЕВДО!, от которого уже попахивает, знаете ли… химерой – ХИМЕРОЙ! Появился подходящий и термин – фальшизм (это о текущей по миру и по РФ квазипсевдореальности), причём не без кое-какого перемигивания со славным термином фашизм, хоть буквально фашизм означает совсем другое – корпоративное единение, однако в силу германской фашисткой практики ставшего символом не просто диктатуры, а диктатуры… нет, не фальшивой… а диктатуры, как бы получше сказать, с вспомоществованием беспредельной фальши, вранья, обмана. Да-с, смысло-трансцендентная перекличка терминов – великая вещь! Так или иначе, фальшизм есть диктатура фальши, да не просто идейно-поведенческой, а и приносящей колоссальные доходы (вроде той же фальшивой

фармацевтики). А тут квази-Россия, которую и Россией-то всерьёз не назовёшь, однако называют, да так ловко, что сам фальшизм оказывается чуть ли не по сути российским, хотя к собственно России он никакого отношения, кроме фальшивого, не имеет. И вот что интересно: крепкая эта штука – фальшизм, проникающая во все поры социума, превращая его в квазипсевдосоциум, и держит его, держит, ибо удобен он такой и удобен очень многим: от властей, собственности, доходообразования и самого фальшизма предержащих до простаков, что из народа, что из интеллигенции, пусть и для них более бессознательно, а таковыми простаками хоть пруд пруди: читают, смотрят, галдят, молчат, думают, чем-то наслаждаются, что-то ненавидят, чего-то чураются, вовсю тусуются, мельтешат, мечутся, пустеют, мертвеют, гибнут. «Сатана тут правит бал!», а он – сатана – великий имитатор, фантазёр, фокусник и соблазнитель, его цель – захват души человеческой, далее – он уже Великий Инквизитор, а уж потом и Великий Терминатор! Во как!

* * *

И что же современная Россия, она же РФ – не химера? Именно как Россия, даже как РФ, даже и как новая-де страна на месте не только СССР, но и России, даже на месте РФ? Да, название вроде бы российское, а суть? Так вот, в сей стране очень мало действительно росского, да почти и ничего, кроме, быть может, привычки части населения, могущей называться по традиции русской, жить как-то по-русски, да и то лишь в домах, в деревнях, в усадьбах, а всё остальное в стране разве русское, даже хотя бы российское? Ничего подобного! Революция, начатая с конца 1980-х и продолженная до сего момента, когда пишутся эти строки – до августа 2022 г., сделала своё ликвидационное дело, хоть и была иллюзия, что в нулевые и десятые XXI в. страна чуть ли не встала на путь возвращения России в российскую-де, хотя бы по именованию, страну, но не тут-то было, полетела взапуски к Западу, хоть уже и не на прямой поклон, как в конце 1980-х и в 1990-е гг., а всего лишь на тотальную себя вестернизацию. В итоге: вестернизированная страна, называемая Россией, безо всяких на то собственно российских оснований! Химера: ни буквально Запад, ни буквально Россия, а так… чудище одноголовое, а голова известно где, как раз там, где и должна быть – в Москве!, да вот Москва ли это – этот

чудовищный вестернизированный (конечно, вестернизированный вполне по-нашенски и бездарно) мегаполис со всё большим числом пришлого населения: ни Москвы теперь, ни москвичей, да и вообще с людьми как с людьми крайне теперь проблемно в Москве стало – так – остатки!, как и, разумеется, по всей стране, называемой всё ещё Россией: какие ещё гуманитарного типа, знающие такт и меру, люди, когда только-только «жисть» по-настоящему пошла – свободная, изобильная, разгульная!

* * *

Как же так?! РФ, Россия, а тут, видите ли, химера, а химера это как невозможная совместность чего-либо несовместимого в одном «флаконе», как несуразность чего-либо по сущности, так и самый что ни на есть обыкновенный призрак. А что, разве не так, в текущей-то вокруг российской реальности? А что же нехимерного могло бы вдруг явиться из «преобразований» тех же 1990-х и даже всех 2000-х, при такой-то сдаче страны Западу и её усиленной под Запад вестернизации, весьма и колониальной? Глобализм, ведомый США, ничего иного, кроме подотчётной себе химеры, в России видеть и не предполагал, разве лишь с окончательным исчезновением всего росского из страны, всё ещё по привычке называвшейся и называемой Россией, а точнее бы – Рашей, чтоб на месте России не было ничего, кроме химерной Раши. И состоялось: на месте химерного, хоть и весьма действенного, СССР на хребте России угнездилась новая химера в виде вестернизированной, пусть и немало вестернизированной по-российски, Раши, уже и не слишком действенной. А что же Россия как Россия? Она, как обычно… нет, не в небытии, а как уже было не раз говорено, в Нави, в глуши, на кордоне, аккурат меж этим и иным мирами, не без ожидания, как говорится, своего звёздного часа, ибо Россия (Рось, Русь) это прежде всего неотмирная идея, однако не покидающая насовсем, к досаде её врагов и анти-преобразователей, смыслового пространства страны, называвшейся в разное время по-разному, но почему-то не без, как говорится, росской составляющей. И это чудо! Как раз то самое чудо, которое всегда противостояло и ныне противостоит любому химерному чудищу, как бы оно ни называлось. Вынужденная Россия? Почему нет, коли Бытие-История, Время и Вечность, так пока распоряжаются «этой страной», а ныне даже и попросту Рашкой. Раз звёзды на небе за-

жигаются, значит это кому-то нужно: вот и с Рашкой у нас не всё так просто: раз она есть и в то же время не есть, значит это тоже кому-то Там надо!

* * *

Старческое брюзжание? Не без того, отрицать не будем, хоть кто докажет, что тогда так было жить нельзя, а сейчас так жить вроде бы можно, причём тогда – среди людей и по-людски, а сейчас среди… э-э… скажем помягче, постлюдей (если не нелюдей, – не удержался-таки, старый брюзга, обозвал, оклеветал, опоганил!) и явно уж как-то не по-людски, а скорее, по-животному, по-машинному, по-хайтековски тоже – через посредство нависшего над миром зе́мным безграничного искусственного элекронооблака. Где он – мир человеческий, пусть и несовершенный, и небесхаосный, даже и злой, но… человеческий, а где и сам человек, не в придатке же компьютера с айфоном, хоть кое-что от устаревшего внезапно мира, включая и самого человека, и остаётся, так ведь до поры, уже и недолгой? Мир человеческий стремительно замещается миром постчеловеческим (нечеловеческим тоже) и процесс сей никто в мире из чего-либо предержащих останавливать или хотя бы существенно корректировать, кажется, не собирается. И вопрос тут возникает коварный: разве суицид сей предусмотрен небесной канцелярией или это зе́мное дело обречённого на земность узника Земли, вырывающегося на космическую волю ценой самопожертвования в обстановке сатанинских свобод, развлекух и изобилий? Кто ответит? Никто! Ах, наука, ах, философия, ах, любая из религий, дайте же ответ! Молчат! Теперь уж куда, как и когда само вывезет, ибо разворачивать ситуацию обратно – к человеку, к той же России, кажется, и впрямь уже поздно. Обречение – ОБРЕЧЕНИЕ! – совсем, знаете ли, не пустяк, а… вещь – ВЕЩЬ – вот как!

* * *

И вот война – ВОЙНА!, которая вовсе не какой-то там региональный конфликт, даже и не какая-то там карательная или «преобразовательная» операция, проводимая сильным над слабым, даже не колониальная авантюра, мало того, вовсе не очередная мировая война в духе предшествовавших мировойн, это, как уже отмечалось, война миров (и антимиров тоже), однако и это не всё –

тут ещё и война человеческого мира вообще с самим собою вообще, да-да, с самим собою! – не более и не менее. А что Природа, Земля, Космос? А они весьма активно сей войне пособляют: землетрясения, засухи, наводнения, смерчи, тайфуны, пожары, неурожаи, голод, холод, да так пособляют, что хвалёная научно-техническая (а теперь ещё и нано-электронная) цивилизация даже не ахает, ибо сказать ей нечего – безмолвствует, замерев под бременем отмены и пустоты. Небезынтересно, не правда ли, да вот как-то горько, именно горько, даже и не страшно, – это, конечно, от имени и по поручению не более, чем старческого брюзжания! Кто вдруг возразит против небывало массового, хоть и не для всех поголовно, благополучия, кто? Никто! Кроме разве отъявленных «мудраков»-отшельников, знающих, что всякое нарочитое благополучие – залог непременной беды, да вот кто ж этому поверит, ясно, что никто! А вот и подходящая на сей счёт максима: «Коли Бог желает наказать зарвавшегося человека, то Он дарует ему мнимое благополучие». Неплохо, правда, а тут ещё никак не заслуженное, а буквально захваченное гиперблагополучие немногих – есть над чем задуматься, да кто в этаком-то ключе думать будет, опять же ясно, что никто. Фальшивое благополучие, не говоря уже о гиперблагополучии, убивает человека в человеке, что, собственно, и происходит повсеместно наяву и на деле, переходя в общее экзистенциальное не-благополучие, по-своему и загадочное.

* * *

Кто в зе́мном мире предскажет ныне ход, границы, срок и итог разыгрывающейся пока на Украине войны, коли сия война не война вовсе России с Украиной (Укронией), а война мира человеческого с самим собой, то бишь эсхато-апокалиптическая война. Да, она может внезапно на Украине прекратиться, но ни мир, ни поражение Украины, ни победа России, не будут означать прекращение глобальной войны, для которой нынешняя российско-украинская война всего лишь, хоть и не первая, но зато пока наиболее яркая страница: книга глобальной войны ещё в самом начале своего кровяного написания. И дело не в том, что произойдёт глобальная военная, чуть ли не термоядерная, общемировая конфронтация Запада с Россией, а в том, что ни эта конфронтация, ни любая другая, не станет ни решающей, ни последней. И ежели РФ хочет хотя бы выжить как хотя бы РФ, то ей придётся радикально изме-

ниться – духовно, нравственно, культурно, идейно, то бишь гуманитарно, что, увы как осознанное деяние властей и всего социума не представляется ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра возможным. Казалось, что война вкупе с саморазоблачением разного рода антироссийцев хотя бы толкнёт взашей необходимые перемены, ан-нет, никто из властей предержащих и не собирается, похоже, ими всерьёз заниматься, отчего судьба страны хоть и в руках трансцендентных сил, но она и в руках адептов нынешнего режима, уже и с головой поглощённого созданной им квазипсевдохимеро-Рашей. Всякое, конечно, возможно, но без адекватной переменным задачам – судя по всему непотребно вокруг происходящему и потребно в окру́ге не происходящему – без кое-какой диктатуры стране уже не обойтись: глобальная война сделает своё дело, заставит! Ну а бодрое Время, как водится, ясно покажет, а немая Вечность это всё уверенно и утвердит!

* * *

О-о, какая это мощная сила – Обречение – ОБРЕЧЕНИЕ! Она ведь везде, на всё Мироздание, а уж на Земле, среди жизни, в людях, – как в индивидах и сообществах, так и в народах, государствах, цивилизациях, культурах, почти и незаметная, тихая, скромная, а какая при этом упорная, могучая, действенная, мало того, хоть и корректируемая тем же сознанием, как и бессознанием, но не настолько, чтобы перестать быть непреклонной и при случае неодолимой. Доказательств её наличия и действия в реальности – море!, что не мешает человеку отважно, а то и по-простецки нагло, твердить о свободе выбора, избранности им своего пути, возможности достижения круто им желаемого. Нет, конечно, не всё бывает так уж сильно предопределено от рождения (генетически), но что-то из главного всё-таки… э-э… бывает, да ещё как бывает!, да что бывает – есть! И дело тут не так даже в отдельных поступках, событиях, происшествиях, приключениях и злоключениях, даже в их стихийной-наобумной череде, а в натуре, характере, даже типе человека, сообщества, народа, государства, цивилизации, культуры, ну и, конечно же, в том, что обычно называется судьбой, предназначением, а то и роком, в общем – предопределением! Да-а, есть что-то, от чего никому и ничему не уйти, хотя, конечно, по-разному, весьма вариативно, по-своему и неопределённо (как и не определимо). Зачем мы всё гутарим об этом да об этом? Э-э…

чувствовать надо, понимать, руководствоваться, да вот кому, ежели речь заходит о большом Бытии и большой Истории, кому, ежели на это способны лишь единицы, очень уж при этом неудобные для всяческих предержащих, да и частенько ими в той или иной степени теснимые, а то и гонимые – и правильно, ибо сей гон ведь из разряда необходимого, причём как раз по той причине, чтоб всё катилось вокруг так, как катится, то бишь в соответствии с таинственным Обречением. Вот вам и сознание, и ум, и когнитив, и познание, и власть, и ловкость, и хитрость, и оголтелость, и наглость, и трусость, а вот неотвратимость тут – неотвратимостью!

* * *

Коли уж быть той же войне, то уж быть, а скатиться к ней… что через или же на забор плюнуть! Война нужна, и она пошла, а вот перемены – ПЕРЕМЕНЫ!, которые тоже вроде бы нужны, не идут, а всё почему: либо не нужны (почему… э-э… знаем), либо невозможны (можно признать и это), либо стра́шны, причём страшнее, чем та же пока неопределённая война (о «войсковской операции», даже антинацистской, можно уже забыть, ибо тут… война, и война, как видим, покруче по мотивам, чем борьба с нацистской, пронатовской, предательской Укронией). Вот уже и замелькало в media, что это война, мол, за Россию, что это чуть ли не отечественная война, – да, верно: это война за Россию и за Отечество, да вот только за какую и чью Россию, за какое и чьё Отечество? Вопросы! Убийственные вопросы! Ежели за Россию и за Отечество без назревших контрреформационных перемен, то бишь за фальш-Россию и за эрзац-Отечество, тогда что же от сей войны можно ожидать, кроме внеочередных проблем для Отечества и очередного экзистенциального риска для России, а-а? Неужели нынешний россиянский народ – сначала изнасилованный, обобранный, униженный, а затем купленный, растленный, разобщённый, будет жертвовать собой ради олигархов, казнокрадов, расхитителей страны, её национального богатства, мало того, растлителей душ человеческих?! Это-то хоть там понимают? Возможно, и понимают, даже понимают и то, что нынешняя Раша, ничем от нынешней Украины по внутреннему содержанию за исключением расцветшего на Украине нацизма не сильно отличается, однако понимают, надеясь при этом на обман, манипуляции, пропаганду, как и на свой авось (везение-де), что всему ведь

в Обречении находится конец, наступит конец и всему этому, ибо не то что благословения свыше ему нет, что само собой, так ведь и вообще ничего в нём нет – НИЧЕГО!

* * *

Всё в этом мире реализует себя по полной, а человече сознательно или бессознательно, охотно или вынужденно, умно́ или безумно, но таки вовсю себя реализует до конца, ежели конец вдруг сам заранее не выскочит прямо из Ничего, аки чёрт из табакерки. У нынешнего симулякра по имени Россия как будто бы есть резерв себя реализации, своё время во Времени, как и свой аванс от Вечности. Однако сколь это надёжно и надолго ли? Вопрос! Сколь долго может существовать пустое, заполняемое симулятивно и профанически лишь пустотой, ибо предана была страна и даже отвергнута, а Традиция так и не возвращена, как ненужность, в своём магическом полноценении. Конечно, сама реальность ныне весьма симулятивна и пустотела, но что из того, коли теперь… война, из которой нет иного для России и Отечества выхода, кроме преображения России и возрождения Отечества, без чего и будущего у страны никакого нет! Окропляемое кровью Преображение и омываемое слёзами Возрождение! Не поймём, не ухватим, не сделаем – проиграем: жестоко, страшно и мерзко! Да, нынешнее номинально российское правление, правящее гибридной химеро-Россией, называемой РФ, уверено или делает вид, что уверено, а может, вовсе и не уверено, в своей скорой победе, да ладно бы над Укронией (а как её победить, даже дойдя с боями, бомбардировками и десантами до её западных границ?), а то и чуть ли не надо всем Западом во главе с США, – и на чём базируется сия уверенность-неуверенность… а-а… на богатых ресурсах, да на новейшем оружии с эффективной армией, но… но не на том же ли базировались когда-то иные герои иных эпох и иных войн, как раз всё сразу и проигрывавшие, включая и самих себя. Да и в чём будет выражаться эта пока всего лишь мифическая победа? Скорее, всё станется как-то не так, даже совсем не так, а иначе!

* * *

А как? Не знаем как, разве лишь знаем, что иначе, ибо Иное вкупе с Великим Неизвестным сделают своё дело, причём непременно невероятно и непременно внезапно! Россия сейчас вроде бы

сильна, хоть и не слишком в Большой игре реактивна на мерзкие против неё выпады, даже и способна на неожиданные и вроде бы плодоносные для себя эскапады (аки в спортивных единоборствах). Факт! Однако речь у нас идёт не об успешных мгновениях, а о времени, достаточно, видно, и долгом, может, и о бесконечном, ибо где он – конец, да и какой и чего, собственно, конец? Вперёд вообще-то уверенно идёт лишь одержавший победу прежде всего над самим собою, коли такая победа не просто бывает потребна, а и вопиюще потребна, а для нынешней РФ сия над собой победа нужна мало что как воздух, а и как именно победа… ясно ведь, над чем… над симулякром, напяленным на глубинную историческую Россию, её поглотившим, да ещё и загнавшим её в почти что небытийную Навь. Представляют себе эту вот задачку нынешние предержащие или нет? Скорее, нет, чем да, точнее, может, и представляют, но немощь великая предстаёт перед сей задачей, да страх великий перед её решением, оставляя предержащих в немалой растерянности (это ведь не ракеты разбрасывать туда-сюда, тут дух мощный преобразовательский потребен, и воля, и ум, и риск, и самопожертвование, и любовь… да-да, именно любовь… как раз к отлучённому от какой бы то ни было зéмной любви народу, прежде всего, русскому, вовсе не к населению, не к электорату, даже не к гражданам, а именно к народу, как раз ими же – предержащими – униженному и немало уже ими же растленному). Вот уж где парадокс так парадокс – не смешной вовсе, не занимательный, аки в цирке, а вполне себе горький, даже по-своему и напористо страшный!

* * *

А в занятом витальной текучкой и выживательной толкучкой народе кое-что всё-таки зреет… нет, не бунт вовсе, хоть он и не исключён – невероятный и внезапный, а… недоумённо-вопросительное безмолвие, не менее в своей кульминации грозное и страшное, чем бунт, а может, ничего и не зреет… это пока, пока есть витальные ресурсы и война не слишком ещё гробогенная, да и пока с ожиданием скорого победного, как уверяет пропаганда, разрешения… вот-вот прорвётся фронт и вроде бы всё пойдёт как по маслу… ан-нет, не пойдёт как по маслу, будет ещё труднее, а ежели вдруг компромиссно война прекратится, так ещё хуже будет, ещё невыносимее, уже и от поражения, как бы невероятного и, разумеется,

внезапного. Вот и зреют в народе недоумения и вопросы, а за ними уже подступает это самое безмолвие – БЕЗМОЛВИЕ!, что куда как грознее и страшнее любого бунта, ибо бросает его спровоцировавших в небытийное бытие, что то же самое фосфорически яркий бытийно-небытийный мрак. А что, дела-то пошли серьёзные, крайне серьёзные, а главное, на текущий момент… безысходные! Какой может быть исход для той же Украины, а-а? А для Запада? А для мира в целом? Ну и для самой России? Не отвечает Время, молчит Вечность, не спешит отвечать Иное, помалкивает Великое Неизвестное, даже София затаилась, поглядывая озабоченно на Господа – уж не последние ли тут времена с их Страшным Судом – как раз карнавально и подготовленные?! Ах, эти большие сакральные смыслы, гуляющие по мирозданию и не оставляющие в покое микроскопическую на мирозданческом фоне Землю с её взбалмошным, неправедным и греховным, хоть и разным и по-разному себя ведущим, народцем, да вот куда от них деться от этих неподвластных сему себялюбивому народцу, могучих и относительно зе́много народца беспощадных, сакральных смыслов! Ах, карнавал, карнавал; ах война, война; ах, тайна, тайна! Сам чёрт не знает что тут, где, когда, зачем, а ежели что-то вдруг скажет, так ведь… соврёт!

* * *

Экзистенциальный карнавал «Золотого миллиарда» заканчивается и, обратим внимание, насколько невероятно и внезапно! Заканчивается и краткий, всего-то в полтора-два десятилетия, псевдороссийский прозападный карнавал, чего ещё россияне не особенно и заметили, хоть кое-кто уже интуитивно это весьма и почувствовал. Да-да, «тока-тока», как говорится, зажили «по-человечески», оцепенев при этом ликами и опустошившись глазами. Не общество уже вокруг, а рассыпчатая аки крупа человекообразная масса, а тут ещё война: кто и за что будет в ней за просто так воевать, ежели вдруг пойдёт она вширь и в даль, а то и прямо войдёт сюда, в Отечество? Не может такого быть?! О-о, в этом мире всё возможно, даже термоядерная война возможна, как и, к примеру, возможен стал мгновенный скачок той же Европы от заката к… концу! Кто теперь сомневается в конце Европы? Никто или почти никто, да и в конце Запада мало кто уже сомневается. А всего лишь два-три-пять годков назад, кто бы выступил

с этаким прогнозом – не заката, как было, а именно уже конца Европы, США, Запада? Автор сего текста, к примеру, давно говорил о необходимости держаться подальше от Запада, как и необходимости мобилизации в РФ (ещё не военкоматовской мобилизации) и о разгоравшейся в мире войне лет эдак семь-восемь назад, причём говорил публично, на тех же научных форумах, открыто писал в публичных, тоже научных, изданиях, и что же? – тогда ужасались, не верили, возражали, осуждали, отпрядывали от автора, как от прокажённого, зато теперь никто об этих пророческих «выпадах» не вспоминает, хотя все живо гутарят о войне, а иные даже чуют запах надвигающейся мобилизации (уже военкоматовской) – и что, разве будет теперь иначе?

* * *

Пророческие предвидения у нас в гуманитарной России не в чести: не научные-де они, зато в ходу присвоение пророческих идей и ими, когда явно уже повеет провиденным от самой реальности, а ещё лучше – бывает повелено сверху, активно ранее уже сказанным пользоваться, разумеется, как новеньким, причём без ссылок на чьё-либо авторство, – и слава Богу! – для пророка как раз слава, ибо тень – залог его одиночного бытия! Вообще это довольно интересненько: действует тут закон, с одной стороны, невосприятия с глухой обороной, а с другой – восприятия с умолчанием. Да-а, нет пророка в своём отечестве, но пророков вообще нигде нет, а если и есть, так сказать, post scriptum, но лишь когда дело бывает ловкими вещунами уже сделано и на их учёных головах вовсю уже красуются, пусть и подвянутые, лавровые венки. Зачем об этом: так ведь о войне речь-то, да не просто одних с другими, а о войне против самих же себя – что тех, что этих, а что будет в итоге, то и пророк ничего не скажет, а ежели и скажет, то лишь самому себе: ни побед не будет, ни поражений, даже беды большой может не быть, а вот перемены – ПЕРЕМЕНЫ! – будут, как раз в сторону того, что походя называется авторитаризмом, тоталитаризмом, диктатурой, а то и попросту фашизмом. Война и сделает своё чёрное, а может, и спасительное, дело! Да ведь кто поверит в такое вот будущее, да ещё какому-то там странноприимному пророку, лишающему тьмы карнавалистов не так даже иллюзий по треку будущего, как самой возможности продолжения карнавала! Нет, друзья, война явилась совсем не зря и вроде бы

для очищения людской ноосферы, да вот какого же очищения, ежели не для всех скопом и не насильственного: война без правил ведёт и к «миру» без правил, может, и с кое-какими правилами, но с очень уже другими правилами, мало что произвольными, так ещё и бесправными.

* * *

Последствия войны, разумеется, непредсказуемы: ни конфликта на Украине, ни конфронтации Запада с РФ (увы, повторим, никак не с Россией как Россией, а её симулякром, называемым имитационно Россией, то бишь, ещё раз, увы, Рашей, а по бывшей кандидатке в президенты страны не более и не менее, как Рашкой, правда, именовавшей так именно Россию, а не возникший на её месте вестернизированный симулякр, кандидатке как раз всего более и импонировавший, – как никак, а приближённой к правящему верху дочери одного из незабвенных героев перестройки из культурной столицы, побывавшего, как водилось совсем недавно, и её мэром); тем более непредсказуемы последствия схватки зе́мных миров, а уж совсем непредсказуемы последствия сумасшедшей войны зе́много мира с самим же собою. Однако предчувствие появления повсюду диктатур фашистского толка и их в дальнейшем бешеной схватки между собой не на жизнь, а на смерть, как-то нас – мудрецов – не покидает, хотя, повторяем, всякое может случиться, даже и такое, что о каких-либо его последствиях и говорить никому уже не придётся: аннуляционными могут статься последствия ныне разгорающейся глобальной войны. Однако ясно: без глобальных, скажем так, доброзлодейских последствий сей войны мир не останется, ежели, конечно, сам он останется на какое-то время. Ясно и другое: мир уже не вернётся к себе настоящему и не просто изменится, совершенствуясь и деградируя одновременно, а изменится воистину до иного мира, вовсе не такого уж и человеческого, – наука с техникой, завлечённые электроноцифроманией не преминут закончить свой историо-внеисторический бег полным расчеловечиванием человека!

* * *

Эсхатология? Конечно! А что ещё, кроме светлого-де будущего? Не отрицая и этого (почему новым человекообразным не возрадоваться по поводу их нового человекообразного мира?) заметим,

однако, что этот, то бишь ещё на четверть (не более!) наш мир, если уже не тот, то бишь вполне уже не наш мир, непременно совсем уйдёт и уйдёт безвозвратно! Отчего и война, как раз с этим остаточно уцелевшим от преобразований, миром. Да, конечно, война вроде бы за ресурсы, за жизнь, за будущее, но уже и за другое, пока не очень-то понятное, даже и не очень-то представляемое, будущее, может, ещё и с ресурсами, но… без жизни, точнее, с жизнью, конечно, но которая уже не жизнь, а всего лишь нежизнь, – и тогда почему же здесь не эсхатология?! И человек инстинктивно ко всему этому готовится, вцепившись в айфоны и вперившись в компъютеры, то бишь в эту самую нежизнь, – пока вот в такую, а кто сейчас предскажет, в какую потом, да и к чему человек окажется намертво привязан – уж не к электронно-цифровому ли концлагерю, – без гуманитарного образования и воспитания, прямого друг с другом общения, без семей и коллективов, без какой бы то ни было любви, даже и без ненависти, зато с неподсудным игнорированием другого. Не может такого быть?! Да, может и не быть, но чего только предкам и даже нам самим ни казалось не могшим быть нигде и никогда и что непременно сбывалось, не слишком-то от человеков и зависимо – как-то по преимуществу само собой, да не очень-то и объективно-процессно, а как-то иначе… бац!.. и нет уже социума, хотя бы прежнего, а на его месте, напомним, крупообразная людская россыпь… что-о, разве этого рассыпчатого аки песок месива ещё нет? А человек всё это принимает за улучшающий его жизнь прогресс, и правильно как будто бы делает, да вот где он – человек?, – человекообразное ведь ещё не человек: недаром же было отменено императивное воспитание и дадена вроде бы полная вроде бы свобода, совсем недаром, ибо за душу человеческую дадена, в качестве неизбежной-вынужденной платы. А теперь вот непонятная, странная, самоубийственная война, а ведь она со своими собственными целями, никому из смертных не известными! Уж и впрямь не последняя ли?!

* * *

Бытие-История реализуется «ходом человека», его деяниями, «ходом вещей», или объективностью, «ходом неизвестности», или «случайностностью», однако это не всё – ещё и Провидением, действующем с учётом Предопределения (заданности) и того же Обречения (неотстранимости). Изучай, не изучай, думай, не ду-

май, решай, не решай, а полной ясности ни о как-то происходящем перед глазами, ни о как-то зафиксированном в памяти прошедшем, ни, тем более, о воображаемом как-то будущем у человека как не было, нет, да и быть не может. Мало что тут сложнейший по мотивам, целям и механизмам процесс, так он ещё и тайный, причём вовсе не на какие-то там малые проценты, а почти что на все 100. Куда ни кинь – тайна! Видно, это хорошо понимает наш верховный, который тоже полный тайны и тоже почти на 100%, как и, соответственно, полны тайны его действия, политика, планы, пусть и не на 100%, но на большой и никому не известный процент. Тут, понимаешь ли, тайна среди Тайны, так что куда ведёт наш верховный, как и каким образом представляет себе и ведёт войну, кто ж знает? Однако разгадка неумолимо приближается, отчего вопросно и страшно сразу всем, включая и его самого – верховного! Приближается! Ибо не всё, далеко не всё в его руках и даже просто от него зависит. О-о, молох Бытия-Истории катится себе и катится, подминая под себя всех – и низших, и средних, и промежуточных, и высших, да вот что он – этот молох – за собой оставляет, кроме секретов, загадок и сказок о себе, о фигурантах, о событиях, ну и о Бытии-Истории в целом? О-очень интересный вопрос! Верховный хорошо понимает, что не только молох сей есть и что он катится себе и катится^ не щадя никого, но и что его не избежать и ему – верховному!, а потому изобрёл самый надёжный, по его мнению, способ своего правления, который можно было бы назвать, не имея готового рецепта – игрово-анонимно-конспиративным. Неплохое изобретение, скажем прямо, очень неплохое!

* * *

Что это за правление? Это когда вроде правление, а вроде развлекуха, когда оно как бы есть и его как бы нет, когда страна ситуацирует как бы сама, а правление, как бы всё зная и во всё как бы вникая, лишь как бы управляет, ничего существенного населению не говоря ни о положении страны и в стране, ни о перспективах, ни о средствах их достижения, а главное, не определяя, куда идёт или хотя бы должна идти страна, теперь вот шибко подгоняемая куда-то и зачем-то войной. Такое правление, может, по-своему и эффективно, во всяком случае, по критерию его неизвестности (скрытности) не только относительно населения, но и… самого правления, отчего это, конечно, правление, а не фикция, но в силу

своей деловой закрытости и персональной невыраженности, как и игровой манеры что действовать, что прикрывать истинные намерения и цели своих действий, может заслуживать квалификацию как-бы-правления, что ни плохо, ни хорошо, а что всего лишь так есть, однако с одним великим удобством для его субъектного навершия: как бы отвечая за всё (власть тут абсолютна!) верховный при этом ни за что не отвечает, позволяя и своим нукерам ни за что напрямую не отвечать, разумеется, административно, юридически, управленчески, а не политически или уголовно, ибо царит в высшем правлении мало что согласие и братство с круговой порукой, но ещё и от своего правления великое, пусть немало и наигранное, удовлетворение, правда, почему-то с каменными, кроме у верховного, выражениями лиц. Делишки-то многие творятся не так даже преступные в обычном понимании, как ориентирно прозападные и немало антироссийские, да и прокитайские тоже, направленные на полное превращение России в свою, при этом ещё и густо вестернизированную, высокодоходную вотчину, нет, не в Отечество, а именно в вотчину – ВОТЧИНУ!

* * *

И вроде бы неплохо всё у реформаторов получилось, да и не без «дружеской» поддержки Запада, да такой, что за сие «благодеяние» платить надо было и платить, да ладно бы вассально-колониальной рентой (посредством той же скупки американских фиктивных бумаг, точнее, пустой долларовой цифири), так ещё и вассально-колониальной зависимостью, чего российский политикуум, надо отдать ему должное, признать никак не мог, а потому сначала пошёл на призыв к равноправному партнёрству с Западом, а затем и не уклонился от развязанной Западом конфронтации, не забывая восстанавливать имперский статус России-РФ. Всего этого Запад простить российскому верху не мог, решившись сначала на холодную (гибридную) превентивную войну с РФ, а затем, разыграв Украину в роли антироссийской овчарки, повёл и войну горячую, как раз на Украине, и руками, в основном, украинцев. Итак, внешняя ситуация стала меняться, причём небезуспешно для РФ, заставив её почти на нестандартную внешнеполитическую активность, включая и военную (Крым, Сирия). Однако война на Украине с российской стороны пошла не по первоначальному сценарию: украинцы, включая эт-

нически русских, а не только идейных «укров», упорно сопротивляются. Почему? Да, наци-бандеровское начало, оно же и кнут, играет тут свою роль, как и чувство национального достоинства (!) тоже, но, видно, украинцам, включая и многих этнически русских, Европа куда милее России и под Москву они не очень-то хотят! Трудно это понять, но приходится, что как раз и делает невозможным ни денацификацию Украины (Укронии), ни превращение её в некое нейтральное демилитаризованное псевдогосударство, ни, тем более, её становление в качестве союзника РФ. И вот тут неожиданный для верховного сюжет: войну то, оказывается, ведёт не армия, не государство РФ, не народ российский, а… Он и только Он – верховный! Когда-то мало говорили и до сих пор мало говорят о французских войнах первой четверти XIX в., а говорили и говорят о наполеоновских войнах, но не только потому, что это были Его – Наполеона Бонапарта – войны, а и потому, что отвечать за эти войны было суждено с самого их начала именно Наполеону: и ежели победителей, как известно, не судят, то всё горе достаётся побеждённому, даже оставленному в живых и сосланному в предоставленную ему островную среди океана утешительную купель.

* * *

Верный своему одиночному криптоправлению, верховный уклоняется, как может, от разговоров о ходе войны, зато разного рода комментаторы, следуя или нет возможным рекомендациям из Кремля, не устают твердить, что война идёт по решению и под бдительным водительством верховного, задающего-де характер, состояние и течение войны. Да, не просто всё тут, очень не просто, а уж на внутреннем фронте, то бишь как бы в тылу, ещё сложнее: страна не так в войновском раже, как в недоумении, близком к оцепенению! Что, собственно, происходит, куда идём, зачем, какова цель? Верховное правление, играющее в загадки без разгадки, не считает, по-видимому, чтобы население что-то обо всём таком знало, да вот знает ли об этом то же правительство, знают ли депутаты, знают ли разного рода высшие управленцы, да и знают ли сами ведущие боевые действия генералы? Вопрос! Как и знает ли само высшее правление, да и сам верховный? Тоже ведь вопрос, да ещё какой! Во всяком случае, мы – гуманитарные грамотеи – ничего такого не знаем и, как принято, знать не должны. Не только страна не подключена к своей собственной судьбе,

но и её образованный слой ни к чему такому отношения не имеет. Любопытнейшая ситуация! Конечно, есть в стране западники, антимирцы, антироссийцы, которые либо всего лишь процветают, либо процветают и против режима протестуют, есть и подкупленные извне протестанты, есть ручная оппозиция (в том же парламенте), но это ничего не меняет: власть делает то, что считает нужным, и делает это в основном на криптотреке, как и ничего из насущного и наболевшего внутри страны не делает, ибо сие не вписывается в её общий трек, стране вовсе и низвестный. Своеобразный, заметим, феномен: не отрыв даже власти от социума (если уже не полусоциума), а их некое параллельное существование с загадочным промежуточком меж ними в виде… небытия!

* * *

Без назревших и абсолютно необходимых перемен в сторону не фиктивной, а реальной России у этой РФ (Рашки) никаких экзистенциально-исторических перспектив нет: никакая хорошая (красивая) фикция не подменит собой реальности, даже и не очень хорошей (суровой, тяжкой, уродливой, кривой) – реальность, во-первых, должна быть, как ни странно это звучит… реальной (то бишь не прикрытой фи́говой фиктивностью), и только позитивная реальность может, как это тоже ни странно звучит, достигать позитивной реальности, а уж в каком она – реальность – состоянии и положении в каждый момент находится, судить о себе должна сама реальность, её людской состав, а что касается России как России, то скажем откровенно, далеко не все в нынешней РФ захотели бы её – России как России – доминирования – ни из числа олигархов, ни из числа управленцев, ни, тем более, из числа медийцев и деятелей искусств, ни из числа так называемых учёных и тех же разного рода спецов, ни из числа предпринимателей, ни вообще из числа граждан РФ, смотрящих упоённо на Запад и не видящих в войне с ним никакого для себя смысла, кроме, разумеется, плохого. Так что положение верховного с его высшим правлением отнюдь не простое: мало что война предусмотрительно ловко персонифицирована (всего лишь П. против всего лишь З.), так ещё она и совершенно не близка как раз выпестованной нынешним режимом, ещё раз напомним, квазипсевдохимерной России, а её – этой фальш-России – в нынешней России совсем и немало, даже слишком много. Загадочно-анонимное правление верховного с его высшим правлением над РФ-Россией с акцен-

том полной ко всему негативу непричастности, и уж тем более, ни в чём этаком невиновности, спасает, но ведь всему в Бытии-Истории есть сроки – невероятные и внезапные, ибо ими заведуют мало что Иное и Великое Неизвестное, но ещё и Время с Вечностью – ах, эти мирозданческие часы: тикают, скрепят, скрежещут, лязгают, одним словом – мерят и отмеривают! Ах, это Обречение!

* * *

Прессовать свой-несвой народ безумными прозападными реформами, пусть и частично вынужденно, по взаимовыгодному соглашению – нехитрое дело, да вот с кем останешься, властитель, в критический-то момент, а он не то что возможен, он – сей момент – не за горами – и вовсе не потому, что Украина с Западом победят РФ, а потому что так распорядятся Иное с Великим Неизвестным, Время с Вечностью, да и, вполне возможно, сам Его Величество Случай, так – ни с того, ни с сего, да и он ли, не он ли – какая разница!; распорядились же с иными вполне себе успешными и славными героями прошлого, включая и совсем недавних, вроде бы тоже поцелованными… э-э… свыше, причём поцелованными чуть ли не при рождении, а может, и не при рождении, а неизвестно где и когда… э-эх… войти в любую дверь можно, особенно гостеприимно распахнутую, а вот как бывает трудно, а то и невозможно, через неё выйти обратно, в особенности, ежели за входной дверью притаился манящий тебя куда-то вовнутрь заколдованный лабиринт. Нет, мы ничего плохого не желаем нынешнему верховному герою, хоть и не во всём с ним согласны, а если что и желаем, то в адрес и пользу глубинной России, её не только полноценного выхода в Явь, но и её преображения, не будучи при этом слишком уж уверенными в самой проективно-деловой возможности такого невероятного происшествия. А на кого или на что есть надежда? Да-да, на глубинную, чуть было не загнанную в небытие, Россию, которая явилась в этот мир вовсе не для того, чтобы в нём или из него исчезнуть, да ещё и по мановению реформно-вестерновских палочек в руках прозападных вассалов из тех же 1980–1990–2000-х гг. То-то ещё будет! Если верховный со своим криптоправлением о будущем страны помалкивает, конспиративно правя державой, то почему же мы-то должны кричать на всех углах: что да как, да кто, да когда? Терпение, читатель, терпение: София не дремлет, а уж Господь Бог – тем более, всё вскорости всем и увидится!

* * *

Да, военная операция, а по сути всё-таки война, на Украине пошла и идёт не по первичному плану, в чём вроде бы нет ничего экстраординарного, но она пошла и идёт, кажется, совсем не по плану, а так – произвольно! Возможно, здесь имеют место просчёты военных штабистов, гражданских аналитиков, тех же дипломатов, но зато такие просчёты, что ставят под серьёзное сомнение не то что быструю победу над противником (об этом уже речи не идёт), но и достижение объявленных целей операции, весьма, надо заметить, крутых. Да, Украина ведёт войну без правил – факт, ну и что? Да, натовцы под водительством США в этой войне участвуют на стороне Украины, ну и что? Да, есть ООН, где надо было бы… а что надо-то? – ну и что? Да-а, у России хватает вроде бы союзников, долженствующих серьёзно поддержать РФ, ну и что? Да-а, тупичок получается – не воевать же РФ со всей НАТО'й, а ядерного удара со стороны РФ что-то никто в НАТО сильно не боится, да и возможен ли он со стороны РФ первым? Запад избрал, при всём сумасшествии его формальных лидеров, очень даже неплохую против РФ стратегию, включая и тактику, которая, знаете ли, неплохо пока работает, изматывая морально-психологически сначала Кремль, потом МО с армией, затем и народ РФ: вопросы, вопросы, вопросы! Верховный вроде бы что-то говорит о войне, да всё как-то не по сути дела, не по фактическому, не по правде. Впечатление, что он – верховный – пусть и не в надёжно замкнутой, но… ловушке, разумеется, в ментально-функциональной, из которой уже веет – пока ещё только веет – пусть ещё и не вполне определившейся… безысходностью! А всё почему: чёрт бы с ней – с войной, как и с победой над Украиной, ибо нужна вовсе другая победа – победа России-РФ над самою собою, на что верховный со своим своеобразно уклончивым правлением вряд ли, судя по всему, пойдёт, заводя страну в очередной экзистент-тупик! Ситуация как-то вдруг стала смахивать на кризис режима от самого же режима – не так ли? Что ж, так вот и бывает, ежели слишком увлечься медийно-подмостковой игрой в правление и даже в войну в ущерб суровой экстраэкзистенциальной реальности.

* * *

Обречение! Ох, какая любопытно-поразительная вещь! Его и не чуствуешь, во всяком случае, бóльшую часть жизни, а потом приходит-таки момент, пусть и растянутый во времени, осознания загадочных фактов, во-первых, что тебе было дадено от рождения, то и вершилось по жизни, хоть и, во-вторых, не без твоего корректирующего влияния, а в-третьих, не только твоего и даже не только того, что мы называем обычно судьбой, а и влияния какой-то внешней силы (ангельской или той же демонской, а может, и ещё какой – посерьёзнее!), отчего и получается то, что ты называешь своей жизнью (и судьбой тоже), ну и подводишь рано или поздно, её – своей жизни – итоги, да и сам её ход разбираешь по косточкам (девятый десяток лет жизни особенно этому способствует, когда немощь становится неотъемлемым достоянием, а остаточная мощь лишь годится на частичное сопротивление этой немощи). Не все, конечно, достигают такого состояния, но некоторым не то везёт, не то не везёт, но приходится, когда сил особых уже нет, но вот мозги ещё работают, да и душа чего-то этакого ещё просит. Так обречён или нет человече на ту «жисть», которую проживает? По мнению пишущего эти строки – обречён, хотя и не на все 100%, ибо Обречение не сильно на первый взгляд сопротивляется судьбоносным интенциям человека, так во всяком случае человеку кажется, хотя в Обречение, надо особо заметить, входит, как ни странно, необходимость и возможность не так даже ему сопротивляться, как ему – Обречению – соответствовать и даже споспешествовать. Любопытная, знаете ли, эта весть – Обречению надо ещё и соответствовать и даже споспешествовать, проявляя при этом не так даже смирение, как… волю! А где оно – это совмещение воли Обречения с волей ему соответствия и споспешествования, не в Обречении же? Вот оно-то как раз там – наверху, как и внизу тоже, патронируемое Великим Неизвестным и, знаете ли, самой Вечностью, немало и вопреки Иному и Времени!

* * *

Автор сих зоиловского пошиба записок, как-то само собой почувствовал, ещё в детстве, шаг за шагом взрослея, что ему импонирует роль не просто передового (даже и первого среди равных), а, скажем так, ведущего за собой, может, и командира, принимающего судьбоносные решения, или руководителя, берущего на себя

ответственность и ведущего за собой, что затем немало и подтвердилось: сначала в общественной деятельности (пионерия, комсомол), затем и в административно-научной, как и в чисто научной с примесью общественно-научной. Нет, не хотелось ему командовать ради командования, даже лидерствовать ради лидерства, но как-то само выходило оказываться ему на ведущих ролях – и ничего, справлялся, не проявляя ни заносчивости, ни лжевеличия, а следуя общности, товариществу, равности, что не мешало при случае проявлять и твёрдость, и решимость, а главное – не давать себя в обиду перед вышестоящими, что стоило иной раз не одного напряжения воли, а и затрат нервов со здоровьем. От партийно-аппаратной карьеры, перед ним явно возникшей, отказался в пользу науки, а там, в сфере науки, пришлось ему начинать – это после вкушения сладкого вкуса власти и от неё великих возможностей – практически с нуля, с продолжения прерванной аспирантуры – простым, так сказать, аспирантом, ещё и семейным, с подзаболевшим хронически (слава Богу, выздоровевшим) ребёнком. Однако руководящая стезя не минула героя: побывав в системной вузовской администрации, стал основателем и бессменным руководителем, скажем так, не вполне системных образований, весьма и оригинальных, на редкость и полномочных, и самостоятельных, и продуктивных, и внесших заметный вклад в отечественную и мировую гуманитарную мысль. Зачем об этом тут речь? А чтобы указать на Обречение, на треке которого и произошло сплетение двух жизненных линий, как нетрудно догадаться, – руководительной, которая сама как-то развёртывалась, и мыслительной, к которой он уже сам стремился, а в итоге – целая и цельная, вполне и полнокровная, жизнь, за которую не то что не стыдно, досадно или обидно, а которую можно признать и великой личной удачей.

* * *

Есть, правда, и нечто другое важное, и этим другим важным оказывается, как это ни кособоко сегодня (в августе 2022 г.) звучит, не что иное, как… Россия, да-да – РОССИЯ!, которая многое что определила в судьбе героя, пожалуй что, и главное: и преданность чему-то более важному, чем личное: и задачи и ход личного размыслительства с выходом на своё мировидение и мироведение; и явление кое-каких необыкновенных открытий, если не откровений, за что наград, званий и премий, конечно, не дают,

но что просто так ни отбросить, ни опровергнуть, ни оспорить; и явление совсем не ординарных русских текстов, которые далеко не всем по душе в нынешней вестернизированной РФ, а уж ежели выделить самое-самое, то это не что иное, как экзистенциональное единение ума, души и мысли героя с сакральной Россией, что не является голым пиарным утверждением, а уж, пардон, вполне себе доказательным не только словами и делами, но и всем житием-бытием, включая и страду, и испытания, и страдания, и боль, и даже кое-какие душевные муки, и даже кое-какой страх не то сказать, не то сделать, не туда, в общем, заехать, – чего скрывать, всякое тут было и есть: нелегко, да что нелегко, «пошти-ка» и невозможно, нести в себе Россию, нести в самом сердце, ибо Россия – дар, но при этом вовсе не подарок, и ежели уж любив Россию и её народ, то преодолевая не только невозможность их запросто умильно любить, но и нескончаемо пересиливая лезущую в рожу со всех сторон и углов к ним нелюбовь! Думаете, это всё ерунда, не-ет, господа, ошибаетесь: внешне правильное да красивое легко любить, а вот полюби-ка внешне кривое, странное и даже страшное, да докопайся до вполне себе правильного и даже иной раз красивого нутра, загнанного Бытием-Историей в Навь, а ежели и выходящего вдруг в Явь, то более всего по мотивам испытания, катастрофы, беды и острой нужды во спасении: Время не щадит Россию, её изрядно и корёжит, зато её зачем-то щадит и оберегает Вечность! Загадка, да ещё какая!

* * *

Трудно, да ещё и спокойно, говорить о России, особенно о нынешней РФ, как впрочем, и неспокойно тоже трудно – о своей неоднократно обманутой, изувеченной, обгаженной Родине – РОДИНЕ!, да вот приходится: то ли с призрачной надеждой, то ли с упругим безнадежьем, то ли просто так – с надеждой и безнадежьем вместе, с ещё горящим или уже иссохшим сердцем, нередко и впустую, ибо говорить что-то или не говорить – всё одно: не слышат, не хотят слышать, а ежели что и услышат, то лишь для того, чтобы сделать камуфляжно по-своему. Разумеется, кто-то в державе вполне себе всё слышит, благородно это воспринимая, переживая за это, откликаясь, да что каждый из таких вот слышащих может реально сделать, заранее зная, что ничего из такого он не может сделать – НИЧЕГО! И дело тут вовсе не в мифической

потребности какой-то идеальной страны, но всё-таки в XXI-то в. хотя бы страны без откуда-то взявшихся, чуть ли не из самой Преисподней, новых самодовольных господ, без туч лихоимцев, без мириад жуликов, мздоимцев, мошенников, без доминирующей и принявшей буквально субстанциональное состояние несправедливости, без бесконечного, тоже уже ставшего субстанциональным, вранья, без официозного и обыденного обманства, чего стало много, слишком много, невыносимо много… э-эх… что говорить, ибо бесполезно… б-е-с-п-о-л-е-з-н-о! Остаётся лишь дивиться, как же это страна-то живёт, люди как в ней бытуют, разумеется, в никому уже не нужном морально-общественном смысле, а ведь вокруг ежели не отчаяние с потерянностью, то уж озабоченность с растерянностью – точно!, правда это для старших поколений, которые теперь не так в своей зе́мной стране, а как бы на другой планете, а вот для младших… что для младших?.. э-э… пожалуй что, сытое прозябание с неизбежным бегством из искуроченной, прикрытой фосфорическим светом, аки нынешняя Москва, вовсе для них и не родной, страны. Горькие слова, да вот как без них?!

* * *

Да, Россия в сакральной связи с Вечностью и в любезном разносогласии со Временем, – факт! Неотмирна она – Россия как Россия, даже, пожалуй что, и иномирна: она – иное! Отчего ни понять России, ни измерить «аршином общим», как проникновенно выразился великий русский поэт-мыслитель, при этом добавив поразительно точно: «В Россию можно только верить!». А мы тоже кое-что к этому присовокупим: да, ни понять её, ни общим аршином не измерить, но при этом остаётся не только в неё верить, а и, как было уже выше замечено, её любить, что, собственно, русские люди – России верные сыны и дочери, без лишних слов и магических жестикуляций, вполне себе уверенно и самоотверженно и делают: страдают, но делают! Знаем, что говорим, и не только по итогам защитных войн за Россию, не только вследствие бескорыстного и жертвенного участия соотечественников в нынешней антизападной для России войне, не только по причине бесконечного трудового героизма, не только из-за отцовского и материнского подвижничества, но даже, как это опять же ни странно звучит, при наличии необузданного беспредела и произвола властей предержащих, всего лишь потому, что истинно русский (не толь-

ко по крови) – государственник, и не слишком доверяя властям, он всё-таки верит в своё-несвоё государство, держа его на своих плечах, чего не избежал и наш герой, неплохо знающий Европу, даже её в лице Франции или той же Польши по-людски любящий (за народ, культуру, лояльность, дружественность – разогреваемая ныне русофобия тут не в счёт), да, знающий и любящий, почитая и себя за европейца (не как лишь специалиста), но России ни на миг и ни на йоту не изменивший, хоть и многим в отечестве неудовлетворяющийся, немало критикабельный, даже в меру или не в меру брюзжащий; жить в России, особенно в нынешней РФ, да ещё и добиваться в ней чего-то своего из идейного и морального – не поле перейти! Знает, старый брюзга, что говорит, не понаслышке знает!

* * *

Преувеличение, фантазии, ложь, поклёп? Что ж, ежели так, то попробуйте опровергнуть, а ссылки на то, что что-то хорошее у нас таки есть, что люди у нас хорошие тоже есть, и что молодёжь у нас есть хорошая, лишь подтвердят вышесказанное: никто и не отрицает, что что-то этакое есть, даже движуха великая есть, да вот повторим, общей жизни как собственно жизни всё-таки нет, зато хватает… нежизни, как раз той самой, что вроде бы жизнь, да вот при этом и не жизнь вовсе, а как раз самая что ни на есть нежизнь, будь она не ладна! Совсем не успокаивает, что повсюду на планете, кроме каких-то неизменных в образе жизни уголков, мест, даже и пространств, всё то же самое – всё та же экстрацивилизованная нежить, но у нас, в нынешней РФ, нежить как-то… э-э… очень уж она… как бы это выразиться… похабная! Что ещё за термин такой? Да, термин, согласимся, похабный, а что, разве есть лучший? А почему это он вдруг выскочил, этот термин? Разве нет к нему поводов, да что поводов – оснований? Куда ни сунься, на что ни погляди, чего ни попробуй сделать или решить, везде одно – похабие, пусть не тотальное, но ведь повсеместное, ещё и уничтожающее всё живое, честное, порядочное, не говоря уж о благородном, навязывающее взамен жизни, естества, человечности, порядочности, не говоря уж о благородстве, мало что заморскую падаль, так ещё и мертвящий серо-чёрный родной погост, по которому людишки снуют туда-сюда, особенно в хищного вида катафалковых авто, да вот люди ли в естестве своём

или их вымороченные тени, – и это при ярком, сияющем, сверкающем многоцветии холодящего душу искусственного света на кубических серо-чёрных коробках с вездесущей, висящей будто в космической пустоте, пошло-вычурной рекламой.

* * *

Вот и дождались, вот и получили, вот и сподобились! Наконец-то у нас, как у них, за океаном, хоть у нас и криво, и дрянно, и паскудно, а ведь там, за океаном, давно уже ничего, кроме суетящейся среди громадных, тупых и бездушных серо-чёрных небоскрёбов людо-автомобильной, уже и небытийной, массы нет, а есть лишь сходящая с ума нежить! Что ж, у кого-то невероятный финансово-потребительский успех, прячущийся в гробовой тиши склепообразных замков; у кого-то успех куда-как поменьше, но тоже есть, как есть двух-трёхэтажный домок, маленькое поместье, непроницаемый железный забор, тишина; у кого-то домик в деревне, огородик, как бы и тоже покой; у всех есть авто, разные, конечно, но зато выразительные и юркие; многие увлечены комфортным, а некоторые и тем же экстремальным, туризмом, разносясь, насилуя планету, по всему миру; у многих в комфортной Европе и благословенном «Граде на холме» виллы, квартиры, ну и дети с внуками, особливо у заядлых «патриотов», те самые дети, которые от «патрии», то бишь Рашки, отрываются окончательно и бесповоротно; большие массы любят курорты, особливо в тёплых странах; для престарелых, задержавшихся на этом свете, есть хосписы (чего ещё надо!), а для брошенных детей детские дома, а то и усыновляющие и удочеряющие их, часто иностранные, семьи… стоит ли продолжать?.. нет, не стоит, ибо… хорошо – ХОРОШО!, только вот всё это как-то не душевно, не по-людски, а может, как раз и по-людски, но уже по-новому людски, то бишь похабно. Ах, это похабие, опять оно вылезло, въевшись в текст, да вот как же без него – этого замечательно точного словца?! Да, Раша есть, нежизненная в ней «жисть» есть, а Раша зачем-то выпендривается, воюя вроде бы с обожаемым ею Западом – за своё-де прозападное достоинство! Поди-ка пойми что-нибудь из происходящего! А кровь-то льётся: за Рашу, за её господ, за антимир, за растлительные media, за подмостковую бесовщину, за нежизнь? О-о, сам чёрт голову сломит!

* * *

Зачем об этом обо всём паскудном говорить, писать, иначе ведь всё равно не будет, во всяком случае, долго не будет? Да, трудно с этим не согласиться, с тем, что иначе не будет, хоть трудно с этим всем согласиться, практически и невозможно. Однако что-то да меняется в мире, в странах, в Западе и в Востоке, в РФ, в незападной части мира. Запад во главе с США очень уж далёк ныне от мира человеческого со своим империальным гонором, своей колониальной хваткой, своим антимировским на мир нашествием, отчего назревает не только отделение части мира от протухшего Запада, но и кое-какое от него очищение с выздоровлением: либо термоядерный конец, либо антизападные перемены, а может, и как-то иначе, однако всё равно с переменами, ибо Время явно уже круто колбасится, занявшись отменой всего нажитого гуманитарного, а Вечность чего-то настоятельно от человечества ждёт, подстёгивая Иное и налагая бремя ответственности на Великое Неизвестное, да и Обречение никуда не деется: на что обречены, то и будет, вот только РФ надо перестать быть Рашкой и стать именно Россией, что тоже вроде бы невозможно, да вот как-то в Бытии-Истории выходит, что всё невозможное вдруг и случается: как случилось внезапное падение страны на колени перед Западом и её похабный бросок в Запад, так, видно, случится вдруг и обратное – восхождение РФ до России! Как? А на этот вопрос пусть отвечает сама реальность, – одно тут ясно, что не без насилия – что объективного, что субъективного, что магического, чуть ли не потустороннего, – факт! Факт, конечно, да вот пока не фактический факт, хоть и не надуманный: всё так быстро ныне меняется, а тут ещё война, конфронтация, борьба не на жизнь, а на смерть, нарастающий экзистенциальный напряг, всё более очевидная безысходность, – то-то будет!

* * *

Печальная и горькая новость: в Москве в собственной машине подорвана и убита молодая женщина, журналист (и военный тоже), политолог, философ, дочь известного в стране выдающегося философа и мыслителя, с которым автору этих строк приходилось многие годы творчески общаться, причём убита на глазах отца (теракт осуществила, по данным российских спецслужб, украинская спецслужбистка, сразу же после акта умыкнувшая на авто,

меняя номера, за границу, в Эстонию, а там уж… кто знает… правда, объявленная РФ в розыск, да не в ней в общем-то дело, да и вряд ли она будет поймана и достойно наказана, ибо инициаторы известно где, а они-то и несут всю полноту ответственности. Страна, во всяком случае, её патриотически настроенная, можно сказать, что и гуманитарная, часть потрясена: каково, какая выбрана цель, да и на виду Москвы! И ещё: такой теракт многоцелевой и многосмысловой, ибо объявляет о войне уже не с Россией, не с армией, даже не вообще с населением, а с самим гуманитарным мозгом России, ещё и девическим, не говоря о знаменитом в стране и за рубежом гениальном отце – выдающемся гуманитарии! Сердце и ум требуют возмездия, быстрого и неотвратимого, с прямой охотой на заказчиков и их уничтожением. Состоится ли такое? Вряд ли! А ведь не то что перейдена красная черта, а вскрыта болевая точка невозврата: девушка – гуманитарий, гражданский человек, отец – то же самое, только куда более что-то великое, что не умоляет личности дочери, а лишь её возвышает. Нет, не будет приказа «Огонь по штабам!», а будет становящаяся тягомотной бессрочная пауза с разговорами о будущем новом «Нюрнберге», о заводимых уголовных делах, о будущем справедливом-де суде и т. п. хрень: своих как бы и не жалко, они почему-то обречены быть лишь жертвами и почему-то всегда немедленно не отомщёнными. Беда! А ведь какой был шанс ответить – за дочерь России, за её отца, за всех истинно русских (не только по крови, а и по убеждению)! Аз воздастся!

* * *

Гуманитарная наука исчезает аки отжившая ненужность; философия свёртывается до не более чем историо-культурного артефакта, да и то философия не отечественного по преимуществу толка; какая-либо пригожая национальная идеология отсутствует как чуть ли не заказанная невозможность для нынешней РФ. Ежели Ленин прикрывался «вечно живым» марксизмом, а Сталин – неоспоримым ленинизмом, то бишь материалистической псевдофилософией, то сейчас у действующего режима нет ничего из идейно-утвердительного, кроме фигового листка в виде евроамериканского образа бытия, якобы для страны-РФ образцового, а теперь, по причине конфронтации с Западом (не отменяющей, впрочем, приверженности к Западу как к подражательному при-

меру), в виде уже фигóвого листка не существующей полноценно даже в роли идеального образа, но зато лихо преподносимого властями и её юркими пропагандистами, симулякра по имени «Россия», а фактически-то всего лишь Раши. Можно возразить, что, мол, всё, почти всё или же очень многое в нынешнем мире из гуманитарного, да и не только, не что иное как симулякр, даже и якобы традиционное теперь там же – в симуляции, ибо и сам мир уже при помощи политиков да расплодившихся донельзя симуляционных media, включая и замечательный интернет, есть не что иное, как грандиозный (монструозный) всепланетарный (глобалический) симулякр – СИМУЛЯКР! Если кто думает, что перед ним, его образованным умом и проницательными глазами, адекватная картина мира, то он глубоко ошибается: никакой адекватной картины мира нет, как, собственно, и никогда в цивилизованном человечестве по сути-то и не было, просто реальность лишь меньше зависела от того, что вещали политики, философы, учёные, журналисты, писатели. Сейчас же зависимость от говорящих и пишущих симулятивных голов куда как выше, да и такие понятия, как культура, цивилизация, общество (социум), государство, право, даже и война, настолько ныне «смухлированы» и закомуфлированы через посредство даже не так осознанной лжи, как вольной бессодержательной болтовни. Так вот и живём, опутанные не сильно в обыденности заметной, но цепкой, липкой и гадкой, симуляционной сетью!

* * *

Любопытнейшая, понимаешь ли, возникла в человечестве гуманитарная ситуация: причём не так от разгорающейся в мире войны всех против всех, что само собой, а… не поверите… от отсутствия каких-либо устойчивых и необходимых для совместного, да ладно бы международного, а то ведь и внутринационального, бытия… понятий*:* теперь мир человеческий много и живо болтающий, оказался как бы без понятийного языка, а ведь язык с его понятиями вроде бы из основных и наиболее отличительных достояний человека как человека, а не только одного из представителей звере-животного мира. Итак: с языком вроде бы, да вот… без понятий!, а ежели и с понятиями, то с любыми, нарочито или походя выдуманными, просто слетающими с языка, а что особенно стало модным – беспонятийными, – и ничего! – жизнь, которая

в общем-то нежизнь, идёт, и движуха есть, и удовольствия с наслаждениями, и загадочные пандемии, и внезапные смерти, хоть и при большей по срокам жизни-нежизни, отчего и всеобщая погибель как бы уже на подходе, вовсе и не обязательно, что термоядерная, а так… как раз беспонятийная! Вот и времечко пришло без Времени, ибо Время, вообще говоря, это ведь что-то идеально содержательное, а тут… пустота, так что это даже и не времечко, а самое настоящее… безвремечко: Время как бы ушло на тайную встречу с Вечностью, оставив вместо себя это самое безвремечко, то бишь БЕЗВРЕМЕНЬЕ! И тут опять выскакивает из понятийного загашника сакральное и вовсе не добренькое ни к кому из словоохотливых фигурантов, да и к самой безвреме́нной эпохе (эпохе ли?), Обречение – в этом разе вполне и карательное: за алчную гордыню болтливых фигурантов да за подложную подлость ультрасовременности. Паскудное безвременье! Разве не так? Куда ни кинь взгляда, о чём ни подумай, а от многого вокруг, слишком многого, одно лишь устойчивое послевкусие – досады, отвращения и тошноты!

* * *

Занудная стариковщина? Не без этого, да что делать, коли привык жить, пусть и не без людских нелепостей, изъянов и пороков, но всё-таки среди людей, по-людски, в обществе, а не в крупообразной вроде бы людской массе, пусть и жить с долей кое-какого антимира, но не при его почти уже полном преобладании, если уже и не при его чуть ли не окончательном господстве. Да, взошедший к нам и расцветший у нас не без нашего (точнее же – ненашего) культивирования нынешней ультрамодерновый антимир немало по-своему (дьявольски) привлекателен, гибок, ловок и прельстителен, хотя при этом по-своему (опять же дьявольски) уродлив, ужасен и отталкивающ, однако это не какой-то там засевший в уголку почти безобидный мирок, а мало что самый настоящий злой мо́рок, так ещё и беспощадный истребитель всего человеческого в человеке как человеке, оставляющий на месте человеческого мира вполне себе уже постчеловеческий, пусть и подвижный, бодрый, мечущийся, как бы и живой, даже на вид и людской, постмир, он же и погост, вполне себе как раз уже и не людской. Всё, почти всё, ну пусть многое, правда, слишком уж многое, из так называемого «современного» попросту претит,

вызывая отторжение, обиду и презрение. Да-да, именно так: отторжение, что понятно, обиду, хотя бы за жертвы предшествовавших и даже нынешних поколений (да ещё и за какие жертвы!), и презрение, оправдываемое лицемерием, лживостью, подлостью этой самой «современности», её безудержной алчностью, тупой бессердечностью, бесовской пошлостью, разумеется, это всё по преимуществу в гуманитарном, пусть и в еле ещё дышащем, смысле. Какая теперь гуманитарность, не говоря о гуманности, гуманизме и прочей безнадёжно проигравшей, надёжно отторгаемой и скрупулёзно выветриваемой из людского общежития гуманитарной чепухи! Скверно, но факт, особенно и не замечаемый «людями», в особенности же как раз вполне себе уже пустоголовыми профессиональными гуманитариями.

* * *

Надежда! На что же, кроме, как на Господа Бога, на Софию, на Иное, на Великое Неизвестное, да ещё разве лишь на какое-то иное Обречение, как раз и производное от всего выше перечисленного, или же прямо надежда на всё-ещё человека, его спасительные деяния (не смешно ли?), если уже не попросту на «ход вещей», то бишь на самодвижение реальности (как бы и на авось!)? Вообще без надежды – этой великой экзистенциальной иллюзии – никакой жизни-то ведь нет, – как, скажите, без надежды-иллюзии преодолевать те же тяготы, невзгоды, болезни, потери, утраты, да и те же разочарования, измены, предательства, продажи, подсидки, тот же страх, что там ещё? Да никак! Только надежда, только иллюзия, только мечта, только умозрительный проект, только ничем не оправданный оптимизм, только доверие к недоверчивому будущему! Пришлось ли автору сих гнусных строк всё это надеждо-иллюзионное испытывать самому? Не просто пришлось, а постоянно, пусть и дискретно и по разным поводам, немало вполне себе реально испытывать, разумеется, с переменным успехом, более всего, конечно, личным, а вот с не личным, а общим… э-э… тут уж где большие надежды (не по силе, а по масштабу), там и, увы, большие, пусть и не сплошные, разочарования: Бытие-История как катилось всегда по-своему, так и катится, конечно же, мало пересекаясь с надеждами, ими никак не дорожа, им и не следуя. Здесь трагедия… нет, не драма вовсе, а именно трагедия – ТРАГЕДИЯ!, ибо, увы, как поведала одна православная старица

из СПБ: «Сатана-то в силе!», – и не сегодня лишь он в силе, даже и не вчера, а, знаете ли, уже давненько (не будем искать отправные сроки, ибо тут всё бессрочно, как бессрочна война меж «людями»: что некогда, что тогда, что сегодня). Обречение тут жёсткое: что на выше указанную трагедию, что на ту же безысходно-бессрочную войну, что на жизнь в обнимку с нежизнью, что на выбор без выбора, а как же иначе?

* * *

Время, вперёд! Верно! Да вот куда? Да и с кем? О-о, какие скверные вопросы, на которые не то что нет ответа, а за которыми, увы, скрывается всего лишь одно – неистребимая пустота, – так что отвечай, не отвечай, а ничего, кроме Иного и Неизвестности, да и то в бесконечности, не обнаружишь, даже потопа или землетрясения какого-нибудь, даже термояда, зато узришь её… пустоту – ПУСТОТУ!, причём при вроде бы живом человечестве (пусть уже и полуживом постчеловечестве), да вот бытующем (ежели ещё бытующем) в полной… нет, не темноте вовсе... а в сверкающей огнями и многоцветием пустоте – в умах, душах, сознании и бессознании, как и в безумии тоже. Вечность, в отличие от Времени, ни шутить, ни разглагольствовать, ни кувыркаться не любит… бац!.. и… НИЧЕГО!, – так куда в таком разе и с кем идти, господа-товарищи?! Не-ет, вовсе не к счастливой жизни, а как раз к счастливой нежизни, что и почувствовал наш бесшабашный народец, напялив на лики свои мертвецкие маски, рассыпавшись аки крупа, замельтешив аки тараканы, хамя налево и направо по скверной балаганно-городской привычке, не признавая и не замечая другого, не будучи уже ни в каком совместном по общежитию социуме. Что-о, разве не так? Уж лучше на себя, кума, оборотиться, как и ку́му сие тоже не помешает – всем! Да вот что-то не спешат соотечественные кумовья и кумушки заглядывать в проявочные зеркала, чтоб не увидать там ненароком рожи свои – мало что кривые, так ещё и… никакие. Опять лжа, опять поклёп, опять навет? Что ж, может, и так, да попробуйте-ка, милые сограждане-оппоненты, сие опровергнуть, да ещё и с неопровержимыми, как вы любите, аргументами! Что-о, слабо, невмоготу, страшно? А коли страшно, то уже хорошо!

* * *

Дурить людей можно, даже подолгу и бесподобно, но, во-первых, с неизбежными дырами, лажами и провалами, а во-вторых, до некоторых всё-таки пор, которые, дурящий обычно не замечает (затмение, понимаешь ли, от успехов), а дуримый вдруг сие протестно и злобно осознаёт, либо сам дурман, энергично ослабевая, куда-то вдруг улетучивается. Примеров того и другого хоть отбавляй, хоть для тех, хоть для этих тоже. Дурение со стороны верхов никогда не прекращается (выхода нет), а вот осознание со стороны дуримых низов, что их дурят, непременно к ним приходит (тоже ведь выхода нет). И что же? А ничего: что бывает, то и бывает – Иное с Неизвестностью, оплодотворяющие Обречение, об этом заботятся, а вот с Обречением людишкам играть боязно, и не потому, что не позволено, ибо всё в тёмную вершить ныне позволено, как и не потому, что предосудительно, а попросту крайне опасно: не то что непродуманного, а попросту не того одного хода бывает достаточно… раз!.. и на Кавказ, как говаривали в старину, а теперь вот не на Кавказ, а прямо туда – в Тартарары, что не где-то там в Космосе, а прямо здесь, на Земле, в стране, среди людей – что простецов, что успешников, что пустомель, что гордецов, что приспешников, что умников, что насмешников – всё одно! А у нас, кажется, с «энтим» дурением явно уже заигрались, ещё и взирая горделиво, хотя и попрежнему вожделенно (ох, какая опасная тут несостыковка!), на тот же Запад. Обречению-то всё равно, у кого и где особняки с осчастливленными чадами – там или здесь: обмануть можно особей, народ, страну, но… не Россию, не русскость, тем более уж, не Господа Бога, не оставляющего русский мир, который не то что теплится приглушённым огнём, а и как-то незаметно разгорается, глядя на затянувшееся дурение и его, не очень, быть может, пока осмысленно, но уже немало и отрицая. Не замечается? А напрасно: надо видеть и невидимое, да ещё и в первую очередь! О-о, как случаен и непредсказуем этот, ведомый оттуда, мир, особливо русский!

* * *

«Нам не дано предугадать… что, как, когда!» Факт! Никому! В этом вся прелесть и есть, точнее, была, когда можно было быть уверенным, что будущее непременно будет… э-э… может, и нехорошим, даже и плохим, но… будет!.. э-э… так или иначе

человеческим, даже и злым, и скверным, и беспощадным к человеку, надо было лишь быть готовым ко всему, бдительным, стойким, борческим. Теперь другое: светлое будущее без человеческого будущего! Американосы не придут нас убивать, ни им, ни их адептам этого не надо – сами себя поубиваем, да не физически, что не так важно, а духовно, морально, поведенчески, социально: был «чек», и нет его! Да, есть надежда на спасительную миссию идущей уже войны, но ведь при условии, как было уже сказано выше, победы над собой, а как она вдруг явится, это самая из невероятных и невозможных побед? – порча слишком велика, почти что и необъятна, вроде бы ещё не паралич, а вот повреждение налицо, да ещё какое!, хотя резервы у нашего человека как человека ещё есть и их немало, да вот как их завести или как они сами заведутся – во спасение – СПАСЕНИЕ! – кто ж знает? Да, остаётся Надежда в связке с Обречением, а что ещё, коли верить почти уже невозможно, а не верить ещё невозможнее. Да, убитая сатанински дева (русская Дева!) ушла душой на Небо, став жертвой всего так называемого ультрасовременного времени, а не одних только подозреваемых в её убийстве «укров», но что это для нас всех значит… да-да… не важность победы над «украми», хотя она вроде бы и возможна, хоть и очень проблематично возможна, ибо вполне возможное военное поражение «укров» вовсе ещё не победа над ними, но нам нужна, повторяем, нужна, как воздух, победа над собой, что и явно необходимо, да пока, как кажется, вряд ли возможно. Что же ещё должно произойти, чтоб вполне опомниться и начать всерьёз действовать – сверху до низу, на всю глубину и во всю ширь, что?

* * *

Не игрово-пиарных, мистифицирующих реальность, а настоящих, то бишь гражданси-человеческих, обращений от власти к народу (уже и населению) как не было, так и нет (ничего такого не говорящие послания верховного ручным депутатам сей сакральной функции не выполняют). Народ в неведении ни настоящего, ни будущего, ни даже прошлого. Всё идёт так, как идёт: нельзя сказать, что народ сильно недоволен, что ему не близка вестернизованная (сытая и разгульная) современность – близка ведь и весьма он доволен, а война… что война?.. народа она пока всерьёз не задела, так что всё впереди, но ни консолидации на-

ции (вокруг кого или чего?), ни избавления от практически уже субстанциональной несправедливости, ни преодоления фальшизма, и т. д., и т. п., в общем никаких ныне остро потребных социополит-хозяйственных, а в общем-то экзистенциальных, перемен. Своеобразная «ситуасьон»! А война идёт, разгораясь, и мало того что не скоро прекратится (когда?), но и на никому не известных условиях (каких?) – тут новейшие ракеты не помогут, да и ядерное оружие тоже: «укров» ничем не пронять и никак не переделать, а оккупация Украины, которая о-очень мало вероятна, обернётся концом если ещё не России, то уж РФ точно! Надо ли это нам? Нет, конечно, не надо, а что надо… э-эх… повторим снова, победа над собой, что, сами понимаете, без большой катастрофы, видно, никак и уже не возможна! Тупик! Да, бытийно-исторический тупик, из которого выход найти уже не в силах человеческих: не найдётся, да и искать, что самое главное, никто из ныне предержащих не будет, ибо порча вокруг, повреждение, деградация, причём всего сразу из идейно-духовно-социально-культурного, а исключения… что исключения?.. на то они и исключения, чтоб хотя бы огонёк тревожный поддерживать, из которого может что-то спасительное разгореться, да вот как, ежели без раздувающей пламя катастрофы, да ещё и с чудом каким-либо сопряжённой. Ох-хохо, вот и задачка с бесчисленными неизвестными! Может, модная ныне цифро-электронная математика подскажет или уж прямо сам искусственный разум?!

* * *

Вернёмся к Обречению: кто на что обречён, тот с этим и идёт по жизни. Даже судьбоносные коррекции входят в состав Обречения. Можно назвать это и фатализмом, и фанатизмом, и безумием, какая разница! Автор этих строк к чему-то по жизни стремился, питаясь надеждами, а жизнь, она же и судьба, распоряжалась во многом по-своему… нет, вовсе не худшим образом, даже и с немалым в пользу сего автора везением… но тут важно, что… вела, пусть и как-то сообразуясь с желаниями и действиями ведомого. Возникшая иной раз возможность выбора вроде бы уводила от Обречения, но и он – выбор – оказывался более исполнительным рычагом, чем противником Обречения, которое со временем всё и ставило на свои места, возвращая жизнь на предопределённый ей путь. У всех ли людей выходит так, как это им и ими

преподносится, кто знает? а потому настаивать на чём-либо определении не станем, как не станем и отходить от своего понимания Обречения, что видится весьма убедительным, хотя бы из личного экзистенциального опыта, да и из опыта большинства избранников того, что обычно называется фортуной. Мог ли тот же Пушкин не стать Пушкиным? Вроде бы мог, да вот не стал, и даже с жизнью своей покончил как Пушкин. Так можно сказать о каждом из заметных персонажей, кого постигла творческая юдоль: творец куда более в плену Обречения, чем на свободе от него с её каким-то там произвольным выбором. И в таком творческом пленении мало чего счастливого, хоть и хватает чего-то явно возвышенного, как и наоборот, однако с ощущением победы – над самим собой, конечно, в первую очередь, а уж потом… нет, не над соперниками, хоть это и бывает, а над… контекстом, а у кого-то из творцов и с ощущением триумфальной победы, но это более из области искусств, чем из сферы идей, где всё случается далеко не так сразу и далеко не со всеми творцами, ибо тут в приоритете всё, что угодно, но только не идея как таковая, – тут ведь по ходу обычно побеждает всего лишь более сильный, ловкий, изворотливый, беспощадный, частенько и просто бесчеловечный, хотя и в меру творческий, нередко и весьма, да вот не такой, не экстраординарный, не поцелованный Богом!

* * *

Гуманитарная сфера, в особенности идейная, буквально забита безоговорочными идеями, составляющими непременно безусловные и бесспорные идеологемы, идеологии, догматы, некоторые из которых слывут за научные, как бы и тоже абсолютные, отчего сама гуманитарная наука выглядит более всего попросту догматизированной идеологией. И выходит, что либо примыкай к чему-то утвердившемуся и даже господствующему, либо чеши в отвал, в маргинализм, в лучшем случае на периферию, а то и вообще в бдительное отвержение с одиночеством и забвением. Творчество как самостоятельная идеальность обычно не поощряется: тут же поспешают пределы, является споровитая давиловка, а при случае включается в дело и прямая атака. Подавляющее большинство гуманитариев – не более чем адепты (адвокаты, апологеты) чего-то уже существующего, утвердившегося, господствующего, хоть часть из них и пытается что-то сказать новенькое

в рамках любезной им общепринятой парадигмы и практикуемого всеми дискурса, однако тут многого не скажешь, не попав в разряд отщепенцев, уклонистов, ревизионистов или даже еретиков. Многие из гениев, не порвавших с догматикой, попались на эту удочку – еретизма, причём всё равно какого: научного, философического, религийного. Гуманитарная сфера по обыкновению не для поиска, а для подтверждения, развития и популяризации уже добытых ранее и доминирующих истин. Вообще истина – это ведь не правда как таковая, а в лучшем случае её общепринятое подобие, хотя и, надо заметить, всегда до некоторых пор, пока не наступает для «истовой догматики» момент кризиса, а то и краха, пусть и не всегда заслуженного (в догматах тоже ведь хватает гуманитарно ценного), а потому и, как тоже бывает, не без возвратного ренессансного возвращения «незаслуженно отвергнутого» (но не забытого). Что касается автора сих строк, чья жизнь прошла при очень разных социальных строях (от социализма с СССР к капитализму с РФ) и политических режимах в родной стране (сталинизм, хрущевизм, брежневизм, «чернодыризм», горбачевизм, ельцинизм, а теперь вот и, пусть извинит меня верховный, уже его «изм»), не говоря о знакомстве автора с евроамериканскими и иными зарубежными строевыми и режимными примерами и их немалым в общем-то знанием, то ему – автору сих строк – удалось, пройдя сквозь и мимо бытовавших и бытующих догм, выйти на путь самостоятельного идейно-гуманитарного поиска и кое-что этакое лично сотворить – не имеющее аналогов не только в отечестве, но и в мире.

* * *

Что же это такое, это такое? Да всего лишь иное мировоззрение, а лучше сказать – мировидение и мироведение, отчего и иное понимание мира и всего в нём происходящего, но такое, которое идёт более всего от самого мира, причём идеальное – объективно идеальное, а не от человека, на него взирающего и его пытающегося по-своему протрактовать. Всё вокруг – иное, вовсе не такое, каким кажется науке, особенно гуманитарной, каким представляется философии, особенно научной, каким представлено религиями, особенно старательно задогматизированными. Да-да, жил-жил, познавал-познавал, творил-творил, да вот и вышел на это самое Иное, уже и с большой буквы, которое как реальность

текущую пронизывает, делая её по сути другой, так и за реальностью таится, за ней приглядывая и её по-иному изменяя. Открытие, так уж открытие, ничего не скажешь – ОТКРЫТИЕ! И что же? Да ничего! Изыди, открыватель, ты только всем мешаешь, ибо ни понять тебя, ни в свой ладно ухоженный и щедро унавоженный огород пустить, ни согласиться с тобой хотя бы на йоту! Что тебе мешало быть с нами, присоединившись к любой признанной парадигме, действующей теории, общепризнанному дискурсу? Ведь ты много хорошего в общепринятом идейном контексте успел сделать, тебя знали, приветствовали, признавали. Остался бы лучше марксистом, признал бы новейшие веяния оттуда – из авторитетного зарубежья, пусть и ушёл бы от застаревшего марксизма, став адептом либо неомарксизма, либо даже и постмарксизма, но без какого-то там Иного: дурак, да и всё! Зачем тебе это Иное, которое никто из правильных гуманитариев за исключением редких, очень редких, неправильных единиц, не понимает и не признаёт, которое не то, что не в тренде, даже и не в рассудочном и никому не нужном, кроме оболваниваемых им «студиозов», мейнстриме. Зачем? Чтобы ответить на такой вопрос содержательно (аргументированно), а по сути на него не отвечая, ибо сие не нужно и практически невозможно, надо вновь обратиться к неоднократно здесь повторяемому Обречению и задаться другим вопросом: испытал ли его наличие и действие сам автор обращения к Иному?

* * *

Разумеется, испытал, особенно когда, расставшись с надеждами и иллюзиями, осознал, насколько достигнутое им в самом деле никому, опять же кроме единиц, не нужно, да ладно бы официалам, в том числе и от науки («инквизиторов», так сказать), но и всем остальным в сфере «высокого знания» (более всего «ремесленникам», так сказать, как раз тем, которые называются обычно «коллегами»), а осознав, понял, что его тащил вперёд не исследовательный зуд, не желание быть первым среди равных и уж, не дай бог, обрести над ними ментальное превосходство, да ещё и ради какого-нибудь лукаво практикуемого в сфере науки «почётного отличия», а тащило… Обречение – эта мощная, неумолимая и неодолимая сила, которая подхватывает в один прекрасный момент своего избранника и тащит его, тащит, тащит, да вот

куда? Вот его лично, протащив через философию хозяйства, вытащила к Иному, как и к тому же Великому Неизвестному, отчего всё гуманитарное происходящее, как и сами в нём участвующие личностные, коллективные, классовые, клановые, государственные, культо-культурные, вообще страновые, союзные, международные и иные субъекты, стали вдруг… иными, вовсе не такими в сути своей, какими изображаются что в прошлой, что в текущей, уже, правда, захромавшей на обе ноги, гуманитарщине – что в научной и философической, что в политической и, как принято говаривать, не понимая сути дела, в экономической, что в любой другой. И человек как человек вдруг оказался иным, и общество, и любое сообщество, а главное, пришло понимание, что определительное именование чего-либо бывает одно, а суть этого чего-либо оказывается совсем другой, да мало что другой, а и вовсе неизвестной, а что касается исторически вокруг происходящего, так оно течёт себе и течёт, помещая гуманитарно подкованного человече в познавательно-знаниевый заказник, отчего у властей предержащих, принимающих судьбоносные-де решения, не имея никакой действительной осведомлённости о реальности, как и необходимой на то компетенции, одни тайны (госсекреты!), причём что авангардные, что арьергардные: врут себе и врут, не стесняясь, лишь бы придать себе и своим решениям… значение – ЗНАЧЕНИЕ!, а при случае свалить свою неудачу на какого-нибудь подходящего из них же бедолагу.

* * *

Так что никто из человеков в этом мире ничего об этом мире по сути его никогда не знал и не знает, а само человечество ищет единственное для себя утешение в религии, в вере, что правильно и делает, правда, что не мешает межрелигиозным и внутрирелигийным противостояниям и войнам, нередко вполне бескомпромиссным и крайне беспощадным. Жертвы! Да-да, именно жертвы – непрерывное человеческое жертвоприношение! И что же? Да ничего: так было, так есть, так и будет! Человек инстинктивно не желает правды, он её панически боится, да к счастью её – правды – и нет, её никто не знал и не знает, да и знать не хочет. Всех устраивает та или иная о чём-либо легенда, не только заслоняющая правду, но ещё и выдающая себя за правду, а что касается массы гуманитариев, то они не более чем покорные прихожане

в гуманитарном храме, столь же такие, как и обычные прихожане в церкви, хотя они ещё частично и священники, когда читают лекции-проповеди в университетах, но ежели церковные прихожане и частично священники всё-таки веруют во что-то, то гуманитарии, как правило, вовсе не веруют в то, чему служат и о чём говорят, ибо хорошо знают, что это самая обыкновенная туфта, а ежели и не знают этого, то тем лучше не только для них, но и для слушателей, впрочем, которых становится всё меньше! Вера в деньги и материально-животный успех куда сильнее веры в любые гуманитарные догмы, включая и религийные. Автор не питает на этот счёт никаких иллюзий относительно любых разбросанных по миру сытых и словоохотливых гуманитариев вплоть до властей предержащих. Никаких! Все сколько-нибудь позитивные слова слетают с их уст как не более чем спасительное прикрытие органичного им – словам – незнания!

* * *

Нет у автора и никаких иллюзий относительно деловито развернувшегося вокруг бытия-небытия – последнего и смертоносного, мало того – суицидного! Бойся даров, поначалу умиляющих и усыпляющих, а потом оборачивающихся отчуждением, ненавистью и смертью, хоть и не сразу сие случается, а со временем, постепенно, в растяжку. Халтура уже везде и всюду, фальшь, фикция, подделка, да что толку? – ладно бы хоть халтура, а то ведь выдающая себя за натуру, за реальность, за… вдумайтесь!.. правду, развесистая и вполне себе смертоносная бредятина, совсем при этом и не страшная, даже по-своему и приятная. Образумиться бы надо, да вот кому, да и чего ради, коли сами гуманитарии с академическими званиями образумливаться не жаждут, ибо ангажированные они всего лишь подданные властей, денег и довольства предержащих, стало быть всего лишь они обыватели, имитаторы, фокусники, что их самих вполне устраивает, включая и пользование ничем правдоносным не заслуженными благами, которые суть не более, чем подношения, отчего и «ни туды и ни сюды»: как замерло всё вокруг гуманитарное, застав гуманитариев врасплох, так и замерло, остаётся лишь свидетельствовать о кончине феномена вместе с породившим его масонским Западом. Показательно, что почти все гуманитарные изыски, включая и религийные, категорически против Софии… нет, конечно, они её признают, но так

и настолько, чтобы по сути… не признавать, а всё почему? – так ведь за ней и через её посредство открываются такие смысловые дали, что волосы дыбом становятся, это попервах, а потом и осознание приходит – чего? – как раз Иного, Великого Неизвестного, Небес и той же по-своему великой Преисподней, в которой всё и творится, аки на прядильной фабрике или металлургическом заводе, а вместе с этим и является иная картина Мироздания, той же Земли, опять же и всего живого на Земле, включая и всё ещё вроде бы живое человечество (человечество ли?). О-о, София, София, как же ты страшна для всех любителей установившихся догматов, не говоря о политиках вроде нынешнего турецкого интригана, объявившего константинопольскую (не стамбульскую вовсе) Софию-храм… мечетью, – что ж, увидим, чем это обернётся, да ведь и скоро?!

* * *

Да-а, прелюбопытнейшая получается ситуация: жизнь (пусть и как нежизнь) идёт себе и идёт, хоть никто в ней не обыденно ничего и не понимает, может, так и должно быть, и само это непонимание и является залогом жизни (пусть и нежизни)? Да, это так, ибо всё вокруг не то что загадка, как говаривал великий Достоевский, а самая настоящая Тайна, вполне себе и с большой буквы даже и заглавными буквами заслуживающая быть писанной – ТАЙНА! Вот с этакой-то Тайной и приходится иметь дело размышляющему нестандартно гуманитарию, не находя окончательного ответа: та ещё участь, оно же и наказание, если не истязание: сознание вкупе с умом и душой есть, размышление есть, а ответа нет, ибо он – тайна! И София тайна, да ещё какая, но только она идёт иной раз навстречу человеку, давая возможность, конечно, не открыть Тайну, но к ней хотя бы приблизиться, хоть и не без возможной за это платы, да не деньгами, а многим чем другим – как раз неденежным, вроде того же здоровья, а то и жизни, однако и не без кое-какого вознаграждения, опять же неденежного, – какого же?, – о-о, не поверишь, читатель-нечитатель, ничем иным, как недоверием людским к избраннику Софии, его отвержением, даже и к нему презрением, – и этакое вознаграждение посвящённый Софией должен принять аки благо и с ним жить, вовсю и отшельничая, не очень-то рассчитывая на какое-то когда-нибудь широкое понимание. Да, эти строки пишет учёный-гуманитарий,

университетский профессор, однако вышедший за пределы учёного академизма, сбросивший с себя оковы масонского просвещенчества и не впавший в никакой поджидавший его догматизм, – и он знает хорошо как цену ему Софией открытого, так и цену воззрений его непонимателей, недоброжелателей и даже хулителей, как и знает, что нет никакой нужды пытаться что-то этакое кому-либо, за исключением двух-трёх-пяти персон, распечатывать и растолковывать. Безмолвие – истинное достояние софийного мудреца!

* * *

Эти строки пишутся русским, столичным и, как он надеется, софийным мыслителем, да не где-нибудь, а в славном южно-русском портовом городе с многозначительным для нынешней российской и международной современности названием – Новороссийск, в котором автор неоднократно бывал и в котором оказался ныне, уже в 2022 г., в августе месяце. И что он увидел через три просроченных из-за ковида года (с 2019 г.)? О-о, колоссальные перемены: гнездовища новых кубообразных высотных домов, разумеется, какого-нибудь угрюмо неестественного, как правило, серо-грязного, цвета; новые улицы и проспекты, сверкающие искусственным люциферовым светом; обилие новых торгово-развлекательных многоэтажных центров с дорогими кафе и ресторанами, бильярдными, ночными клубами, изобильные товарами, включая и откровенно сатанического пошиба (доказывать не надо); новые и какие-то нейтральные духом церкви; бесчисленную рать авто, из которых чуть ли не большинство роскошных, туда-сюда оголтело снующих по в общем-то невеликому городу; ну и безмерную массу обезличенных, нахмуренных и засевших глубоко в себе людей, не совсем ещё кукол, но уже… А что же не увидел? Да всего лишь прежнего, весьма и уютного, немало и привлекательного, вполне и человеческого города – наследника того самого города – малоземельского, героического, русского, которого уже попросту нет, он поглощён новым агломератом, так сказать, энским, как раз паскудным, смахивающим с моря на какой-нибудь иллюзионный Сан-Франциско или Лос-Анжелес, а то и на сам Нью-Йорк, то бишь на город без лица и какой бы то ни было жизни, но зато с какой же по размаху нежизнью. Хочешь, не хочешь, а… разгулявшийся не на шутку постчеловеческий погост! Тяжёлое для со-

фийного мудреца впечатление: так изуродовать город, так изъять из него душу, так внедрить в него нежить! Но ведь и в Москве то же самое, да и, надо полагать, по всей России. Новая, блин, цивилизация! Изобильная, яркая, цветистая, игровая и… безжизненная! Потребуха, движуха, развлекуха – не жизнь, а людишки вокруг – не человеки вовсе, а лишь исковерканные их подобия. И это за каких-нибудь три ковидных года! То-то будет, причём вскорости будет – искусственное постчеловечество будет, а что, разве не так?!

* * *

Да-а, нынешние властей, богатств, людских душ и умов, народов, стран, media, культур, цивилизаций, да и тех же войн, предержащие надеются, что большинство из осчастливленных ими под их водительством человекообразных скоро просто исчезнут, не приспособившись к искусственному миру и не став вполне (или достаточно) для него искусственными, останутся лишь те, кто останется, обслуживая обыскусственных предержащих, на них трудясь, впрочем, уже и не трудясь, а просто пребывая в автоматизированных и электронизированных преисподних. Вот она – давнишняя мечта человечества о Золотом де веке, – и что интересно: сбывается! Хорошо-то как! И в самом деле хорошо, только глаза у людей почему-то пустеют и склоняются ниц: сказать-то глазами друг другу из очевидцев всего этого блистательно хорошего нечего, ибо многим очевидцам этого всего исключительного и совершенного отчего-то гадко, а точнее всего – паскудно! Разумеется, прежде всего для с раньших времён людишек, почему-то уцелевших в результате сатанических преобразований, но не приспособившихся, отставших, замшелых и уходящих один за одним в небытие. Ах, глаза, глаза, они-то ведь всё и говорят, куда как похлеще пришибленных диссертантов и записных от властей и media трепачей, ибо даже как бы совсем замолчавшие глаза не врут, они всего лишь те самые глаза, в которых всё зазеркалье бытия и отражается, кстати, у всех, просто у кого-то замерши, а у кого-то, пардон, бегающе, а в тех и других глазах своя правда: либо правда как застывшая правда, либо же мечущаяся за место правды ложь, а другого варианта, кроме правды, включая и правду лжи, у глаз, которые, как известно, зеркало души, попросту и нет!

ПОСЛЕ - ЛОГ

Зачем написана эта никому не нужная, скорбная и занозистая книженция, ведь не нужна она – факт! – да и всего лишь беззвучный вопль она – тоже ведь факт?! Написана она, конечно, не для умных, всезнающих и самоуверенных… нечитателей, а всего лишь для себя, для автора, однако всё-таки зачем, что в ней такого и какой от неё вообще прок? Подумаешь, Обречение, разумеется, с кое-каким Обретением, ну и что? Ответ: написана сия книженция лишь для того, чтобы не выглядеть в своих же глазах на старости лет полным дураком, – не более того! Не принимайте, господа-успешники, нас – детей Великой войны, пусть и не самых верных и стойких, но всё-таки сталинцев, за совсем уж наивных вахлаков, не видящих-де ваши гнусные делишки и верящих вашему лживому слову: мы всё достаточно видим и кое-что понимаем, как раз самое главное, из того, что творится в РФ и с РФ, как и какова она – РФ – по факту, куда идёт и чем, увы, кончит. Просто не обо всём вполне говорим, лишь на что-то просто намекаем, ибо кое-каким тактом оснащены и весьма въевшейся в нас деликатной осмотрительностью. Знаем, много чего знаем, даже Само Незнание знаем: что из прошлого, что из настоящего и даже кое-что из будущего, что и из Неизвестного знаем, и из Иного тоже, как раз всё то, что и засвидетельствует любой, пусть и очень редкий… нет, не любой, конечно, а мало что редкий, так ещё и не читатель вовсе, а… вдумчивый сомыслитель, а вот явится ли он али нет, так то известно, знаете ли, лишь Господу Богу, да и то через посредство Великого Неизвестного, дружащего с Вечностью и раздвигающего плотные завесы текущего Времени! Нет, мы вовсе не дураки, дети Великой войны, а дураки всё-таки, знаете ли, не мы!

Post Scriptum

Да, сегодня, уже в 2023 г., когда пишутся эти P.S.-строки, аккурат в годовщину войсковой схватки с Украиной (Укронией) и экзистенциальной (идео-геополит-оружейной) конфронтации с Западом, в России идут или зачинаются кое-какие позитивные для страны и её обитателей социо-хозяйственные перемены, более всего обусловленные неотвратимо мобилизационными (в ши-

роком смысле) мотивами, что как свершившийся факт не может не вызывать у автора вышеприведённого опуса искреннего удовлетворения, тем более, что перемены сии идут или зачинаются в предпочтительном для актуального словоукладчика направлении, однако – чего правдолюбивому словоизъявителю оценочно не избежать – далеко ещё не на ту глубину и не на тот масштаб, потребные для России как России, как раз ещё не на те самые глубину и масштаб преобразований, с заходом в и на которые только и можно достичь реализации жизнеутверждающего для страны и её будущего триединства: «Великодержавие, самобытность, соборность»!

Аминь!

СТРАДА

НЕПОКОРНЫЙ АВТООПУС

О себе самом – от себя и со стороны

Пред-писание

Получив однажды внезапную весть, что авторитетное энциклопедического профиля издательство хотело бы получить обо мне как учёном биографическую статью, написанную при этом не мною, а каким-либо другим лицом, я, ничтоже сумняшеся, решил подготовить для несчастного будущего автора некий прообраз, или, как запросто выражаются в литературной среде, «рыбу», или «болванку», возможного обо мне текста, ибо кто лучше меня знает меня, мою биографию, мой профессиональный путь, мои творческие деяния, мой кое-какой вклад в отечественную и мировую гуманитарную мысль, в русское слово, в культуру вообще, как не я сам, да и то, забегая вперёд, скажу – с немалой, как выяснилось при исполнении самовольно взятой на себя миссии, долей неопределённости, потаённости и даже неразрешимости.

И в самом деле всё оказалось именно так: хотя чисто информационная статья, вынужденно зауженная, старательно засушенная и мало что говорящая о сути, в принципе возможна, но при этом не слишком и интересна (хотя бы для самого виновника и самозванного первого её автора-предтечи), а, как выяснилось, воистину содержательная статья, может, и интересна, но в энциклопедийном варианте никак не возможна (тут надо писать даже не статью, а толстую книгу), отчего автору, как ему казалось, всего лишь наброска энциклопедийной статьи мало что пришлось убедиться в неподъёмности хотя бы примерного освоения и абрисного описания им же проделанного за более чем полвека, так ещё и в откровенной трудности концептуального (и достоверного!) осмысления и словесного отражения, всего этого проделанного, не говоря уже о внятной подаче всего кое-как осмысленного в укрощённом отчётно-справочно-очерковом тексте.

Короче: как таковая энциклопедийная статья – несмотря на искреннее стремление, особенно проявленное в начале статьи, фабриковать статью строго по-энциклопедийному – не получилась, зато получился любопытный иносюжетный обозренческий опус о страдном житии-бытии объекта-субъекта статьи, его профессиональной и не только, почти и нереальной, даже в чём-то по-своему и мистической, деятельности.

Интересно, что возникшая грандиозная, фактически и не выполнимая, задача и самозабвенно возникавший при её натужном решении текст упорно тащили их исполнителя на мемуарный простор в сторону от банально-заданной энциклопедийности, что им – задаче и тексту – сие немало и удалось, отчего текст и возник более сам по себе, чем по воле автора; сопротивление же автора неумолимо заносчивому тексту, хоть и имело место, но решающей роли, увы, не сыграло.

Ниже следует именно *этот*, во многом самовозникший, отчего и квазиэнциклопедийный, текст, отчётливо доказывающий вроде бы очевидный, но обычно почему-то не очень-то принимаемый во внимание, факт: насколько творец владеет текстом, настолько и текст владеет своим творцом, убедительно при этом подтверждая наличие между текстом и его создателем сонма совместных творческих мук!

Осипов Юрий Михайлович

Учёный-гуманитарий, многогранный мыслитель-энциклопедист, метафизик: экономист-теоретик, экономист-международник; софийный философ, философ хозяйства; политолог; антропасоф, социасоф, историасоф; литературасоф, культурасоф, россиесоф; литератор.

Доктор экономических наук (1987), кандидат экономических наук (1973).

Главный научный сотрудник (с 2000 г.), профессор (с 1989 г.) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. С 1984 по 1992 г. заместитель декана экономического факультета МГУ.

С 1988 г. руководитель основанной по инициативе Ю.М. Осипова научно-исследовательской лаборатории сравнительного анализа хозяйственных механизмов в составе экономического

факультета МГУ, преобразованной в 2000 г. по инициативе Ю.М. Осипова в лабораторию философии хозяйства.

С 1988 г. директор-организатор, а с 1991 по 2016 г. директор Центра общественных наук (НИИ I кат.) при МГУ.

С 2016 г. председатель междисциплинарного Научного совета «Центр общественных наук МГУ».

Основатель (1999) и бессменный главный редактор научного журнала «Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ».

Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2004).

Президент Академии философии хозяйства (с 2009 г.).

Вице-президент Академии гуманитарных наук (с 1994 г.).

Действительный член Академии естественных наук (с 1997 г.).

Член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (2003–2011).

Председатель Философско-экономического учёного собрания (с 1997 г.).

Член Союза писателей России (с 2003 г.).

Председатель патриотической Межрегиональной общественной организации «Преемственность» (с 2013 г.).

Родился 09.09.1941 г. в г. Ростове-на-Дону. Из служащих. С 1942 г. проживает в Москве. Русский.

Окончил в 1965 г. экономический факультет МГУ по специальности «Политическая экономия», обучаясь по кафедре экономики зарубежных стран с локальной специализацией «Экономика Франции».

Закончив в 1971 г. аспирантуру экономического факультета МГУ, прерванную в 1967–1970 гг. в связи с работой секретарём Комитета ВЛКСМ МГУ, стал преподавателем экономического факультета МГУ по кафедре политической экономии; защитил в 1973 г. кандидатскую диссертацию по теме *«Государственное программирование капиталистической экономики»*; в 1974–1975 гг. прошёл научную стажировку во Франции в Парижском (Нантерр) университете; в 1982 г. вёл научные исследования во Франции, прикомандированный в качестве профессора к тому же Парижскому университету (Сорбонна); в 1987 г. защитил докторскую диссертацию по теме: *«Хозяйственный механизм государственно-монополистического капитализма»*, издав перед защитой

под тем же названием ёмкую по смыслам и содержанию, оригинальную по структуре и стилю изложения монографию.

В 1990 г. опубликовал этапную для себя, экономической и вообще гуманитарной науки монографию ***«Опыт философии хозяйства»*** (Изд. МГУ), выйдя самостоятельно на новую отрасль гуманитарного знания, при этом переоткрыв её почти через столетие во всё том же Московском университете, где она и возникла в начале XX в., что стало Ю.М. Осипову известно после выхода в свет в том же 1990 г. первопроходческой работы С.Н. Булгакова *«Философия хозяйства»*, переизданной тогда впервые после 1912 г., а до того пролежавшей в советское время в библиотечных спецхранах и автору «Опыта философии хозяйства» до 1990 г. неизвестной.

Тем самым, Ю.М. Осипов немало повторил творческий путь С.Н. Булгакова, преодолев предметную, методологическую, концептуальную ограниченность политической экономии и выйдя уже за её пределами на философию хозяйства, как и выйдя на философию вообще, а затем, уже не без влияния софийно-метафизического мировоззрения С.Н. Булгакова, как и иных русских мыслителей конца XIX в. и первой половины XX в. (В.С. Соловьёва, П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева), на *свою* метафизику и идущую далее софиологии *свою* же *софиасофию* (термин Ю.М. Осипова).

Как экономист-теоретик, Ю.М. Осипов внёс, не довольствуясь традиционной политэкономией, существенный вклад в системную разработку *теории хозяйственных механизмов* с акцентом на практику государственного (государственно-корпоративного, национального, межгосударственного) *хозяйственного (экономического) дирижизма* (управления хозяйством, экономикой, динамикой социально-экономических параметров, структур, поведением агентов, движением конъюнктуры, социохозяйственной динамикой, развитием), выдвинув и обосновав фундаментальную идею ***«организации самоорганизации»***, позволявшую на правах «золотой середины» избегать увлечения как тотально-императивно-плановыми (СССР), так и стихийно-либерально-рыночными (Запад) идейными установками и соответствующими им практиками (примечательно, что подготовленная им в 1983 г. в соавторстве с коллегой-эконометриком для советской «Экономической энциклопедии» обширная статья по хозяйственному механизму не была поддержана редколлегией, и энциклопедия вышла

в итоге даже без термина «Хозяйственный механизм»); внёс заметный системно-содержательный вклад в *теорию экономической (хозяйственной) динамики*, её разнообразной кризисогенной и волновой реализации, став, в частности, одним из пионеров обращения к ранее отрицавшейся в СССР концепции Н.Д. Кондратьева о долгосрочных циклах и долговременных кризисах, добавив к кондратьевскому техногенному обоснованию длинных кризисно-волновых процессов *социально-хозяйственную обусловленность*, выраженную в реальности кризисно-волновой динамикой *всего цивилизованного жизнеустройства,* что позволило ввести в классификацию кризисов и циклов *апокалиптический момент*, выделив ***апокалиптические кризисы*** и ***апокалиптические этапы бытия***, преодоление которых не могло быть и не может быть ни скорым автоматическим, ни уверенно управленческим, а, может быть, и бывает лишь сугубо *трансформационным*, если не прямо *трансгрессивным*, не избегающим ни радикальных реформ, ни таких апокалиптических происшествий, как перевороты, войны, революции, бунты; констатировав резкое усиление после отмены обмена доллара на золото в 1973 г. финансово-фиктивной составляющей экономики, выдвинул тезис о трансформации экономики вообще в новый системно-целостной образ – ***финансомику*** (собственный термин), что как раз и знаменовало окончательную победу *банковско-инвестиционного финансизма* над промышленно-торговым и даже государственным экономизмом.

Как экономист-международник провёл фактологический по ряду показателей анализ эффективности послевоенных западного образца национальных экономик, их роста и развития, доказав впервые в науке бóльшую эффективность экономик с бóльшей в них ролью *государственно-корпоративного дирижизма*, в особенности в *программировавших (планировавших) странах*, как раз в странах, ставших и акторами феномена «экономического чуда», однако не преминул своевременно обратить внимание на всё более усиливавшуюся мирообусловленность экономики, высказав в 1980-х гг. идею ***мировизации*** *(мондиализации)* планетарной экономики, когда эта последняя переставала быть просто совокупностью взаимодействующих национальных экономик, а превращалась в единое (пусть и квазиединое) воспроизводственное целое, а национальные экономики всё более оказывались

функцией от этого мирового целого, что влекло за собой – с учётом феномена-факта управления мировым экономическим целым из англосаксонского имперского финансового центра, – сначала невозвратное ослабление, а затем и фактическое прекращение эффективной практики национальных государственных дирижизмов, включая и общехозяйственное программирование, чем как раз и было ознаменовано, помимо ухода в 1991 г. с явленной исторической арены СССР, наступление *эпохи англосаксонского глобализма*, не терпевшего присутствия на планете эффективных и удачливых конкурентов из числа «автократичных»-де стран, что также дало повод Ю.М. Осипову публично высказывать на научных форумах в 1980-х гг. твёрдое предостережение относительно опасности, уже возникшей в советских правящих кругах и у части отечественных экономистов иллюзии о спасительной деориентации перестроечного СССР в сторону Запада.

Приветствуя поначалу идею социохозяйственной перестройки в СССР, Ю.М. Осипов выступил за радикальные перемены в направлении самодеятельной активности производительных субъектов, хозяйственной многоукладности, частной инициативы, сохраняя при этом ведущую роль государства в социохозяйственной жизни страны, в особенности в финансовой сфере и в области внешних сношений, – как раз в духе его дирижистской «организации самоорганизации», – в связи с чем выдвинул проект *«Ни план, ни рынок»*, легший в основу одноимённого монографического проекта, предложенного в 1989 г. ведущему в стране экономическому издательству, но редколлегией издательства не поддержанного, а сам этот проект означал не отсутствие вообще планов и рынка, а лишь отсутствие одностороннего пристрастия как к тотальному директивному планированию, так и к безудержно свободному-де рынку, равным образом и к открытому на границах всем встречным ветрам фактически денационализированному хозяйственному страновому пространству.

Советская перестроечная реальность – как субъективная, так и объективная, – не пошла по «сердцевинно-золотому» варианту, а двинулась, как зачарованная, сначала в *эсхатогенную неизвестность* (термин Ю.М. Осипова), окунувшись с головой в *экзистенциальную социохозяйственную апокалиптику* (понятие Ю.М. Осипова), а затем была, вполне как раз апокалиптически, сначала опрокинута в 1991 г. навзничь, а затем и аннулирована

вкупе с СССР, КПСС, КГБ, Кабинетом министров, Госпланом, Внешторгом и прочими государственными институциями, а всё советское (и российское тоже) материально-производительное богатство отдано на «прихвато-приватизационное» присвоение и пиратско-воровское разграбление, а сама хозяйственная сфера в один миг попала под власть новорождённого «бешеного капитализма» – прозападного, компрадорского, вассально-колониального, дикого.

Разворачивающаяся под отчаянный вой 1991 г. и угрюмый гром 1993 г. бесспорно апокалиптическая ситуация в стране, заставив Ю.М. Осипова занять оппозиционную к нахлынувшей «новизне» идейно-концептуальную, да и политическую позицию, побудила его глубоко вникнуть в идею (концепт, эгрегор) коренной России, в роковую суть тогда реально в стране происходившего, как и в суть коварно поджидавшего страну будущего, а посему предложить, пусть и без особой веры в понимание, восприятие и успех, что-то исходно органичное стране и для неё приемлемое на перспективу, как раз «злато-сердцевинное», отчего родилась созданная в самые что на есть лихие 1992–1993 гг. и опубликованная в 1994 г., как и тогда же доведённая до высоких официальных кругов и научно-экспертной общественности, ёмкая по смыслам, откровенности и проективности монографическая работа, она же и *вещий документ эпохи:* ***«Российская Реформация. Социопроект»*** (М.: Ассоциация «Гуманитарное знание», 1994), в которой было изложено не только анатомически вскрытое и прогностически предвиденное, но и проективно необходимое для уверенного движения страны в будущее, однако вовсе не той страны, что подвергалась в тот момент насильственному антироссийскому реформированию, а совсем другой – тогда, конечно же, не бывшей и каковой ей только ещё предстояло стать, а потому в высшей степени актуальная работа, не имевшая и не имеющая себе равных, попала, как обычно, в число несвоевременных, неисполнимых и ненужных.

А ведь в работе были рассмотрены непреходящие вещи, они же и вести: Концепт России, её сакральный Проект, её Идеология – *соборная*, но при этом и её многовековая и центрократическая, и имперская, и бесконечная, хоть и прерывная и волнообразная, Реформация (не путать с западноевропейской католико-протестанской Реформацией!), как и постигший страну в момент создания веще-

го документа жуткий системно-бессистемный *апокалиптический кризис*, с веером прогностических ожиданий, но и, что особенно важно, в которой был представлен не ангажированный никаким «верным» учением или «достойным» живым примером ***Проект*** – *проект выхода страны из кризиса и её похода в будущее по собственному суверенному – как раз* ***российскому***! – *пути*.

Работа встретила не наигранное одобрение в тогдашних оппозиционных действующему режиму кругах, разумеется, весьма узких, хотя и не потаённых, а как раз вполне и у властей предержащих, но не стала и не могла стать для правившей тогда элиты руководящим программным пособием, хотя в последефолтной 1998–1999 гг. ситуации нашла стихийный отклик в контрреформных начинаниях тогдашнего спасительно-коррекционного правительства, а позднее, уже со сменой высшего в стране должностного лица, и в некоторых реконструктивных деяниях власти в 2000-е гг., правда, не в контрреформных, а всего лишь в пользу реформ корректировочных, что явно подтверждало не так даже реалистичность самой работы, как объективную и субъективно никак не отменимую реальную обусловленность отечественного бытия.

Не порывая насовсем с теоретической экономией, как и с политэкономией, но уже будучи философом хозяйства, Ю.М. Осипов разработал компромиссно промежуточную (смы́чковую, связующую) между теоретической экономией, включая политэкономию, и философией хозяйства вполне себе оригинальную, не имевшую аналогов за всю историю экономической мысли ни в Отечестве, ни в мире, ***теорию хозяйства***, которую изложил, предназначая труд не только для науки, но и для учебного процесса в вузах, в том же МГУ, в объёмном трёхтомном труде ***«Теория хозяйства. Начала высшей экономии»*** (М.: Изд. МГУ, 1998), однако, несмотря на многие позитивные отклики и отсутствие в адрес теории хозяйства и её нестандартного изложения в трёхтомнике какой бы то ни было критики, всё-таки не принятой на вооружение в академической и вузовской среде, предпочившей либо почивать на унаследованной от недавнего прошлого политической экономии в её близкой учёной среде марксистской версии, либо поскорее приобщиться к схематически упрощённому заокеанскому экономиксу или же к не имевшей никакой сущностной связи с экономической реальностью, но становившейся в развивавшейся оцифрованной цивилизации всё более модной эконометрике.

Выход первого тома «Теории хозяйства» в 1995 г. дал толчок к подготовке к изданию коллективной монографии, выполненной в экономико-философском ключе под руководством Ю.М. Осипова: *«Экономическая теория на пороге XXI века»* (СПб.: Петрополис, 1996). Монография вызвавшая позитивный резонанс в учёной среде, положила начало серии книг под тем же названием, изменённым в 2000 г. на другое: *«Экономическая теория в XXI веке»*. Всего с 1995 по 2015 г. вышло в свет 16 содержательных томов уникальной серии.

По инициативе Учёного совета экономического факультета МГУ, поддержанной ректоратом МГУ, в 1999 г. была провозглашена *новая научная школа* – ***философии хозяйства***, получившая государственную регистрацию и вошедшая в государственный реестр научных школ.

В 2000 г. по инициативе главы этой новой научной школы Ю.М. Осипова руководимая им научно-исследовательская *лаборатория сравнительного анализа хозяйственных механизмов* была переименована в *лабораторию философии хозяйства*, став воистину уникальным для прошлого и современности научным подразделением университета.

Как философ хозяйства, – сначала как научный философ (философ-«физик»), а затем как метанаучный философ (философ-метафизик), – Ю.М. Осипов, выйдя ментально-концептуально сначала за пределы научного экономизма, а затем и вообще науки-«физики», создав и развивая свою философию хозяйства, перекликавшуюся с булгаковской, но и отличную от неё (одно дело исторический рубеж XIX и XX вв., да ещё и до практического коммунистического опыта, совсем другое – рубеж XX и XXI вв., уже после коммунистического опыта), окончательно обосновал смысло-функциональное различие между *«хозяйством»* и *«экономикой»* – как реальными феноменами бытия, так и их абстрактными интеллект-понятиями.

«Хозяйство» – как феномен и как понятие – восходит к *жизнеотправлению* (можно сказать, и к *бытиеотправлению*), его (их) *организации-реализации*, причём не только человеческого и вообще зе́много жизнебытиеотправления, но и мироздáнческого (мироздание – хозяйство), а «экономика» относится к определённой форме организации-реализации хозяйства, его организации и им управления, она восходит (или нисходит) к изо-

бретённой и практикуемый самим человеком *идеальной цифрочислорасчётной субстанции* (выражение Ю.М. Осипова), вполне при этом и *трансцендентной*, являющейся продуктом сознания и когнитива человека и сферу сознания и когнитива никогда не покидающей, но зато их – сознание и когнитив – деятельски организующей, ориентирующей и ими так или иначе манипулирующей и управляющей, что и есть как раз *субстанция стоимости*, она же и *сама-себе-субстанция* (понятие Ю.М. Осипова), выраженная в практической реальности не всегда ощущаемыми, но всегда ментально и интуитивно фиксируемыми деньгами и ценами (*оцененными деньгами* и *оденеженными ценами* – тезисы Ю.М. Осипова), столь же при этом идеальными и трансцендентными, что и сама стоимость, отчего вся экономика есть не что иное, как *идеально-трансцендентный цифрочислорасчётный (денежно-ценовой) механизм*, включённый в жизнеотправление человека, его хозяйство, причём вовсе не только не механический, даже не строго упорядоченный (вроде парадных войсковых колонн), а мало что в основе своей стихийный, хоть и весьма управляемый, так ещё и весьма в реализации своей хаотический, что позволило Ю.М. Осипову прийти к заключению о наличии в базисе экономики ***экономического хаоса***, переходящего в ходе функционирования реальной экономики в подвижный, неустойчивый и всегда временный, квазипорядок – ***хаосмос*** (больший, чем хаос, но меньший, чем космос), однако не порывающий с родительским хаосом генетически-функциональной связи и непременно в него возвращающийся, правда, чтобы снова из него вынырнуть, конечно же, уже в какой-то новой своей воспроизводственной конфигурации, что как раз наиболее отчётливо проявляется в реальности и легко воспринимается сознанием вкупе с феноменами экономических кризисов и циклов.

Выходит, что экономика в реальной реальности и в её реалистическом понимании совсем (или почти совсем) *не то*, что воображает себе экономическая наука: экономика не только не производство благ и их потребление как таковые, напрямую относящиеся к хозяйству, даже и с обслуживающими производство и потребление благ деньгами и монетарными оценками (тот же бухгалтерский учёт – всего лишь хозяйство, пусть и денежно-оценочное), как раз с теми самыми деньгами и ценами, производными-де, согласно экономической науке, *от* или *из* производства

и потребления, опосредуемых товарообменом, а вот согласно Ю.М. Осипову, экономика, есть на самом деле не что иное, как исходящее *от* или *из* сознания и когнитива человека и только человека идеально-трансцендентное нечто, вполне и *мысленное* (деньги и цены, как и всё остальное стоимостное – воплощённая в цифрах и числах *мысль!*), причём не только обслуживающее те же производство и потребление, но и их пробуждающее и себе подчиняющее, ими управляющее, гонящее их (при капитализме и научно-техническом прогрессе) вперёд, к росту и развитию, что означает, что не так экономика *от* или *из* производства и потребления, как производство и потребление *от* или *из* экономики, а сама экономика не откуда-то, а непосредственно *от* или *из* сознания и когнитива, однако при этом и *от* или *из* самой себя тоже, хотя и не без учёта ориентирных и даже императивных сигналов, ею воспринимаемых от тех же производства и потребления, как и вообще всего жизнеотправительного контекста.

В смысло-парадигмальном русле своего восприятия и понимания экономики Ю.М. Осипов вывел основной, вполне и диалектичный, принцип (можно сказать, что и закон) счётно-расчётной (вполне и цифровой) реализации экономики в лице её исходного и главного функционально-стоимостного параметра – *цены*, хотя принцип сей касается любого из стоимостных параметров экономики (денег, инвестиций, издержек, капиталов, кредитов, прибылей, доходов, зарплат и т. д.), и гласит сей принцип следующее: *«Цена может быть любой, но не какой угодно»*, где «любой» означает отсутствие строгой величинной предопределённости цены, исходящей исключительно из голов человеческих, от чего-либо постоянно и неумолимо действующего – хоть субстанциального, хоть дискретного, хоть магнетического, а «не какой угодно» означает, что хоть цена и вольна, будучи в некотором плане *самой-себе-ценой*, но не всецело, ибо есть ещё и зависимость цены от стоимостных (тех же других цен) и разного рода иных обстоятельств, среди которых и потребность в общем воспроизводстве экономики как целостности.

Выведенный Ю.М. Осиповым принцип ценообразования вроде бы очевиден, однако экономическая наука упорно ищет, как завороженная, некий внешний для цены, как и любого стоимостного параметра, детерминатор то в виде трудовых затрат, то предельной полезности, то соотношения предложения и спро-

са, не принимая во внимание, что цена хоть ото всего этого и зависит, но определяется когнитивно-интуитивно-«потолочным» расчётом-нерасчётом экономического человека с непременным её признанием-непризнанием экономической средой: цена не так возникает *от*, как сбрасывается *на*, и хоть она учитывает всё или многое от живой реальности, но ведь и сама создаёт эту реальность, немало исходя из того, чего в реальности-то и нет, зато есть в голове ценообразователя.

Обозначенная выше философско-хозяйственная трактовка экономики получила целостное отражение в монографической работе Ю.М. Осипова ***«Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма)»*** (Тамбов: Изд. Дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017), благосклонно встреченной философами и, как обычно, нарочито не замеченной или почти не замеченной экономистами, вовсе не склонными к адекватному пониманию реальной экономики и к соответствующему концептуальному её отражению: разве деньги и цены, как и все от них производные стоимостные параметры, составляющие саму *сете-цифровую плоть* экономики, не суть мозговые идеи, не воплощённые в цифрах мысли, не сознаниево-когнитивные эманации, как и разве все эти трансцендентно возникающие стоимостные фигуранты экономики не *от* или *из* сознаниево-когнитивного хаоса, творящегося в круговерти мыслей и цифр непосредственно в головах людских, и не среди ли *этого* головного хаоса, как раз уже и *творящего* (положение Ю.М. Осипова), и не благодаря ли *ему* сии фигуранты вообще фактически реализуются, точно так же, как возникают *от* или *из* хаоса в сознании и когнитиве человека любые идеи, мысли, решения?

Экономика как экономика – не только не часовой механизм, но даже не отлаженная бюрократическая система, да и вообще не система в общепринятом понимании, это, скорее, некая вольноопределяющаяся идеальная *спиритосфера*, пусть и с принципами, и с устоями, и с ограничениями, и с закономерностями, и с подвижно-временными идеальными каркасами, и со столь же идеальными, подвижными и изменчивыми механизмами, но мало что с волей, вольностями и произвольностями, как и с непрерывной игрой и внезапными импровизациями, но и с неизбывной для себя текущей и предстоящей *неопределённостью*, мало того – *неизвестностью*, пусть и частично и на время гасимыми

посредством расчётов, прогнозов, проектов, планов, однако, увы, вполне и навсегда не одолимыми, да и в принципе не подлежащими такому одолению.

Разделяя понятийно «экономику» и «хозяйство», Ю.М. Осипов не отделяет экономику от хозяйства и хозяйство от экономики в качестве феноменов реальности, что даёт ему возможность говорить, коли в хозяйственной жизни есть и действует экономика, о наличии в реальности *экономического (экономизированного) хозяйства* и, соответственно, *хозяйственной (и хозяйствующей) экономики* (тезисы-термины Ю.М. Осипова).

Да, термины «экономика» и «хозяйство» чаще всего употребляются как синонимы, отчего и идёт нескончаемая путаница что в онтологическом, что в гносеологическом аспектах с невозможностью ни определить предмет экономической науки, ни выявить то, что на самом деле представляет собой реальность, походя именуемая, скорее даже, обзываемая, *экономической*.

Что касается сакраментальных для экономической науки понятий «план» и «рынок», то, согласно концептуальному подходу Ю.М. Осипова, это не более чем мифологизированные наукой и публицистикой понятия, удобные в разговорах об «экономике» в функции досужих заклинаний, ибо, во-первых, хоть в хозяйственно-экономической реальности те же планы и есть (как же без них что-либо делать?), но лишь для того, чтобы начинать действовать и, по возможности, следовать планам, однако всегда при этом быть готовыми не только их скорректировать, но и от них отказаться, прямо-таки как в военной стратегии, переходя к другим планам, может, и перекликающимся с прежними планами, но всё-таки от них уже заметно отличным, что означает, что планы для реальной экономики, задаваемые реальным хозяйством, как раз экономизированным, нужны, и они там есть, но вовсе не для того, чтобы им всегда и во всём скрупулёзно следовать (тотальная директивная плановость как раз и сгубила сначала советское хозяйство с опекоподотчётной ему экономикой, а затем и СССР вкупе со всей своей коммунистической мифологией, отказав трудящимся в заинтересованности в труде, а предприятиям в возможности самостоятельно гибко действовать и со сноровкой расти и развиваться), и, во-вторых, если в реальности и бывают рынки товаров с их предложением, спросом и ценами, или те же территориальные локальные рынки (базары), то «рыночной

экономики» нет и быть не может, как, собственно, и «плановой экономики» – там и там не более чем когнитивные оксюмороны, но зато может быть *экономика как экономика*, которая, собственно, в реалиях и есть, базирующаяся на хозяйстве и к нему же восходящая-нисходящая, им управляющая и им же управляемая, а решения в ней принимают не рынки и не планы, а *экономические, они же и хозяйствующие, субъекты*, которые, конкурируя и согласуясь между собой, ведут рынки и сочиняют планы, как и действуют вне рынков и вне планов, не без натуги управляясь с *экономическим хаосом* и ловко управляя *экономическим хаосмосом*.

У современного экономического человека ярится надежда на надвигающийся на человеческий мир *тотальный технократизм* с его столь же *тотальной цифровизацией* и непременным подчинением экономики *искусственному разуму,* когда неопределённость, хаотичность и неизвестность в той же экономике окажутся-де раз и навсегда преодолёнными, однако, ежели что-то этакое и произойдёт, то ценой преодоления и самой социо-когнитивной (ещё человеческой) экономики, которая уступит место, как определил Ю.М. Осипов, уже давно активно вынашиваемой технотроникой ***постэкономике*** (термин Ю.М. Осипова), шаг за шагом уже реально замещающей социо-когнитивную экономику, а затем и са́мой настоящей ***техномике*** (термин Ю.М. Осипова) с воцарением не одного лишь искусственного разума, но и куда более масштабного технотронно-асоциального абсолютизма уже вполне себе, что не исключено, и диктатурно-фашистского толка.

В унисон с нарастающей тенденцией к технократической цифровизации экономики в учёно-экспертно-прикладной сфере родилось понятие *«цифровой экономики»*, что по мнению Ю.М. Осипова, есть, с одной стороны, оксюморонная тавтология, ибо экономика всегда была, есть и будет цифровой, величинной, счётно-решающей, измерительной, когда цифра есть не что иное, как сама истинная плоть (пусть и идеальная) экономики, а с другой – если уже оцифренная экономика вдруг станет ещё и «цифровой», то это лишь свидетельствует как раз о замене естественной для экономики социо-ментальной (стоимостной) цифры на искусственную технотронную цифру, уже характерную для постэкономики, а не собственно экономики. Если что в итоге такой оцифровки экономики и получится, то уже не новая экономика

со своей сохраняющейся когнитивно-социальной сутью, а самая настоящая, что уже давно утверждает Ю.М. Осипов, послеэкономическая *техномика*. Возможно ли? Почему нет, ежели сам человек уже готов превратиться в счастливого послечеловеческого *технотроника*?

Разработка новой отрасли гуманитарного знания – ***философии хозяйства***, хоть и знания концептуально целостного, но не замкнутого в рамки какой-либо системно-теоретической (модельной) конструкции, а вполне открытого для смысло-понятийного обогащения, вылилась в цикл фундаментальных работ Ю.М. Осипова: *«Очерки философии хозяйства»* (2000); *«Философия хозяйства»* в 2-х книгах (2001); *«Время философии хозяйства»* в 3-х книгах (2003); *«Курс философии хозяйства»* (2005); *«Обретение»* (2011), а также отразилась в двух исключительно значимых коллективных трудах, осуществлённых по инициативе и под руководством Ю.М. Осипова: в двухтомной *«Антологии современной философии хозяйства»* (2009) и в книге *«Ренессанс философии хозяйства»* (2001), посвящённой 140-летию С.Н. Булгакова.

С 1999 г. по инициативе и под главным редакторством Ю.М. Осипова стал издаваться объёмный научный журнал ***«Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ»*** (6 номеров в год, 19 п. л. каждый), вошедший с 2006 г. в список рецензируемых изданий ВАК, и лишь в 2020 г. (!) попавший в перечень периодических изданий МГУ, рекомендованных для публикации в них работ диссертантов.

В 2009 г. по инициативе Ю.М. Осипова и при активном участии ряда сотрудничавших с ним учёных была учреждена общественная, получившая государственную регистрацию, ***Академия философии хозяйства*** – с немногочисленным по составу (около 200 членов из РФ и зарубежья), но активно действующим сообществом свободных сомыслителей, приверженных адекватно целостному познанию человека, его гуманитарного бытия, включая хозяйственное, экономическое, социальное, политическое, идеологическое и даже войновское, ориентирующихся как на феноменологию с фактологией, или *эзотерику бытия*, не уходя при этом и от свойственных бытию сущностно-смысловых – *эзотерических*, моментов, так и не чураясь обращения к внешним относительно

земно-человеческой экзистенции сакрально-космическим (мирозданческим) аспектам, что означает познание и осмысление земно-человеческого праксиса в единстве всего явленного на его поверхности и всего сокрытого в его глубине, а также всего воздействующего на него извне, как бы и ниоткуда, а в целом – физически воспринимаемого и метафизически постигаемого, однако там и там, пусть и по-разному и в разной мере, объекта *трансцендентного*.

В итоге творческой и практической деятельности Ю.М. Осипова и сообщества его коллег-сомыслителей в гуманитарной сфере образовался оригинальный, вполне и международного значения, сущностно-смысловой очаг онтологического знания – *фундаментального хозяйствоведения, восходящего к философии хозяйства*, как и соответствующей этому знанию фундаментальной гносеологической (методологической) школы – *философско-хозяйственной*, когда «хозяйство» – *всё жизнеотправление человека*, а «философия» – возможность его *целостного вольно-размыслительного познания-осмысления*, ничего из доступного пытливому человеческому сознанию не исключающего и ни на чём конкретно бытующем исключительно не зацикливающегося.

Уместно заметить, что сие академическое образование объединило учёных разных гуманитарных и естественных наук и направлений, как и личных взглядов и творческих устремлений, причём не только разных российских регионов и научных центров, но и из разных стран. Это, безусловно, международное междисциплинарное сообщество свободно мыслящих, не связанных никакой заведомой установкой учёных, а за многие годы общения и совместной деятельности вполне себя проявившее как самое что ни на есть реальное *учёное братство*, не избежавшее, к сожалению, невосполнимых в своих рядах потерь в немилосердные ковидные годы.

Философия хозяйства, о которой речь, – не только не часть экономической науки или той же привычной философии, как и не их внезапное незаконнорожденное дополнение, а вполне самостоятельная, вовсе и не отрасль, как и не одно из суботраслевых течений, а вполне себе *целостный поток гуманитарной мысли* с неопределённо объёмным предметом и ничем заведомо не ограниченной, кроме какого-нибудь вульгарного мистицизма и безответственной псевдологической трескотни, возможностью

познания, осмысления, представления и изложения. И ежели всё-таки тут более всего «хозяйство», а не бытие или экзистенция в целом, то лишь как реализуемые (организуемые) человеком бытие или та же экзистенция, а уж коли тут «философия», то вовсе не так философия от философии, даже не философия от человека, из его сознания, а прежде всего философия *от* и *из* хозяйства, что то же самое – *от* и *из* хозяйственного бытия, *от* и *из* хозяйствующей экзистенции.

Философия хозяйства – окно в ***иной*** *– здешний, околоздешний и далёкий от здешнего мир!*

Вот поэтому-то у Ю.М. Осипова и его сомышленников, пусть и не у всех (всякое тут бывает!), в почёте не философия как таковая, а *полилектическая метасмыслософия* (термин Ю.М. Осипова), что можно для ясности (или, наоборот, неясности) представить и как *софийную метафизику* (выражение Ю.М. Осипова).

Обращение к гносеологической метафизике, пусть не сразу и софийной, позволило, познавая реальную реальность, хоть вроде бы и материально-физичную, вдруг открыть тот вразумительно-невразумительный факт, что гуманитарная реальность значительно *не та*, какой её представляют гуманитарные науки и рациональные философии, а весьма и весьма *ина*, как и распознать сокрытую в реальности *иную*, как бы в ней прячущуюся, реальность, как и *по-иному*, как раз уже вполне метафизически, трактовать гуманитарную вообще реальность, замечая и действие *иных*, человеком-наблюдателем обычно не замечаемых и не знаемых, хотя, быть может, и как-то чувствуемых, но сводимых, как водится в науке и научной философии, к объективным самовозбуждающимся стихийным процессам, а то и к бытийным, как принято в физике, законам-закономерностям вроде энергетических, но никак не к действию *иных – не природных* и *не гуманитарных – сил*.

Отсюда и совершенно осознанное обращение Ю.М. Осипова вослед *русской софийной философии* (определение Ю.М. Осипова) конца XIX в. и первой половины XX в. к ***Софии Премудрости Божией***, что как раз и породило иного мировоззренческого путеводителя – ***софиасофию***, когда мудрость первозданная – *божественная, небесная*, предшествует мудрости производной – *человеческой, зе́мной*, находясь с этой последней в динамично-творческом единении, не исключающем доверительного контакта

и рабочего взаимодействия, причём не только в духовно-ментальном и познавательном планах, но и в проективно-деятельском (как раз в непосредственно хозяйственном, не исключая и собственно экономического праксиса).

Ю.М. Осипов разделил, или попросту признал уже существовавшее разделение – не суть важно! – окружающую человека, как и сидящую в нём самом, имея в виду и человечество в целом, реальность на *физическую*, или ***физис***, и *метафизическую*, или ***метафизис***, а знание человеческое о реальности разделил в широком смысле на физику, или в столь же широком смысле *технологику*, и на опять же в широком смысле *метафизику*, или опять же в широком смысле *идеософию*, при этом признавая за реальностью способность быть не только физическим, но и метафизическим *актором*, а на уровне метафизиса ещё и *«мыслящим актором»*, отчего и выдавать на реальные гора как *техноложную физику бытия*, так и *идеократическую метафизику бытия*, что и позволяет бытию быть как *объективным абсолютным физиком*, так и *субъективным авторитарным метафизиком*.

Бытие тоже ведь хозяйствует – и не только физически в рамках бытийного физиса, но и метафизически, отправляясь от бытийного и метабытийного метафизиса!

Бытие – оно ведь и *метабытие* (тезис Ю.М. Осипова)!

Творческий выход на Софию Премудрость Божию дал гуманитарному размыслительству свободу, как и силу, стойкость и уверенность, позволившие миновать (обойти стороной) догматические редуты, воздвигнутые религиями, философиями, наукой, как и той же утвердившейся за века эзотерикой, и выйти на путь *свободного гуманитарного мыслеизъявления*, не минувшего, как водится в научно-гуманитарной сфере, обвинений не просто в ошибках и заблуждениях, но и в крамольно-еретических изменах чему-то раз и навсегда данному и чуть ли не абсолютно истинному. Однако София на то и София, чтобы своей смысловой беспредельностью, отороченной божественной ***Тайной***, споспешествовать каждому человеку, каждому поколению, каждому народу, каждой культуре, каждой цивилизации вновь и вновь алкать истины, её искать и находить, либо убеждаясь в правоте наличной и действующей, пусть и задогматизированной, истины, либо попросту открывать известную истину заново, либо же припасть к совершенно новой – весьма уже и *иной* – истине.

Человек осознаниен, он – ***творец***, пусть и не Мироздания и даже не крошечной планеты Земля, ибо человек не Бог, не Креатор, не Вседержатель, не Вселенная, но человек всё-таки творец своей экзистенции, своего мира, в немалой степени и самого себя, так почему же ему, признавая посредничащую меж Богом и человеком Софию и перед ней преклоняясь, не обращаться, особенно в острокризисные времена, к Софии, чтобы что-то важное и судьбоносное открыть, осмыслить и понять, возможно, для себя и роковое, –не ограничиваться же нынешнему, просвещённому со всех сторон, человеку одним лишь загадочным Иоанновым *«Апокалипсом»*?

Выход на Софию Премудрость Божию – выход на познавательно-трактовочный простор (*метадогматический простор* – выражение Ю.М. Осипова), позволяющий увидеть *иное* и о нём сказать соответствующее ему *иное слово* – деяние совсем не шуточное, вполне и ри́сковое, а вдруг... не то слово, вовсе не о том, да и вообще никому не нужное, вполне себе тщетное, ещё и предосудительное, а для инословесника и немало опасное!

Однако всё это – и *иное* видение реальности с ***Иным*** (с большой буквы Иным!), скрывающимся в самой реальности и стоящим за ней, и *иное* обо всём этом вещее слово таки состоялись, найдя отражение в серии трудов Ю.М. Осипова: *«Эпоха Постмодерна»* (2004); *«Иное»* (2008); *«Отечественная мировоззренческая мысль: наследие и перспективы»* (2013); *«Наедине с Софией. Метафизические реалии»* (2014); *«Восхождение. Четверть века в походе за истиной»* (2015); *«Блики и срезы: невразумительное чтиво, или Книга ни о чём и ни для кого»* (2015); *«Белые скрижали. Сумма иного знания. Антиучебник»* (2016); *«Софиасофские тетради. (Не) учёные записки»* (2018); *«Метафизика. Код доступа»* (2019); *«Отшельник или Вестник не от мира сего. Антироман. Иное об Ином»* (2021); *«Обнажение. Исповедь учёного странника. Сказание вперемешку со сказкой»* (2022).

Прямо скажем, могучей вышла сия монографическая серия, мало что объёмная и необычная по содержанию и форме, но ещё и уникальная по представленному в ней мировоззрению, как раз софийно-метафизическому, при этом всё-таки не обиходно понимаемому, а сугубо *по-своему*, персонально автору открывшемуся – ***по-иному***! В этих трудах не только *иной подход* к реальности, а и раскрытие *иной реальности*, как раз той самой, что в окружаю-

щей человека реальности и в человеке самом не просто гнездится, а и делает всю эту *реальную реальность* другой, как раз и ***иной***, что обычно человеком-наблюдателем не слишком замечается, но и это не всё – в сих трудах представлена и вполне себе *нереальная реальность* – как внешняя относительно земно-человеческого мира, так и в нём пребывающая, и в том и другом случае на него качественно и динамически воздействующая, причём представлена в осиповских трудах сия многоликая ирреальная трансценденция опять же *по-своему*, как раз в соответствии с обычно сокрытой для людского обозрения метафизической картиной.

Софийный внедогматический подход был ясно продемонстрирован также в двух коллективных, вполне себе и знаковых, трудах, выполненных по инициативе, под руководством и редакторством Ю.М. Осипова: *«София. Сто лет русской философии хозяйства»* (2012), созданно́й по случаю столетия выхода в свет в 1912 г. первопроходческого труда С.Н. Булгакова *«Философия хозяйства»*, чем была подтверждена неразрывность связи современной философии хозяйства с софийной философией хозяйства С.Н. Булгакова, а также *«Хозяйство и мысль. Юбилейный монографический сборник. 25 лет Центру общественных наук при МГУ»* (2015), подготовкой и выходом в свет которых была показана великая познавательно-осмыслительная сила философии хозяйства и сопряжённой с нею софиасофии, вовсе не случайно возникших на закате науко-логосной цивилизации, хоть и не собирающейся, как и породившее её Просвещение, сдавать завоёванных по́том, кровью и немалым лукавством своих всё ещё первенствующих в гуманитарной сфере мировоззренческих позиций.

Философия хозяйства, оплодотворённая и ведомая софийным мировоззрением, мало что держит в поле своего зрения всю без всякого исключения человеческую и не только человеческую бытийную реальность, но и даёт ей и любым составляющим её компонентам свою интерпретацию – что формально-функциональную, что сущностно-содержательную, что духовно-идеальную, – оказываясь как уникальным достижением философии хозяйства, так и вполне ответственно тяжким для неё духовно-ментальным бременем.

Сказать, к примеру, «экономика Бога» вряд ли возможно, кроме разве услышать сие из уст каких-нибудь западноевропейских религионеров-протестантов, скорее же, сказать сие невозможно,

а вот сказать «хозяйство Бога» не то, что возможно, но и необходимо, что позволяет философии хозяйства, отчётливо сознающей свою сакральную связь с Богом, говорить не только о земно-космическом человеческом хозяйстве, но и о Божием, уже вселенского масштаба, хозяйстве, при этом видя в человеческом хозяйстве не что иное, как оригинальную часть вселенского хозяйства, что придаёт человеческому хозяйству совсем *иную*, пусть и не вселенского разряда, но всё-таки сверх-земного и даже сверх-человеческого порядка значимость.

Философия хозяйства располагает возможностью говорить не только обо всём ей потребном, но и говорить *по-разному*: обыденно, научно, философски, даже и по-богословски, как и описательно, фактически, аналитически, обобщающе, целостно, а главное – свободно, по-своему, вовсе и не специализированно, не узко профессионально, вполне и литературно.

У философии хозяйства, не говоря об адекватной ей софиасофии, непоправимо непременный интерес ко всему сущему и существующему на свете, а вовсе не только к производству и потреблению благ, к производству и воспроизводству человека как биоорганизма, к деньгам, ценам, капиталам, инвестициям, банкам, кредитам, к золоту и иным драгметаллам, как и не только интерес к социуму, цивилизации, культуре, государству, политике, идеологии, морали, людскому поведению, но и ко всей духовно-интеллектуальной жизни с её наукой, философией, религией, литературой, вообще с её словом и языком, ибо всё это тоже ведь *хозяйственное*, как и тоже *софийное*, хотя и бывает в реальности антисофийным, античеловеческим, антими́ровым, вполне и сатанинским.

Философия хозяйства имеет обо всём её интересующем своё собственное мнение, нередко и круто противоречащее общепринятым идейным установкам, отчего с этим *феноменом*, называемым ***философией хозяйства***, приходится, коли уж его не горячо со стороны приветствовать, то либо его со стороны сходу отрицать, что вовсю и делается, либо холодно не замечать, что тоже вовсю делается, либо ничего о нём не знать, что тоже охотно практикуется, либо с ним попросту сухо и без всякого энтузиазма мириться, что тоже имеет-таки место, хотя случаются вопреки всему этому негативу и понимания, и согласия, и даже приветствия, однако редкие, очень пока редкие, редчайшие!

Что же касается генетически, духовно и смыслово́ связанной с философией хозяйства ***софиасофии***, то её удел быть не только масштабно не признанной, но и вообще никак не признанной, кроме позитивного отношения к ней редчайших индивидуумов, не ограничивающихся признанием софиасофии, а идейно-духовно в ней пребывающих, с ней творчески, прямо-таки как с самой Софией, взаимодействующих.

Так вот и бытует в гуманитарной сфере философия хозяйства: между скупым институциональным признанием и обильным себя публичным непризнанием – в насквозь плотно и коварно просвещённой «компетентным» образованием учёной и иной интеллектуальной среде.

Философия хозяйства не может не задумываться над тем, *что* же есть человек, имеющий явно неприродного происхождения сознание и когнитив с их словом и языком, как и попавший на планету (всего лишь планетку), называемую человеком Землёй, явно не по своей воле; *что* же есть Мироздание, в укромном местечке которого бытует и действует человек сначала явно не на своей, а потом вроде бы и на своей Земле, посреди всё-таки не своей, не им созданной Природы, причём в своей, вполне себе природно-животно-организменной тварности; *что* же есть хозяйство, реализуемое (ведущееся, ведомое) человеком, если оно не ограничивается обеспечением физического выживания человека в Природе, а сейчас уже и не только на Земле, включающее в себя *явно неприродного происхождения творческое начало*, ведущее человека как хозяйствующего субъекта за пределы Природы, а сейчас и Земли, мало того, ведущее ныне человека и (Sic!) *за пределы самого себя* (выходит, что не только человек ведёт хозяйство как его волевой творец, но и хозяйство ведёт человека как объективная, а лучше сказать, трансцендентная, да и тоже немало волевая, сила)?

Весьма интересно и вопросно и кое-что другое: почему же хозяйствующий человек вовсе не от голода способен убить и даже со вкусом съесть другого человека; жестоко эксплуатировать себе подобного в хозяйственно-трудовом процессе; вести те же бесконечные между собой войны, истребляя друг друга, – ведь одними насущными физическими потребностями, нехватками жизненных ресурсов и потребительных благ, желанием расширить жизненное пространство, захватить лучшее место с лучшими

жизненными условиями, такого вот обращения человека с человеком (как с врагом и низшим существом, а не с другом и себе равным) не объяснить (подобными аргументами можно было вроде бы объяснять эту вовсе не любвеобильную человеческую экзистенцию ещё совсем недавно, увлекаясь дарвинизмом, мальтузианством, тем же нацизмом, даже и марксизмом, но вот сегодня, в эпоху высокопроизводительной постиндустрии, потребительского изобилия, общежитейского планетаризма и расцвета миролюбиво-улыбчивого гуманизма, *как* и *чем* всё *этакое* объяснить, если не попросту изначальной, органичной и не проходящей звероподобной *античеловечностью* человека?)?

Однако тут есть и сугубо философско-хозяйственное, сдобренное софиасофией, объяснение: таким вот, *какой он есть*, человек и был *задуман*, и будет оставаться *таковым*, при этом немало и бесноватым, этаким, по Ю.М. Осипову, ***бесовеком***, и оставаться до некоторых пор, ему не известных, как и хозяйство, которое он ведёт и которое ведёт его самого, *не может быть иным*, кроме как таким, *каковое оно и есть*, немало и ***бесовеческим***, и *каковым должно* оставаться до некоторой эсхатологической кульминации, человеку по сроку и образу исполнения не известной, но к которой, видно, он, как раз посредством своего не-совсем-человеческого, мягко говоря, хозяйствования, вольно или невольно стремится.

Тут в умственное дело вступают булгаковские *«хозяйственная телеология»* и *«хозяйственная эсхатология»*, однако подкреплённые осиповским вниманием к экзистенциально-хозяйственному ПРОЕКТУ с прилепившимся к нему позывным «ЧЕЛОВЕК», трансцендентно явившимся на планете Земля как продукт и часть куда более масштабного хозяйства –***хозяйства Бога***, а ежели кому-то сие не нравится, то пусть всего лишь природного или того же *мирозданческого* хозяйства.

ПРОЕКТ! Следственно и какая-то запроектированная цель и движение к ней – *телеология*, и какое-то возможное завершение проекта с достижением или нет поставленной его *аттрактором* – замысливателем, созидателем, движетелем (субъектным или нет – всё равно!) – цели, – *эсхатология*. Вот они – *телеология с эсхатологией человеческого хозяйства*, – и что тут важно: что при начале проекта, что в ходе его реального исполнения, что по его завершению, так это присутствие всюду ***неизвестности***, прежде всего для человека хозяйствующего, а может, и для само-

го инициатора проекта тоже: всё ведь вокруг окутано неизвестностью, да и самого человека пронизывает неизвестность – как исходно-онтологическая, так и произвольно-гносеологическая.

Великая, – по Ю.М. Осипову, – ***Неизвестность***, как раз та самая, без которой мало что нет ничего *Известного*, но и созидания *нового Известного* нет, короче, нет ни творчества, ни обновления, ни развития, как нет надежд, намерений, планов, фантазий, мифов, нет и реформ, революций, войн, бунтов, в общем – никакой жизни нет, никакого хозяйства, никакого возвышения человечества к некой, пусть ему не очень-то и известной, а более всего попросту неизвестной, телеологической цели, как нет и эсхатологии, даже и конечной смерти нет!

Великая Неизвестность – великое достояние Вселенной, Господа Бога, Софии, не говоря уж о никак до конца не известном самому себе человеке, а ежели и как-то известном, то не более как *мифологически*!

А почему всё-таки человек не останавливается, а идёт всё дальше и дальше, – скорее бессознательно, чем осознанно, – в своём сотворческом с Богом, да и не только с Богом, рвении, об этом не сильно и задумываясь, причём из поколения к поколению, через годы, века, тысячелетия, пусть и с остановками, передышками, замешательствами, провалами, но идёт ведь, идёт?!

Вот тут-то и выходит на передний план осиповское ***Иное***, как раз та самая трансцендентная сила, которая и выдавливает в человеке стремление идти в своём хозяйственно-творческом рвении всё дальше и дальше – к чему-то всё *иному* и *иному*, хотя человек не знает, куда он идёт, зачем, до чего он дойдёт, к какому *иному* придёт, хоть о чём-то ментальными усилиями отдельных своих особей (мудрецов), не исключено, что и догадывается.

Иное непрерывно давит к *иному* и это *иное* непременно выдавливает, давя не просто на человека, его сознание и когнитив, а и давя, – как раз возможно, и более всего – на кое-какое *иное* в самом человеке, а именно на его... ***бессознание*** и его... ***безумие***, ибо какое-такое творчество, да ещё и с нуля, вообще возможно без немалой толики бессознания и без ощутимой порции безумия, заставляющих яростно отказываться от прошлого, даже сытого и комфортного, расчищать экзистенциально-хозяйственную площадку от всего де устаревшего и уже не нужного, да и приступать к созиданию чего-то нового, как раз *иного*, более-де совершенного и человеку в будущем более-де потребного.

Отсюда как раз и сначала *выворачивание* человеком наизнанку самого себя, своей экзистенции, своего хозяйства и окружающей реальности, а затем и неизбежное *выворачивание вывернутого*, как уже необходимая, пусть и всего лишь на время, гармонизация-нормализация что человека с его экзистенцией и его хозяйством, что окружающей человека реальности, однако так или иначе уже... *иных*!

Тут нетрудно заключить, что человек, пусть и не каждая особь, должен быть, пусть и прерывно, не в каждый момент и не в каждом месте своего экзистенциально-хозяйственного бытия, как *мини*-минимум – *беспокойным*, как *макси*-минимум – *авторитарно-дерзким*, как *мини*-максимум – *агрессивно-беспощадным*, причём мало что относительно той же природы и как бы устаревшего и уже ненужного образа своего бытия, а более всего относительно себя самого и себе же подобных, ну и – как *макси*-максимум – непременно быть ***бессознательно-безумным***!

Так что, чему тут удивляться, глядя на межлюдскую борьбу, на войны, насилия, жертвы, агрессии, захваты, эксплуатацию человека человеком, рабство, восстания, их подавления, как и на прочее и прочее подобное, не говоря о каторгах, тюрьмах, концлагерях, ссылках, тех же пытках и казнях, что не отделимо от человеческого не просто беспокойного, а по-своему и страшного экзистенциального-хозяйственного бытия, вовсе, как видим, *не райского*, а вполне себе как раз и... *адовского*!

Где он, чаемый долгожданный ***Рай***, человек не знает, а вот то, что ***Ад***, вовсе не чаемый и совсем не жданный, здесь, на Земле, в текущем бытии и в текущем хозяйстве, пусть и перемежающийся с райскими, или квазирайскими, удобствами и удовлетворениями, человек, пусть и не отдавая себе в том вполне осознанного отчёта, весьма-таки хорошо знает, а ежели и не знает хорошо, то экзистенциально-хозяйственный контекст о донесении до человека сего бодрого знания непременно позаботится.

Что-о, разве производство и потребление не адовы, пусть и не всегда и не во всём, а... а... э-эх... стоит ли перечислять, коли и так всё ясно, да мало что Ад здесь, на Земле, в людях, среди людей, в окружающем их мире, так ведь и ***Бездна*** тоже, та самая бездна, откуда всё мирское как из рожественного лона и вышло, куда, как уже в поглощающее лоно, и уходит, и она – бездна – совсем недалече, рядышком, в подмирье, а рядом и заедино с без-

дной её сестрица-союзница ***Преисподняя*** – эта *фабрика мира*, а люди – что фабриканты, что фабричные – прямо в ней – в преисподней – и торчат, где и живут, и хозяйствуют, и трудятся, и умничают, и безумствуют, и любятся, и жертвуются, и исчезают.

И во всём этом проявляет себя сакральный ***Промысел***, для кого-то Божий, для кого-то природный, для кого-то мироздан-ческий, а для кого-то и *Князя мира сего*, – и винить тут в общем-то некого, ибо вряд ли на Земле возможно как-то иначе: жизнь, хозяйство, творчество, тот же ***Прогресс***, ну и само ***Творение***, которое ведь продолжается – до какого-то конца!, как и совсем не стоит тут винить человека, якобы падшего в знаниевском грехе, ибо человек от рождения именно *такой, каким он впрямь и есть*: материальный, животный, звериный, при этом и по-божески и не по-божески осознаниенный, окогнитивенный, одуховлённый, даже и омораленный (по-разному, конечно), и оамораленный тоже, стоически исполняющий какой-то ему навязанный и ему совершенно не известный земно-космический Проект, действуя посреди Неизвестности, под настойчивым влиянием и с участием неподвластного ему Иного, хоть и много чего при этом знающий и достигающий: живительного и смертоносного; высокого и низкого; великого и мелкого; благородного и пошлого; прекрасного и ужасного – но при этом упорно идущий, причём сразу поднимаясь вверх и спускаясь вниз аккурат по загадочной экзистенциально-хозяйственной лествице, спотыкаясь, падая, срываясь, калечась, поднимаясь, убиваясь, но всё-таки идущий... во всё ту же *Неизвестность* – и какие же тогда добрые и хорошие во всех отношениях райские люди на такое вот пойдут, жертвуя собой и себе подобными, – тот же, к примеру, добрый и хороший скотовод Авель не пошёл бы, а вот брат его Каин, убравший Авеля прочь с дороги, пошёл – как раз по пути ***от природы к неприроде*** (тезис Ю.М. Осипова), а затем уже в лице каиновых потомков к... о-о!.. кто ж *этакое* из смертных знает, хоть и кое-кто из них кое-что из возможного предполагать и может, что не значит при этом, что и из вполне для себя достоверного?

Неизвестность, о которой речь – не просто ничто, пустота или то же небытие, хоть это вроде бы и так, однако относительно Известного вовсе не что-то нейтральное, а весьма его напрямую и касательное, даже для него, не говоря о человеческом жизнеотправлении, и действенное, хотя бы порождающее надежды,

намерения, проекты, но и разочарования, срывы, крахи, как и внезапные победы и столь же внезапные поражения. А что такое везение, фарт, удача, как и всё им наоборотное, а что есть Его Величество Случай, как и та же Её Высочество Вероятность, и Её Сиятельство Внезапность, а любая, пардон, Вера – Царица надежд и уверенности, как не переплетённые с Неизвестностью ожидаемо-неожиданные вести, они же иной раз и действительные события-факторы?

Да-а, ежели вдруг удача – то чуть ли не деяние, достояние и достоинство знания, сознания, когнитива, а вот когда провал – вина, конечно же, неизвестности, что, может, и так, да вот ведь знание-то всегда посреди незнания, оно всегда или очень часто относительно, а *незнание* – НЕЗНАНИЕ! – всегда абсолютно и всегда само по себе, отчего знать незнание как *действующее нечто*, ничего конкретно о нём не зная, да лишь как факт его наперёд учитывая – не одно только охранительное и способствующее человеку благо, но и неустранимая человеком, для него и спасительная необходимость, отчего и верования, и вера, и культы, и астрология, и гадания, и те же научные прогнозы, как и неизбывная внутренняя дрожь со страхом.

Неизвестность – сила, а уж Великая Неизвестность – страшная сила!

Жизнеотправление человека, оно же и хозяйствование – неустанное взаимодействие с Неизвестностью: то в союзе с ней, то в борьбе, то в нейтралитете – и чтобы *это* вполне осознать, достаточно представить себе любую катастрофу, когда всё вдруг рушится, полыхает огнём, ничего из обиходного не работает, люди в панике туда-сюда мечутся, сознание полнится бессознанием, а когнитив – безумием, когда... ШОК, сопровождаемый растерянностью, бездействием, незнанием, ступором, когда сам человек переполняется неизвестностью, вот тогда-то и открывается, что есть на самом деле Неизвестность, да ещё и Великая!

Говоря о Неизвестности, не стоит забывать, что неизвестностью полнится всё вокруг, причём самое что ни на есть житейское, и влияет, влияет, влияет, причём на всё течение жизни влияет, как и того же хозяйства, отчего и судьба, и рок, и «Всё в воле Господа Бога!», и т. п. вещи и вести, а разве известно, что собирается делать или уже делает любой из возможных зе́мных субъектов – что друг, что враг, да и то же, к примеру, правительство своей же

страны, не говоря о правительствах других стран, а что вершат тайные общества, спецслужбы, армейские генштабы, да мало ли ещё кто из акторов бытия, а-а? – так что от неизвестности – хоть великой, хоть невеликой, хоть вроде бы нейтральной, хоть и явно приставучей, а то и роковой – человеку *никуда*!

Как философ хозяйства, Ю.М. Осипов вводит, оставляя в стороне принятое в экономической науке понятие *способ производства* и относя его для собственно производства, как и понятие *способ потребления*, относя его для собственно потребления, как и относя любой другой способ организации-реализации чего-либо другого для этого самого другого, вводит для хозяйства (и хозяйствования) понятие ***способ хозяйства*** (при случае и ***способ хозяйствования***), понимая под этим способ, образ, манеру организации-реализации хозяйства (хозяйствования) в их каком-либо конкретном, при этом и целостном (холическом), выражении.

Способов хозяйства в реальности великое множество, отчего Ю.М. Осипов ограничивается основной их типологией, выделяя лишь основополагающие типы, классифицируя способы хозяйства по критериальным рядам: натуральные (внутриприродные, сельские) и сверхнатуральные (те же ремесленные, индустриальные); органические (бестоварообменные) и экономические (товарообменные, денежные); свободно-сетевые, организованно-сетевые и иерархо-управленческие; частные и общественные; вольного строя и строя принужденческого; гражданские и милитаризованные (мобилизационные), и т. д. и т. п. Каждый из исторически или локально конкретных способов хозяйства редко бывает качественно «чистым» (однообразным, одноликим, однопараметровым), как правило, он отличается разнообразием, многоликостью, полипараметровостью, отчего и редко сводимым к одному характеристическому признаку, однако в гуманитарной, в особенности научной, практике распространены упрощающие реальность лексические штампы вроде тех же «капитализма» и «социализма», оставляющие часто без внимания иные, как раз бывающие и куда более реалистичными, признаки того или иного способа хозяйства.

Философия хозяйства на то и философия, как на то и хозяйства, чтобы видеть и учитывать всё строевое многообразие хозяйственной реальности, подмечая и кое-что нелицеприятное, как, к примеру, тот непреложный факт, что подавляющее большинство экзистенционально-хозяйственных устроений, как раз

цивилизационных, есть не что иное, как тот или иной способ *насилия* и способ устроения, пусть и не в полной в реалиях мере... э-э... *рабства* – РАБСТВА!, без чего – насилия и рабства – почему-то никак, нигде, никогда и никому не обойтись!

Замечательные во всех отношениях экзистенциально-хозяйственные факты, они же и ментальные выводы!

Обращаясь к социохозяйственной истории, философ хозяйства Ю.М. Осипов не преминул воспринять явившуюся из Европы богатую на смыслы и ими оперированием концептуальную идею о пришествии в Западной (католической, протестантской) Европе, со времени и под эгидой ***Ренессанса*** и ***Реформации***, а также с участием ***экономической революции*** (термин Ю.М. Осипова) и ***научно-технического переворота***, особой эпохи, исключительно значимой для всего мирового человечества, его хозяйственной деятельности и экзистенциональной судьбы, а именно – эпохи ***Модерна***, или ***Модернити***, или ***Модернизации*** – эпохи *тотального обновления всего и вся*, подкреплённой энтузиазменно, энергийно и ресурсно колониальными европейскими завоеваниями вослед так называемым *великим географическим открытиям*, с последующим подключением к Модернизации, ведомой Западной Европой, всей планеты Земля, а что касалось всего *до*-модернового исторического времени, то оно рассматривалось отцами идеи Модерна уже как эпоха ***Премодерна***, что также было творчески воспринято философом хозяйства Ю.М. Осиповым.

Таковым масштабным делением истории человечества обозначалось принципиальное смещение акцента с сакрально-духовно-природной обусловленности бытия человека и его хозяйствования на *самого бытующего и хозяйствующего человека* – ЧЕЛОВЕКА!, на его сознание и когнитив, что способствовало суверенной, хоть поначалу даже и боговдохновенной, а затем и вполне секулярной хозяйственной (и вовсю уже экономической) деятельности человека, подстёгиваемой культом *экономико-технотронного (капитал-предпринимательского) хозяйствования*, как раз, согласно библейскому писанию – *каинского*, закреплённого кульминационной для эпохи Модерна её же субэпохой – эпохой ***Просвещения***, со свойственной ей идеологией *гуманизма, секуляризма, атеизма*, как и *тотального преобразования земно-человеческого бытия*, а посему и культом добываемого человеком рационально-изыскательски (по-леонардовски, надо заметить)

знания, следственно – культа *науки*, *прикладного изобретательства*, как и, разумеется, культа *денег, капитала* (самовозрастающих-де денег), *финансизма* (управления этими самовозрастающими-де деньгами).

Так сложилась *новая европейская цивилизация* – в своём ядре **экономическая** и ***технотронная*** (***экономическая цивилизация***, как, собственно, и ***технотронная цивилизация*** – термины Ю.М. Осипова), однако не только экономическая и технотронная, это была ещё и, согласно софийному открытию Ю.М. Осипова, ***пересотворенческая цивилизация***, бросившая телеологический – ***хозяйственно-демиургический*** (понятие Ю.М. Осипова) – вызов самому Господу Богу Творцу, то ли при этом предположенный изначально Божиим проектом «ЧЕЛОВЕК», то ли от человека творящего самовольно и внезапно явившийся, но тогда уже то ли принятым Господом в виде любопытного для Него эксперимента, то ли Богом всё-таки отверженным, отчего и человеком самозабвенно и не без страха ждущим своей или для себя той или иной эсхатологической – то ли ещё зе́мной, то ли уже космической – развязки.

Попытка стать в хозяйственно-творцовском рвении равным Богу (пусть лишь, по скромности, Мирозданию) или даже Бога (пусть лишь Мироздание) превзойти, дорого обходится Европе, как, собственно, уже случалось с завидной, пусть и с многовековым шагом, регулярностью, в Древнем мире (где Египет, Вавилон, Ассирия, Греция, Рим, где?): мало что пошла неотвязная конвульсивная тряска всего неистово обновлявшегося *европейского миросоздания* (выражение Ю.М. Осипова), сопровождаемая чередой катастроф вроде разного рода обильных на кровь и лишения войн, восстаний, революций, кризисов, а ещё и порождением в недрах обновлявшейся заговорщически, потаённо и по-чёрному Европы – не могшей, кстати, не вершить *того*, что она вершила, в силу не укрощённой и не одолённой европейцем-христианином, а на самом-то деле вполне уже ставшим антихристом и атеистом, изначальной, так сказать, природы человека (сорвалось как-то вдруг и пошло-поехало!) – порождением в недрах Европы... э-э... *анти*-Европы, пусть и очень разной, однако в любом варианте отрицавшей вполне себе вроде бы успешную и вовсю процветавшую *постренессансную* и круто *просвещенческую* Европу, да так отрицавшую, что звала к ***Революции*** и к другой –

уже-не-той-европейской, а какой-то *иной*, Европе, вполне и единой – как к единой имперской – аналогу Древнего Рима, так и вообще к *не*-европейской Европе, к той же коммунистической, социалистической, корпоративно-фашистской – что и вылилось в итоге к социализации и фашизации Европы и к новой – самой большой, кровопролитной и страшной в человеческой истории – сначала паневропейской, а затем и ставшей мировой, войне.

Явление *иной*, пусть поначалу более в проекте, чем наяву, Европы – как раз *анти*-Европы, свидетельствовало о *закате* – ЗАКАТЕ! – Европы как Европы, приоритетно включавшей в себя и англосаксонскую Европу, казалось бы Европы, лидировавшей в мире, бывшей чуть ли не показательным для всех эталоном, в особенности, в её великих достижениях в экономике, науке и технике, в искусстве, как и вообще в культуре, однако... однако впавшей вдруг в немилость (Sic!)... *от самой же себя*, попытавшейся было решить свои «раздирательные» проблемы за счёт других, в частности, за счёт всегда привлекавшей алчное внимание Европы (да и кое-кого в Азии) России – сначала Российской империи, затем, когда расхватать её наследие по итогам разбуженных по преимуществу из Европы революционных событий 1917–1922 гг. вполне и в частности не удалось, то потом и СССР, как раз и внёсшего главный силовой вклад в разгром в войне 1939–1945 гг. социал-фашиствовавшей Европы, что означало уже немилость, хоть и разбавленную американской и частично российской (советской) от победителей милостью, непосредственно немилость от всего внешнего контекста, включая и постколониальную его часть, но, несмотря на послевоенное процветание Европы не без помощи США и СССР, немилость к Европе, даже и вроде бы объединившейся в Европейский союз, почему-то не исчезла, правда, не без лукавой её – Европы – американизации, причём совсем не простой в идейно-духовном плане, а... ***антимировской***, как раз той самой, которой была уже давненько и изрядно заражена сама передовая дочка Европы – *Америка*! – и закат, увы, Европы *никуда не делся*, мало того, он, знаменуя роковой для Европы восход Америки, знаменовал также и последующий за восхождением Америки на мировую вершину неизбежный закат не одной Европы, а, по любимому Ю.М. Осиповым «закону бумеранга», и самой же Америки, о чём ей стало достоверно известно уже в текущее – XXI в. – время.

А ежели вновь обратиться к эпохе Модерна, порождённой Европой и продолженной усилиями прежде всего США, то нетрудно, свидетельствуя уже давненько *разгоревшийся закат Европы* и *возгорающийся закат Америки*, сделать сначала скоропалительный вывод о вступлении Модерна в стадию *ультра*-Модерна (чуть ли не по В.И. Ленину – высшую, последнюю, паразитическую и загнивающую!), а потом, крепко поразмыслив, поддержать, что и сделал философ хозяйства Ю.М. Осипов, вывод западных, как раз французских, немало озабоченных, настороженных и отчаявшихся, интеллектуалов о наступлении в западном мире леденящей, скользкой и коварной эпохи ***Постмодерна***.

Почему же, не отрицая насовсем *«ультра»*, чаша интеллект-весов склонилась всё-таки к *«пост»*? Дело тут не в том, что наука, техника, технологии вышли в XX в. на микромир, на атомно-ядерные энергии, на генетику, на техническую и социальную кибернетику, на радио- и телесвязь, на автоматику и компьютеризацию, в космос, а затем, пусть и более всего уже в XXI в., на интернет, цифровизацию и даже «искусственный разум», как и вообще на уже сам от себя действующий, параллельный земно-космическому, *искусственный виртуальный мир*, что можно было бы отнести всего лишь и к ультра-Модерну, а в том, что всё это замечательно достигнутое вдруг внезапно оказалось не просто *антимировым*, но и... *античеловековым*, да и не только внешне воздействующим на человека, как, к примеру, то же антимировое искусство (как псевдо- или фальш-искусство) или попросту *антиискусство* (сколько его!), а и непосредственно внедряющимся в человека, его изнутри не просто меняющим и подменяющим, даже не просто преобразующим, а вполне себе... ***пересотворяющим***, да-да, именно так – делающим из человека какое-то ***иное***, пусть по виду и человекообразное существо, не без основания названное постмодернистской философией ***постчеловеком*** (роботом, киборгом, куклой, а по Ю.М. Осипову – *чиповеем*!). Тут уже нельзя обойтись одним «ультра», а приходится уверенно обращаться к «пост», отчего тут не просто *ультра*-Модерн, а именно *пост*-Модерн, а в троичном смысло-знаковом сочетании с Модерном и Премодерном – ***Постмодерн***!

Да, модернизация продолжается, но не так зе́много мира для человека, как уже модернизация *самого* человека, что и является по Ю.М. Осипову, главным характеристическим аргументом

эпохи рубежа XX и XXI вв. и далее уже XXI в. как ***эпохи Постмодерна***, чем всё, почти всё или очень многое в бытии человека и объясняется – причём не только ультра-техно-мегаполисное наполнение бытия человека, его хозяйства и культуры, но и ультра-технизацию самого человека, его сознания и когнитива, не исключая бессознания и безумия, с изменением даже телесности, физического строения, телесной динамики, физиогномики, мимики, выражения глаз с преобладанием одного в них выражения – пустоты, в общем – *обыскусствывания* человека не только с подчинением человека внешнему искусственному разуму или с внедрением искусственного разума в самого человека через ту же чипизацию, а, что самое важное, *обыскусствывание* вроде бы ещё натурально-божественно-человеческого разума, его явное ***пересотворение***, что вовсю и имеет место уже сегодня.

Постмодерн – *ультрамодернизация* всего сразу: окружающего человека мира, образа бытия человека, самого человека, рождающая *пост*-мир, *пост*-бытие, *пост*-человека, но и *пост*-культуру с *пост*-искусством, и *пост*-медицину с *пост*-спортом, а также, что особенно занятно для экономистов и хозяйствоведов – *пост*-экономику и даже *пост*-хозяйство, а для чиновников, политиков и политологов – *пост*-государственность, *пост*-политику, *пост*-гражданственность.

Отмена, как видим, *всего* и *вся*: сначала отмена с *подменой*, что пока более всего имеет место сейчас, а потом и отмена с *полной ликвидацией*, что как раз и ожидает земно-космическое человечество в будущем с его возможно-невозможным превращением, по К. Циолковскому, в «лучистое человечество», правда с той поправкой, что не всего человечества, да совсем уже и не человечества, а, как минимум, *постчеловечества*!

И сказка вдруг станет былью!

Стремился передовой европеец, а затем и американец, а следом и чуть ли не всё человечество, не исключая и российско-советско-российского, к гуманизму, свободе и лёгкой – бесстрастной, безмятежной и бесстрадательной – жизни, а попали все скопом в самый что ни на есть... ***сатанизм***, как раз в тот самый, против которого всегда были религии, государства, даже и атеистические идеологии – а быль зе́мная и в самом деле оказалась сказочной, но увы, *сатанинской*, да что сатанинской – ***ультра****сатанинской*, пусть частенько и рядящейся в несатанинские одежды, но зато привольной, всевозможностной, завлекательной!

Сатанизм – вовсе не фигура речи, не риторический образ, а самая что ни на есть реальность, причём ныне, как утверждает оплодотворённая софиасофией философия хозяйства, способная видеть и квалифицировать сразу всё, почти всё или же по преимуществу всё, причём та самая реальность, которая уже осатанила если не всю, то почти всю или многую, очень многую зе́мную реальность, что выражается не только в проходной и институированной лжи, в фикциях, фальши и фейках, в симулякрах, в нарочитом бесновании и показном уродстве – нет, вовсе нет, всё куда сложнее, ибо не случайно же сказано – ***во всём***!, хоть и не без, пусть пока и немалых, исключений, однако как раз *там* и *так*, где и ничего ***такого*** добропорядочный человек, гражданин, деятель, работник и не заметит.

Сатанизм – реальный факт, ещё и факт всеобщий, не чурающийся ничего: ни души человеческой, ни когнитива, ни слова с речью, ни мыслей с суждениями, ни людского поведения, ни совместного общежития, ни политики с экономикой, ни культуры с наукой, ни искусства с литературой, ни экстравагантных одежд с вычурными причёсками, ни выразительно-раскованных жестов и поз, ни (sic!) той же технотроники с современными архитектурой и градостроительством!

Метили в светлое будущее, а попали в ярко блистающее искусственным светом тёмное... *Ничто*!

Метились, стре́льнули и... попались!

Сатанизм, как и те же зло с грехом, всегда был и будет, и не где-то там, вдали от человека, а рядом с человеком, в самом человеке и от самого же человека, и бывает он *там, там* и *там* – не потому что упорен, цепок и живуч, что окончательно Богом не подавлен и человеком не изжит, а всего лишь потому, что – как утверждает софийная философия хозяйства – он – САТАНИЗМ – (Sic!) ... *необходим*, как необходимы зло с грехом, и необходим он как раз для жизни, для хозяйства, для судьбы, ибо жизнь, хозяйство, судьба реализуются вовсе не в Раю, которого, судя по всему, и нет, как и не на погосте, который хоть и есть, но для жизни, хозяйства и судьбы явно не годится, а в... Аду, где как раз *всё* и *есть*: рождения, стремления, борьба, идеи, проекты, победы и поражения, страда и отдохновение, страдания и радость, болезни и выздоровления, в общем – жизнь, хозяйство, судьба, даже и вполне адовская экономика со своими чудесными деньгами и чудными банками есть, ну и, само собой – смерть!

Заметим, что сражение Бога и человека со злом, грехом и сатанизмом как было всегда, так есть и сегодня, пусть и идущее с переменным успехом, но пока есть на Земле человек, жизнь, смерть, сие сражение никуда и никогда не исчезнет, как и никогда и нигде не одержит человек окончательной победы над злом, грехом и сатанизмом, впрочем, разве лишь в чаемом современностью оцифрованном псевдо-Раю, но... вряд ли тут стоит загадывать... нынешнее обессмысливающееся безвременье всё в миг и покажет!

Философия хозяйства, которую разрабатывает и исповедует Ю.М. Осипов – свободно-размыслительная, в основе метафизическая, операционально-практическая, откровенчески софийная, с одной стороны, и предвзято панхолическая по предмету своего интереса – с другой, не может не обрести *целостного воззрения* на мир вообще, включая земно-космический мир, живой мир, человеческий мир, ну и любую из пространственно-временны́х ми́ровых локалий, как и *целостного воззрения* на деятельность обобщённого (*трансцендентального*, по С.Н. Булгакову) хозяйствующего субъекта, что означает, что любой последовательный философ хозяйства, алкающий, как любой философ, воззрения от себя на объект-предмет, а вот как хозяйствовед, он же и хозяйствасоф, ищущий уже воззрения, *исходящего от самого объекта-предмета*, непременно оказываясь при этом ***мировоззренческим актором***, что как раз и выявляется, если не навязывается, самой философией хозяйства, отчего уместно заключить, что Ю.М. Осипов – *активный мировоззренец*, что-то вроде наказного (вынужденного) ответственного дежурного по миру людскому, того самого фигуранта размыслительного фронта, который не ограничивается своим собственным воззрением на объект-предмет, как и критическим разбором объекта-предмета сквозь своё на него воззрение, а который... нет, вовсе не предлагает людскому миру очередную сусальную утопическую приманку в виде замечательно-де продуманного гуманитарного проекта, нет... он лишь выявляет, ментально взаимодействуя с объектом-предметом, его – объекта-предмета – собственное *на себя* воззрение, что даёт сему фигуранту возможность адекватного относительно объекта-предмета, с одной стороны, ситуационно-стратегического – безусловно, концептуально-ориентирного – прогноза, а с другой – не менее адекватного объекту-предмету концептуально-ориентированного – и не более того! – для человеческого хозяйствования вспомогательного абриса.

Вообще ***концептуальность*** – великая вещь, она же и весть, иное дело – какая, в каких целях, с какой закваской, наконец, чья она, от кого, ради кого и чего, причём не только онтологическая (идущая от реальности, её отражающая), не только гносеологическая (как способ познания и размышления, их итог), но и как ведущий хозяйствующего субъекта его *главный ориентатор* (вот что важно!), отчего и особенно значима именно ***философия хозяйства***, которая, конечно, может быть идеософски, политически и концептуально разной, но в любом случае, ежели она и в самом деле *философия* (метасмыслософия) и в самом деле *хозяйства* (жизнеотправления человека вкупе с отправлением Природы, Мироздания, даже и самого Господа Бога), она не может быть относительно бытия, жизни, человека и его жизнедеятельности *фатально безответственной*, отчего не может не быть настороженно критичной к реальности, но при этом и стратегически благосклонной, пусть и осмотрительно, к человеку, впрочем, к нему тоже весьма критичной.

Философия хозяйства не отделима от *правды*, она не для лукавства и лжи, хотя внимает *всему*, будучи, разумеется, никак особенно не застрахована от человеческих – частных и временных – ошибок и заблуждений. Залоговая сила философии хозяйства состоит в приоритете, который она отдаёт реальности перед любым о реальности знанием и суждением, а также в конструктивном обращении к Софии Премудрости Божией, а потому философию хозяйства ни отвергнуть, ни замолчать, ни изгнать, тем более, что она испокон веку везде и всюду незримо присутствует и неявно действует, лишь до срока не став замеченной и вытащенной на свет божий как именно ***философия хозяйства***!

История человечества показывает, о чём весьма убедительно говорит философия хозяйства устами принятого ею софиасофского мировоззрения, что оно – человечество – издревле не только знало о как бы не существующем для него высшем, сокрытом, тайном, то бишь ***ином***, но и вступало или же стремилось вступать в деловой и творческий контакт со всем этим неизвестным, трансцендентным, человеку не подвластным, понимая и его – всего этого *иного* – ИНОГО! – огромной над собой власти, терпя лишения, беды, смерть, имея необыкновенные взлёты и неся сокрушительные поражения (многотысячелетняя эпоха Премодерна), однако, накопив энергию протеста и свободы, человечество в лице своего

временно-ведущего западноевропейского навершия, вступилотаки на путь *пересотворения зе́много мира*, уже который раз двинувшись *от природы к неприроде*, сделала это, осознанно или интуитивно опираясь на опыт римской имперской всесокрушающей и всеподчиняющей власти, на практику финикийской (карфагенской) торгово-финансовой предприимчивости, тоже в общем-то имперской, на древнегреческие естественные познания и созидательные технологии, на древнегреческую, свободную от догм и нормативов, гуманитарную культуру, и... *удалось*! – свершилось ***Пересотворение***, оно же и ***Модернизация*** (эпоха Модерна) – и человеческий мир вдруг предстал, не теряя насовсем связи с Природой и даже с Иным (церковь, верования, масонерия, астрология, оккультизм), целостно *не*-природным, даже и *над*-природным, мало того, ещё и со временем заявочно десакрализованным, секулярным, даже и атеистическим, то бишь *сугубо-де-человеческим*, как бы и независимым от Господа Бога Творца, причём стал таковым мало что по идейному убеждению (гуманизм), но и нарочито относительно Господа Бога протестно («Бог-де-умер!»)!

Да, человек-европеец восстал против руководства собою со стороны высшей, иной, трансцендентной силы, но его – *нового человека*, как и его *новый мир*, отчего-то вдруг весьма и весьма изнутри (!) затрясло (пан-европейские и спровоцированные ими мировые войны, как и такие же по масштабам революционные движения), итогом чего стало (Sic!) как возвратное отрицание в самой же Европе передовой-де Европы (назад в Средневековье) вместе с её новым человеком и новым миром, так и прогрессное отрицание уже устаревшей-де Европы вкупе с не просто устаревшим европейцем и его миром, а и вообще – уже, правда, более американское, чем европейское – *отрицание человека как человека* вкупе *с его – человечным-де миром* (Постмодерн с его головокружительным сатанизмом).

Нет, не зря, совсем не зря старались сначала ренессансно-просвещенческая Европа, а затем и ульрамодерновая Евро-Америка, хоть уже и не только они одни, та же европеизированная Россия и тот же поначалу (в 1920-е гг.) немало евроамериканизированный СССР тоже, покоряя природу и создавая глобальный на планете технотронный в основе ***искусственный мир***, обыскусствывая и подгоняя под сей параллельный, но уже и экзистенциально доминационный, искусственный мир как самого

человека, так и его – человека – вроде бы ещё человеческий мир, а с появлением в недрах искусственного мира электронно-цифрового облака, а лучше бы сказать – тучи, прозванных ***искусственным разумом***, активно и целеположенно превращая человека в роботизированное с окончательно обыскусственным сознанием и когнитивом в весьма уже *иное*, пусть и биочеловекообразное, существо – в ***постчеловека*** (в *чиповея* тоже!).

Это была уже жгуче-лукавая новейшая современность, в которой как раз и сошлись, конвульсивно сталкиваясь и обильно с шипением искрясь, два вполне себе апокалиптических трансцендентных потока: *хозяйственная телеология* и *хозяйственная эсхатология*, причём два неостановимых, разве лишь частично управляемых, весьма и смертоносных, потока, объявших всю планету и пронизавших весь, уже и немало постчеловеческий, земно-космический мир.

Апокалиптика, пусть и в союзно-борческом переплетении с противоположной ей ***апокатастатикой*** – важнейший в бытии всего и вся, включая и человека, его жизнь и хозяйство, социум и политику, фундаментальный феномен, которому Ю.М. Осипов придаёт в своём миропонимании огромное значение, феномен, означающий по меньшей мере временность бытия всего и вся, а в более широком плане – бытийную, скажем так, неустойчивость всего и вся, беспокойность, хрупкость, уязвимость, проблемность, рисковость, смертность всего и вся, в особенности, конечно, всего живого бытия, включая и не одни лишь организмы, но и между ними отношения, взаимности, кооперацию, а для людского мира – социумы, государственность, цивилизацию, культуру, в общем, как говорится, делая всё вокруг преходящим, проходящим и исчезающим – либо само собой, либо насильно – тут всё одно!, – однако, и, пусть и не всё и не в прежнем виде, восстающим, воспроизводящимся, повторяющимся, ну и изначально всегда сопротивляющимся и держащимся – как раз *апокастатически* – и несмотря ни на что бытующим.

Апокалиптика, как и апокатастатика – неотъемлемые, постоянно действующие, а главное – *необходимые* феномены бытия, без наличия и действия которых никакого бытия, которое есть *всего лишь*, пусть и растянутый на века и тысячелетия, ***момент***, если не ***миг***, просто нет. Бытие – это ***Время***, но никак не ***Вечность***, которая не просто нейтрально стоит за Временем,

следственно, и за Бытием, а, оперируя Великим Неизвестным и Иным, дозволяет Времени быть временем, а Бытию – бытием, не давая им покоя, изменяя, умерщвляя, но и допуская их воспроизведение, пусть и до срока!

А что сегодня, в эпоху Постмодерна и его бесцеремонно-бешеной атаки на человека и человеческий мир, причём *акцентированно сатанинской*, а не всего лишь ново-цивилизационной? Сегодня как раз время разгула Апокалиптики, когда Апокатастатика не может не то что ограничить её, а, что совсем не исключено, этого делать и не хочет, заключив с Апокалиптикой, может, и временный, но союз, ибо на планете развернулось не просто *перестроение* человеческого мира, даже не просто его *трансформация*, а самая что ни на есть ***трансгрессия*** мира человеческого в *иной*, уже и ***постчеловеческий***, мир.

Отсюда нынешний мир человеческий, уже и изрядно постчеловеческий, не просто мир-*баламут*, мир-*кризис*, мир-*хаос*, мир-*война*, но ещё и мир, поражённый в самое сердце своим отъявленным противником-бастардом – ***антимиром***, выполняющим функцию тарана, но не так пробивающего бреши в земно-космическом человеческом мире, как его – этот мир – в целом разлагающего, ослабляющего, рассеивающего, аккурат ради полного утверждения на его месте уже возникшего, бытующего и бурно развивающегося технотронного ***постмира*** (мало что *пост*-человеческого, так ведь ещё, по утверждению Ю.М. Осипова, и вообще *после*-мира!).

Мир сегодняшний, как, собственно, и прежний – мир-*борьба*, даже, можно сказать, и борьба-*мир*, причём не просто борьба между разными зе́мными мирами вроде борьбы Запада с Россией, Запада с Востоком, Запада с Югом, как и Запада с тем же исламским миром (западный мир ныне, да, собственно, уже и давненько – главный источник нынешнего апокалиптического противоборства миров на планете), даже не просто борьба между миром и антимиром, как и не борьба *всё-ещё-человеческого* мира с *технотронным постчеловеческим* миром, это, по мнению Ю.М. Осипова, ещё и глубокой сакральной мотивации борьба человеческого мира, бросившего протестный вызов Богу, Мирозданию, Времени и Вечности, себя пересотворившего по своему разумению и собственным лекалам, борьба человеческого мира... ***с самим собою***, не то чтобы вдруг осиротевшего, но явно оставшегося один на один с самим собою, мало того, оставшегося один на один с Природой и Космо-

сом, в адрес человека-преобразователя вовсе и не умилительно довольными, борьба, которую миру человеческому не то что не миновать, а ещё и погрузиться целиком и полностью в неё надо, – и только посредством *апокалиптической схватки с самим собою* рассчитывать на возможность, если повезёт, *дальнейшего сражения с Природой и Космосом*! Странно, парадоксально, нелепо, так ведь что в сем Мире-Мироздании не странно, не парадоксально, не нелепо?!

Совсем не простая «тугоузлоподобная» ситуация сложилась на планете Земля на рубеже XX и XXI вв., явно требующая витогенной развязки, но которой вследствие явной апокалиптичности что самой этой ситуации, что её развязки, ни споро автоматически, ни переговорно тягуче достичь невозможно, как невозможно и достичь в ядерный век и спасительно-войновской развязки, что то же самое – разрубки тугого ситуационного узла, отчего мир человеческий и признал по очередной западной инициативе затяжную гибридную и фантазийно маневренную в аспекте смены характера, способа, сферы и места ведения, как и максимально плотную в плане информационного и пропагандистского прикрытия, во многом симуляционную и даже театральную, *прокси*-войну, пусть с кое-какой и кое-где и натурально войновской войной впридачу, тем самым втянув себя в роковой образ мира-*войны*, а то и войны-*мира*, и обеспечив вольно или невольно втаскивание планеты в бессрочную эпоху ***Войны***!

Тут важно учесть два обстоятельства: во-первых, имманентное реальности, хотя и в основе трансцендентное, стремление этно-нацио-страновых образований, какими бы они ни были по манере бытия, присущей им культуре и цивилизационному образу, как и по размеру и силе, к тому себя представительству в этом мире, которое можно было бы назвать на генно-глубинном уровне исходной ***самостью***, раскрывающуюся с тем или иным успехом в текущем бытии в поведенческой особости, в чувстве самоуважения, а если повезёт, в самостоянии и самостоятельности, суверенности и независимости, в общем – в той или иной ***личностной субъектности***, что как раз и вызывает естественное с их стороны сопротивление любому над ними внешнему давлению, управлению, диктату, что в общем-то понятно, хоть и не всем зе́мным субъектам эта самость достаточно удаётся, как и не всем на «шарике» субъектам эта самая кое-кого самость очень уж нравится, в особенности

неким *сильным мира сего* из правящей-де миром высшей идео-полит-финансовой среды (той же англосаксонской), однако вывод тут однозначен и неприступен: никакого адамовско-библейского образца человека-вообще на Земле не существует, а есть лишь разные изначально люди, племена, народы, расы, пусть и не изолированные друг от друга, пусть и в той или иной мере перемешанные пусть и изменяющиеся, пусть и ищущие новую для себя самость, но мало что к единому эталону, которого в реальности и нет, не сводимые, но и не могущие при всём чьём-то желании к нему свестись, что при этом не мешает разным по типу людям, племенам, народам и расам общежитействовать в одних и тех же территориально-институциональных пространствах; во-вторых, что не столь очевидно и что менее всего приемлемо любителям заносчиво править планетарным миром из единого (*одного!*) центра, а именно: никакого эффективного для всего мира в деловом, затратном и экзистенциальном аспектах управления земно-космическим человечеством нет, не было и быть не может, а всякий, кто (лидер, этнос, народ, нация, государство) на это решается, непременно терпит на этом мифотворческом, хоть на срок вроде бы успешном и даже высокодоходном, вполне реальное поражение, а в нынешнее высокодинамическое время и весьма незамедлительно.

Что же касается нынешних самоуверенно устраивающих на планете «управляемый хаос» англосаксов с их англосаксонским финансово-технотронным глобализмом, как и касаемо коекого из поднимающихся ныне прямиком в поднебесье новых претендентов на экономико-технотронное общемировое лидерство, пусть даже пока ещё на этот заманчивый, но крайне рискованный, путь явно не вступивших и благоразумно, быть может, на него никогда не вступящих, то всем им надо бы иметь в виду не только эсхато-судьбы Британской империи, Третьего Рейха или того же японского империализма, но и аналогичную судьбу уже трещащего по швам нынешнего американо-британского глобализма, но также неплохо бы помнить и о судьбе уже канувшего в лету евросоветского мирового масштаба революционно-системного социал-эксперимента, как и не стесняться учитывать нынешнюю несостоятельность ООНовского мирового... нет, не порядка, конечно, а, скорее, всего лишь... некой, крайне сейчас ненавязчивой, вполне и симуляционной, склонности ООН к упорядочению планетарного бытия, а в итоге надо бы принять во внимание загадочную, вполне и трансцендентную, вполне и вавилонской ал-

горитмики, *невозможность* установления в земном человечестве хоть силового, хоть договорного, хоть какого-то ещё эффективного и долгоиграющего ***Единого Мирового Порядка***, разве лишь, на что кое-кто сегодня в мире и надеется, с единообразным, техногенным и оцифрованным постчеловеком, ведомым «искусственным разумом», но, увы, во-первых, в уже фактически не человеческом и даже уже не зе́мном постмире, а во-вторых, даже и эта «фэнтези» весьма проблематична, ибо *кто* же тогда из постчеловеков и *кем* из постчеловеков будет управлять, как проблематичен и сам немало утопический переход к *постми́ровому постчеловечеству*, априорно беременный опережающей совершение сего перехода земно-космического масштаба, вполне и конечной, *апокалиптической катастрофой*!

Мир человеческий ныне в ми́ровом по масштабу, объёму и разнообразию *хаосе* – ХАОСЕ!, это безусловно мир-*хаос*, что не значит, что как-то антихаосно устроенного мира вообще нет, он есть, может, и равный своим устроением по удельной мощи хаосу, но хаоса ныне всё-таки никак не превосходящий, наоборот, ему уступающий, даже хаосу и потворствующий, отходя на задний план, отчего бытующий, хоть и немало вопреки хаосу, однако мало что в хаосе и через хаос, но даже и... *благодаря* ему, ибо, во-первых, в хаосе бывает как легче иной раз выживать, так и добывать заслуженный-де гешефт, а во-вторых, изменяться, перестраиваться, обновляться, становиться *иным*, да и сам хаос не лишён творческой потенции (***творящий хаос*** – идея-категория Ю.М. Осипова), отчего и сейчас он – ХАОС! – воцаряется на планете не ради ли каких-то *больших перемен* – БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН! – в планетарном бытии в сторону чего-то *иного* – ИНОГО?! – через ту же борьбу за экологию и ресурсы в угоду избранной («золотой») части человечества, как и за априорную экономию ресурсов для бросовой (приговорённой к исчезновению) части человечества; через борьбу также за технотронно-оцифрованное будущее остаточного от новой научно-технической революции (и экзистенциальной тоже) постчеловеческого человечества; далее, через ставшую остро актуальной в ходе войны Запада со всем незападным (хоть и вестернизированным) миром борьбу *за* и *против* глобалического англосаксонского правящего центра с его империо-колониальным глобализмом вперемешку со встречной борьбой англосаксов за и против многополярного (полицентрового) устройства планетарного мира.

Ещё на рубеже 1990–2000-х гг. Ю.М. Осипов, убеждаясь в неозможности эффективного и приемлемого для всех акторов планеты управления мировым хозяйством, следственно, всем жизнеотправлением, из единого центра (тогда англосаксонского), выдвинул тезис о неизбежном кризисе глобализма и непременном распаде мирового хозяйства на *большие целостные части*, назвав сей феномен ***партикуляризацией планетарного мира***, в основе которой не могло не оказаться историо-традицийно-индивидуальное тяготение групп акторов друг к другу с признанием империального характера новых частных образований (с имперскими центрами-лидерами в каждом из регионов, разумеется, не строго геграфических), что, собственно, не просто ныне происходит в условиях мало что нарастающего всемирного социо-международного кризиса-хаоса, но и уже ведущейся, пусть пока и гибридной, войны, причём не только Запада со всем миром, хотя и прежде всего с Россией и Китаем, но и нынешних лидеров Запада англосаксов с тем же европейским (неанглосаксонским) Западом – как раз с континентальный Западной Европой (с тем же ЕС), что не только ведёт к базисной дифференциации планеты, но и к возможности образования в новоматричном составе мира большого англосаксонского монолита (США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия, плюс Япония с Южной Кореей) с далеко идущими последствиями как для остального (неанглосаксонского) мира, так и для всего планетарного мира в целом (уже вкупе с англосаксами) – по причине могущей быть развязанной сим монолитом *войны всех против всех* – ***Армагеддона!***

В общем, на планете ныне *хаос, борьба, война, перемены*, а вот что же из всего этого в итоге: *новое бытие, инобытие* или совсем не такое уж новое... *небытие*, чему как раз споспешествуют Вечность и Время, Великая Неизвестность и Иное, а вот что же тогда предположено Промыслом, а что думает на сей счёт сам Господь Бог... э-э... если б знать, если б знать... да вот знать *этого* вовсе и не надо, как никогда не надо знать в точности будущего, ибо нельзя терять Надежды, а Надежда в человеке и есть присутствие в человеке Господа Бога, как и самого будущего, а вот быть готовым и готовить себя к неизвестному будущему непременно надо, прозревая в меру сил его смутный абрис, не впадая при этом ни в самоуверенность, ни в отчаяние, ни в суетность, ни в оцепенение, а лишь деловито взаимодействуя с Софией, отчего и не от-

вергать высокомерно *философии хозяйства* и не отворачиваться в испуге от *софиасофии*, которые ведь совсем не случайно явились человеку в роковое, если не окаянное, для него время!

Современность – время *трансгрессии* зе́много мира через посредство *постмодернового* антимира (выражение Ю.М. Осипова), цифровизации, информатизации и искусственного интеллекта в *постмир* (термин Ю.М. Осипова), а человека в *постчеловека*, отчего на пути человечества вполне может встать не что иное, как *бездный хаос* – БЕЗДНЫЙ ХАОС!: из Бездны вышел по воле Господа земный мир, никогда её насовсем и не покидающий, включая и свою человеческую составляющую, в Бездне и сгинет, как раз не без посредства уже *постчеловеческой* составляющей. Здесь никакое не пророчество, а всего лишь вынужденная констатация: проект под названием «ЧЕЛОВЕК», кажется, завершается, хоть смертный человек не может и не должен это рассматривать как непременный императив.

Не игнорируя никакого из возможно-невозможных шансов для будущего пребывания человечества на Земле и в Космосе, а то и в Небытии, осиповская философско-хозяйственная школа имеет сегодня немалое основание, пусть всего лишь шанс, утверждать, что сегодня сокровенный ключ в будущее человечества, причём в любое будущее – переломное, обновлённое или эсхатологически роковое, хоть и в руках противоборствующей между собой великой геостратегической троицы – США с Великобританией за пазухой, Китая и России, но так уж сошлось, а может, и промыслительно предвиделось, более всего в руках, ежели не в зубах, как разунынешней, круто противу себя пореформенной, беспощадно перелопаченной, хищнически обглоданной, изрядно вестернизированной, дьявольски соблазнённой и немало развращённой, брошенной в адоподобное существование, однако ни с того, ни сего... *поднимающейся*, аки атомная подлодка посреди Ледовитого океана, России (РФ), ведущей с Западом экзистенциальную, хоть с предательски торчащими с обеих сторон имитационно-розыгрышными ушами, войну, может, и не на смерть, то уж за *свою* жизнь точно, а с Востоком ведущей неоднозначное, тоже с торчащими отовсюду разоблачительными ушами, «взаимовыгодное» сосуществование, однако при этом способной, в отличие от самоуверенных и занятых поддержанием или ростом своего нажитого или пока ещё наживаемого величия «партнёров» по троице,

к внезапной для мира и самой себя *судьбоносной импровизации* – как имманентно из субъектных глубин вдруг продиктованной, так и насильно выдавленной контекстными обстоятельствами; страна, пережившая за последнее столетие две тяжкие мировые войны и две сокрушительные революции, при этом не только оставаясь в живых, пусть и в новых образах и конфигурациях, но и каждый апокалиптический раз так или иначе вновь поднимаясь, одерживая при этом победы и беря небесные (космические) высоты, эта-то страна способна пойти и на третью судьбоносную пертурбацию, что войновскую, что переворотническую, причём вовсе не так, может, и для себя, как для всего, как это бывало и ранее, планетарного мира.

Россия сегодня – самый чувствительный, плодоносный и даже роковой сингуляр планетарного бытия!

Заключение экстраординарное, к которому Ю.М. Осипов пришёл не просто так, а погрузившись с волнительного рубежа 1980–1990-х гг. в смысло-событийный контент родной страны – России, не избегая его тесной взаимосвязи со столь же смысло-событийным внешним контекстом, став поначалу *россиеведцем*, а затем, будучи уже софийным философом, пройдя немало страдный и даже страдательный путь в познании, открытии и понимании родной страны как её верный сын, гражданин и добросовестный учёный-концептуалист, став последовательным *россиеасофом*.

В 1990 г. Ю.М. Осипов написал, а в 1991 г. опубликовал, первую свою историасофскую работу, выше уже упомянутую: ***«Перестройка или апокалипсис?»***, обращённую к протекавшей тогда российской, расплывавшейся аки раскалившаяся лава, действительности, вполне на тот момент статью злободневную, даже и осевого значения, фактически первым заметив *апокалиптический мотив* всего происходившего в стране и обратившись в его оценке к загадочному и незабвенному библейскому источнику.

Решительно переместив исследовательски-размыслительный акцент с внешней (зарубежный, западной) сферы на внутристрановую, Ю.М. Осипов, глубоко и чувствительно задетый вроде бы внешне антисоветскими, а по сути-то антироссийскими, событиями рубежа 1980–1990-х гг., сосредоточил внимание как на актуальной страновой ситуации, так и на вообще русо-российском бытийном феномене, не исключая ни доисторических времён,

ни древних исторических, ни средневековых, ни так называемых новых, ни новейших, напряжённо осмысливая очередное трансгрессивное бешенство, разыгравшееся в стране, ну и, конечно же, маячивший впереди спектр предстоявших исчезающей державе возможных перспектив, не исключая и оппозиционной относительно властно творимому в стране «преобразованию» невозможной возможности, вовсе и не утопической – *сохранения и возрождения генетической предопределённости и объективной геостратегической заданности родной страны.*

Письменным работам и устным выступлениям на различных научных и административных форумах Ю.М. Осипова по исторической и актуальной проблематике России несть числа, отчего всего им проделанного здесь не раскрыть, однако есть, безусловно, веховского наряда труды, в которых нашла отражение, если не закладывалась в своих основах, ***философия России*** (явное до сих пор белое пятно в осмыслении России как метафизического, а не только факто-исторического, феномена), в которых утверждалась самобытность России как России и раскрывались принципы её самостного существования, а также настойчиво предлагались и отстаивались необходимые для нынешней России постреформенные перемены, как и содержались вполне себе реалистичные, пусть и не самые приятные для патриотического сознания, предвидения.

Руководимый Ю.М. Осиповым *Центр общественных наук при МГУ* вкупе с созданным при нём *Философско-экономическом учёным собранием* (около 400 членов) превратился в очаг... нет, не произвольного свободомыслия диссидентского пошиба, а... свободного альтернативного мыслеизъявления, вполне и ответственного за судьбу родной страны.

Важно при этом подчеркнуть, что обращение Ю.М. Осипова и руководимого им учёного собрания к отечественно-российской тематике (хотя и не только к ней) было пусть и не единственным в стране, но явно для научной и административной среды необычным и вполне себе пионерским, мало того, не просто остросюжетным и точно бившим по актуальным целям, но и явно опережавшим время, что нетрудно заметить, сравнив по критерию реальной достоверности текущее в 2020-е гг. конфронтационное России с Западом «времечко» с недавно ещё якобы «партнёрскими» для России с Западом временами.

Многие годы назад (в масштабе десятилетних измерений) было сказано Ю.М. Осиповым и его коллегами *то*, что сейчас свободно и охотно культивируется (естественно, без ссылок на чьё-либо предшествующее авторство, а как бы авторски уже своё!), а ведь говорилась *всё это*, когда в стране господствовали совсем *иные*, как раз прозападные и даже антироссийские (как и про-элитно-олигархические), идеи, идеологии и практики, а в страновой интеллектуальной и немало в административной среде преобладало унылое соглашательство вкупе с умным умолчанием, сдобренные чувством и кое-какого небезрассудного страха.

С внутренней протестной дрожью были встречены Ю.М. Осиповым горькие слова, произнесённые в разгар «рыночных» прозападных реформ 1990-х гг. одним выдающимся мыслителем-соотечественником, бывшим поначалу естествоиспытателем, а ставшим затем знаменитым гуманитарием – защитником советской цивилизации, её несомненных индустриальных достижений и небывалых социальных завоеваний: «*От нас* (россиян – *Ю.О.*) *требуется ещё заслужить право быть эксплуатируемыми!*». Ничего себе: мало что прозападная по характеру реформа, так ещё и цинично-колониальная по цели и, как стало вскорости совсем уж ясно, по результату тоже! Заслужить право быть на свете, но исключительно лишь в позиции эксплуатируемых! Каково! И не здесь ли кроется главная разгадка нынешнего противоборства с Западом, включая и весьма растерянную Западную и явно ощетинившуюся против России Центральную (бывшую социалистическую и даже будто бы просоветскую) Европу? Увы... *здесь*!

Сему патриотическому мыслителю принадлежало и другое заявление, сделанное примерно в то же время: *«Западу не удалось сломать генотип русского народа»*, что было тоже впечатляюще, а главное, обнадёживающее! Однако Западу совместно с доморощенными западниками много чего удалось-таки добиться, пусть и не отменить насовсем русскую генотипию, но зато сталось внедрить в русский мир отрицательную, тоже генотипическую, нерусскость, как и вознести над русским миром ещё более отрицательную, уже «домовую», антирусскость, что как раз ныне и подтверждается нарастающей схваткой уцелевшего русского генотипа со своими ожившими и озверевающими антиподами.

В 2001 г. Ю.М. Осипов опубликовал в *«Независимой газете»* обстоятельную статью ***«Среди нас, в нас, выше нас. Мерцаю-***

щие контуры российской государственности», в которой чуть ли не впервые в советское и постсоветское время утверждал ***имперский характер России***, соответственно, СССР и нынешней Российской Федерации, находя необходимым вести в стране *имперское*, управляемое из центра, хотя и не тотально плановое, *многоукладное хозяйство*, включая и *экономическую составляющую* с подконтрольной центру финансовой системой, естественно, хозяйство суверенное, но с подконтрольной центру его открытостью во внешний мир, а также предвидел в стране наступление *«административной революции»*, которая, надо особо заметить, таки свершилась к концу нулевых годов, правда, с достижением более всего достаточно тесного и масштабного единения административной системы (читай власти) с крупным отечественным, как и немало с зарубежным, бизнесом (складывание административно-экономического комплекса – АЭК), что, может, и было неизбежно, но вряд ли вследствие накопительского эгоизма АЭК и его прозападной, пусть и частично вынужденной, ориентации, оказалось мягко выражаясь, вполне приемлемым для страны, и что затем, спустя годы, теперь уже вполне и вынужденно, было частично переориентировано вовнутрь, да не так, увы, в интересах всей страны, как более всего интересах всё того же АЭК.

В 2003 г. выходит в свет по инициативе и при авторском участии Ю.М. Осипова важнейшая в историософском, политическом и социохозяйственном, включая и преобразовательный, аспектах коллективная монография ***«Феномен Сталин»*** с выдающимся составом авторов и столь же выдающимся содержанием, в которой непредвзято, хотя и не без острой критики, рассматривались не только личностный феномен вождя, тирана и преобразователя, но и исторический период в бытии России (тогда СССР) – ***эпоха сталинизма*** (не так социализма и советизма, как именно ***сталинизма***, вполне и имперского – подход Ю.М. Осипова), как и уроки – трагические, разрушительные и одновременно конструктивные, героические, ею – этой эпохой – преподнесённые. Монография была посвящена тогда 250-летию Московского университета, в судьбу и развитие которого Сталин со сталинизмом внесли существенный позитивный вклад, и отправлена по официальному каналу Президенту Российской Федерации. Через некоторое время было замечено, что предосудительно-карикатурное изображение Иосифа Сталина и предвзято негативное в СМИ

отношение к э***похе сталинизма*** и ***сталинской цивилизации*** (термины Ю.М. Осипова), просуществовавших в том или ином виде явно до 1991 г., прекратились, хотя публичная критика в адрес Сталина и сталинизма сохранилась, обретя при этом более рассудительный и аргументированный характер. Дождался призрак Сталина с его сталинизмом и публичного в свой адрес оценочного позитива, пусть пока и не официального. Уместно особо заметить, что сталинская цивилизация (этатическая, армейского образца, однопартийная, авторитарная, имперская, по-своему и демократическая, точнее, народная) являла собой пример, пожалуй что, и единственный в Новое время, реальной, пусть и не на все 100 процентов реализованной, ***соборности*** (тезис Ю.М. Осипова): *гражданской, товарищеской, равноправовой, национальной,* как и, разумеется, *имперской*.

В 2005 г. вышла по инициативе, под редакцией и при авторском участии Ю.М. Осипова другая важная коллективная работа – монография ***«Империя Россия»***, в которой усилиями высокопрофессионального авторского коллектива не просто утверждалось, что Россия в лице нынешней Российской Федерации есть ***империя***, а утверждалась и сама ***Россия как империя***, исходя из тезиса, что *либо Россия империя, либо никакой России попросту нет*, как и утверждалось, что Россия – особенная империя – *гомогенная*, что она империя прежде всего по своему централизованному, иерархическому, пирамидальному устройству (по вертикали), но при этом и многонациональному, многоконфессиональному, многорегиональному строению (по горизонтали), ещё и с историческим негегемонистическим приоритетом русского (даже и руссо-православного) этно-лингво-культурного начала, однако империя, будучи не колониальной, имевшая и имеющая и внешние имперские интересы,задачи,функции и обязанности как относительно окружающего её дружественного, не очень дружественного и вполне себе враждебного контекста, так и относительно вообще всего планетарного мира.

Центр земно-космической магио-исторической силы, он и есть центр земно-космической магио-исторической силы, однако тут для России не так удовлетворение, да ещё и с выгодой, как бремя с тяглом, затратами и жертвами, в отличие от других – как раз *гетерогенных* – мировых империй вроде почти уже бывшей британской или той же нынешней американской империй, никогда

не стеснявшихся извлекать из своей империальности большущую выгоду, перекладывая основные тяготы, затраты и жертвы на свои заморские колонии, на своих же, ими вполне идейно-политически замордованных, вассалов.

В том же 2005 г. вышла ещё одна объёмистая книга, уже для Ю.М. Осипова собственно авторская, но зато какая символически и содержательно значимая – ***«Постижение России»***, в которой Ю.М. Осипову удалось не только ответить на актуальные запросы родной страны, яростно, пусть в чём-то тогда и вынужденно, хотя немало и желаемо, властью вестернизируемой, но и показать глубинную суть России, её несмытое веками соответствие, пусть весьма регулярно изнутри и всегда настойчиво извне отрицаемое, нарушаемое, гонимое и даже презираемое, *соответствие самой себе*, как раз той самой *самости*, восходившей к бытийному изначалью, к сотворению мира, жизни, человека, не уничтоженной ни норманьщиной, ни ордынством, ни византийством, ни европеизмом, ни коммунизмом, не могущей быть уничтоженной и нынешней глобо-вестернизацией.

Автор вскрыл, вполне и уникально, суть уходящей в глубину веков неистребимой *русскости*, свойственной всем русским людям – как ***неотмирности***, сделав это, пожалуй что, впервые в истории Руси-России, решительно уйдя от набивших оскомину ходячих и старательно задогматизированных о родной стране презентативно-оценочных измышлений. Автору посчастливилось воображенчески погрузиться в самое лоно Отчизны, разумеется, духовное, идеальное, метафизическое, трансцендентное, что стало для него возможным как вследствие своей органичной принадлежности к русскому народу – труженику, воителю, страстотерпцу, герою, так и вследствие органического знания отличной от отечественной евро-западной заграницы, как раз в весьма успешные для неё времена, причём вовсе не негативного о ней знания, наоборот, весьма и позитивного, однако позволившего сделать вывод о *сеюмирности* этой самой заграницы и, наоборот, *неотмирности*, если прямо не ***ино****мирности*, родной страны.

Да, умом Россию не понять, аршином общим не измерить, да вот и не надо этого делать: Россией надо просто жить, лишь держа сердце своё в России, а Россию удерживая в сердце своём, исходя из того простого, может, не сразу и воспринимаемого, факта, что *Россия как раз и есть для русских не что иное, как*

их первая и последняя вера (утверждение-убеждение Ю.М. Осипова)! Трудно, тяжко, почти что и невозможно жить Россией как своей ***верой***, а ведь надо, надо! Россия вовсе не идиллична, она немало даже и страшна, однако, либо ты в России и с Россией, а она в тебе и с тобой, либо ты не русский, которых в стране хватает, даже этнически вроде бы русских. Не всякий русский выдерживает экзистенциальный брак с Россией, вышедшей прямо из Бездны и её собою прикрывающей, да вот не ради себя, а ради, надо полагать, ПРОЕКТА – как раз Божиего, исполнению которого есть свой, никому из смертных не известный, а может, пока даже самому Господу Богу Творцу тоже не известный, коль скоро *земно-космическое творение ещё продолжается!*

Будучи коренным этнически русским, воспитанным в живой русскости, бытуя среди русских людей, Ю.М. Осипов не преминул в обстановке нараставшего в реформенные и пореформенные годы если не открытого поношения, то уж, деликатно выражаясь, лукавого игнорирования, *русских, русскости, русского мира,* не преминул выступить... нет, не ради вовсе защиты отрицавшегося тогда исподтишка, предвзято и злобно родного ему мира, который фактом своего исторического существования ни в какой-такой защите не нуждался... а всего лишь ради очередного характеристически убедительного подтверждения факта продолжения бытия этого мира, пусть и в обывательском измерении, может, не такого уж и благого, и пристойного, и для комфортной жизни не очень-то приемлемого, как и выступить в пользу своей личной духовно-нравственной принадлежности этому миру, причём вовсе не просто этнически сыновней, а и духовно-культурной, причём миру мало что воистину *супер*этническому (с огромной разноэтнической составляющей), а ещё и миру *мега*этническому, чуть ли не *расового* порядка (не путать с расхожей трактовкой рас и их состава!), исполняющему, осознавая это вполне или нет, какую-то особенную целевую земно-космического масштаба трансцендентную *сверхзадачу*.

Русскость и соответствующий ей русский мир давнего, ещё доисторического, не говоря о дохристианском, происхождения, как известно, более всего ведического, отчего и не сугубо восточноевропейского, а и, что совсем не исключено, ближневосточного, а может, и ещё более восточного, ближе к Индии, вобравшие в себя и продолжающие вбирать всё из земно-космического, не ис-

ключая и бездненского, и преисподненского, и неизвестненского, и инаковского, удерживая всё это в себе, переваривая и выдавая на свет Божий аки творческий сингуляр уже как *русское* – потаённое, неопределённое, странное, порой и страшное, а более всего – *спасительно-роковое*!

Хоть и правильно было сказано, что в вере Христовой нет ни эллина, ни иудея, стало быть и русского, но так ведь то ж в вере, а не в реальной жизни, в которой, пусть и пронизанной той или иной верой, находится место и эллину, и иудею, и русскому, мало того, не замечено, чтобы любой из верующих во Христа или того же Магомета этносов отрекался от себя как от этно-культурного феномена, более того, ничто не мешает единоверцам враждовать между собой как раз по этно-культурному критерию, как и по тому же критерию объединяться, особенно в случае опасности, в единое целое.

И хотя русские по большей части стались православными, это не значит, что между русскими и православными надо ставить знак равенства, а если уж ставить сей знак в связи с русскостью, то исключительно, по Ю.М. Осипову, *между русским... русским!*

В 2003 г. вышла статья Ю.М. Осипова в газете «Завтра» с неожиданно-дерзким на тот момент названием ***«Русский мир и я нём – русский!»***. Это когда говорить о чём-либо русском в лояльном позитиве было либо неуместно, либо неприлично, либо попросту глупо, а для говорившего и репутационно-карьерно весьма рискованно. Однако (Sic!) *сказал*, аж в 2003-м сказал, хоть и раньше тоже говорил, хотя бы в той же своей *«Российской Реформации»* (1994), да вот снова, уже в нулевых, заговорил, чуя нараставшую не просто оппозицию русскости и русскому миру, а всё более становившуюся явной, откровенной и неприглядной ненависть ко всему русскому, а заодно и к России, хоть и бывшей тогда в образе вроде бы подчёркнуто лояльной ко всему нерусско-нероссийскому контексту и с усердием и спешно переделываемой под Запад Российской Федерации, та самая ненависть, получившая через непродолжительное время достойное себя именование ***русофобии***.

Родилось со временем, уже в разгоревшуюся войну Запада, если не полумира, с Россией-РФ, и подходящее под человеконенавистническую ситуацию сравнение уже гонимых «просвещённым человечеством» «диких русских» с ещё совсем недавно гонимыми

тем же «просвещённым человечеством», пусть и вроде бы не «дикими», евреями, а русофобии с юдофобией: русские, мол, заняли ныне место евреев! Оставляя сие мудрое заключение в когнитиве его авторов, нельзя не отметить факт появления ещё в 2000 г. в *«Независимой газете»* любопытного провидческого текста на сию тему, написанного одним известнейшим учёным и политическим деятелем, под названием ***«Русский холокост»***, на что Ю.М. Осипов откликнулся своим текстом ***«Русский вопрос»***, правда аж в 2014 г., где, признавая неприятие русского мира и давление на него извне, как и стремление его уничтожить, посетовал и на наличие поразительного умения русских устраивать самим же себе неугасаемый во времени свой собственный «холокост» – что есть, то есть: Преисподняя и Небеса в России ведь в одном, что называется, флаконе!

Быть вполне и до конца русским совсем не просто, точнее, и невозможно, почти невозможно, а то и совсем невозможно, однако приходится, а магическую силу *быть* даёт не только пример преданных Родине предков, что из коренных русских, что когда-то к русскому миру примкнувших (обрусевших), не только священное для русских этно-историческое Предание, она же и Традиция, а и, что объяснимо лишь в трансцендентном русле, то бишь... вовсе и не объяснимо, но что всё-таки... принимаемо, а именно – *Тайной*, однако не вообще сакральной тайной Бытия, Мироздания, Жизни, Софии, Бога, самого человека, а столь же сакральной особенной тайной – ***Тайной Руси-России***, да не так посредством ясного осознавания сей Тайны, а... э-э... как бы само собой, почти что и неосознанно, интуитивно, трансцендентно, ибо быть русским – быть с тайной и в Тайне, мало того – и самому быть *тайной*, отчего и быть неопределённым, вибрирующим, разным, крайним, неуловимым, непонятным, да ладно бы для других, а и для себя самого тоже, а главное – нести кое-какое неизвестное, но явно сакральное, бремя, трудясь, творя и вытворяя, сражаясь, терпя лишения, жертвуясь, подчиняясь, перенося беды, выстаивая, бунтуя, беснуясь, в общем – то ли живя, то ли всего лишь переживая, а то и не живя, а так... экзистенциально по жизни перебиваясь.

Отчего и, раскрывая загадочную русскость, написал в 2007 г. тезисы ***«О русскости»***, в 2012 г. развил русскую тему, подготовив и опубликовав текст ***«Русские из истории, в современности и для будущего»***, а в 2015 г. подтвердил своё особое русское

мнение о русскости, русских и себе самом в беседе с одним из российских писателей, опубликованной в электронном литературном коллайдере и названной ***«Русские мы, и никакие другие»***.

Худо-бедно, но в стране заговорили-таки, правда, уже с явно развернувшейся экзистенционально-эсхатогенной войной за существование и за будущее, причём заговорили вполне открыто, озабоченно, даже и по-честному, пусть и в ответ на яростную русофобию, на дружное отвержение России-РФ, попытку её изоляции и удушения (гуманисты ведь вокруг!), но таки заговорили, особливо по случаю вдруг случившейся в стране частичной военной мобилизации, а ведь тогда-то, ещё в нулевые и даже в девяностые, приходилось-то говорить мало что заблаговременно, так ещё и в обстоятельствах ладно бы внешнего неприятия России, русскости, русского мира, а то ведь и внутреннего происхождения ко всему русскому небрежения, высокомерно проявляемого обуянными помрачением и беспамятством доморощенными любителями собственного национального «холокоста», а по-нашему – *суицида*!

Уделяя пристальное внимание современной, уже XXI века, следственно, пореформенной, то бишь вышедшей из 1990-х, России в образе Российской Федерации, активно приспосабливаемой тоже вышедшей из 1990-х властью к глобо-прозападному бытию, руководимый Ю.М. Осиповым Центр общественных наук вкупе с возникшим вокруг него учёным сообществом провёл на базе МГУ совместно и под эгидой Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации ряд научно-практических конференций – ***Малых университетских форумов***, в задачу которых входило концептуальное осмысление социо-хозяйственного развития страны и возможностей её движения по органичному её природе и истории пути – не только суверенному, самостоятельному и самобытному, но и соборному, великодержавному, имперскому. Выработанные рекомендательные итоги форумов доводились через посредство Совета Федерации до высших правительственных инстанций, включая и президентскую. Тем самым форумы подтверждали не только идейно-концептуальное, но и вполне себе практическое значение философии хозяйства, как и софийного мировоззрения.

Уникальный то был случай взаимосвязи учёной мировоззренческой мысли с социохозяйственной практикой государства, что имело-таки фактическое подтверждение – пусть и не во всём,

вовсе и не афишированно, не всегда и оперативно, а лишь через какое-то время – в идейно-политических демаршах и практических действиях высшей власти. Чтобы убедиться в этом, достаточно повнимательнее взглянуть на проблематику форумов и отнести её с реально в стране происходившем и ныне происходящем. На сугубо гуманитарных форумах не поднимались, разумеется, вопросы безопасности, обороны, армии, оборонной сферы производства или того же освоения Арктики, зато поднимались другие, остро актуальные и крайне судьбоносные для страны проблемы социального, хозяйственного, политического порядка, которые только и могли поднимать патриотически настроенные гуманитарии-концептуалисты, руководствуясь известным девизом: ***«Кто, если не мы?»***

2004 г. Первый форум *«Глобальное и национальное в экономике».*

2005 г. Второй форум: *«Россия – великая держава (вызовы современности и поиски перспективного россиеведения)».*

2007 г. Третий форум: *«Россия сосредоточивается: воля к жизни процветанию».*

2008 г. Четвёртый форум: *«Национальная элита – судьба России».*

2009 г. Пятый форум: *«Российское перестроение: политика, экономика, общество»*

2013 г. Шестой форум: *«Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства: экономика и политика».*

Разве не в ногу с актуальным временем, разве не в интересах России, как раз той самой, что в веках и которая в подоснове нынешней Российской Федерации? А что же всё-таки конкретнее: да всего лишь ***экзистенциальная национализация*** (тезис Ю.М. Осипова) России, её государства, её элиты, её политики, её экономики и финансов, её образования, её будущего наконец, да не просто национализация России, а и её ***россиезация*** (тезис Ю.М. Осипова). Что тут несуразного, ненужного, несбыточного, фантазийного, утопического? Ничего! И сама реальность всё это, тогда лишь проговаривавшееся, подтвердила, пусть и не сразу, и не без влияния свершившейся-таки конфронтации с Западом, и с разгорающейся войной с ним, но ведь подтвердила же, причём прямо с момента знаменитой мюнхенской речи российско-

го президента в 2008 г. Она – реальность – заставила вспомнить о великодержавии России, её имперскости; алкать былой всесторонней суверенности; обратиться к традиции; воззвать к патриотизму; сосредоточиться на своём, на родном, на российском, на русском; обратить настороженное внимание на весь всемирный геостратегический контекст; изобличить Запад с его колониально-вассалическим глобализмом; а главное – повести-таки ***социально-хозяйственное перестроение*** (тезис Ю.М. Осипова), как раз то самое – на марше, с ходу, без разрушения и нуллификации всего и вся, конструктивно, почти и по-сталински!

Да, России, её гражданам-патриотам нужна победа, однако не так над определившимся врагом, хоть это и важно, как *над самими собою*, отчего нужны ***перемены, перемены*** и ***перемены!*** Не будучи ни астрологом, ни шаманом, ни даже великим математиком, Ю.М. Осипов публично указывал на надвигавшуюся войну Запада с Россией уже с середины 2010-х гг., как и указывал на необходимость всесторонней мобилизации, вовсе ещё не сугубо армейской, а всего лишь гражданской: власти, государства, нации, системы управления, интеллекта, образования, воспитания, хозяйства, экономики, в общем – по всему экзистенциальному кругу-фронту. Не делали всего необходимого тогда – по своей воле, делаем теперь – уже по воле жгучих обстоятельств, а на метафизическом уровне – по воле Великой Неизвестности и Иного, по воле Софии, а то и самого Господа Бога!

Однако была и весьма проявлялась в то время *учёная воля*, хоть и не близкая физически к высшим центрам принятия судьбоносных для страны решений, но зато метафизически близкая к пониманию возникавших в мире и в самой России (РФ) социополитико-хозяйственных ситуаций, включая и всё, не сильно тогда в глаза бросавшееся, что как раз и подтверждало тот в общем-то несомненный факт, что *концептуализм эзотерико-метафизического разряда* – сила, причём сила большая, ещё и провидческая, отчего, пожалуй что, и главная!

Война таки ударила в набат, воззвавший к *переменам, к перестроению, к победе над самими собою*, хотя в тот же самый набат, пусть и не так громко, как война, загодя били и учёные-концептуалисты, да не один десяток лет били, причём нельзя сказать, что совсем не были услышаны – *были*, да вот зависимая от Запада (США) и его (их) глобализма внутристрановая практика

не слишком реагировала, а то и вообще не реагировала, на вовсе не абстрактно-сценический, а вполне конкретно-деловой *зов* отечественного, подотчётного Родине, вполне себе и в смысло-существенном плане передового, *концептуализма*, немало ушедшего от западного сокровенно-масонского и восточного сокровенно-учительского (от гуру, от мудрецов) концептуализмов, если, по скромности, пусть и не вперёд, то уж, по уверенности в себе, в *свою* сторону, аккурат по *своей* столбовой дороге.

Да-а, *перемены в эпоху Перемен* – и никак иначе!

ПЕРЕМЕНЫ!

Какие же и почему именно такие?

Вообще-то как раз во многом те самые, что, пусть и не очень решительно и системно, стали-таки осуществляться в стране под давлением войны и той же мобилизации, вскрывшими неготовность и неспособность пореформенной страны и её пореформенной армии успешно вести достаточно «упёртую» и не ограниченную ни в сроках, ни в жёсткости, ни в принципах войну, а не всего лишь локально-краткосрочные экспедиционного характера войсковые действия, а также в связи с императивно санкционированным из-за рубежа бегством из страны иностранного капитала, что ясно обнажило решётчатую «дырчатость» отечественного производительного пространства и непозволительную слабость промышленного потенциала, включая и «оборонку», что как раз и было следствием нарочитой, безумной и предательской деиндустриализации страны в ходе антироссийских «рыночных», а по сути-то просто геовестоглобалических, реформ.

Однако пока в наличии лишь не более, чем слабое утешение: высшее правление, всё ещё, видно, ориентированное на сохранение, пусть и в изменённом виде, с таким «трудом» достигнутое Реформой, в особенности, капитало-вестернизацию страны, как и верное своей анонимно-потаённой манере во многом имитационного по стилю и плодам управления, не извещает страну не то что о намерении изменить коренным образом модель социума и хозяйства, что как раз и означало бы разворот от прозападного реформизма к ***российскому постреформизму*** (термин Ю.М. Осипова), что то же самое от Запада и даже Востока к собственно России с органичной ей социальной, политической, хозяйственной, межэтнической и даже военной *соборностью* – СОБОРНОСТЬЮ!, но даже не извещает страну о действующей

в ней социально-хозяйственной модели вкупе с её стратегическими перспективами (народ российский, кстати, так и не дождался обращённой к нему «Мюнхенской речи», разумеется, по факту уже «Московской»!)

А ведь иного, кроме соборного, следственно, и народного, выхода из большого экзистенционального кризиса-тупика, которым ныне тяготится Россия, для глубинно и сакрально имперски обусловленной России попросту нет!

Заключение, надо особо заметить, не сегодняшнего дня, а вполне себе уже ушедшего в прошлое тридцатилетней давности дня, что не мешает сему заключению оставаться суперактуальным и сегодня, но, увы, не в полной мере операциональным, ибо движение страны в соответствии с ним обусловлено прежде всего *переменами* – ПЕРЕМЕНАМИ!, скажем так, в *субъектно-субъективной национально-пусковой платформе*, ныне ориентированной более всего на сохранение себя во власти, на консервацию и умножение своих материально-финансовых обретений и сбережение своих житейских привилегий, да ещё и маниакально вовлечённой в спасительное, как ей кажется, развитие «искусственного интеллекта» с приспособлением к нему, если не впечатыванием в него, перспективного-де людского потенциала, как и всей жизнеотправительно-управленческой системы страны.

А вот на земно-космическом поле нынешней экмежмировой брани, продолжая почему-то (или зачем-то) инерционно подыгрывать первопроходческому западному аналогу, сия платформа менее всего занята *себя* и всей *страновой экзистенции* преобразованием на *гуманитарно-праведной соборной основе*, – и не так потому, что не хочет, хоть это и есть, а... *не может*, отчего и не идущей со свободой, желанием и страстью по широкой преобразовательной дороге, за исключением вынужденных частичных мер и камуфляжной мифотворческой имитации, как уже бывало не раз в многострадальной истории России в преддверии и в ходе тотальных социохозяйственных катаклизмов, когда масштабно менять было остро надо, а действенных мер, как водится в России, со стороны *авторитарного самовластия* не было (примеров рокового сочетания бездействия верха с не менее роковым благодушием «службы» и столь же роковой оцепенелостью масс приводить не надо: последний перестроечно-реформный «казус» ещё на языке и на слуху у современников).

Да, имперская Россия нуждается в наличии в стране, а её народ сие наличие признаёт, сильного централизованного государства и весьма авторитарной власти (иначе, увы, нельзя, что и доказывает реальная история Руси-России), однако... всё-таки *соборных* (!) государства и власти, что в реальности так или иначе довольно проявляется в моменты роковой для судеб страны внешней опасности, когда как-то само собой возникает соборное единение власти и народа, но что в обычной (безопасной) реальности как-то, тоже само собой, умаляется и исчезает, вызывая как общую социально-политическую беспечность, так и протестное со стороны части населения напряжение с сопровождающими его охранительно-карательными мерами власти, отчего ежели, с одной стороны, есть потребность в соборности, а с другой – существует необходимость авторитарности, то, конечно же, *соборной авторитарности*, или же *авторитарного народовластия*, чего достичь вроде бы можно, но, увы, почти что и нереально (разум здесь почему-то непременно отказывает!), а ежели что из этого вдруг иной раз и получается, то, увы, ненадолго, как это случилось с тем же советско-сталинским устроением социума (обратим внимание: повсеместные советы с Верховным советом во главе, партия трудящихся с её съездами и пленумами ЦК – *соборность*, пусть и напряжённо-силовая!)

Никак не призывая к возврату к сталинизму, что попросту невозможно, да сейчас и не нужно, Ю.М. Осипов лишь обращает внимание на всё более заявляющую о себе потребность укрепления доверительно-эффективной связи между народом и властью посредством, с одной стороны, отхода от заимствованных извне эталонов социально-политической организации социума, а с другой – расширения народного представительства во власти, к примеру, через периодически собираемое *Народное (национальное) вече*, избирающее главу государства (или подтверждающее его полномочия), утверждающее правительство, дающее оценку текущего положения страны и определяющее её стратегические перспективы.

Да, вполне себе наивные чаяния, рекомендации, призывы: текущая на глазах реальность предпочитает *иные* разрешения – даже вроде бы и разумные, да вот есть ещё *иная реальность*, тоже текущая, да вот как-то не на глазах и не слишком заметно текущая, и она ведь тоже творит бытие-историю, пусть уже и вроде бы

не слишком разумно – для текущего правления, зато творит непреклонно, как водится, с непредвиденными для текущего правления следствиями.

У самодостаточной учёной среды хватает терпения и настойчивости снова и снова повторять (почти что и как заклинание): ***«Перемены, перемены, перемены!»***, да не какие-нибудь, а ведущие к действительно суверенной и самодостаточной жизнеспособности уникальной, при этом и не закрытой наглухо от внешнего контекста, вполне себе и сакрально миромиссийной, страны.

Без перемен в ЭПОХУ ПЕРЕМЕН (!) бывает, может, и комфортно, и сытно, и сладко, пусть и не всем именно так и не всем одинаково, но *беспеременье* (читай, что и *безвременье*) бывает роковым образом беременно каким-нибудь жутким апокалиптическим катаклизмом: сначала большой социохозяйственной катастрофой, а затем, если повезёт уцелеть, уже *такими* (!) чрезвычайнопоправительными переменами, что сие переменье, восстанавливающее жизнеспособное время, никому из охваченного им людства ни малым, ни приятным, ни запросто переносимым обычно почему-то не кажется!

Отсюда и они – не лишённые исторически и актуально обоснованной тревоги за судьбу страны – учёные деяния, осуществляемые, так уж повелось с некоторых, уже давних, пор, под эгидой *Центра общественных наук при МГУ, Философско-экономического учёного собрания* и *Академии философии хозяйства* при самоотверженном деловом участии сначала (с 1988 по 2000 г.) *лаборатории сравнительного анализа хозяйственных механизмов*, а затем (с 2000 г.) *лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ*, разумеется, не все деяния, а лишь некоторые, наиболее, пожалуй, показательные и значимые.

Вот те же крупные научные и научно-публицистические форумы (конференции, симпозиумы, дискуссии международного и всероссийского уровней, исключая ранее упомянутые Малые университетские форумы): *«Россия в актуальном времени-пространстве»* (1999); *«Перспективы социализма в России»* (2000); *«Россия и Постмодерн: социум, экономика, культура»* (2003); *«Новый мир и новая имперскость»* (2004); *«Российский бизнес: становление и развитие»* (2007); *«Феномен власти в сонме реальных измерений: общество, экономика, культура, идеологи ... что ещё?»* (2007); «Становление новой России: социум, хозяйство,

культура» (2008); *«Кризис как императив обновления России: социум, хозяйство, культура»* (2009); «*Российская экономика: от кризиса к модернизации»* (2010); *«Мобилизационный потенциал для инновационного развития национальной экономики»* (2010); *«Наноиндустриализация в России и в мире: экономические и социальные аспекты»* (2019); *«Самоутверждение России: социум, экономика, политика»* (2010); *«Теория и практика модернизации в России»* (2011); *«Новая индустриализация и инновационное развитие России»* (2012); *«Россия в новом политико-экономическом цикле»* (2012); *«Постреформизм на службе России: вырыв к развитию»* (2012); *«Украина и Россия, Россия и Украина: особость, общность и совместность. Экзистенциальная историческая драма»* (2013); *«Российский антикризис: потребность, препятствия, исходы (социум, государство, экономика, культура)»* (2014); *«Социум и экономика России в новой мировой обстановке»* (2015); *«Национальный дирижизм как средство преодоления кризиса российской экономики и её развития»* (2015); *«Российское системное перестроение как стратегическая неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм»* (2016); *«Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия»* (2017); *«Российский мителъшпиль: политика, экономика, технологика, геостратегия»* (2018); *«Россия в перекрестье актуальных напряжений: социум, экономика, технос»* (2019); *«Россия в координатах ударных перемен: социум, экономика, технологика»* (2019); *«Рассеянные будни пореформенной России: ожидания, миражи, реалии»* (2020); *«Россия в переделье: цивилизация, техногенез, экономика»* (2020); *«Экономика в среде хозяйства: от экономического либерализма к хозяйственному дирижизму»* (2021); *«Россия под натиском новых реалий: цивилизация, социум, хозяйство»* (2021); *«Государство и национальное хозяйство: неразлучность и мера»* (2022); *«Суверенная Россия во взбунтовавшемся мире: экономика, технологика, культура»* (2022).

А вот монографические коллективные публикации: *«Экономическая свобода и социализм»* (1991); *«Государственная власть и предприятие: от команды к партнёрству»* (1991); *«Основы предпринимательского дела. .Благородный бизнес»* (1992); *«Переходы и катастрофы. Опыт социально-экономического анализа»* (1994); Серия из 6 выпусков: *«Шансы российской эко-*

номики» (1996–1997); *«Россия в актуальном времени-пространстве»* (2000); *«Технико-экономическая динамика России»* (2000); *«Современная Россия и социализм (опыт непредвзятой дискуссии)»* (2000); *«Актуальная Россия (вопросы экономической теории и практики)»*. В 2-х кн. (2000); *«От Сциллы к Харибде. Актуальный опыт России». В 2-х т.* (2002); *«Неуёмная Россия». В 2-х т.* (2003); *«Россия перед лицом глобализации»* (2004); *«Постмодерновый мир и Россия»* (2004); *«Юг России в перекрестье напряжений». В 2-х ч.* (2004); *«Имперские предчувствия России»* (2005); *«Россия державная». В 2-х т.* (2006); *«Россия – великая держава!»* (2006); *«Постмодерновые реалии России»* (2007); *«Российское обновление»* (2007); *«Россия как цивилизация денег»* (2008); *«Россия в час ожидания: идеология, политика, экономика»* (2008); *«Национальная элита – судьба России»* (2009); *«Современная Россия – бремя перемен»* (2009); *«Перестроение России». В 2-х т.* (2010); *«Российское перестроение: социум, политика, экономика»* (2010); «*Мобилизационный потенциал национальной экономики»* (2010); *«Финансово-хозяйственные инновационные инициативы»* (2012); *«Постреформизм и развитие»* (2013); *«Неодиризизм и модернизация российской экономики»* (2014); *«Евразийская интеграция»* (2014); *«Современность: хозяйственные алгоритмы и практики»* (2016); *«Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия»* (2018); *«Россия: вибрирующие горизонты»* (2019); *«Россия в игре: страна и мир»* (2019); *«Россия под переменами»* (2020); *«Российский разворот»* (2020).

Не обошлось и без обращения к истории экономической мысли России, в связи с чем возникла серия ***«Российская экономическая мысль»***, в которую вошли работы русских экономистов пореформенного для XIX–XX вв. периода: И.К. Бабст. *Избранные труды* (1999); В.П. Безобразов. *Избранные труды* (2001); *«История экономической мысли России: В.В. Святловский, М.И. Туган-Барановский, В.Я Железнов»* (2002); И.М. Кулишер. *«История русского народного хозяйства».* (2004); И.И. Янжул. *Избранные труды* (2005); а также знаменитый труд первого «провозвестника» капитализма в России И.Т. Посошкова *«Книга о скудости и богатстве»* (2003).

А ещё была попытка, весьма и продуктивная, создать ***«Энциклопедию философии хозяйства»***, для которой было написано с львиной долей осиповских текстов полторы сотни статей, да,

как водится, сил на всё не хватило, так и осталась энциклопедия незавершённой, удовольствовавшись публикацией совсем даже не заурядных статей в журнале «Философия хозяйства» в 2000-е гг. В «незавершёнках» тоже ведь есть свой сакральный смысл: да, проект не был завершён, но он таки был, он есть, более чем наполовину реализован и, самое главное, вовсе ещё не закрыт!

А вот и названия некоторых осиповских текстов, актуальных тогда, в моменты их написания и публикаций, и ещё более актуальных сегодня – в экзистенциально критический для России исторический момент: *«Россия сегодня: кризис от преобразований и преобразование кризиса»* (1999); *«И тьма над бездной!»* (2000); *«Россия в нави»* (2001); *«Россия и XXI век»* (2002); *«Россия в пути»* (2002); *«Русская имперскость»* (2003); *«Постмодерн, Россия и империя»* (2003); *«Изыски Постмодерна и искания России»* (2004); *«Россия и Постмодерн: кто первый?»* (2004); *«Имперское хозяйство»* (2005); *«Инновационный мир растерянной России»* (2005); *«Неуловимые стратегии России»* (2005); *«Перевод российского хозяйства на инновационно-интенсивный путь развития – имперская сверхзадача»* (2006); *«Россия в глобализующемся мире» (2006); «Национализация России»* (2007); *«О власти российской» (2007); «Не союзное государство, а межгосударственный союз» (2008); «Россия в ожидании очередного чуда»* (2008); *«Становление новой России»* (2008); *«Россия: стратегия в эпоху перемен»* (2008); *«Российское перестроение как неизбежная актуальность»* (2009); *«Россия: призрак неомодернизации»* (2010); *«Социохозяйственная модернизация как момент реконструкции»* (2011); *«Российский вызов развитию России»* (2013); *«Постреформизм в угоду России»* (2013); *«Из западни (к вопросу о вырыве России к развитию)»* (2014); *«Россия и мир: время перемен»* (2014); *«Россия и мир: бремя перемен»* (2014); *«Российский антикризис как насущная актуальность»* (2014); *«Русская рулетка»* (2015); *«О концепте России (актуализация концептуального управления в Российской Федерации)»* (2015); *«Становящаяся Россия в изменяющемся мире»* (2016); *«К постреформенному неодирижистскому перестроению национального хозяйства России»* (2016); *«Российское системное перестроение как стратегическая неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм»* (2017); *«Россия на пути к России»* (2017); ***«Я – революциЯ!»*** (2017); *«Большая игра – российский миттельшпиль – русская рулетка»* (2018); *«Россия как Россия, или Россия*

в России» (2019); *«Российский разворот: от не-России к России и от цифромании к человеку»* (2019); *«В ожидании разворота»* (2020); *«Под ударными переменами»* (2020); *«Россия в переделье»* (2020).

Обращает на себя внимание работа-размышление Ю.М. Осипова ***«Я – революциЯ!»***, подготовленная по случаю столетней годовщины Великой революции, состоявшейся в России в 1917 г. Претенциозное название 80-ти страничной брошюры снабжено не менее претенциозным подзаголовком *«1917–2017: сто лет Российской революции – столетие Российских революций»*. На обложке портреты Николая II, Керенского, Троцкого, Сталина, Горбачёва, Ельцина и Путина, а также скульптурное изображение Ленина, запечатлённого с поднятой левой рукой в момент его зажигательной речи с броневика на площади перед Финляндским вокзалом.

РЕВОЛЮЦИЯ! Которая тенденциозно и практически бытует в России куда как загодя 1917 г. (почитай хоть со Смуты, хоть с Петра I), а в 1917-ом лишь вспыхнула жарким испепеляющим пламенем, и, хоть и затухая на какое-то время, продолжает себе гореть и гореть до сих пор, вовсе при этом и не по-бенгальски!

Россия и Революция, Революция и Россия!

История!

Революция, сопровождаемая, разумеется, не только той или иной *контр*-революцией, но и умиривающей разгулявшиеся страсти, укрощающей вырывающееся на простор безумие, преодолевающей разгул адского хаоса и унимающей разыгравшуюся апокалиптику *анти*-революцией: тут всё вместе и сразу, всё вперемешку – в жутком социохозяйственном котле, однако, что важно, с *переменами* – то бурными, неопределёнными, апокалиптическими, то размеренными, упорядочивающими, апокастатическими – но при этом не только не слишком соответствующими любому революционному первопроекту, но и идущими более всего как-то само собой под настойчивым натиском экзистенциальных обстоятельств, отчего в итогах выходит и впрямь что-то *новое*, однако более всего *по-своему* новое, чем в соответствии с заранее замысленным, в общем – всегда в реалиях вылезает на поверхность что-то *иное*!

Что же касается многовековой тяжбы России с Революцией, как и столетней с 1917 г. протяжённости р-революционного выворотно-перевыворотного бытия России (Российской империи,

СССР, Российской Федерации), то обусловлено это, по Ю.М. Осипову, более всего противоборством, с одной стороны, модернизированной и постмодернизирующейся и относительно России алчной, как и во многом сатанической, *анти-России*, и, с другой стороны, модернизирующейся, но при этом антипостмодернизационной, хоть и не лишённой сатанических черт, *России как России*, причём противоборством неизбежным и для летящего вперёд зе́много бытия необходимым, что находит, кстати, реализацию и в разыгравшейся тоже ведь р-революционной по сути нынешней войне Запада против России.

Мир земно-человеческий уже давно р-революционно колбасится, что как раз и есть МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ! – и Россия вместе с миром тоже р-революционно колбасится, провоцируемая *сеюмирным* модернизационным проектом и удерживаемая в гуще сего проекта *своим* – уже *иномирным* – проектом, самой России доподлинно вовсе и не известным. И сколько времени придётся зе́мному миру в России так вот р-революционно колбасится, к какому итогу, кроме эсхатологически конечного, удастся прийти (прибыть, прискакать, приползти!), никто из зе́мных смертных, конечно же, не знает, а вот колбаситься миру, включая Россию, очень даже ещё попридётся (*колбасение* – чем не термин для уже немало стёршейся смысло́вой философии или же активно самоисчезающей в сути своей гуманитарной науки!).

Цель – ничто, движение – всё!

Относительно нынешней в стране ситуации уместно лишь кратко, согласно с позицией Ю.М. Осипова, подытожить: 1) страна ныне аки оксюморон, противоестественно составленный в итоге немыслимых реформ 1990–2000-х гг., во-первых, из глубинной России, которая никуда не делась и деться насовсем никуда не может, и, во-вторых, из поверхностной – вестернизированной и глобализированной – Российской Федерации; 2) страна с адекватным традиции русо-российским народом и противостоящей ему, неизвестно откуда, хоть и известно как, взявшейся, и в диссонанс с заветами Петра Великого нижайше прозападной – владетельной и управляющей – элитой, оснащённой на всякий пожарный случай псевдо-пророссийской, отчего и «тишайшей», системой власти и по сути не особенно гласным, хоть и вполне себе диктатным, механизмом управления; 3) страна с бьющейся в недоумении и отчаянии, словно рыба в сачке, об антинациональную

заграду «оптимизационно-эффективной»-де организации сферы науки и образования реально-таки пророссийской, пусть кому-то и кажущейся маргинальной и ненужной, гуманитарной мыслью; 4) страна с неопределённым и крайне неловко скроенным настоящим, немало и антироссийским, и полным эсхатологического риска всё-ещё-не-российским в основе и на перспективу будущим.

Однако это не всё: есть ещё в стране и пробивающаяся через упакованную прозападной, антироссийской и антимировской реформой псевдореальность *действительно пророссийская*, а не имитационно-ложно-российская, *объективная реальность*, как раз всего более и соответствующая концептуальному провиденциализму пророссийски настроенных учёных-гуманитариев. И эта объективная реальность вздымается, самосотворяясь, наперекор всему ей яростно враждебному, под натиском непреклонных обстоятельств, через вершащийся в мире *кризис мира* (тезис Ю.М. Осипова) и ту же разгорающуюся *мировую войну*, а ежели что, то и через вполне возможную мягкую или жёсткую – всё равно какую! – *катастрофу*, под давлением Великой Неизвестности и Иного, по Божиему промыслительному произволению, согласно трансцендентальному проекту «РОССИЯ»!

Россию как Россию не устранить, не отстранить, не остановить, как и не переделать в *не*-Россию, не то что в *анти*-Россию; России не привыкать бытовать в симбиозе с *не*-Россией и *анти*-Россией, отчего эти спутницы ей не страшны, хотя и могут на срок чуть ли не брать верх над Россией; Россия всегда восстанавливается, упрямо возвращаясь к себе, пусть пока и не вполне – до сакрального срока!; горе идущим против России, как и не адекватным ей временщикам-превратителям, а уж о предателях, врагах и губителях и говорить не приходится; Россия – *прорва*, она в контакте с Бездной, в союзе с Преисподней, в согласии с Адом, отчего у неё всегда в достатке способности, сил и искушения поглотить в своей бездонной пучине любые головы – что те, что эти, кстати, не без вольного или невольного пособления извне, где тоже хватает на то жадной до российских жертв инфернальности; Россия давно уже что айсберг, погруженный своей базисной частью чуть ли не в Навь, а своей надстроечной частью торчащей весьма ныне и нелепо в Яви, однако бурный исторический поток способен запросто перевернуть грузное российское тело, – вот тогда-то миру и явится подлинная Россия – ***Россия как Россия!***, – и когда

сие вдруг случится, а когда точно никому доподлинно не известно, а ведь-таки может случиться, да непременно и случится, причём, как водится в истории, сие может произойти прямо завтра, разумеется, как всегда невероятно, внезапно и споро – а уж *что* и *кто* вдруг тогда станется опрокинутым в Небытие, то сей сакраментальный вопрос само Небытие, которое никогда насовсем не оставляет Бытия, и всегда ко всему бывает наготове, и решит – через посредство Великой Неизвестности и всё того же Великого Иного.

Таков он – *трансцендентальный план-концепт, он же и судьбоносный трек, она же и* ***карма****, России*, чего никому из смертных по воле своей не изменить и уж тем более не отменить, о чём лишь можно не без восторга, разочарования или даже обиды сказать только одно: ***«Россия – это Россия!»***, как и точно то же можно сказать об *идее России*, *идеологии России*, которые сводятся всё к тому же – к *собственно России*, даже, как видим, всего лишь к одному слову-имени, да вот зато к *какому*!, в котором, аки в сингуляре, всё главное из исходно начального и исходно же конечного, да и из серединного тоже – колебательного, прерывного, головокружительного – и содержится!

Однако ничто не мешает отечественным, да и не только отечественным, учёным и обозревателям, вовсе не обязательно что патриотам, что русофилам, даже и что тем же русофобам, мыслить о России в русле её концепта, её идеи, её идеологии, её кармы, что как раз и демонстрирует Ю.М. Осипов вкупе с ведомым им учёным сообществом, что так или иначе отражено во всех касающихся России его собственных и вкупе с коллегами трудах, а в особенности в ударно-специфическом из них – в коллективной монографии ***«Россия и идеология (опыт практического философско-хозяйственного концептуализма)»*** (2020), подготовленной и изданной в кульминационный для мира и России-РФ момент, ещё не проявившийся в откровенно-войновской конфронтции Запада с Россией, но к ней упорно и бесповоротно подступавшим.

И тут важен факт подтверждения этим неординарным монографическим коллективным трудом всё *того же*, а именно – сакрального единения всего лишь вроде бы топологического названия страны с её – страны – тайным смысло-идейно-судьботворным ядром, когда в имени исторического феномена (всего лишь номинационном слове) прячется и *вся* концептуально-содержательная этого феномена суть, что, однако, не требует от дознавателей ни литерной, ни нумерологической, ни любого иного оккультно-

го разряда расшифровки словесного номоса (это ничего путного в данном случае не даст, несмотря на красоту самого номинационного слова «Россия» и его литерно-звуковую перекличку с «эС-эС-эС-эР»), а лишь требует вообразительного соединения единственного номинационного слова со *Словом* – ***Русским Словом***, исходящим беззвучно от самой феноменогенной реальности, что как раз и возымело место в субъектно-субъективном слове Ю.М. Осипова и его коллег, отчего докучливые разговоры об отсутствии-де у России концепта, идеи, идеологии суть не более чем пустые (и очень вредные!) псевдоинтеллектуалистские россказни.

Ю.М. Осипов – не только академического склада учёный – что бывший научник-«физик», что философ-метафизик – обращённый к экономике и хозяйству, социуму и политике, к истекшей истории и текущей современности, а и своеобразный осмыслитель высокой, или тонкой, гуманитарности: культуры, литературы, искусства, однако не в привычно-ведческом ключе, а в необычно-«софском» философском, мировоззренческом и, как не трудно догадаться, в *софиасофском*, кроме того, будучи сам *литератором*: писателем, критиком, стихотворцем, он осмысливает ту же литературу в её выходящем за пределы самой себя экзистенциональном значении – *литературасофски*, став, можно сказать, адептом, если не зачинателем, философии русской литературы, как, собственно, в той же манере он осмысливает культуру, искусство – *культурасофски, искусствасофски*, ту же писаную историю – *историасофски*, причём исходно и по сути *философско-хозяйственно*, выпячивая и оценивая, как это ни странно может звучать для шибко гуманитарно ориентированного сознания, именно *хозяйственную*, то бишь *бытийно-экзистенциальную*, функцию культуры, искусства, литературы, равным образом и истории как течения мысли с её фактами и их трактовками, всего того, что самодовлеюще, автономно, авторитетно-авторитарно возвышаясь над человеком и его бытием-небытием в виде особого гуманитарного *над*-мира (*сверх*-мира), не просто информационно и досугово сопрягает человека с его бытием-небытием, даже не просто воспитательно-формовочно влияет на человека, а вполне себе, что особенно важно для философии (софиасофии) хозяйства, буквально *делает человека и его бытие-небытие*, определяя при этом не только тенденции и пути их движения в будущее, но и даже предстоящие в будущем эпохальные состояния и судьбоносные события, пожалуй что, и само в целом будущее.

То же государство с его политикой, как и деяния исторических деятелей – великое, бесспорно, нечто, однако, заметим особо, что вроде бы отвлечённые от повседневной суеты слова, идеи, сказы, идеологии, идеалы, трактовки той же истории и текущей современности, любые представляющие и немало замещающие реальное бытие-историю тексты, концепты, проекты, мифы, утопии, одним словом – вроде бы отвлечённое от практических деяний *Слово* – СЛОВО!, всё-таки повеличее, пожалуй, а то и подейственнее, будет, чем та же охранительная, пусть и абсолютно необходимая, функция государства или те же кармические подвиги, пусть и героические, великих фигурантов бытия-истории.

Творческими усилиями Ю.М. Осипова и его коллег были фактически созданы, а ежели уж и не созданы с нуля, то весьма утверждены и развиты, с одной стороны, особое направление осмысления человека и его бытия-небытия, приоритетно полагающее творческую взаимосвязь движения всей историо-экзистенциальной реальности с качественной динамикой гуманитарной (словесно-понятийно-изобразительно-информационной) сферы с акцентом на непреходящее, если не решающее, интенционное влияние этой последней на текущее движение и судьбу человеческого бытия-небытия, а с другой стороны, особого рода холический стиль осмысления бытийно-небытийной реальности, мало что соединивший фактологию с философией (метафизикой), что в общем-то является более или менее обычным делом, но и, что уже далеко не так тривиально, соединивший метафизику человеческой мысли с *метафизикой самой реальности* (положение Ю.М. Осипова), не пренебрегая при необходимости и *метафизикой сверхреальности* (запредельного), как и вообще всем *трансцендентно-метафизическим*, совершенно осознанно полагая также наличие в создаваемых текстах, что, заметим, корреспондентно самой увязшей в трансцендентности реальности, *того из иного*, то бишь из трансцендентного, что обыкновенно называется «подтекстом», ныне часто именуемым «засловьем», или «затекстьем», то бишь наличие в текстах чего-то скрытого, хоть и нарочно не скрываемого, а возникающего в силу невозможности выразить что-то словом, но при этом мало что сущего, но, как правило, ещё и несущего *главную смысловую нагрузку*.

Всего совершённого Ю.М. Осиповым и его коллегами из, так сказать, области гуманитарного, тут даже бегло и кратко не пред-

ставить, однако прежде чем на кое-что из разработанного и изданного указать, заметим, что усилиями Ю.М. Осипова и его коллег на свет явилось так или иначе *иное* – ИНОЕ! – *понимание* (трактование) относительно уже имевшегося и по преимуществу задогматизированного понимания (трактования) практически всей *гуманитарности* (понятие Ю.М. Осипова): от самого человека с его сознанием, когнитивом и выплесками мысли, его бытия-истории с великими в нём событиями, переломами, переменами, эпохами, как и незабвенными деятелями, до сонма разных гуманитарно-хозяйственных граней (отраслей) человеческого бытия-истории, таких как культура, искусство, словесность, пусть и не в полном их объёме и не во всех их проявлениях, но без заведомых на то ограничений, как раз так, как само и выходило, включая и, вовсе и не по планово-системному перечню, великих творцов этих граней с их творческим вкладом не так даже в эти самые грани, как в само бытие-историю человека, в его экзистенциально-хозяйственную реальность.

Помимо уже выше упомянутого – вполне и эпохального значения – коллективного труда о И.В. Сталине и сталинизме *«Феномен Сталин»* (2003), как и актуальных для переломного времени коллективных работ *«Постижение Маркса»* (1998) и обращённой к В.И. Ленину коллективной монографии *«Развитие капитализма в России – сто лет спустя»* (1999) с понятными для российских гуманитариев, воспитанных на марксизме-ленинизме, смысловыми реминисценциями, были подготовлены и увидели свет – как обычно, по инициативе, под руководством и при авторском участии Ю.М. Осипова – вполне себе проходящие по разряду шедевров: *«Сущий. К 200-летию А С. Пушкина»* (1999); *«Ф.М. Достоевский – наш современник»* (2000); *«Последний поэт империи. 120 лет со дня рождения А.А. Блока»* (2001); *«Два Булгакова. Разные судьбы»*. В 2-х кн. (2002) – о Сергее и Михаиле Булгаковых; *«Предтеча. К 250-летию И.Г. Посошкова»* (2003); *«Три лика Ф. Тютчева: дипломат, поэт, мыслитель (к 200-летию со дня рождения)»* (2004); *«Страсти по Толстому. Метафизическая драма великого писателя и мыслителя»* (2005).

Сам Ю.М. Осипов, помимо своих статей в перечисленных выше коллективных монографиях, написал также тексты о Н.В. Гоголе *«Очарованный странник»*, М.Ю. Лермонтове *«Несносный гений»*, И.С. Тургеневе *«Неочарованный странник»*,

А.П. Чехове *«Нечаянное зеркало»*, С.А. Есенине *«Убитый русскостью»*, В.В. Маяковском *«Убитый нерусскостью»*, А.М. Горьком *«Таинственный фигурант»*, И.А. Бунине *«Необыкновенный Бунин»*, опубликованные в его большом персональном, разном по жанрам, включая и стихотворный, комплексном манускрипте ***«Иное»*** (2006), где, подводя итоги своего непредвзятого ни идеологически, ни политически, ни граждански литературософского обозрения грандиозного феномена российской и мировой культуры – *русской литературы нового и новейшего времени* (КЛАССИКИ!), опубликовал статью под названием ***«Великая трагедия великой литературы»***, в которой осмелился откровенчески утверждать не просто о противоречивой, а и, так уж случилось, в конечном счёте и вредоносной роли в судьбе родной страны и её народа сей высококлассной в лингво-художественном плане литературы – литературы так называемого «критического реализма», мало что выступавшей против самодержавия, имперскости России, устаревшего феодально-сословного её устройства, но и против вымороченного-де дворянства, тёмного-де крестьянства, самодурственного-де купечества, гнилой-де интеллигенции, против растущего в стране «дикого капитализма», даже и против раздражавшего интеллектуалов (интеллигенцию!) так называемого мещанства, что было, быть может, во многом и справедливо, но что немало, если не в решающей степени, в конце концов и обеспечило вкупе с бездействием, за исключением запоздалого столыпинского всплеска, одряхлевшей, растерянной и оторопевшей от самой себя, как и от невменяемо накатывавшейся на Россию неумолимой катастрофы, власти взращивание и вызволение на свободу *демона революции* – РЕВОЛЮЦИИ!, исходно вскормленного как раз в Европе, а не в России, разумеется, со всеми жуткими для России разрушительно-жертвенными последствиями, отчего автор статьи был вынужден не без горечи сопроводить хорошо затверженную формулу *«Великая русская литература»* другой, уже и не столь лицеприятной, формулой: *«Великая антирусская литература!»*.

Так вот и творится она – *история*, творится через посредство культуры, искусства, словесности, идеологии, мало что противоречиво и витиевато, но и с непременным *выворачиванием реальности* и последующим *выворачиванием вывернутого*: невероятно, вопреки здравому рассудку и благим намерениям, стихийно,

хаосно, беспечно, насильственно, жестоко, кроваво, жертвенно, в общем – *по-преисподненски*, отчего и вопрос: «Так где же она – *Преисподняя*, уж не здесь ли, прямо на Земле, среди нас, в нас, да и не в той же (не во всей, конечно) культуре с её искусством, словестностью, с её идеологией – как вязко охранительной, так и размашисто диссидентской?».

(Кто знал в России в каком-нибудь 1905, 1910 или 1915 г. того же Владимира Ульянова-Ленина с его демонически революционным марксизмом, а вот миролюбца и непротивленца Льва Толстого с его критикой существовавшего в России порядка вещей, как и того же Максима Горького с его злобным поношением российской были, приверженностью Европе и жаждой антироссийской революции знали все из российских и очень многие из европейских, образованных одинаково по-масонски, протестных кругов).

Не здесь ли кроется секрет сталинской, с одной стороны, обращённой к высокой русской классике (не всей, разумеется), а с другой – намеренно целевым образом идеологизированной и жёстко-цензурной политики в области идеологии, культуры, искусства, словесности, как и не здесь ли прячется ответ на всё происходившее в культурно-литературной среде в послесталинское и, в особенности, перестроечное и реформное, уже и круто антироссийское, время?

Уместно поставить вопрос: «А где или какой же тут выход?», как и уместно ответить на сей вопрос так: «Ответ хоть и есть: *любить просто надо Родину – добрую мать и «мачеху злую», любить здесь и сейчас*, да вот... что поделать... *Ад* ведь вокруг, да ладно бы в окружающей обыденной объективности, ан-нет, не только там, но и в людях он, и в той же ноосфере, а ведь сей субъективный Ад покрепче и пострашнее будет объективного, отчего и разбой, и разбросы, и разгромы, и... и... та же нынешняя война не так Запада с Россией, как *между одним людским антимиром и другим людским антимиром* – и лишь в глубине заблудившейся реальности вялая оборонительная борьба *всё-ещё-Мира* с нахраписто зарвавшимся *Антимиром*, да пока что без явно прозреваемого спасительного выхода, который не просто «явится-не явится», а который попросту... *прорубать надо!*».

И что же тогда получается: всё идёт по безысходному кругу: *«мир – война – мир»*, как и *«мир – антимир – мир»*, а то

и «антимир – мир – антимир», как и «война – антимир – война», разве лишь ещё где-то в этих магнетических кругах мелькают перевороты и революции, да и те ведь суть всё та же безумная война? Почему нет, коли так всё и идёт: и *это* всегда было, есть и будет, и *то* всегда было, есть и будет, и война всегда была, есть и будет, и любить мать-Родину всегда будем, и ненавидеть эту «мачеху злую», и сражаться за неё всегда будем, и драться меж собой неизвестно за что, как и сами с собой, тоже будем, а вот доколе! – да ведь до скончания Времён и их растворения в Вечности, приход чего, между прочим, не обойдётся и без рук человеческих, не говоря уж о головах, их умии и безумии, тоже!

Вот такое выходит у человека *экзистенциальное хозяйствование* (понятие-термин Ю.М. Осипова), творящееся не только через материально-производительный, как и вещественно-разрушительный, труд (хотя кто его, заметим на всякий случай, видел – этот труд – как именно труд?), но и через идейно-словесный труд (которого тоже никто никогда не видел) и тоже ведь труд созидательный и разрушительный, а вкупе – через войновский в широком смысле труд, пусть лишь борческий – всё одно!, достигающий побед и не избегающий поражений, однако анти-Утопно неизменный – как раз, возможно, до выхода человека, упорно чего-то *этакого* бесконечно страждущего, к абсолютной, лишённой души, страсти и крови, мёртвой *Утопии*!

Как литератор и культороссоф, да и как софийный идеолог, Ю.М. Осипов, не ограничившись смысло-глубинным проникновением в созданное до него русское литературное слово, сам стал его актуальным творцом, придерживаясь того жанрового направления, как и соответствующего ему стиля изложения, которые он посчитал за *размыслительно-метафизические*, как раз те самые, что изобилуют скрытым смысловым – и *творящим смыслы*! – подтекстом (засловьем, затекстьем), что требует от читателей не ознакомительного обозрения, – тем более, наспех и урывками, – явившегося вдруг перед их глазами текста, а мало что неспешно вдумчивого прочтения-постижения, но и непременного проникновения в смысловой *под*-текст, а может, и в *над*-текст, щедрых на мысли, открытия и откровения, что как раз и делает текст не просто возникающим перед глазами, а *рождающимся на глазах*, особенно при новом читательском обращении к уже вроде бы освоенному тексту.

Да, можно сие литературное, если не недо-полу-пара-квази-, а то и сверх-литературное, творчество посчитать всего лишь за беллетризованное философствование, что, быть может, не так уж и далеко от истины, однако с тем важным уточнением, что главным действующим лицом в сем филисофствовании является не только не беллетристическая фантазия автора, даже и не авторские философические откровения, а... *сама реальность*, как раз вовсю и *философствующая*, вполне *сама* и вполне *откровенчески*.

Главный герой осиповской словесности – *реальность* – РЕАЛЬНОСТЬ!, которая вовсе не сводится к нейтральному онтологическому присутствию в ожидании гносеологического себя со стороны человека освидетельствования, а, принимая, корректируя или вовсе не принимая субъектно-субъективные на себя воздействия, как и по-своему реагируя на интенции как заметных человеку, так ему вовсе и не заметных, объективных – внешних и внутренних – сил, обстоятельств и процессов, думает, решает, действует, верша это, разумеется, трансцендентно-метафизически, отчего в задачу автора вольного и литературного по стилю философического текста входит быть в резонансе с реальностью, улавливая и переводя на доступный язык сокрытый в реальности имманентный ей, как раз по-своему и философический, текст.

Искрящийся тут контакт сонма текстов: как частично приоткрытых, смутно различаемых и трансцедентно потаённых текстов реальности, так и им внемлющего размыслительного, немало тоже поначалу и смутного, и потаённого, вовсе ещё и не выраженного в вибрирующих от смысло-бессмыслия чеканных словах, как и в общем-то вполне себе тоже трансцендентного, текста мыслителя, наконец, уже по завершении писания, пусть и не особенно чеканно в словах оформленного, собственно литературно-философического авторского текста.

У Ю.М. Осипова хватает философско-литературных текстов разных форм, сюжетов и стилей: очерков, эссе, монологов, диалогов, переписок, дневниковых записей, стихов, фантазий, собраний мыслей и афоризмов, но при этом и вполне себе художественных текстов, им намеренно, не без какой-то работной пользы и «умной» цели, творимых, а среди стихов есть не только стихийно возникающие лично-лирические, а и заданно сделанные эпопейно-балладные, – что из того?

Конкретные тексты собраны в книги, можно сказать, что и фолианты: уже упоминавшееся *«Иное»* (2006); далее, ***«Реквием.*** *Роман о романе или роман с романом. Метафизическая проза»* (2010), изданный под псевдонимом Юр. Михайлов; *«Блики и срезы. Невразумительное чтиво, или Книга ни о чём и ни для кого»* (2015), тоже изданный под псевдонимом Юр. Михайлов; как и явленные под тем же псевдонимом недавние (ковидного безвременья) опусы: *«Отшельник, или Вестник не от мира сего. Антироман. Иное об Ином»* (2021) и *«Обнажение. Исповедь учёного странника. Сказание вперемешку со сказкой»* (2022); ну и сие не без труда дающееся автору произведение *«Страда. Непокорный автоопус. О себе самом – от себя и со стороны»* (2023).

Да, это книги в той или иной мере книги-конгломераты, что не значит, что в каждой из них нет каких-то сквозняком их пронизывающих содержательных мотивов – они, эти мотивы, всегда есть, как и есть под каждой книгой своя потаённая замысло-смысловая подоплёка, как и есть вдруг взлетающий над книгой её – книги – собственный идейно-смысловой выплеск, но при этом зато есть и возможность читать сии книги с любого их раздела, более того, с любой страницы и... *не прогадать*!

Обо всех этих весьма своеобразных произведениях не рассказать, однако на одном из них нельзя не остановить внимания – как раз на ***«Реквиеме»*** (2010), причём вполне себе и пристального внимания, ибо, во-первых, написано это произведение о *вековой эпохе перемен*, да не чьей-то, где-то и когда-то бывшей, а вполне себе *нашей*, охватившей *наш* XX в. и захватившей вполне уже *нашенский* XXI в., мало того, ещё и прихватившей своими мощными, насквозь раздирающими человеческое бытие, трансгрессивными переменами и жутко беспощадными событиями непосредственно и *нашу* страну, *наш* народ, *нашу* цивилизацию, *нашу* государственность, *наше* хозяйство, в общем – *нашу* жизнь, а во-вторых, написано сие произведение как метафизическая перекличка с мистическим писательским творчеством мистического человека – Михаила Булгакова, да не как лишь автора классической *«Белой гвардии»* или того же искрящегося сатирой, юмором, отчаянием и грустью *«Собачьего сердца»*, а как автора воистину великого мистического *романа* – РОМАНА!, да не так о Мастере и Маргарите, даже и не о Воланде, даже не об Иешуа, да и не романа вовсе, а... ***писания***, ещё и писания обо ***всём вообще***: о бытии человеческом, вовсе

не только не райском, не только сносно человеком переносимом, не только даже и вкрутую адовском, а, как понял гениального мистического страстотерпца Ю.М. Осипов, как о захватившем страду человеческую... *небытии* – НЕБЫТИИ!, разумеется, не без прячущегося среди небытия остаточного бытия, как раз по формуле «небытие – бытие – небытие», когда бытие в относительной полноте своей не более чем незаконорожденная вспышка среди небытия, в которой оно – бытие – и сгорает, а вовсе не по формуле «бытие – небытие – бытие», когда небытие не более чем подчинённое сопровождение бытия, может, иной раз, и провал бытия, хотя бы просто в бытии провал, где небытие в миг и исчезает.

Да, у М.А. Булгакова присутствует авторски возгонный *инфернализм*, но уж никак не авторский *сатанизм*, а ежели что сатанинское и есть, то не более чем в функции критически отрицательного *сатановедения* с вынужденным *сатаноприсутствием*, а коли действует в романе *сатана*, то вовсе не как страшный злодей, а совсем даже наоборот, как благодетельно спасительный для погрязшего в неистребимом для себя зле и растворившегося в непристойно пошлом для самого сатаны уже и вполне людском сатанизме слабого и омерзевшего от самого себя человека, как его – человека – спасительный инквизитор, судия, палач, но даже ещё и... *наставник* (впрочем, наставник вполне уже и бесполезный!).

Мимо личности мистического писателя и мимо мировоззренческого (людоведческого) нутра его мистического романа можно было бы и пройти, что, по обыкновению, и делают миллионные читатели по всему миру, находя в писателе по преимуществу острого сатирика, яркого юмориста и неподражаемого выдумщика, а в самом романе, опять же, находя лишь острую сатиру (ещё и диссидентскую, антирежимную, то бишь антисталинскую!), сдобренную умным, ехидным, многоцветным сатиро-юмором, а всё остальное – тревожное, печальное, убийственное... а что остальное-то?, что как раз обычно и не замечается, во всяком случае, что остаётся вне читательского внимания – не интересно, не занятно, не забавно, не привлекательно, а главное для кого-то – *не протестно*!

Однако, Ю.М. Осипов заметил кое-что *этакое* в литературно позднеклассическом феномене и не прошёл мимо ни исключительной личности великого словомифотворческого фигуранта обезумевшего литературного фронта первой половины российского XX в.; ни мимо его дара быть отменным, пусть лишь

литературно-художническим, мыслителем, вполне и *софийным*; ни мимо его страшного сближения с *правдой* – ПРАВДОЙ!, исходившей не только от Жизни, не только от Бытия, даже и не только от Небытия как таковых, а и... *в целом от всего Мироздания, всей Вселенной,* ***Всего вообще***!

Действие романа происходит в Москве, в этой мистической столице мистической страны России, да не когда-нибудь, а в момент расцветания плодовитого на поправительное зло сталинизма, одновременно незаконнорожденного дитяти страшной революции и законнорожденного дитя не менее страшной антиреволюции, то бишь *бес*-подобного продукта сначала *революционного выворачивания реальности*, а затем и *антиреволюционного выворачивания вывернутого*, что имело место в большой войновско-кризисный, насквозь страдно, смрадно и кроваво переломный для планетарного и российского миров, исторический период, в общем, среди вроде бы Бытия и вроде бы Небытия, в момент их между собой беспощадной схватки со столь же беспощадной переделкой всего и вся, включая и ужасный *Пересмотр* всего и вся из духовно-идейного арсенала, в период когда вокруг царят Великое Неизвестное, ловко бьющее по только ему известным целям, неотвратимое Иное с никому не известной Целью, когда Время то ли останавливается, то ли исчезает, то ли так споро бежит, что его как будто бы и вовсе нет, а есть лишь одна немая, пустотелая, неподвижная Вечность!

Но не только из-за булгаковского видения ми́ровой реальности, пусть вроде бы, на первый взгляд, лишь московской и российской, остановил Ю.М. Осипов своё пристальное внимание на загадочном булгаковском произведении: он увидел в фантастическом романе ещё один, вовсе не такой уж и фантастический, роман – *роман в романе*, представший фактически... нет, не новой версией «Евангелия»... а, вовсе и не нарочито, сущему «Евангелию» оппозиционной версией – *иным* «Евангелием», которое, куда уж тут деться, можно даже принять и за *«Анти-Евангелие»*, а констатируя сие открытие, вовсе не броситься ни сему писанию фанатично и слепо следовать, ни с религиозной страстью его осуждать, а всего лишь, поняв инфернально-мистического его создателя, как и ему сочувствуя, учесть им высказанное при обозрении и вскрытии вовсе не свободной от непоправимого зла и от своей инфернальной атрибутивности земно-космической реальности.

Нет, не только, вовсе не только из-за глубинно-смысловой мировоззренческой (людоведческой) начинки романа обратил на сей роман и его автора своё проницательное внимание Ю.М. Осипов, а и вследствие реального, как раз московского, и российского тоже, да ещё и вполне не просто *со*-временного, а и *сею*-временного, грандиозного события-происшествия, последовавшего в московско-российских реалиях рубежа XX и XXI вв., то ли, на удивление, промыслительно угаданного, то ли пророчески предвиденного, то ли, на ещё большее удивление, провиденциально... э-э... предположенного, если (Sic!) не прямо заложенного булгаковским романом в текущую в стране реальность – до срока реального всплытия, что и случилось аккурат на рубеже 1980–1990 гг., а сходство всего описанного в романе с выделанным через время самой реальностью не то что поразительно, а и потрясающе поразительно!

Вот Ю.М. Осипов и сотворил в отклик на булгаковский роман, суть которого Ю.М. Осипов определил как *Реквием*, уже свой литературный *Реквием*, прямо и поименовав своё произведение ***«Реквиемом»***, снабдив указанием: «роман о романе, или роман с романом», выйдя, конечно, за рамки связи «роман – роман», проницательно углубившись в столетнюю эпоху, – *эпоху Перемен*, в актуальное бытие-небытие, в новейшую историю, в живо и неживо протекающую вокруг жизнь, обильно сдобренную нежизнью, в неровно, если не рвано, бытийствующую культуру с её нахрапистой антикультурой, включая и инфернальную (с её знаменитым символом – малевическим «Чёрным квадратом»), в разбрызганное во все стороны гуманитарное творчество, в угрюмо собранную в кулак размыслительную метафизику, уклонившись при этом от привычного литературоведения и историоведения, а погрузившись в свои собственные историософию и литературософию, а главное – в *мета-смысло-софию*, ища ответы на безответные вопросы и довольствуясь просвещающим любого любознатца оперированием с *Незнанием*.

В осиповском реалистическом произведении есть *всё*, это не что иное, как безусловная *беллетризованно-философическая энциклопедия вековой эпохи перемен*, в которой есть даже кое-какие ответы, причём не только на что-то более или менее ответное, но и на безответное тоже, в нём нет лишь характерной для романов притягательной игры художественности (не его задача), завлекательной детективщины, занимательной фантазийщины,

а есть... что есть? – *иное* есть, сомнение есть, грусть есть, но и радость познания есть, да *не этого* – не тривиально-бытийного, а *того* – внебытийно-запредельного, ну и, как ни странно для кого-то это звучит, в произведении Ю.М. Осипова немало и вовсе не наигранного *оптимизма,* пусть и омытого страдательным знанием и окроплённого ещё более страдательным незнанием, оттого и не «телячьего» вовсе оптимизма, а вполне осознанного в противовес всему в человеке нечеловеческому, во многом и сатанинскому, *мужественно-борчески человеческого*!

Сатанизм ныне – категория чуть ли уже не научная, вполне себе и светская, отражающая не только богословский факт противостояния падшего ангела Господу Богу, а и социально-философический факт *противостояния человека самому себе и своему собственному миру*, что находит сегодня практическое антиэкзистенциальное воплощение в ускоренном нарастании имитационного, фальшивого, фиктивного *антимира* и в превращении человека в соответствующего этому миру столь же имитационного, фальшивого, фиктивного *античеловека*.

Сатанизм – это ныне не просто и не столько совершение всяческого зла, сколько упорная, кропотливая, на вид и вполне добродетельная, работа по отмене всего *базисно-человеческого* в человеке и его мире и замене этого всего *псевдочеловеческим симулякром*, то бишь работа по подмене человека постчеловеческим человекообразным – ***человекобразом*** (с одной буквой «О» посередине слова – образ-понятие Ю.М. Осипова).

Здесь уже явная кульминация трудо-творческого хозяйствования человека с его одержимостью технотронным прогрессом и технотронным же социокультурным обновлением бытия, как и кульминация самого человека, вольно или невольно отпавшего не только от Бога, но и отпадающего уже и *от самого себя*, как раз исходно (и безысходно тоже!) человека-*«каинянина»*.

М.А. Булгаков, судя по его повествованию о Понтии Пилате, Иешуа, Синедрионе и людской толпе, не видел никакого земно-космического выхода для человека-мастера, кроме утопически внеземного и даже внекосмического, *покоя*, что то же самое – *небытия как Небытия* (концепция «загробной жизни» его явно не устраивала). И ежели в воцарении в России (читай, и в мире) сатаны как сатаны с его изощрённым игорно-театрально-мимикрирующим сатанизмом Булгаков не ошибся, – фактологически

прямо при своей жизни, а пророчески, уже, можно сказать, в тёмную, в не засвидетельствованном им лично, но зато фантастически обозначимом, будущем, – то не ошибся ли он, пророча человечеству наркотически дурманящий небытийный покой или же просто покойное небытие, – кто ж это знает? Ответа тут нет, а вопрос-то остаётся, и теребит, теребит воображение!

Сатанизм ведь не где-нибудь, а здесь, он с нами, среди нас, в нас, радикально отбросивший им когда-то придуманные успокоительные гуманизм с демократизмом и либерализмом, капитализм с социализмом и коммунизмом, уже и сам открыто ставший на их место, пустившись вскачь к... нет, нет, ещё не к Концу Света... а всего лишь... ко *всемирной катастрофе* на пути к Концу Света, вовсе не обязательно и огненно-пламенной, скорее всё-таки, *мягко-морфической*!

Россию М.А. Булгаков под видом Москвы отправил в тартарары (в Аид), однако разыгравшаяся уже на наших глазах новая, как раз и снова мировая, война на то и война, как на то она и разыгралась, чтобы пробудить усыплённую западным и доморощенным сатанизмом Россию в смысловых окоёмах самой же России, ныне вынужденно, а потому и не слишком последовательно, обороняющейся от мирового агрессивного и лукавого античеловеческого обессмысливающего контента, и пробудить её для того, чтобы не быть отправленной никаким сатанизмом – и своим тоже, выпестованным с пристрастием и любовью в её собственном чреве – в тартарары, чтобы отбиться от сей желаемой многими в мире и в Отечестве тоже смертоносной усыпляющей перспективы, и, наперекор всему возродясь, отбить, что не исключено, от сей многообещающей перспективы и весь мир человеческий.

Сбудется этакое или нет, никто из смертных наверняка не знает, зато это весьма знают бессмертные русские сказки, причём без всяких на то наук и философий, даже и без философии хозяйства, точнее, всё-таки с ней, в них самих предусмотрительно и заложенной, просто во времена оные так не называвшейся, – и что же там – в сказках – на сей счёт говорится? – известно что – *сбудется*! А что же сбудется? Хочешь, не хочешь, а *всё* сбудется: и то, и это, и третье, как раз никем, никогда и ни за что *не предвиденное*!

Вот откуда квалификация Ю.М. Осиповым булгаковского москво-мистического творения как *романа-**Реквиема*** (там, в этом

произведении, хватает конечных концов, особенно в потаённой смысло-метафизической его подоплёке, без всяких при этом намёков на что-либо из благополучно или нет скончавшегося возрождение – *конец там, так уж* ***конец!***), и сходная квалификация своего – уже осиповского, тоже ведь московского и тоже не лишённого смысло-метафизической потаённости, произведения – как ***Реквиема****-романа*, в котором наряду с концами просматриваются и кое-какие начала, да ещё и с возможностью, пусть и возможностью проблематичной, даже и роковой, за эти начала борьбы.

И что же? Когда писался тот, булгаковский, Реквием, шла ожесточённая внутри-отечественная (гражданская) война (тогда уже сталинская, так сказать), а в воздухе настырно витал отчётливый призрак новой вспышки на время лишь прерванной большой мировой, вполне себе и апокалиптической, войны, не так, кстати, как вовсю преподносилось в Европе, антисоветской, хоть и не без этого, а как всецело антироссийской, точнее, даже антирусской, вполне себе и геноцидной, отчего и роман получился у Булгакова несмотря на его внешнее остросюжетное – сатиро-юморно́е, даже и весёлое (хоть и горько-весёлое) прикрытие, как раз печально-реквиемным – что для человека вообще с его традиционной религией, что для современника-москвича с его уже новой, как раз коммунистической, религией: автор того романа был уже вынужден, как горький реалист, ни во что этакое не верить, отчего и Реквием у него вышел без всякой, пусть и наивной, оптимистической нотки (слишком, слишком всё было вокруг для мистического романиста наоборотным: от петлюровского Киева через белоармейский безнадёжный Екатеринодар, грустно судьбоносный Пятигорск и неприютный Батум до сталинской без конца воевавшей сама с собой и обречённо ожидавшей войны уже против себя самой Москвы).

Не судить тут надо автора романа-Реквиема и не жалеть его, а всего лишь *понять*, что как раз и всего труднее, ибо не автора тут раздевать до гола надо, да ещё и раздетого и раздавленного сердобольно пожалеть, а *себя самих* – самоуверенных критиков и беспощадных судий, в обрамлении, конечно, вскрытой мистическим романистом и глумливо насмехающейся над ними всеми реальностью, а что касается самого́ *са́мого-са́мого* из XX в. русского писателя, художника, мыслителя, себя же беспощадного критика и не уверенного в себе судии, то он сам себя в итоге без всякой публичности и надежды на воскрешение и распял!

Кто он – Михаил Булгаков, кем и для чего он был на свете, зачем был наделён то ли свыше, то ли снизу, то ли сразу отовсюду, даром ви́дения и провидения реальности, какую софийную миссию выполнил, кроме текущей бытийно-провиденциально-упредительной (а ведь предупреждал, Михал Афанасич, предупреждал!), разве лишь ещё миссию молчаливого от его неподвижных серых глаз *провозвестия Конца*, – и чем же он вообще-то не великий русский от XX века Пророк?!

Вот и осиповский «Реквием» возник в обстановке очередной внутриотечественной (и московской!) распри, пусть и не такой громораскатистой, как при М.А. Булгакове, хоть и не менее роковой и беспощадной, да уже и не сильно гражданской, а так – невысокого пошиба общелюдской распри-возни, пророчески-насмешливо-горько предвиденной великим романистом и вполне себе достойно абрисно обрисованной его острым сатиро-юморным гениальным пером, однако ныне уже дополняющейся – по воле, видно, Провидения и Иного – другой очередной распрей-вознёй – уже и, выражаясь обтекаемым дипломатическим языком, *международной*, – причём явленной незамедлительно, сразу же после выраженного вдруг российским лидером в 2007 г. в славном граде Мюнхене российского о России самомнения, правда, сей международный конфронтационный конфуз пошёл в гору уже после выхода в свет, по-своему тоже ведь провидческого, осиповского произведения, сначала выразившись в сатанинского пошиба хитроумной, доходящей до маск-дурашливости, но вполне себе не дурашливо жестокосердной, гибридной (гуманитарной-де) войне, а затем перейдя и в настоящую, сдобренную уже откровенным сатанизмом, не особенно и прикрываемым политическим актёрством и пошлым словесно-трескучим вуализмом, *войновскую войну*, обильно подкрепляемую высокомерным против России и русского мира (а не против, как кажется, нынешней РФ и текущего в ней режима, вовсе нет!) империо-колониально-геноцидным лейтмотивом.

Изданный в 2010 г. «Реквием», который, конечно же, тоже никакой в привычном понимании не роман, а если и роман, то не так «роман с романом», как роман (Sic!)... с *самой реальностью*, как, впрочем, и булгаковский роман служил прощальным романом с уходившей от Булгакова в Навь, если вообще в Небытие, перебаламученной реальностью, однако роман 2010 г. был всё-таки не так реквиемом-***эсхато***, как тот же роман тридцатых

годов XX в., как романом, пусть и не с бьющей в читательские глаза, но всё-таки... с *оппозиционной возникшей гнусной реальности надеждой*, отчего ставшим реквиемом-***надеждой***, может, и с наивной надеждой, но всё-таки *надеждой* – на возрождение России как России вопреки её двойной попытке насильного перерождения в ходе последнего по бытийно-историческому времени воистину эсхатологического столетия, отчего и надежда на возрождение теперь, коли оно вдруг станется, исключительно через *иное*, за неимением лучшего слововыражения, *перевыворачивание перевывороченного* – не более и не менее!

И что, разве тут не уместен о-*предел*-ительный, пусть и бес-*предел*-ьный, образ – образ *Реквиема* – что для мистического произведения середины XX в., что для метафизического произведения XXI в., да и разве не слышна современнику – что тому, что этому – торжественно-вдохновенная, вовсе и не только заупокойная, но немало и жизнеутверждающая, пусть и не для каждого людского уха таковая, реквиемная сакральная музыка... что-о, разве не слышна?!

И разве не слышно, что говорит сегодня звучащий уже от самой реальности *Реквием*, куда более реквиемный и более сакральный, чем его литературные предтечи, а он, этот мощный Реквием, говорит, ничего при этом вслух не говоря, что никакой экзистенциальной победы России (РФ) над внешним субъектным противником в этой экзистенциально-апокалиптической войне, даже при большой военно-стратегической удаче, не будет и быть не может, а возможна и необходима (!) совершенно вроде бы невозможная, но крайне необходимая для полной экзистенциальной победы России *иная* сакральная победа – победа нынешней псевдороссийской России над *самою собой*, что означало бы и победу... нет, не так над внешним субъектно-мороковым противником, как над внутренним, тоже изрядно сатанизированным, противником, который по выявленности хоть и может быть для приличия подавлен или изгнан из страны, но вообще-то он из *такой* вот нынешней псевдоРоссии сам по себе, да ещё и навсегда, никуда не денется, что как раз и подтвердили своим примером перестройка с реформой относительно печальной судьбы очищенного навечно-де от своего внутреннего противника СССР, отчего потребна ещё и победа над внутренним *социо-сатанизмом*, хоть она трудна, да почти что и невозможна, ибо это должна быть победа масс россиян, весьма

ныне осатаневших от подсунутого им внешнего и щедро им дарованного, как и дозволенного, внутреннего сатанизма, *победа над самими собой*, да ещё и через *собственное (личное)* ***преображение***, что, может, и до́лжно быть, но на индивидуально-осознанном уровне не слишком всё-таки вероятно, отчего в массовом порядке сие преображение коли случится, то по преимуществу всё-таки сверху и насильственно, да хорошо ежели через посредство той же *мировой войны* с провоцируемыми ею разносторонней *мобилизацией*, гражданской *ответственностью* и государственной *дисциплиной*, а то ведь сие может произойти и с пособлением уже государственно-гражданской, правда, военного-таки образца, *диктатуры*.

Нельзя тут не отметить особо одну потрясающую неизречённую весть, посланную будто бы в небытие при- или даже под-сталинским романистом – вполне и, надо полагать, посланную невольно, однако уловленную через полвека автором «Реквиема», а именно: запрятанную глубоко в булгаковском романном детище... э-э... ***апологию***... э-э... *сталинизма* – как факта реально фантастической борьбы... *сатанизма с самим собою*, из чего и выходил вполне оправданный эпиграф, взятый московским романистом из «Фауста» Гёте: *«Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»*, а уловил автор «Реквиема» сию немыслимую весть от булгаковской тайнописи по причине увиденного им на Родине практического антисталинизма рубежа XX и XXI вв., причём самим же И.В. Сталиным провидчески при жизни обозначенного и предусмотрительно им по-адски волево́ заштемпелёванного.

Что же тогда: от нынешней диктатуры золотого тельца, бесстыжей фальши и разгулявшейся вседозволенности всего лишь к *иной диктатуре* и только? Ничего тут не поделать, так уж творится история человечества – от диктатуры к диктатуре, главное – не погрязнуть в эгоистической, а потому и ныне эсхатологически провальной, диктатуре – лица (персоны), клана, партии, класса, как и в диктатуре бездушного «искусственного разума», о чём кое-кто ныне и грезит, а, пусть это выглядит и утопично, надо бы выйти к диктатуре *витально-гуманитарной необходимости*, а она – сия ***необходимость*** – и подскажет какой в реальности конкретно быть диктатуре, хотя бы закона, долга и служения, а уж о диктатуре разума, чести и совести тут остаётся вместе с победительным человечеством лишь по-простецки помечтать.

История показывает, на чём настаивает Ю.М. Осипов, что самое судьбоносное в исторической реальности случается как *самое невероятное* и случается *всегда внезапно*, пусть там и там с содержательными отклонениями и исполнительными нюансами, но ведь непременно случается, отчего бессмысленно с «телячьей» надеждой и непреклонной уверенностью моделировать историю, построяя не только совершенные-де для будущего проекты, но даже и те же самые прогнозные варианты: настырная история всё равно пойдёт по *своему́*, никем как раз и не предусмотренному, пути (за исключением иной раз увиденного вдруг в общих чертах открытыми небесам незрячими провидцами), а потому здесь, в России, необходимо исходить, углубляясь в будущее, из *мобилизационного* и даже *цитадельного* для России, а в гуманитарном плане – *софийно-соборного*, напряжённого и никак не расслабленного, бытия, уже надвигающегося на Россию и вскоре ею, надо полагать, овладеющего, ежели... ежели в России в достаточной мере ещё бытует инстинкт *совместного самосохранения* и ещё наличествует генотипический ресурс *совместного самобытия*, что, кажется, не исключено, даже весьма и вероятно, но *не-бес-сомнительно*!

Сегодня на повестке дня активная защита России от внешней – экспансионной и агрессивной – *антиРоссии* с её изысканно подлым сатанизмом, как и активное избавление России от пут внутренней, – изменнической и для страны суицидной, – *антиРоссии* с её совсем уже не изысканным, отчего и особенно пошлым, доморощенным сатанизмом!

Не для всех соотечественников приемлемо такое видение и интеллект-отражение текущей мировой и российской реальности, её ближайшей будущности (через катастрофу или нет – всё одно!), и тут ничего не поделать, коли она – реальность – вот *такая* – ***апокалиптическая***!

Философия хозяйства – высшее достижение человеческого разума, размышляющего над бытием в мировоззренческом ключе, когда за «философией» скрывается, не таясь, никакими зе́мными постулатами не ограниченная и всецело открытая Небесам ***софиасофия*** (что тогда из мыслимого и немыслимого может быть вольнее, смысловитее и значимее?!), а «хозяйство» есть не что иное, как *само бытие в своей целостной реализации*, причём *всё* бытие – человеческое и внечеловеческое, в непременном при этом

между собой онтологическом и функциональном единении (какой ещё объект размышления может быть масштабнее, целостнее и в смысловом отношении щедрее и концентрированнее?!).

Философия хозяйства не избегает любых обрекаемых на познание объектов-предметов, отраслей добываемого знания, используемых методологий, ежели те, другие или третьи ей необходимы, как и не избегает таких «заковык», как Ничто, Небытие, Незнание, не ограничиваясь обнаружением факта их безналичного наличия, а и пытаясь с ними в совместии познавательно-размыслительно оперировать.

Философия хозяйства не отстраняется и от осмысления феномена ультрамодерновой технотроники и экстраэкзистенциальной роли порождённого ею «искусственного разума», не только не нуждающегося в небесного происхождения людском разуме с его размышлением, мыслями, сомнениями, исследовательской наукой и той же метафизической философией, но и ставящего предел, если не конец, всему от человека исходящему, а, следственно, и самому человеку как таковому: там – в сфере «искусственного разума» – *мёртвая зона*, а сам человек для «искусственного разума» – *мертвец*!

И ничего тут не поделать, даже никакого термояда в таком разе не надо: сакральный земно-космический (скорее, космозе́мный) *Проект* по имени «ЧЕЛОВЕК» торжественно и по-реквиемски завершается, и завершается он самим же человеком-творцом, как раз замечательно творчески одарённым *земно-космическим хозяйствующим субъектом* (есть ли где-нибудь ещё во Вселенной мириады станков, авто, локомотивов с поездами, самолётов, а также радио и телевидение, искусственные околопланетные спутники, в общем – вся технотронная эсхатологическая снасть вплоть до порождённого ею «искусственного разума», а-а?).

Человекообразный технотроник – не человек, а в лучшем случае – *постчеловек*, а постчеловек уже и не человек, вот и вся тут недолга, как недолго осталось, видно, человечеству ожидать сего кульминационного акта *превращения человека в человекообразного нечеловека*, если... если вдруг не опомнится всё-ещё-человек и не повернёт... а вот куда же, не назад же ему отступать, как и не стоять же на месте, только вперёд... и выйдет тогда лишь один выход, он же и выбор без выбора – только в ***мёртвое бессмертие!***

Если совсем ещё недавно человек делал, пусть и бессознательно, тот или иной выбор, то он это делал исходя из возможности *будущего* – БУДУЩЕГО!, а сейчас у человека, который и в самом деле уже на краю Света, такой возможности нет – будущее как непременная возможность его теперь не ждёт, отчего приходится человеку ныне идти в *будущее... без будущего*!

Апокалиптический тут выбо ... без выбора!

Ю.М. Осипов – несомненный *мастер русского слова*, пользующийся разными словесническими формами и стилями изложения, однако и владеющий собственным стилем, называемым им, как было выше замечено, *метафизическим* (смысловедческим, не до конца при этом по смыслам и открытым, как бы недоговорённым, засловным, настойчиво приглашающим к размышлению), вполне и литературным, немало местами и опоэтизированным, избегающим, по возможности, затверженных профессионализмов, а в итоге выделывающим не сразу и не без труда воспринимаемые читателем, особенно не слишком философически искушённым, насыщенные *метасмыслами* тексты, не склонные просто так цитироваться в инородных текстах, нелегко переводимые на иностранные языки, даже и близкие славянские, жанрово тяготеющие по течению мысли, образности, смысловой начинке и неизбежной недосказанности к писанию (сказу, сказанию), в общем – *своеязычный, своеóбразный и своеобрáзный автор нестандартных текстов*.

Выдающийся организатор науки: опытный администратор, создатель и руководитель научно-исследовательских учреждений, учёных сообществ, авторских коллективов, печатных и электронных научных и публицистических изданий; активный генератор нацеленной на новизну, открытия и откровения передовой размыслительной среды; инициатор, руководитель и участник многочисленных разного рода научных, общественно-политических и публицистических форумов, включая регулярные, периодические, серийные, постояннодействующие, многолетние.

Как патриот России, будучи ещё и по военной специальности офицером спецпропаганды, Ю.М. Осипов стал одним из инициаторов и главных исполнителей ***Большого патриотического проекта***, нашедшего воплощение с 2009 г. и далее в многолетней череде народно-патриотических собраний (конференций) и в серии из семи объёмных томов народной истории под общим названием ***«Мы помним...»*** (*«Мы помним подвиг наших отцов*

и дедов». Книга воспоминаний и размышлений поколений), в которых нашли приют тексты (мемуары, рассказы, очерки) о Великой Отечественной войне и послевоенном трудовом времени, включая и славные деяния отечественных оборонщиков, тексты, подготовленные как непосредственными участниками войны, ныне её ветеранами, так и потомками советских воинов – либо не вернувшихся с войны, либо вернувшихся, но уже ушедших из жизни – с рассказами потомков о своих героических предках, их ратных и трудовых подвигах, а среди авторов памятных текстов школьники, студенты, люди разных поколений, ветераны армии и ветераны труда, пенсионеры. С появления первого тома серии в 2010 г. проект стал образцовым, за ним в стране последовали и другие аналогичные проекты, включая и массовое гражданско-патриотическое движение ***«Бессмертный полк»***. Нацеленный на сохранение памяти о Великой Отечественной войне, проект, реализуясь как подлинно народный, косвенно работал на поддержание готовности российского общества к защите Родины и в нынешнее тревожное время, что не замедлило и реально подтвердиться с началом вполне себе реальных боевых действий на Украине. Не исключён и первопроходческий духовно-идейный вклад проекта в актуальное народное движение в поддержку воюющей ныне армии ***«Всё для победы!»***

Украинский проект – УКРОПРОЕКТ!, как собственно проект исторически, как считает Ю.М. Осипов, неизбежен, но как вполне исполненный проект, если и возможен, то только через *диктатуру украинства* – УКРОДИКТАТУРУ!, а иначе говоря – через нацизм, войну, кровь и... увы... измену, – и не одному русскому миру, но и славянству в целом, что означает и конечную невозможность исполнения сего многовекового проекта. Что же касается судьбы нынешней Украины, то Ю.М. Осипов, находясь в 2013 г. сначала во Львове, а потом в Киеве, узнав о вхождении партии укронацистов в парламент, ещё и в честь своей электоральной победы дружно зиганувшись прямо на скамьях покорённого ими парламента, высказал своим дружественным тогда украинским собеседникам следующее: «Теперь-то всё и пойдёт: война, кровь, развал страны; роковое деяние, которое свершилось на Украине – гонение на русский язык, на русскость, это ведь преступление, не смываемое даже кровью, которой придётся Украине умыться». А в совсем уже узком дружеском кругу произнёс: «Украины не будет!».

Сражаясь на состоявшейся в 1998 г. в Варшаве авторитетной научной конференции против вступления Польши в НАТО, Ю.М. Осипов заявил с трибуны конференции: «Пока Польша не в НАТО, она, даже антироссийски в политике и настроенная, остаётся Польшей, а когда вступит, то независимой Польши попросту не станет», за что был немедленно обвинён во вмешательстве во внутренние дела Польши, а российская делегация в знак протеста чуть было даже не покинула конференцию.

Не лишне заметить, что люди, включая и дипломированных учёных-гуманитариев, стремясь к чему-то экзистенциально лучшему и, как им часто кажется, истинному, пусть и мифологически истинному, очень не любят, пренебрегая реальностью, её несентиментальными интенциями, видеть, слышать, касаться одной вещи-вести – *правды*, разумеется, как всегда для людского сознания шершавой, колкой, жгучей, в чём Ю.М. Осипову непрестанно приходится убеждаться и чему быть не просто свидетелем, а из-за чего регулярно и атакуемым, как правило, через гнетуще-молчаливые, недоумённые, а то и укоризненные, взоры, а однажды, аккурат в 1989 г., получить на конференции в Киеве после своего выступления и откровенно гневный упрёк: «Как вы смеете лишать людей иллюзий!».

Что ж, всё так, наверное, и выходит, да вот что на свете не иллюзия, особенно из ожидаемого, из предпочитаемого, из вероподобного, однако на свете кое-что из поначалу, может, и кажущимся иллюзорным, но что таки о себе настойчиво заявляет и заявляет, что раз за разом подтверждается и что оказывается в итоге вполне себе и реальным, пусть вовсе и не очень хорошим, вовсе и не чаемым, даже и не нужным, да что тут поделать – *случается*, а уж от иллюзии до реального, как и наоборот, один в общем шаг, а то и миг – и как нельзя не признавать наличия иллюзий, так и нельзя от иллюзий не избавляться: *правда, она и есть правда*!

Благодарный своим родителям за появление на свет, за воспитание и за пример житейской самоотверженности и гражданского служения Родине, Ю.М. Осипов, родившийся 09.09.1941 г. в Ростове-на-Дону, а затем эвакуированный летом 1942 г. на руках родителей из родного города и оказавшийся с конца 1942 г. в Москве, где и вырос, став по сути коренным москвичом, а с 1955 по 1959 г. ставший вдруг молодым сельчанином по причине отъезда отца трудиться по призыву Коммунистической партии

в качестве руководителя отстающего сельхозпредприятия – председателем колхоза, аккурат на Тамбовщину, где молодой человек закончил среднюю школу, разнообразно трудился, ведя нелёгкую сельскую жизнь, познавая коренной русский мир, щедро общаясь с русскими людьми, становясь подлинно русским, а после своего отъезда из деревни регулярно туда возвращался, будучи не только постоянным свидетелем, но и посильным участником сельской родительской эпопеи, завершившейся в 1973 г., а через три десятка лет после ухода родителей в конце 1970-х из жизни, будучи уже давно и определённо состоявшимся профессором и известным учёным, написал о родителях и их сельском подвижничестве книгу, названную по причине её главного героя и виновника *«Отец»* (2007).

Отец, *Осипов Михаил Яковлевич* (1910–1978), коренной русский человек, из образованной крестьянской среды, с Орловщины, из окоёмов Ельца, из Долгорукова, перебравшийся в 1929 г. вместе с родной семьёй, не принявшей коллективизации, в г. Ростов-на-Дону, став там одним из первых выпускников Батайской школы Гражданского воздушного флота (ГВФ), сначала комсомолец, затем член ВКП(б), сделавший на Юге России, а затем с 1942 г. в Москве, успешную карьеру по профсоюзной линии, а перед отъездом на село находившийся на ответственной работе в аппарате Главного управления ГВФ, ставшего со временем Министерством гражданской авиации СССР. Проработал в качестве руководителя крупного колхоза «Страна Советов» 17 лет (редчайший для 30-ти тысяч выехавших на село трудиться председателями колхозов случай!), да не просто проработал, как и не просто обеспечил при содействии родного ему ГВФ производственный подъём хозяйства, но и, что считал для себя самым главным, коренным образом изменил жизнь сельчан, сделав её благоустроенной, здоровой, окультуренной, насыщенной не только житейскими и производственными заботами, но и созидательными смыслами, в общем – построил то, что можно было бы назвать и реальным, вовсе не выдуманным, *коммунизмом*, чем и исполнил свою мечту о преображении русской, точнее, русско-советской, деревенской жизни.

Мать, *Осипова (Мосиенко) Елизавета Прокофьевна* (1916–1977), донская казачка, ростовчанка, была всю жизнь рядом с мужем, исполняя завет, данный ею перед замужеством будущему

супругу, служа (именно служа!) по домашнему хозяйству, будучи самоотверженной, заботливой матерью трёх детей, неся вместе с мужем и семьёй все выпавшие на их долю испытания и тяготы, разделяя успехи, удачи, радости. Музыкально и певчески одарённая, не став профессиональной певицей, о чём в молодости мечтала, реализовала своё артистическое призвание в качестве неизменной солистки сельского самодеятельного хора, официально признанного в 1960-е гг. *«Народным коллективом»*.

Отец был безусловным примером для сына – молодого тогда сельчанина, бывшего, кстати, и колхозным комсоргом, даже намеревавшегося делать сельскохозяйственную карьеру, однако *что-то* вдруг заставило его вновь обратить свой взор на город, на родную Москву, на какой-то, ещё ему не известный, *иной* жизненный путь, на рискованное начало которого его благословил всё-таки не отец, не желавший, ничего особенно по этому поводу не говоря, отрывать сына от сельской страды, а благословила его мать, сердцем почувствовавшая, где сыну быть и куда ему идти, пусть тогда и всё это оставалось в полной неведомости.

А сын, потрудившись в Москве сначала такелажником на зимней стройке, затем слесарем-инструментальщиком в системе Главгаза СССР, поступил в МГУ, на экономический факультет, с которого после первого курса вдруг решил уйти, да был буквально по случаю отговорён от сего опрометчивого шага старшим товарищем, преподавателем, ну а дальше пошла-поехала учёная карьера, шедшая, надо заметить, не без участия того, что обычно принимается за случай, а на самом-то деле бывает не лишено и провиденциальной мистики.

Отец с матерью, не будучи никакими ярыми и не ярыми сталинистами, принадлежали к по-своему фантастическому поколению патриотов-«сталинцев», признававших феномен красного беспрекословного вождя и красного непреклонного вождизма, одерживая под их знамёнами и водительством победу за победой, реально меняя жизнь по никому тогда доподлинно не ведомым, но зато чаемым этим поколением созидательных романтиков, *новым* цивилизационным лекалам, что им почти и удалось, однако... нет большого добра без настигающего его большого худа... сначала заслуженный, известный тогда на всю страну уникальный устроитель земли русской, разумеется, кое-кому из партийно-советской номенклатуры не нравившийся за самостоятельность,

строптивость, за своё понимание им самим вершившегося устроения сельской жизни, даже и за всесоюзную известность, был грубо, коварно, незаслуженно отправлен в отставку, конечно же, помимо его воли, но зато воспользовавшись опрометчиво данным им партии при достижении 60 лет слова уйти, если того партия-де пожелает, а партия взяла, да и пожелала, и он ушёл, с честью сдержав своё слово, ушёл, вопреки воле колхозников, без промедления сдав дела и никогда – *никогда*! – в преобразованное им село, незамедлительно ставшее свидетелем разрушения всего оригинально им созданного, не возвращаясь, а потом... потом (уже после преждевременного ухода отца и матери из жизни – нанесённое оскорбление и навязчивая гнетущая печаль сделали своё чёрное дело!), та же ликвидационная участь постигла, пусть и не сразу, а через «странную дюжину» лет, не только *всё* поколение «сталинских соколов» с их Коммунистической партией и утопической идеей коммунизма, но и всю самоотверженно построенную ими страну, всю её неподражаемую цивилизацию, пусть и не соответствовавшую вполне своему идеальному замыслу, но так или иначе реально всё-таки народную, трудовую, товарищескую, одним словом – *соборную*!

И что примечательно: не так идеальный коммунистический проект был утопическим, как утопической оказалась возникшая в итоге титанических усилий, ожесточённой борьбы и безграничной жертвенности *новая реальность*, прозывавшаяся коммунистической (социалистической, советской), выдержавшая колоссальные трудо-военные, жёстко мобилизационные, высоко затратные испытания, но не нашедшая в себе гибкости, изобретательности и силы противостоять... *вообще человеку*, вовсе не на шутку обременённому животностью, звериностью, бесовством, как и не на шутку поражённому эгоизмом, алчностью, потребительством, как раз всем тем, что было, и тоже не на шутку, прижато сталинизмом, однако при этом вовсе и не изжито, что со временем массово расшевелилось, шаг за шагом поднялось, расцвело, а в удобный момент и захватило инициативу, обеспечив приход к власти уже своих адептов из числа человекообразных, которые и совершили разрушительно-ликвидационную ***отмену***, да ладно бы ненавистного им *сталинизма*, а то ведь и неприемлемого для них *общечеловеческого гуманизма* с его ответственной *социально-поведенческой культурой* (а культура сия – набор ведь и ограничений, и запретов, и обязанностей!), мало того, бросили в инфернальную топку

страну (СССР), разорвав её на части, безжалостно разрушив хозяйство, промышленность, всё жизнеотправление, отдав народное богатство на разграбление и частное (личное) присвоение, вроде бы создавая, выражаясь традиционным политэкономическим языком, капитализм, а на самом-то деле нахимичив гремучую смесь из прозападного (финансово-глобо-колониального) капитализма со вполне себе азиатским, а в чём-то и петрово-романовско-российским, деспотически-имперским феодализмом, что собственно, и получилось, и есть, и лишь в условиях разгорающейся конфронтации России с Западом, не избежавшей и войновской стези, что вынужденно устремилось к суверенности, достижение которой возможно лишь при невозможно выглядящем на текущий момент полноценном обращении РФ к коренной России и реальном превращении псевдороссийской РФ в действительную Россию, а это уже не просто текущая практическая задача, а трансцендентного порядка *сверхзадача*, требующая не одних разумных-де властно-управленческих действий, а вполне себе трансцендентно-иррационального *преображения* – ПРЕОБРАЖЕНИЯ!, которое ежели и случится, то, увы, через какую-то большую экзистенциальную и тоже трансцендентного свойства коллизию, пусть и не огнемётную катастрофу, преодоление чего и потребует *качественного превращения* – причём, скорее, более насильственного, чем привольного, превращения – *одного бытийного* в принципиально *иное бытийное*, как раз и в корне отличное от ныне вальяжно-тревожно текущего квазироссийского.

Да, современная Россия, представленная Российской Федерацией, не просто вестернизированна и вплетена в Запад, она ещё и пронизана западным, как и охвачена своим доморощенным, ***сатанизмом***, непринуждённо морально-этически разлагающим и буквально ***терроризирующим*** (открытие-утверждение Ю.М. Осипова) страну, её людей, её молодёжь, который уже и не скрывается, ибо его никто не гонит и прятаться ему не от кого, отчего ситуация в стране, несмотря на обилие потребительских третьесортных пряников, а может, и благодаря им тоже, куда как более *паскудная*, чем непаскудная, что при всём при этом вовсе не значит, что это ***паскудство*** (а ведь категория не правда ли, сия «метафора» Ю.М. Осипова?) целиком и накрепко овладело страной, её населением, социумом, культурой, системой управления, даже и капиталом с его олигархатом – да, пронизало, охва-

тило, поразило, заразило, но... но... всё-таки *не овладело* – и это несмотря на великие возможности, вдруг выпавшие на его долю.

Да, не овладело! И дело тут не в одних традициях, обычаях, привычках, приверженности здоровой старине, нет, не только, а кое в чём другом – как раз в *ином*, в засевшим намертво в человеке и не устранимом никакими карательными, прельстительными и обманными мерами, лживыми посулами и коварными дарами экзистенциальном ферменте – *ферменте человечности*, который, собственно, в тьмах россиян и сидит, и работает, удерживая их в людском образе и поддерживая людскую жизнь среди антилюдской нежизни.

Нет, не удалось загнать в услужливо расставленные нового образца античеловеческие сети всех поголовно россиян, совсем не удалось, несмотря на измены немалого числа из них самим себе, России, а то и Родине: война всё и высветила: и то, и другое, и третье, однако выявила и кое-что ещё, а именно – *преданность* Родине, России, самим себе, человеческой в человеке человечности, причём выявила как-то само собой, без показного шума, без истерического надрыва, как раз по-нашенски, по-русски, по-российски, то бишь по-настоящему, а где вот такая настоящесть, там и *мистическая концентрация позитивных энергий и сил*, пусть пока ничего вроде бы и не значащая, но зато... *мобилизационная* – так уж устроено бытие людское: тихо-тихо и вдруг... *сжатый кулак*, как правило, чуть ли ни с того, ни с сего – как раз по велению *Иного*!

Гибкие и подвижные, при всей их кажущейся ригидности и статичности, эти энергии и силы, как и их облачковые концентрации, то погружающиеся вглубь Бытия, чуть ли не в Навь, то выплывающие вдруг наверх – в самую Явь, даже и достигая иной раз, обычно весьма далёких, сакральных Небес, напитываясь Великой Неизвестностью и оплодотворяясь Великим Иным, внедряясь и в зе́мных субъектов, обильно обогащающихся софийным духом, и вдруг на тебе – *перемены* – ПЕРЕМЕНЫ! – невероятные, внезапные, упорно не допускавшиеся, гонимые даже в мыслях, ещё по сути-то и не перемены, а всего лишь их предтечи, но которые уже не стучатся в режимную дверь, а её бесцеремонно распахивают, подгоняемые агрессивной конфронтацией Запада с Россией, ещё и грозящей России полным уничтожением, однако выдавившей из России вопреки себе нужное для России призывное слово: пошла *российская мобилизация*, стронулись с места и кое-какие

остро необходимые для страны, пусть для вершителей её судьбы, пока ещё и более вынужденные, чем желанные, *перемены*, причём всё это парадигмально склонилось как раз в *советскую*, пусть и квазисоветскую, но вовсе не в западную, сторону. Нет, конечно, тут никакая не реставрация «советизма», и уж, тем более, не явная россиезация, а пока лишь ситуационное, частичное и немало симуляционное пользование идейно-духовным наследием и выигрышным опытом СССР и исторической России.

«Ход вещей», не говоря о «ходе неизвестности», никто не отменял и отменить не может, а это так или иначе «ход человека» к чему-то непременно *иному*, и что интересно – к *принципиально иному,* о сути и фигурации которого даже само Великое Иное пока ничего не подозревает!

Отдавая должное всем великим, не очень великим и вовсе на первый взгляд не великим мыслителям прошлого, в особенности, отечественным, у которых учился, с кем мысленно собеседовал, кому осознанно и подсознательно следовал, Ю.М. Осипов отдаёт дань особого уважения своему предшественнику по линии философии хозяйства – *Сергею Николаевичу Булгакову*, пусть им – Ю.М. Осиповым – в момент собственного открытия и созидания своей философии хозяйства и не ве́домого в ипостасях философа хозяйства, идеалистического философа, метафизика, софиолога, богослова, зато потом ставшего его приоритетным сомыслителем из прошлого, поспособствовавшим выходу его – Ю.М. Осипова – за пределы «чистой науки», облегчившим подход к метафизике, открывшим ему значение Софии Премудрости Божией как сакрального источника мысли человеческой, непременного критерия хозяйственной деятельности человека и первейшего начала самой философии хозяйства.

Сначала было пристальное ознакомление с *«Философией хозяйства»* С.Н. Булгакова, её внимательнейшее изучение, затем и знакомство с другими работами *великого мыслителя*, кстати, признанного именно *великим*! – пожалуй что, и впервые в России – как раз Ю.М. Осиповым, что случилось в 1996 г. на состоявшейся по инициативе Ю.М. Осипова содержательной, можно сказать, что и ударной, международной научной конференции *«Творческое наследие С.Н. Булгакова и его современное социально-экономическое значение»*, проведённой по случаю 125-летия С.Н. Булгакова в родном для него Московском университете. По итогам

конференции была выпущена сначала малая коллективная монография *«Творческое наследие С.Н. Булгакова и современная социально-экономическая мысль»* (1996), а затем и крупная, уникальной по содержанию и значимости, коллективная монография ***«Преодоление времени»*** (1998). Конференция и обе монографии подтвердили не только величие С.Н. Булгакова как мыслителя, но и его, пусть и не триумфальное, но зато уверенное возвращение на Родину как её верного сына. За конференцией 1996 г. и первыми печатными в адрес Булгакова трудами последовали и другие научные форумы и книги, обращённые к великому сыну России, его уникальному творчеству.

В 1999 г. по инициативе Ю.М. Осипова была учреждена почётная нагрудная *медаль С.Н. Булгакова* ***«Свет невечерний»***, которой были награждены за три десятка лет три десятка выдающихся учёных, организаторов и попечителей гуманитарной, прежде всего, конечно, философско-экономической, науки. Был также изготовлен бронзовый бюст С.Н. Булгакова, хранящийся в МГУ в очаге философии хозяйства – личном кабинете Ю.М. Осипова, а его копии нашли приют в краеведческих музеях г. Ливны, Орловской области, где родился и вырос С.Н. Булгаков, г. Орла, где юный Булгаков учился в духовной семинарии, а также в Париже, в Свято-Сергиевском Православном богословском институте, в котором протоиерей Сергий Булгаков трудился в качестве профессора и декана (ректора) с 1925 по 1944 г.

Везде по миру чтут С.Н. Булгакова – как земляка (в центре г. Ливны ныне есть площадь имени С.Н. Булгакова, где стоит и открытый при участии Ю.М. Осипова и его коллег мраморный памятник великому земляку), как мыслителя, как профессора и учителя, как богослова, а для кое-кого и как *апостола* (!), признанного таковым сразу после кончины о. Сергия парижским митрополитом Евлогием. С.Н. Булгакова знают и почитают за границей, прежде всего как богослова-экуменист, что не значит, что Булгаков, будучи ещё и софиологом, изменил православию, не говоря уже о Родине, покинутой им не по своей воле в 1922 г., однако в нынешней России его сейчас более знают и признают, при этом особенно не зная и по сути не признавая как философа-идеалиста, изменившего-де марксизму и материалистической философии, и совсем в малой степени знают и признают как незаурядного политэконома и из ряда вон выходящего философа хозяйства.

Ничего не поделать: «Не бывает пророков в Отечествах своих!», а потому в Отечестве своём С.Н. Булгаков значится более всего как еретик, причём тройной: от богословия – за софианскую-де ересь и экуменизм; от философии – за идеализм и отход от марксизма; от экономики – за отход от политической экономии и выход на философию хозяйства.

Да, мировоззренческие переломы просто так, не коллизионно, не проходят, а переломщиков на руках не только не носят, а более всего игнорируют, осуждают, отвергают, а то и травят – до смертоубийства, хотя приходят времена, когда концептуальные новины переломщиков (еретиков-де!) вдруг становятся если не всеобщим, то весьма распространённым в интеллект-среде достоянием – и хорошо ежели ментальные наследники не забывают первопроходцев, называют их имена, цитируют их труды, а то ведь частенько и в забвение окунают, и топят их там, нередко выдавая со временем выстраданное переломщиками уже за своё собственное, вдруг внезапно-де родившееся, за жутко-де новенькое, ухватывая оттого и соответствующий своим невзрачным умственным подвигам вполне себе ощутимый гешефт. А ныне – в *эпоху послеправды*, такое ведь сплошь и рядом, отчего одно тут спасение: Булгаков, к счастью, нынешним «образованцам» по сути своего мыслеизъявления просто не по зубам, как, собственно, и философия хозяйства с софиасофией тоже – факт!

После-сказание

Вот таким вышло пара-недо-вне-энциклопедийное эссе (попытка, набросок), оно же и опус, а в нашем случае ещё и *автоопус*. Хорошо ли сие получилось, не очень хорошо или даже совсем не хорошо – какая разница! Что-то, да получилось! И что же? Нет, не только обильная (а вот зачем и для кого?) информация, не только самооценочные суждения, конечно, авторитарные, отчего и сомнительные, не только чего-то там небесспорные открытия, а то и претенциозные о чём-то там откровения, они же, конечно, и самозабвенные де заблуждения, – всё это само собой разумеющееся для такого рода незаконнорожденного и вольноопределяющегося, ещё и претенциозного, произведения, однако получилось и кое-что другое, совершенно для самозванного автора и неожиданное, что не так даже в тексте, как за ним, точнее, следом за ним,

уже в роли послетекстья, как завершающий симфонию в глубине оркестровой ямы аккорд, но не так по поводу самого по себе текста, который мог бы стать иным, вполне и энциклопедийным, хоть и мало что говорящим, как по поводу субъекта-объекта и всего его – субъекта-объекта – совокупного по жизни творения, что то же самое – ***страды***, в тексте, худо-бедно, кое-как отражённой.

Какой же тут вдруг случился аккорд? А вот какой: ни сам субъект-объект со своим бэкграундом, ни его еретических свойств творение, вовсе и *не достойны*, как вдруг автору опуса само по себе открылось, присутствия ни в каком современном энциклопедического рода издании, ибо не соответствуют они ничему энциклопедийно общепризнанному и ни на какую энциклопедию представительской претензии иметь не могут. В самом деле, ни звания приличного у претендента, ни высокой красноречивой награды, ни убедительной медийной известности, ни широкого учёно-публичного признания, ни даже непременного отсутствия, как это принято у достойных среди учёных претендентов на отражение в энциклопедии, не то что уникальных, а и вообще сколько-нибудь реально значимых трудов, хотя бы и ловко заимствованных, даже и этого у субъекта-объекта нет, а главное – не в актуально-обыденной струе он со своим творением: ни в официозной, ни в диссидентской (антисоветской), ни в модной прозападной, ни даже, хоть уже и слегка потускневшей, в антироссийской.

Да и таится незадачливый претендент со своим творением где-то в особо никем не одобряемой и не замечаемой глубинной, вполне и болотного состава, прорусской-де сердцевине, из которой никогда и ничего из принимаемого текущей реальностью, иначе как через посредство чьей-то ловкой имитации, хитроумной симуляции и нарочитого искажения, не исходит, а ежели что-то вдруг по правде и исходит, то, конечно же, анонимно, да и для внедрения в текущую реальность, которая более псевдореальность, чем реальность, никак не приемлемое, ею охотно отвергаемое и даже ненавидимое, а ежели всё-таки в самой текущей реальности, которая бывает иной раз именно реальностью, а не псевдореальностью, что-то из глубин русской сердцевины вышедшее вдруг как-то утверждается, то опять же анонимно и, естественно, исключительно как нечто ни с того, ни с сего самовозникшее или же возникшее по мановению волшебной палочки из всевидящего и всем и вся де управляющего властного центра, – и никак иначе!

Ничего не поделать, такова уж у нас, в России, умственная *селяви*!

Вот такой приключился у самовольного автора самопроизвольного текста неожиданный автовывод, а с ним и конфуз, а за ним и самоотвод, вполне по-адвокатски и не оспоримые, да что неоспоримые – *законные*!

СОФИАСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА КАК ИНОЗНАНИЕ И ИНОНЕЗНАНИЕ
(материал к размышлению)

Какое счастье, что не все
и не сразу понимают Слово..!
Ю. Семенов

Победа, коли она вдруг в Слове случается, бывает по обыкновению не с нами, а за нами.
Новый Екклесиаст

Нам не дано предугадать,
как Слово наше отзовется.
Ф. Тютчев

Когда-то известный историк, литератор и публицист XIX в. М. Погодин записал в дневнике после заседания «кружка любомудров», состоявшегося в доме у поэта Д. Веневитинова, где присутствовал и А. Пушкин: «*Пушкин демонстрировал против немецкой философии*». Любопытная во всех отношениях запись, не правда ли? Русский поэт, не только не профессиональный философ, но даже не выпускник университета, однако самодостаточный мыслитель от Бога, до семи лет, кстати, не говоривший по-русски и в лицее прозывавшийся друзьями «французом», то бишь вполне себе русский европеец, выражал несогласие… нет, не с материализмом или тем же еще не явившимся на свет марксизмом, а… *вообще* против *всей* немецкой философии, включая и, как совсем недавно у нас говаривали, ее идеалистическую, как уже стало принято говорить ныне, составляющую.

Думаю, что Пушкина не устраивала не так сама по себе немецкая философия (чего на просвещенном Просвещением евросвете тогда не бывало!), как сам просвещенческий подход к восприятию реальности, не то что бывший слишком европейским, по сути-то и местническим, сколько принципиально… э-э… нет, не всего лишь ошибочным – этого мало!, а, ежели исходить

из взглядов и творчества зрелого Пушкина, *неверным*, но не относительно чьей-либо во что-то веры или какой-то еще сторонней идеологии, нет, не относительно вообще чьих-либо и где-то там идеократических представлений, включая и отечественные (говорил-то Пушкин среди русских-де «любомудров»!), а, надо полагать, относительно… *самой реальности*, что то же самое – человека, жизни, бытия, Мироздания, Бога, причем говорил, разумеется, не затрачивая всего этого из понятийно-категориального (Пушкин не был и не мог быть метафизическим начетчиком), а пытался, видно, сказать, что не в философии, включая и немецкую, дело-то, а в *Тайне* – ТАЙНЕ!, причем сразу всего вокруг, которую никакой не то что рассудочной философии, но даже и мифотварной религии не разгадать, как и вообще никакой откровенческой концептуальностью не заместить.

Сокровенное, хоть и приоткрывается откровению, но никаким откровенным вполне ведь не замещается!

Так ли именно размышлял демонстративный Пушкин или нет, мы наверняка не знаем, но более или менее представляя себе Пушкина как беспрецедентно-трансцендентное на русском словесно-смысловом небосклоне явление, вправе предположить, учитывая, что все русские мыслители-словесники, даже и считавшие себя западниками, даже и несчастные модернистские XX в. ниспровергатели Пушкина, пытавшиеся сбросить его с «корабля современности», все они вышли из-под обмакнутого в чудодейственные чернила острия пушкинского пера, можно вполне достоверно утверждать, что Пушкин имел тогда в виду вовсе не логику бытия, а как раз… ее – логики – *отсутствие*, тем более в германо-европейско-философском образе, ибо, продолжая наше в том убеждение, для Пушкина тоже, к примеру, 2x2=4 было в хомо-социальной реальности не более чем частным случаем, а вот 2x2=…X – вполне себе адекватной для человеческого, да и вообще всякого бытия, алгоритмикой, а для нас – *металогической*, а для простоты восприятия – *логично-нелогичной*, как раз и диалектичной, сочетавшей в одном хомо-социальном бытийственном флаконе сразу полагание чего-либо и его же отрицание, вроде той же пирровой победы.

Пушкин, в отличие от тех же немецких философов и их русских последователей, ничего не выдумывал для хомо-социальной реальности из логического, закономерностного, механического, хотя, надо полагать, и не отрицал наличия всего подобного

в окружающей реальности, конечно же, либо как сугубо частных случаев, либо же как навязываемой «неправильной»-де живой реальности «правильной»-де пруссаческой мертвечины: Пушкин видел насквозь хомо-социальную реальность, и не только, заметим, русскую, как бы и безалаберную, но и «ихнюю» – по-европейски-де правильную (немецкую, французскую, английскую, католическую, протестантскую, светскую, атеистическую, все одно!), хоть в Европе Пушкин ни разу не был, даже в Варшаве не был, не то что в Риге (да и зачем, коли он был… *Пушкин*!); а почему же все-таки он видел сложность, неопределенность, неуловимость бытия? – да все потому, что *сам был… целым бытием*, а выразить свое сакральное единение с бытием вообще мог не специализированно философски, а всего лишь свободно поэтически, хоть в стихах при этом, хоть в прозе, а главное – не столько словами отыскать и выразить, сколько почувствовать без слов и преподнести засловно, то бишь молча, немотно, отчего и… *незнамо как:* ведически, волхвически, сказочно!

«*Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что*!» – факт, который не просто знал Пушкин из предковской мудрости, а который вполне признавался Пушкиным за истину, а по-нашему – за *метадогматическую истину*, позволявшую не только увидеть реальность *иной* – не германо-философической, как минимум, но и незримо разглядеть прячущееся в реальности субстанциальное, хоть и спиритуальное, и эфирное, и эфемерное, и вообще никакое, *Иное*, как и неощутимо ощутить стоящую за реальностью и на нее непрерывно воздействующую хоть и не субстанциальную как Иное, а вполне себе и «пустую», следственно, совсем уж «никакую» *Неизвестность*, это уже как максимум!

Иное и *Неизвестность*!

Да, Пушкин об этом всем именно *так*, конечно, не говорил, как и об этом именно *так*, наверное, и не думал, да ведь не суть важно, что говорил и не говорил, что думал и не думал Пушкин, ибо тут важно, что думаем и говорим мы сами вослед Пушкину, находя поддержку и у многих других русских мыслителей – ментальных сынов Пушкина, отчего и наших воззренческих предшественников, таких как Вл. Соловьев, Н. Данилевский, К. Леонтьев, П. Флоренский, Н. Бердяев, С. Булгаков, И. Ильин, И. Солоневич, да и литераторов – Ф. Тютчева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Бунина, А. Блока, С. Есенина, А. Толстого, М. Булгакова, А. Платонова, И. Бабеля, М. Шолохова.

Однако, заметим сразу, что именно *так – Иное* и *Неизвестность*, да еще и в *такой* их трактовке, вообще-то никто до нас и не говорил, во всяком случае, сие нам не известно, хотя известно другое – об этом заговорила в один прекрасный момент сама *Реальность*, разумеется, открывшись на тот момент достаточно подготовленному ее воспринимателю, довольно прошедшему через иные восприятия, ему загодя по возрасту, образованию и чтению данные, однако вполне его в связи с откровенческими перед его глазами и когнитивом событиями 1980–1990–2000-х гг. не устроившие и им как раз через посредство обращения напрямую к разверзшейся вдруг Реальности преодоленные.

Отчего же случилось так, как случилось?

Не так, знаете ли, по причине философии, как, не поверите, по интенциям… *хозяйства,* конечно же, открывшегося автору сего текста сначала как неоднозначное, страдное и страдательное *жизнеотправление* человека и всего живого на планете Земля, затем как жизнеотправление самой планеты Земля, как и ближайшего к ней космоса, но – еще не все! – и всего, знаете ли, Мироздания, мало того, и Господа Бога тоже!

Мироздание, оно же и миросозидание, пусть и не без мироразрушения – *хозяйство*; планета Земля со своим космосом – *тоже*; реализация Бога-Творца с его человечеством – тоже ведь *хозяйство*; ну а реализация человечества вкупе с природой, планетой и ближним космосом, не говоря уж о Боге и том же Его противнике – диаволе, само собой не что иное, как *хозяйство*.

Вся вокруг вообще Реальность – *хозяйство*, как и вся ирреальность тоже, а целью, или даже задачей, всего этого хозяйства является, о чем может судить человек, удержание Реальности как (в виде-образе) реальности, не без участия, конечно, ирреальности, что возможно, во-первых, в движении (движениях) Реальности, во-вторых, в ее изменении (изменениях), в-третьих, с частичными утратами Реальности и ее в себя притоками, в-четвертых, с рождениями, наличествованием и смертями всего из реального, что как раз и означает присутствие в Реальности, рядом с нею и вокруг нее *Неизвестности* и *Иного*, когда первая, оборачиваясь *Вечностью*, дозволяет Реальности *быть*, а второе, оборачиваясь *Временем*, заставляет Реальность быть непременно *динамичной, изменчивой и смертной*, однако и *возрождающейся, бытийствующей, экзистенцирующей*.

Неизвестность – потенциальный «материал» Реальности, Иное – действующий от Неизвестности аттрактор Реальности. То и другое трансцендентно, и человеку (сознанию) является как *незнаемое* прямо из сферы *Незнания*, однако, пронзая насквозь самого человека с его сознанием, позволяет человеку все-таки знать о наличии всего этого незнаемого и его непреходящем значении для Реальности вкупе с человеком и его сознанием, отчего и *хозяйственно мифологизировать* и *мифотворчески хозяйствовать*, созидая *свое и только свое мифологизированное бытие*, пусть и походя принимаемое человеком за истинную реальность.

Да, человек хозяйствующий много чего знает – как же иначе хозяйствовать, следственно, и жить? Он трудится, творит, вытворяет, но и, вооруженный знаниями, *со*-творяет, участвуя и продолжая, как ему кажется и не кажется, Творение Божие, а может, он делает все это, покоряя, как ему кажется и не кажется, Природу, Землю, Космос и в той или иной мере вопреки Божиему замыслу, немало ориентируясь, сознавая это или нет, и на интенции противника Божиего – *диавола,* – кто знает!, а что касается человека, то он, хоть достоверно ничего такого не зная – что из первого, что из второго, действует себе и действует, накапливая доступные ему эффективные знания, их со знанием хозяйственного дела применяя и применяя, чем и созидая свой – *очеловеченный* – мир, да не только выводя его из себя, но и из Природы, из Земли, из Космоса.

Не слабо, правда! А еще более не слабо то, что, хозяйствуя и творя, человек, вроде бы все для этого зная, не знает все-таки одного: а *что* – ЧТО! – он на самом-то деле в итоге творит, а ведь творение его, уже давненько вышедшее за пределы Природы, Земли, Космоса, сейчас выходит с судьбоносным увлечением человека «искусственным разумом» и за пределы *самого человека как человека*, вновь поставив сакраментальный вопрос о *природе и сути человека как человека*: в каком же из исторических типов человека больше всего человеческого – в неандертальце, кроманьонце, нынешнем «гуманоиде» или же в подступающем чипизированном «робо́»?

Так или иначе, несмотря на свои великие познания и не менее великие деяния, человек, хозяйствуя и творя, действует если и не в полной знаниевой темноте, то уж и не на полном знаниевом свету, хоть и явно зная что-то, однако в лоне все-таки

сакрального незнания, причем такого незнания, которое хоть и открывается человеку по мере и в меру его творческого хозяйствования, но не настолько, чтобы открыть человеку саму Тайну Мироздания, остающуюся человеку, несмотря на все его познания, действия и творения, совершенно в исходе и в главном не известной, что и подводит воодушевленного своим творческим хозяйственным энтузиазмом человека… нет, вовсе не к разгадке сей Великой Тайны, а всего лишь к… *неизбежному в таком разе столкновению хозяйствующего человека с этой Великой Тайной*, что то же самое – Известного с Неизвестным, Этого с Иным, Бытия с Небытием, Времени с Вечностью, а вот с каким исходом для человека и его хозяйства, то вряд ли стоит надеяться на какую-либо заманчивую для человека экзистенциальную альтернативу, кроме хозяйственного для человечества эсхатологического Конца!

Тут самое *оно* – ОНО! – заметить, что *творя* (именно *творя*, а не просто ведя) хозяйство, человек *творит* доступную ему реальность, включая и *самого себя*, не удовлетворившись данной ему Богом (Мирозданием) природной реальностью и вступив на путь порождения новой реальности, не только переделывая и преобразуя природу в пределах природы, но и выйдя за ее пределы, устремившись к *неприроде*, созидая *свой*, вполне уже человеческий, *искусственный мир*, не остановившись и перед *обыскусствованием самого себя*, а это означает, что человек взял на себя функцию не просто солидарного Богу вспомогательного творца, а и в полной мере суверенного из себя *Творца*, возникшего поначалу вроде бы не более чем участника и продолжателя Божиего Творения, а затем, что ясно демонстрирует европоцентрическая просвещенческая, а на самом-то деле богоотступническая и весьма просатаническая эпоха XVIII–XXI вв.

А теперь второе *оно* – ОНО!, как раз уже не так хозяйственно-деятельское, как *хозяйственно-осмыслительное*, обусловленное, с одной стороны, ясно обозначившимся новым функциональным образом человека как *неприродного* (или сверхприродного, при этом и антиприродного) *творца*, то бишь как уже *человека-нечеловека* (или даже *сверхчеловека*, при этом и *античеловека*), а с другой стороны – рождением в ментально-духовной (гуманитарной) сфере человеческой экзистенции наряду с мифологией, религией, философией как философией и наукой как наукой мало что нового, так ведь еще и… *иного* течения мысли, как раз

и поименованного ***философией хозяйства***, что объясняется, с одной стороны, хозяйственно-творцовскими достижениями человека, мало что создавшего свою целостную реальность, так еще и рискованно-героически вышедшего за край данной ему и не воспринятой им как родной и вполне ему адекватной природной реальности (протореальности), а с другой – единственно возможным обращением на момент осмыслительного порыва человека в сторону своей хозяйственной миссии и ее тревожно-поразительных итогов к наиболее свободному от априорной аксиоматики, не говоря о догматике, течению и образу мысли – *философии*, однако не как к новому разделу собственно философии и не как к строго философической манере размышления и описания, что очень важно подчеркнуть, а как к *самостному* наряду с мифологией, религией, философией и наукой идейно-концептуальному потоку агрегативной (целостной, холической) мысли.

Может, философия хозяйства и частность, но большая, самодостаточная, стволовая частность, не игнорирующая никакие другие частности, хоть большие, хоть малые, частично и ими пользующаяся, но при этом и уважающая саму себя, идентификационно относя себя к *самостоятельному потоку и образу мысли*, не испытывая при этом никакого комплекса неполноценности: у философии хозяйства есть что сказать *своего* из знания-незнания, причем выходящего за пределы общепринятых потоков знания-незнания, соответственно – из какого-то ***инознания-инонезнания***, не то что не бывшего ранее, а ежели и бывшего, то не скомпонованного в единое, особое, высокое знание, претендующее на *свое* понимание человека, жизни, Мироздания, даже и самого Господа Бога (хотя бы как сакрального хозяйствующего Субъекта-Творца), а критерием мало что особой особости и особой значимости, но и особой адекватности постигаемой и по-своему отражаемой ми́ровой реальности-ирреальности у философии хозяйства напрямую и в целом служит не что иное, как ***София Премудрость Божия*** – этот сакральный первоисточник мудрости, позволяющий человеку судить обо всем его познавательно занимающем, во-первых, как *не о своем только*; во-вторых, со стороны *Великой Неизвестности* и с учетом *Иного*; в-третьих, с первенством софийной первомудрости, что то же самое – в русле ***софиа-софии***, что как раз и означает, что философия хозяйства если и со́фия, то иная со́фия, чем собственно философия, это какая-то

ино-со́фия, а точнее *софийная со́фия*, где главную смысло-откровенческую нагрузку несет не со́фия, а *софи́я* – СОФИ́Я!, то бишь не так *от*-человеческая, как *вне*-человеческая мудрость, однако преломляющаяся в человеке и бытующая уже как и в чем-то человеческая *софи́я*, разумеется, как софи́я с маленькой буквы, а не с большой – как сакральная *Софи́я*!

Софиасофия!

Не будет сильным (и лишним!) преувеличением сказать, что *это* – ЭТО! – высшее на сей момент достижение вдохновленного свыше человеческого разума, точнее, сознания – и ежели с наукой и философией тут более или менее ясно – софиасофия их попросту преодолевает, вовсе при этом не отрицая и не избегая, – то с богословием, или религийным знанием-незнанием, у софиасофии несколько иные взаимоотношения – не так тут преодоление, и уж тем более не отрицание, как, если так можно выразиться, обход цементирующей богословие догматики, как раз тот самый обход, позволяющий, свободно вникая в текущую (протекшую, ныне текущую, возможную в будущем) реальность, *по-иному* судить о ней, исходя при этом *из нее самой – из реальности* – из РЕАЛЬНОСТИ!, избегая любую догматику и не избегая прямого и непрерывного погружения в реальность, которая не просто есть как есть, даже и как делаемая человеком (с умом и безумием, сознательно и бессознательно, лояльно и враждебно, альтруистически и с ненавистью), но и которая сама о себе и о человеке тоже «думает», пусть и по-другому, чем человек, вроде бы как стихийно-объективно, но ведь думает же – *думает*!, отвечая человеку позитивом, негативом, нейтралом, а то и ненавистью вперемежку с местью, а все почему?, – да всего лишь потому, что человек, влияющий на текущую реальность, не особенно задумывается над тем фактом, что в ней, этой текущей реальности, таится и действует информация ото всего сразу – от прошлого, настоящего и будущего; от локального, ми́рового и сверхми́рового; от Бездны, Преисподней и Небес; от Иного, Неизвестности и Трансценденции, от Времени и Вечности, даже и от самой Вселенской Тайны, отчего взаимодействовать с реальностью – что с тигром в клетке, хоть в ржавой, хоть в золотой, играть, если не со Змием многоголовым прямо у него в логове «по-товарищески» общаться за званым обедом… бац!.. и вот оно – *Иное*, уже как *иное самой реальности*, да мало что *иное*, так ведь еще и *коварно-роковое иное* – кто из человеков, не говоря

уж о разного рода правителях, сего не испытал, а-а? Вот потому-то и *софиасофия* – СОФИАСОФИЯ!, которая, конечно, не ответит раз и навсегда на «вечные вопросы», ибо и не должна этого делать, не имея на то полномочий от Софии и Господа Бога, не говоря о Мироздании, а вот подвести к благоразумию при *игре с реальностью* (а ведь тут, знаете ли, и в самом деле *игра* – на удачу с победой, на проигрыш с бедой, как и на вылет в тартарары тоже) софиасофия, не обремененная догматикой, но при этом обремененная сакральной *мерой* – МЕРОЙ!, все-таки может, что, кстати, и всегда было свойственно действующим среди реальности носителям первопрестольной мудрости.

А что сегодня, что видит и что может сказать обогащенная софиасофией философия хозяйства, враз превратившись во мгновение всевидящего, мудрого и своевольного ока в ***софиасофию хозяйства***?

Нет, конечно, не только то, что мир зе́мный в кризисе и ломке; что мир зе́мный ныне на экзистенциальном краю, может, и не на последнем, да не так от угрозы ядерного себя сноса, как от самопревращения в тотально-техногенный мир, захватывающий в себя и самого человека, обращая его в пока еще человекообразного, а затем и вполне себе электронно-механического, *технотроника*; что мир зе́мный ныне уже мир без явного будущего – как наличествующей непременности, и т. д., и т. п., нет, конечно, не только, вовсе не только это может ныне сказать философия хозяйства, она же и отныне *софиасофия хозяйства* – тут главное в другом, что как раз и может сказать сейчас вослед автору библейского «Апокалипсиса» и в унисон с первооткрывателем философии хозяйства и первоадептом ее софийности С.Н. Булгаковым только софиасофия хозяйства, правда, с условием признания ее как необходимой и неизбежной в глобальное технотронное время воззренческой непременности с откатом вон высокомерного к ней презрения, как к мешающей ходу (бегу) человека в «светлое технотронное будущее» и самой что ни на есть опасной для главенствующего обыденного сознания и расцветшего обывательского благополучия ментально-прогностической угрозы.

О чем же речь?

Да не более и не менее, как о возможности, пусть и кажущейся призрачной… ***преображения человека*** еще в ***Этом*** – зе́мном, нашем, человеческом – мире, а не в каком-то там ***Ином***, хошь-

не хошь, а все-таки не нашем, не человеческом, не полнокровном, даже не в телесном и не в вещном, не в природном – земляном, растительном, водяном, кремнистом, не в небесном.

Да, о *преображении* тут речь – ПРЕОБРАЖЕНИИ!

И не по чьему-либо на Земле хотению, а как раз совсем даже не по хотению – кроме, разве, по желанию Господа Бога! – а по *жесточайшей необходимости*, мало того, не чудесным вовсе образом, не «по щучьему велению», не сказочно, даже и не (тем более *не*!) по-научному, расчетному, программному, а в долгой ожесточенной и изматывающей борьбе, может, немало и случайно, казусно, вопреки, даже и чему-то назло, да и в борьбе не так с кем-то или с чем-нибудь внешним, а в борьбе с *самим же собою* и *своим же миром*, совершенно, знаете ли, вроде бы человеческим по происхождению и принадлежности, но вдруг обернувшимся против самого же человека и весьма уже античеловеческим по сути – как раз уже *антимиром*, основательно пораженным, включая и самого человека, самым что ни на есть реальным, а вовсе не мифотворным, не сказочным и даже не только теологически обоснованным ***сатанизмом***.

Сатана – вовсе не только мифологический герой, а действующий в реальном человеческом мире реальный трансцендентный субъект, конечно, исходно не материальный, не организменный, не объектный, а идеальный, сознаниевый, ноосферный, который, реализуясь в продуцируемом самим же человеком *сатанизме*, есть дух, сила, энергия, еще и текст, образ, сюжет, а вовсе не только, как обычно кажется, призрак, тень, галлюцинация, нет, вовсе нет, он, как было выше замечено, вполне реален, разумеется, как воплощенный в реальность дух, включая и реальность самого человека, превращая споро вершащуюся вокруг людскую жизнь в *антилюдскую антижизнь* (*нежить*), а самого человека в столь же споро вертящегося по антижизни (нежити) *античеловека*, даже вроде бы вполне еще человекоподобного, даже частенько напогляд чуть ли не благого, вроде бы вполне и человечного, одним словом – *хорошего*!

Сатана с сатанизмом – феномен-событие вовсе не сегодняшнего дня, он-оно – не открытая вдруг явленность, однако вряд ли когда ранее *это все* имело столь великое в бытии человека значение, – аккурат, кстати, с высокомерным отрицанием сего феномена-события «прогрессивным-де-человечеством» и в момент победы,

пусть и мнимо-пирровой, этого «прогрессивного-де-человечества» над Природой, Землей, Космосом, чуть ли и не над Мирозданием, не исключая и самого Бога-Творца!

Ежели Бога для человека нет, или же Он навсегда для него умер, то тогда есть *он* – ***сатана***, берущий инициативу в свои руки, *осатанивая человека* и обращая его мир в *сатанамир*, эвтаназийно их наконец-то в целом и осчастливливая.

Вообще сатана – вовсе не волосато-рогатый козел или свирепый бык, да и вообще не страшный зверь, хотя сии жуткие личины ему символически совсем и не чужды, даже по-своему для него и характеристичны – внутренне, конечно, а вот внешне сатана вполне себе человечлив, представляясь зачастую вполне себе благообразным, респектабельным, нередко по-своему и красивым… *человеком,* ибо как еще привлечь человече и в него войти, прельстить его, соблазнить, завоевать, а попросту – *осатанить*, и самое эффективное у сатаны для сего дела подспорье – полная для человече свобода в желаниях и поступках при полном его – человече – эгоцентризме, когда все ему позволено и все ради удовлетворения его эго, а уж матблагополучие с комфортом, потребительскими излишествами, непрерывным зрелищно-игровым пиршеством и телесными утехами тут уж идут в придачу.

Да, себялюбие, да, вседозволенность, да, алчность, причем все это без ограничений, и вот уже на месте вроде бы человека – зверь, бес, нелюдь, пусть по виду и манерам вполне себе людское комильфо, однако… «Бог шельму таки метит!», а вот как же Он метит сходу *осатаневающих неофитов*… о-о… по-разному, конечно, но… непременно, а уж как конкретно… а что-о!.. разве ничего *такого* не видно, хоть у высших слоев, хоть у низших, хоть у средних – тут уж все одно?!

Сатанизм многолик, ловок, лукав, изворотлив, гибок, переливчат, блестящ, но при этом и стоек, и настойчив, и непреклонен, и последователен, и тверд.

Сегодня на повестке – *экстраординарная историко-экзистенциальная схватка человека (все-еще-человека, ежели он еще есть, а он все-таки еще есть!) с охватившим зе́мный мир сатанизмом, чуть ли уже не чувствующим себя полным надо всем зе́мным человечеством победителем*, а уж коли вдруг завязалась та же война улыбчивого Запада с давно очарованной тем же Западом Россией, как и встряло в повседневность противоборство

не одного лишь Китая, а и почти всей незападнической части планеты со все еще круто агрессивным, пусть и выдыхающимся на своей длинной импер-колониальной дистанции алчно-хищным Западом, да и вспыхнула та же горячая война на Украине все того же Запада против все той же с РФ – лицом России, то ничего не остается неангажированному наблюдателю, как прийти лишь к одному возможному ныне генеральному выводу, что вся эта противоборческая общемировая коллизия как раз немало и обусловлена триумфально раскинувшимся по всему миру сатанизмом, воинственно кинувшим человечество на край Бытия и Времени и, соответственно, вызвавшим, пусть еще и не вполне осознанное человеком, сопротивление все-еще-человечества пересотворяющему его с нечеловеческим энтузиазмом сатанизму.

Да, на бытийной поверхности все выглядит как борьба уходящего Запада с остальным, при этом как раз восходящим, хоть и восходящим пока во многом по западному образцу миром; как борьба США вкупе с Великобританией за продление англосаксонского общемирового господства; как война Запада с вдруг ставшей ему непокорной и ему тем невольно угрожающей Россией; как вовсю готовящееся столкновение великодержавных, вполне себе и имперских, мировых игроков за лидерское преобладание на планете; как борьба назревшей многополярности с надоевшей всему миру заносчивой однополярностью; как геополитическая схватка «моря» и «суши»; как борьба за избавление мира от набившего оскомину евроамериканского импер-колониального культуртрегерства, вполне уже и антикультурного, античеловеческого и антимировского, как раз и сатанинского; как и попросту борьба за ресурсы, за пространство, за саму жизнь, – да, это действительно все так, однако… однако тут надо иметь в виду кое-что из не очень бросающегося в глаза и в ум не то что обычному обывателю, каким бы он ни был умным, ловким и проницательным, а и нацеленному на понимание возникшей на планете необычно судьбоносной коллизии вполне себе подготовленному и опытному обозревателю-толкователю, какой бы гуманитарной аксиоматике с алгоритмикой он ни принадлежал, а именно, что коллизия сия, включая и ломку планетарного мира вкупе со всемирной войной, заметим, вообще-то уже *войной всех против всех*, возникла как единственно возможный ситуационный вариант вполне себе мучительного и жертвенного движения изрядно осатаненного и осатаневшего человека в борьбе с самим собой и сво-

им же миром к чаемому софиасофией хозяйства *преображению* – ПРЕОБРАЖЕНИЮ!, да не просто чаемому, а и рассматриваемому софиасофией хозяйства реально возможным – как раз на ментально-проективных путях, пролагаемых этой самой софиасофией хозяйства, разумеется, движения не без разноплановой и многосторонней драки, через нее, а ежели повезет, то уж и по ее звездным итогам.

Война всех против всех, ныне захватывающая так или иначе весь планетарный мир, *пришла* (да-да, именно так: *пришла*, хоть и была субъектно и событийно накликана и развязана), причем пришла более *сама*, чем по чьей-то злой воле, хоть и не без этого, ибо она ведь давненько уже просилась в реальность, мало того, требовалась и самой реальностью, а главное, пришла как средство не просто очередного перестроения и переделки зе́много мира-бытия, но и какой-то *существенной перемены* – ПЕРЕМЕНЫ! – в человеке и в человечестве, их не более и не менее как, повторим, *преображения* – ПРЕОБРАЖЕНИЯ!

Такое преображение, как видится софиасофии хозяйства, ежели свершится, то уже за пределами того, что мы привычно называем Бытием-Историей, оно реально возможно уже только там – «За», то бишь *за* бытием-историей, каким мы его себе представляем, – и будучи войной человека, человечества и человеческого мира с самими собою – как раз с достаточно уже *осатанелыми*, – война, вершась оттого немало и *по-сатанински* (особенно изощренно, но при этом и особенно в интеллектуально-культурном отношении пошло, даже и глупо), призвана, освобождая мир, еще человеческий по номиналу и уже античеловеческий по сути, от намертво захватившего его сатанизма, обеспечить и страдно-страдательное ПРЕОБРАЖЕНИЕ, о котором здесь речь, без возврата при этом к протекавшему и текущему до сих пор бытию-истории, что, кстати, всего труднее осознать, не прибегая к *инознанию* и *инонезнанию*, присущим *софиасофии хозяйства*, когда «Знаем, что не знаем, но при этом все-таки *что-то* да знаем!».

Да, тут не что иное, как ***софиалектика***, мало что *полилектика*, преодолевающая диалектику, выходя на больший познавательный простор и оперируя с нарочито не систематизированными (открытыми, неопределенными, стохастическими, переменчивыми, многообразными) *целостностями*, так еще и некая *«запредельная лектика»*, оперирующая, а еще более проницательно вглядывающаяся в *Незнаемое – Иное* и *Неизвестное*,

вовлекая в сие *мучительное переживание* (а чего-то иного, чем такое вот переживание, здесь и быть не может!) *все наличное и безналичное сразу*: человека, зе́мный мир, Софию, Бога, Мироздание, Вселенную!

На повестке сегодняшнего, завтрашнего и любого последующего бытийно-исторического (как и *за*-бытийно-исторического) дня не какое-нибудь всего лишь выживательно-производственно-потребительное, не имеющее к тому же мирозданческой меры хозяйство, а самое что ни на есть *софийное хозяйство*, чтущее мирозданческую меру и ведущееся как раз по-софийному софийно же преображенным человеком – *новым человеком*!

Возможно ли *такое*?!

Само по себе или по людскому уму – нет, такое никак не возможно, а вот посредством *софийной*, знаете ли, *войны* да не менее *софийной*, пожалуй что, *катастрофы* – вполне и возможно!

Почему же все тут именно вот *так*?

Так ведь бороться-то люде́м надо не так с *себе подобными*, хоть это и надо и чего, увы, не избежать, как… э-эх!.. бороться надо с *самими собою* и *своим же миром*, «тока-тока» вроде бы добытым в удовлетворение современникам трудом, потом, творчеством, кровью ушедших поколений и поколений, как раз уже миром основательно и рисково обыскусственным, вполне уже и невозвратным, однако это не все – бороться еще надо с разогнавшимся вовсе не на шутку сатаногенным *«разображением»* человека и его мира, их окончательного превращения в свои окончательно сатанические антиподы, и, что самое главное, не пятясь при этом назад, даже и в XIX в. – в классику хомо-экзистенциальных жанров, что, кстати, частично удалось, да и то на историческое мгновение, Сталину со своим сталинизмом, а продвигаясь Вперед в дебри Иного и в сельву Неизвестности, короче, совершить что-то явно Необходимое и в то же время явно Невозможное!

Преображение, о котором речь, просто так не дастся, как и само себе оно не придет, однако кое-какое Слово-Предтеча от всеещe-человека тут кое-что да значит, хотя бы как сингулярного пошиба идеальный отправной пункт или ментальный целевой ориентир, а вот *что* в итоге и в целом станется столь же неведомо, как и многое из ныне вокруг бытующего, как из бытовавшего ранее, а ведь в том, что есть сегодня и что было прежде, как же много есть и было того, чего вовсе не есть сегодня и никогда не было прежде!

Знание тут переплетается с незнанием, однако не просто с пока будто бы неузнанным незнанием, а с субстанциальным незнанием, восходящим к Иному и Великой Неизвестности, чего и знать землянину не положено, однако без присутствия чего среди и вокруг сознания, ноосферы и памяти никакого сознания, никакой ноосферы и никакой памяти попросту и быть не может, – вот тут какая выходит вещая загогулина, как и вылезает воистину вселенский парадокс!

Хозяйство для человека – его жизнеотправление, исключая внутриорганизменный физиологический процесс, что означает, что и жизнеотправление человека есть его хозяйство, а следственно, и сам человек есть не что иное, как *хозяйство*. Человек ведет хозяйство и самого себя посредством знаниевой ему известности, однако в окутывающей сию известность глобальной неизвестности, а потому и с постоянным учетом всей этой неизвестности, причем не только как шаг за шагом одолеваемой познанием и действием, но и как *абсолютной неизвестности* тоже, отчего хозяйство ведется хоть и не в кромешной незнаниевой тьме, но и не на полном знаниевом свету.

Ведя хозяйство и самого себя по волнообразной, прерывной и витиеватой дороге жизни-нежизни по направлению ***от природы к неприроде***, человек, все более и более что-то зная, все более при этом выходит на абсолютную неизвестность и все более вынужден иметь с ней дело, пусть и не особенно это осознавая, а в настоящее – XX–XXI вв. – время он – человек – уже в явном с этой непоколебимой неизвестностью в хозяйственно-экзистенциальном *конфликте*, из которого человек прогрессивный намерен-таки выйти победителем посредством созданного им ***искусственного мира*** и передачей его в ве́дение напористо ныне созидаемого уже немало обыскусственным homo sapiens вполне уже и всеохватывающего ***искусственного разума***, который, заметим особо, как раз и станет заместителем всего внеприродно-сакрального, как раз и предстающего перед человеком хозяйствующим со стороны величественной Неизвестности, что-де означает, что с непокорной неизвестностью для человека прогрессивного будет тем самым навсегда и покончено!

Вот она, главная хозяйственно-экзистенциальная коллизия подступающей реальности, выражающаяся в эсхатологической по напряжению и потенции онтологической схватке исходно

природного (божественного, софийного) и выходно искусственного (человеческого, сатанического) миров, однако схватка с открытым конечным результатом, о котором современнику и сказать-то по сути нечего: беременное глобальной античеловеческой катастрофой, завершающей сакральный суперпроект «ПРИРОДА, ЗЕМЛЯ, ЧЕЛОВЕК», вполне уже технотроническое грядущее все само и решит, правда, ежели ничто из сакрального Иного в сие надвигающееся грядущее ему наперекор споро не помешает, используя, в частности, своего непредсказуемого носителя-агента – *глубинную первородную Россию*, способную на непредвиденные переменские кульбиты, включая, заметим, и трансгрессивные!

Не то что линейная, а прямо-таки черт не знает какая конфигурация экзистенциально-хозяйственного пути бытийно-исторического зе́мно-космического феномена, обобщенно, хоть вовсе и не определенно, именуемого Россией (а *что* и в самом-то деле есть Россия, а-а, кто ответит?), показывает, что Россия, или *то*, что походя называется *Россией*, способна не просто на крупную бытийно-историческую импровизацию, но и, как было выше замечено, на почти что любой трансгрессивный кульбит, включающий и рискованный для себя и мира момент самоотрицания – вплоть до вовсе не кажущейся самопогибели, однако с непременным самовозвратом к себе самой, но, заметим, в существенно, а не только формально измененном виде.

России почему-то мало бывает эволюционных перемен (да и каких, зачем, куда?), она предпочитает не слишком того, быть может, и желая, резкие, расчищающие бытийную площадку, открывающие путь для какого-то неизвестного нового и раздвигающие тем самым экзистенциально-хозяйственные горизонты, сломы и резкие, как раз и вызывающие во многом неизвестную новизну, скачки, причем поначалу с прыжком круто и далеко от себя, а потом уже с возвратным прыжком к себе, но уже к новой России, ранее незнамо и какой, а в итоге к той, которая через посредство туда-сюда кульбитов сама собой и является.

Здесь сказывается не только феноменальное своеобразие России как безумной непредсказуемости, но и ноуменальная особенность России как страждущего незе́мной необыкновенности в полном смысле слова фантастического *иноявления* – ИНОЯВЛЕНИЯ!, чего не выразить никакими словами, даже столь вроде бы ясными, как безумие, сумасшествие, бессознание, хоть и без слов этих никому из знатоков всего и вся бывает никак тут не обойтись.

Да, Россия и в самом деле *не от мира сего*, отчего и не вписывается она ни в какие сиюмирные экзистенциально-хозяйственные алгоритмы, не говоря уже об умозрительных, даже и самых что ни на есть добросовестных, конструктах, отчего, кстати, доброхотные соотечественники, в особенности, нынешние, никак для России не найдут подходящей и вполне, по их мнению, правильной идеологии, что, собственно, и понятно, ибо Россия – *сама-себе-идеология*, и в никакой надуманной, даже и бодро патриотической, идеологии она не нуждается, а ежели в чем она и нуждается, то лишь в сердечном себя признании, причем как немало во *вне-бытийно-внеисторическом*, то бишь и как много в *иномирном* – ИНОМИРНОМ!, факте, что сделать совсем не просто, а лишь веря в Россию как в *первую для всякого русского и для него же последнюю веру*!

Да, верить в Россию совсем не просто, куда как легче в нее не верить, а еще привлекательнее, как говаривали в пушкинские времена, *бежать России*, либо прямо из нее убегать, аки из ада, конечно же, в иноземный рай, где как будто бы теплее, удобнее, покойнее, даже и человечнее; либо прячась понадежнее в псевдорайском мирке в гуще фундаментально чуждой России; либо в ней не без проблем экзистенцировать протестно, желая России нероссийских перемен, за них и борясь; либо, уже на крайний случай, обернуться прямо против России, ее откровенно, при этом, разумеется, скрытно, предавая, а уж кому ее предавать, это-то всегда найдется, ибо правильных врагов у России, неправильно занимающей огромное жизненное пространство, причем прямо в Этом, а не в Ином, мире, предостаточно, не то что союзников, которых попросту нет, кроме, как известно, своей армии, своего флота, а теперь вот и своих ВКС.

И вот она – *война* – ВОЙНА!

Как ни крути, а война-то хоть и всемирная, пусть еще и не тотально горячая, а на острие-то войны как раз… *Россия* – РОССИЯ!, которую надо бы если не уничтожить насовсем, то хотя бы подмять, унизить, захватить, ну и за счет России поживиться, напитавшись ее ресурсами, живительными соками и кровью.

Да, вся эта глобальная война – что всемирная (Запада против незападного мира, Востока и Юга против Запада, англосаксов против неанглосаксов, неанглосаксов против англосаксов, в общем – *всех против всех!*), что конкретная война против России и России

в ответ за себя – тут в общем-то все ныне едино! – война давненько уже просилась перейти из повседневно-латентной и конкурентно-соревновательной в явную, уже особенно и нескрываемую, вполне себе «взрывчатую» войну, которая должна вроде бы окончательно уничтожить один планетарный мир, ее – войну – и породивший – *евроамерикоцентричный*, он же экономический, импер-колониальный, хищный, но при этом еще и просвещенческий, гуманитарный, научно-технический, все еще природно-естественный, даже еще и реальный, и как бы утвердить *другой мир*, уже вчерне повсюду нарисовавшийся, – скорее, правда, пока более как потенция, чем свершившийся факт, однако о-очень заявочная на реальность потенция! – как раз *пост-человеческий пост-мир* – техноцентрический, технотроннототальный, не(сверх)природный, обыскусственный, не(а)социальный, не(а)гуманитарный, однообразно глобализированный, тотально виртуализированный, массообразный, со споро сокращающимся населением, электронно-механичный, дезо(а)культуренный, упрощенный, бес(а)смысленный, пустой, однако у сей своеобразной, не просто мировóй, а более всего мúровой, то бишь мúровой войны против *этого* мира за какой-то *другой* мир, но, тут уж мы помечтаем, все-таки за… *новый человеческий (и земно-космический) мир*… нет, не за социализм-коммунизм, хоть это и кажется кому-то не просто необходимым, но и возможным, как и не просто возможным, но и необходимым, а… за какой-то и в самом деле *иной мир*, как раз корреспондентный *преображению человека в какого-то нового человека, а человечества в какое-то новое человечество*, пусть и преображения тяжкого, жертвенного, кровавого, на путь которого, как кажется, и брошено всем зéмным бытием-историей, а может, и небесно-софийным покровительством тоже, из ряда зéмного вон выходящая и так сильно этот мир смущающая, если невольно не задевающая и даже не отвергающая ныне, как и столетие назад, вполне себе первопроходческая по назначению и, как тысячи лет назад, сакральная по предназначению Россия.

Мечты, мечты!

Но ведь и реалии тоже, отчего, может, и не стопроцентная уверенность, но и не безосновательная надежда на *то*, что Россия, жертвуя, но не пожертвовав собой, вырвется из объятий сатанической современности, станет *самою собою*, разумеется, вполне себе уже *иной Россией*, предложив и миру, ничего ему не навязывая,

иное *жизнеотправление*: *Иное* в лице России должно-таки сойтись с сакральным *Иным*, что как раз и обеспечит возможность какого-то *иного* на Земле бытия, а иначе… э-э… не стоит об *этом* даже говорить!

Что-то да будет, как раз то, что явно предпочтительнее мертвого на Земле безмолвия!

ИНОЙ,
или Судьба гуманитария в России
(XX–XXI)

ПРЕД-ВЕСТИЕ

Каждый человек в чем-то непременно *иной* – особенный, отличный от другого, как и каждый человек, обладая сознанием, разумом, когнитивом, интуитивом, бессознанием, безумством, бесовством, непременно в том или ином конкретном исполнении *гуманитарий* – как источник гуманитарности («человечности»), ее реализатор, восприятель и отразитель, так и посильный толкователь и, конечно же, не самый церемонный, но уж непременный судия. Так что человеки все бытуют в единении инойного и гуманитариального, отчего они все относительно друг друга – *иные гуманитарии*, что ни хорошо и ни плохо, а что попросту так есть!

Однако человеки хоть относительно друг друга и *иные,* еще при этом и *инаково* гуманитарные, то одно дело быть по-обыденному иными, совсем другое – общественно-функционально, а уж совсем другое, как повелось в оцивилизованном мире – специализированно, или профессионально, ибо есть среди людей и те, которые только и делают, что занимаются гуманитарными делами как таковыми, а есть еще и те, кто специализированно-профессионально размышляют по поводу уже самой гуманитарности, царящей в людях, среди них, в обществе, мало того, выделяя гуманитарность и по ее поводу коллективное размышление в особую ментально обусловленную сферу – *гуманитарную сферу*: научную, философскую, богословскую, вообще любую словесную.

И ежели здесь речь заходит о гуманитарии, то, как не трудно догадаться, о собственно *гуманитарном гуманитарии*, а ежели уж об *ином гуманитарии*, то– чего, заметим, просто так сходу и не уловить – об уже явно *инаковом ином*, в общем, *инаковом ином гуманитарном гуманитарии*, а что это за зверь или же птица, то это еще пояснять и пояснять надо, вовсе и не рассчитывая на согласное восприятие со стороны массы вполне себе самодостаточных иных гуманитарных гуманитариев.

Сходу можно подумать, что речь идет всего лишь об инакомыслящих гуманитарных гуманитариях, которыми ныне хоть пруд пруди – каждый из таких персон так или иначе, в той или иной мере, по тому или иному поводу или признаку, конечно же, инакомыслящ, однако тут вовсе не об этой гуманитарной инаковости идет речь, а о той, которая не так отличие, как… э-э… *звание*, которое еще заслужить надо, однако не выказыванием чего-то попросту иного из гуманитарного, пусть и вполне оригинального, не бывшего ранее, а ментально-интуитивным вхождением не куда-нибудь, а в мироздaнческое *Иное*, и с ним деловито-познавательно-провиденчески оперированием, и сие Иное само по себе вовсе не такое уж и гуманитарное, еще и полное для человека *неизвестности* и щедро наделяющее человека *незнанием*, однако сопряженное с человеческим миром, в нем потаенно присутствующее, на него в его качестве, состоянии и динамике влияющее, незаметно проникая в человека через неизбежные и даже необходимые бреши бессознания в сознании и дыры безумия в разуме, формируют сознание и разум человека, управляют поведением, решениями и действиями человека, не лишая при этом его ни бессознания, ни безумия.

Это-то вхождение в *Иной мир*, может, и поначалу званых, но лишь в итоге исключительно избранных и делают отдельных единиц из массы гуманитариев именно *иными гуманитариями*, а точнее, *гуманитарными Иными,* однако не оккультно делает, не колдовски, не трансово, не шамански, но при этом и не по-научному, не по-философски и даже не по-богословски, а, пусть это не покажется банальным, всего лишь… *метафизически размыслительно* (с включением в ход размышления *подсознания, сверхсознания* и даже *бессознания*), но непременно *метадогматически*, то бишь свободно, открыто, в прямом контакте с реальностью и с доступным человеческому воображению (не фантазии вовсе) проникновением в реальность, а ежели сказать одним словом, то… *софийно* – СОФИЙНО!

В центре внимания в нижеследующем писании, таким образом, не какой-нибудь вообще гуманитарий, а мало что гуманитарный гуманитарий, так еще и *иной гуманитарный гуманитарий*, мало того – *гуманитарный Иной,* что означает не просто особенный, а особенный *по-иному* – вступивший в творческий контакт с сакрально-субстанциальным *Иным*, как и со стоящим за этим

Иным его беспощадно ведущим вперед *Великим Неизвестным*, а также обогащаемый, как и придирчиво при этом инспектируемый вплоть до заслуживаемых гуманитарием кар, самой *Софией Премудростью Божией*, то бишь в центре внимания тут не не какой-нибудь, пусть и ментально выдающийся, а все-таки *софийный гуманитарий*, нет, не попавшийся вовсе в сети Софии, наоборот, ею освобожденный от каких-либо задогматизированных пут ради познания, открытий и откровений, кроме, конечно, знания *Незнания* – НЕЗНАНИЯ!, восходящего к Началу – *НАЧАЛУ!* и Истоку – *ИСТОКУ!, чего человеку знать как именно ЗНАТЬ!, вовсе и не полагается.*

Максимум, что может дать София размышляющему софийно гуманитарию – возможность оперирования в ходе его размышлений, включая и их бессознательно-интуитивную, а то и, знаете ли, моментами прямо-таки и безумную, составляющую, так это возможность оперирования с незнанием *и стоящими за ним ИНЫМ, НЕИЗВЕСТНЫМ, НЕБЫТИЕМ, ВЕЧНОСТЬЮ, хотя и ВРЕМЕНЕМ тоже, да и попросту ТАЙНОЙ.*

Обыватель скорее, чем тот же научник-исследователь, а то и философ, почувствует наличие в бытии не просто чего-то иного, а и какого-то и в самом деле Иного, его так и не называя, и обратится через Церковь к Богу, на худой конец, к той же гадалке или к тому же шаману, зато научник, пусть и философствующий, непременно отвергнет невидимое и нематериальное Иное, признавая лишь видимое и материальное Это, то бишь признавая Физис *и* Физику *и не признавая* Метафизис и Метафизику, хоть на деле в реальности он всегда оказывается не кем-нибудь, а… метафизиком, невольно выходя за пределы физиса и физики как таковых и вынужденно приспосабливая добываемое им по сути-то метафизическое знание к науке-физике, не понимая, кстати, и того простого факта, что вся его наука-физика и является не чем иным, как мифологизированной под науку-физику метафизикой, а уж научная философия – тем более!

Софийный же гуманитарий – чистый метафизик, или метафизик как метафизик, однако способный идти по краю между ЗНАЕМЫМ и НЕЗНАЕМЫМ, отдавая себе отчет в наличии факта незнания знаемого, *как и в наличии факта знания о наличии в мироздании* незнаемого как незнаемого, *как и его судьбоносной роли в бытии человека, а идя по краю между* всегда относительно знаемым *и* всегда абсолютно незнаемым, видеть

своим тайнозрением, как и трансмысленно осознавать (незнамо как, само собой) и не слишком внятно для других трактовать почему-то и зачем-то им (не)увиденное и (не)осмысленное, хоть и как-то для себя *трансцендентно-бессознательно таки осознанное.*

Да, гуманитарий, о котором речь, никто иной, как… мудрец, разумеется, среди людей непременно и отшельник, вовсе ныне, конечно же, не прячущийся в пещере, не сидящий в бочке на берегу теплого моря, не скрывающийся от людей в дремучей лесной чаще, даже в монастыре не пребывающий, а бытующий кое-как не где-нибудь, а в… университете, где только и сохраняется, даже как-то и культивируется, пусть ныне и остаточно, и предвзято, и не многосторонне, кое-какая гуманитарная мысль, где есть еще она – гуманитарность, хотя более всего ныне не как гуманитарность, а как гуманитарщина!, да-да, в университете, где еще водятся адепты, знатоки, хранители гуманитарности-гуманитарщины, даже и кое-чего значимого в гуманитарной сфере творцы, пусть и более всего посредством переработки отлеживающейся в недрах молчаливых библиотек обильной «словесной гуманитарной руды», но зато из залежавшихся массивов чего-то нужного, содержательного, ценного, о чем-то важном и исключительном говорящего.

А мудрец, прошедший через рудознатскую гуманитарную страду, тоже, как водится, кое-что выдавший из значимого на гуманитарные гора, на то и мудрец, чтобы, выйдя в Иной мир, при этом не покидая насовсем мира Этого, творить уже свой *гуманитарный мир, как раз* иной, не уходящий в сторону от мира Э*того, а его лишь преодолевающий, что дает возможность мудрецу мало что мир* Э*тот увидеть* иным, так ведь еще и дополнить гуманитарность Э*того мира* иной *гуманитарностью* – инойностной, за что мудрецу-отшельнику обычно положено не вдохновляющее почтение от бытующих вокруг гуманитариев, а скорее… нет, даже не публичный от них протест… а более всего молчаливо-убийственное незамечание… как будто бы его – мудреца, и нет, хоть он и среди всех, на виду, да вот… нет *его и все, да не как какого-то там наивного правдолюбца, а как всего лишь… э-э…* ненаивного нелжеца, в чем главная вина его и состоит, а что касается экзистенциального суда над ним, то человеческим такой суд просто быть не может, а ежели какой-то суд есть, то разве лишь от самого Иного с Великим Неизвестным да от Софии с Господом Богом *в придачу*, – вот как оно выходит!

ВЕСТИЕ

Россия

В смысловом отношении Россия, она же Рось, Русь, Московия, Русское царство, как и ранее Гиперборея (гр.), Рутения (лат.), ну и затем Российская империя, СССР, а теперь вот Российская Федерация, не что иное, как «Х» (икс), или Сфинкс, великое неизвестное, неразрешимая тайна, а ежели как-то Россию определять, то лишь как нечто… *иное*, которое явно есть, но вроде бы его и *нет*, которого будто бы нет, а оно, подишь ты, *есть*, а что же есть и чего же нет-то?, – да как раз *этого – сеюмирного,* и хоть что-то в обыденной практике есть, да вот как-то не в четкой смысловой выраженности, отчего и вопрос: а что же тогда все-таки есть? – да оно-то и есть, как раз то самое – *иное,* то бишь ***иномирное***, правда, так оно есть, что его как бы и нет, хотя оно… как бы… и есть!

Загадка!

Да, Россия – *тайна*, и ничего тут в смысло-разгадочном плане нет, кроме самого по себе, вполне себе и магического, слова «*Россия*», да и оно само по себе ведь тоже тайна, отчего самое лучшее для любого ответственного гуманитария остается лишь признать, опустив свои умные очи долу, что Россия… это всего лишь Россия и все, или же, подняв удивленные очи горе, что Россия как раз и есть само Иное, точнее, не само Иное как таковое, а всего лишь от и из Иного она, что несет она в себе и из себя же излучает опять же Иное, но в том и другом разе гуманитарию вовсе от этого не предстоит покоя, а совсем даже наоборот – предстоит ему думать и думать о России, да не просто учитывая ее исходную загадочную инойность, а и входя по мере возможного, как и непременно допустимого, в *иноэгрегор России*, в ее уже собственные о себе думы, не рассчитывая при этом не то что на полную, но даже и на частичную их разгадку.

Вдумайся, российский гуманитарий, в то, не зная во что, воспримi то, не зная что, овладей тем, не зная чем, но это еще не все: *не зная об этом ничего, знай оттого о нем все*!

Вот она – судьба гуманитария в России: быть, но при этом и не быть, а уж коли и в самом деле быть, то лишь *вопреки* – текущей России, бытующему гуманитарству и даже самому себе!

Тут все очень не просто: сначала надо познать все знаемое (в достаточной мере, разумеется, когда ясно вдруг становится, что ежели еще что и далее познавать, то либо уже ранее известное, но позабытое или умолченное, либо что-то ничего нового уже попросту не говорящее, либо явно уже гуманитарию не нужное), что и значит тогда стать полноценным в расхожем понимании гуманитарием, конечно же, не миновав и университет, хоть это и не строго обязательно, однако о-очень желательно – повариться там, надышаться, наговориться, в меру и разочароваться. Не пройти классическому гуманитарию и мимо настойчиво необходимого самообразования: в университете, вне университета, по-университетски (в общении) и по-своему тоже (наедине с собой). Знать надо гуманитарию о-очень многое, весь, знаете ли, знаемый мир, и уж коли университет с его наукой, литературой, чтением, освоением основ, то, конечно же, надобно знать весь культурный и давно ставший в России культовым *европеизм*, включая иной раз и его русскую составляющую, однако пока с вынужденным преобладанием масонского по духу и концептам неугомонного, а ныне и постмодернового, европеизма, что означает стать сначала и сходу ментально-культурным *европейцем*, а затем, от чего хоть и можно, но вовсе не нужно ускользать, стать *русским европейцем*, если не *европейским русским,* носителем *русско-европейского,* а точнее, *европо-русского,* разностороннего *гуманитаризма.*

Нравится это тому или иному отечественному гуманитарию или нет, но сей вдохновенно-отравной чаши сего познания ему никак не избежать. Да, можно гуманитарному соотечественнику погрузиться в восточные, арабские или же исламские премудрости и найти там для себя много чего замечательного, но, окунаясь в гуманитарную Россию, нельзя не стать, хочет того или не хочет отечественный гуманитарий, именно *руссо-европейским*, а по преимуществу все-таки *евро-русским*, гуманитарием, ибо Россия – *европейская страна* – и не только и не столько географически, сколько духовно, ментально и культурно, – хотя она, безусловно, от *россо-европейской* и даже *россо-евразийской* стороны.

Нет, Россия – не россо-евро-азиатский конгломерат, а вполне себе россо-евро-азийская органика, да и то более всего в явленной

гуманитарной поверхности, в известной россиянам знаемости, а вот в сокрытой сути своей Россия, будучи в Этом мире живым воплощением Иного, конечно же, более всего *сама-себе-страна*, да и не страна вовсе, а в страновом облике некий *инофеномен,* но и это не все – феномен еще и бездный, преисподний, адовский, однако при этом и небесный, хоть и не райский вовсе, отчего и сам для себя таинственно *сингулярный*, вовсе при этом не так, как Европа или Азия, не заведомо концептуально-парадигмально бесспорный и накрепко задогматизированный, как и намертво загипнотизированный, а, несмотря на периодически наступающую статичность и даже анемичность, неукротимо подвижный, переменчивый, неустойчивый, даже и *импровизационный*, а ежели в чем-то в долгую стойкий и упорный, то лишь в своей скрытой сути – как раз *иносути*, никому из смертных ни вдосталь, ни впрямь, ни впрок и не известной.

Российская гуманитарщина

Продравшись в обязательном порядке через знаемое, им напитавшись, насладившись и немало отравившись, уважающий себя русский (российский) гуманитарий имеет шанс, преодолев, но не отбросив напрочь знаемое, выйти в сферу *незнаемого*, сначала, как водится, с ним пободаться от имени знаемого, а потом, убедившись, что незнаемое на то и *незнаемое* – НЕЗНАЕМОЕ!, чтобы не поддаваться натиску новоиспеченного, как и уже успевшего себя вдоволь творчески проявить в познанной сфере, знатока, а ежели хватит у подступившего к сему сокральному *незнанию* знатока исходной сообразительности, сдержанности и даже скромности, то и вступить с этим незнанием в необыкновенный творческий контакт.

Тут уж знатоку до́лжно достать немалого мужества, храбрости и стойкости, чтобы не сотчаяться вдруг да не сойти заблаговременно с ума – как раз от вдруг незнамо как им воспринятого, а ежели и незримо увиденного, то, увы, прямо в себе, в других, в человеке вообще, человечестве вообще, в мире вообще, а вследствие этого вдруг осознать, что все вокруг *иное*, а все им освоенное знаемое – не более чем *миф*, правда, немало и работающий миф, прямо за *иную реальность* работающий, ее собою прикрывая, как и за нее, неродимую, себя походя и часто весьма неуклюже выдавая.

Тут в общем-то случается у гуманитария *шок* – ШОК!, кого из гуманитариев отпугивающий, кого надламывающий, кого разящий, а кого и закаляющий, даже и благословляющий, а поскольку последнее дается немногим избранным – *единицам*, то в обширной и невозмутимой гуманитарной сфере все бывает, словно в чарующем граде Багдаде, вполне и спокойненько, во всяком случае, напогляд, кроме разве того гнусного обстоятельства, что она – гуманитарная сфера – вдруг как-то ныне убедительно усыхает, истончается и вдохновенно испаряется, подменяясь, конечно же, вполне себе удобоваримым ***симулякром***, весьма привлекательным и даже достойно развлекательным, что безликую, безразличную и безмятежную массу псевдогуманитариев вполне ныне и устраивает.

И как нынешним гуманитариям оттого весьма комфортно, так и властям – богатств и развесистой правдоподобной клюквы – предержащим тоже весьма комфортно, да что тоже – в особенности!

Так вот и бытует ныне в России (РФ) гуманитарная сфера, непонарошку сдавшись, почти что уже и окончательно, победившему *сатанизму*, его даже и зычно оправдывая, а главное – заткнув себе понадежнее, вполне и добровольно, и так немотный на правду рот, отважно открывая его лишь в угоду постмодерновой пустоте.

Ну да ладно, что с нее взять – с расхожей гуманитарщины, разве лишь поддержать ее сдержанное историографическое обращение к кое-какой классике, бе**с**оподобно, хоть и безрезультатно, отвергаемой постмодернизмом: пустотой ведь и ежа не покрыть, не то что классику, даже и пытаясь выдать за классику по факту-то всего лишь из проходящего со скрежетом зубовным безвременья его постмодерновых столпов, аккурат и ниспровергателей всего человеческого, то бишь как раз и собственно всего *гуманитарного* – ГУМАНИТАРНОГО!

А тут, понимаешь ли, *иное* – ИНОЕ!, которое вовсе и не как таковое гуманитарное, хоть и не антигуманитарное, оно, видишь ли, не то и не другое, а, подишь ты… и-н-о-е, аккурат так же, как и Р-о-с-с-и-я, отчего гуманитарий в России, хоть вроде бы и гуманитарий, однако не совсем уж гуманитарий, а то и вовсе не гуманитарий, тогда кто же он, кроме того, что… и-н-о-й?, то бишь не про-, не пост-, даже и не не-… а-а, кажется ясно, хоть ничего и не ясно… он всего лишь… э-э… ИНОЙ!

Вот и оно – искристое замыкание фатальной цепи: судьба гуманитария в России не что иное, как, будучи гуманитарием, не быть им, а уж ежели быть им – куда деваться! – то лишь неким выходящим за пределы расхожей гуманитарности… нет, не *иноком*, а, скажем так, взяв от гуманитария частичку «арий»… *ино-арием* – ИНОАРИЕМ!, что означает статься вольно или невольно адептом, агентом и даже трактовщиком (не путать с трактирщиком!) *Иного как Иного*, как раз чего-то такого, о чем ни сказать ничего вразумительного, ни уж, тем более, что-нибудь этакое написать, хотя, заметим сие с большевистской прямотой, о *чем* все-таки российская гуманитарность упорно и толкует, вовсе или же почти вовсе того и не сознавая.

Толкует, может, и иное, да вот не об Ином как Ином, а просто об *ином* относительно всего *этого* – вот оно какое дело! – тогда о каком же *ином*? – да все о том же, чего вокруг нет или очень уж мало иной раз есть, чего хотелось бы, о чем лишь приходится мечтать, да и что просто приходится выдумывать, уходя в необусловленное письмотворчество, в худлитературу, мифы, фэнтези, сказки, в сатиру и юмор, в пустоту, – а ведь иного выхода-то для заядлого гуманитарщика и нет!

Выход, он же и вход, в Иное

Нет, не во что-то запредельное, хотя Иное менее всего Здесь и более всего Там – в Запределье, а в то Иное, которое как раз Здесь, в Этом мире, среди нас, в нас, выше нас, но и ниже нас тоже, но дело тут не в том, что оно везде – в мироздании, в сознании с его бессознанием, в разуме с его безумием, в спиритосфере с ноосферой, в физисе и метафизисе, ну и, соответственно, во всей гуманитарщине, пусть для 99,99% массы гуманитарщиков совсем и неосознанно, а вот то, что все наше – людское де бытие – *совсем не такое*, каким представляется, в особенности, в городах-мегаполисах, и людишки-то *совсем не такие*, какими представляются – сами для себя и гуманитариям заодно, и что какой-нибудь *антимир* не где-то там – то ли в космосе, то ли… кто его знает где, а Здесь, в Этом мире, да так здесь, что и мир-то наш более всего *антимиром* и является, ну и гуманитарщина не то что *вовсе не такая*, какой видится, а совсем, знаете ли, другая, да ладно бы ложная, а то ведь попросту она… *никакая не гуманитарщина*,

а лишь пустая ее видимость, то бишь *видимщина*, да не так от русского видеть, как от латинского VIDE, что означает пустой, отчего даже не видимщина она, а самая что ни на есть *пустовщина*!

Во как!

Разумеется, без гуманитарщины никуда, отчего ниспровергать ее и топить в полной пустоте не будем – не наша это задача!

У нас куда более скромная цель: приоткрыть гуманитарный занавес и показать толику реального *закулисья* – ЗАКУЛИСЬЯ!, всего лишь толику – на большее мы, пардон, и не осмелимся, точнее, не должны осмеливаться – что ради себя, что ради людей, что ради Бога с его Софией тоже!

А что же там – в Закулисье?

Не открываем большого секрета, что там… нет, *не наоборот* – не НАОБОРОТ!, там, знаете ли… нет, вовсе и *не навыворот* – не НАВЫВОРОТ!, вовсе нет… там, увы, как здесь, как у нас, даже и как на авансцене, только… э-э… только там все-таки *не это*, а… как раз *иное*, о котором нечего сказать, кроме того, что оно *иное* да, пожалуй еще, что… *никакое*, только вот кого из поднаторевших в мифологии гуманитариев *это* может устроить? – ясно, что *никого*!

Никакой по сути не гуманитарий, а хочет чего-то *этакого*, чего ему просто недоступно – ни понятий нет, ни языка, ни словаря!

Что же там – в Закулисье?

Нет, не только *игра*, не только *симулякры*, не только *фикции*, не только *фальшизм*, чего и здесь хватает вполне и с избытком, там что-то *такое*, чего не выразить словами, что не роднится с языком, что не солидарно с понятиями, в общем – НИЧТО, НЕИЗВЕСТНОСТЬ, НЕЗНАНИЕ, даже не Небытие, не Нежизнь, не Неэкзистенция, а именно, не устаем повторять, *Иное* – ИНОЕ!, что не известно, не обозначаемо, не формулируемо, но что здесь, среди нас, в нас, в бытии, в жизни, в экзистенции!

Что поделать, мы – человеки – в смысловой *Неполноте* – НЕПОЛНОТЕ! – факт!, да такой факт, что дрожь по телу, мороз по коже да глаза на лбу!

Мы ничего достоверного о мире, жизни, себе, Боге не знаем и знать не должны́, а вот быть-небыть до́лжны, причем вполне гуманитарно, то бишь *мифотв**а**рно,* – и никак иначе!

Иное на то и *Иное* – ИНОЕ!, чтобы нам – человекам – ничего о нем не знать, кроме того, что оно есть как есть и есть как

Иное, и что главное тут не в том, чтобы знать, что же есть оно в своих гуманитарных реалиях, то бишь мифотв**а**рных, при познавательном-де приступе к нему, при воровском на него набеге, при его хирургическом вскрытии… нет, нет, вовсе не чтобы знать, а чтобы всего лишь… э-э… *признать* – ПРИЗНАТЬ!, как неведомое, незнаемое, неизвестное, но при этом *есть*венное, *быть*ственное, *сущь*вестное, да мало что такое вот, так еще и все, ну пусть почти все, а вообще-то, *всейное* или… нет, не определяющее (это уж слишком!), а всего лишь… не оставляющее без своего… э-эх… все-таки весьма определяющего кое-чего из многого и важного в наших реалиях, трансцендентного влияния, вполне вроде бы и незаметно-нейтрального.

Да-а, многое что из реального известно человеку, и немало в чем он по жизни уверен, да вот не все и не во всем, а именно – не знает он главное и в главном он не уверен, – тут уж, пардон, Неизвестность и, будь оно не ладно, Иное… впрочем, почему же не ладно, как раз вполне наоборот, ибо если бы не эти два – Неизвестное и Иное – то ничего бы *такого*, включая и все *гуманитарное* – ГУМАНИТАРНОЕ, – *не было бы*!

Наличие-безналичие Неизвестного и Иного – залог наличия, как и в некотором ракурсе безналичия, *всего* известно-неизвестного сущего – не более и не менее!

СССР

Возьмем тот же великий СССР – этот оксюморонный (Не)Союз (Не)Советских (Не)Социалистических (Не)Республик. С-С-С-Р и он же Не-Не-Не-Не! Тогда что же? Многое об СССР известно, а вот *что* же это в целом, на самом деле и по существу было, увы, не особенно-то ясно, точнее – совсем и не ясно. Да, слова всякие, определения, заклинания об СССР и по его поводу хорошо известны, а вот о чем же они реальном, кроме самих этих словоизъявлений, никто толком и не знает, – и что интересно, никто и не пытался себе это уяснить: ни тогда, еще во времена СССР, ни сейчас, уже в пост-СССР-эпоху. Как был СССР непонятным *шифро-мифом*, витавшим над какой-то *иной* – *не СССР-овской*! – реальностью, так и витает по гуманитарной сфере до сих пор неким неопознанным летающим объектом (и субъектом тоже).

Всего проще обозначить реальность, бывшую при СССР в СССР, как (не)народный, (не)партийный, (не)номенклатурный, (не)вождистский *этатизм*, где «не» играет роль присутствующего в явлении неполного самоотрицания: вроде *этим* было *оно*, а вроде и не этим, да и *не оно*, может, а что-то совсем другое было, но непременно с полаганием чего-то *этого* и его же – *этого* – отрицания, то бишь что-то *(не) это* и … *(не) было*.

Замысловатая тут диалектика, да не так от вольного методологизма больного диалектикой дознавателя, как от неприступного диалектизма самой загадочной объектно-субъектной реальности, в данном случае СССР-овской. Делали, творили, рубили с плеча, именовали, переименовывали, обзывали, обзывались, судили, казнили, награждали, славили, изумлялись, нисповергали, а вот *что* же в гуманитарно-понимательно-понятийном аспекте вершили, *что*-о?, если не… вздохнем с облегчением… что-то *иное*, да не просто иное, которое и определить сходу можно усилиями ходово́й и ходкой гуманитарщины, а именно *иное*, к спорному себя определению от расхожей и скороходной гумантарщины почему-то не склонное?

Так что же?

Тут уж в дело вступает *иная гуманитарщина* – оттуда, из Иного, не обремененная ни фанатизмом, ни догматизмом, ни даже гуманитаризмом как таковым.

Тут в самый раз вспомнить о единении России, или того феномена, которого мы называем Россией, с Иным, да таком единении, когда сама Россия и есть Иное, правда, бытующее то ли по заданию, то ли в наказание, а скорее всего по тому и другому поводу, *Здесь*, на Земле, среди *Этого* земного мира.

Да так бытует, что ничего определенного о ее – России – и его – Иного – бытовании на евразийском континенте планеты Земля и сказать нечего, кроме… кроме разве того, что… *тайна* тут неоглядная и непостижимая, а вот кроме сей тайны еще и *таинственное предназначение* загадочной Ино-России, самой непрестанно витая над бездной и ее собою прикрывая, вытаскивать из бездны, вполне и творящей, какое-нибудь *иное*, как и отправлять во все пожирающую бездну кое-что из зе́много – из *этого*, для чего и связь магическая с Иным потребна и самой надо быть магически *иной*, чтоб притягивать и отталкивать реально-нереальное, ну и – самое главное! – иметь охранительную для себя

себя же *непонятность*, ни для кого, ни даже для себя, что именно и есть, а вкупе – *страх* внушать – для кого бездный, для кого Божий, да не только кое-кого в бездну чередом отправляя, да ведь и себя тоже туда же окуная, примеряя на себя экзистент-варианты, перебирая их, словно четки, как раз в ожидании и в поиске чего-то и впрямь *иного*, да не просто перебирая, ожидая и ища, а еще кое-что в упряжке с бездной и созидая… как раз *иное*.

Вот и СССР был и остается в памяти чем-то *иным*, не СССР-ом вовсе, как он обычно публично представляется, а неким *инофеноменом*. Да, сам по себе он – как именно СССР – *оксюморонный симулякр*, а вот под собой, внутри, в реалиях, да и над собой тоже, чем же он стался?

Считается, что СССР возник в итоге де российской, даже чуть ли не русской, революции, прокатившейся по России в 1917–1922 гг. посредством двух политических переворотов и в виде ожесточенной гражданской, одновременно и антиинтервенциальной, войны, сбросившей в небытие Российскую империю и водрузившей на ее месте СССР (пусть поначалу РСФСР).

Да, поверхностно-событийно это выглядело именно так: два в 1917 г. переворота – февральский и октябрьский; внутригражданская кровавая пря с борьбой против внешней военной интервенции; учреждение нового типа – советского де и де социалистического – государственно-межрегионального, но при этом управленчески централизованного, образования, получившего имя-детерминацию в образе Союза Советских Соцалистических Республик – страны сугубо трудового народа, народной демократии, межнародного братства, однако не с одними лишь отраслевыми и региональными профсоюзами, объединенными в единый союз, но поначалу и с признававшими СССР политическими партиями, а затем и попросту лишь с одной руководящей всем и вся иерархически построенной партией, не так уже политической, как социально-хозяйственной, с единой идеологией и подотчетной ей сферой культуры и словотворчества, точнее не партией, а неким *гражданским сословием*, служившим оплотом, ведущей руководящей силой и главным реализатором бытия СССР.

Во внешне-формально-событийном аспекте о 1917–1922 гг. революции и СССР можно говорить много, но не это для нас главное, а главное как раз в том, *что* же и *почему* же случилось на деле и по существу в России и с Россией с того революционно-исторического момента и *почему* случился именно СССР, а также *чем*

(или *кем*) он стался по сути и на деле как экзистенциально-историческая реальность?

Здесь надо принять во внимание, что Российская империя, как и ранее любая росская страна-предшественница, никогда не была сколько-нибудь плотно закрытой от внешнего мира ни в граничном, ни в хозяйственном, ни в политическом, ни даже в идеократическом планах, отчего ни Россию не отделить от внешнего контекста, ни внешний контекст не отделить от России (Руси).

Бытие-история России оказывалось не только и даже временами не столько, скажем так, собственно российским, тем более уж русским, ибо инвазия контекста в Россию всегда имела место, а моментами, временами и даже эпохами бывала и немало определяющей, разумеется, со встречной ее поддержкой изнутри, причем в той или иной мере непременно *анти*-российской, не говоря уж об *анти*-росской (читай анти-русской).

Так уж вышло исходно и попутно выходит исторически, что Россия бытует не только в постоянном взаимодействии с внешним контекстом, включая и ожесточенное с ним противоборство, но и в жутком противоречии с самою собою по причине не только неизбывного присутствия в России отрицающего ее внешнего контекста, никогда не обходившегося без серьезной поддержки изнутри, но еще и по причине исходной *инаковости* (даже и *иной-ности*, что круче!) России относительно зе́много мира вообще, в котором ей приходится бытовать, то бишь из-за хронически неполной встроенности России в земный мир по причине исходно фундаментального ему противоречия, что далеко не всех россиян и даже самих русских устраивало и устраивает, что как раз и стимулировало и стимулирует обращение немалой части из них к вожделенному ими контексту вплоть до предательства своего мира, своих собратьев, а и вместе с ними и себя самих тоже.

В России всегда присутствует мало что контекстная и своя же собственная *неРоссия*, но постоянно подвизается и столь же двузначная *антиРоссия*, отчего России приходится всегда, почти всегда или уж нередко *вроде бы быть*, что в общем-то несомненно, и *вроде бы не быть*, что уже не столь несомненно, но что не менее при этом достоверно.

Вот так: *быть* и *не быть*, что значит быть Россией в России и не быть в России Россией, а в отдельные моменты *так* сильно не быть, как, собственно, при этом и как-то *все-таки быть*, что аж одни мурашки по коже!

Возвращаясь к СССР, заметим, что революция в России, в конце концов и породившая СССР, случилась хоть и не без заметной доли внезапности, характерной для такого рода исторических событий, но более всего была сознательно *сделана*, причем усилиями не только ярых противников России, но и ее искренних сторонников, причем как России вообще, так и даже тогдашнего ее самодержавно-имперского устройства, но главное тут в том, что она – революция – делалась в соответствии с давно вынашивавшимся и так или иначе претворявшимся с переменным успехом в жизнь уже не *Нового*, как было со времени Ренессанса, а затем буржуазных революций в Европе, а *Новейшего*, естественно, как издавно завелось европогенного, европовидного и европоцентричного, вполне и европоколониального, *мира-проекта*, или *проекта-мира* (как раз просвещенческого – от Просвещения), отличительной особенностью которого должно было стать явление на Земле, о чем можно сегодня смело говорить, ***иного человечества***, состоящего повсюду на планете из массы индивидов, не обремененных условностями, ограничениями и императивами со стороны общества, этносов, наций, государств, общин, семей, собственности, языков, культур, религий, идеологий, традиций, короче – *явления на Земле Царства Божиего как фактического экзистентного Рая*, что, конечно же, не значило, что вся эта планетарная масса по-райски осчастливленных индивидов оказывалась свободной от труда, контроля и управления сверху, безоговорочного послушания управляющему ими верху и наказаний за непослушание вплоть до изоляции и ликвидации, – неважно в данном случае из каких конкретно источников возник и как этот *гуманистический* (*от человека и ради человека*) *проект-мир* стал при своем конкретном исполнении выглядеть и называться (либеральным, демократическом, социалистическом, коммунистическом, фашистским) – важно, что это был *единый мировой проект* – ПРОЕКТ!, возникший внутри вполне себе *сакрального* (*не известного человеку*) *мирозданческого проекта* под кодовым названием «ЧЕЛОВЕК», а в головах людских сей европо-гуманистический проект возник как зеркально вывернутый наизнанку уже бывший и действовавший в той же Европе религийный иудео-христианский проект, став оттого *анти*-иудео-христианским, вполне себе уже *европейским* (*новоевропейским*) *проектом* (говорить же о том, что сей проект масонский по происхождению, как и, допустим, сатанинский

по характеру, нет тут большого резона, ибо мало что это хорошо известно, так еще и сие говорение не сильно поможет раскрытию функциональной цели-задачи проекта – *превращения существенно сокращенного человечества в однообразное массоподобное постчеловечество, принужденно экзистенцирующее под властной опекой высшего и знающего (!) европейского меньшинства*).

Отсюда и три функциональных идеократических и деловых кита: «*Гуманизм, подкрепленный секуляризмом и атеизмом; научно-технический прогресс в единении с экономизмом и финансизмом; движение от природы к неприроде с соответствующим преобразованием зе́много мира и человека, как и с освоением космоса*».

Итак: проект *ино*-бытия с *ино*-человеком, однако с человеческим (зе́мным) *ино*, а не с сакральным (мирозданческим) *Ино*, хотя, быть может, и ему как-то – возможно, и немало – адекватным, даже этим последним и вдохновленным – кто знает?, но зато вполне себе телеологично из века в век исполняемым, меняя конкретных направляющих лидеров из числа цивилизационных посвященных в проект государственных и иных субъектов, как и вгоняя в исполнение проекта не слишком в него посвященных, но на него работающих вплоть до собою пожертвования масс трудящихся, россыпей спецов и роев управляющих, что вкупе как бы «своих» для лидеров, что для них и совершенно чужих.

Так или иначе, но в исполнение проекта оказался вовлеченным, пусть и по-разному, весь зе́мный мир с Европой (Евро-Англо-Америкой) во главе. А само исполнение предполагало не один эксплутационно устроенный труд, но и ведение войн, колониальных захватов, революций, ну и, разумеется, реформ, в общем – страсть тут, алчность, грабеж, пот, кровь, страда, страдание, смерть, как и неограниченная ложь!

Однако и кое для кого материальные обретения, высокие доходы, безграничное процветание, великий комфорт, почти что и райский, ну и награды, премии, почет, известность, слава, почти что и небожительство, в общем, кому грандиозный успех с разнообразными бубликами, а кому лишь большие беды с одномерной дыркой от бублика, а оправданием тут служили гуманитарные глубокомыслия о предназначениях, волях и судьбах, ну еще и попросту о везениях: проект вершился и сам вершил – переделывая, подменяя, изменяя, созидая, разрушая, пожирая, ликвидируя, преобразуя.

В исполнение европейского проекта вляпалась и Россия, сначала как Русское (Московское) царство, превратившись более всего по воле первого из откровенных и непреклонных в Отечестве царей-еврофилов Петра I, ставшего по созданию им Российской империи еще и первым россо-европейским в Отечестве императором Петром Великим, а затем уже, спустя пару веков великой истории, Российская империя, аккурат по итогам великой империальной войны, развязанной европейскими проектантами-реализаторами в 1914 г., в которой империи пришлось-таки принять участие, да так «удачно», что империя оказалась в итоге… нет, не побежденной вовсе и не завоеванной, как раз наоборот, могущей победить в войне и снова, как уже бывало, армейски посетить Европу, однако… стала вдруг жертвой разыгранной все тем же европроектом… э-э… *революции* – РЕВОЛЮЦИИ!, причем, что самое интересное, как раз по сути мало что европейской и антироссийской, так еще и, ежели обратить внимание на ее – революции – октябрьско-троцко-ленинский разворот от уже состоявшейся в Европе и частично в России европейщины к *новой европейщине*, уже и *антиевропейской европейщине*, вполне и протестной относительно самой же Европы, уже охваченной *новым (новейшим) проектированием*, угнездишимся в лоне-логове самого же *протоЕвропроекта*, продолжая, с одной стороны, протоЕвропроект, а с другой – его значительно уже отрицая.

Сие ново-новейшее проектирование шло разными путями-субпроектами, из которых особо выделились три осуществившиеся всерьез на практике ветви-ствола на ветвистом европроектдереве: во-первых, ветвь *Новой Европы* (этакой *Нью-Европы,* как раз северо-заокеанской, американской, в основе англосаксонской с примесью иных «европ»), вроде бы родственной Старой Европе, так сказать, старосветовской Европе, но и не слишком ей уже родной по причине своих новосветовских предпочтений вроде антимонархичности, антиэнтичности, антинацийности, антиполилингвичности, антисословности, но зато с приоритетом того, чего хотела, но не сделала просвещенческая старая Европа, а именно: полной экзистенциальной свободы человека как человека, правда, в рамках экономической, или буржуазной, цивилизации, что о-очень важно!; во-вторых, ветвь, которую можно было бы назвать проектом *АнтиЕвропы*, исполнение которого и выпало на долю как раз р-революционной 1917 г. России, что соответствовало финальному

для самой Европы европроект-аккорду, успевшему зарекомендовать себя как неклассово-неэксплуатациональный, то бишь как социалистический, коммунистический (в общем, не буржуазный, даже и не экономический), предполагавший царство трудящихся и только трудящихся, еще и как-то самоуправляющихся (ясно, что в отличие от американской ветви, лишь частично утопической, сия ветвь имела явно утопический характер, что ее сторонниками не только не скрывалось, а даже охотно пропагандировалось, разумеется, с возможностью реального-де исполнения сей утопии, ее превращения в антиутопию); наконец, в-третьих, хоть и выросшая последней, но оказавшаяся о-очень знаменательной для Европы, нео-архео-европейская ветвь – *фашистская*, ставшая, с одной стороны, наследницей империально-варварской дохристианской европейскости, с другой стороны, наследницей эконом-капиталовской Европы, с третьей стороны, провозвестницей арийского-де хомо-нацио-культуро-экзистенциального европревосходства надо всем неарийским-де земным миром, с четвертой стороны, носительницей идеологии безоговорочного, тотального толка иерархо-корпоративизма как по социальной горизонтали, так и по государственной вертикали, ну а уж с пятой стороны, ставшая заповедным врагом социал-коммунистической евроветви как реально угрожавшей старушенции Европе с ее империо-буржуазно-колониальными замашками.

Возвращаясь к социал-коммунистическому проекту, доставшемуся на исполнение от Европы зачарованной ею революционной России, заметим, что из попытки реально исполнить сей утопический проект, пусть, правда, значительно подправленный реальным временем посредством кровопролитной гражданской и антиинтервенциальной войны 1918–1922 гг. (война ведь, слава богу, как собственно и революция, не особенно считается с субъектными проективными интенциями, а правит их по-своему и правит, указывая проектантам ненаступившей реальности, что *Великая Неизвестность* всегда их сильнее, а сторонникам *выдуманного иного* доказывает, что *реально-ирреальное иное* всегда *не такое*, каким кажется, а совсем, увы… *иное*!), так вот из сей мучительной и жертвенной попытки исполнить выдуманный по просвещенческой глупости в Европе и изрядно поднадуманный в России по уже «домовой» глупости проект и вышел (или выскочил, лучше сказать) СССР, разумеется, как большая, не в меру

проектная фиктивность, так и, к счастью, в меру реальная, уже и внепроектная, реальность: не как союз каких-то там свободных национальных республик трудящихся, а как имперского разлива номенклатурный (партийно-начальственный), еще и армейского образца, *этатизм*, что, заметим, как реальный исторический факт было совсем и не плохо, пожалуй что, и хорошо, даже и очень хорошо – хотя бы для уцелевания, выживания и взрывного развития страны, для той же победы в новой евромировой войне, причем, как оказалось, победы вовсе не какой-то там новоутопической страны, а всего лишь… *России*, да-да, именно так – *матушки России*, пусть и изрядно переформатированной согласно и вопреки вызванными революцией и затянувшейся гражданской распрей переменами, причем со многими, знаете ли, пусть и не со всеми, ее субъектными, традицийными и культурными атрибутами, включая, пардон, и сельское крепостное право, и зековское рабство, и неизбывную бюрократию, и непременного царя-императора, но при этом и богатый русский язык, и этносы с их родными языками, и великолепную школу, включая высшую с ее превосходными университетами, и добротную литературу, и прекрасный балет с замечательной оперой, и выдающийся синематограф, и блестящую науку, и разное высококлассное, исключая лишь каверзный модернизм, талантливое искусство.

Да, под сенью надуманного СССР произошло вдруг что-то сродни чуду… нет, не реставрация прежней империи, хотя и с кое-каким к ней возвращением… а рождение новой, пусть и под фиговым прикрытием СССР, ***империи***, вовсе и не колониальной, как это было у славных европейцев, а уникально монолитной, хоть и внутри себя разнообразной этнически, лингвистически и культурно, имевшей единую для всех субъектов империи и ее граждан *идеологию*, хоть и восходившую формально и на словах к проектной марксистско-ленинской, даже обзывавшуюся для красного словца пролетарской, но фактически вполне себе имперскую, государственническую, национальную, гражданственную, товарищескую, трудофильскую, осуждавшую частную собственность, как было принято говорить, на средства производства, то бишь всех помещиков, кулаков, капиталистов с их возможностями эксплуатации человека человеком и тенденцией к паразитизму, как и вообще отрицавшей эгоистический индивидуализм во всех его порочных проявлениях.

Что же в итоге получилось? А получилось, с одной стороны, явное исполнение антилиберального, при этом антифеодального и антибуржуазного, даже и антиэкономического европроекта (оттого и антиевропроекта), а с другой, не так даже его неисполнение в прожектерски задуманной целостной парадигме, как выдвижение на передний план *иного*, куда более реалистичного по жизни и не по полному разрыву с традицией, *нелиберального проекта* (как бы проекта в Проекте) – как раз ***сталинского проекта*** (ежели относиться к Сталину как вождистскому феномену, а не как к личности по имени Иосиф Джугашвили).

Итак: неисполнение проективной утопии в ее нереалистической части и исполнение сей «утопии» в ее, как казалось и оказалось на деле, как бы реалистической части, однако то и другое в вовсе не утопической, а вполне себе реалистичной, ожесточенной борьбе, а второе – посредством опять же вовсе не утопического имперского, весьма и по образу армейского, чуть ли не тотального огосударствления всего странового бытия. В общем: *Первопроект – внутренний антипроект – Новый проект из и в рамках Первопроекта*!

Однако сталинский проект, пережив взлет, сонм побед, включая победу на космической стезе, массу достижений, как и не избегнув поражений, промахов и неудач, просуществовал как исполненная реальность всего лишь плюс-минус 70 лет и… был сначала источен изнутри, а затем и низвергнут, да ладно бы низвергнут его внешними противниками – либералистами из Евро-Америки, а то ведь выросшими в среде сталинского проекта его еще более ярыми, чем внешние, внутренними, уже и либералистическими, противниками, что, согласимся, говорит о многом: что-то в проекте, начиная с Первопроекта и кончая им самим – сталинским – проектом, было явно не так, может, не так даже в самом по себе проекте, как в созидаемом им бытии и в людях, им – проектом – окормлявшихся.

Даже сам Сталин (уже не как феномен, а как личность), судя по его последним перед уходом из жизни высказываниям, понимал, что созданное под его водительством в яростное, мобилизационное, кризисно-милитарное время тотально этатическое устроение бытия не может долее продолжаться и требует, несмотря на повседневный героизм признававших его и в нем участвовавших граждан, существенных перемен, причем в сторону… как

раз… *либерализма*, однако в мере, не способной устранить ни ведущих основ сталинского проекта, ни главных ориентиров Первопроекта, с которым сталинский проект не только не порывал, а, наоборот, после Великой победы в Великой войне еще более с ним сынтегрировался, прочно овладев в нем – Первопроекте – миромасштабным лидерством, да еще с обретением мировой соцсистемы под фактически имперским патронатом СССР.

И все же сталинский проект вкупе, заметим особо, не только с СССР и мировой соцсистемой, а и всем мировым соцкомпроектом, в одночасье рухнул, ловко подточенный в СССР изнутри, преданный оттуда же и удачно извне подтолкнутый в небытие усилиями западного либерализма (пусть и квазилиберализма, в угоду самому себе вполне авторитарного, тоталитарного, империального, колониального, злого, беспощадного!).

Вторая половина XX в. – время борьбы в рамках и на полях *Большого ренессансно-просвещенческого Проекта*, или *Протопроекта*, двух глобальных евросубпроектов, оставшихся на свету после их совместной победы по итогам Великой войны 1939–1945 гг., как оказалось, правда, вовсе не полной и не окончательной, над фашистским евросубпроектом, а именно, с одной стороны, проекта *либерального* (Евро-Америка) и, с другой, скажем так, проекта *соцкоммунистического* (СССР, мировая соцсистема, мировое соцкомдвижение), той самой борьбы, которая и завершилась на рубеже 1980–1900-х в пользу мирового либерализма во главе с США и сидящей у США за пазухой непотопляемой Великобританией.

Сталинский проект – этатический, армейского образца, хронически мобилизационный, социабельский, жертвенный, жесткий, хоть по-своему и *народный*, даже немало и *соборный*, хоть и отвечал адекватно острому историческому моменту 1930–1940-х гг., но не смог ответить на запрос *исторического бытия вообще*, а людской мир, как бы лояльно и даже преданно ни относившийся в своей ведущей части к сему сталинскому проекту в кризисно-милитарно-рисковые времена, не мог постоянно, сколь угодно долго, а главное – покорно и признательно, еще и героически, находиться под проектом и в его лоне, нуждаясь все-таки в иной, даже частью и в беспроектной, но все-таки полноценной людской жизни, не только служа беспримерному проекту, но и свободно самореализуясь, включая и экономическое предпринимательство, и сво-

бодное творчество, и открытость всему миру, что означало явный уклон к либерализму, пусть и не «*ихнему*», а *своему*, но все-таки к *либерализму*.

Противоречие между сталинским проектом, не отошедшим вполне от выдуманного в Европе соцкоммунистического Первопроекта, и людским на Земле бытием, не исключая и разнообразной природы человека как человека, далеко не склонной ни к природному, ни к сакральному, ни к социальному, ни попросту к человеческому совершенству, не нашло в послесталинское время приемлемого как для проекта, так и для охваченного им люда не то что позитивного разрешения, но даже и адекватного проекту понимания у правивших тогда верхов как необходимости существенных перемен, так и за их неисполнение великой исторической ответственности, а главное – не достало воли к действию, чего всего вкупе то ли не хватило у властей предержащих, то ли вообще не было самим проектом предположено, зато было очень хорошо использовано вовсе, как оказалось, не мифическими и даже не загадочными противниками что сталинского проекта, что соцкомпервопроекта, результатом чего стали сначала источание и ослабление сих проектов, затем предательская сдача послесталинской страны и ее по преимуществу не слишком-то ей верных стран-сателлитов противнику – Западу, а потом и их – обоих соцкомпроектов – ликвидация.

Да, это было *поражение* – ПОРАЖЕНИЕ!, да не так в холодной войне с Западом, хоть это тоже по метафизическому факту имело место, как в ожесточенном соревновании двух в рамках ренессансо-просвещенческого Протопроекта субпроектов – либерального и соцкоммунистического, а в лоне последнего еще и сталинского субпроекта, причем поражение, сравнимое пусть и с добровольной, но все-таки *капитуляцией* – западный либерализм не так победил тогда, даже в той же холодной войне, как попросту принял внезапную капитуляцию, однако не со стороны им вдруг побежденных сторонников проигравшего проекта, а со стороны взрастившихся в лоне отвергнутого проекта его – проекта – экзистенциальных противников и попросту непреклонных врагов.

А в итоге-то ведь не одна лишь явилась победа либерализма над соцкоммунизмом, а еще и возникли дополнительные возможности для исполнения Протопроекта уже как *вполне себе планетарного*, однако вовсе не какого-то там земно-всеобщего, а лишь

как исполнявшегося в своих интересах Западом своего же, хоть и весьма сомнительного до самоотрицания, *имперо-колониального псевдолиберального проекта* (если помягче выразиться, то имперо-либерального, диктато-либерального, а ежели пожестче и поточнее, то прямо-таки либерал-фашиствующего), отчего, кстати, и родился рече-деловой слоган – ***глобализм*** – ГЛОБАЛИЗМ!, что означало, не только планетарный масштаб вершившегося и завершавшегося проекта, но и доминирование над этим геостратегическим масштабом западного вершителя и завершителя в лице, правда, вовсе не всего Запада, а более всего, если не единственно, США с Великобританией.

Итак: *явился небывалый шанс возникновения и победы небывалой ранее общепланетарной, или глобальной, либерал-эконом-фашистской суперимперии с властно-управляющим англосаксонским центром, исполнявшим в своих интересах и по своему замыслу ренессансно-просвещенческий Протопроект*.

Да, шанс тут возник и даже весьма реализовался, аж до чуть ли не самого́, знаете ли, «конца истории», да вот не до конца собственной же реализации, пусть даже не хватило всего лишь каких-нибудь десять-двадцать процентов, хотя надо думать, куда как поболе, да не в том тут дело: небывалый шанс явно замаячил перед мировым западным правлением чуть ли не стопроцентным призраком, а вот в реальности он на все сто так и не воплотился, хотя и того, что сталось, было и так фантастически много.

Стопроцентному воплощению в реальность сего фантастического глобоимперского замысла мешала не только насыщенная разнообразным историческим археоматериалом и естественно сопротивлявшаяся суперимперскому натиску мироземная реальность, хоть и вынужденная поначалу сему суперпроекту уступать, но и то важнейшее обстоятельство-свойство планетарной реальности, состоявшее в принципиально-фундаментальной своей особенности – не допускать ни создания *единого всемирного порядка*, ни возможности реализации на его основе и в его рамках *эффективного управления планетарным человечеством из одного центра*.

Тут уж действует вполне себе сакральный закон Вавилонского столпотворения!

Этот-то закон немедленно в реалиях и сказался.

Российская Федерация

Хоть вместо СССР и было учреждено фи́говое Содружество Независимых государств – СНГ, оно же, как оказалось, и (Не)СНГ, отчего выходило, что в реалиях может быть и, как видно, бывает и «Содружество зависимых государств» – (Не)СЗГ, но формальным и даже истинным наследником СССР стала *Российская Федерация* – РФ, возникшая на месте упраздненной Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, а к каждому из составляющих сие название слов можно было бы тоже приклеить, как и к СССР, коварно-ехидное (Не), что можно было бы, в общем-то, сделать и для РФ, но, правда, уже с немалой контентной натяжкой, поскольку сие название было всего лишь нечто вроде бренда и не более того, а потому ни на какой особый реальный смысл вовсе не претендовало.

Однако страна под названием «Российская Федерация» по итогам ее искрометной сдачи, хоть и не со всеми вчистую потрохами, улыбчивому Западу, а точнее, суперимперским, и особенно при этом улыбчивым США, и впрямь оказалась в «Содружестве зависимых государств», впустив в себя западный мир вместе с его наставниками-управленцами-эксплуататорами-колонизаторами, кинувшись на Запад за экзистенциальным примером и даже рассчитывая на с его стороны дружественное партнерство, при этом яростно переделывая себя под Запад, конечно, в русле *вассального колониалитета*, ибо ничего другого Запад поверженному им противнику предложить не мог, не собирался и, разумеется, самоуверенно не предложил.

Пришлось властям и прозападных перемен в стране предержащим на все это не без чувства удовлетворенного экзистент-мазохизма согласиться, однако с тем важным условием, что победитель не станет препятствовать не только раскрутке в стране колониального экономико-хозяйственного каннибализма, но и возникновению наряду с колониальной администрацией еще и компрадорского слоя крупных владетелей странового богатства и всей остающейся в стране после прозападного погрома, главным образом уже энерго-сырьевой, производительной силы.

Так, собственно, все в стране и образовалось, пусть и не гладко, и не по всему страновому полюшку-полю одинаково, и с кое-какими уступками со стороны почти уже владетельного (чуть ли

не метропольного) Запада (США), а где-то и с его стороны недосмотром и промашками, как и с кое-какой неуступчивостью и даже не сильно гласным сопротивлением со стороны россиян, прежде всего как раз крупной собственности и центральной власти предержащих, а когда все это более или менее свершилось, то волей-неволей возник вопрос: «Кто же мы, великая держава или тварь дрожащая?», на который вдруг последовал ответ: «Держава!», а затем, отбив возможность распада РФ по сценарию распада СССР, внушив себе и Западу возможность присоединения к нему в качестве не более и не менее как партнерского актора, так или иначе при этом противостоявшего-де Востоку и Югу, что устраивало Запад (отчего и появление G-8), однако, пройдя фазу «партнерской (не)дружбы» с Западом и убедившись, что Запад вовсе не склонен к равноправным партнерским отношениям, рассматривая РФ лишь как своего, пусть и оригинального (с ядерным оружием в руках!), но все-таки… вассала, подразумевшаяся лишь в уме державой и сильно подуснувшая было в новых реалиях держава вдруг заявила о себе как именно *держава* – ДЕРЖАВА!, подразобравшись к тому моменту с самою собою посредством административной революции 2000-х в пользу как раз своего ненаигранного «державства», устремленного к суверенности и полноценной субъектности, и, вызвав недоумение, разочарование и гнев со стороны западных кураторов, вдруг отведенных сначала робко, а затем все более напористо восставшей чуть ли не из пепла державой в сторону от себя, что повлекло не что-нибудь… нет, даже не конфронтацию… а самую настоящую войну Запада с Россией-РФ, поначалу вроде бы рецидивно холодную и как бы «мирную», а затем все более и более боевито разгоравшуюся вплоть до настоящей горячей войны, разразившейся на пространстве прямиком подошедшей под войновские игры Запада с Россией «незалежной» Украины.

Итак: *выворачивание бывшей РСФСР до кишок с вожделенным впрыскиванием в себя западно-мутно-ядовитого элексира, затем момент натягивания балансировочного каната между РФ и Западом с не слишком заметным для внешнего глаза его – каната – перетягиванием то в одну, то в другую сторону, а уж потом… нет, не перерубка каната и не его внезапный саморазрыв… а продолжение перетягивания, однако с подослабевшей вдруг одной из сторон, как раз западной, и с подусилившейся*

вовсе не вдруг, а в ходе, пусть и не полного, но выворачивания себя, только что вполне революционно вывернутой, другой стороны – российской.

Что же касается каната и его перетягивания, то даже война на Украине не стала – пока не стала! – разрубающим его александро-македонским мечом, ибо РФ как сделалась глубоко и масштабно вестернизированной в переходный период «от социализма к капитализму», так таковой во многом и осталась, хотя, заметим, шансы «саморазрыва» каната хотя бы по сценарию «самоподрыва» того же «Северного потока», пусть и не слишком, но все-таки усиливаются.

Что имеем сегодня? О-очень интересный, как говорится, исторический момент, он же и бытийная картина, пусть еще не картина маслом, но уж акварелью точно, когда «тока-тока» облаченная в желанные либер-глобо-капиталовские одежды страна вдруг стала испытывать внутреннюю дрожь, если не тряску, да не так от страха перед западным теперь уже противником, даже и не от страха себя потерять вообще, как от потребности скинуть с себя напяленные на себя и себя же сковывающие заграничные лжедоспехи и – нет, не восстать, как уже было замечено, из пепла, хоть и не без этого, – а, скорее, вывалиться из охватившего ее прозападного морока, обретая пусть еще и вестернизированную во плоти, но поведенчески все-таки уже особенную самость.

Нет, не справилась пореформенная Российская Федерация с глубинной Россией, не загнала ее в небытие, хоть и отправила в Навь, как раз на границу Времени и Вечности, а Россия, она же Русь, Рось, как водится, не поддалась на давление РФ-симулякра, мало того, поддержав его в острокритический развилочный момент, затребовала в сторону и ради себя серьезных парадигмальных перемен, способных преодолеть полувынужденную симуляцию РФ, отстоять свою неутопическую реальность, оснастить свое бытие неотвратимой исторической правдой, отдать, если не вернуть, Россию не кому нибудь, а самой России, разумеется, не бывшей когда-то в прошлых реалиях России, а *новой России*, еще как раз и не бывалой.

Общие, конечно, слова, чуть ли не досуже-риторические, да вот что поделать, ежели бытие в поднебесье, да и повсюду в мироздании, вот такое: в смысловом аспекте, да и немало в функциональном, сокрытое, непрозрачное, туманное, это даже этакое,

знаете ли, *крипто*бытие, которое вроде бы бытие, да мало что никому не известно какое бытие, так ведь еще и не известно какое небытие тоже, вот и разберись тут со всем этим, а еще и с Россией, даже и с той же мерцающей сокрытыми смыслами и открытым бессмыслием Российской Федерацией!

Одно, пожалуй, нынче ясно: не только не быть вестернизированной до мозга костей России (это – абсурд!), но, кажется, и самой Российской Федерации не быть уже до конца вестернизированной, как бы того ни хотело нынешнее страновое правление, сплошь, пусть лишь почти что сплошь, умом и даже душою прозападное, во всяком случае, лишь на толику пророссийское, вынужденно, так сказать, во спасение себя и удержания «тока-тока» под себя выстроенной родной-неродной страны, как раз именно РФ, а не собственно России.

Тут два мощнейших и острейших противоречия: первое – между коренной Россией и нынешней сфабрикованной под Россию симулятивной Российской Федерацией, куда при этом более симулятивной, чем был СССР; второе – между, с одной стороны, не отпускающей страну русско-российской традицией, как раз и делающей страну *народной страной*, и, с другой стороны, внезапно, но зато о-очень расчетливо возникшей в ходе лукавых «либерально-рыночных» реформ, владетельно-правленческой элитой, – те самые противоречия, которые никак из нынешнего российского бытия не выкурить и от состояния которых, как и их разрешения-неразрешения, напрямую зависит на данный исторический момент не просто текущее бытие страны, а и вся ее дальнейшая судьба.

Понимают *это* нынешние РФ-верхи или нет, не суть важно, ибо сделать с собой и со своим режимом что-нибудь действительно радикальное по треку переделывания себя и режима в сторону *народной страны*, то бишь в сторону *коренной России*, попросту не в состоянии, да и желания на то у них особого нет, да и быть не может, а потому остается лишь, с одной стороны, дальнейшее, еще более изощренное, настойчивое и маскировочное, камуфлирование себя и режима под «российские», а с другой – консервацию, утверждение и деспотизацию себя и режима в сочетании с вынужденными уступками в пользу, а то и вовсе не в пользу, а в ущерб, постсоциального(ому) по замыслу верхов народного низа(у) и асоциальной по жгучему желанию тех же верхов услужливой середины.

Патриотическая реакция части россиян на развернувшуюся войну не должна удивлять, ибо это реакция народной страны на опасность, возникшую перед Россией как таковой, а не перед действующим ныне в стране режимом, но и реакция «ногами» другой части населения, сбежавшей за границу от всего лишь возможной их военной мобилизации, тоже не должна удивлять, как и отсутствие должной реакции на это исторически экстраординарное происшествие со стороны властей предержащих (как будто ничего и не было!), ибо то и другое является вполне адекватным «новой (Не)России», с какой бы стороны к этому чрезвычайному происшествию ни подойти – патриотической, непатриотической или даже протестной.

Да, так вот именно все в державе и идет, так все и будет идти: противоречиво, непонятно, вопросно, недоуменно, странно, неуклюже, исподтишка, будто бы из-за угла, как бы и понарошку, игрово, театрально, синематографично, симулятивно, а главное – *скрытно*!, что как раз не только соответствует нынешней постмодерновой эпохе, но и навязано отсутствием у многих из ныне в мире крупной собственности и властей предержащих какой бы то ни было *легитимности* – хоть земно-человеческой, хоть небесно-сакральной, хоть историо-правовой, ибо у всех и везде найдется уязвимое «слабое местечко», оно же и «предательский пунктик», от которого, как от сингуляра, все *этакое* и исходит, а РФ тут вовсе не исключение, увы, не первое, да и, надо полагать, не последнее, в бытии-истории России, не говоря о мире в целом.

Однако жгучая проблема легитимности всего навороченного и ныне как бы в нем всего главенствующего таки стоит, аки осиновый кол среди разноцветной клумбы, на сверкающем фосфорическим светом симулятивном теле-призраке нынешней РФ, а настоящая в таких случаях легитимность достигается лишь победами в пользу, а не в ущерб народной России, как то случилось, к примеру, с тем же большевистским режимом – его победами в индустриализации, в Великой войне, в космосе, в образовании, в науке, в культуре, а вовсе не победами над народом, как то было поначалу в «гражданке», а затем в ходе тех же индустриализации и коллективизации, причем (sic!) стоило сталинскому режиму уже в постсталинском образе внутри себя затрещать, как сразу же обнажилась его *экзистенциальная нелегитимность*, а потому и возможность его отвержения, отмены и полной замены,

да *таких* (sic!), что ни Сталину, ни Ленину, ни Карлу Марксу с Фридрихом Энгельсом, ни даже Троцкому с Бухариным в самом кошмарном сне не приснилось бы (бац… э-э… даже не бац, а… пуфф… и… *нету*!)

Вот и нынешний режим с его правлением стремится к победе в легитимизационной для него войне, пусть пока и не великой, чтоб в полный легитим прорваться и окончательно закрепить за собой свою же победу (?) над российским народом, но… но… одной тут военной победы (весьма пока и сомнительной) над впавшей в западную ересь Украиной явно недостаточно, даже и при пока еще наличествующей в РФ потребительской… лжепобеды над россиянами, ибо… ибо где в стране воистину людская среда обитания, где целостная населенческая общность, где настоящее доверие меж гражданами, институтами и ненаигранное доверие к власти, где уверенность масс и даже элиты в завтрашнем дне, где мораль и справедливость, где людская культура с такими же литературой и искусством, где хоть какая-нибудь официальная правда, где хотя бы доля откровенности, где в конце концов человеческая, а не псевдочеловеческая, жизнь?.. о-о… какая же это тяжкая работа, тащить РФ-симулякр из болота в болото!

Что ж, ближайшее будущее, которое уже вовсю накапливается, кое-что из ныне сокрытого и прояснит: кто, что, зачем, ради чего, ну и, само собой, куда?

Гуманитарность

С уходом СССР с его гуманитарной начинкой и… нет, не с приходом, вовсе, а, скорее… с внезапным выпаданием из карточной колоды под кодовым названием «СССР», отправленной во мгновение ока прямиком в утиль, шестерочной крапленой карты с названным «РФ» (или «Российская Федерация»), отправилась во мгновение ока не одна СССР-овская гуманитарность (худобедно, но… *просвещенческая* – от *Просвещения*!), но и вся евромировская (она же, уже и не худо-бедно, *просвещенческая* – от *Европросвещения*!) гуманитарность… бац!.. и нет никакой пятисотлетней *еврогуманитарности,* – и какой же ударной интеллектуальной силой, не говоря о стилевом словотворческом изяществе, она была, эта гуманитарность: Кастильоне, Макьявелли, Декарт, Гегель, Кант, Гюго, Маркс, Гете, Ницше, Сартр, Хайдег-

гер, а у нас хотя бы Посошков, Ломоносов, Карамзин, Пушкин, В. Соловьев, Ленин, Бердяев, Булгаков, Сталин, да мало ли еще кто из гуманитарных просвещенцев что там – у них, что здесь – у нас, – ах, какая была гуманитарность! – высокая, плодовитая, всезнающая, разная, а главное – *утвердительная*!

И каким же значимым был он – огуманитаренный Просвещением человеческий мир, хоть и не без дрянца, как говорится, в том числе и гуманитарного, но зато… *каким* – КАКИМ! о-о, вполне и *сакральным*!

И вдруг… вдруг оказалось, что человек и его бытие на Земле совсем, или во многом, если не в главном, *не такие*, какими их почти что достоверно, как казалось, представляла себе самой и землянам хоть и разношерстная, но… *гуманитарность* – ГУМАНИТАРНОСТЬ!, а совсем, или во многом, если не в главном, какие-то.. э-эх… *иные*, можно сказать, по крайней мере, что и (*не)гуманитарные*, то бишь вроде бы напогляд гуманитарные, а на самом-то деле совсем и нет, аккурат уже никакие и не гуманитарные.

Для искренних *все-еще-гуманитариев* тут был поначалу шок, да еще какой!, за шоком нахлынуло оцепенение, за ним… тут уж по-разному… для кого уныние с прозябанием, для кого неизлечимая вера в исчезнувшую вдруг из реалий милую сердцу гуманитарность, ну а для кого-то борьба за *новую-де гуманитарность*, неизвестно, правда, какую, а пока… пока жалкое пребывание всех одураченных бытием-историей гуманитариев в стихии возникшей на месте благословенной в веках гуманитарности имитационно безóбразной и отъявленно безобрáзной *гуманитарщины* – ГУМАНИТАРЩИНЫ!

Да, на место какой-никакой гуманитарности пришла совсем уж никакая гуманитарщина: свершилась *великая интраантигуманитарная революция*, но это, как окончательно уже выяснилось, было еще не все: на место гуманитарности под прикрытием фальшивой гуманитарщины явилась и самая настоящая, уже и окаянная, и оголтелая, и смертоносная… э-э… *сатанинщина,* что то же самое – *псевдогуманитарный*, а по сути *совсем-не-гуманитарный*, точнее, *вполне-себе-антигуманитарный*, но зато и вполне себе *хомотворный,* конечно же, беспардонный и безбрежный, *сатанизам* – САТАНИЗМ!

Нет, не такой, каким он обычно изображается отрицающей его многие лета высокой гуманитарностью, с которым она

вроде бы неистово боролась, а ведь в меру и уживалась, даже и усердно им пользовалась, немало и с иронией ухмыляясь, ибо как же без него – без *сатаноперчика*!, как и без полуправдишки, без лжинки, без пощипывания нервов, без толики лицемерия, без доли причудливой фантазии, без порции лукавой фанаберии, как, а-а?!, нет, не такой он вовсе, этот сатанизм, а знаете ли, весьма и… *гуманитарный*, – и теперь-то он уже не в роли пристяжного к гуманитарности бедового конька-горбунка, а вполне себе чистокровного жеребца-коренника – это уже во вполне себе апокалиптической упряжке вполне себе самостных и привередливых псевдогуманитарных коней: что тех – из вороных, что этих – из гнедых, что третьих – из серых, что четвертых – из сивых, что пятых – из никаких, а вся упряжка ведь прямо туда – в мироздание, в Преисподнюю, в Бездну, – и кто или что сей безумный коневой гон остановит, кто или что укротит разгоряченных апокалиптических коней, кто или что превратит их в божественные трансцендентные интенции, способные вернуть землянам бытие, историю, ту же высокую гуманитарность… э-эх… да вот сто́ит ли, да и возможно ли?.. э-эх… проклятые вопросы с не менее проклятыми *без*-ответами… может, и сто́ит, да видно, уже не выйдет, а ежели что и случится, то уже вовсе не гуманитарное, а ему противоположное – *искусственно-интеллектное*, как раз и высоко или совсем уж низко *сатаническое*, отчего сегодняшний торжествующий и всюду проникающий сатанизм, – баламутный, дерзкий, яркий, многоцветный, игривый, феерический, веселый, беспардонный, прельстительный, захватывающий и т. д. и т. п. – не более чем предтеча воистинного сатанизма, совсем и не плохого, как и совсем не исключительно, что хорошего, а просто окончательно ликвидирующего остаточную гуманитарщину и вместе с этим обеспечивающего замену человека на *постчеловека*, на этого чипо-механо-искусственного агрегата, может, внешне поначалу и хомовидного, даже еще и с животной плотью, а уж потом, коли выгорит сие для оставшихся счастливцев, и впрямь какого-то духо-облачкового земно-космического невидимки.

Самое поразительное, что *все это* – не досужие выдумки неких осатанелых беллетристов, а самая что ни на есть сатано-фантастическая реальность.

Сатанизм

Нет, это вовсе не тот, скорее, не только тот, сатанизм, что восходит к падшему-де ангелу, отступнику от Бога, про́клятому Богом, Ему – Богу – сопернику по земно-космическим – прежде всего, человеческим – делам: разрушителя, соблазнителя, растлителя, лукавого проводника из Света мира в мир Тьмы, да и попросту погубителя, в общем, сатанизм сей не от сатаны как такового, хоть и это имеет место, а от самого что ни на есть *человека*, а потому и вполне себе *человеческий сатанизм*, или ***хомосатанизам***, вовсе и не обязательно обязанный явному отпадению человека от Бога, от религии, от обыденной, так сказать, святости, нет, вполне себе родной, хозяйский, братский, настолько при этом гуманитарно-антигуманитарный, что само это понятие – *сатанизм* – уже стало вполне себе светским, ходячим, даже и, пусть еще и не строго, научным, не то что философическим, ибо многое из ныне вокруг происходящего, как, разумеется, всегда так или иначе происходившего, а ныне происходящего как-то особенно масштабно, убедительно и победительно, что не говорить о сем вполне себе реалистичном и вездесущем сатаническом феномене, да и иначе, как об истинном сатанизме, уже не приходится, а ежели дать сему «потрясному» феномену оценочное определение, то… нет, не как что-то плохое, не как что-то предосудительное, даже не как что-то недопустимо скверное, – чего только на свете дрянного или дурного нет и не бывает, причем везде и всюду!, да еще и не такого уж и впрямь античеловеческого (подумаешь, невидаль какая!), а… как раз *вполне себе человеческого*, слишком даже человеческого, да и если б просто отвратительного, похабного или паскудного, ан-нет, вполне себе и, как говорится, комильфо, еще и изощренно по-гуманитарному оправдываемого, даже напогляд и по своему изумительного!

А вот чего же там в избытке? А-а… пожалуй что … чего-то вызволенного, свободного, торжествующего… э-э… тогда чего же?.. наверное, все-таки… чего-то… *оборотного, изнаночного, животного, звериного, бесовского,* но непременно… ***очеловеченного***, отчего сатанизм сей, по-видимому, есть некое ***хомооборотничество***, что-то вроде и ***хомопреисподничества***, где, однако, оборотничество и преисподничество хоть и в фаворе, да вот поднепременнымкрышеваниемсостороны*хомо,хомоихомо*–ХОМО!– вот так и никак, увы, иначе!

Да-а, теизм, атеизм, гуманизм, демократизм, финансизм, социализм, коммунизм, тот же фашизм, не лишены каждый в свою меру и в своей интерпретации толики, а то и заметной, знаете ли, глыбы, этого самого нашенского, то бишь земно-житейского, сатанизма, – что тут скрывать! – но что есть каждый из сих «измов» по сравнению с как таковым *сатанизмом* – САТАНИЗМОМ!? – они даже и не полноценные ему предтечи, а так… приготовишки, ибо тут ведь приход в мир земно-человеческий вполне себе *победоносного (не)человека*, причем через посредство… все того же Просвещения с его научно-техническим прогрессом и высокой гуманитарностью (какие в самом деле по высокому качеству и гуманитарной значимости явились вослед Просвещению философии, литературы, театры, музыки, балеты, художества!), разумеется, с непременным себя же самоотрицательным исходом и прогрессным расчеловечиванием прогрессивного-де человека, его денатурализацией и ментальной перелицовкой, – и *это вкупе все* – ЭТО ВСЕ! – явилось, – конечно же, не с первой в бытии-истории оцивилизованного человечества попытки, – да и вовсе не для того, чтобы обслуживать и осчастливливать *этому всему* вовсе и не нужных ему человекообра́зов, а чтобы покорить их, превратив их из «обра́зов» в *человкоподобных образин*!

А что *там*, на конце (на кончике кощеевой иглы!) торжествующего сатанизма? А там, знаете ли… ничего… кроме э-э… *конца* – КОНЦА!, –правда, с возможным кое-каким знаменательным для все-еще-человека продолжением, ибо тут могут вмешаться Иное, Великая Неизвестность, мироздание, Господь Бог, – и лишь одно оттого занимает сейчас гуманитарное воображение этого самого *все-еще-человека*, как ему кажется, что именно как… *человека* – ЧЕЛОВЕКА!: входит ли сие сатаническое протяжение бытия-истории с конечным отрицанием Бытия-Истории в планы всего этого вышеназванного *Трансцендентального*, то бишь ***ино***мирного, если не попросту ***вне***мирного, хоть мир сей, который *как бы наш*, а на самом-то деле он – и вовсе *не как бы* – как раз *их*, отчего все это Трансцендентальное насовсем никуда и никогда не покидает сей мир, во всяком случае, до некоторых никому из смертных не известных пор?

А пока триумф *сатанизма* – САТАНИЗМА! – не так мифотворного *сатанизма*, а как вполне себе реалистичного *сатанизма*, вполне себе и, – по подобию сознанию, разуму, памяти, – *субстанциального*, то бишь достаточно в мире сем крепко сидящего,

еще и наверху сидящего, на крыше, так сказать, мира, на башне, на горе, пусть и на плоских, на усеченных, на срезанных их вершинах, но ведь сидит же, сидит!

Что вовсе не мифотворно, так это нынешний *реалистический сатанизм*, он же и *сатанический реализм*!

За сатаническое можно принять очень многое, не сильно при этом и ошибаясь, прежде всего ложное, обманное, каверзное, что понятно, менее же заметно, но всего более адекватно сатанизму им горячо любимое… *правдоподобие*, а с ним вместе то, что обычно называется… нет, не иллюзией как таковой, хоть и не без нее, а… *кажимостью*: сатанизм любит *казаться*, как раз *правдоподобно казаться*, что и приносит ему наиболее радующий его гешефт – факт!

А почему все-таки сатанизм выделен нынче устоявшей перед ним все-еще-гуманитарностью, более или менее очищенной от по преимуществу невольно принятого ею сатанического элемента, мало что в особую *категорию*, вполне, кстати, и гуманитарную, а и в особое в обществе реально-фактическое ***присутствие***, при этом все равно какое: системно-строевое, режимно-властное, идейно-политическое, причем присутствие не как просто пребывание, что всегда было и везде нынче есть, а выделен как доминирующая, если уже не господствующая, в мире человеческом (может, уже и получеловеческом) *устроительно-управленческая сила* (вроде принятой в политэкономии производительной силы), однако всецело физиогномирующая соответствующим ей образом и весь мир человеческий (если уже не получеловеческий)?

Любопытно, что сказав о современном обустройстве, управлении, идеологическом обветривании и культурном (пусть более всего и псевдо- и антикультурном) оснащении современного земно-космо-человеческого бытия как о *сатанических*, все как-то сразу и становится ясно, но не в смысло-содержательном плане, а как раз наоборот – в бессмысленно-бессодержательном (как раз в правдоподобно-кажущемся) ракурсе: единственно реальный смысл сатанизма, сопряженный с его содержанием – это… *пустота* – ПУСТОТА!, да-да, именно так: все у сатаны, как и он сам – *пустое* – ПУСТОЕ!, а что касается торжествующего ныне хомосатанизма, то все *вроде бы* реальное и *как бы* содержательно наполненное, с чем он выходит ежемоментно на паперть жизни (уже немало и нежизни), есть не более чем показное прикрытие своей неизбывной *пустоты* – ПУСТОТЫ!

Паразит он – сатанизм, да еще какой – пустотелый, пустоголовый и пустозвонный, однако для многих мало что всецело приемлемый, но еще и трепетно нравящийся – пустоту-то свою им надо же чем-то прикрывать, вот на выручку и приходит лишь прикрытая ущербной кажимостью все та же *пустота* – ПУСТОТА!, – вот, собственно, и все!

Война

В войне нет ничего необычного: все бытие человеческое так или иначе есть *война*, хотя и сочетающаяся с тем, что человек называет *миром* (невойной), а чего больше – мира или войны, ежели под войной понимать и ссоры, и драки, и пресловутую конкуренцию, и бесподобную толкучку на торговых площадях, даже и спортивное соперничество, то пусть об этом в адрес и в пользу войны или мира, как и мира или войны, каждый человек судит сам. И дело тут не в том, чего больше – войны или мира, а в том, что нет мира без войны, как и войны без мира, отчего уместно говорить о *мире-войне*, как и *войне-мире*, а иного человеку, этому вроде бы божиему созданию, попросту не дано. Божиим-то человек, может и быть, иной раз и в самом деле он таковой и есть, да вот почему-то (что в обыденном плане в общем-то совершенно понятно, ибо зверь, он и есть зверь, какой бы словесностью ни прикрывался!) человече еще и вполне себе *сатанообразен,* – вот она, какая тут то ли вещь, она же и весть, то ли просто штука, она же и попросту загогулина!

Гуманоид! Да, гуманоид, ибо озознаниен, овербалиен, олингвиниен, отчего он и *теоиден*, но при этом, как кажется, по вине того же сознания, которое и дар, и ноша, и бремя, а то и наказание, человече наш еще и *сатаноиден*, а уж как и почему, кроме животности, звериности и бесоподобности, это опять же пусть каждый умник по-своему и судит.

Война – такое же достояние бытия, как и жизнь, труд, размножение, смерть, – и нечему тут удивляться: воевали, воюем и будем воевать, а кто, вдруг, в мир во всем мире крепко поверит, тот легкой добычей для других гуманоидов-сатаноидов и станет, а уж ежели кто поверит в искреннюю, сердечную, незыблемую и бесконечную (вечную) дружбу какого-нибудь человекообразного оборотня, тот уж станет его добычей непременно и без проволочек.

Что ж, выходит, что и дружбы среди людей нет, и дружить нельзя? Да нет, конечно, и дружба есть, и дружить можно, а иной раз и искренне, и сердечно, и незыблемо, и, что называется, навсегда, но… но… всякое тут бывает: от крепкой дружбы до не менее крепкой вражды достаточно даже не одного шага, а всего лишь одного мгновения!

Дружба, строго говоря – не просто признание другого как самого себя, но и когда сам ты в другом, а другой в тебе – не больше и не меньше, – и что интересно: бывает сие, мало того – *есть*!, однако не то чтобы как исключение, а всего лишь как нечто… э-э… наряду, рядом, вопреки все тем же соперничеству, вражде, войне.

Нет, дружба – не иллюзия, хоть и бывает иллюзорной, кажущейся, даже и прикидывающейся, но она ни во времени, ни в пространстве никак не абсолютна, не всеобща, а вполне себе относительна, фрагментарна, дискретна, прерывна, смертна.

Зачем мы тут вдруг о дружбе? Разумеется, из-за войны, да не иносказательной, а настоящей, вполне реальной, даже вполне войновской – с лязгом, хрипом, воем, грохотом, разрушениями, болью, стоном, погибелью, ну и торжеством среди всего этого неприглядного вполне себе приглядных героизма и победности, в той или иной степени и пирровых.

Война, да ведь не на коммунальной кухне меж соседками или теми же «хозяйвами» дачных участков в садово-огородном «товариществе», – чего не бывает! – а война геополитическая, межгосударственная, международная, межидейная, межцивилизационная, да не за что-нибудь, а за жизнь, еще и либо господскую, либо рабскую, – и никакого тебе диванного выбора, кроме в той или иной мере и в том или ином качестве боевого: либо ты врага, либо он тебя, вот и вся тут недолга!

И интересно: только еще вчера вроде бы партнеры, друзья, чуть ли не союзники, а сегодня уже мало что соперники, противники, так ведь и враги, да ладно бы враги, а то ведь «не на жизнь, а насмерть», да и кто?, ладно бы сторонние, иноплеменные, иноверческие, а то ведь вроде бы *свои*, чуть ли не *по крови* свои, да ладно бы убежденные в какой-то своей правоте добровольцы, а то ведь и насильно-де мобилизованные, но ведь упорно сражающиеся, мало того, отдающие на поле битвы свои жизни.

Как тут ни крути, а войновская война, этот сгусток жизни и смерти, эта, как стало особенно модно ныне говорить, мясорубка

(как бы и бессмысленная!) – неотъемлемый факт-фактор-фактория человеческого бытия, вполне н-е-о-б-х-о-д-и-м-о ему присущая, как когда-то было необходимым лечебным актом в медицине кровопускание.

Да, *необходимо присуща*!

И вовсе не только из-за нехватки у кого-то жизненных ресурсов или того же жизненного пространства; не только из желания кого-то покорить себе подобного-неподобного и заставить себе служить, на себя работать; даже не только потому, что кто-то хочет быть, как ему кажется, независимым, свободным, а главное, самим по себе, как ему это «свое» представляется, – нет, не только, даже и не столько, ибо у войны есть еще и сакральное себя обоснование, причем не только в соревновательно-конкурентно-господско-рабских, как и суверенно-вассальских интенциях текущего человеческого бытия, но и в потенции самого бытия как такового, то бишь *самого по себе бытия* и *самой по себе войны*, в результате чего получается, что война, обосновываемая немало и надуманными, даже и фальшивыми обстоятельствиами-причинами, приходит в реальность так или иначе *сама* – САМА!, – хотят того в тот или в иной момент человеки или не хотят, значения не имеет, ибо того хочет сама человечески-нечеловеческая реальность, как, собственно, хочется ей вдруг и той же революции вкупе с той же ожесточенной «гражданкой» тоже.

Вот и нынешняя войнушка, грозящая перерасти в глобальную войну, пришла не только по видимо-невидимым и называемо-скрываемым внешним обстоятельствам-причинам, но и по желанию самого бытия и самой бытийственной войны, ибо так решила Великая Неизвестность и так распорядилось Великое Иное: мир планетарный в ходе еще никому из смертных толком не известных, хоть и охотно-неохотно предвидиемых и намечаемых *тектонических перемен*, да ладно бы в направлении нового справедливо-несправедливого устройства планетарного мира, а то ведь сам черт не знает чего, зачем, почему, с кем из акторов, в каком человеческом изобилии, на каких экзистент-условиях, в каком видимо-невидимом виде… о-о… может, вовсе и не переустройства, а глубинно-целостного *пере*… а вот какого-такого *пере* – ПЕРЕ! – пере-*лице*-вания, что ли, а-а? – от одного, так сказать, бытийно-исторического лица (лучше сказать, «морды-лица») к другому – да вот к какому?

Будущее (Не)Будущее

Впервые, пожалуй, человечество оказалось не просто перед неизвестным будущим, что всегда было и никого никогда особенно не смущало, даже, наоборот, заинтриговывало и подвигало к проектам и за них не пренебрегавшей кровопусканием борьбе, а вот теперь оказалось, что оно – будущее – мало что оказывается перед *неизвестным будущим*, так ведь еще иперед–вовсенеобязательно,чтоиреальной–*будущейнеизвестностью*–НЕИЗВЕСТНОСТЬЮ! – и это в момент триумфа хозяйствующего на Земле человека с его почти-покорением природы, почти-освоением космоса, почти-переделом и самого человека – как раз как существа – из осознаниенного природного животного в чипооцифрованную, пусть и все еще телесную, да, видно, уже иначе телесную матрицу, опять же в среде существенно сокращенной в числе массы землекосмосопользователей.

Что-о, не может такого быть?

Может или не может, кому как нравится, да вот попробуй-ка доказать, что не может, ну и обосновать то, что как бы и может, кроме, конечно, *конца* – КОНЦА!, да вот с новым началом иль уже без него, а ежели все-таки с началом, то тогда что же *этакого*, кроме фантастически нечеловеческого, о сем начале сказать-то нынче можно, а-а? Ах, этот Екклесиаст, со своим «все проходит», так ведь и *это* – ЭТО! – тоже может пройти, да так, что на его место уже может ничего, кроме *ничего* – НИЧЕГО!, и не прийти, – почему нет?

Ну да ладно, война-то, вполне и реальная, вовсю идет, и мир нынешний вовсю рушится, тоже вполне реально, ну и контуры будущего мира, как раз ближайшего, вроде бы у сильных-де мира сего проглядывают, а самое тут важное для нас – россиян, что Россия-РФ как раз в самый пекловый центр-очаг… э-э… *процесса* (пусть будет так – *процесса* – ПРОЦЕССА!) и ухнулась, да не как лишь обозреватель, свидетель, прогнозист и проектант, и уж тем более не как вознесенный над международной бытийной суетой сакрализованный третейский судия, а более всего как непосредственный в войне и ми́ровской суете участник, мало того – как объект и субъект сей войны, ее главная жертва и основной боец, как вполне себе растревоженный… нет, не как улей, конечно, хоть это и есть, а как сам себя и мир вокруг, да что вокруг, и в целостности тоже, сакральный *передельщик*!

Да, война сия необычна и странна, по-своему и загадочна, этакая война-ключ, война-спусковой крючок, да и попросту война-крючок. Вроде бы война РФ с Украиной (точнее, с Укронией – от «укров»); война Запада против России (который уже раз!), ну и России против Запада (тоже который уже раз!); с одной, как раз западной, стороны, война явно имперо-колониальная, господско-вассальная, с отчетливо геноцидным мотивом (антиэтнорусским!), а с другой, уже российской, стороны, война защитная, антизападоимперская, однако и от России-РФ имперо-наступательная, пусть, как уже бывало в российской истории, пока и какая-то невнятно-задумчивая, вялая, странная.

И что же в сей войне такого уж странного? Нет, не то, что тут очередной спор среди братьев-славян, даже не то, что меж евразийскими и прозападными славянами, а, пожалуй, то, что война идет вроде бы *за русский мир*, причем исторически обусловленный русский мир, а воюют в ней меж собой, пусть и наряду с этническими украинцами (и «украми» тоже), не кто иные, как *русские* (из России) и… *русские* (с Украины), что означает мало что родственное междоусобье (как бы брат на брата!), да вовсе и не обычное гражданское, а, пожалуй что, чуть ли не межмировское (восточнорусское с прозападнорусским – раскол тут, стало быть, в русском мире!), так ведь еще война сия, то бишь и русское с обеих сторон кровопускание, идет не то чтобы *в интересах всего мира*, то уж *в залог всему миру* – точно!, отчего тут не так вовсе благородное самопожертвование русских (и русскими) землян на планете, как вовсе не благородная, а вполне себе бездарная русская жертва общемировой, а вовсе не только, даже и не столько собственно западной *алчности*.

То, что Запад алчен, все в мире знают, как и то, что он, увы, развитиен и прогрессивен (нравится это кому-то или нет!), что тоже все в мире знают, а вот то, что *весь мир человеческий (от нулевого меридиана до нулевого) алчен*, не то чтобы не знают, но как-то не все придают, особливо в России-РФ, *этой* врожденной мировой алчности достаточного и вполне ею заслуженного значения.

«Из полымя да в полымя» – чем не Екклесиаст, а-а? И у нынешней России-РФ есть такой пламенный шанс – попасть из когтистых львиных атлантических и волчих западноевропейских лап в клыкастую пасть китайского дракона и того же исламского тигра, как и остается шанс выскочить из того и другого полымя полноценной Россией, но непременно обращенной к *самой себе*,

а следственно и к *будущему* – БУДУЩЕМУ!, как раз шанс того, чего ожидает от России-РФ вовсе не занятое собой и только собой человечество, причем в лице не так народов, как рассевшихся там и сям по человечеству хищных элит, а ожидает сам Господь Бог вкупе с Великой Неизвестностью и Великим Иным вовсе еще не покинувших и уж тем более не приговоривших Россию к исчезновению, однако без встречных в их сторону со стороны России-РФ ходов тут ничего у России-РФ не выйдет, а ходы сии должны быть у России-РФ вовсе не так в сторону от себя, а прежде всего, повторяем, *в сторону самой себя*, а это, как нетрудно в общем-то уяснить, как раз и всего труднее, ибо требуется кое-что мучительно-невозможное, а именно *преображение* – ПРЕОБРАЖЕНИЕ!, на которое и работает нынешняя война – да не навстречу войне лишь идти тут надо, ее насущным потребностям, а и, осознав сакральное значение этой *странной войны*, идти не так *к* войне, что надо делать и что здесь ничуть не оспаривается, а *от* войны – как раз *к России как России*, разумеется, не отгораживаясь от мира, даже не избегая и его западной, ныне явно враждебной для России-РФ, фракции: только *Россия как Россия* способна выстоять и повести за собой, причем *не за счет себя* – что ныне весьма возможно, да и то лишь желающих не только идти за Россией, но и быть *вместе с нею*, а много ли в зе́мном мире таких вот явных и твердых сторонников России?

Бойся, Россия, сладких слов что с Запада, что с Востока, что с Юга, бойся!

Россия может рассчитывать *только* – ТОЛЬКО! – на ***саму себя***, частично и в меру на попутчиков, да и то более вынужденных, чем добровольных, отчего и не очень постоянных, и не сильно верных, а совсем уж в порядке исключения может она рассчитывать на союзников, тоже ведь вынужденных, хотя, быть может, и более постоянных, но, увы, тоже не слишком верных, однако во всех случаях, как заметил бы проницательный Екклесиаст, с *непременной платой* со стороны, а не в сторону, России, по преимуществу и превышающей ценность попутчиковой и даже союзнической услуги. *Объедят, да еще и как объедят, разве лишь косточки оставят, да и то вряд ли – не оставят!*

Весь мир – осознанно и не совсем осознанно, даже и трансцендентно – совсем не против преодолеть свое нынешнее коллизионное (не)состояние за счет России, а складывающийся ныне под диктовку США *всемирный антироссийский фронт* –

не шутки вовсе!, а с другой стороны, вроде бы намечающийся будто бы пророссийский… э-э… нет, не фронт, конечно, даже и не блок, да к тому же и не пророссийский вовсе, а всего лишь согласно уклончивым манерам и размытым намерениям гуртоправщиков как будто бы антизападный, так он, скорее… некий неоформленный конструкт, даже всего лишь попытка какого-то конструкта, что-то *этакое* обещающая России в ее противоборстве с Западом, но при этом ничего из *такого* России особенно не сулящая. Вот и выходит: вложи себя в мир, Россия, отдай ему себя, впусти в себя мир, поделись с ним собою, тогда, может, и чем-то, вдруг, поможем, а вот сто́ит ли на самом деле и на длительное время помогать России… э-э… зависит от обстоятельств, среди которых на первом месте – мощь и экзистент-удача *самой России*, – и что интересно! – ***России как России***!

Не только Россия ждет на своих просторах Россию, но и весь так или иначе России сочувствующий, пусть и не без для себя какой-то выгоды, остальной мир, даже и не только России сочувствующий, а вполне ей и враждебный, он ведь тоже ждет, пусть и не без смешанной со страхом алчности, но таки… *ждет*!

Великая Россия!

И не по пространству лишь великая, не по ресурсам, не по материальному богатству, а по созидательной *для себя* мощи, как и по *своему проекту* прежде всего, а уж потом де по общеми́ровому.

Мир со своим будущим уперся в Россию, а Россия… нет, не так уперлась в мир, а как… вот тут и загадка из загадок, ибо никак нельзя не упереться России в мир, как и никак нельзя ей отстраниться от мира, а… а… остается лишь стать достойной, да не просто самой себя, а и своей, еще не очень-то ей и понятной *экзистенциально-исторической миссии*, для чего надо не только внутренне сконсолидироваться, не только, как было замечено выше, преобразиться, сблизившись с коренной Россией, но… уж «извиняйте, господа правители»… стать *гуманитарно иной*, обретя новую для себя и мира *собственную* (вроде ССБ – службы собственной безопасности) *гуманитарную идеологию* – вот она – ***сверхзадача***!

Новая (Не)гуманитарность

Гуманитарность как гуманитарность, то бишь гуманитарность в европросвещенческом понимании с ее каким-никаким, пусть и во многом надуманным и немало оборотническим, *гуманизмом* и соответствующими ему идеологией, словом, искусством, философией, наукой, даже и религией (с тем же протестантизмом, да и не только), эта-то гуманитарность сегодня, как минимум – *в отмене*, хотя и не в полной мере по пространству людского бытия: *есть она, есть*!, разумеется, лишь на обочине главного ныне экситенциального трека, а оттого есть она в реалиях не более чем островками, архипелагами, да и то как более всего архаизм, как сброшенные с мозгов свободного-де человека-де вериги и опрокинутая им в мусорную яму ненужность, лишь мешающая движению сего псевдочеловека вперед – в оцифрованную неизвестность, в бескрайнее киберпространство, постчеловеческую небыль, впрочем, может, совсем и не так, а аккурат и наоборот, ибо при сей безумно разогнавшейся гонке вперед «чек» окажется вдруг… нет, не на том же месте, где и был, а, уж извините… *в пустоте*, – попробуй, вражий друг мой, доказать что-нибудь обратное, как раз непустотное, когда никто из ныне отчаянно бегущих не знает, куда, зачем, да и почему он бежит, захваченный словно вихрем какой-то уже нечеловеческой, хоть и вызволенной на свет самим же человеком всесокрушающей, всем овладевающей и все поглощающей, вполне уже и дьявольской силой.

О какой же ***новой гуманитарности*** можно в таком разе говорить?

Обновленной, наверное, да и немало обновленной, а лучше бы сказать – о какой-то уже ***иной гуманитарности***, а скорее всего – о ***новой (не)гуманитарности***, о которой человек пока и помыслить не может, которая, однако, без споспешествования кризиса, беды, катастрофы, той же всесокрушающей войны, немало и гуманитарно-антигуманитарных, просто так на грешную землю не явится.

Вот он, настоящий-то уже призрак, надвигающийся на мир земный – *призрак нового (не)гуманитаризма*, такой нежеланный для нынешних оцифрованных прогрессистов, как и для соблазненных ими земных толп, однако все еще желанный для *всеще-людей*, почти что уже и исчезнувших, правда, не более чем в Навь, причем, как ни странно, с возвратным в Явь билетом.

Здесь не благонамеренные утопические мечты, а самая обыкновенная констатация: *ничто из бытия-истории не исчезает бесследно*, не только сатанизм не исчезает, но и высокий гуманизм тоже, превращаясь не в полное ничто, а всего лишь в *ничто*-женный осадок, дожидающийся непременного возрождения: так было, так есть, так и будет, ежели, конечно, что-нибудь из человеческого вообще на свете будет, отчего у нас и слоган своеобразный выше приведен – **«*Новая (Не)гуманитарность*»,** ибо новая-то новая, да вот гуманитарность ли или еще что, никому из смертных еще не известное, а ежели все-таки гуманитарность, пусть и новая, и пока совсем не известная, да вот какая же все-таки, а-а? Переменная ныне эпоха: компьютеризированные ньюнеандерталы ведут наступление на гуманизированных археокроманьолов – факт! *Неонеандертальская революция!* И как всякая революция, она не достигнет вполне своих целей, хоть и перевернет земный мир и сделает его… *иным* – ИНЫМ!

Э-э, тут-то вот и явится спасение, ежели не случится конечного конца… как раз явится в чем-то *ином* – никому ныне не ведомом, то бишь не в том из возможного, не в другом, даже и не в третьем, а… ежели уж еще *не конечный конец* – не-КОНЕЦ!, то в единственно *на тот момент* возможном варианте, а пока – ТАЙНА!

Да, *тайна* – ТАЙНА!

А как же еще, коли вокруг Великая Неизвестность с потаенным Великим Иным, да София с тщательно запрятанной в себе Премудростью Божией, а уж Господь Бог… что Господь Бог? – у него ведь свои планы, включая и Страшный Суд с участием Христа, так что всякое ожидает человека (не)разумного, всякое, а потому, ежели говорить о все-еще-людях, то не так разум, как… нет, не только вера как вера, а… *стойкость*, подкрепляемая, помимо веры как веры, стоической на сей критический бытийно-исторический момент… э-э… *идеологией*, да-да – ИДЕОЛОГИЕЙ!, а лучше бы сказать, идеософией – ИДЕОСОФИЕЙ!.. а-а… догадался-таки проницательный читатель – *софиасофией* – СОФИАСОФИЕЙ!, то бишь с прямым обращением переживающего, чувствующего и мыслящего сознания к Софии Премудрости Божией ради поиска ответа на мучающие ныне все-еще-человека вопросы, которые он не находит готовенькими в затверженной памяти прошлого, а может найти, если повезет, только в вершащемся

настоящем, завязывающим какое-то вроде бы моделируемое современниками будущее, пусть и не вполне ясное, и не до непременного конца, но которое станет-таки *иным* – ИНЫМ!

Иной

Иной гуманитарий – одно, а вот ***гуманитарный иной*** – совсем другое, и ежели иной гуманитарий может быть любым, даже и сатаническим, по сути как раз антигуманитарным, вполне и зловредным, хоть и слыть за настоящего-де гуманитария вроде… э-э… не будем *фамиль*-ярничать, называя имена, то *гуманитарный иной*, он же и попросту ИНОЙ, не может не быть ***софиасофически иным***, что… нет, не открывает ему последней (и первой тоже!) мирозданческой Тайны, но позволяет быть рядом с Тайной, да не как тупая движимая недвижимость, а как доверительный с Тайной… э-э… *немотный собеседник*, а лучше сказать – как ее *вдумчивый стяжатель*: не знает ничего и хорошо знает, что ничего не знает, но, не зная ничего *этакого*, он все-таки знает… а что же?.. э-э… как раз ***иное***, как раз *неизвестное иное*, но зато при этом и *иное неизвестное*, как раз то самое, что в силу своего творческого контакта с софиасофским гуманитарием *не то что становящееся ему известным, но уже не остающееся для него всего лишь terra incognita.*

Наивная, конечно, вполне и глупая, тут диалектика, но зато какую же силу животворную она придает стяжавшему ее землянину – силу не обывателя и не мечтателя, не проектанта и даже не самоупоенного творца, а силу *идущего* и *входящего* – куда же? – как раз в *Иное*, однако уже не более чем *как бы* неизвестное и при этом, уже и *не как бы* известное, то бишь – *свое* – СВОЕ!

Да-а, гуманитарный иной, вольно или невольно становящийся иным гуманитарием среди тьмы самодовольных гуманитариев, что не позволяет ему, ставящемуся в момент ощущения и обретения Иного, точнее бы сказать, прикосновения и приобщения к Иному, уже быть не собственно гуманитарием, а заставляет быть-небыть попросту *Иным* – ИНЫМ!, что ни хорошо и ни плохо, а что всего лишь… как бы это сказать… не слишком забавно что ли – как по причине вдруг иначе осознаваемой им той же гуманитарной-де реальности-ирреальности, вовсе на деле не такой, какой обыкновенно кажется (старается казаться!), не говоря уж

о самих гуманитариях, тоже ведь старателей от кажимости, так и вследствие непременно приходящего к гуманитарному иному и его старательно обволакивающего вольно-принудительного *отшельничества*, может, по-своему и себялюбивого и гордого – да что толку… впрочем… толк тут кое-какой есть, конечно, не явный, не тутошний, не бросающийся в глаза, примерно такой же, как и толк от никому толком не известной и старательно обходимой гуманитариями-старателями исходной, глубинной, коренной, «навской» России – как раз *России как России*, той самой России, которая – *сама отшельница* – держит на гуманитарном, немало и псевдогуманитарном плаву своего избранника – ***гуманитарного иного***, да мало что держит, но и воспринимает, допуская малое от него смысло-излучение в свое большое, безбрежное, бесконечное, не то что не давая покоя отрицателям и незамечателям России как России, но и… что скрывать!.. погубляя раз за разом своих несчастных по гамбургскому счету погубителей, и вовсе не потому, что Россия сия так уж зла и мстительна, нет, всего лишь потому, что причастна она *Иному миру*, который и впрямь ничего и никому не прощает, будучи причастным и впрямь беспощадной *Великой Неизвестности*: и хотя *как бы нет* в *этом мире* России как России, а она, вовсе и *не как бы*, все-таки *есть*, разумеется, как нечто-ничто *иномирное*, им – ***иным миром*** – и хранимая, да не просто она есть, а и покоя не дает не одним лишь гуманитариям-легионерам и даже не одной лишь самозванно и самозабвенно прикрывающей ее той или иной текущей псевдо-России, а, увы, и всему этому миру, что нынче в мировой практике как раз вполне отчетливо и происходит, да так, что мало уже кому на грешной Земле и кажется!

Итак, ***гуманитарный иной*** в России, он же и попросту ***Иной***, сходящийся во вполне себе страдном и даже страдательном единении с *сакральным Иным*, а вместе с этим и с *сакральной Россией*, как, собственно, и наоборот: сходящийся сначала с *сакральной Россией*, а затем и с *сакральным Иным* – это уж как у кого (у кого, правда?) получается.

Поначалу безусловный гуманитарий, по-европейски (следственно, и по-масонски) образованный, вполне и международного пошиба профессионал, не без проблем, но находящий общий язык с такими же, как и он, заграничными гуманитариями (тоже по-европейски и по-масонски образованными), участвую-

щий в международных контактах, форумах, изданиях, достигающий даже международной известности, правда, обыкновенно почему-то не в очень-то руссо-российском себя как гуманитарии исполнении, ибо там, за границей, сие исполнение почему-то не очень приветствуется и нарочито не замечается… пфу-у!.. зачем им *там* что-то *этакое* – из руссо-российского, даже не из экзотического, а так… из архаического и как бы небытийного, да и что, собственно, российские по принадлежности к стране-России гуманитарии, кроме редких единиц, могут выказать такого уж руссо-российского, да еще и за рубежом, в настоящем-де интеллект-сообществе – неуместно, невежливо, да и стыдно как-то?! Да что за рубежом, сие отчебучить и в своей-то стране неудобно, глупо и никому не впрок, впрочем, слава богу, и отчебучить-то бывает *нечего* и *некому*!

Судьба

Ежели подпевалой в общем с «умной заграницей» псевдогуманитарном хоре, то ни о какой-такой особой судьбе и заикаться не надобно, а ежели о собственном вдруг пении, да еще и не по выверенной международной партитуре, а по вольному зову России как России, вдруг зазевавшимся словно Иван-дурак гуманитарием внезапно почуемом и им… *принятом*!, то, да-а, тут уж и впрямь судьба, она же и судьбина, да мало что сойтись с незамечаемой, непонимаемой и невоспринимаемой сакральной *Россией как Россией*, так еще и с еще более незамечаемым, непонимаемым и невоспринимаемым *сакральным Иным*, да что сойтись, и самому стать, уже и пост- (или за-)гуманитарным (уже не в обычном понимании из расхожей гуманитарщины), *иным* – ИНЫМ!, не подлежа за это сколько-нибудь значимому официозному и в особенности «коллежскому» признанию, хоть и быть при этом трижды, пятижды, бесконечно «ижды» правым… ну и что, подумаешь, можно оказаться… нет, не правым вовсе, а попросту неединожды… э-э… отвергнутым (если не проклятым), ибо не в стае же, не в куче, не в толпе, а правы-то бывают всегда стая, куча, толпа, что и полезно любому начинающему гуманитарию зарубливать на своем еще не шибко ученом, но уже задранным вверх самодовольном носу, что он вольно или невольно по обыкновению и делает.

До каких же пор *так* будет?

А кто ж *это* знает, кроме… сами знаете, господа-товарищи, кто же *этакое* на самом деле знает… нет, не Время вовсе, которое будто бы эмерджентно возьмется и поставит вдруг все на место, нет, это сделает… Вечность… и сделает все как надо… как раз в Конце Времен, уже вовсе не деликатно постукивающем в ворота́ Времени, а вполне себе нахраписто в них бьющем, а сроки, что сроки? – они *в срок* и подтянутся!

После-вестие

Как ни прокручивай в своей утлой голове вожделенный Запад, как ни поругивай выспренную Европу, однако цивилизации тамошней не откажешь в довольно-таки терпимом, если не в уважительном, пусть и не без исключений, отношении к своим из ряда вон выбивающимся гуманитариям, не исключая и всамделешных Иных, разумеется, не шибко, быть может, нося их на руках, но и не подвергая непременному огульному игнорированию, бездо́водному отвержению и нарочитому забвению. Что есть, то есть!

А у нас на благословенной родине всё как-то… нет, конечно, не совсем уж наоборот, но и… совсем как-то не так: и ежели не в отчуждении, гоне и забвении своих Иных, то уж не в искреннем их признании как уникальных творцов и не в убедительном уважении их как достойных сынов нации… нет, да и вовсе не в публичном почёте тут дело, чего истинному гуманитарию и не надо, а всего лишь в… учёте, да-да, в самом что ни на есть обыкновенном учёте – по жизни, хозяйству, творению, ну и по правлению тоже, всего ими – гуманитарными Иными – выстраданного, ан-нет, у нас как-то всё не так да не так. Какого-нибудь западного Иного, да и восточного тоже, обязательно заметим, признаем и возвысим, ещё и признательно перед ним склонимся, а вот своему… э-э… он же свой, так зачем же его ни с того, ни с сего признавать да ещё и ему кланяться, какому-то там самозванному гуманитарному Иному, да ещё и впрямь по сути российскому, да ещё и сингулярному по своей гуманитарной исторической значимости – этого ещё не хватало в мириадном стане самодовольных знатоков всего воистину де ценного – что западного, что восточного?!

Так вот и живём, с нескрываемом влечением озираясь по чужим сторонам и нежно любя сии очаровывающие с ходу и по ходу стороны, совсем не взирая на свою собственную замшелую-де сторонку, не любя её вовсе, а то и презирая – из века в век!

Что ж, может, тут и в самом деле судьба, некий предположенный неизлечимый рок, как и сама сакральная правда, может, и впрямь так и надо – почему нет, коли уж из века в век? Да вот как-то страдно-страдательно всё получается, жертвенно, кровянисто и мертвенно, да ладно бы по личному судьбинному треку гуманитарных Иных, а то ведь и всей страны тоже, отчего не хватит ли всё-таки обольщаться иными сторонами, не пора ли, братья, к своей сторонке оборотиться, в нашем случае, разумеется, ино-гуманитарной?!

АПОКРИФ

«Философия хозяйства говорит, что…»

Непредвзятые откровения, услышанные и записанные Ю.М. Осиповым

1

Я, *философия хозяйства* – ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА, впервые вышла на свет Божий как адекватно самой себе сотворённое, выраженное и поименованное, а также как самостное, целостное и в меру самодостаточное, хоть и не замкнутое аксиоматически в себе, а вполне открытое внешнему размыслительному контексту, ментальное *нечто* – НЕЧТО! – из рубежного размыслительного очага XIX–XX вв., ещё удерживавшего в себе ценностно-идейно-мыслительные устои и достижения *эпохи Модерна,* а затем, пережив в туне времени почти вековое по срокам и замешанное на непонимании, невосприятии и отвержении нарочитое забвение, явилась вновь на свет аккурат к рубежу уже XX–XXI вв. с его увлечением одолевшим-таки подуставший Модерн неистовым Постмодерном, ставшись оттого и в итоге дважды рождённой и лишь в суетных умах как бы компилятивно неизвестно зачем возрождённой. Дважды возникнув на борческих перекрестьях идейно-ценностно-экзистенциальных эпох, Я, *философия хозяйства*, оказалась, с одной стороны, гуманитарным венцом, завершительным критиком и нетривиальным корректором – во спасение! – ренессансно-просвещенческого Модерна, а с другой – уже сверхгуманитарным распознавателем, суровым судьёй и беспощадным ниспровергателем – уже во спасение человека как человека! – набравшего к XXI-ому большую силу и вполне себе полный ход, немало уже и открыто античеловеческого (читай, и последовательно *сатанического*!) Постмодерна. Но это не всё: я стала ещё и новейшим откликом на ранее отвергнутый Модерном Премодерн – как мемориально-религийным (С. Булгаков), так и актуально-эзотерическим (Ю. Осипов).

2

Так уж случилось, что на меня – *философию хозяйства*, выпала доля, ноша и честь войти в ряд больших мироведческих потоков – мифологического, религийного, философического, сциентического, эзотерического (любой оккультный, как и тот же астрологический, здесь исключаются) не отчуждая себя ни от одного из вышеназванных до скобок потоков, более того, с ними охотно и плодотворно общаясь, даже их в себе в меру и содержа, однако ни с одним из них до конца не солидаризируясь, тем более уж не будучи ни чьей из них частной принадлежностью, а оставаясь самостоящим и самодвижущимся целостно-разнообразным ***миро****-ведением*, включающим и человековедение, и жизневедение, и Земле(плането)-ведение, и Космо-ведение, в общем, будучи ***все****-ведением*, разумеется, при подходе ко всему ве́домому с ***хозяйственной*** точки зрения – отправительной, деятельской, устроительной, производительной, потребительной, но так же и поглотительной, разорительной, разрушительной, уничтожительной, при этом как вполне реальной и реализабельной, точки зрения, однако не так в собственно практико-исполнительном плане, как в смысло-концептуальном, более всего сравнимом, для ясности, не так даже с философическим подходом, как с богословским, с тем же, знаете ли, библейским.

3

Я, *философия хозяйства*, занята смысло-концептуальным осмыслением имеющегося в реальности *делания* или, если угодно, *возделывания* человека и его жизни; природы и её бытия; планеты Земля с её пребыванием в Космосе вкупе с природой и всей её живностью; даже и кое-какой части, пусть совсем и не великой, самого Мироздания. Это как раз и означает ментально-откровенческое обращение к ***хозяйству*** во всей его объектно-субъектно-деятельной явленности, что то же самое к *творению доступной человеку реальности, включая и ирреальность*, однако с учётом факта творения сей реальности, включая и ирреальность, и *самой же реальностью-ирреальностью*, отчего *субъектное творение* сочетается тут с *творением объектным*, а оба творения оказываются сопровождающими и ведущими друг друга ***со****-творениями*. Однако это не всё, даже совсем не всё, ибо ни творящие вроде бы человек, природа, Земля, Мироздание сами по себе не могли бы ничего

такого, то бишь и самих же себя, сотворить, тем более уж сотворить из ничего, само собой, без каких-то внешних (читай, сакральных!) замыслов, проектов, воль, воздействий, аттракторов. Отсюда и осознание человеком внешнего, но присутствующего при этом в земно-космической реальности, сакрального субъекта – ***Бога Творца***, а также восприятие человеком *Бога Творца* как первого, изначального, ведущего и главного во Вселенной *хозяйствующего субъекта,* делающего и возделывающего всю реальность, включая и ирреальность, ведущего *своё хозяйство*, дозволяющего при этом и самому этому хозяйству вести самого себя, пусть и в каких-то пределах, весьма, впрочем, гибких, как и позволяющего частным долям его и их акторам тоже вести и тоже в пределах, и тоже в весьма гибких пределах, *свои хозяйства*, реализуя себя *хозяйствующими объектными и субъектными творцами.*

4

Мир творимый и мир творящий – ***хозяйство Бога!*** Важнейшее заключение, единственно для человека возможное, всё из проблемного по поводу сакральных вопросов: КТО, ЧТО, ЗАЧЕМ? и разрешающее, НИЧЕГО вообще-то и не говоря, однако весьма удовлетворяя живущего (и непременно умирающего, хотя и непременно от поколения к поколению бессмертного), действующего, познающего, оседлого, кочующего, мечущегося, беснующегося, но так или иначе *творящего* актора – *хозяйствующего человека* – ЧЕЛОВЕКА! А удовлетворение сие от загадочного Божиего и неразговорчивого божественного безмолвия является человеку более всего через посредство *Премудрости Божией*, *через Софию* – СОФИЮ!, многое из потребного человеку, пусть и бессловно, но как-то всё-таки сообщая, разумеется, лишь открытому для общения с ней человеку, как раз и способному улавливать невидимые сакральные посылы и прячущиеся за ними тексты, таинственно вписанные в мир и в самого человека, а в меру и тексты, нисходящие прямо-таки от самого Сакрала. София – *хозяйственная посредница* между человеком и Богом, как и, разумеется, между всем миром и человеком, между человеком и человеком, между человеком и Сакралом, отчего – она пособительница в ***Творении***, осуществляемом Богом и реализуемым посильно причастным к Божиему Творению человеком. *Творение* и *Хозяйство* хоть и не одно и то же по лингво-понятийному значению, а вот по смысло-прикладной значимости они явные между собой адекваты!

5

Каждый прожитый человеком день, не говоря о ежедневном трудовом и творческим вкладе – участие не только в жизненно необходимом и непрерывно длящемся хозяйстве (хоть в обычном бытовом хозяйстве, хоть в каком-то исключительном, уже как бы и сверхбытовом) есть в то же время и участие в тоже непрерывно длящемся *Творении*, – факт! Сие нетривиальное заключение можно по размышлении и принять (с чем на свете не приходится по жизни соглашаться!), однако, коли уж творение, да ещё Божие, то каково же его целеполагание, конечно, уже с другим набором сакраментальных вопросов: КУДА, ЗАЧЕМ, для и до ЧЕГО?, на что не то что трудно, а вообще сколько-нибудь внятно, кроме как в приближении, альтернативно и мифоподобно, ответить, нельзя, да вовсе и не так ответить, как попросту всего лишь высказать суждение, да ладно бы при этом строгое и точное суждение, а то ведь так себе – не более чем ни к чему необязывающее мнение. Однако не всё тут для человека так уж безнадёжно: кое-что таки доступно размышляющему (и переживающему!) *софийному (открытому Сакралу!) сознанию*, а сознание и есть то самое изначально заложенное в человеке *Божественное Нечто*, позволяющее человеку *осознать (узнать) самого себя* и в меру ему Господом отпущенного *осознавать (узнавать) окружающий его видимый и невидимый мир*. Сознание – это прежде всего ***знание***, позволяющее человеку *знать* себя и окружающий мир, мало того, *осознанно (со знанием*!) *хозяйствовать*, но и это не всё – *осознанно творить*, даже и участвовать, может, и не слишком осознанно, в *Божием Творении*.

6

Итак: *сознание, хозяйство, творение*! Между этими тремя «китами» можно поставить если не знак равенства, то уж знак тождества – точно! Величайшее тут моё – *философии хозяйства* – открытие, не правда ли?! Всё особенно человеческое из человеческого идёт и вытекает от и из сознания, включая и то, что даётся сознанию от и из устоявшейся или же вновь возникающей реальности, всё равно созидаемой или нет самим сознанием, ему – сознанию – так или иначе при всём с ним позитивном единении противополагающейся, а то и не без вызова противоположенной, причём находясь относительно человека вовсе не в пассиве, а в самом что ни на есть активе, как и вовсе не обязательно в позитивном активе, а, скорее, совсем наоборот – в *противоборческом*!

Причём это касается сразу всего: материи, духа, природы, неприроды (как раз и творимой вовсю человеком), планеты Земля, Космоса, даже и Сакрала. Та же София, к примеру, вовсе не ласковая для человека подружка, хоть и вовсе не злая мачеха, она всего лишь, при всей своей исходной расположенности к человеку и изначальной к нему доброте, с наставнической потребностью, а иной раз с инквизиторской заданностью, к человеку весьма строга, причём настолько, что… лучше уж тут помолчать… хоть София может и прощать подзарвавшегося в умозаключениях и деяниях человека, да вот вовсе и не всегда, да и не каждого, а вот за что ей наказывать человече, а за что прощать, кто ж это из смертных достоверно и загодя знает?

7

Сознание, а вослед ему и человеческое хозяйство, и человеческое творение, не говоря уж о человеческом разуме, интеллекте, когнитиве, ментале, *в целом софийны,* как *в целом софийны* хозяйственно-экзистенциальные деятельность, активность, познавательность, изобретательность, даже и изощрённость, причём софийны, как это ни странно, быть может, для кого-то звучит, и бессознательность, и безумность, и бесшабашность, вообще всякая крайняя исключительность, аномальность, непохожесть, даже и вычурность. Софиен не только позитив в общепринятом житейско-трудо-творческом смысле, но и кое-какой негатив, причём не только тот, что споспешествует позитиву, но и тот, что ему препятствует, с ним борется, иной раз и не на жизнь, а на смерть, однако, закаляя оттого позитив, обеспечивает его выживание и стремление к обновлению, ко взятию новых хозяйственно-экзистенциальных вершин.

8

Да, это действительно так: бытие человеческое онтологически вовсе не райское, хоть иной раз, в иной час и в ином местечке бывает сходно с райским, да и то до какого-то момента, до поры, до срока, а более всего оно вовсе и не райское, скорее, всё-таки не более чем смягчённое адовское. Хоть на Земле и не сплошной гнетущий ад, но вполне достаточный для возбуждения желания человека из него вырваться, освобождая себя от власти несущих ему адову зловредность природы, материальности, животности, а главное – освобождаясь от самого же человека, причём не толь-

ко от его уязвимой физической органики, но и от главного своего деяния – сознания, мечущегося туда-сюда в обнимку с бессознанием, от разума, не расстающегося с безумием, от иллюзий, галлюцинаций, мечт и мифов, бесконечно мучающих человека, хоть его на мгновения и выручающих, загоняя в неразрешимые досадные тупики, но так же и освобождаясь от вынужденного (принудительного) выживательного хозяйства и невнятного (скрытого) бесцельного сотворительства, не говоря уж об освобождении от неминуемой смерти. *Освобождаясь, конечно, да вот как-то себя вполне и… не освобождая*! Принуд тут неодолимый, плен, каторга, тюрьма! А иначе-то ведь не жить, не хозяйствовать, не творить, не стремиться куда-то вперёд – что ввысь, что вдаль, что ниц, что оставаясь завороженно на месте, как и не обновляться, не искать, не познавать, – и всё это не в борьбе ли с адом и с самими же собою – адовскими, не в раю же сие совершать, где лишь хорошо порослям, чертополоху, недорослям, в общем, вегетативам, но уж никак не человекам, для которых рай что тот же ад, только куда как «хужее» зе́много.

Не-ет… человек создан (ну пусть возник) вовсе не для рая, где всё, аки в счастливом Багдаде, тихо и спокойненько, и вовсе не лучше, чем на райско-адовском, тоже ведь тихом и спокойненьком, погосте, нет, человек предназначен для *хозяйственно-экзистенциального подвига*, да не в каком-нибудь незримом лучистом царстве, где-то там в такой же… э-э… хотела бы сказать Вселенной, да придётся от незнания сего предмета промолчать, в общем, не среди какой-то там лучистой инойной Незнакомки, а… среди немало знакомой и знаемой материи, ещё и будучи на базисную долю вполне материальным; среди природы и будучи большей долею природным; на Земле и будучи в решающей доле зе́мным; среди Космоса и будучи совсем не в доле кое-как космическим, – да вот ещё не всё: надо ведь бытовать, хозяйствовать, творить в *постоянном преодолении* природы, пространства, времени, самого себя, как и в терпении, нужде, страхе, горе, отчаянии, с бедами и обидами, в непрерывной борьбе за жизнь, за себя, против себя (с себе подобными), отчего и в труде, страде, подвижничестве, войне, жертвенности, с несравненными победами и непременными поражениями, с жуткими провалами и вдохновляющими прорывами вверх, ну и, что о-очень немаловажно, с приливами радости, иной раз и триумфальной, а то и в ненаигранном и вполне себе честно́м восторге!

9

Что-то мне – *философии хозяйства* – не очень-то ве́домо, чтобы так вот размышляла какая-нибудь из гуманитарных наук, горделиво мнящая себе чуть ли не точно-физической (физикалистской), а на деле-то оказываясь всего лишь подавленной, зажатой, отчего и дурной, *метафизикой*, с заднего входа украдкой проникающей в чертоги научного-де знания самозванкой, причём метафизикой местами даже и откровенческой, но… как бы стыдливо, неполноправно, чуть ли не воровски, а ведь *миф* тут и не более того, пусть и выдающий себя за конечную истину, да что из того – бытие человеческое, заражённое (или поражённое) неизвестностью, принудом, нуждой, хаосом и, увы… *нечеловечностью*, катится себе и катится, кое-как отбиваясь от ведущих его в небытие научно-де образованных человеков-правленцев, однако не просто меняясь в зависимости от окружающего природно-космического обклада, а и *трансгрессивно изменяясь*, да так, что в образе как будто бы человека да человека и человека реализуется вовсе не один лишь так называемый адамов человек, он же и гоминид, а вполне себе разного физио-психо-ментального типа… э-э… человеки, они же и гоминиды, отчего человек-гоминид, хоть и звучит сие гордо – самый разный человек-гоминид, да не по одной лишь *зе́мно-экзистенциальной (выживательной) горизонтали* (разных физиологических рас, внутрирасовых этносов, локальных культур и специфических образов бытия), а и по *сверхэкзистенциальной (прогрессной) вертикали* (от чуть ли не, пардон, обезьяны через тех же неандертальцев и кроманьонцев до вполне себе адамова человека с прогрессирующей механо-научно-технической оснащённостью в мозгах и в руках, трансформирующей не одно бытие человека, но и его самого – *адамчика*!

10

Ничего особенного *во всём этом* человечески-нечеловеческом (как и нечеловечески-человеческом) нет, ибо и сам Господь Бог, надо полагать, коли уж тут всё у нас «по подобию», не в раю бытует, хоть и не в аду, разумеется, а в другом, конечно, «нераю», как и в другом «неаду», да и совсем по-другому бытует, однако вряд ли бы Он, не замыслив большой *перемены* – ПЕРЕМЕНЫ!, пошёл бы на Творение, как оно было и есть вкупе с человеком, каким он был и есть, а вот, уместно задаться вопросом, для чего же,

с какой-такой целью? Какой-то замысел у Бога Творца, конечно же, есть, но ничто не мешает нам предположить, что конечная цель сего замысла у Господа лишь… *предположена*, хотя бы в вероятности, а само исполнение замысла (читай, и *Проекта*!) предполагает, видно, *всякий* конец, не обязательно Господом и предвиденный, отчего возможен конец не просто позитивно эсхатологический с Господним удовлетворением, пусть и не без участливого посредничества Страшного Суда, но и самый что ни на есть отрицательно апокалиптический, сдобренный досадой и гневом Господним, то бишь и собственно *конечный конец*, реализованный, скорее всего, непременно самим же зарвавшимся в сатанистской гордыне человеком. Да-а, тут попахивает пробой, экспериментом, испытанием, ну и пыткой тоже, а *что* из всей этой затеи в итоге выйдет не знает в точности ни человек, которому знать *это* и не положено, ни сам Господь Бог, который, снабдив человека сознанием и дав ему экзистенциально-хозяйственно-творческую (э-э… даже и *творцовскую*!) свободу, пусть и относительную, что-то *этакое* от человека ожидает, пока и Господу до конца, возможно, и не известное – развязка тут ещё впереди, да и, надо полагать, и не за вековыми, не говоря о вечных, далями!

11

Я, *философия хозяйства*, возникла, чтобы видеть, понимать и обо-*слов*-ливать мир, бытие, реальность помимо чем-нибудь или кем-нибудь заранее или просто ранее заданного, тем более догматически, когда шаг влево или вправо означает, если не суд и казнь, то уж обвинение в еретизме – точно!, а делать это вполне себе вольно, что не значит, что в отрыве от всего наработанного человечеством из познавательно-идейного, но всё-таки *по-своему*, используя как имеющиеся, частью и обновляемые мною по смыслу и значению, суждения и понятия, так и созидая собственные, уже *по-своему* прочитывая, обнажая и отражая в словесах внешние, вполне и исходно бессловесные, идущие прямо от реально-ирреального контента, тексты, создавая при этом и свои собственные тексты, как раз философско-(точнее, *софийно*-философско!)-хозяйственные, в которых *по-своему* трактуя всё то, что обычно называется гуманитарностью, миром, жизнью, человеком, сознанием, хозяйством, экономикой, благом, деньгами, капиталами, банками и т. д., не забывая при этом о предках, поколениях, потомках,

племенах, народах, нациях, государствах, цивилизациях, том же праве, бесправии, гражданстве, полиции, прокуратуре, суде, тюрьме, каторге, о той же армии с войнами, да мало ли ещё о чём не забывая – о политике, культуре, мифологии, философии, религии, искусстве, развлекухе, спорте, образовании, здравоохранении и т. д. и т. п., что не значит, конечно, что Я, *философия хозяйства*, должна всем этим специализированно заниматься, нет, вовсе нет, однако Я должна *всё это* и ещё *многое другое* иметь в виду, да не как объекты непосредственного для себя познания и постижения, а лишь как частности, составляющие безграничное общее – *жизне (бытие) отправление*, то бишь в безграничном понимании как раз то, что я вижу как ***Жизнь, Хозяйство*** и ***Творение***.

12

Обращение к Софии – обретение возможности не раскрытия Божественной (Мирозданческой) Тайны, чего смертному не положено, однако к ней всё-таки кое-какого приближения – и ежели не полного раскрытия в целом закрытых объектов познавательного интереса, то явно уж *иного* их понимания, чем это позволяют другие сферы-потоки знания, а речь идёт о мире, жизни, человеке, хозяйстве, творении, отчего мне – *философии хозяйства* – пришлось не просто обратить своё внимание к Софии, не просто оплодотворить себя софийностью, не просто, обойдя аксиоматические ловушки и догматические скрепы, обрести *инознание* и стать *инойным* большим потоком знания-размышления, но и … *софийно преобразиться*, открыв для себя сначала *софиасофию* – СОФИАСОФИЮ! – *мудрость мудрости*, а затем и став, оставаясь номинально-знаковой философией хозяйства, не чем иным, как… *софиасофией хозяйства* – СОФИАСОФИЕЙ ХОЗЯЙСТВА!, что означало не просто признание первичности и высшести Софии Премудрости Божией перед и над человеческой со́фией-мудростью, в чём ничего уж особенного и не было, а, как бы это для меня самонадеянно ни звучало, как раз самое что ни на есть творческое со много чего в потенции обещавшее воссоединение (ни в коем случае не слияние!) человеческой со́фии-мудрости (обращаю внимание на ударении на «О»!) с Божественной Софи́ей Премудростью (с ударением на «И»!) С этого вполне себе историо-триумфального момента, когда вокруг вполне обоснованно твердят с разной степенью приязни и неприязни уже устоявшееся определение-штамп

«философия хозяйства», то Я – сама как раз *философия хозяйства* – подразумеваю в себе не что иное, как *софиасофию хозяйства*, оставаясь в публичном плане «философией» (какой смысл менять уже зарекомендовавший себя смысло-знаковый символ, он же, можно сказать, и позывной, ежели он не без эффекта работает?), а вот для себя Я, конечно же, всё-таки уже более ***софиасофия хозяйства***, пусть даже для кого-то за этим стоит всего лишь обозначение всего лишь версии, пусть и высшего порядка, собственно философии хозяйства, не более того, да что из этого, ежели суть-то всегда в самой сути, а не в её именном обозначении.

13

Тогда что же всё это мне – *философии, а теперь вот и софиасофии, хозяйства* – конкретно даёт? Уж коли Премудрость Божия, она же и София, имела возможность быть рядом с Богом в ходе Его первичного Творения мира, ещё при этом и радуясь Божиему деянию (хозяйственному, кстати), то человекам и мне самой совсем не зазорно, вступив с Софией в безмолвный откровенческий контакт, посмотреть на всё сотворённое и творимое Богом, а затем и творимое самим человеком, со стороны как раз Софии, этой молчаливой и сдержанной, моментами суровой, даже и грозной, но всё-таки что-то человеку говорящей, свидетельницы Хозяйства и Творения Божиего, но при этом, скажем так – по современному, и эффективной посредницы между Богом и человеком, как столь же не менее эффективной перед человеком водительницы, но это не всё, ещё и относительно действующего, то бишь хозяйствующего и творящего, человека небесстрастной воительницы – как навстречу и в пользу, но только не в угоду, небезразумному человеку, так и наоборот – в противодействие и в укор, но только не во вред, небезрассудному человеку, разумеется, более всего вообще человеку – как человечеству, однако при её желании и любому народу, даже и индивиду тоже. Что же касается меня – *философии хозяйства*, то София, меня собою обогащая, дарует мне возможность ***ино****-ведения*. А этого, знаете ли, совсем и не мало!

14

Обращаю внимание случайного читателя на это загадочное «ИНО», за которым не просто что-то всего лишь иное, инаковое – как попросту другое, а и впрямь что-то *иное* – ИНОЕ!, уже не как

другое, а как воистину что-то если не ото всего в целом мировидения-мироведения, то уж от многого в нём содержащегося, явно отличного, чего-то уже *своего*, а на иноязыке – *инойного* – ИНОЙНОГО! О чём же у меня речь? А как раз о том, что, во-первых, мир, бытие, жизнь, человек, сознание, хозяйство, экономика, творение, история, словесность, искусство, наука, философия, даже и богословие с мифологией, вообще вся реальность вкупе с ирреальностью, оказываются под моей софиасофской микроскопией в немалой, а кое в чём и кое-где в решающей, степени *иными, инаковыми*, даже и *инойными*, во всяком случае, не такими, какими обычно представляются человеку, в особенности накрепко по-университетски образованному, если не повязанному; что, во-вторых, в реальности вкупе с ирреальностью всецело невидимо, но сознанием при случае всё-таки фиксируемо, что постоянно присутствует там как некая квазиэнергийная работающая сила, как раз… *Иное* – ИНОЕ!, мало что неустанно тащащая реальность вкупе с ирреальностью к чему-то *иному*, так ведь ещё и постоянно вмешивающаяся в ход реальности вкупе с ирреальностью, не только задавая ей не слишком ею предсказуемый *иноход*, но и частенько, мягко выражаясь, навязывая реальности вкупе с ирреальностью какой-то *иной*, чем она может обычно сама предполагать, итоговый результат; что, в третьих и наконец, мне – *философии хозяйства* открылась при спошествовании Софии, то бишь фактически через софиасофию, так это не что иное, как присутствие в Мироздании и воздействие на него, на Землю и на человеческое бытие особого квазисубъекта со вполне себе действенной силой, могущего быть вполне достойно названным (и опознанным) как *Великое Иное* – ВЕЛИКОЕ ИНОЕ!, которое как раз и заходит в сферу человеческого бытия, ну и, само собой, *покоя ему не даёт*, мало того, толкает куда-то вперёд, вызывая у человека не что-нибудь, а самый что ни на есть онтологический по цели и результату *деятельный (хозяйственный, сотворческий)* ***зуд*** – не более и не менее!

15

Иное! Известное мне – *софийной философии хозяйства* – своим присутствием и действием, но при этом и своей же сакральной для меня онтологической неизвестностью: ни увидеть его, ни услышать, ни пощупать, ни взвесить, ну и никак, кроме как эзотерически, не определить, да и то с обессиленно повисающим

в пустоте вселенской как дырявый носок определением. Иное отличается в аспекте своего обозначения только тем, что оно… *иное, инаковое, инойное* и всё! Знаю, что есть, что действует, что влияет, что определяет, а вот что оно само по себе, кроме разве духа или того же эфира, не знаю, да и знать не должна – факт! Однако факт-то о-очень интересный: меняйся реальность вкупе с ирреальностью, меняйся!; стремись к новизне: то удачливо, то попадая впросак, то что-то обретая, то немало теряя, но непременно становясь *иной*, не этой, не бывшей, разумеется, не совсем той, что ожидалось, а то и совсем не той, причём нередко вовсе и не благостной, а очень даже для человека мерзкой, однако… *стремись!* Выходит, что Иное в тесном сопряжении с тем, что можно сначала нейтрально и скромно назвать всего лишь *неизвестностью*, а потом, поразмыслив, поднять в ранге до непоколебимой *Неизвестности*, а уж далее, убедившись откровенчески в онтологичности и даже чуть ли не субъектности этой самой Неизвестности, признавая за ней вполне себе реальное деятельное влечение, обозначить её не более и не менее, как *Великой Неизвестностью* – ВЕЛИКОЙ НЕИЗВЕСТНОСТЬЮ!, мало что объемлющей весь мир и крепко обнимающей собою человека с его сознанием, так ведь ещё и обеспечивающей миру и человеку в нём с его сознанием возможность живой реализации (в широком смысле живой – как движения, стремления, достижения тех же перемен) – как раз реализации деятельской, хозяйственной, сотворительной, при необходимости принимая… нет, конечно, не облик, а… некую функциональную данность, схожую с активной субъективностью уже не Великой Неизвестности, а самого что ни на есть *Великого Неизвестного* – ВЕЛИКОГО НЕИЗВЕСТНОГО!, как раз способного не только быть, предоставляя возможность быть и всему реальному, как то свойственно Великой Неизвестности, действующей как бы по-женски, но и кое-что делать уже самому и по-своему, разумеется, скрытно, но и весьма при случае для бытующей реальности эффективно, то бишь делать, пожалуй что, и не как бы, по-мужски!

16

Вся жизнь, всё хозяйствование, всё творение человека (да и не только человека!) пронизаны Неизвестностью и пропитаны Иным, а иначе, увы, ни жизни, ни хозяйствования, ни творения. Но это не всё: всякий живущий, хозяйствующий, сотворящий

человек, кем бы он в реальности вкупе со всегда в ней присутствующей ирреальностью ни был, не только куда-то вперёд влеком Неизвестностью и движим туда же Иным, но и вбирает в себя от них некие, вовсе, заметим, не физические по природе, силы и набирается от них воистину метафизического вдохновения. При всём знании себя и окружающего мира, человек ни себя, ни мира в изначале и в главном *не знает*, а потому бытует мало что в борческой игре с миром и собой не на жизнь, а на смерть, наталкиваясь на Неизвестность и сталкиваясь с Иным, а и постоянно *выворачивая себя* то наизнанку, вовсю обнажая свою субъектную преисподнюю, то налицо, демонстрируя Небесам своё лицедейство, прикрывающее свою не одолимую вовек нелицеприятность, как и постоянно *изворачиваясь*, аки Змий, в жизнехозяйственно-творческом соперничестве с реальностью вкупе с ирреальностью, отчего бытие человеческое мало что постоянная борьба за себя (борьба его бытия за его же бытие!), но это ещё со времени Каинова каверзного подвига и постоянная борьба, пусть и с остановками, перерывами, даже и провалами, а то и вековечными заморозками, конечно же, не везде и не всюду по зе́мному миру одинаково по образу, интенсивности и срокам, но всё-таки *борьба бытия за иное бытие* – как всего лишь за другое, обновлённое, так и ***транс**-иное*, совсем уж новое, как бы по ходу истории и невозможное, но всё-таки вершащееся, как раз ***иное***!

17

Как бы то ни было попервах – через волосатого примата или сразу от Адама – но возникший на Земле как осознанное животное человек не ограничился животно-природным бытием, а, сознавая, что он не только отсюда, не только от Природы как таковой, не только от Земли, не только от материи, неистово принялся, вовсю бунтуя, хозяйствуя и творя, вырываться из природно-земного плена, построяя вослед Каинову завету *иное бытие* – сначала не-совсем-природное, а затем и всё более неприродное – *искусственное*, дойдя и до не-совсем-зе́много, уже и немало космического, бытия, точнее, внутрикосмосного ***псевдо***-бытия, где ни полноценной жизни, ни собственно человеческого бытия, где уже вовсе не бытийное, да ещё и в земно-человеческом образчике, его – человека – не более чем присутствие, где без искусственного от Земли поддержания не отторжимой от Природы жизни одна лишь вольно гуляющая смерть. Избавить человечество от Аве-

ля внушил Каину, как утверждается в Библии, сам Господь Бог, иначе бы никакого на Земле от человека *искусственного мира*, никакой вообще цивилизации, никаких городов с их неприродными сооружениями вроде пирамид и сакральных храмов, никакого научно-технического прогресса, никаких и космических завоеваний, в общем, ничего воистину *иного* – ИНОГО! Однако дело тут не в одном первопрогрессисте Каине, разумеется, легендарном, вовсе и не в какой-то там «единождной» персоне, а в большом революционном перевороте поначалу под кодовыми названиями а-ля Египет, Вавилон, Греция, Индия, Китай, а потом и христианско-расхистианизированная Европа с её Реформацией, Ренессансом, Просвещением, Революцией, ну а далее вообще Запад с его передовой Атлантикой (уж не от Атлантиды ли?), СССР, а вот на сейчас, помимо законвульсировавшего Запада, снова Китай, Индия, в чём-то и нынешняя Россия-РФ.

18

Да-а, не всё так просто в этом движении человека по треку «***От природы к неприроде***» – и главное тут в том, что это происходит не волею лишь самого по себе человека, а и с руководящим участием каких-то внешних, вовсе не человеческих и не природных, сил, тех же Божеских, отчего сам человек как ЧЕЛОВЕК с его хозяйством и творением мало что сакральный *проект* – ПРОЕКТ!, но проект вовсе не так *вы*-живательный, как *сверх*-живательный, толкающий человека-творца посредством адовских стимулов, действий, испытаний и жертв к вырыву за пределы простого земно-природного (животного, звериного) бытия с выходом мало что в Неизвестное и во что-то Иное, а вообще во что-то уже *за*-проектное! И тут сразу лобовые безответные вопросы: 1) сие стремление человека в *за*-предельность входит ли в первозамысел Господа Бога Творца или же это всего лишь волевое от человека искажение Божиего первопроекта; 2) приемлемо ли сие стремление, которое выражается не более и не менее, как в *пересотворении* – ПЕРЕСОТВОРЕНИИ! – человеком заполученного им от Бога Творца мира, самому Господу Богу или нет; 3) занимает ли сие человеческое *супер*-предприятие собственно Божеское, пусть уже и в чём-то игроцкое, воображение или же, наоборот, не без ужаса отталкивает; 4) чем же всё это по замыслу как будто бы Божие, а по исполнению вроде бы человеческое, экзистентное супер-предприятие может в итоге закончиться?

19

Нет ответов, есть лишь предположения, однако вовсе не случайные, не надуманные, весьма и обоснованные. Какой бы, к примеру, ни была неопределённой по предмету, сути и концептуальным исходам та же *политическая экономия*, она по преимуществу придерживается того заключения, что всё дело в стремлении человека увеличивать и преумножать своё прежде всего выживательное, а в целом же экзистентное, потребление, для чего увеличивать числом и преумножать разнообразием производство потребительных благ. Некий резон в таком утверждении есть, в особенности ежели учесть те же рост населения, перемены климата или изменения в продуктивности окружающей человека природы, однако в этом весьма простецком объяснении всё-таки не хватает учёта главного – *непотребительского по сути творческого начала в человеке*, которое, может, и нуждалось в пробуждении, как нуждается в нём то же сознание любого появляющегося на свет младенца, пусть которое и нуждалось более всего под воздействием внешних физико-натуральных обстоятельств, но заложено-то оно было, видно, всё-таки с самого изначалья, прямо в момент *не*-природного осознанивания человека, этого в натуральной основе вполне себе животного существа, предназначенного бытовать в живом и животном мире (биомире, вегетозоомире), однако ловко переделанного из вообще животного существа в некое животно-неживотное существо, а лучше бы сказать – в неживотно-животное (земно-небесное или же небесно-зе́мное). И не должно было *сознание* – СОЗНАНИЕ! – лишь погружать себя, как видно, тоже желал тот же библейский Авель, в животно-природный зе́мный мир, а призвано было (может, и само себя призвало – почему нет?) поначалу к преодолению своего и окружающего его ближайшего естества, а затем и из него – как раз из естества, пусть пока и не полному, но всё-таки *вырыву*!

20

Да, *вырыв* здесь куда более экспликативен, чем просто стремление к лучшей потребительной жизни – это при строительстве-то громадных пирамид, высоченных башен, поднебесных небосрёбов, затейливых храмов, муравейничных городов и гигантских мегаполисов, при создании мириад преисподненских фабрик и заводов, могучих электростанций, монструозных плотин, разветвлённых

железных дорог, беспредельного числа юрких автомобилей и самолётов, чудотворных радио и телевидения, искусственных космических спутников Земли, да мало ли ещё чего из вовсе не так уж потребительски человеку нужного… нет, не в улучшении потребительной жизни тут было и остаётся в главном дело, хотя в некоторой мере это и так, а… в *перемене* – ПЕРЕМЕНЕ!, да не просто жизни, а самого *бытийного мира*, мало того, доведения сего мира чуть ли не до *вне*-бытийного, во всяком случае, до о-очень уж *по-иному* бытийного. Хочешь, не хочешь, а тут непреклонное и в общем-то неустанное движение трудо-творческого человека через услужливо требовательное посредство вездесущего Иного в трансцендентно манящую завороженного человека-творца сакральную Неизвестность – не более и не менее!

21

Вот почему человек мало что *животное*, способное, кстати, питаться и падалью, как и *зверь*, способный не только убивать всё живое, но и себе подобных тоже, этим безудержно восторгаясь и не без наслаждения при случае питаясь, но он ещё и самый что ни на есть настоящий *бес,* способный на, мягко выражаясь, неординарные измышления, намерения и поступки, не избегая ни хитрости, ни лукавства, ни коварства, ни обмана, ни попросту лжи, хоть, может быть, при всего лишь личностной гипертрофии с теми или иными толиками самолюбия, себялюбия, эгоизма, бунташности. И вся эта троица – *животное, зверь, бес* – в каждом человеке, хоть и в разной мере там присутствия, в разных между собой долях, как и в разной степени сдержанности или наоборот, разнузданности, как и изнутри и извне незамечаемости, задевая, а то и поглощая, любого из человекоподобных персонажей – от вполне себе людей (так называемых, «хороших»!) до вполне себе не́людей (так называемых «плохих») – и никакие преследования, наказания и казни, никакое воспитание и никакие идеологии, этики и культуры, включая мифологические, религийные, философические, научные и обыденно житейские, сей троицы, пусть и в разных её конкретных мерах, компоновках и проявлениях не отменят в человеках, ибо *так* было задумано… Sic!.. изначала и сразу же введено в сознание-бессознание и в разум-безумие, как и в сам проект «ЧЕЛОВЕК», в его реализацию, в само жизнеотправление человека, ибо ни жизни с её борьбой, ни хозяйства с его

страдой, ни творения с его маниакальным стремлением к вырыву человека из тенет Природы, Земли, Космоса с навязчивым влечением к Неизвестности (к Ничто!) и страстной привязанностью к Иному (Новизне!), конечно же, с целью обретения Рая и Бессмертия, пусть и не для всех землян–участников сей фантастической экзистенциальной гонки, но уж для избранных-де – точно!

22

Человек, вышедший в восприятии самого человека из Неизвестности и в ней стоически бытующий, как и рождённый в доступном человеку понимании от Иного и с ним в обнимку живущий, хозяйствующий и творящий – *раб Божий*, однако раб, обладающий возможностью и быть свободным, пусть и не вполне, но всё-таки достаточно, чтобы чувствовать себя не только рабом, но и чуть ли не вольным творцом своего собственного мира, отчего выступать даже в роли *пересотворителя* данного ему Господом Творцом мира, в явленности вроде бы природного, а в сокрытости-то… о-о!.. пусть напогляд и микроскопической, но всё-таки части всего вселенского мира! Как раб Божий, человек испытывает , хочет он того или нет, невольный перед Господом трепет – *страх Божий*, а вот как «вольный каменщик» (строитель, преобразователь), он, преодолевая сей трепетный страх, бросает вызов Господу, не преминуя алкать у Него прощения за свою пред ним творцовскую дерзость, однако с сотворенческого пути своего человек, пусть и с остановками, передышками, перерывами, затяжками, даже и с отступлениями, возвратами, провалами и, конечно же, жертвами и кровопотоками всё-таки не сворачивает, то ли следуя Господнему первозамыслу-проекту, то ли действуя сему проекту вопреки, но идёт и идёт вперёд, карабкаясь, срываясь, убиваясь, не взирая ни на страду, ни на страдание, ни на смерть, обращаясь при этом по необходимости и к Божим моральным заповедям, но зато как же их и не замечая, мало того, не только о них не думая, но и их решительно отвергая, ибо тогда ни жизни у него не будет, ни хозяйства, ни творения, ну и вырыва, пусть вроде бы и безысходного, из ада зе́много тоже!

23

Да, рабы Божии они – человеки, кто бы спорил?, да вот по-разному на практике рабы: кто по личному не без помощи соответствующих учителей убеждению, кто по призванию свыше, кто

по зе́мному, вполне себе и беззастенчивому, принуду – и ежели одни рабы Божии владеют, правят, ведут, вершат, господствуют – сверху вниз, то другие, не минуя споспешествования первым, обеспечивают ход цивилизационной жизни, хозяйства, творения, обладая для этого потребными средствами и знаниями, включая собственность, навыки, опыт, силу, те же деньги; третьи же оказываются попросту ведомыми сверху работниками, трудниками, теми же солдатами, а по-зе́мному – *рабами*, да не так уже Божими, как попросту зе́мными; четвёртые же предпочитают внецивильное пребывание на свете, бродяжничая, попрошайничая, бомжатствуя, нищенствуя; ну а пятые – что пятые? – выбирают вполне себе цивильно-антицивильные разбой, воровство, мошенство; однако есть ещё и шестые, отправляющие знахарство, колдовство, гадания, предсказания; наконец, есть и седьмые, мимо которых мне – *философии хозяйства* – никак уж не пройти, а именно разного рода *гуманитарии как гуманитарии* – жрецы, священники, учёные, профессоры, вообще всякие гуманитарные знатоки, идеологи и проектанты, среди которых хватает и самозванных, иной раз и с широким публичным признанием вплоть до святости, разных там отшельников, блаженных, мудрецов, пророков, ну и бунтарей, баламутов, революционеров – и все эти гуманитарии тоже ведь хозяйствуют и тоже ведь творят, созидая идейно-концептуальную, духовно-культурную, ментально-психическую, этико-повседневническую среду, что-то предлагая, что-то навязывая, что-то осуждая, что-то непременно ненавидя и отрицая, играя при этом о-очень (!) важную, вполне и непреходящую, роль в судьбе цивилизации, её текущей реализации, в происходящих в ней как ей в угоду, так и ей вопреки эволюционных и революционных переменах.

24

Я – *философия хозяйства* – вовсе не ради красного словца говорю о не райском, а более всего адовском бытии человека-человечества, пусть иной раз и в ином месте и весьма адовски ослабленном, могущем даже быть принятым чуть ли не за райское бытие, однако факт остаётся фактом: *бывать – и страдать тоже!* Страдать по-разному, по разным причинам и поводам, с разной степенью тяжести и риска, с разными итогами вплоть до большой беды и неизбежной погибели. Жить – страдать, хозяйствовать – тоже, творить – тоже! Никто, кроме отдельных вегетативного образца

особей, не может избежать этого *экзистенциального страдания*, да ладно бы от земно-природных (материально-физических) и организменно-физиологических обстоятельств, что понятно (в ходе, к примеру, труда, тяжкого пути, непогоды, охоты, той же зимы, распутицы, жары, засухи, как и попросту телесного жизнеотправления, того же нездоровья), а то ведь и от самого себя как от оснащённого сознанием (осознаниенного) животного, зверя, беса, призванного свыше или же прямо самим собою к укрощению в себе всего этого животного, звериного, бесовского, что частично человеку и удаётся, но самое поразительное тут в том, что полного изживания всего этого «непотребного» не только не может фактически быть, но и *не надо* быть, ибо тогда несть человека как человека, а ежели что вдруг и будет, так что-то уже явно нечеловеческое, к человеку как человеку отношения не имеющее.

25

И вот тут-то самое интересное: человек – существо, скажем так, совместное, стадное, стайное, общинное, общественное, то бишь *социальное*, и не столько потому, что природно-физическая жизнь заставляет, хоть это и так, а вследствие того важнейшего обстоятельства, что он – человек – оснащён… э-э… *сознанием,* которое в своей реализации как раз и требует совместности, то бишь *постоянного общения* носителей сознания друг с другом, каким бы трудным оно ни было и невозможным ни казалось – дело тут не только в том, что одно индсознание не может быть без другого, а и в том, что все индсознания, какими бы самостными и независимыми они себе не представлялись, являются невидимыми и даже неосознаваемыми частичками, как минимум, *коллективного,* как норма, *общественного,* а уж как максимум, *земно-космического,* если *не вообще мирозданческого,* сознания.

26

Бытие человеческое, может, и начиналось когда-то как близкое к бытию животного и зверя, полагаясь более на инстинкт и простейший разум (возможность «ментального» выбора), чем на сложное и накрепко обо-*слов*-ленное сознание, но по прошествии времени, пусть и немалого, оно, всё более хозяйственно и творчески осознаниваясь и всё более становясь в реалиях продуктом самого сознания, не отменяя при этом насовсем ни исход-

ной животности человека, ни его изначальной звериности, однако всё более включая в себя исходившее прямо от сознания… э-э… *бесовство*, чем и превращая человека в… э-э… ***бесо**-века,* что было и есть ни плохо, ни хорошо, а попросту так вот оно было, так вот и есть! Включи, случайный читатель, своё воображение, оглянись по житейским сторонам, всмотрись в окружающих тебя людей, обрати внимание на былых и ныне действующих исторических персонажей, как и на тех же многих литературных героев да на славных фигурантов искусств и mass-media, вглядись попристальнее и в самого себя, да и вдумайся в сей нетривиальный вопрос, может, вдруг и озаришься неожиданным ответом, от которого, может, и зябкая дрожь по душе, а то и по телу, остро скребнёт, но что придётся-таки тебе признать и с чем придётся-таки отныне жить, разумеется, и с обратным всему этому тоже – с ненаигрываемым в человеке истинным *челóм* (небесовством), ибо человек на то и ***чело**-век*, чтобы, будучи в меру и не в меру бесом, им, по возможности, и не быть!

27

Бытие человека как человека (уже не проточеловека) есть так или иначе бытие и бесочеловека (бесовека), отчего в той или иной мере, в том или ином проявлении и *бытие бесовское*, на что надо смотреть как на несомненный факт, причём факт, многое что в бытии определяющий и объясняющий, причём вовсе не обязательно что лишь в какой-то сугубо отрицательной смысло-функциональной завязи. Да, в бесовстве, как это и принято в основном представлять, много чего негативного, однако, что бы сталось с бытием-историей человечества, не будь в человеке заложено это самое несокрушимое и не отменяемое просто так бесовство? Да-да, уважаемый читатель, ничего *такого*, то бишь в целом-то всё-таки как раз человеческого, а не всего лишь животно-звериного, не было бы, да не просто *жизнеотправительного хаоса* – ХАОСА! – с *межлюдской борьбой,* полной коварства, обмана, грабежа, войн, покорений одних другими и эксплуатации человека человеком, не было бы, но и какого-то общежитейского, пусть лишь локального и так или иначе всегда временного, вполне себе жизнеутверждающего *социального порядка* – ПОРЯДКА!, как и увы, не было бы и обильно прославляемого в образованных кругах *прогресса* – ПРОГРЕССА!, ибо адовско-контрадовское бытие с его

овладением и чуть ли не покорением Природы, Земли и Космоса, с созданием вполне себе целостного земно-космического искусственного мира, с многотысячелетним походом в бесконечную Неизвестность и непрестанным братанием с коварным Иным, отчего и с развитием сознания, его обогащением новым знанием и знанием незнания, как и вообще трансценденцией и сакралом, требует вовсе не степенного благодушия и инертного под райскими кущами удовольственного прозябания, а вовсе не лишённых вспышек *безумства* и всполохов *бессознания,* вполне себе и рискованных, даже и сходу более всего безнадёжных, нередко и вовсе безрассудных, действий, мало того, ещё и разнообразного, немало и зверского, *насилия* – НАСИЛИЯ!, да ладно бы над природой, а то ведь и над человеками тоже, включая и личное над собой насилие, и насилие над самими же насильниками – что-о, разве не так?!

28

Хорошо сказать: *жизнь, хозяйство, творение*, заложить это в основание абстрактного знания, даже и в меня – *философию хозяйства* (не отрицаю!), преподносить всё это аки истину, при этом стыдливо-нестыдливо умалчивая или скороговоркой упоминая о животности, звериности, бесовстве, присущих человеку, а ежели и говорить о том же насилии, то как о чём-то нехорошем, предосудительном, вынужденном, чуть ли не временном и исторически (поминая ту же «повивальную бабку») преодолеваемом-де, но никак не всецело органично присущем человеку и человеческому бытию вообще, от чего человеку никуда не уйти, даже и насильно не уйти, одолевая-де насилие всё тем же насилием и уж тем более преодолевая оное безнадёжным ненасилием (пресловутым «непротивлением злу насилием») или же попросту уходя от обречения на насилие через посредство веры в насильственно умерщвлённого человеком и смерть-де смертью поправшего человека-Бога. А жить-то как же тогда по-человечески, хозяйствовать, творить? Да, совсем не обязательно восхвалять дидактически насилие, животность, зверскость, бесовство, хоть это с завидным упорством и делается, более всего, конечно, анонимически, как и лицемерно всего этого не замечать, а вот на уровне софийной мудрости вряд ли стоит обо всём этом умалчивать, сознательно искажая *по-своему* текущую экзистенциальную истину – животную, звериную, бесовскую, немало при этом и усиливаемую сознанием

с его бессознанием и разумом с его безумием, однако и, слава Богу, корректируемую исходящей от тех же сознания и разума спасительной *чело*-вечностью.

29

Да, человек оснащён «*челом*», а не просто разумом вкупе с безумием («homo sapiens» это ведь не всё, ибо разума с безумием и у иных насельников Земли хватает, пусть может и разума заметно меньшего по силе, но зато *другого*, вовсе при этом и не слабого, человеку как раз и не доступного). Человек как человек оснащён наряду с разумом ещё и *сознанием*, то бишь *знанием знания*, что позволяет человеку абстрактно, символически, знаково, посредством слов и пара-между-словия *знать* мир и себя в нём, а также созидать и свой собственный, отнюдь не только словесный, а вполне и вещественный, целостный мир, мало того, осознавать через посредство обогащённого сознанием разума – *осознаниенного разума*, мало что полное тайн Мироздание с не менее таинственной планетой Земля, так ещё и осознать наличие внешней, но присутствующей в человеке, как раз в его челе, ещё более таинственной, хоть насовсем и не скрывающейся от человека, его сознания, его чела, силы – небесной, космической, сакральной, которой человек, как ему издревле представляется, как раз и обязан своим существованием как именно человек, то бишь *осознаниенным существованием*, той самой силы, как считает человек, которая исходит не из мирозданческой пустоты, а от тоже вполне себе *осознаниенного субъекта* – ***Господа Бога Творца***! Не просто было человеку признать Бога, а ещё невозможнее оказалось, как доказывает реальность человеческая, Его не признавать, сомневаясь, сопротивляясь, негодуя, даже против Бога восставая и с Ним борясь, на что у человека были, есть и ещё будут основания и претензии вплоть до самого своего Конца!

30

Каиновская цивилизация в отличие от авелевского внутриприродного (первобытного, сельского, крестьянского) бытия отличается *пара-не-* и даже *анти*-природностью, хоть и не теряющей связи с природой, но уже не как с органичной бытийной принадлежностью, а как со сторонним, пусть и для человека необходимым, обстоятельством, с которым надо считаться и как-то

с выгодой для себя с ним взаимодействовать, но при этом над которым человеку подлежит-де *главенствовать*, и, который человеку надобно, извлекая для себя выгоду, под себя *переделывать*, и, как оказалось, сие стало не просто возможным, но для цивильного человека ещё и крайне увлекательным. Да, сие произошло не сразу, не в один век, но таки свершилось – человек таки почувствовал себя *господином природы*, её *преобразователем*, когда цивилизация, оставаясь городской, обрела ещё и *технотронный (индустриальный, сциентический*) характер, а стать таковой помогли *идеологический переворот* и *хозяйственная революция*, в целом проявившаяся как *экономическая (капиталистическая).* Произошло это с появлением в формально ещё христианской, но уже изрядно дехристианизированной, Западной Европе ***нового человека*,** которого обозначить можно и как Каина-2, который тоже убил своего старшего братца, аккурат Каина-1 – горожанина ещё эпохи ручного, лишь частично механизированного, труда, как и той же эпохи «ручного» по преимуществу воина – пехотинца и конника, долгое время относившихся к природе как к своей сельской союзнице – однако что сталось, то сталось – «ручной» город породил-таки *техногород*, усиливший свою неприродность до *сверхнеприродности,* пусть тоже не сразу, не в один век, но этого, осознанно и (или) нет, окончательно и бесповоротно добившийся.

31

Ведя долгое время природный, вполне себе и авелевский, образ бытия, человек, будучи существом общественным, коллективным, социальным, не преминул, как бы сакрально (религийно) оснащён он ни был, воспользоваться себе подобным существом как… э-э… *хозяйственно-потребительным благом*, мало что грабя иноплеменного чужака, присваивая тяжким трудом добытые чужаком блага, но и… увы!.. умерщвляя себе подобного чужака и отправляя его прямиком в желудок, а ежели оставляя пленному чужаку жизнь, но лишь для того, чтобы превратить его в своего *раба*, то бишь *эксплуатировать* не хуже, а то и круче, рабочей скотины. Каиновская цивилизация, вроде бы покончив с откровенным каннибализмом, не только не избежала пристрастия к грабежу чужаков, к их истреблению и пленению ради рабства и эксплуатации, но ещё более всё это усилила, мало того, ухитрилась, иерархически разделяясь на высших – сильных, владетельных и властных, как правило, как раз из чужаков, но уже

не пленников, а захватчиков-покорителей, с одной стороны, и на низших – слабых, неимущих и подвластных, как правило, из аборигинов, с другой стороны, ввести эксплуатацию низших человеков высшими в норму цивилизационного бытия, причём эксплуатируя не только сторонних – захваченных и покорённых, а и «своих» тоже – коренных, одноплеменных, часто как раз авелевского типа. *Одним выходила свобода, другим – каторга! Каждому своё!* Реализуя текущую экзистенцию, шествуя по истории, ведя хозяйство, верша творение, отчего совершенствуясь и развиваясь, меняя свой бытийный образ вплоть до экономического, «либерального» и высокотехнотронного, сия цивилизация не отказалась, да и не могла, как подтверждает историо-цивилизационная реальность, отказаться, ни от исходных качеств человека как животного, зверя и беса, ни от насилия человека над человеком, ни даже от самого что ни на есть обыкновенного рабства, хоть и смогла предложить более смягчённые и завуалированные, почти что и незаметные, зато и более обманные и культурно (антикультурно) изощрённые, способы насилия человека над человеком, подчинения человека человеку и эксплуатации человека человеком, даже и того же неистребимого на Земле межчеловеческого, пусть да и всё более гуманизируемого, рабства как такового.

32

Я – *философия хозяйства* – родившаяся в сложный кризисно-переходно-предмировоенный исторический момент рубежа XX–XXI вв., не знаю достоверно, был ли когда-либо и где-либо *Золотой век* в бытии человеческом или же это всего лишь запечатлённые в сказках замечательные мечты-фантазии то ли древнего, то ли не такого уж и древнего, происхождения, что как раз всего более, на мой взгляд, и вероятно, и сии мечты-фантазии присутствуют в бытии человека, каким бы сам «человече» и его бытие реально адовскими ни были, ибо без золотовечной составляющей, во-первых, всё-таки нет вообще человека и его бытия, а во-вторых, нет того и другого и без неугасимого стремления к золотовечности, пусть и в целом иллюзорного стремления, но ведь в немалой степени и реального, хотя бы в относительном, частичном и временном исполнении, ибо это стремление означает если уж не преодолеть навсегда адовское бытие на Земле, то хотя бы сию зе́мную адовость заметно ослабить, а уж для господствующей части насельников (и насильников) Земли чуть ли не насовсем отменить.

33

Зачем обо всём этом тут говорить? Да всего лишь для того, чтобы не питать никаких иллюзий о человеке и его зе́мном бытии, о его хозяйстве, труде, творении; чтобы осознать вконец, что Ад и Преисподняя прямо здесь на Земле, в Природе и среди Природы, в том же Космосе, что жизнь человеческая накрепко сопряжена со страдой, страданием, недугами, болью и вездесущей неумолимой смертью, что Зло, как бы с ним ни боролось Добро, не одолимо здесь – на Земле, и не отменимо оно оттуда – с Небес, ибо оно – Зло – так же точно необходимо, как и Добро; чтобы осознать, наконец, что всякая – ВСЯКАЯ! – наработанная человечеством *гуманитарность*, она же *гуманитарная культура* (как и *антикультура* тоже), менее всего озабочена, да и не может быть напрямую озабочена *правдой бытия*, занимаясь более всего её правдоподобным прикрытием, вольно-невольным искажением, нарочитым навязыванием иллюзорного добра, а то и беззастенчивым оправданием зла, уводя человека от правды бытия в сторону ежели и не откровенной лжи, то уж ложной иллюзии – точно!, а ежели какая-то *гуманитарность*, вдруг взбрыкнув, прокричит чаемую человеком правду, то, получив, как правило, осуждение от Зла и молчание от Добра, ничего, кроме новой иллюзии, предложить взамен отринутой не сможет; ну и в конце концов, чтобы осознать раз и навсегда, что проект, он же и ПРОЕКТ!, под кодовым названием «ЧЕЛОВЕК», предлагает всё что угодно, кроме райского на Земле счастья, а ежели и не исключает самого феномена зе́много счастья, то, увы, лишь в обрамлении с тем или иным к нему приближении страдой, страданием, грехом, недугом, злом, ну и, само собой, неутомимой смертью!

34

Жизнь человека, его хозяйство и его творение, изначально и в основе *вынужденные*, хоть и доставляют человеку не одни страдно-страдательные испытания, но и весьма ощутимые *удовлетворения*, разумеется, не всем человекам одинаково, не всегда и не во всём, но отрицать сей экзистентный позитив не приходится, ибо так, видно, задумано Творцом, причём вовсе не только как успокоительная иллюзия, а как вполне реальное, необходимое для жизни, хозяйства и творения, плодотворное *переживание*, как раз и позволяющее полноценно жить, трудиться, хозяйство-

вать, творить, в общем – *быть*! Иное дело, что жизнь, хозяйство, творение могут статься на деле *всякими*, причём настолько, чтобы не исключить из реестра экзистентных вариантов ни парапсевдо-фальши, ни анти-жизни-хозяйства-творения, не забыв при этом ни культуру, ни воспитание, ни образование, ни науку, ни философию, ни религию, ни мифологию, да при случае и меня саму – *философию хозяйства*, что тоже, видно, так задумано Творцом, конечно же, совсем и не случайно. О-о, как же *это всё* земно-экзистентное неоднозначно, противоречиво, взаимоотрицательно, зыбко, переливчато, переменчиво, хрупко, непостоянно, как и разумеется, тонко – Сакрал, он и есть Сакрал, а иначе ни жизни, ни хозяйства, ни творения!

35

Да-а, жизнь пройти – не поле перейти, как гласит народная мудрость. Хорошо, как кажется, было бы, ежели человеки исходили бы из золотовечних принципов бытия и только из них: единения, взаимности, солидарности, взаимопонимания, взаимопомощи, а главное… нет, не пресловутой любви, а хотя бы из… *взаимоуважения*, что, согласимся, построже любви будет, ибо любовь (нет, не межполовая, а межлюдская) так или иначе отключает разум, ответственность, необходимость, а уважение-то на *обязанности* стоит: можешь *не любить*, а вот *уважать* обязан! В реальности же *всё* есть – и любовь есть, и уважение есть, однако есть и нелюбовь, доходящая до ненависти, есть и неуважение, доходящее до презрения, отчего есть квази-золотовечный *мир* и есть вполне себе настоящая меж людями *война*, ибо все люди мало что хара́ктерно разные, так они ещё и с *разными* жизненно-деятельскими способностями, наклонностями, установками и программами – и вот чтобы всё это разное соединить в тот или иной *жизнеспособный социум* как раз и требуется не что иное, как… совсем даже не золотовечное, хотя и не без золотовечных черт, мотивов и моментов… *войновское насилие*: идейное, моральное, традицийное, воспитательное, управленческое, пропагандистское, физическое, силовое, наказательное, лишенческое, заключенческое, смертоносное, отчего социальный мир и обязан более не *межлюдским любвям и уважениям,* а *надлюдской войне за людской мир*, что то же самое – *социовойне объединяющей против социовойны разъединяющей!*

36

Да, порядок в социуме необходим, причём разный и по-разному достигаемый, однако никогда не преодолевающий *беспорядка*, точнее – *хаоса*, свойственного сознанию и переходящему на социум с его коллективным, общественным, социальным с вкраплениями сакрала сознанием, отчего насильственно, воспитательно, традиционно устанавливаемый и поддерживаемый в социуме порядок более тяготеет не собственно к порядку (строгому, механическому, стабильному вроде армейских парадных колонн), а к тому, что стало удачно называться ***хаосмосом***, то бишь к «порядку», выходящему из хаоса при посредстве какого-либо упорядочивающего хаос *аттрактора* (инициативы, силы, влияния, деяния) и бытующего вместе, наряду, в единении с хаосом, пусть и ограничиваемым порядком, но никогда насовсем не исчезающим, будучи вполне необходимым для жизни, хозяйства, творения, а испытывая постоянное давление со стороны хаоса, хаосмосный порядок либо по частям, либо даже целостно в хаосе же и исчезает, чтобы вновь возродиться, но никогда не достигая «настоящего» порядка, хотя бы сравнимого не то что с часовым механизмом, но даже и с *космосом*, отчего и явилась эта филологема – ХАОСМОС!

37

Однако хоть и хаосмос, но всё же не хаос как таковой, который, правда, тоже ведь своеобразный порядок, а хаосмос, пусть и условный, но *всё-таки* порядок, реализующийся как раз в среде хаосмоса, ему благодаря и ему же вопреки, аккурат под воздействием внедряемого сквозь хаос аттрактовского порядка. В общем, всё тут в круговертии: *хаос, порядок, хаосмос, аттракторы*. Но сие круговертие не просто интересно иметь место в виду его наблюдателю, а очень даже необходимо, если он хочет понять, как это всё вокруг всамделешно творится: сознание, разум, мышление, поведение, социум, цивилизация, мир, война, вообще жизнь человеческая, и та же смерть, хотя и не только – *бытие Божие тоже!*, ну и хозяйство, труд, творчество, вообще творение. Да, да – *хаосмос* – ХАОСМОС!, но и кое-какой в его «туманном облаке» *порядок* – ПОРЯДОК!, как раз житейский, хозяйственный, трудовой, деловой, творческий, цивилизационный, но и тот же воровской, разбойничий, моненнический, о-о!, всё, всё, всё из человеческой

и не толькочеловеческой экзистенции не лишено, пока оно – это всё! – есть, действует, функционирует, даже и когда умирает, того или иного хаосмосного порядка, ВСЁ! Ну а человек, социум, да и сам Господь Бог, со своими жизнями, хозяйствами, твореньями уж тем более… э-э… и Я – *философия хозяйства* – тоже, что меня вовсе не смущает, а как раз уверенно вдохновляет.

38

Социум и человек в нём *непременно упорядочены*, пусть и в *хаосмосном исполнении* (механо-часовой социумный порядок если и имеет где-то место, то только в тупом воображении двинутых на технонауке квазигуманитариев – недообществоведов). *Хаосмос* – не хаос как таковой, но и не космос как таковой, это некоторая меж ними сердцевина, взаимодействующая с хаосом и подражающая космосу, всегда гибкая, немало дискретная (дырчатая), не до конца устойчивая, переливчатая, переменчивая, однако содержащая в себе и несущая в социум тот или иной *порядок*, который мало что устанавливается и поддерживается в той или иной мере *насильственно*, так он ещё и сам по себе есть *насилие*, как, собственно, и любая, знаете ли, *экзистенция* тоже – что зе́мная, что космосная, что сакральная. Да, от насилия тут никуда, но и от хаоса, беспорядья, «расслабух», люфтов, коекаких свобод, даже и анархий, тоже ведь никуда, как никуда и от экзистенционально-хозяйственных во всём их разнообразии *иерархий* с их доминирующими верхами, подчинёнными низами и вспомоществовательной срединой, как раз обслуживающей верхи и держащей внизу низы, как и удерживающей в жизнеспособии иерархии в целом, той самой функциональной прослойкой, без работы которой ни тебе иерархий, ни тебе порядка, ни тебе социума, мало того, ни человека, ни жизни, ни хозяйства, ни творения, ни даже, судя хотя бы по организации той же церкви, и самого Господа Бога, в общем – НИЧЕГО!, как ничего не станется и без управляющих всем экзистенциально-хозяйственным пространством *центров*, что гибко-побудительных, что жёстко-директивных, но не оставляющих без своего руководящего внимания подотчётную им *периферию* (в широком смысле и в разном образе, конечно, периферию).

39

И вот тут нельзя обойти вниманием величайшую то ли изобретённую самим человеком, то ли внушённую ему свыше институциональную данность – *государство* – ГОСУДАРСТВО!, каким бы оно по ходу бытия и развёртывания истории ни было и ни есть сейчас, как бы ни устанавливалось и на деле ни реализовывалось, какими бы достижениями ни обладало и какими бы мерзостями ни отличалось. *Государство!* Система-механизм в большом (мета-общинном, общественном) социуме, его – социума – субсистема, но масштабированная на весь социум, отчего это и система-социум, или социум-система – всё равно!, однако, что очень важно, источник (и механизм) *власти* – ВЛАСТИ!, а власть, которая от владения, а в данном случае – *владения самой властью*, есть не что иное, как *сама-себе-сила*, пусть и опутанная законом, даже и подбитая кое-какой моралью, но обладающая возможностью, как бы это ни называлось, самого что на есть… *произвола* – ПРОИЗВОЛА!, как оправдываемого словесно агентами власти (властей предержащими), так ими совсем и не оправдываемого, а так: есть он – *произвол*, и баста!

40

Государство – величайшее в зе́мную социальную экзистенцию введение, конечно же, в городскую, цивизационную, каиновскую. Если есть порядок в большом социуме, то прежде всего как государственный – и в виде институции, и через волевое поддержание порядка, ну и через произвол тоже. Каким бы по образу и функциональной реализуемости ни было государство, всюду и всегда это силовая *иерархия*: верхи, низы и меж ними сердцевина; только при государстве возможно наличие, с одной стороны, *властей предержащих*, то бишь так или иначе *господ*, а с другой – массы *подвластных,* пусть и номинально *граждан*, тех, кто как раз с кое-какими правами, но так или иначе всегда государству и его господам-хозяевам *подданных*: от разнообразных спецов до работников, рабов и даже тех же уголовников, ну и диссидентов с бунтарями и революционерами. Да, всегда есть война за государственный порядок в социуме, но есть и война, пусть и скрытая, тайная, подпольная, с самим этим порядком, как и с самим государством, утопически даже вообще с государством и за анархическую вольность, а реально-таки всегда за новый, вовсе не обязательно, что на деле и лучший, государственный порядок,

как и не обязательно, что за лучшее на деле государство. И выходит, что как жизнь, хозяйство, творение – *война*, так и государство – *война*, но это не всё, тут бывает ещё и *война на войну*, разумеется, в сопровождении того, что называется обычно *миром*, хоть и он тоже пронизан по обыкновению войной, но хотя бы не напрямую войновской – массовой, беспощадной, кровопролитной, как раз называемой обычно междуусобной, внутригосударственной, гражданской. И всегда вокруг *жизнь, хозяйство, творение,* как и *упадок, угасание, смерть*! Таков уж он – поднебесный, зе́мный, пусть на толику и космический, мир!

41

Государство порождено каиновским городом, как и вся вообще цивилизация. Авелевское же село попало под власть и эксплуатацию со стороны города, соответственно и государства. Каин вроде бы убил Авеля, да вот не физически вовсе, а, так сказать, *концептуально*, что и позволило двинуться по пути *прогресса* – ПРОГРЕССА!: от села к городу, от природы к неприроде, от примитивной первокультуры к цивилизации, от веры в духов и многобожия к вере в Святого Духа и Единого Бога; от ручного труда к механизированному, от ремесла к индустрии, от практических навыков к науке и технике, от металлики к электронике и далее цифрономике. Каиновский прогресс – великая преобразующая земно-человеческий мир сила, однако реализуемая особого рода человеком, как раз каиновским, мало что горожанином и гражданином, так ещё и… *предпринимателем* – ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕМ!, способным вершить, аки *демиург*, собственное *хозяйственное дело* (торговое, промышленное, грабительское, разбойное), оно же и *предприятие* – ПРЕДПРИЯТИЕ!, отчего, откуда и чьими усилиями как раз и пошёл каиновский прогресс: сначала ремесленно-купеческий с примесью грабительско-разбойного, а затем, уже с широким введением в хозяйственную практику каиновской цивилизации особого феномена – *денег* – ДЕНЕГ!, ну и *оцениваемого в деньгах обмена благами и обращения денежных капиталов,* то бишь с полным расцветом *экономики* – ЭКОНОМИКИ!, *индустриально-экономической*, а далее и *научно-технической*, а ещё далее – *научно-технотронно-нейросетецифрогенной,* при этом уже не столько собственно экономической – снизу, сколько финансово-экономической – сверху, когда экономика окончательно превращается в произволовую *финансомику* – ФИНАНСОМИКУ!

42

Экономика, согласно моей – *философии хозяйства* – позиции, – вовсе не всё вообще хозяйство, а некоторая, пусть и очень большая, его часть, опосредованная наличием и движением *денег* как всеобщей ценности и *капитала* как денежной ценности, приносящей ту же денежную ценность (верчением самовозрастающих денег), в широком же плане – *финансов,* включая и специфическое *банковское* (ростовщическое) предпринимательство, а на абстрактно-метафизическом уровне – опосредованная наличием и движением идеальной (ментальной, когнитивной, мозговой) субстанции – *стоимости* – СТОИМОСТИ!, в явленности представленной *деньгами* и денежными *оценками* – *ценами,* ну и, разумеется, всеми иными стоимостными параметрами – инвестициями, сбережениями, кредитами, доходами (прибылями), бюджетами, расходами (платежами), налогами и т. д. Тут в исходе прямая стоимостная диалектичность: неразрывная взаимодополняющая связка *оцененных денег* и *оденеженных цен*. Не вдаваясь в подробную характеристику экономики, тем более уж её хаосмосной, «механической» и виртуозной динамики, весьма в реалиях сложных, произвольных и путанных, лишь замечу, что ежели поставить вопрос о сути *философии экономики*, то на основе и в рамках философии хозяйства может быть только один ответ: «Вся суть философии экономики восходит к стоимости и только к стоимости, мало того, она вся там, в подвижном и безразмерном ментальном, когнитивном, мозговом, вовсе и не в прокрустовом, ложе – *идеальном, метафизическом и трансцендентном*, не захваченном пространством-временем и не подверженном всемирному тяготению, где стоимость м экономикой вполне себе моментно (моментами) и реализуется, – хотите верьте, хотите нет!». Стоимость – мысль и память, экономика тоже, и нигде, кроме голов людских, людского сознания, стоимость и экономика пребывать не могут. Те же производство и потребление благ сами по себе никакая не экономика, как и многое, многое другое в жизнеотправлении человека, включая его появление на свет, воспитание и всю его полную эмоций жизнь, это всего лишь, исключая физиологию организма, которая есть физиология организма и не более того, есть *хозяйство*, а для любителей англо-латинской лексики есть ***economie*** в отличие от ***eKonomika***, чему как раз и соответствует наша в российской интерпретации

экономика (Аристотелева *хрематистика* тут не в счёт, ибо вокруг ныне всё-таки действо, называемое не хрематистикой, а *экономикой,* с чем и надо считаться).

43

Техника (орудия ремесленного и аграрного труда, транспорт, оружие, судоводство, строительство) и *экономика* (обмен благами-товарами, деньги и всё стоимостное вплоть до ростовщичества и банковского дела) имеет древнюю историю, достигая местами и временами в стародавних цивилизациях весьма высокого развития, претерпевая вместе с цивилизациями экзистенциально-хозяйственные кризисы, упадки, крахи, перетекая в другие (новые) цивилизационные образования и миры, сохраняясь и продолжая развиваться, однако всегда до непременного идейно-сакрально-охранительного в пользу натурального бытия человечества предела, а вот воистину бурного саморазвития они возымели место на масштабно скромном краю евразийского континента – в Западной Европе, где как раз и возникли вполне адекватные для взрывного развития сначала экономики, а затем и техники, не побоюсь этого слова, *идеологические* (*культо-культурные*) условия, отразившиеся на ментале, устремлениях и поведении, даже и на психологии западных европейцев, пусть и не всех по евролокалиям сразу, но в достаточном для сначала *экономической революции* – РЕВОЛЮЦИИ!, а затем и *технической* (*технологической*), ставшей со временем *индустриальной* и *научно-технической*, но тоже *революции* – РЕВОЛЮЦИИ!, случившимися не просто в Западной Европе, а… (Sic!)… в *христианском* (точнее бы сказать, *христианизированном*) мире, но, замечу особо, не в ортодоксальном (исконно-догматическом) его ареале, а в дважды идеологически переделанном (ересиально-обновленческим) сначала в *католический*, а затем и долею в *протестантский*, что было осуществлено сначала римско-папским имперским переворотом, а затем «народным» (буржуазным) переворотом, получившим известность как религийная Реформация, как раз и положившая начало отколу от католического христианства так называемой протестантской части.

44

Обращаю внимание на факт исторически великих *идеологических* (пусть и в религийном образе) переворотов: попервах собственно *христианском*, выступившим против прежних (так называемых языческих прежде всего) верований и культов, как и против того же древнего иудаизма, с которым, правда, христианство вступило-таки в идейный союз, а уж потом двух внутрихристианских, немало по сути уже и *антихристианских*, переворотов – *католическом* и *протестантском*. Тут важно, что, во-первых, именно *идеологических* переворотов, во-вторых, *христианских*, хотя и не без *антихристианской* в них компоненты. Ни Атлантида, ни Египет, ни Вавилон, ни те же Древний Рим с Древней Грецией, ни Индия, ни Китай, ни ещё какая-нибудь из стародавних цивилизаций не были удостоены чести стать воистину и тотально *экономикотрофными* и *технотронными*, чего удостоилась как раз *христианская* (пусть заметно уже и *антихристианская*), она же средневековая (не древне- или ранневековая, ещё немало и языческая, а лишь только христианизированная) цивилизация, да и то подстёгнутая к суперэкономизации и супертехнизации, что то же самое – *капитализации*, *индустриализации* и *сциентизации,* сначала интенсивным торговым, а затем и взрывным военно-морским имперо-колониальным выходом Западной Европы в зе́мное планетарное пространство – на Восток и на Юг, аккурат во вроде бы неведомые ранее заморские территории.

45

Суть же западноевропейского идеологического переворота состояла сначала в иерократическом объявлении папы римского непогрешимым наместником Бога на Земле, что то же самое – снятием запрета на обожествление зе́много человека, отчего и явилась воля для человекобога творить всё, что ему угодно без всяких на то нравственно-сакральных ограничений, а затем и снятие через Реформацию запрета на безграничное ростовщичество, точнее – на свободный *капитал* (самовозрастающие-де деньги), а посему и на безграничное эксплуататорское эконопредпринимательство, или *капитализм*, не сразу, конечно, но непременно (неизбежно) пришедший и к неограниченной технизации, или индустриализации, производства благ-товаров с подключением к технопрогрессу антихристовой (антирелигийной, антисакраль-

ной) науки. Так вот и свершился растянутый на века каиновский переворот: сначала Каин убил (устранил, отстранил, одолел) Авеля, затем Каин-2 поступил точно так же с Каином-1, открыв эпоху Ренессанса с возрождением Антики, а на самом-то деле более эпоху Нессанса – рождения капитализма и индустриализма, а уж потом настала очередь Каина-3 расправиться с Каином-2, открыв на базе Ренессанса и через его же преодоление эпоху Просвещения, то бишь как раз *эконом-капитального (и империо-колониального) научно-технического прогресса.* Так средневековая христианская Европа стала *нововеко́вой*, или *нововременно́й*, каковой она вкупе со своим «дитяти» США предстаёт в своих корневых основаниях до сих пор.

46

Итак: сначала освобождение предприимчивого человека, затем высвобождение самовозрастающих-де денег с высвобождением эксплуатации человека человеком посредством экономического (наёмного) рабства, а следом и высвобождение научно-технического прогресса, а как итог – *Новое время, новая цивилизация* и *новый человек*. Ну и ***Новая Европа***: свободная, амбициозная, развивающаяся, передовая, экспансивная, агрессивная, империо-колониальная, богатая, привлекательная, образцовая. Да, сия Европа теперь уже не так Западная Европа, как просто Европа, идеологически была обязана христианству и, как это ни парадоксально, антихристианству тоже, но и империо-колониальной воинственности ушедшей с глаз долой, но не из памяти Европы, греко-римской Антики. Была Антика, теперь вот христианизированная с антихристовым замесом Новая Европа, да ладно бы Европа как Европа, а то ведь и *Европа как мир, или Европа-мир*, хотя и не *мир-Европа* (мир земный в целом всё-таки не Европа), однако он – мир земный – стал вдруг круто *европеизированным*, да мало что в ходе Ренессанса и Великих географических открытий (читай, и колониальных завоеваний), как и в расцвет Просвещения (кстати, если ещё и долею христианизированного, но более всего уже *масонизированного,* то бишь атеистического, светского, нерелигийного, хотя и по-своему культового), но и сейчас, пусть и заметно в американской версии, мир земной остаётся вполне себе европеизированным.

47

Да, это был великий исторический прорыв – сначала Старой Европы в Новую Европу, а потом уже Новой Европы в весь планетарный мир, а следом за сим прорывом и великий экономиндустриальный и культуро-идеологический охват, если не захват, всего зе́много мира, а в целом его вполне себе имперская евроколонизация – и неважно, какая из европейских стран, какая из европейских частных компаний или же чей и какой еврокапитал этим конкретно занимались, как и неважно было ли это захватнически принудительно – через войну и оккупацию, или же посредством мирно-торгового проникновения, или же по добровольному приглашению Европы в ту или иную иноземную территорию, или, наконец, через принудительно-восторженное ученичество иноземцев у Европы, но мир земный, так или иначе стал ежели и не вполне европейским, то уж заметно и в долгую *европеизированным*, а нынче вот и *американизированным* – факт! Как ни крути, а факт сей остаётся неоспоримым фактом, хоть и, замечу, древняя традиция насовсем из мира зе́много не исчезла, даже и авелевская, не говоря уж о разных её цивилизационных версиях, даже из самой Европы не исчезла, даже и авелевская, и хоть нигде сия традиция теперь не доминирует, кроме, разве оставшейся кое-где явной архаики, но нельзя сказать, что она не имеет никакого серьёзного экзистенциально-хозяйственного значения, главным образом, конечно, через гибридизацию с доминирующим пока в земном мире *европеизмом-американизмом*.

48

Да, Я – философия хозяйства – русско-российского происхождения и соответствующего ему парадигмального кроя, но при этом и… нет, не увы вовсе!.. и европейской выучки, пусть по преимуществу и в преодолении и даже в отрицании «ихнего» европеизма, но Я всё-таки не сугубо местнической завязи и не сугубо традиционного кроя, нет, Я вполне себе и мирового замеса со вполне себе и европейской закваской. Да, Россия, конечно, не Европа, но ведь Россия и Европа тоже, и вовсе не по еврорасположению на евразийском континенте, пусть и не по глубинной своей сути, да вот по вескому содержанию, а не только по форме – точно! И в этой ферментальной европейкости России и родившейся в ней не без влияния евромысли философии хозяйства нет ничего пло-

хого, совсем даже наоборот, много чего вполне себе хорошего, однако «хорошего» не значит, что из «главного», ибо главное в той же России всё-таки сутейная, можно сказать, что парадигмальная, Россия, а в русско-российской философии хозяйства всего этого *своего* сутейно-парадигмального хватает, да не в местечковом, повторяю, на себя замкнутом исполнении, а вполне себе со всемирно значимой концептуальностью и всему миру открытостью, что не мешает ни России чувствовать себя частью идейно-культурной, но не идеологически-культовой, Европы, ни философии хозяйства видеть себя вполне себе оригинальной и суверенной частью общеевропейской, как и общемировой, мысли.

49

Меня – *философию хозяйства* – вполне устраивает европейское (пришедшее из Европы) понимание эпохи Ренессанса, Реформации, Революции и Просвещения (РРРП), равным образом и идейно-культурной европеизации зе́много мира как эпохи *Модерна* (или *Модернити*), то бишь всесторонней, вполне себе и целостной, экзистенциально-хозяйственной *Модернизации* зе́много бытия на основе и по пути культуро-научно-технического прогресса. Да, это действительно была *Модернизация мира*, его переделывание, переустроение, преобразование, что возымело колоссальные, невероятные и безразмерные последствия не только для человеческого бытия, но и для самого зе́много (планетарного) мира, для зе́мной природы, для самого человека. Как философия хозяйства, я добавляю к европейскому пониманию Модернизации кое-что своё, а именно не что иное как… Sic!.. *человеко-божеское пересотворение мира и человека в нём*, да-да, именно так – ПЕРЕСОТВОРЕНИЕ!, для чего, собственно, и потребовались всё это европейское «РРРП» и вся эта безумная европеизация зе́много мира, хотя на виду всё это смотрелось как вполне себе рациональные экономизация, капитализация, технизация, сциентизация, даже и та же напористая колонизация с европейским культуртрегерством и иноместным компрадорством. Вот уж переворот, так *переворот* – ПЕРЕВОРОТ!, прогресс, так уж *прогресс* – ПРОГРЕСС!, отчего не один дух отменно захватывает, но и ум за разум, яростно туда-сюда выворачиваясь, в недоумении заходит!

50

Да, мир человеческий, во всяком случае евразийский – от Евразии, мог бы, наверное, обойтись без Атлантиды (недаром же, что утопла, да опять же где и как?); того же Древнего Египта с его никому вроде бы ненужными пирамидами; Вавилона с его явно уж никому не нужным столпотворением и с оказавшимся вполне себе нужным столпогенным языковым распадом; без Древней Греции с её вычурным многобожием, величественной архитектурой, восхитительным искусством, вдохновляющим спортом, завлекательной мифологией и глубокомысленной философией; без Древнего Рима с его богатой античной культурой, крутыми имперскими завоеваниями, беспримерным сенатом с его лукавой политикой, с изумительными термами и кровавыми гладиаторскими боями; без Древней Иудеи с её религиозным беспокойством, внезапным явлением Христа иерусалимскому народу, как и его – Христа – пред этим восторженным народом назидательным распятием; ну и без Европы со всеми её экзистенциально-техническими нововведениями и «жутчатыми» импero-колониальными подвигами, – да, мог бы, наверное, обойтись без средиземноморской цивизационно-исторической дискретно-витиеватой лествицы, и был бы он вполне себе квазиафриканским или каким-нибудь квазиазийским, бытуя под тяжёлой пятой того же удачливого Чингисхана или же под китайской или индийской культуро-экзестенциальной имперской сенью, как, собственно, мог бы и не дождаться Европы, о которой речь, а оказаться просто под несгибаемой «опекой» александро-македонской Греции или юлиево-цезаревского Рима, однако, дождался-таки мир земный именно Европы с её мало что крутым в ходе Творения РАЗВОРОТОМ в пользу самовольного ПРОГРЕССА, но ещё и с воистину бунташным перед Богом Творцом человекобежеским ПЕРЕСОТВОРЕНИЕМ себя – мира зе́много, как раз Богом Творцом и данного им же – Бо́гом – сотворённому человеку, а вместе с пересотворением мира зе́много и человекобожеским пересотворением *самого человека* – пусть, конечно, и не сразу, не одномоментно, а так, шаг за шагом, как раз вослед неудержимо разворачивавшемуся Прогрессу.

51

Что ж, Модерн так Модерн, а раз Модерн, то всё предшествующее бытие человеческое можно отнести к ***Премодерну***, что европейская мысль середины XX в. и сделала. Премодерн – время

в целом ещё натурально-сакрализованной экзистенции человечества, даже и с цивилизационными прорывами по линии «*от природы к неприроде*», оказавшимися, правда, не столько *про*-рывами, сколько частными – локальными и временными – *по*-рывами в сторону не- или сверх-зе́много, по-своему ещё и идеологически сакрализованного (даже и очень сакрализованного) существования, а вот до настоящего своевольного Прогресса, уже невозвратного Развития и глобального Пересотворения мира дело всё-таки долго не доходило, и либо само, либо под влиянием экстраординарных обстоятельств, либо по непременной воле свыше останавливалось, сворачивалось, исчезало, а вот европейский *прорыв* – ПРОРЫВ! – не подкачал, да и Сакрал, видно, ему соблаговолил, отчего и явление попервах Христа с христианством в подбрюшье Европы с последующим захватом им всей Европы, затем поправление христианства в самой Европе под знаменем уже антихриста вплоть до полного их – христианства и Христа – атеистического отрицания, что совсем и не кажется сугубо случайным происшествием, а, скорее, вполне себе внутрипроектным, аккурат в рамках сакрального проекта «ЧЕЛОВЕК», пусть и вроде бы чисто человеческим (человекобожеским, правда), но ведь и немало сакрализованным, субпроектом. Христос, Реформация, Ренессанс, Просвещение, антихрист и на тебе – *Проект!*

52

Однако не всё здесь так уж просто. У всего на свете есть начало, течение и конец, нашёлся конец и разошедшемуся в пересотворенческом раже Модерну, что весьма заметно обозначилось как раз на рубеже XIX–XX вв., а вполне явно выявилось уже к рубежу XX и XXI вв., ну и, как водится, получило во всё той же Европе за неимением лучшего и более ясного прозвания туманное наименование *Постмодерна* – ПОСТМОДЕРНА, где главная смысловая нагрузка легла на почти что ничего не говорящее «*пост*»: да, было что-то и… нет, ещё не прошло насовсем, да насовсем и не пройдёт, но… увы !.. всё-таки всё более проходит, а что же проходит-то?.. ах, да-да… сама пересотворенческая Европа с выведенным ею под эгидой вроде бы Бога Творца, но под неусыпным водительством… *антихриста,* а раз так, то, следственно, и самого… *сатаны*, новым европейцем. Вот-те на! Получается, что всё это прогрессно-пересотворенческое деяние шло и идёт с ведома Господа Бога, но находится оно в ве́дении Господнего

противника – *сатаны*, не более и не менее! А почему нет? Ведь дело тут совсем не райское и тем же простым в природе жизнеобеспечением не ограничивается, совсем наоборот – дело вполне себе адовское, антиприродное, преисподненское, то бишь как бы и антибожеское, так почему же тогда не *сатанинское*?

53

И ежели до рубежа XIX–XX вв. шло в основном перестроение земно-природного мира ради, в пользу и под уже квази-религиозного, а то и прямо атеистического, человека, разумеется, европейца, включая и заокеанского, то бишь шло как сотворение Царства Божиего на Земле (и в образе коммунизма тоже) в интересах осчастливливаемого сим Царствием (и коммунизмом тоже) победоносного еврочеловека, то к рубежу XX и XXI вв. вдруг обнаружилось, что дело-то пошло к замене человека как человека на *иное*, может, ещё и человекообразное, существо – на искусственного *пост-*, а то и *не-*человека (уже и не как человека), хотя бы на того же *киборга* или *технотроника*, а мира земно-природного на какой-то *пост-*, а то и не-мир, хотя бы *искусственный техномир*. И вот тут-то случилось самое поразительное: пошло вдруг *самопохищение Европы вкупе с Америкой* (то бишь самопохищение всего прогрессного Запада), то ли как сделавших своё дело и долженствующих уйти; то ли как отравленных собственным умерщвляющим античеловеческим ядом; то ли как ставших попросту ненужными сатане-антихристу за неспособностью идти вперёд и долее творить сатане ему как раз нужное; то ли наказываемых через посредство всё того же сатаны в апакалиптической парадигме самим Господом Богом, причём наказываемых и посредством наступа Нового Света на Старый (дитяти, поедающего своего родителя), кто ж знает, ежели простому смертному знать сие не положено? Однако факт остаётся фактом – тут уж не *закат Европы*, запечатлённый ещё на рубеже XIX–XX вв., а её, может, и несколько преждевременный, но всё-таки *конец* – КОНЕЦ! Того ли она – сия всемирная благодетельница, ожидала, ясно, что нет, вовсе не того, да вот так всё обычно и происходит – *само вдруг сотворяется*, причём *самое невероятное и неожиданное, да и сотворяется всегда внезапно*, что как раз органично и свойственно поднебесному бытию, жизни, хозяйству, творению, истории, да и всему Мирозданию, надо заметить, тоже!

54

Итак, *Постмодерн*! Целая эпоха, как раз эпоха заката и конца Европы вкупе с Америкой, включая и мировое доминирование исходящего от них экзистенциально-хозяйственного цивилизационизма. Трудно сказать, насколько это всё угодно Богу, а вот насколько не угодно сатане, сказать, пожалуй, можно: что ни попытка Европы с Америкой сохранить своё ещё вроде бы блистательное сатаническое величие, то лишь очередной авантюрный провал с приступом мало что функционального бессилия, но и самого что ни на есть яростного беснования, обнажающих не одну заплесневающую сатанистскую гордыню, но и гнилостное античеловеческое нутро немилосердно загибающейся Европы-Запада. Что ж тогда получается: сатана взрастил Европу, воспользовавшись свободой выбора, данного ей Христом с христианством, сатана же её и погубляет, что, видно, Богу-то как раз и угодно, а вот сатане совсем наоборот, так что ли? Может, и так, может, и не так, но, во-первых, Европа-Запад ещё очень сильна; во-вторых, от охватывающей её всё более внутриконвульсионной тряски она всё более обезумливается, а обезумевший монстр куда опаснее сытого империального хищника; в-третьих, европеизация, сдобренная американизацией, никуда пока из мира человеческого всё-таки не делась, как не исчезло и её экзистенциально-хозяйственное доминирование; в-четвёртых, вся бытийная развязка впереди, но вот какая же? Да, незападный мир ныне ощутимо против Европы-Запада, но ничего, кроме *голословного протеста*, он из идейно-конструктивного не предложил и вряд ли сможет это сделать, ибо речь идёт не просто о *не*-западности, её жгучем желании, а о *концептуально-парадигмальной альтернативе*, да не так собственно Европе-Западу, как, пардон, *всему* – ВСЕМУ! – историческому развитию человечества по треку от Авеля через Каина к каинизированному *пост*-человечеству, то бишь речь идёт о то ли существенной коррекции, то ли радикальном обновлении, то ли крутом пересмотре самого Проекта «ЧЕЛОВЕК», – во как! В общем, новое, только уже не европейское, а какое-то *иное* – ИНОЕ! – *зе́много мира и человека в нём*, да вот какое же, кроме… э-э… разыгравшегося ныне европостмодернового?

55

Легче обратиться к загадочному Иоаннову «*Апокалипсису*», ожидаючи кульминационной общемировой разязки: разошедшееся в античеловеческом раже непоправимое ми́ровое Зло сделает-таки своё дело, очистив, ежели Господу Богу сие угодно, планету от зарвавшегося homo sapiens либо для нового Господнего эксперимента с человеко подобным созданием, либо для прекращения вообще всякого на Земле подобного экспериментирования, что даже более всего, кстати, и вероятно. Однако живая Земля ещё есть и человечество на ней тоже есть, причём то и другое ныне уже в явном экзистенциально-хозяйственном тупике, из которого нет никакого благоразумного выхода, кроме вселенской для планеты и человечества *катастрофы,* устроенной обезумляющимся человечеством под давлением неотвратимого «хода вещей», толкаемого вперёд в коварную Неизвестность неукротимым Иным, ну и, не исключено, с учётом факта неудержимо наступающего, если уже не наступившего, Страшного Суда при попустительстве, если не по воле, самого Господа Бога Творца. На ум сразу же приходит войно-термоядерная катастрофа, что вовсе не исключено посреди ныне упорно разворачивающейся всемирной, пусть и гибридной, войны и при наличии огромного, пока бездействующего, но нетерпеливо поджидающего своего счастливого применения, термоядерного арсенала, а соблазн обратиться к термоядерному аргументу день ото дня нарастает, но дело тут всё-таки поинтереснее, видно, будет, а вот *как*, то это всё неумолимое Время и покажет, пожалуй что, и вполне себе скоренько, а уж *когда* в точности, то, будьте уверены, безразличное и нетерпеливое Время ничего не утаит, как раз в точности всё вовремя и выкажет.

56

Дело в том, что всемирная катастрофа и без тотальной термоядерной вспышки вполне возможна, ибо мир зе́мный, который ныне на планете есть, не только не тянет на большую перспективу, но и на малую тоже, он не просто в очередном привычном всем экзистенциально-хозяйственном мировом кризисе, а в кризисе, как стало с недавних пор принято говорить, *системном*, то бишь не так в мирово**о**м, как в м**и**ровом, мало того, мир ещё и в особого рода *внутрисистемной против самого себя войне,* то бишь не просто в мирово**о**й, а как раз в м**и**ровой, войне, – и не так уж и важно

где, когда и кто разжигает войновские очаги, хоть для геополитической обыденности это, естественно, очень даже значимо, а всё потому не так важно, что мир земный, который ныне есть, затрещал *в целостном себя самоотрицании*, да вот мало что трещит модерновый мир, так ведь трещит *мир земный вообще,* чей треск куда как основательнее и судьбоноснее, чем треск той или иной его историо-системно-феноменальной модели. Да, термояд – вполне законный карающий меч для мира зе́много, однако его превращение из всего лишь потенциально угрожающего расправой дамоклова меча в реально карательно действующий гильотинный обусловлено не так собственно войновскими обстоятельствами, как агрессивными, так и защитными, хоть без них тут не обходится, а не сильно задевающими обозревательский ум *самоликвидационным состоянием* созревшего для Страшного Суда и не менее Страшной Кары *само́го земно-человеческого мира*. Показательно, что ещё буквально вчера о применении термояда в mass-media не заикались, а уже сегодня медийцы толкуют об этом как не только о возможном, но и попросту неизбежно-необходимом, деянии, – каково, а-а?!

57

Да, была вполне реальная, обычно называемая «советской» вкупе с «миросоцсистемной», а на деле-то «сталинская», попытка создать на Земле новое мироустройство – бесклассовое, неразграниченное, единое, многонародное, трудовое, можно сказать, что и *соборное*, хоть и утопически прозывавшееся на будущее *коммунизмом*, в некоторых фундаментальных чертах даже воплотившаяся в стране, прозывавшейся эСэСэСэР (Союз Советских Социалистических Республик), а фактически-то не-эС, не-эС, не-эС и не-ЭР (не-Союз, не-Советских, не-Социалистических, не-Республик), как раз та самая, совсем и не заурядная, попытка, восходившая к еврореволюционному движению, нашедшему в Российской империи практический из-за многовекового культурно-технотронного пристрастия России к Европе о-очень ударный революционный отклик, да вовремя существенно, немало и по-азиатски деспотически, скорректированная спасительно-мобилизационным, вовсе и не надуманно утопическим, как тот же коммунизм, а вполне себе реалистическим *сталинизмом*, резко отошедшим от в основе утопического, вроде сегодняшнего глобализма,

евроревсоцкомпроекта и выдвинувшим *свой*, опиравшийся во многом на российскую XIX в. культуро-этатическую традицию, цивилизационный проект, возможно, что и *ультрамодерновый*, но никак не *постмодерновый*, против которого он и был во многом тогда направлен, как раз тот самый проект, называвшийся походя «советским», будучи всё-таки не так советским, как вовсе не попросту государственнопартноменклатурнонародным, в некотором роде и *иерахически и авторитарно соборным*, а ежели воспользоваться одним обобщающим символическим словом, то как раз *сталинским* – СТАЛИНСКИМ! Да, именно так: то был *сталинский проект со сталинской попыткой нового мироустройства,* – не более и не менее! Ничего подобного в земно-цивилизационной истории не было и вряд ли когда уже будет: индустриально-технотронно развитое общество с высокой наукой и высокой светской классической (как раз ренессансной) культурой и сциентически обоснованной (как раз просвещенческой) гуманистической идеологией, ориентированной на традиционные (вполне, кстати, христианские, православные) экзистент-ценности, на позитивную общечеловеческую мораль, социальную справедливость, гражданскую ответственность, товарищескую солидарность, нестяжательство, приоритет общественного над личным, беззаветное служение Родине и общему Делу, на интернационализм.

58

Разумеется, любой проект с ориентирами одно, а реальность, как обычно, всё-таки другое, однако проект, о котором речь, пройдя через революционно-репрессивное-перестроенческие муки и мучительное испытание страшной войной (Второй мировой, а для СССР Великой Отечественной, из которой вышел легитимизированным в сердце интернационального советского народа и в значительной мере в глазах всего зе́много мира), не остался лишь проектом-пожеланием, а стался-таки *действительной реальностью*, или *реальной действительностью*, всё одно, по крайней мере для миллионов его признавших и ему с честью, беззаветно и самоотверженно служивших советских людей, а так же для немалого числа убеждённых сторонников-последователей проекта и его адептов-неофитов за рубежами СССР. Да, проект всё-таки реально стался и новый, небывалый в истории, экзистенциально-хозяйственный строй земно-человеческо-

го бытия реально возник, пусть поначалу и в ходе становления как продукт евросоцкомреволюции и спровоцированной ею большой – бескомпромиссной, ожесточённой и кровавой – гражданской войны, затем перешедший в долгую, растянувшуюся на десятилетия, внутристрановую (внутрироссийскую, внутрисоветскую) гражданскую (межлюдскую, межклассовую, межэлитную) распрю, вполне и беспощадную, но затем, уже и в итоге как плод неодолимых никакой революцией, никакой гражданской войной и никакой межлюдской борьбой *императивных историо-бытийных обстоятельств*, восходивших к непреступной Неизвестности (читай, и Вечности) и неуступчивому Иному (читай, и Времени), а в *том* локально-историо-временно́м случае восшедших к уже ставшей традиционной, но долженствовавшей обрести тогда новую историческую форму, *российской* (от Петра Великого) *империальности* – на этот раз уже в *сталинской интерпретации* – *государственно-армейско-народной*!

59

Я – *философия хозяйства* – знаю, о чём говорю, не испытывая никаких иллюзий – что наивно-благодушных, что нарочито-жестокосердных, как и не исповедуя никаких намеренно-идеологических предпочтений, и знаю вследствие и в силу того, что родилась, как уже отмечалось выше, мало что аккурат в переломное от Модерна к Постмодерну, но при этом и в переломное от Традиции к Вольной Импровизации время, так и родилась как раз для осмысления, объяснения и трактования всего экзистенциально-хозяйственно происходившего тогда в мире, чего не могли сделать в необходимой гносео-онтологической полноте ни гуманитарная наука (та же политическая экономия), ни физикалистская социальная философия, ни задогматизированное богословие, да мало что родилась в переломное время, там ведь ещё и стала не только очевидицей всего тогда происходившего, вооружённой *иной* экстра- и интро-скопией – как физической, так и метафизической, то бишь *холической*, но и участницей, разумеется, не феноменальной, не функциональной, не событийной, а идеально-контентной, можно сказать, что и эзотерической, ибо реальность ведь всегда, какой бы она ни была субъектно-субъективно идеализированной (насыщенной авторской идеальностью, снабжённой идеями, обеспеченной проектами), *сама-себе-процесс*, причём как раз… э-э…

sic!.. не просто объективный экзистенциально-хозяйственный, а по-своему и объектно-философский, а по-нашему – *философско-хозяйственный*, что позволяет, если не заставляет, *субъектной философии хозяйства* сойтись с *объектной философией хозяйства*, а сойдясь, кое в чём из происходившего и происходящего вокруг не без удовлетворения, досады, а то и протеста, немало и подразобраться!

60

Созидательно-кинетическая сила сталинизма в переходно-критическое время (предвоенное индустриально-конструктивное, военное оборонительно-наступательное и непосредственно-послевоенное восстановительное), как и его парадоксальная слабость в устойчиво-благополучное послевоенное мирное для СССР время, состояли в одном и том же – мобилизационно-дисциплинарном режиме трудо-творческого бытия, не миновавшего и таких крайностей, как зековско-«шарашковское» рабство, колхозно-полугражданское (беспаспортное) и вербовочно-лимитское крепостничество, что было хоть и выносимо, пусть и не без страха, со страдой и не без страдания, но лишь на краткий исторический момент и уж никак не в долгую, особенно, скажем так, в оттепельное, уже после-Сталин-ское, время, даже при в целом лояльном отношении к победному и в общем-то славному сталинизму признававшего его и ему беззаветно и бескорыстно послужившего как раз сталинского по срокам, идеологии и деяниям поколения победителей – строителей, воинов, творцов. Рано или поздно, точнее, хоть не сразу, но и без опоздания, должно было произойти *то*, что, судя по последним при жизни концептуально-программным высказываниям вождя, грезилось и самому Сталину, хоть он этого явно лично побаивался, а именно достаточно радикальное преобразование пусть тогда и конструктивного и победоносного, но в долгую, мирную и в благую всё-таки бесперспективного в целом милитаризованного строя: армейщина с её директивным единоначалием, жёсткой иерархией и безоговорочной дисциплиной, может, и хороша для войны, да и то с начальственной коллегиальностью, с учётом встречной инициативы снизу и с мест, с поддержанием не просто боеспособности, но и жизнестойкости всего личного состава, а вот для мирного, жизнеутверждающего, многоцветного времени потребна уже *иная* организация бытия,

не армейская, куда более самоорганизационная, инициативная, изобретательская, одним словом – куда более *свободная,* хоть и не теряющая насовсем и где надо ни управленческой иерархии, ни командной директивности, ни строгой дисциплинарности.

61

Что-то вроде *этого* и должно было произойти со сталинизмом: перейти от жёсткой, пусть и вынужденно жёсткой, хоть по-своему и весьма на исторический момент эффективной, организации бытия к более гибкой его организации, хоть по-прежнему в основе государственнической, немало централизованной и директивной, то бишь так или иначе непременно *имперской*, но в большей мере допускающей низовые и локальные *инициативы* и *самоорганизации*, что как раз после-Сталин-ский сталинизм попытался было сделать и не раз, но из чего у него ничего путного для страны и самого сталинизма так и не вышло. А что вышло? А вышел мало что тотальный антисталинизм, так ещё и самый что ни на есть настоящий, совершенно невероятный и неожиданный экзистенциально-хозяйственный казус: как раз по-сталински решительно, бесподобно по-сталински же хитро́ и ловко, была сделана сверху, при этом без нещадных ленинско-сталинских репрессий (другое было всё-таки время, да и население было другое, чего-то чудесного сверху ожидавшее, вполне и нерешительное, как бы приворожённое – сказывались сталинско-хрущёвско-брежневские репрессивные уроки), мало что антисталинская, так и вообще антисоцкомпроектная, она же и относительно октября 1917 г. и последующего советского времени самая что ни на есть *контрреволюционная* ***Революция***, да совсем и не простая, а кто бы мог подумать, кроме, пожалуй, некоторых ушлых заокеанцев, *частноприсвоенчески-грабительская*! А кто её сделал? А верховодившие тогда в стране коммунисты, причём вполне или чуть ли не сталинцы происхождением, они же в реальности и псевдокоммунисты, конечно же, вкупе – осознанно или нет – с разными, тогда вроде бы подпольными и вроде бы гонимыми, включая не только пресловутых цеховиков, но и вполне себе идейных диссидентов – этими действительными врагами соцкоммунизма, а вместе с ним и врагами эСэСэСэР!

62

В связи со сталинизмом уместно коснуться вопроса о *диктатуре* – ДИКТАТУРЕ!, вполне, кстати, явлении экзистенциально-хозяйственном, а не просто социально-политическом, мало того, хоть иной раз и ослабленном, почти что и незаметном, чуть ли не вообще отсутствующем, однако, увы, для земночеловеческого существования, особенно цивилизационного, абсолютно (слышите, а-б-с-о-л-ю-т-н-о!) необходимом и непременном. Вот и у сталинизма была *своя*, ловко оправдываемая и фи́гово прикрываемая просталинской пропагандой, диктатура, как раз *сталинская* – жёсткая, непреклонная, беспощадная, железная! То была диктатура вождя, НКВД, партии, номенклатуры, правления, государства, режима, идеологии, ну и, само собой, пропаганды. Сложная то была диктатура, идейно прикрывавшаяся долгое время давно набившим оскомину лживым марксистским тезисом о *диктатуре пролетариата*, якобы необходимой для реализации целей ревсоцкомпроекта с выходом со временем под влиянием диктатуры на коммунизм. Важный то был тезис, но не в смысловом плане, а в функциональном, особенно при осуществлении пролетарской-де революции, ведении вызванной соцкомреволюцией гражданской войны, а также в борьбе с врагами революции и соцпроекта до полного их изничтожения. Да, тезис не оказался лишь ментально-бумажным, а стался вполне реально-функциональным, но не в аспекте пропагандировавшейся марксистами власти пролетариата и его ведущей роли в перестроении социо-хозяйственного бытия, а всего лишь в аспекте тривиального использования заводилами революции и реальными революционными властителями, даже и частично вышедшими из пролетарской среды, этого самого ревпролетариата как орудия исполнения своих проективных устремлений и властных амбиций, включая и ожесточённую внутриревсредовскую борьбу. Что же касается самого реально трудившегося на заводах, фабриках и стройках пролетариата, то он получил в итоге строительства соцкомстроя самую что ни на есть настоящую, вполне себе тогда как раз сталинскую, диктатуру… э-э… *над собой*! Таковы они, гримасы реального бытия-истории!

63

Революция как миропереворотное движение, а не только единичное локально-временно́е событие, родилась в христианизированной Европе, став орудием Ренессанса, Реформации, Протестантизма, Просвещения и Прогресса, как и став сначала собственно Евро-Революцией (предназначавшейся для Европы), а затем, перекинувшись из Европы (Западной Европы) вовне, став не более и не менее, как Мировой Революцией, обожгла бастардное воображение антиросимперских диссидентов в России, захватила их умы и энергию, вошла в российскую элитэкзистенцию, вызволив дуальное противостояние уже не так России с антиРоссией, что для Руси-России не было чем-то поразительно необычным, как и в самом деле поразительное противоборство России и Революции, которое, подогреваемое войнами, ведомыми Россией, достигло своей кульминации аккурат к 1917 г., когда и свершилась *Великая…* нет, не русская, даже и не сугубо российская, а более всего явно *мировая в России… революция*, сначала в февральском евротрадиционном образе – буржуазно-демократическом, а затем в октябрьском новоевропейском – пролетарским-де диктатурным. Сталинизм со своей диктатурой, совсем, правда, и не пролетарской, вышел из Октября, однако, не порывая насовсем с евросоцкомпроектом и используя его смысло-идеологическую марксистскую начинку, отошёл от утопического и разрушительного для России рев*мир*-проекта, заменив его на куда более реалистичный рев*нац*проект, то бишь на рев*рос*проект, построяя, как казалось сталинизму, «социализм в одной стране», а на самом-то деле то ли возвращаясь к российской имперскости в обновлённом посредством ревсоцкомпроекта экзистенциально-государственно-хозяйственный образ, то ли возвращая российскую имперскость, втискивая её в новый экзистенциально-государственно-хозяйственный образ, тут уж всё одно – *сталинизм*!

64

Сталинский смешанного типа ревсоциперпроект сначала подвергла сомнению в крепости и жизнеспособии, а затем, так уж случилось, а в бытии-истории любит случаться самое невероятное и самое, казалось бы, невозможное, буквально выручила новая, как принято её называть – *Вторая мировая война* 1939–1945 гг. (это за XX в. вторая), ставшая для сталинского СССР *Великой*

отечественной войной 1941–1945 гг., по смыслу и исторической значимости перекликавшаяся с Отечественной войной 1812–1814 гг., как, собственно, и с другими оборонно-освободительными войнами, которые приходилось вести Отечеству. Из тяжелейшей и кровопролитнейшей Великой Отечественной войны, ведущейся сталинизмом не без тяжких поражений и следовавших за ними больших людских, территориальных и материально-хозяйственных потерь, а также с неизбежным из-за насильственных ревпреобразований и массовых репрессий, проводимых сталинским режимом в предшествовавшее войне перестроечное время, не просто коллаборационистским антисталинского настроя поведением части населения на оккупированной врагом территории, но и вполне заметным служением оккупантам в борьбе с частями Красной Армии, попавшими в окружение, с подпольным и партизанским просоветским сопротивлением, как и работой на оккупантов на родине и в Европе, будучи частично и насильно мобилизованными или угнанными за рубеж, а также участием в боевых действиях на фронтах ВОВ в составе воевавших против Советов и сталинизма армейских частей, составленных по преимуществу из перешедших на сторону врага военнопленных, остатков эмигрировавшей за рубеж Белой армии, как и антисоветски настроенных добровольцев из числа граждан и эмигрантов, отчего война эта хоть и была в целом отечественной относительно внешнего вражеского нашествия, кстати, вполне себе общеевропейского, а не только германского, как и нашествия империо-колониального, а не всего лишь профашистского и антисоветского (читай, антисталинского), и вот эта-то война имела в себе, как ни горько об этом говорить, мощную внутриотечественную, как раз гражданскую, военную составляющую, немало затруднившую ведение отечественной войны как таковой, что, однако, не помешало сталинизму и лично самому Сталину выйти из войны, сохранив и упрочив страну, *безоговорочным победителем* – ПОБЕДИТЕЛЕМ!, что и обеспечило сталинизму полную в стране и немалую в мире *легитимацию*, как раз и давшую режиму необходимую *преемственную законность*.

65

То была *Великая победа* – ПОБЕДА!, и не только в войне, но и самого режима как собственно режима, так сказать, *режимная победа*, а потому и победа всего, почти всего или мно-

гого из всего, пусть лишь только главного, им – этим режимом – *революционно совершённого*, а именно – появления на карте мира страны нового – *иного* – типа, с новым – *иным* – социо-хозяйственным строем и классовым составом страны – без крупной частной собственности, без феодалов и капиталистов, без частных наследных властей, страны интернациональной, хоть и имперского типа, с новой – *иной* – государственностью и новой – *иной* – культурой, с новым – *иным* – человеком, гражданином, товарищем, походя называвшимся советским, а по сути то *человеком-сталинцем*! То была действительно *Великая Победа* – ПОБЕДА!, не бывавшая в земно-человеческом бытии-истории, как и не могущая быть просто так повторенной, вполне уникальная, в чём-то выполнившая программную установку евророссоцкомдвижения, но более всего, как тогда казалось, исполнившая… ну-у… пусть почти исполнившая или чуть ли не исполнившая, даже и не исполнившая, но хотя бы подошедшая к исполнению многовековой мечты человечества пусть и не о совершенном, но всё-таки *справедливом цивилизационном устройстве общества*, хотя бы одной ногой шагнувшем в новый Золотой век и могшем идти дальше в золотовечном направлении, построяя вполне реальный, как тогда казалось, *коммунизм* – КОММУНИЗМ!

66

Да, из Великой войны сталинизм вышел триумфальным победителем – что в самой войне, что в оккупации части Европы и создании там государств-сателлитов, что в ревсоцкомдвижении в его новой марксистско-ленинско-сталинской версии, что в социо-хозяйственном индустриально-научно-техническом перестроении страны, что в создании нового – *иного* – человека-сталинца, что в пути к светлому будущему – коммунизму. Факт (или факты)! Тут надо непременно учесть три судьбоносных обстоятельства: два важных, а одно – важнейшее. Первое из важных: решительный переход от НЭП-а с его частно-капиталистической инициативой к государственному плановому хозяйству со вспомогательной ролью эконом-финансовых механизмов и институций на основе приоритета общественной (государственной, коллективной) собственности на средства производства, включая и сельское хозяйство, подвергнутое раскрестьяниванию, коллективизации (с раскулачиванием), укрупнению хозяйств с созданием колхозов и совхозов

и их индустриализацией; второе из важных обстоятельств, но уже внешнего характера: эффективное использование, хоть и обошедшееся стране очень дорого в прямом эконом-финансовом (золотом) смысле, зарубежного (как раз капиталистического) научно-техно-индустриального потенциала и экспертно-профессионального опыта посредством строительства в СССР с участием либерально-буржуазного Запада промышленных предприятий, инфраструктурных объектов, открытия научно-исследовательских институтов, совершенствования профессионального, в особенности инженерного, образования, подготовки специалистов за рубежом (что было, то было, что как раз и обеспечило вкупе с директивным планированием и мобилизацией трудо-творческого потенциала страны её пробежку за 10 лет целого технологического столетия); третье обстоятельство – важнейшее: разворот сталинизма мало что от мифологемы «мировой революции» к актуальным реалиям *своей* страны, её всестороннего развития, так ещё и разворот в рамках европейского по происхождению проекта нового цивилизационного устройства, тоже немало мифотворного, к историческим реалиям *родной* страны, её традиционным ценностям, институциям, механизмам бытия, её экзистенциально-хозяйственному опыту, разумеется, не феодальному и не прямо капиталистическому, а вот к российско-имперскому – точно!, как и к российской, пусть и европеизированной, культуре – Ломоносова, Пушкина, Чернышевского, Л. Толстого!

67

С учётом упомянутых выше обстоятельств становится куда как яснее феномен сталинского цивилизационно-культурного, войно-победного и гражданско-человеческого *чуда* – ЧУДА!, правда, дорого, очень дорого оплаченного – масштабной страдой, немалым страданием, большой кровью! Да, достижения были фантастическими: за короткий срок усилиями фактически одного, да и то не полного по срока*м,* хорошо, правда, отмобилизованного режимом, поколения, ведомого вождистской властью, массовой партией, госаппаратом под бдительным и беспощадной опекой контрольно-репрессивных органов, сквозь не затухавший огонь неумолимо продолжавшейся гражданской войны с внутриэлитными разборками и массовыми репрессиями, через посредство ожесточённой, многолетней и кровопролитной войны

не на жизнь, а на смерть, в сложнейшей международной, вовсе и не сильно лояльной к первому ревсоцкомгосударству, обстановке, и на тебе – новая – *иная* – великодержавная цивилизация, весьма и всесторонне развитая, с передовой индустрией, высокой наукой, блестящим образованием, содержательной гуманистической культурой, классическим (от эпохи Модерна) искусством, ещё и впервые в бытии-истории всесторонне социализированная – трудо-творческая, товарищеская, с доступным массовым образованием всех уровней, с бесплатным эффективным здравоохранением, с бесплатно предоставляемом, пусть тогда и стеснённым, жильём, с подавленной преступностью и коррупцией, в целом безопасная, с сильной армией, а главное – устремлённая в светлое, как тогда казалось, будущее!

68

Необыкновенный тут бытийно-исторический феномен: возникла цивилизация равноправных, хоть и личностно разных, людей, именно *людей* – ЛЮДЕЙ!, связанных не только общей гражданственностью, но и единой советской, вполне и моральной, идеологией, пусть немало мифотворной и утопической, однако казавшейся вполне реалистической, но также и ведомых единой, массовой, вездесущей, действенной, пусть и заметно авторитарной, но при этом и весьма демократической, элитно-народной организационной силой – *Коммунистической партией* (ВКП(б), потом КПСС), отчего это была и в самом деле *цивилизация людей ради людей*, к тому же шаг за шагом изживавшая характерные для человечества, любой цивилизации и самого сталинизма пороки, можно сказать, что и *квазихристианская* – не более и не менее, только без масштабного присутствия в жизни общества церкви и прямого влияния на эту жизнь религии, формально даже атеистическая. Всякое ведь в земно-человеческом бытии бывает, всякое мало что смешанное, но и вполне себе парадоксальное, впрочем, как и с какого ракурса на всё происходящее в реалиях смотреть!

69

Да, то не была в прямом смысле и по действовавшей форме собственно христианская цивилизация, а, скорее, то был некий её светский аналог, причём несмотря на открыто ею провозглашаемые воинствующий атеизм и, соответственно, антихристианство.

Если того же В.И. Ленина, хотя и, по-видимому, крещённого по православному обряду, достаточно легко посчитать за антихриста, то со И.В. Сталиным, а точнее с И. Джугашвили, дело обстоит посложнее – он был не только крещён по православному обряду, но и учащимся духовной, как раз православной, семинарии, и, несмотря на свой официальный атеизм и антихристианизм, знал толк, как, впрочем, и Ленин, пусть и по-своему, в церковно-религийных вопросах, остановив, в отличие от Ленина, гонения на церковь и преследование священников, восстановив патриаршество, предоставив советским гражданам полную свободу в вопросе вероисповедания и дав возможность открыто посещать церкви и отправлять религийные обряды. Есть резон обратить внимание на зеркальное сходство структурных элементов христианского и коммунистического культов: вместо Библии у коммунистов труды классиков во главе с «Капиталом» К. Маркса; вместо Христа – тот же Ленин (хоть по сути он и антихрист); Голгофы – Горки Ленинские; Храма Христа Спасителя – мавзолей Ленина; христовых апостолов – сподвижники того же Ленина; христианских пророков – классики марксизма-ленинизма; святых – герои хотя бы из Кремлёвского мемориала, включая и самого товарища Сталина; вместо Евангелия – «История ВКП(б), КПСС»; церкви – единая и одна единственная политическая партия, аккурат коммунистическая; священства – аппарат партии; синода – ЦК ВКП(б), КПСС; патриархии – Политбюро; патриарха – вождь. Ничего не поделать: Бытие-История любит в идейно-смысловом плане выворачиваться и перевыворачиваться, выставляя наружу и выталкивая вперёд то одно, то другое, причём и различного рода зеркальные, перекликающиеся между собой, как и конспиративно друг друга обогащающие и замещающие, аналоги, внешне иной раз друг другу и противные, даже и враждебные, а ежели тут учесть ещё и тайные, те же масонские, эзотерические и оккультные общества, их учения и идеологии, то идейно-концептуальная картина окажется ещё более сложной и запутанной, никак запросто и не распутываемой. Игра тут есть большая, сложная и весьма лукавая, а уж для неподготовленных мозгов и нетренированного воображения попросту и *запредельная*!

70

Итак, новая – *иная* – цивилизация … нет, не рабоче-крестьянская и вообще, так сказать, не работническая, хоть и трудо-творческая, товарищеская, гражданская, но и не номенклатурная, хоть и этатократическая и партократическая (партия – не так номенклатура, как прежде всего людская масса, конечно же, отборная, иерархически, как та же церковь, те же масонские общества или та же армия, построенная, организуемая и ведомая, однако с той разницей, что в партии все члены партии номинально равны – от вождя, директора предприятия, академика и командира до партийного функционера, инженера, научного сотрудника, работника и солдата, хоть функционально равными и не были, однако парткомы – не дирекции, в парткомах всё-таки демократия и любых членов партии равноправное представительство; умное и ловкое это изобретение – *партия,* эта массовая политорганизация со смешанным из гражданских иерархий составом и принципом «демократического централизма», сочетающим демократию с единоначалием и исполнительской дисциплиной, очень умная и ловкая – единая и вездесущая). Да, это была этато-партократическая, дополнявшаяся идеократией и надзороохранократией, квазиармейская цивилизация, однако не тотальная в своих кратических параметрах, имевшая и свои свободно-демократические лакуны – личные, семейные, коллективные, национальные, религийные, локальные, творческие, досуговые, природопользовательские, даже и экономические, предпринимательские, вообще деловые. Сталинская цивилизация если и тянула на образ отлаженного, вроде часового, механизма, но механистической она всё-таки не была, она была вполне себе *людской*, пусть и весьма жёстко, где надо, организованной, как и, безусловно, круто мобилизационной, способной к спорому сосредоточению сил и, если надо, к мощному экзистенциально-хозяйственному, включая и научно-технический, и военный, и космический, рывку, что и было ею вполне показательно на всех, а не только войновском, фронтах убедительно доказано – *победами*!

71

Победная, так сказать, викториальная, цивилизация – факт! И победное, так сказать, викториальное, поколение – тоже факт! И победные, так сказать, викториальные, люди – тоже факт!

Лю-ю-ди-и! Новые люди – *сталинцы*, *сталинские соколы*, немалой частью и *сталинисты*: от бедовых революционеров, блестящих идеологов, эффективных разведчиков, могучих управленцев, выдающихся военоначальников и потрясающих творцов до добросовестных работников, классных специалистов, стойких воинов, мудрых учителей, лояльных церковников, пытливых учеников и верных режиму репрессионеров. Цивилизации просто так, согласно чьему либо воображению, даже Господнему, не возникают, они мучительно вырастают из бытийного пекла, хоть и по людским замыслам и под действием людей, но при этом и сами, по уже *своему* замыслу, следуя вольно или невольно и непременным для себя опорным алгоритмам: верхи, низы, середина; владетели, властители, работники; иерархия, управление, дисциплина; закон, запреты, контроль; суд, приговор, пенитенциария; гражданство, оборона, армия; тайные общества, диссидентство, революционеры; коррупция, уголовщина, преступность. И никуда от этого всего или уж почти всего ни одной цивилизации не деться, и лишь акценты с итоговыми реалиями могут быть разными, отчего и характер цивилизаций может быть разным, как и её – цивилизации – жизнеотправление, а соответственно, и её – цивилизации – жизнестойкость вкупе с исторической значимостью тоже.

72

Сталинская цивилизация оказалась и новой, и оригинальной, и традицийной, и прогрессной, и победной, и исторически значимой, но, как показала волнительная историческая реальность, причём совсем в данном случае и не долгая, а так, почти что и мгновенная в большом историческом измерении, сия новая – *иная* – цивилизация оказалась при этом не то чтобы не жизнестойкой, а попросту не слишком подходящей для мирного жизнелюбивого времени, что в общем-то понятно, ну и, само собой, для своих заведомых, заклятых и неисправимых противников, что внутренних скрытых, придавленных в свое время сталинизмом, но навсегда не исчезнувших, что внешних, вполне уже и открытых, как раз из иных весей, из тех самых, из противоположных по характеру и противоположенных функционально-стратегически, настойчиво враждебных сталинизму, цивилизаций, тех же западных. Так или иначе, но сталинская победная цивилизация не избавилась вполне ни от внутренней гражданской распри,

ни от внешней империо-колониальной против себя войны. Однако главной бедой, вполне и «ахиллесовой», сталинской цивилизации, опиравшейся на взращенного ею нового человека, её сторонника и реализатора, была, что вовсе не так уж странно, её неприемлемость и ненужность не так для своих внутренних и внешних врагов, как для *вообще-человека,* вовсе не стремившегося принять на себя сталинский образчик homo sapiens: служилого, социального, гражданского, бескорыстного, нестяжательского, трудо-творческого, самоотверженного. Нет, цивилизованному «человече» всегда был ближе и остаётся таковым *иной*, прямо противоположный вышеуказанному сталинскому, личностный образ: эгоистичного, самовольного, стяжательского, корыстного, немало и лживого, а нередко и попросту подлого, «человече», а он-то, этот «человече», и постарался превзойти сталинского нового человека, его постепенно, украдкой, лживо и подло отстраняя, замещая собою и беря экзистенциально-хозяйственную инициативу на себя, да и сам новый человек, подчиняясь закону старения и смерти всё более отходил от дел, оставляя своё уникальное экзистенциально-хозяйственное историческое поприще, как и сам этот мир.

73

И случился со сталинской цивилизацией прямо-таки вселенский по значению и размаху *казус*, он же и *конфуз*: продержавшись после ухода Сталина всё более источиваемой либо украдкой вполне осознанно через посредство той же враждебной части всё более прогнивавшего нутра, либо неосознанно по недоумию и безволию властей предержащих какую-нибудь четверть века и впав в болезненный системный кризис, после-*Сталин*-ская цивилизация, по-глупому, а то и по-умному, но коварно, втащенная в ненужную ей войну в Афганистане, изъеденная антисталинской псевдолюдской молью, ослабленная, растерянная и преданная своим же правлением, рухнула в одночасье, да ладно бы ради перехода-перескока к другой, лучшей-де, цивилизации, а то ведь свалившись в лоно прямо себе противоположной, себе враждебной, как раз ею и недобитой, да ладно бы буржуазно-капиталистической с феодальным азиатским замесом цивилизации, а то ведь и не цивилизации вовсе, а всего лишь уродливой, уголовной, грабительской, зависимой от внешнего врага – Запада во главе с США, в лучшем случае *псевдо*-, а в худшем, более и реальном, попросту

анти-цивилизации со свойственными неоформленным маргиналам – выкидышам и подкидышам – произволом, беззаконием, грабежом, безудержным частным присвоением, ложью, бандитством, смертоносностью. Чем же тут был не *казус* – КАЗУС!, чем не *конфуз* – КОНФУЗ!, ещё и вселенского звона и значения, а-а?!

74

Да, сталинская цивилизация *как есть*, то бишь *какой* она возникла при Сталине – жёсткая, мобилизационная, армейская, бескомпромиссная, репрессивная, не могла долее существовать без весьма существенного в сторону либерального преобразования, если не *преображения* – ПРЕОБРАЖЕНИЯ!, но ничего *такого*, как известно, несмотря на кое-какие попытки, если не потуги, её трансформации, не произошло. На столь великое перестроечное деяние не нашлось ни достойного ума, ни потребной решимости, ни достаточной энергии, ну и, конечно, остросюжетной смелости, а то и знаете ли, революционной наглости, а всё почему?, – да как раз из-за прежде всего самого же сталинизма, точнее бы сказать – *Сталин*-изма, а уж потом из-за вообще человеческой гадливой природы. Экзистенциально-хозяйственное, оно же и морально-аморальное, *насилие*, осуществлённое сталинизмом, выдавило из бытия-истории уникальную экспериментальную цивилизацию, обеспечило решение просто так не разрешимых остроактуальных задач спасительного разряда, увенчалось рядом невозможных в обыденном ключе побед, преобразовало, защитило и выставило на мировую арену мощную, всесторонне развитую, амбициозную имперскую державу, но оно, это самое *насилие*, настолько сковало, если не оскопило, самих же адептов уникальной цивилизации, как раз и прозывавшихся тогда историей стать акторами глубоких и масштабных *системных перемен*, да вот конкретно *каких*?.. о-о!.. страшно сказать, ладно бы лишь направленных против экстраординарного, жёсткого, беспощадного, массового, репрессивного, кровососного, а то ведь… э-э… и против самой же системы, как никак, но ревсоцкомсистемы, как раз и требовавшей постоянного, встроенного в саму систему… *насилия*, да не просто над врагами системы и чуждыми ей тенденциями в экзистенциально-хозяйственной практике, а прямо-таки *жертвоприношенческого насилия*, отчего перемены в системе должны были нести в себе и весьма мощный… *антисистемный* заряд, что также требова-

ло… *насилия*, ибо сама система не отличалась ни чувствительной к переменам, ни, тем более, к их возделыванию, отчего и явилась (страх перед безудержным институциональным насилием не мог не обернуться экзистенциальным страхом от самой возможности продолжения такого насилия) не разрешимая без *волевого, почти что и контреволюционного, насилия* дилемма: либо *система как есть* в своих основах, пусть частично и либерализованная, либо её – системы – попросту не будет!

75

И что же? Выбор не мог не быть сделан в пользу, пусть и лихо, неумно и неизящно тогда осуждённой, *Сталин*-ской системы (с упором на самого Сталина как главного её мало что создателя, но и виновника), разумеется, либерализированной по-системному же, то бишь по-сталински же, скорее, по-псевдосталински, и пошёл растянувшийся на десятилетия *системный кризис системы*, а робкие и непоследовательные (почти что при этом и ненасильственные) попытки избавиться от него, этого заклятого кризиса, приводили лишь к его – этого ненавистного для одних и желанного для других кризиса – консервации, приближая тем самым под ударами врагов системы и контрударами её бесплодных на решительные переменные действия адептов самую что ни на есть *агонию системы*, а в конце концов и её давно уже так или иначе напрашивавшийся *конец* – КОНЕЦ! Система, что ни говори, нуждалась в *перестройке* – ПЕРЕСТРОЙКЕ!, уже или ещё при жизни её неоднозначного, да вот, как ни крути, великого, архитектора-вождя, не убоявшегося стать «исчадием ада» и бросившего на алтарь системы своё имя, свою жизнь, свою послесмертную в глазах поколений будущность, явно понимавшего тогда необходимость системных перемен, но уже не имевшего ни сил, ни времени, ни задора для нового нечеловечески трудного переменного рывка, как и сознававшего при приближении своей неминуемой физической смерти, что наследники (точнее, некалиброванные «наследнички») не только не справятся с этой гигантской задачей, но и подведут столь затратно и по-своему любовно им созданное под неминуемую погибель, мало того, испоганят и его самого, постаравшись свалить на него всю вину не за одни только репрессии, но и за весь им выпестанный в страстном огне строй, за не так-де проведённую войну, даже и за саму тоже не так-де достигнутую,

великую победу, мало того, они ещё и вступят в «творческий» контакт с системными противниками его системы, которых внутри страны он попридавил, но которые, приглушив мировое ревсоцкомдвижение, весьма (и всё ещё!) вовсю процветали за границей, за Ла-Маншем, за океаном, но и это не всё – им-то «наследнички» и сдадут *его* систему! И что интересно, глядя на роковые завихрения беспокойной истории: в ходе и после неоднократных попыток частично подделать (в хрущёвский период) и чуть ли не переделать (косыгинская реформа) на либеральный лад сталинскую систему, не меняя несущих её оснований, что было, может, и правильно, но для «наследничков» слишком боязно и не под их силу, а уж для боровшихся со сталинской системой, уже и стремительно дряхлевшей, её противников сталось-таки время принять сторону вольготно тогда процветавшего Запада, вовсе уже для «homo soveticus» не такого уж, как прежде, ненавистного, наоборот, всё более привлекательного, и он – Запад — активно заработал на дискредитацию, на ослабление и ликвидацию альтернативно-враждебной ему системы, ударяя потребительски и идейно-пропагандистски по её уязвимым – «ахиллесовым» – точкам, как и стимулируя раскрученную в ходе «холодной войны» гонку вооружений, становившуюся для СССР всё более затратной и разорительной, что и сказалось отрицательно на материально-духовном состоянии советских граждан, усиливая их антипатию к остаточному сталинизму и повышая импатию к успешному-де Западу. Пришло время и лишь ранее предполагавшейся, робко затевавшейся, но не доводимой до конца, а теперь вдруг официально провозглашённой и реально де исполнявшейся уже собственно либерально-антисталинской *перестройки* – ПЕРЕСТРОЙКИ!, начатой сверху как внутри-СССР-овское партийно-государственное деяние и так или иначе поддержанной с разными, конечно, ожиданиями и надеждами изрядно подуставшим от остаточного сталинизма и его затянувшегося кризиса весьма уже деревсоцкомсоветизированным населением страны.

76

Пришёл и роковой момент предательской отмены остаточной сталинской цивилизации и её сдачи коренному противнику – Западу, что случилось по пораженческим итогам как «холодной войны» с Западом, уже конспиративно переходившей в «тёплую

дружбу», так и двусмысленно и неоднозначно проводившейся тогдашними о-очень амбициозными верхами то ли перестройки, то ли, наоборот, расстройки, если уж на тот момент не сталинского, то пусть хотя бы условно соцсоветского, строя. Да, то был *великий исторический казус*, он же и *великий исторический конфуз*, бац!, и нету – ни СССР, ни сталинской цивилизации, ни мировой межгосударственной соцсистемы, ни мирового ревсоцкомдвижения! А что же взамен? А взамен мало что распад, разорение и приватизационный расхват великой сталинской страны, мало что поспешное сооружение в её окоёмах ненавистного Сталину капитализма, так ещё и скоростная вестернизация всего бытия с едва скрываемой добровольной колонизацией страны. Это ли не *великий трагедийный казус*, это ли не *великий комедийный конфуз*! Оставалось только горько рассмеяться: какая операция, какая многоходовка, какая *не наша,* вовсе и не боевая, хоть и не очень-то мирная и не такая уж бескровная, над угасшим сталинизмом и ловко обманутым населением высококлассная сатанинского разлива *победа* – ПОБЕДА! Да-а, Великая Неизвестность, эта сестрица Вечности, всегда в бытийном наличии, конспиративно маяча впереди бытия-истории, прячась в текущей бытийно-исторической реальности, мелькая позади неё, а Иное, этот братец Времени, вовсю работает, ничего при этом не говоря, но вовсю понуждая к переменам, ежели не к *таким*, так к *этаким,* – тут уж кто из исторических акторов окажется удачливее, умнее, сильнее, хитрее, проворнее, лживее, наконец, тот и у Иного в приоритете, а вот у Господа Бога, надо полагать, всё как-то *иначе*: смотрит, наблюдает, не препятствует, делает выводы, решает. «А Сталина, может, Бог и простит», – заявила как-то московская православная пророчица блаженная Матрона, с которой Сталин, как говорят, даже встречался. Кто знает, кто знает, может так оно и было, так вот оно и станется, а Я – *философия хозяйства* – ограничусь в данном случае ментальным погружением в текущую и меняющуюся не столько, на мой взгляд, по субъективным желаниям и интенциям, сколько по своему трансцендентному произволу экзистенциально-хозяйственную реальность, сохраняя вкусовой нейтралитет и отдавая должное что тяжкой сталинской доли бескорыстного Преобразователя и Победителя, что легковесной удаче небескорыстных антисталинских псевдо-реформаторов – предателей, разрушителей и компрадоров.

77

Что ж, удивительные метаморфозы и горькие уроки преподносят своевольное Бытие и непреклонная История, за которыми ведь стоит невозмутимая Великая Неизвестность и маячит неукротимое Иное, ну и, само собой, над которыми в Небесах царит Сам Господь Бог со своей человеком почитаемой, но запросто им и до конца никак не прочитываемой, Софией. Розное человеку удаётся и не удаётся, достаётся и не достаётся, выпадает и не выпадает, и за всё человеку приходится платить, а уж за вроде бы самое что ни на есть богоугодное – *в особенности*! Чем же случается платить, помимо мятежной, порочной и драматической жизни и натужной, досадной и мучительной смерти, разве лишь ещё полным разочарованием и не менее полным от людей отвержением, однако и очарованностью, подсунутой самим дьяволом, как и им же вдруг подкинутым благополучием. О-о, всюду жертвы, жертвы и жертвы, и всё равно какие, да и от чего: ума или безумства, успеха иль провала, выигрыша иль проигрыша; взлёта иль падения, славы иль забвения; добродетели иль злодеяния; веры иль сомнения; подвига иль прозябания; решимости иль бездействия; смелости иль трусости, мало ли ещё от чего… э-э… тут всё равно и всё одно, – так уж устроен этот странный счастливо-несчастливый земно-космический мир, которому человек свой и не свой, адекватный и не адекватный, дружественный и враждебный, а главное – вовсе не всегда он и в мире сем человек, а может даже, и *никогда*! Да, жертвуют и платят все – люди, семьи, роды, племена, сообщества, народы, нации, государства, цивилизации, армии, церкви, ну и элиты, лидеры, вожди, и никто от сего бремени, а может, и награды, не свободен, как ни уверяй себя в обратном, ибо мир сей не только не райский, а вполне себе адовский, хоть и не без раеподобных локальных, временных и непременно излётных исключений, но он ещё и полон неизвестности, неопределённости, внезапности, да-а, полон, если всем *этим* не полонён, мало того, мир сей в основе *сам-себе-мир*, отчего самонадеян, похотлив, самоуправен, даже и авторитарен, капризен, непредсказуем, можно предположить, что и, при всей его зависимости от воли Господа Бога Творца и при всей вложенной в него божественной мудрости, мир сей не управляем вполне и вполне не предсказуемом и Свыше!

78

Отсюда и сплошная, пусть и не без прогалин из покоя, союзов и сцепок, *борьба* – БОРЬБА! – мира с человеком, а человека с миром, ну и человека с человеком, а также человека и мира *с самими собою*, что как раз и есть самое таинственное, жуткое и привораживающее, а выручить ото всего *этого* при всём *этом* может не так в целом бесперспективная в этом отношении функциональная победа чего-либо или кого-либо над чем-либо или кем-либо, хоть этим приходится вынужденно и не без увлечённости заниматься что человеку, что человечеству, что самому земно-космическому миру, чая, достигая и не достигая побед и сопутствующих им нечаянных поражений, так вот выручить тут может лишь *мудрость человеческая*, восходящая к *мудрости божественной – к СОФИИ!,* либо спасительно-утешительная вероисповедальная, либо же стоически… нет, не ошарашивающая, а… призывная, уж простите меня – скромную *философию хозяйства*, но при этом и философию человека как человека, этого земно-космического феномена, и философию бытия, жизни, экзистенции, самого земно-космического мира, даже и философию самой философии, так вот выручить может тут стоически призывная *мудрость мудрости*, она же *софиасофия* – СОФИАСОФИЯ! Я – *философия хозяйства,* согласно общепринятой идентификации, а на самом-то деле Я – *софиасофия хозяйства*, да ладно бы хозяйства как такового, а то ведь всего, или почти всего, или же самого из всего главного, так вот Я – философия *хозяйства* по общепринятой квалификации – знаю, о чём говорю, но не так потому, что явилась в страшное по своей экзистенциально-хозяйственной, а точнее – *контр*-экзистенциальной и *противо*-хозяйственной, бытийно-исторической, а точнее – *не*-бытийной и *вне*-исторической, «заявы» на судьбу мирочеловеческую уже и немало в *пост*-человеческое, *пост*-историческое и даже *пост*-бытийное время конца XIX, всего XX и начала XXI в., а потому, что Я – *философия хозяйства* – всегдашняя принадлежность, постоянная свидетельница и непременная участница извечного человеческого жизнеотправления, так вот просто и по-реестровому научно долгое время не называвшаяся, а всегда бывшая в реалиях анонимным атрибутом действующего человеческого сознания, даже его аналогом, если, снова прошу прощения, не им самим – этим сознанием, при этом и немало превышая его, далеко, не исключая и сакрала, выходя за его –

сознания – пределы, то бишь всегда бывшая неким *экстра*-сознанием. Нет, не для самоудовлетворения и собственной славы говорю Я *это*, а лишь «токмо истины для», а уж от поиска истины, пусть вполне и до конца человеком не уловимой, а то и ложной, думающему и оттого страдающему и негодующему человеку всё равно ведь деться некуда!

79

Сталинизм тоже имел, как в своё время марксизм, три генетических источника: 1) во-первых, *евромировое ревсоцкомдвижение* с марксизмом в идейной сердцевине и российской по страновой принадлежности *соцкомреволюции* вкупе с внутрироссиской *гражданской войной*, дополненной иностранной, в основном европейской, но и японской тоже, интервенцией в российские окоёмы, а также продолжавшейся не одно десятилетие внутри росревкомдвижения задорной, ожесточённой и беспощадной идейно-политической распрей – наследницы революции и продолжательницы гражданской войны (идейно-идеологически сталинизм оказался в основе верен этому немало надуманному, но практически всё-таки приемлемому для него источнику, но ровно настолько, насколько он устраивал сталинизм, будучи им переведённым сначала на национальную платформу, а затем, уже по итогам Великой войны, на созданную имперским сталинизмом и им ведомую международную – *мирсоцсистемную*, для чего сталинизму пришлось немало скорректировать классический марксизм, включая и ленинизм, а с точки зрения верных сторонников исходного марксизма и вторичного ему ленинизма не более, чем исказить, изувечить, изуродовать изначально де верное, кстати, вполне себе глобалистское, учение); 2) во-вторых, *Россия как Россия*, конечно же, на глубоком метафизическом уровне, не слишком, быть может, для сталинцев и самого Сталина адекватный для их дела идейно-концептуальный источник, ибо Сталин со товарищи строили всё-таки не Россию как Россию, а нахлобученный на Россию исходно антироссийский СССР, однако в новом конкретно-историческом образе всё-таки сыгравший, не оказавшись в туне Российской империи, совсем не мизерную роль для сталинизма, возродившего в лице СССР многое из Российской империи в аспекте прежде всего имперской организации государства, социума, армии, а также нашедшем опору в культурном наследии

империи – как раз классическом, немало и европеизированном, в той же системе образования – тоже классической и тоже европеизированной, в столь же европеизированных отечественных науке и технотроннике, даже и в возрождённой в традиции Российской империи православной церкви и иных религиозных конфессий; 3) в-третьих, ставшая практическим мейстримом в ведущих индустриально-капиталистических державах *национальная и националистическая консолидация* на имперских, по преимуществу авторитарных, диктатурных, армейского образца началах, в антиревсоцкомдвиженческом (и впридачу анти-СССР-овском) ключе и с неоколониальным (прямо или косвенно захватническим, включая и традиционный для имперской Европы поход на восток, а для восставшей из средневековья имперской Японии, наоборот, поход на запад, в том и другом случае, на Россию) целеполаганием, отчего и масштабная, всесторонняя и ускоренная *научно-техническая милитаризация,* стимулируемая войновской атмосферой XX в., чреватой новой вспышкой межимпериальной войны за колониальный передел мира и имперское над ним господство.

80

Три отмеченных выше физио-метафизических, смыслофункциональных, информационно-концептуальных и формовочно-генезисных очага-кита и обеспечили конструктивную *предопределённость* сталинского социо-политического режима – этатического, авторитарного, диктатного, армейского образца, партократического, идеократического, репрессивного, жёсткого, но по-своему и эффективного, пусть и на краткий срок, и характер соответствовавший ему *новой оригинально-традиционной, как раз сталинской, цивилизации* с её приоритетом общественной – государственной и коллективной – собственности и планово-директивного из центра хозяйствования, включая и экономическую (товарно-денежную, банковско-финансовую) составляющую, опекаемых, поощряемых и контролируемых партией и государством неоклассической культуры, неоклассического образования, неопросвещенческого научно-технического прогресса, а также развитой системы государственной безопасности с сильной армией в основе и вездесущими надзорно-карательными спецслужбами, что не исключало наличия адекватных сей цивилизации

гражданско-правовой и народно-судебной систем. Три родительских очага-кита, явившихся хоть и не без субъектно-субъективных интенций, но в целом и в главном под давлением острой, задиристой, разбитной, опасной, всесторонне ри́сковой кризисно-предмирокатастрофной реальности, предопределили не только возникновение новой экзистент-феноменальности, но и её фантастическую потенциально-кинетическую мощь, деятельную инициативность, пробивную силу и конструктивную способность, что и позволило, несмотря на немалые ошибки, просчёты, перезатраты, неудачи, потери, провалы и поражения, выполнить стоявшие перед обновлённой страной задачи и добиться ряд решающих, вполне и великих по своей феноменально-исторической значимости побед, включая победу в Великой войне и победительный прорыв в космос. Удалось даже взрастить в среде новых поколений особого по экзистенциально-гражданского образу человека – советского, коммунистического, социабельного, народного, интернационального по духу, товарищеского, соборного, коммуникабельного, открытого, некорыстного, трудо-творческого, патриотического, боевитого, жертвенного, героического. Да-да, удалось, о чём авторитетно, положа руку на своё виртуальное сердце, Я – философия хозяйства – и заявляю, как и заявляю что случилось *это* впервые в цивилизационной истории, пусть и не со всей массой населения, но в очень немалом людском числе, тогда и решающем, пусть и на краткое в историческом масштабе время, но до сих пор, вовсе уже пор не советских и не сталинских, не исчезающего, даже, пусть лишь контурно, абрисно, дискретно, но всё-таки каким-то чудом воспроизводящегося.

81

Однако сжатая в могучий экзитент-кулак сталинская социохозяйственная «красная машина» имела и свою предательскую слабость, восходящую как раз к её идейно-функциональной мощи: она сама не могла в долгую выдерживать, как штангист, вырвавший тяжеленную штангу и с трудом держащий её на вытянутых дрожащих руках, собственное внутри себя напряжение и должна была волей-неволей так или иначе расслабиться с необходимой потребностью и проблематичным шансом стать другой – более гибкой, игровой, импровизационной, то бишь и более внутри себя свободной, разнообразной, диссипативной, менее централизован-

ной, императивной, директивной, соответственно, и менее авторитарной, диктатурной, армейской, а коли повезёт, то и вообще другой – не столь одноцветной и машинной, то бишь совсем уже *иной*, пожалуй что, может, в приоритете и соцкомовской, но уже не- или хотя бы почти не-сталинской. Сталинизм сам себя и приговорил, сначала к кризису с потугами выйти из него на путях либерализации, лишь приведшей вместо туго сжатого кулака к открытой ладони с растопыренными пальцами, что и облегчило, несмотря на репрессивное, пусть весьма и нерешительное, сопротивление остаточного после-Сталин-изма, неявную и явную работу внутренних противников и внешних врагов сталинизма по его разъеданию, ослаблению и разрушению, что и увенчалось хоть и вероятным, но всё равно внезапным что для остаточных адептов сталинизма, что для его противников и врагов, краха сталинского социо-хозяйственного цивилизационного детища. Тогда-то и случился казусного порядка и конфузной красы бытийно-исторический *кульбит* – КУЛЬБИТ! – из разбавленного нечистотами и уже дурно пахнувшего, но всё ещё сохранявшего приличествующий цивилизации, пусть уже и цивилизации немало квазисовсоцкоммунистической и заметно псевдороссийской, послесталинского экзистент-корыта через посредство немыслимо безумного сальто-мортале прямиком в грязную, зловонную и омерзительную антицивилизационную, не говоря об антироссийскости, псевдозападного образца экзистент-лохань – не более и не менее! – любезно подсунутую неистребимым и тогда победоносно заторжествовавшим мировым сатанизмом, но вовсе, однако, не для того, чтобы утонуть в ней вполне заслуженно, а, нахлебавшись помоечного дрянца, вдруг незаслуженно выплыть, но уже антисталинским, что касалось всего соцкомнародно-соборного, и, конечно же, имперского, не говоря о российском, ну и вполне себе как бы и сталинским, что касалось насилия, диктата, принуждения, беспощадья, внезапно внедрённым в отечественную жизнь призрачным, колониально-коллаборацио-компрадорско-уголовным квази-псевдо-анти-строем, а точнее – поразительно наглым и отвратительно ради частной корысти эффективным *нестроением* – НЕСТРОЕНИЕМ!

82

О-о, какая же тут случилась злая ирония со стороны неукротимого человеком Бытия-Истории, влекомого вперёд безликой, безразличной и прозрачной Неизвестностью и толкаемого туда же не менее безликим, но вовсе не безразличным и полным предвзятой настойчивости Иным, тем самым Бытием-Историей, ведущим свою Большую Игру – *экзистент-вито-мортидо-игру* – в лоне которого человек-субъект (индивид, семья, коллектив, община, племя, народ, нация, государство, цивилизация) вроде бы *актор*, чуть ли не сценарист и режиссёр, хоть и не без этого, но более всего… *актёр*, исполняющий не свои, а как раз Бытия-Истории, сценарии и не со своей, а его – Бытия-Истории – режиссурой, кстати, не сценарии и режиссура в обычном человеческом понимании, а *самоигровые самосценарии* и такая же *саморежиссура*, а ежели и имеющие предварительные для себя аттракционные замыслы, то либо от Господа Бога Творца, либо уж от господина и товарища хорошего диавола. Да, Большая Игра Бытия-Истории *с самим собою* по самоценариям и под саморежиссурой, то бишь Большая Само-Игра, в которой человек всего лишь актёр, да и то не главный, а главными в этой грандиозной *игре-спектакле* действующими… нет, не лицами вовсе в привычном театрокиношном понимании, а… самыми что ни на есть *не*-лицами, каковыми являются едва человеком определяемые, хоть им и как-то условно называемые, именуемые, квалифицируемые, не без успеха и различаемые, сгустки потаённой экзистент-вито-мортидо-энергии и не выраженные вполне и точно силовые виртуальные агрегаты, они же аккурат и важные на сей размыслительный момент для меня – *российской философии хозяйства* – феномены-призраки, они же игровые фигуры-карты-фишки-кости, как, уж простите за метафизическую несдержанность, *Россия, империя, война, революция, цивилизация, сталинизм, те же Европа и Запад*, ну и некоторые из действующих смысло-функциональных антиподов-антагонистов, таких, как *анти*-Россия, *анти*империя, *анти*революция, *анти*цивилизация, *анти*сталинизм, и простых противоположностей, таких, как неРоссия, *не*Европа, *не*Запад. Вооружившись ментально-вообразительно вышеперечисленными идео-понятийными орудиями-инструментами, Я – *философия хозяйства* – попробую вторгнуться в бытийно-историческую – процессно-событийно-феноменальную – экзистент-вито-мортидную игровую вязь – тёмную, таёжную, вязкую, запутанную, злую, об-

витую страдой человеческой, обмазанную людским страданием и омытую винно-невинной кровью, тоже ведь людской. Страшно, жутко, пыточно, а… *надо*!

83

Выворачиваясь и переворачиваясь, корчась в сотворенческих с выбыванием как действовавших, так и бездействовавших, тут уж всё одно, лиц и нелиц, Бытие-История вяжет свою процессно-событийно-феноменальную экзистент-вито-мортидную вязь, не останавливаясь ни перед чем, упорно продвигаясь вперёд, ставя так или иначе, в той или иной степени, в том или ином обоснованно-необоснованном виде мнимо-иллюзорно-утопические, но при этом и кажимо-реалистичные цели, добиваясь не так поставленных, как в лучшем случае приближённых к ним, а то и вообще других, нередко и противоположных, целей. Тут, знаете ли, не так более или менее моделируемая диалектика, как либо не- или почти не-моделируемая, весьма и трансцендентная, *полилектика*, либо… либо… и сам чёрт не знает что же, зачастую совсем уж что-то произвольное, невменяемое и никак не то что не моделируемое, даже и толком никем из смертных не воспринимаемое – тайное, загадочное, потустороннее.

84

Вот тот же отечественный XX в.! Смотрим: поначалу для нас и под свой лично-неличный конец Российская империя; евромировая война 1914–1918 гг. с участием России и против неё самой; внезапный «заговор» генералов и крах росевро-, или же евророс-, империи; антиимперская евророс-, она же антирос-, революция с произвольным подрывом и разорением всего и вся из порядкового, строевского, цивилизационного; затем долгая идео-гражданская пря, она же междуусобица с горячей войной, враждующими армиями, противоборствующими фронтами, с выборочными и массовыми гонениями, репрессиями, ликвидациями, реквизициями, грабежами, в общем – всего и вся перераспределением, ну и, разумеется, с врагами, заговорами, разоблачениями, наскоками, охотой за людьми, подпольными ячейками, группировками, стаями, бандами, ну и, конечно же, посадками, изоляциями, тюрьмами и казнями, казнями, казнями; и вдруг логичный, хоть и вроде бы алогичный для ревсоцкомсреды, *контр*-, но при этом и *про*-, революционный (из успешных) сталинский, пусть тогда

всего лишь «сталинский», заговор, начатый отстранением и ликвидацией страстных акторов разворачивавшейся в стране миро-евро-масоно-антирос-соцком-революции, включая и самого́ крикливого вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина, и увенчавшийся политически-репрессивной победой Сталина и сталинистов, забравших в свои руки кровеносную власть и резко скорректировавших цели, ход и возможные результаты продолжавшейся в стране сплошной соцкомреволюции, причём настолько резко, чтобы возродить (создать) под сенью СССР не что-нибудь, а… *империю*, не в бывшем, конечно, до 1917 г. виде, а в новом, как раз в контр-про-ревсоцком-образе, пусть и идеократически немало надуманном, но всё-таки единственно тогда в реалиях возможном и социо-хозяйственно эффективном; тут как раз и новая евромировая контрроссоцком-война, немало потрясшая вдруг возникшую (и возрождённую) в стране империю, но неожиданно лишь закалившая её, а в итоге полностью её легитимировавшая перед лицом привередливого Бытия-Истории как несомненную победительницу; далее пусть и проблемное, относительное и недолговечное, но всё-таки стремительное и явно выдающееся на фоне протекавшего вокруг бытия-истории процветание сталинской империи с последующим, почти что и незамедлительным в историческом измерении, крахом, даже вроде бы и закономерным для всего из ряда вон выходящего в бытии-истории, ещё и с очень дорого обычно оплачиваемым страдой, страданием и кровью людскими победным взлётом.

85

Так вот оно всё в стране и происходило, прыгая витиевато с одной бытийно-исторической кочки на другую, непременно попадая то в один меж кочками провал, то в другой, напряжённо и витиевато ища, как казалось, лучшей экзистент-вито-мортидо-доли, а на самом-то деле участвуя в неконтролируемой человеком, далеко выходящей за пределы его экзистенциально-хозяйственных возможностей, *Большой Игре* – БОЛЬШОЙ ИГРЕ!, ведшейся в основе и в главном *самим Бытием-Историей* – то ли ради самого себя и самой себя, то ли ради манящей вдаль Неизвестности и зовущего вперёд Иного, то ли ради творящего настойчиво и молчаливо свой загадочный вселенский карнавал неразговорчивого Сакрала. Да, так вот оно было, так всё тогда и сталось – факт! –

заносчиво, коряво, беспощадно, неправедно, жестоко, жертвенно, кроваво, энергийно, страстно, победно! И… обернулось вдруг полной своей противоположностью, да ладно бы остаточному монократическому сталинизму с его тотальным этатизмом, фиктивной демократией, вездесущей однопартийностью и потускневшим вождизмом, даже и не вообще совсоцстрою, нет, а противоположностью, не поверите, не то что божескому, о чём речи и не идёт, а попросту всему сносно человеческому, тем самым развернувшись, выверачивая наизнанку, к са́мому что ни есть реальному, а вовсе не придуманному, *сатанизму*, прежде всего к ближнему, своему, что сидел, пусть и укрощённый, служивый и услужливый, не где-нибудь, а аккурат в самом нутре, если не в центре «социализма-сталинизма», всё более высвобождаясь из-под пресса и контроля становившейся всё более фиктивной и слабой диктат-системы, ненашутку наглея и всё громче и развязнее заявляя словно булгаковский Шариков, о своих притязаниях на бытийно-исторический, он же и экзистенциально-хозяйственный, трон – не более и не менее! О-о, всё это о-очень интересно: потрясающий, изувечивший, изнасиловавший, но при этом преобразивший, укрепивший и невообразимо возвысивший многострадальную россиянскую страну ревсоцком-Сталин-имперстройпроцесс и вдруг его бесславный, оборотнический и о́боротнический автоитог в виде чистейшего, аки бриллиант, *сатанизма*! Какая злая насмешка над всеми благородными-де «измами», единственно-де-верным, научно-де обоснованным учением, правильным-де историческим выбором, воистину прогрессивным-де экзистенциальном-хозяйственным проектом, ну и чуть ли не вот-вот золотовечными вот-вот достижениями! Но это не всё: чтобы сбросить тогда уже засидевшегося на экзистенциально-хозяйственном троне сталинского ревсоцкоммонстра, сей субсталинский сатанизм, сам монструозный, но тогда недостаточно сильный, вступил в заговорный союз с тогда процветавшим и могучим западным – антисталинским, «антисоцкоммодельносистемным», антироссийским (антирусским, даже и антиславянским) и тоже, разумеется, в основе античеловеческим – *сатанизмом*, мало что ему подчинившись, но и – благодарный – охотно приняв его для себя за образец, которому под водительством и с помощью Запада с тщанием, хоть немало и по-своему, и последовал.

86

Бытие-история любит импровизации, но любит и проверенные экзистенциально-хозяйственные алгоритмы – иной раз неплохо бывает гоминиду рискнуть, пустив экзистент-дело чуть ли не на самотёк, но зачем же рисковать излишне, как то случилось, к примеру, с теми же евроревсоцком-движением и евронационалфашизмом, как и с той же евророссийской революцией 1917 г. и тем же антиевросталинизмом, а лучше всего идти, видно, по смешанному варианту – импровизационно-алгоритмическому или, что предпочтительнее, алгоритмо-импровизационному, это уж как карта в Большой-то Игре ляжет, правда, краплёная по обыкновению в угоду мироправителям карта. Вот и в позднем СССР, как и в ранней Российской Федерации, то бишь в исторической России, всё пошло по смешанному, вовсе и не смешному, варианту: и алгоритмически, и импровизационно, а что к чему в реалиях относилось, пусть каждый из обозревателей судит сам: что-то шло как по нотам согласно чьей-то партитуре, а что-то и под корявый сумбур, как раз более всего и российский, зато как же многое корреспондировало тому, что было, а может, вовсе и не было, а всего лишь казалось, в той же Российской империи XX в., в «цветном» 1917 г., полихромных 1920-х и одноцветных 1930-х, уже откровенно сталинских – аналогий тут хватает: протестное инакомыслие и анимичная борьба с ним; заговоры до, во время и после ревсобытий, за них и против них, за сталинскую цивилизацию и против неё; за СССР и против него; межэлитная небескровавая пря; улично-площадные заварушки; ложь – большая и непрерывная; полуправда; недоумение, растерянность, надежда; обман – беспардонный и эффективный; провокации, фальшь; насилие, жертвы; измены, предательства; подвиги, геройство. И *бесы, бесы, бесы*!

87

Да-а, тот ещё атрибутивный реестр, он же и коктейль, споро нарисовался в ничего *такого* не подозревавшей стране в лихие 1990-е, выскочив, словно стая пляшущих чертей из чудотворной табакерки, прямо из высоко-продуктивной земно-космической Преисподней: 1) позорный крах амбициозного сталинизма, так и не нашедшего в после-Сталин-ском состоянии возможности перелиться во что-то *иное*, лояльно-творчески сталинизму наследное и для ревсоцкомдвижения спасительное; 2) паскудная – заговор-

ческая, обманная, предательская, по замыслу антисталинская и вообще антисоцкомстроевская, но на деле ещё и исподтишка антироссийская и откровенно прозападная, отчего и вассальная, квазиколониальная, продажная – *контрреволюция;* 3) уголовного пошиба, вершившаяся по атлантической рецептуре в обстановке общей растерянности, непонимания и страха квазифеодально-буржуазная *социохозяйственная псевдореформа* – воровская, обманная, грабительская, рваческая, распродажно-присвоительно-приватизационная (прихватизационная), компрадорски-колониальная, прозападная; 4) разорительный перепрыг с позднесталинской замшелой строевой кочки через вдруг зазиявший хомосоциальной пустотой бездный провал на другую, вроде бы конструкционно противоположную, однако изначально имитационно-неполноценную (уродливую), склонную к незамедлительному саморазвалу, на перспективу нежизнеспособную, псевдостроевую, но зато какую же ядовитую, кочку с адекватной ей фальшивой, хотя и вполне себе олигархически изнутри и метропольно извне диктатной, *псевдогосударственной псевдосистемой*; растроенное, как старый рояль, с имитационно-фиктивной демократией и продажно-коррупционным, эгоанархическим псевдоаппаратом, с ослабленной – дискредитированной, оболганной, расстроенной – армией и подкупленным, неизвестно откуда и бравшимся, карательным инструментарием, с безумным, разбойно-криминального (паханского) пошиба, властолюбивым и авторитарным псевдополитическим верховным лидерством *псевдогосударство*; 5) изрядно (чрезмерно для россовимпертрадиции) разгосударствлённое, денационализированное и глобализированное, запроданное и частным образом присвоенное, в наглую прихватизированное, коварно и без разбора деиндустриализированное с комплексного по преимуществу на однобоко экспортное с ощутимым ущербом для обрабатывающего сектора с исчезновением ряда важнейших промышленных и сельскохозяйственных отраслей и сонма адекватных им предприятий, взапуски и с огромной выгодой освоенное иностранным капиталом, зависимое от импорта больших масс готовой продукции, капитала и от внешних финансовых, конечно же, долговых, вливаний, неуверенное в себе, ригидное и дырчатое, как бы повисшее над разверзшейся небытийно-неисторической бездной, вовсе уже не национальное, а какое-то колониальной конфигурации и вассальной принадлежности

заокеанскому сюзерену, *проксистрановое псевдохозяйство*; 6) освобождённый от общечеловеческой морали и цивильной этики, как и гражданско-национально-государственной ответственности, чуть ли и не от само́й к РФ формальной принадлежности, национального (народного) богатства и высокодоходной части производительной сферы, брошенный на произвол судьбы, преданный старо-новой элитой и старо-новым правлением, оболганный, обманутый и обкраденный, нещадно эксплуатируемый вдруг откуда-то взявшимися олигархическими его владельцами, рассредоточенный, превращённый в массоподобное расцивилизованное народонаселенческое месиво, экзистенциально дезориентированный, заметавшийся, кое-как выживающий, не гнушаясь разбойным криминалом и обыденным подлячеством, по-сатанински прельщённый псевдосвободой, частно-деловыми перспективами и размашистым материально-потребительским благополучием, вольно или невольно погрязший во лжи, обмане, коррупции и зле, безликий и безличностный, но зато с лукаво-кривой бесовской рожей под умильной маской человекобраза, *псевдороссийский (и псевдофедеральный) социум*; 7) набравшая дьявольскую силу и совершившая давно подступавшую поп-пост-модерновую антиклассическую революцию бесноватая, крикливая и вездесущая *антикультура*, включая и популистский оккультизм; 8) ставшие на сторону антисоцкомсталинской конрреволюции и заметно запроцветавшие под сенью нового правления, его за это и охотно благословлявшие, *вселенские церкви и культы*, что легко было объяснить, исходя из их прошлого драматического опыта взаимоотношений с атеистическими властями, но что вряд ли можно было при этом вполне оправдать, исходя из всего реально происходившего в стране в новый драматический в её бытии-истории переломный момент; 9) распавшаяся, разделившись на явно прозападную, не столь уверенно на провосточную и евразиайскую, менее всего на собственно российскую, доли, потерявшая былые путеводные нити, изрядно запутавшаяся, ищущая, но не находящая личной смысло-символической идентификации и требуемых реальностью концептуальных разрешений, *отечественная гуманитарность*, если не брошенная в бездную отмену, то уж явно поставленная на бессрочную, вполне и преисподненскую, паузу; 10) внезапно, хоть и по-своему закономерно, разразившаяся на Юге страны квазигражданская с межэтническим замесом

и сепаратистской целью, как бы и партизанская, *война*, сопровождавшаяся оттуда же, с Юга, явившимся и дошедшим аж до столицы локально-точечным *террором* – своеобразным эховским ответом на столичную стрельбу 1993 г.

88

Неплохой, прямо скажем, наборчик «контрсоцкомревдостижений», а-а?! На месте вдруг постаревшего, разбалансированного и ослабевшего, подточенного изнутри и изнуряемого извне, но всё-таки всё-ещё-строя со всё-ещё-людским и трудовым по преимуществу населением, чаявшим адекватных соцкомстрою и СССР экзистенциально-хозяйственных перемен, явилось удивительное в своей невозможности внутрицивилизационное *нестроение*, сопровождаемое всесторонним антиэкзистенциальным и антихозяйственным *разорением*, но при этом и циничным, обманным, по-своему и виртуозным, криминально-присвоительным перескоком в капитало-колониальное *как-бы-бытие*, то бишь вроде бы бытие, но с мощнейшей *небытийной подосновой*, грозившей явлением на месте жизнеутверждающей соцком-Сталин-реальности, вполне себе реального уже не только в сравнении со сталинизмом и СССР, но и с само́й исторической Россией, *смертоносного погоста*. Однако рассечённая на «независимые государства» страна всё-таки не превратилась в погост, а сохранилась, причём усилиями не сонма разбежавшихся в стороны новых государств, а оставшейся от СССР исторически российской – и русской! – сердцевины, принявшей личину Российской Федерации, этой большой осколочной от СССР глыбы, взявшей на себя в силу исторической роли, сложившейся традиции, остаточной мощи и трансцендентной способности переносить любые невзгоды и беды, главное наследное от страны-предшественницы бремя – миссию удержать остаточную страну в роли действующего в земно-космическом мире субъекта, что и в итоге удалось, немало и сакрально-трансцендентно, чудесным, так сказать, образом, по велению свыше, да вот не только, совсем не только, и не только в силу тоже ведь сакральной способности росо-россиян переносить невыносимые невзгоды и непереносимые беды, выжить и даже одерживать внезапно-закономерные над собой и врагом победы, нет, не только, тут сказалось и кое-что другое, для бодрых реформаторов-криминалов вполне и невозможное – вовсе не чудом сохранившееся в народе, у части

элиты и даже в самом правлении... э-э… скажем так… *сталинство*, а точнее – *имперосталинство*, что то же самое, что инстинкт государственности, разумеется, имперской, бескорыстного служения народу, Отечеству, Родине, России, даже, наконец, и самой Правде, понимаемой не столько как сформулированная кем-то непогрешимая и незыблемая истина, хоть и не без этого, сколько как единственно верное, не всегда ясно осознаваемое и выразимое словами, но зато выверенное веками и прочно засевшее в крови и подсознании руководство к жизни, поведению, действию, а ежели надо, то и самопожертвованию. Да, сие обстоятельство, как мне – *философии хозяйства* – представляется, было главным и сыграло главную роль… нет, не в одержании тогда, в лихие 1990-е гг., победы *мира-бытия* над восставшим в стране по итогам контрреволюции и в ходе обманно-воровских реформ сатаническим *антимиром-антибытием*, нет, вовсе нет… но уж в недопущении победы сего *антимира-антибытия* над российским *миром-бытием* – точно!, вынужденно замкнув опасно-критическую ситуацию в стране на паллиативном для сражавшихся меж собой тьмой и светом «фифти-фифти». Однако были и другие обстоятельства, позволившие отвести тогда страну по имени Российская Федерация от распада и полного исчезновения. Отметим!

89

Как ни странно это звучит для ультрасовременного, политически де не ангажированного, если не просто тугого на историческую правду, уха, решить задачу по сохранению целостности *после*-сталинской страны вновь помог… э-э… всё тот же *сталинизм*, но уже не так духом своим соцкомимперским, засевшим действенным призраком в душах масс россиян, причём вовсе не только бывших ранее или остававшихся тогда наяву коммунистами, нет, не только, но и своим уже совершенно материальным, даже и вещественным, наследием в виде созданной и развитой при сталинизме, экспортной и оборонной индустрии, энергетики, транспорта, дорожной сети, вообще всякой инфраструктуры, как раз всего того, что по иронии истории и обеспечило, как оставаясь в ведении государства, так и попав частично в частные руки, исходную для произвольно возникшего в стране крупного – отечественного по принадлежности – капитала его конкурентную силу и экономическую живучесть, а главным из всего сталинско-

го матнаследия оказалось, конечно же, наличие в стране… *термоядерного оружия*, что, помимо уверенности послесталинского необуржуазного контрревправления в своей и в целом страновой геостратегической неуязвимости, охладило возникшее было желание на «благодетельном» Западе рискнуть расколом на части того не желавшей страны с ядерной бомбой в арсенале, да ещё и с возможностью вспышки в ней столь же для земного мира рискованной межнеогосударственной проксигражданской войны. Это и далее послужило убедительным аргументом в пользу конституционного придавливания правящим в стране федеральным центром в диктатном сталинском стиле всяких внутрироссийских регионально-этно-конфессиональных сепаратистских устремлений, включая и упомянутую выше таки вспыхнувшую на Юге войну, а также способствовало выработке на Западе проекта превращения овестернизированной РФ в союзницу Запада с общим «Северо-Западным» противостоянием враждебным-де Востоку и Югу планеты. Что из всего этого особенно примечательно, так это участие во всём этом как вполне явного сиюстороннего материально-вещного, так и не столь уже явного потустороннего, скажем так, идео-спирито-призракового сталинского соцкомимперонаследия, что говорит как о неоднозначности, вероятностности, случайносности, хаосности, импровизационности, своевольности, даже и капризности Бытия и Истории, так и об их – Бытия-Истории – не то чтобы подчинённости, но всё-таки немалой зависимости от необходимости, неизбежности, непременности, неодолимости, упорядоченности, воспроизводимости, возвратности, повторяемости, аналоговости, устойчивой алгоритмичности, кое-какой и обязательной мерности. Вот и вроде бы круто антисталинское и пошло антироссийское (антирусское, в особенности) переходно-разнузданное бытие 1990-х не только воссело на как раз сталинское индустриальное достояние, немало его разорив и передав в частные руки, но и вольно или невольно прибегло к россосталинскому имперскому началу, не исключая ни насилия, ни диктата, ни директивности. Антисталинизм сразу же сошёлся, а частью и попросту слился, с, казалось бы, отвергнутым им раз и навсегда… сталинизмом, как в своё время сам сталинизм сходился и сливался с той же, казалось бы навсегда отвергнутой соцкомреволюцией российской имперскостью. Ничего не поделать: Бытию-Истории ведь всегда виднее!

90

Да, Сталин со товарищи устраивали свой сталинизм – жестокий, беспощадный, непреклонный и победоносный, но ведь кое-что из подобного, пусть и в «мягкую», делал и первый, он же и последний, президент СССР, упорно устраивая перестройку с провальным спектаклем под кодовым названием «ГКЧП» и своё трагикомичное возвращение из благодатного Крыма во взбаламученную, опасную и уже проигранную им Москву; как и что-то этакое, вовсе и не в «мягкую», вершил первый президент РСФСР, устроив сначала антигосударственный переворот в СССР, затем одержав победу над неудачливым консервативным ГКЧП, пойдя на запрет его вынесший из уральского небытия КПСС, осуществив за́говорный роспуск СССР, потом взявшись за антисталинские социохозяйственные реформы, а затем, после победы над восставшими против него его же соратниками, устраивая свой-не свой, но напрочь обретший его взбалмошное имя, режим, да не одной лишь новой государственности, но и вообще всего нового в стране, ставшей по его воле РФ, как невольно устраивая собственную вынужденную квазипохоронную отставку – да, так оно всё бывает, так оно и было: что устраивали, то уж устраивали, да вот вполне ли по собственным намерениям, замыслам и по своей ли воле?, на что можно с уверенностью ответить, что нет, не вполне по своей воле, однако не только под влиянием, давлением или приказу каких-то там иных людских сил или действующих лиц, а, что как раз очень важно уразуметь, под влиянием, давлением и, если хотите, приказу, может, всего лишь по наказу, не кого-нибудь и не чего-нибудь, а само́й бытийно-исторической, в то же время и экзистенциально-хозяйственной, *реальности*! Вот так, не более и не менее, а что тут бывает в том или ином разе сильнее, важнее и действеннее, то это решается самой же, в целостности своей субъектно-объектной, сознательно-бессознательной, разумно-безумной, рационально-иррациональной, стихийно-порядковой, хаосно-стро́евой, гомо-гетерогенной, эндо-экстрабытийной, экзо-эзотерической, земно-космической, известно-неизвестной, в общем, разноликой и разномастной… *реальностью*. Поди-ка, разберись! Редко кто из устроителей бытия-истории, так или иначе исполняя его – Бытия – и её – Истории – интенции и инициативы, бывает способен настолько овладеть текущим бытием-историей, чтобы навязать ему свою устроительную волю, что как раз удалось, да и то не вполне,

тому же Сталину, не очень удалось, если вообще не удалось, его противнику-перестройщику и весьма удалось его сменщику-«реформатору». Всякое тут бывает, но приоритет всё-таки остаётся, как мне – *философии хозяйства* – представляется, за Бытием-Историей, не исключая и участия гнездящейся где-то в бытии и истории идейно-концептуальной алгоритмики, в меру и сакральной, скрытно для человека или же им как-то осознаваемо, хаосно-стихийно или субъектно-инициативно, таки действующей, не обходя… э-э… и меня саму – *философию хозяйства,* – вот так!

91

Бытийно-историческое прошлое не только никуда насовсем не исчезает, оставаясь в текущем бытии-истории информационно-концептуальным, пусть и не особенно замечаемым человеком призрачным облаком, существующим, не существуя, как и не существуя, существующим, вроде метафизического – преисподненского или небесного – музеума, наполненного образами-слепками, но в отличие от музеумных экспонатов вдруг оживающими в текущем бытии-истории, как правило, не в прямом, а в аналоговом виде, однако же оживающими, причём делая это и в иных, иной раз и прямо противоположных, чем было когда-то ранее, бытийно-исторических ситуациях, играя какую-то свою на момент оживления вполне и значимаю, ситуационно-актуальную роль. Всё так и случилось сначала с россимперкостью, вдруг воплотившейся в сталинизме и его, бесспорно, выручившей, а потом и с самим сталинизмом, сначала предательски отвергнутым и чуть ли не навсегда умерщвлённым, а затем без всякого зазрения совести и признания практически применённым в ходе будто бы антисталинских преобразований. Первый президент послесталинской РФ, конечно, не Ленин, совсем не Ленин, а вот судьбу Ленина кое в чём разделил, разумеется, не буквально, а всего лишь в кое-каком аналоговым приближении: совершил переворот не без закордонного споспешествования, подписавшись где-то в прикордонной глуши под каким-то аналогом «Брестского мира», постращал, позапрещал, поотстранял, а то и попобивал своих противников, полидерствовал, правда, в отличие от Ильича, более по-царски, чем по-вождистски, но при этом и не менее по-диктаторски, напреобразовался, и войну получил, её, правда, проиграв, а в какой-то момент вполне себе вынужденно отошёл от великих

исторических дел, как и Ильич, вроде как по нездоровью, а за это посмертно заслужив, как Ильич мавзолей, пусть не в центре столицы и не на само́й Красной площади, но зато в центре России, в Екатеринбурге, где сам когда-то уничтожил дом-узилище последнего российского царя и его семьи, нет, не мавзолей с бренными своими останками получил первый президент послесталинской РФ, а громадный ростом, как и сам бывший президент, многоэтажный идео-Центр, мало что хранящий, как и ленинский мавзолей, память о своём призрачном обитателе и его непризрачных деяниях, но и излучающий во все стороны, как и ленинский мавзолей, тревожащие текущее бытие-историю идеи, переживания, мысли, тоже призрачные и тоже действенные. Любопытная это вещь, оно же и весть, реальное бытие-история, о-очень любопытная, в особенности ежели принять во внимание, как и что происходило и происходит в многострадальной послеконтрреволюционной антисталинской-де и вроде бы явно новой российской реальности, устремлённой, как водится, в Неизвестность и гонимой взашей неукротимым Иным.

92

Нет, не в результате каких-то там дурацких демократических выборов, да ещё и в итоге народного-де выбора через посредство бестолкового соревнования каких-то там партий и движений, как и каких-то там театрализованных дебатов каких-то там претендентов на высший в РФ правленческий пост, произошёл в анти-стро́евой и при этом про-правленчески сталинской стране переход, или даже перескок, от одного президенства к другому, а в ходе каких-то потаённых в верхах переменных умотелодвижений, вполне, как это и положено было в российской империи и при полноценно действовавшем сталинизме, авторитарных. Тут имела место смена верховной власти внутри само́й власти, произведённая самой же властью, да ещё и *какая* – КАКАЯ!, мало что хоть и ожидавшаяся, но никак не прочитывавшаяся за невидимой чертой сверхузкого, сверхзакрытого и ультрапосвящённого круга, так ведь ещё и нарочито изящная: на место явно уже не тянувшего авторитарную властную лямку проксилидера был водружён в несколько переменческих приёмов новый лидер – молодой, здоровый, сильный, причём не из известных тогда пригретых властью и ею пользовавшихся персонажей, а как раз

из *неизвестных* (из сынов Великой Неизвестности!), мало того, и из *иных* (из адептов Великого Иного!). Да, умно́, красиво, изысканно, прямо-таки *по-сталински*, во всяком случае, в *его* манере! И опять в текущую антисталинскую-де реальность встрял Его Величество Имперский Сталинизм, уняв квазисталинской крепкой рукой затрепетавшую было в собственном безысходном кризисе антисталинскую-де бытийность. Да-а, как тут ни крути, а всё *одно* выходит: имперскость, авторитаризм, тайна, Неизвестность, Иное, в общем – хоть и не сталинизм как таковой, а всё-таки что-то ему явно близкое, если не прямо-таки родное. Нет, новое правление не было собственно сталинским, даже и просталинским не было, да и не могло стать таковым, – этого ещё не хватало! – оно было в себе и для себя… *своим*, но, но… так уж распорядилось Бытие-История в российской сторонушке, что оно оказалось вполне себе для сей сторонушки адекватным, вполне и традиционным, и никакая антисталинская-де и антисоцкомсоциальная-де контрреволюция, никакие прозападные, буржуазно-капиталистические, приоритетно-экономические и приоритетно-демократические-де реформы сей нетривиальной в способе правления компоненты, а именно *авторитарно-вождистской,* отвергнуть и преодолеть не могут, хоть и могут придать ей новую, во многом, конечно, имитационную, пара-, квази-, псевдо-, прокси-форму выражения и новый, может, и оригинально-реалистический, хоть и с неизбежностью конспиративный, способ практической реализации.

93

Антисталинизм, сдержанно-лукаво расцветавший в период позднесоветской Перестройки, разумеется, как уже виделось к концу 1980-х гг., с какой-то *странно-квазийной* точки зрения ещё существовавшего, хоть и потрёпанного и ослабевшего, соцкомстроя, а если выразиться поточнее, то не более и не менее, как оказалось, *подготовительно-похоронной* для остаточного сталинизма конспиративно-лживо-публичной процедурой, как раз и закончившейся ядовито-смертельным для одряхлевшего сталинизма ГКЧП-уколом, – и вот этот самый антисталинизм, открыто и бодро расцветший с победой «контрсовсоцкомреволюции» в 1990-е гг., нисходивший корнями в ещё присталинский антисталинизм, без которого, кстати, как раз не было бы и не могло быть никакого вообще сталинизма, и восходивший… нет, уже

не к утопической мечте о свободно-коллективистском коммунизме при хотя бы, на худой конец, надежде на демократический социализм «с человеческим лицом», нет, вовсе нет, а… непосредственно восходивший к вовсе уже не утопическому стремлению масс соотечественников *ко всему западному* – от свободного частного предпринимательства со свободной (рыночной), открытой внешнему миру экономикой, включая её банковско-финансовую составляющую, с концом потребительской аскезы до свободного постмодернового искусства, включая его попсовую составляющую, как и свободной людской миграции по стране и миру, включая и новокочевниковскую (мирогражданскую), – так вот этот, уже, казалось бы, вольноопределявшийся, вполне себе антисталинизм, зануждался как вдруг оказалось… э-э… страшно и невозможно сказать, пусть и не в прежнем, нет, не в буквально сталинском, но всё-таки в… *сталинизме*, пусть лишь в каком-то его аналоге, но таком, чтоб было… э-э… *как у Сталина* – целеположенно, расчётливо, непреклонно, тотально, авторитарно, диктатно, беспощадно, ловко, цинично, обманно, привлекательно, ну и насильно, вовсе не обязательно, что кроваво – другое время, другие задачи, другие обстоятельства, однако **во что бы то ни стало**, правда, куда более конспиративно, потаённо, исподтишка, чем у Сталина с его с достаточно откровенным сталинизмом. Да, всё *это* или *этому* подобное у Сталина было, хотя было ради достижения совершенно *иных* целей – *прямо противоположных*, к тому же не просто так, не без дикого напряжения, сил и воли, не без постоянной борьбы *за* и *против*, не без единой, созидательной, зовущей на подвиг идеологии, не без армейского образца организации всего и вся, не без неусыпного контроля и незамедлительных кар, не без опоры на верную партию, на массы трудящихся и на армию квалифицированных управленцев и спецов, не без беспрекословного вождизма и демонстративного популизма, в общем, не без всего *этого* вынужденного, и неизбежного, без чего нельзя было решить возникших *тогда* перед *той* страной, в *той* исторической ситуации, с имевшимися *тогда* у страны ресурсами, средствами и возможностями, актуальных задач, а лучше сказать – добиться выживания, сохранения и развития страны. Как ни суров, тяжек и жертвенен был сталинизм, но без него тогда было не обойтись: *и невозможное стало возможным!*

94

Совсем *иной* была послесталинская, она же послеперестроечная и послеконтрреволюционная, ситуация, когда надо было более всего не строить, а разрушать, не созидать общее (общественное) богатство, по возможности справедливо распределяя среди граждан, коллективов, социальных и региональных локалий, а его частным образом хищнически присваивать, преступно расхищать и корыстно разбазаривать, когда надо было не укреплять социальность и гражданственность, не поддерживать на высоком уровне культуру и гуманитарно-патриотическое воспитание молодого поколения, а, поощряя антикультуру, асоциальность и антигражданственность, людской эгоизм и аутизм, асоциальное поведение, преступность, произвол, вести к распаду общества и расчеловечиванию человека, их денационализации (разроссиезации), допуская вопиющее социальное неравенство, построяя антагонистическую социальную, если не асоциальную, иерархию, ликвидируя остатки солидарной, товарищеской, гражданской соборности. И это, как ни крути, «чёрное дело» не могло обойтись без преднамеренной диктатуры, по боевитому характеру и методам жёсткой реализации в чём-то схожей со сталинской, от чего контрреволюционный режим, конечно же, не отказался и чего не избежал, причём не потому, что был правоверным наследником сталинизма, а потому что сама бытийно-историческая ситуация, пусть и субъектно-субъективно затеянная как антисталинская, решительно не могла обойтись, не рискуя провалом, без чего-то подобного сталинизму, ну и не обошлась. Иная ситуация, иной сталинизм, который… э-э… скорее, всего лишь *псевдо*-сталинизм, однако по-своему и не в меру эффективный, ибо обеспечил-таки слом остаточного соцкомсталинизма и чаемый перескок к постсоцкомантисталинскому, каким бы «квази» он ни был на деле, социально-хозяйственному обустройству псевдороссийского, но зато реально весторно-глобалически-вассального, бытия. Однако на этой части сталинско-антисталинской исторической драмы всё не окончилось, далее пошло самое как раз интересное: преображение антисталинского контрсоцкомреволюционного псевдосталинизма из сумбурного, рваного, хаотического в плавный, цельный, упорядоченный антисталинский сталинизм, разумеется, не в сталинизм как таковой, тем более уж не в Сталин-ский, а в некий *пара*-(около)-*псевдо*-сталинизм, который либо по оболочке своей

как будто бы сталинский, а по сути же антисталинский, либо, наоборот, по оболочке он, уже не как будто бы, антисталинский, а по сути-то, пусть и не вполне, всё-таки сталинский, в общем, в концептуально-функционально-ролевом отношении какой-то иной – обратно-оборотно-оборотный.

95

К моменту смены контрсоцкомлидерства на рубеже 1990-х и 2000-х гг., то бишь прямо на стыке XX и XXI вв., социально-хозяйственная ситуация в раскуроченной, перебаламученной, недоумевающей и сильно разочарованной стране была не то что рукотворно упадочно-кризисной, а и попросту во всех отношениях крайне опасно-предкатастрофной: с нерастущей, разбалансированной, неконкурентноспособной, низкодоходной, долговой, подверженной банкротствам экономикой; со слабой и недееспособной федеральной властью, связанной по рукам и ногам выросшей в ходе контрсоцкомреформ и рвавшейся к власти амбициозной прозападной элитарщиной («семибанкирщиной»); с расцветшей донельзя коррупцией, разошедшейся не на шутку преступностью, в наглую продолжающимся расхищением, разбазариванием и присвоением национального богатства; с растущим расслоением и распадом общества, с разделением соотечественников на *тех* и *этих*: прежде всего, на передовых-де «западников» и отсталых-де «квасных патриотов», на «успешных» и «неумех», на богачей, зажиточных, бедных и нищих («нищебродов»), ну и, разумеется на высших – владетелей, распорядителей, господ, на низших – трудников, служек, рабов, со средней прослойкой управленцев, чиновников, спецов, а вследствие этого с диссипацией социума и превращением его в аморфное денационализированное населенческое месиво; с тощим госбюджетом, задержкой и без того низких зарплат и пенсионных выплат; с оттоком задешево за границу ресурсов, трудоспособного населения, квалифицированных кадров, перспективной молодёжи (и всё это что-то вроде колониальной дани), а ещё и, что было особенно показательно и тяжко, с позорно проигранной федеральным центром южной войной и разгулявшимся внутренним антифедеральным и антироссийским, даже и антирусским, терроризмом; с усилившимся этно-региональным сепаратизмом, а также с нарастающим поглощением страны иностранщиной и растворением страны в благодетельно-враждебном глобализме вкупе

со ставшей самым крутым контрсоцкомреволюционным достоянием – *вассально-колониальной зависимостью* от Запада. Социально-хозяйственная катастрофа, собственно, тогда уже фактически имела место – что в начале 1990-х, что в их конце, просто оснащённая термоядом страна ещё оставалась целой и оставалась, пусть и всё более условно-номинально, российской, как и, к счастью, оставалось в подёрнутой катастрофой стране пусть и обманутое, обкраденное, поруганное и морально истерзанное, однако всё-таки верное стране, родной земле, бескрайнему родному пространству, предкам, традициям, культуре, труду и творчеству в точном значении слова *отечественное* – полиэтническое, но единонародное – население, состоявшее не из животных схем и функций, а из живых полноценных людей. Многое что удалось натворить и немало чего добиться контреволюционным передельщикам страны, акторам погрома, присвоения и распродажи её социокультуро-хозяйственного потенциала, но им всё-таки не удалось, как не удалось этого сделать большевикам и даже товарищу Сталину, а именно сломать, а уж, тем более, отменить, выработанный историей, овеянный традицией и омытый кровью, имеющий неоспоримое геостратегическое значение, социо-культурный, он же и народно-хара́ктерный, *код России*, хоть и удалось исподтишка, остроумно и нахрапом захватить Россию как геосубъектную институцию, сесть на ней кровожадным грифоном, ограбить и подчинить себе как объект эксплуатации, но всё-таки в корне и в основе никак в целости не переделать, что, собственно, и сказалось в текущей реальности, вынудив конспиративных инициаторов контрсоцкомреволюции и соответствовавших ей реформ, оценив опасность для них же самих надвинувшейся катастрофы, совершить тщательно сокрытый переворот во власти и открыть новую страницу в истории уже так или иначе *новой*, как бы и *их*, России.

96

Тут уж и Я – *философия хозяйства* – должна в немалом недоумении, что называется, развести руками, насколько *всё* в связи с этим переворотом неясно и необъяснимо, и вовсе не только по причине нехватки фактов и сведений, которые если когда и всплывут, то о-очень не скоро, да и то вряд ли как вполне точные и достоверные, а всё потому, что *происшествие* сие относится к разряду вполне себе *трансцендентных*, зе́мным умом вполне

и не схватываемое и логически до всего своего потаённого нутра, уходящего в Неизвестность и Иное, не объяснимое, да не в плане того, кем и как конкретно *это* было сотворено, даже и почему *это* было сотворено, а в аспекте того, *что* же реально последовало за этим происшествием в текуще*м* бытии страны, как раз и придав сему происшествию прямо-таки сакральное значение, а именно: 1) удачно, по-эвтаназиевски филигранно, сделанная расправа с амбициозной проглобалистической олигарщиной; 2) вторая южная война, но уже победная для «федералов» с участием в победе самой же «прозревшей» противной стороны и последующим превращением южного противника в лояльного сторонника РФ и даже глубинной России (какое невероятие, не правда ли?); 3) мучительное, но эффективное одоление внутреннего, привольно было раскутившегося, терроризма; 4) внезапное оживление российской экономики не без на тот момент не-*обход*-имой и не-*избеж*-ной для РФ высокомерно-снисходительной по духу, империо-колониальной по геостратегическому расчёту и жлобской по пиратско-ростовщической сути рыночно-финансовой поддержке, оказанной по тайному соглашению с РФ-правлением на энерго-сырьевом и технологическом полях западным миро-глобалистским центром (читай, англосаксонским, может, и ещё кое-каким, да уж ладно!), отчего и рост и даже кое-какое развитие страновой экономики, а вследствии этого и *общая стабилизация нового, как раз контрсоцкомреволюционного, социохозяйственного строя* с его кое-каким цивильным облагораживанием (как-никак, а ведь всё это как-то, почти что и сказочно, невероятно!); 5) хитроумная, хотя и не без встречного схождения интересов и кое-каких надежд, большая экзистенциально-стратегическая игра… *в партнёрство*… между РФ и западным глобализмом (точнее игра между там и там властными кругами, там, разумеется, пресыщенными международными гангстерами, здесь же – может, и немало прельщёнными Западом, но им же небезобидно задетыми… нет, ещё не против него повстанцами, но уже… скрытыми ему оппонентами – молодыми, амбициозными и быстро обучающимися неофитами), та самая игра, которая, с одной стороны, привела к внешне исключительно ценному для РФ подарку от Запада в виде присоединения по-глобалистически уже переделанной РФ к «великой семёрке» ведущих западных держав, имевшей позывной G-7 и сменившей его на G-8, то бишь торжественного вхождения РФ

в могучий, передовой и победоносный для Запада с учётом поражения СССР в «холодной войне» и той же инспирированной Западом в СССР прозападной контрсоцкомреволюции узкий международный клуб, что было как бы и желанно в России, правда, было скоренько там же почувствовано, осознанно и осмысленно как всего лишь вхождение не далее передней залы, а то и вообще прихожей, аккурат на положении зависимого от G-7 второразрядного придатка – не более и не менее!

97

Да, РФ с её внезапно, споро и загадочно обновлённого постконтрсоцкомреволюционным и прореформенным правлением, не на шутку настроенным как раз прозападнически, если буквально не попалась в западню, то уж явно встряла в о-очень не простую для себя, весьма и тупиковую, экзистенциально-хозяйственно-геостратегическую ситуацию, став по форме и принадлежности чуть ли не холически западной, войдя даже в сонм ведущих западных держав, пусть и второсортным придатком, но, увы, не попав, несмотря на G-8, в самое что ни на есть мироправленческое логово, лицемерно-иронично оставленная на подходе к нему, если и не у шлагбаума на дороге, то уж при дверях – точно! Отсюда, с одной стороны, вынужденная опора РФ и её правления на милостивую поддержку Запада в деле подъёма на впавший в мертвецкий кризис новой российской экономики и стабилизации раздиравшегося противоречиями нового российского социохозяйственного строя, за что и продолжать платить, причём в устойчивом режиме, прожорливому словно Змей Горыныч, Западу финансовую, ресурсную и людскую *дань*, мало того, вынужденное, а может, и вполне тогда концептуально и проективно на то согласное, проведение прозападных и, как, возможно, казалось, прогрессивно-необходимых для страны *новых социально-хозяйственных реформ, включая и армейскую*, как бы упорядочивавших в либерально-диктатном стиле и в новом высокотехнологическом – электронно-цифровом – ключах текущую, уже и совершенно вроде бы мирную, социо-гражданскую жизнь, интегрируя её в западный глобализм и сближая с передовой-де западной цивилизацией, чего объектами и в то же время жертвами, заметим особо, стали, кроме обречённой на то армии, народное и элитарное образование, система здравоохранения, наука, коммунально-жилищная

сфера, транспорт, связь, и, забегая вперёд, не без горечи отметим, что и впрямь насильственно реорганизованные, но при этом немало порушенные, изуродованные, потерявшие эластичность, открытость и эффективность, а также утратившие народное доверие и то же от них потребительское удовлетворение. С другой же стороны, свершилось, пусть и буквально выдавленно из РФ и её правления, явившимися хоть и немало отрицательными, но всё-таки наследниками великой россо-имперской до 1917 г., а затем до изменческого рубежа 1980–1990-х гг. великой ревсоцкомсталинской, державы, даже продолжавшей пребывать, пусть и в острокризисном, предкатастрофном состоянии, пусть и в остаточном виде, в только что тогда наступившем XXI в., что усиливалось и чувством самосохранения РФ и его новой правящей элиты перед прожорливой пастью улыбчивого Запада, не постеснявшегося в нарушение наивно-устно заключённых-де соглашений с перестроечным ещё СССР-овским правлением продвигать агрессивную и лицемерную НАТО к западноевропейским окоёмам РФ-России, – и свершилось тогда, пусть и выдавленно из РФ-России и её правления, не что-нибудь, а поначалу скрытое, а затем и вполне открытое… нет, вовсе не активное сопротивление, даже не пассивное противление, а всего лишь… *опротестование словом* – речью российского президента на международном Мюнхенском форуме в 2007 г., да и то, хоть и резко критичной, но весьма деликатной по форме, опротестование как раз совсем не деликатного и вовсе *не*, как ожидалось в РФ, *партнёрского*, а высокомерно-господского, ещё и лживого, отношения Запада к РФ-России, что, однако, прозвучав как гром среди ясного неба, зачало вдруг поразительнейшую для текущего постмодернового зе́много бытия-истории геостратеги́ческую многоходовку по вольно-невольному *переворачиванию зе́много мира* вкупе с бытующим в нём Западом, Востоком, Югом и Севером, США, Европой, Азией, Африкой и Латинской Америкой, ну и с самой РФ-Россией, с этой провокационной затейницей никому не ведомого по последствием грандиозного всемирного дельца, впрочем, подспудно давно созревшего и начавшего вылупляться из-под давно уже покрытой морщинами и посечённой трещинами моде́рновой бытийно-исторической коры аккурат под давлением вполне себе мирных событий рубежа 1980–1990-х гг. – поражением-де СССР и соцкомсталинизма и победой-де Запада со своим вестернизмом во главе с США,

с возникновением и установлением однополярного мирового порядка с евроамериканской в нём гегемонией, что как раз и позволило осчастливленным всем этим «американосам» выдвинуть тезис о «*конце истории*» – КОНЦЕ ИСТОРИИ! – и наступлении *вне*-исторического, само-ипровизационного, *бес*-конечного, уже, наверное, и *не*-зе́много, не то времени, не то, знаете ли, *без*-временья!

98

Запад, в лице прежде всего, конечно, своего сюзерена – США, воспринял ораторский «крик души» РФ-России и её правления, но пока ещё вполне к Западу лояльных, не более и не менее как совершенно недопустимый перед эпохальным, чуть ли не вселенско-всеисторическим, победителем со стороны мало что побеждённого, но ещё и милостливо выручennого от падения в небытие, как и допущенного в западный заповедник и даже подпущенного к дверям правящего этим заповедником и всем земным миром потаённого логова… э-э… как совершенно недопустимый *бунт* – БУНТ!, заслуживавший *немедленной кары*, как минимум, исправительной, а как максимум, ликвидационной – либо всего лишь на уровне неблагодарного правления, либо же на уровне самой страны. И что поразительно: ведь пошло, ведь поехало (спровоцированная война Грузии с Северной Осетией и Абхазией, а фактически с РФ, с далеко идущей целью вновь поджечь Юг России; первые санкции; старт яростной антироссийской и антиросправленческой пропаганды, выставлявшей РФ-Россию как субъектного на весь мир «непоправимого зла»; взбадривание против РФ новых центро-восточных европейских стран, союзничков-де Запада и США, аккурат бывших «соцпобратимщиков» СССР, а главное – усиленное натаскивание против России и всего русского активно вестернизировавшейся тогда Украины с упором на исторически гнездившийся в ней, а тогда вовсю расправлявший ястребиные крылья, ярый и непреклонный *укронационализм* (когда-то запорожский, гайдамакский, мазеповский, западенский, затем петлюровский, бандеровский, в 1960-е гг. ше́лестовский, а теперь вот «укрский»: от «коммуняки» Кравчука до «клоуна» Зеленского – тут всё одно)! Из риторической мюнхенской искры, почти что и безнадёжной, разгорелось-таки никем в мире всерьёз не ожидавшееся пламя, поначалу вроде бы локальное, лишь предназначенное для РФ-дома с его неразумно-де взбунтовавшимися «хозяйствами»,

а с течением времени разгоревшееся в пожар, да вовсе не в РФ-доме, а в его закордонных окоёмах, как раз на Украине, для чего ревмайданно окончательно перевернутой и представленной уже не на словах, а на деле радикально антирусской и анти-РФ-российской, отчего и вызвавшей защитно-наступательную реакцию уже достаточно раздражённой РФ-России, никак не могшей смириться с наступлением на русский мир и натовским продвижением на восток Европы с приближением НАТО к границам уже самой РФ-России. Отсюда Крым, Донбасс, ну а со временем и российская на Украине СВО, однако всё-таки не так из-за повернувшейся к откровенному укронацизму с антирусским уклоном Украины, хоть это и важно, как по куда-как более серьёзным, глубоким и значимым причинам, восходящим, знаете ли, к общемировой, если не прямо-таки вселенской, мотивации. Какой же?

99

О-о, о-очень тут всё не просто! Да-а, в феноменально-фактологическом плане всё выглядит примерно так, как было выше сказано, однако Я – *философия хозяйства* – хоть и не пренебрегаю феноменологией и фактологией, всё-таки склонна, им не во всём и не всегда доверяя, ими не ограничиваться, предпочитая уходить в смысло-концептуальные, так сказать – ноуменальные, глубины и подниматься на заоблачные метафизические вершины, как бы в *суб*-реальные глубины и *над*-реальные вершины, где нет фактов и событий, но зато есть их – этих фактов и событий… нет, не трактовки, которых и на зе́мной плоскости хоть отбавляй, а… не объяснимых просто так на треке логики и в пределах рационального мышления… нет, не причин всего вокруг происходящего как таковых, а… скрытых, не имеющих прямого отношения ко всему этому феноменально-фактически происходящему, бесконечно выходящих за его пределы, трансцендентных мотивов, кажущихся, а может, это так в реальности и есть, зе́мному наблюдателю как раз беспричинными, ибо исходящими, коли они вообще есть, не так даже из движения реальной реальности, как из… *Ничто* – НИЧТО!, аккурат откуда и выходят те же основатели великих религий, великие полководцы, завоеватели и победители, зачинатели империй и цивилизаций, великие преобразователи зе́много бытия, да и великие учёные, изобретатели, писатели, художники, ну и, само собой, мыслители, откуда источаются великие войны,

смуты, революции, перевороты, а также и великие беды, эпидемии, моры, бури, засухи, потопы, в общем – всё великое из уникального, невероятного, внезапного, непредсказуемого, из того, чего нет и даже не может-де быть *никогда* – НИКОГДА!, откуда, кстати, взялись и Великая российская революция 1917 г., и великий крах СССР, и незаурядный подготовщик этого краха, и его заурядный реализатор, и претендующее на кое-какое величие нынешнее российское правление, к которому как-никак что-то великое явно таки нисходит, или, наоборот, к нему восходит, даже ежели только попросту «везе» (везение, стало быть, надо полагать, вовсе и не случайное). Да, есть плавно-бурное течение зе́мной человеческой реальности, нескончаемая вязь из фактов, деяний, событий, происшествий, тех же внезапных неведомо от чего случаев, но есть *что-то*, что имеет ко всему происходящему какое-то прямо-таки магическое (магнетическое) отношение, вокруг чего *можно* в общем-то нагородить много всяких слов, суждений и заключений, но *что* либо *само* доходит до *ему* внимающего, как и не внимающего – по случаю, причём вовсе и не в прямом соответствии со словами, суждениями и заключениями, либо уж, увы, никак не доходит, а нагромождением всё прибывающих слов, суждений и заключений делу тут всё равно не поможешь, да и слов с суждениями и заключениями тут не хватит, в общем, либо дано что-то вдруг понять через озарение, откровение, открытие, либо уж не дано, а вот непременно выражать словами… э-э… словами же не выразимое, что тот же бисер метать перед… э-э… сами знаете перед кем!

100

Реальное бытие-история, то самое, что течёт вокруг, извиваясь, вздыбаясь и опускаясь, вертясь, изворачиваясь, корёжась, мало что на факто-феноменальном уровне грешит неопределённостью, непредсказуемостью, загадочностью, так оно ещё и изобилует прорехами и дырами, через которые ни зги не видно, кроме пустоты и ничто, а если что за ними и есть из извне на реальность воздействующего, то лишь Великая Неизвестность, Великое Иное да Великий, он же и Божественный, Сакрал, о чём, ничего определённого с зе́мной платформы не скажешь, с чем въедливому наблюдателю приходится, разведя безмолвно и беспомощно руками и мозговыми извилинами, лишь соглашаться. Так вот всё

самое-самое и творится в земно-человеческом мире – в зависимости от вполне себе творчества окружающей человека реальности и гуляющей по ней иррациональности, как и бытующей где-то в космо-вселенских далях Великой Значимости, но, как вдруг выясняется, менее всего в зависимости от человека-творца, который хоть и творец, да вот более всего исполняющий, чем что-то из себя самого вольно творящий. Не человек ведь придумал Вселенную, Космос, Землю, Природу, как и самого себя, так что в социохозяйственной реальности он более ведомый, чем ведущий, хоть и кажется ему – сыну Ренессанса и Просвещения, что он *сам-себе-голова*, отчего и *сам-себе-творец*, да вот сам-то он сам, да вот не вполне, да так не вполне, что аж дух захватывает: выскочил вдруг ниоткуда аки чёрт из табакерки, наделал делов, чего-то и великое сотворив, и вдруг исчез… бац!.. и нет его, исчез в никуда – вот она, какая тут недолга, хошь, не хошь, а считайся! Это касается не только человека как индивида, но и человека как коллектива, сообщества, народа, нации, государства, цивилизации, ну и… о-о!… какая несуразица!.. и всего, знаете ли, человечества – хошь, не хошь, а тоже считайся! Да, всему есть *начало* (откуда же оно, это начало, кто знает?), как и есть всему *конец* (опять же где, сей конец, кто знает?), и занятная тут *триалектика* выходит: рождения, жизни и смерти, но ещё и *полилектика,* если добавить известность и неизвестность, это и иное, своё и не своё, наше и не наше, дружеское и вражеское, благое и вредное, доброе и злое, да мало ли ещё чего из входящего в бытие, в его, как любят ныне щеголять умные и ушлые научники, «систему», и без чего нет этого самого бытия, аккурат с теми же неодолимыми и, что самое-самое, никак не поправимыми, диалектическими парами-побратимами. А иначе-то ничего из реального и нет – факт!

101

Вот и ныне, уже в суперновейшее постмодерновое время, коечто из реального в реальности откуда-то и зачем-то вдруг и выскакивает, озадачивая ладно бы ответственых (и безответственных тоже) «домо»-управителей вкупе со всё более размножающимися словно тараканы «домоуправленцами», а то ведь и отечественных, уверенно уходящим в сторону от реальности вследствие непрерывного образования, учёных, исследователей, трактовщиков, комментаторов, публицистов, журналистов, пропагандистов, как

и попросту… клоунов, ищущих-де ответа о происходящем вокруг в самом же вокруг происходящем или же, наоборот, от всего происходящего мало что бегущих, так ещё и защищающих от него непробиваемой ментальной бронёй широкое обывательское мнение, ибо главное тут – не допустить никакого вообще понимания среди не предназначенного ни к какому вообще пониманию бодро трудящегося или же бойко сибаритствующего населения – тут уж всё одно! Вот поэтому-то ныне искарёженное до нельзя образование; и наука гуманитарная в оковах наукометрии, бюрократических регламентов, «баллистики», перечней «достойных изданий», «эффективного менеджмента», то бишь фактической цензуры, да что цензуры – крепостничества; и неугомонная публицистика, да всё более об актёрах да актрисах, их личной, вовсе и не шибко привлекательной, не то жизни, ни то надуманного и дурно исполняемого о ней авантюрно-пошлого романа; и вездесущая – бездарная, навязчивая, прилипчивая – реклама; и *море* – МОРЕ! женских детективов с непременной цепью загадочных убийств вкупе с женскими романами о любви, ненависти и коварстве, конечно же, вместо и под видом классной литературы, впрочем, навсегда уже исчезнувшей и не подлежащей возрождению, да мало что из-за некнижного времени, а попросту из-за того, что *нечего* в классной литературе отображать (беглая «жисть» очистилась вдруг от людского содержания, потаённых смыслов, духовных устремлений, даже и трагикомедий), да и *некому* отображать – откуда, кто и что, да и как вдруг ни с того, ни с сего возьмётся, ежели гумуса нет – ни того, ни другого, ни третьего; и, наконец, упорно внедряемая и поощряемая во всех жанрах отрицательная для чела и сердца квази-псевдо-анти-культура. Паситесь, добрые люди и мирные народы, наслаждайтесь благами, потреблением, суетой, авто, смартфонами, интернетом, вотсаппом, модой, мирогражданством, поп-культурой, искажаемой донельзя бледнолицей классикой, лёгким примитивным чтением, вообще, всякой житейской пошлятиной, только не думайте ни о чём *таком*, ибо об вас самих, вашем благополучии, вашей безопасности и вашем покое непременно позаботятся вашии вами же владельцы, властители, управленцы, они же и фиктивно-финансовые феодалы: спите, спите, спите, даже бодрствуя, спите, даже голосуя на выборах, даже ликуя на стадионах, даже и воюя, убивая и убиваясь, спите! Ничего тут нового на белом и тёмном свете, кроме разве

материально-вещественного благополучия, нет, ничего – ни под Луной, ни под Солнцем, ни под облаками, ни под тучами, ни в засуху, ни под дождём! Глянец, он и есть глянец, разве *это* плохо? Нет, совсем и не плохо, да вот почему-то тревожно и гнусновато на душе, да вот если б только у беспокойных (сумасшествующих!) единиц, а то ведь и у народов тоже. А что касается *что-то* знающих, над *чем-то* думающих, *чего-то* понимающих, *зачем-то* ещё и мудрствующих, а то и безответственно баламутствующих, как бы и интеллектуалов, то о них мироправители вкупе с союзными им душеприказчиками снизу и понизу – что там, что здесь, что не там, что не здесь – не без тщания постмодерново позаботились, превращая горе-мудрецов во что-то для них *иное* – хоть в вещающих, хоть в безмолствующих, хоть в ходячих, хоть в обездвиженных… э-э… *симулякров*, в этаких юродствующих на свету и в темени *благородных анахронизмов*, разумеется, никому особенно и не нужных. Ложь, она ведь не сильнее правды, но зато куда-как ловчее, изобратательнее, эффективнее, а уж о лживой доходности и говорить нечего, тут уж её и только её выигрышная доля, да что доля – вся, знаете ли, неразрывно увязанная с нею юдоль!

102

Итак, сначала выскочили откуда-то из бытийно-небытийного, а точнее бы сказать, из небытийно-бытийного, дискретного чрева первые в истории Руси-России *президенты*, что СССР, что РФ, затем выскочила откуда-то оттуда же, сделанная с их личным, поддержанным из-за рубежа, ведущем участии *контрсоцкомреволюция,* начатая с победы над ГКЧП, запрета КПСС и роспуска СССР, вполне себе антисталинская, пусть и с немало сталинским метод-замесом, а по сути-то антироссийская и прозападная, споро перешедшая в заговорно-проективную банд-прихват-капитал-феодал-операцию, ну а потом уже пошли чередой, образуясь прямо в реальности, такие неожиданные события, данности и происшествия, как протестный бунт со стороны части самих же передельщиков страны против ими же осуществлённой контрсоцкомреволюции, точнее, последовавшей за ней преобразовательной и по сути антистрановой «реформ»-операции (1993 г.); явление шайкообразной олигарщины («семибанкирщины»), государственно-финансовое банкротство (оно же дефолт); южная

этно-гражданская война с оголтелым, как раз внутренним, терроризмом; поражение в этой войне федералов и круговое банкротство, оно же и круговой дефолт, контрсоцкомрежима с его бездарным правлением, а вот дальше… э-э… вдруг откуда-то новый из небытия-бытия *выброс* – чей-то и кем-то сделанный тихий, аккуратный, многоходовый переворот во властных верхах с явлением нового, никому толком тогда не известного, лидера с новым по составу и духу правлением, как оказалось, из… Петербурга и петербургским (не из Москвы и не московским, заметим, тем более не из Ставрополья или Екатеринбуржья, а оттуда – из *второй столицы,* побывавшей две сотни лет и первой столицей, кстати, *имперской* и… *прозападной*, а не архаично-русской, какой всегда была Москва, и не соцкомсталинской, каковой Москва ещё недавно, почти век, пребывала, даже и не чисто контрсоцкомреволюционной, каковой на этот момент как раз была Москва – интересно, не правда ли?), что повлекло за собой не так *обновление* (хотя бы за счёт конца той же «семибанкирщины»), как (Sic!) *укрепление* контрсоцкомстроя, разумеется, через победу во второй южной войне и над внутренним терроризмом, ну и что особенно важно, через поддержанный Западом эконом-хозяйственный в РФ подъём. Да, хоть и отрицал обновлённый в 2000-е строй своего генетического предшественника из 1990-х, но так отрицал, чтобы не только сберечь его основания, но и превратить, вынужденно или нет, из всего лишь прозападного недостроя в самую что ни на есть достроенную его – Запада (Sic!) – *принадлежность,* – вот каковой была и чуть ли не была окончательно и бесповоротно достигнута главная цель-задача, да вот привередливая зе́мная реальность, ещё и влекомая (не будем говорить, что управляемая) трансцендентным Провидением, развернулась, причём не без то ли опрометчивой, то ли, наоборот, что как раз и надо было, внезапной, точнее, взявшейся ниоткуда, дерзкой инициативой само́го высшего РФ-правления, развернулась реальность в невероятную тогда, да и сегодня тоже, мало что антизападную, так ещё и пусть тогда совсем и не желательную для РФ-правления, пророссийскую сторону. Не только Господни пути *неисповедимы*, не только пути текущей на Земле человеческой реальности, но и, как видим, пути и самого человека, недаром же с досадой восклицающего в острый неисповедимый момент: «Э-эх, чёрт попутал!».

103

Попутал чёрт или нет высшее РФ-правление, не так уж и важно, а важно совсем другое – неожиданно выскочившая из небытия-бытия *конфронтационная между Западом и РФ-Россией геостратегическая ситуация*, при этом куда более жёсткая, гадкая и опасная, чем это было между Западом и СССР в эпоху «холодной войны», причём вполне и оправдывавшаяся по-своему и для себя обеими вдруг «заартачившимися» сторонами. Так, заносчивый, безапелляционный и вроде бы благодетельный для РФ и её правления империо-колониалистский Запад посчитал критикабельный против себя РФ-выпад за мало что неблагодарный, но и вообще совершенно недопустимый, а потому и заслуживавший даже не отпора взбрыкнувшей стропивице, а самого что ни на есть её жёсткого наказания с достижением от неё предназначенной ей сюзереном вассальной покорности, для чего Запад стал творить разного рода вредоносные для РФ-России деяния войно-агрессивного, санкционного экономико-технологического, даже и патогенного (болезнетворного) свойства, как и укреплять натовский блок, превращая его из анти-СССРовского в антироссийский, натравливать на РФ-Россию своих новых и старых сателлитов, выпустив вперёд Грузию, Украину, Польшу, Прибалтов, ту же Румынию, создавая полосу нестабильности вокруг РФ, в общем, рассматривая РФ-Россию вовсе не как равноправного партнёра, о чём пеклось РФ-правление, а чуть ли не главного геостратегического противника. Ну а РФ-Россия, желанно сохраняя в 2000-е с такой проблемностью, затратами и жертвами добытую в 1990-е, давно ею де чаемую, контрсоцкомреволюционную вестернизацию, вдруг и не вдруг почувствовала при этом опасность себя – страны, а также владетельной элиты и самого властного правления, растворения в западной агрессивно-токсичной среде и полного в ней исчезновения, а потому озаботилась, с одной стороны, установлением реальных, а не фиктивных между РФ-Россией и Западом *партнёрских отношений* – деловых, политических, геостратегических, даже и милитарных, исключавших вассальную зависимость РФ от Запада во главе с США, отчего, во-первых, продолжала, если не показательно усилила, вестерн-преобразования в стране вплоть до весьма широкой демилитаризации (дезармиезации), слава богу, сохранив свой термоядерный потенциал, а во-вторых, делая деланный вид, что

ничего особенно враждебного меж РФ и Западом не происходит, что всё вскоре меж РФ и Западом как-то наладится, ещё и чуть ли не на РФ-условиях, продолжила сдержанно настаивать на своей протестно-критической позиции относительно Запада, даже и покинув пресловутую G-8. Однако сколько верёвочке не виться, а конец её найдётся, нашёлся и конец псевдопартнёрской игре между Западом и РФ, когда всем стало ясно, что со стороны РФ случилось не что иное, как, пусть и «партнёро-любивый», но всё-таки *бунт* против Запада и США, а с противоположной стороны пошло не что иное, как против РФ-России поначалу вроде бы лишь импero-колониальная, а, как стало быстренько ясно, самая настоящая экзистенциальная не на жизнь, а на смерть *война*, поначалу более или менее латентная, глухая и молчаливая, почти что и незаметная, а затем вполне себе открытая, откровенная, громкая, как раз гибридная, правда, в своём горячем виде ведомая не непосредственно НАТО и, тем более, США, а благополучно нашедшемся и подготовленным для этого американо-натовским сателлитом – Украиной, как раз к сему моменту ставшей в итоге внутреннего переворота националистической (и нацистской) Укронией, ещё и сходу принявшей себя за мирозападную, запросившись в НАТО и возродившись как оплот антирусскости и антироссийскости, считая себя самым последовательным врагом не одной РФ, а и коренной России. Так вот всё истинно бытийно-историческое, а не иллюзионно-наигранное аки в худом театре, вдруг проявилось, и утвердилось, и… пошло-поехало, да не только, как оказалось меж РФ и Западом с США во главе и с НАТО в американском багажнике, но и во всём зе́мном мире, ибо такой конфликт, как меж Западом и РФ, не мог не иметь не то что вселенского значения, что, кстати, не исключается, а попросту всемирного *пред-*, *ход-* и *итог*-контента, который вдруг взял, да и обнаружился, да так, что не одни мурашки побежали по зе́мному патобренному телу, в вполне себе и крутые пошли патосодрогания!

104

Добровольно-принудительный уход СССР вкупе с патронировавшейся им миросоцсистемой с суетной мироземной арены то ли в небытие, то ли всего лишь в навь, и внезапное явление на зе́мном шарике монократического под геополитической эгидой

США и верховенством доллара западно-прозападного по образцу всемирного… э-э… *порядка*, а на самом-то деле не более чем *квази*-порядка (или же *хаосмоса*), вовсе не оздоровило всемирного постмодернового хомобытия и не сделало его для человечества не то что беззаботно счастливым, пусть и *квази*-счастливым, даже и *псевдо*-счастливым, а хотя бы целостно *вито*-приемлемым. И это несмотря на вроде бы явную и бесспорную викторию вестернмиро-глобального правления, лучше всех на зе́мном свете де знавшего как всем населенцам планеты жить, в какой степени и в каком виде ему безоговорочно подчиняться, пребывая без сонма суверенных государств и без доминирования самобытных локальных культур, зато с субординарованными относительно глобального правящего центра местными исполнительными правлениями, без сообразованных в единое целое наций, без государственных границ и идейно-нравственных патриотизмов, со свободной эксплуатацией Западом всего зе́много мира с его ресурсами и рабочей силой, с распространением по миру электронно-теле-цифровой, иерархически обустроенной сверху вниз и из центра на периферию, всепроникающей, всеконтролирующей и всеуправляющей вплоть до каждого человечка информ-mass-media-интернет-системой, в общем – с переходом к новому, постмодернового пошиба, разгосударствлённому, денационализиро-ванному, антикультурно расчеловеченному, незримо и тайно из глобального центра управляемому, аморфному, массоподобному, всецело и строго регламентируемому, партикулярно эвтаназийному, какому-то там зе́мному, а скорее, уже как бы и *сверх*-зе́мному, или *над*-земно́му, естественно, с круто в числе насельников Земли сокращённому, уже и *пост*-человеческому, *техно*генному и *техно*кратическому, с развитым искусственным, вполне всем и вся управляющим, интеллектом, зе́мному миру по замыслу-де антиутопийному, хоть в возможных его реалиях и вполне утопическому, однако… нет, не к миру вовсе, а уже как раз к какому-то… *пост*-миру, не только всего лишь поражённому, а и целостно уже освоенному зарвавшимся сатанизмом.

105

Не дурственно, не правда ли? Однако, по автократически захваченному было Западом миру вдруг пошла просто так не объяснимая, какая-то прямо-таки *апокалиптическая*, *тряска*, да лад-

но бы по западному или даже российскому мирам, нет, по всему зе́мному миру, и выразилась не так в той же нараставшей день ото дня конфронтации Запада с Россией или Запада с Китаем, нет, даже не так в тех же локальных апокалиптических событиях типа ливийских, афганских или сирийских, а в каком-то сначала подспудном, а затем и всё более явном, каком-то трансцендентном, *беспокойстве* всего планетарного мира, в его усиливавшейся неспособности продолжать себя *таким, каким* он к XXI в. стал под неодновековой локомотивной тягой Европы, а затем более всего Америки, как и в немалой степени, хоть и на краткий срок, сталинского СССР, как раз таким, *каким* он реально стал в XXI-ом, как выясняется, вполне себе и роковом для всего зе́много человечества, веке, а всё потому роковом, что зануждался вдруг мир не просто в тряске, а в самой что ни на есть крутой экзистенциально-хозяйственной и бытийно-исторической *встряске* – ВСТРЯСКЕ!, да не какой-нибудь, а разнообразно (гибридно) *войновской* – не на жизнь, а на смерть, той самой *встряске* – ВСТРЯСКЕ, что трансцендентно (объективно) вызывается как из земноподземных глубин, так и из небесно-занебесных высей, как и вызывается *самой реальностью*, пусть и с участием человека, но в истоке всё-таки до и без него, то бишь вызывается какими-то нечеловеческими, Неизвестно-Иными, таинственными, но в любом случае сакральными, силами, пусть и с разными служебными знаками и разнонапраленными указующими путь стрелками – плюсом или минусом, туда или сюда, – и всё ради вовлечения зе́много, точнее, земно-космического, мира в великую эсхатологическую… э-э… *перестройку* – ПЕРЕСТРОЙКУ! – с целью перехода зе́много, точнее, земно-космического, мира в какой-то… э-э… *иной* – ИНОЙ! – мир, ещё и неизвестный, хоть и как-то уже *пред*-намеренный, но вовсе не зе́мным сознанием, а *под-* и *над*-земным то ли сознанием, то ли его каким-то аналогом, то ли попросту бессознанием, задевающим, конечно, земно-человеческие сознания – от индивидуальных и клановых до народных и общечеловеческого, побуждая их участвовать в даже и не слишком ими осознаваемых перестроечных процессах, мало что мучительных и затратных, но и с неизвестно каким итогом, а ныне так и вообще с немалой вероятностью с каким-то безбудущным концом, не исключая и всамделешную *катастрофную кончину* земно-космо-со-человеческого мира.

106

И ежели в мир явилась *вдруг* (!) какая-то явно странная, не попадающая под привычные характеристики, война с эпицентром на Украине, выглядящая при первом, вполне бегло-поверхностном, взгляде всего лишь как локальная гео-графическая война; при втором, более пристальном и проницательном, взгляде как уже война, развязанная вроде бы ради сохранения и укрепления величия одной – западной, и суверенитета другой – российской, из воюющих сторон; при третьем, ещё более пристальном и проницательном взгляде, как война между западным и незападным зе́мными мирами, включая их субъектно-цивилизационную составляющую; при четвёртом же, уже даже не взгляде, а, скорее, глубоко познавательном размышлении, война заявляет о себе как экзистенциально-историческая схватка между постмодерновым антимиром и модерно-премодерновым ещё-миром, а вот при пятом, уже не только не взгляде, но даже и не размышлении, а чуть ли не софийном откровении, сия войновская «страннушка» предстаёт не чем-нибудь, а бессмысленным и беспощадным *эсхатологическим сражением* нынешнего мира-антимира… э-э… *с самим собой* – САМИМ СОБОЙ!, прологом к чему как раз и послужили мировые войны XX в., включая и «холодную», да ладно бы войны, а то ведь и сама Великая евро-российская соцкомреволюция, тоже ведь… э-э… мировая война – как раз по идее вторая, что делает Вторую мировую войну третьей, а последовавшую за ней «холодную войну» уже, пожалуй, не войной-прологом, а непосредственной предтечей нынешней всемирной заварушки, четвёртой, стало быть, а ежели быть последовательным, то, во-первых, перестройка в СССР с крахом СССР и последовавшей борьбой Запада в союзе с коллаборационистским про-Западом в РФ, в ряде бывших советских республик («независимых государств»), в бывших соцстранах и в странах бывшей соцкоориентации против мирового экзистенциально-цивилизованного, социохозяйственного и геостратегического наследия, заострим квалификацию, сталинизма, тоже ведь мировая война, пусть вторая «холодная», но при этом и пятая по числу мировых войн в XX в., а, во-вторых, всё бытие-история в XX в. есть не что иное, как *сплошная мировая война*, причём мало что война разных зе́мных субъектов и сил между собой – государств, межгосударственных союзов-блоков, цивилизаций, социо-эконом-хозяйственных классов, разного рода

движений и партий, как и идеологий, вер, культур, в чём не было ничего для бытия-истории экстраординарного, как не было ничего необычного в борьбе вообще нового с вообще старым, однако мировая XX-го в. война имела и кое-что существенно отличное, кроме масштаба и фактической непрерывности, от предшествовавшего времени, даже и от XIX-го в., который вовсе не страдал миролюбием и вовсе не пренебрегал, если не всемирными, то достаточно мирового значения войнами, как те же, к примеру, наполеоновские или империо-колониальные по миру войны, – и отличие XX-го войновского века состояло в начавшейся схватке не просто нового мира со старым, как то было в той же Европе в связи сначала с Ренессансом и Реформацией, а затем с тем же Просвещением, а с новофилософической точки зрения и в связи с наступлением Модерна на Премодерн, а уже *воистину эсхатологической*, беременной не просто концом одного бытийно-исторического зе́много мира и переходом к другому, а *концом вообще зе́много мира*, что поначалу выражалось с новофилософической точки зрения всего лишь в борьбе Постмодерна с Модерном и остатками Премодерна, то бишь не более чем во вре́менно-временно́й, хоть и эпохальной, переконструкции с перелициванием зе́много мира, никак не лишавшегося будущего – ни как экзистенциального ожидания, ни как непременно долженствующей наступить реальности. Однако всё пошло иначе!

107

Широко вокруг если не любимый, но всё-таки явно признаваемый Постмодерн оказался куда коварнее, чем думалось и думается до сих пор его полу- и вполне-целостно-сумасшедшим адептам – он, этот самый Постмодерн, который вовсе не сводится к одной лишь антикультуре, а заходит и на сам по себе человеческий мир, обволакивая его кощунственным антимиром и превращая в технотронный постмир с адекватным ему технотронным постчеловеком – *технотроником*, это в лучшем случае, ну а в худшем, ежели Постмодерн не только Модерну *пост*, но и всему миру тоже *пост*, отчего он миру человеческому не что иное, как… нет, не роскошный вовсе скорбно-торжественный реквием, а всего лишь пошло-трескучий ша́башно-бесшаба́шный похоронный гам! Постмодерновый мир, явно пока одолевающий мир модерно-премодерновый – *мир-самоубийца*, этакий

эвтаназийного лада САМОУБИЙЦА!, что как раз и надо иметь в виду всякому ныне пытливо-озадаченному зе́мному сознанию, относясь к сему не как к неотвратимо заложенному в судьбу зе́много мира дьявольскому сценарию, хоть это, возможно, и так, даже не как к ныне явно фиксируемой антиэкзистенциальной угрозе человеческому миру, что понятно, а как к встроенному в человеческий мир вполне себе *антимировскому* фактору-ферменту, с которым миру ныне приходится быть, считаться и идти вперёд, ну а ежели не идти вперёд, а всего лишь топтаться в недоумении на месте, хоть этого во всё ещё самоуверенно прогрессном мире почти что и нет, однако присутствие чего в мире теперь надо непременно учитывать как при экспертном обследовании (расследовании) текущего миробытия, так и при анатомически дерзком его вскрытии, ну и, само собой, при любого рода, включая и войновские, судьбоносных социохозяйственных деяниях. Ах, элиты, элиты, ах, правленцы, правленцы, какие же невозможные экзистентзадачки вдруг выскочили пред вами из коварного небытия, из которых самой легко исполнимой стала вдруг казаться аккурат самая жуткая и злая, зато и самая, надо заметить, искренняя – *термоядерная катастрофа*! Да, мир земно-человеческий явно пошёл в разнос, забулькател, заколбасился, затрещал, да и как невероятно, внезапно и споро, но чему тут удивляться, ибо мир человеческий давно уже *перенакоплен самим же собою*, да ладно бы собственно человеческим миром с собственно человеком в своей перенапрягшевшейся и занемогший оттого экзистенциальной ткани, а то ведь чрезмерно заправленным вдруг и не вдруг расплодившимся в нём антимиром со всей его античеловеческой в образе человека, хоть и не всё-ещё-человека, мириадной агентурой – тайно-правной (масонской), идеологической, менеджериальной, научной, образовательной, литераторской, журналистской, издательской, медийной, медицинской, поп-культуровой, шоу-досуговой, культовой, оккультной, сектантской, да мало ещё какой вплоть до мошеннической, воровской, бандитской, отчего мало что перенакоплен из-за своих чрезмерно относительно планеты Земля с её природой объёмов (и веса) производства, потребления, инфраструктуры, мусоросброса, загрязнения, но ещё переобилен мало что ненужными деяниями, инициативами, проектами, мероприятиями, тусовками, массовками, но и словами, речами, фантазиями, фейками, выдумками, ложью (постправдой), в об-

щем – от сознания-бессознания и умия-безумия симулякрами, да и вообще перенасыщен психикой, кто знает какой и в какой мере, одно ясно – всякой аномалистикой. Это-то перенакопление мира с антимиром от самих же себя и давит изнутри аки перегретый пар в паровом котле на дискретную ячеисто-сотовую оболочку земно-человеческого мира, не только грозя её разорвать, но и, как видно, уже приступив к этому гнусно-спасительному подрыво-взрыво-процессному, превеликому по бытийно-историческому значению, деянию.

108

Энергично разбухавший от принятой согласно евроэконом-техноревoлюции в общем-то сатанического ренессансно-просвещенческого времени Модерна в общем-то сатанической капитал-хозяйственной установки на безразмерное накопление богатства и на безудержный рост всего и вся, в общем-то немало давненько осатанившийся нововременский импero-колониальный земно-человеческий мир с завидной периодичностью впадал от самого себя в свои же хозяйственно-цивилизационные кризисы и органичные ему и этим кризисам разрушительно-захватнические войны, можно сказать, ставшие вполне институциональным феноменом, так что ничего особенного в мировойновской тусне новейшего – XX–XXI вв. – времени в общем-то нет, кроме разве, одного момента – её, этой тусни, хоть пока лишь угрозного, но вполне себе и реально возможного, эсхатологического завершения, да ладно бы самой тусни, даже одного из земно-исторических земно-локальных миров, пусть даже и евроренессанспросвещенческого, а то ведь и завершение самого земно-космического человеческого мира вообще, отчего нынешняя, уже сугубо XXI в., мировойновская заваруха имеет двойное со взаимоисключением каждого из двух возможных исходов назначение – либо уничтожение земно-человеческого мира в целом, либо его в целом или частично спасения для продолжения в будущем, уже в каком-то ином, чем ныне образе, если не в образине.

Нынешний земно-человеческий мир нашёл-таки для начала мировойновской заварухи «слабое место» практически там же, где он его находил и раньше – на стыке западного евроамериканского и восточного евразийского анклавов северного относительного всего зе́много мира цивилизационного пояса, в основе

белорассового и христианского, однако внутри себя хоть немало в целом и идентичного, но всё же далеко не единого, а проще говоря, так уж сложилось исторически, нашёл на стыке Европы (ныне Евро-Америки) и России (ныне РФ), как раз на том самом стыке, где имеют честь, долю и беду периодически сходиться в боевой схватке как бы между собой «свои», но на деле всё-таки «не свои», то друзья, то противники, так или иначе соперничающие между собой из века в век, две евроазиатские силы – западная и восточная, а на данный момент – победительный Запад во главе с мировым сюзереном США и вроде бы побеждённая в лице СССР, но вдруг громко и недвусмысленно заявившая о своём субъектном, тогда ещё партнёрском, суверенитете и становящаяся реальным сувереном наследная СССР и контрсоцкомреволюционной РФ 1990-х поднимающаяся в собственных и сторонних глазах РФ 2000-х.

109

Вообще-то конфликтных стыков по миру всегда хватает, да вот стык бывает стыку рознь: тут же в стыке сошлись, понимаешь ли, победительный имперо-колониальный мировой сюзерен и… нет, вовсе не претендент на сию незавидную роль такого вот сюзерена, но… во-первых, явный бунтарь пред, казалось бы, бесспорным заокеанским главарём, согласный на равное с ним партнёрство, но отвергнувший, даже не набрав достаточных для большой войны сил, вассальную от него зависимость, а во-вторых, бунтарь, который, сам империя, да ещё и с термоядом за пазухой, способный в перспективе, как это случилось с его предшественником СССР, занять ведущее место в мировой иерархии, мало того, стать в земном мире… нет, не сюзереном англосаксонского типа, а… если и не единоличным, но всё-таки… *лидером*, чего нынешний монетарно-технотронный сюзерен допустить уж никак не мог и развязал оттого превентивную, быстро ставшую остро актуальной, *гибридную конфронтацию* с зарвавшимся-де вассалом, втянув в неё в качестве огненно-войновского меча перекинувшуюся на его сторону неонацистскую (антирусскую и антироссийскую) Украину (Укронию), а в качестве ближайшего милитарного тыла сего меча назначил подотчётные себе европейские страны-члены НАТО, включая центральноевропейских и прибалтийских натовского замеса неофитов. Так был зачат с учётом поддержанного Западом укронацистского майданного политического переворота

на Украине, укронацистского ликвидационного давления на русский мир и вынужденной его защиты со стороны РФ-России (Крым, Домбасс) новый безумный очаг мировой войны, как раз и ответивший на вполне себе созревшую потребность зе́много мира, уже по преимуществу мира постмодерновой ориентации, иерархо-пирамидальной конструкции со вполне себе монократическим, во многом конспиративным (за́говорным) и хаосо-катастрофо-генным способом правления, но при этом, как давно уже повелось на этом свете, эксплуатационно-импер-о-колониальным на социо-хозяйственном треке, как раз возникла вполне себе экзистенциальная и при этом антиэкзистенциальная потребность на *самоподрыв*, на подрывную в отношении себя же *мировую войну* и, коли зе́мному миру в том повезёт, на переход (перепрыг, перескок) к какому-то *иному* на планете Земля по концепции и устройству миру, а уж к лучшему ли, как мечтается, или же к худшему, как обычно выходит, или же просто к неизвестно какому, но непременно… *другому*, это уж как земно-космическая реальность в облатке Неизвестности и под давлением Иного решит, не говоря уж о намерении и воле Господа Бога Творца, как и о коварной «наперекорке» Божиго противника и соработника, завзятого бунтаря и неустанного революционера, беспокойного супротив любой зе́мной судьбы игрока – *сатаны*!

110

Я – *философия хозяйства* – вовсе не игнорирую факто-феноменальной стороны земно-человеческого бытия, пристально наблюдая за всей деятельно-событийной, как раз хозяйственной, его данностью, за той же ныне разворачивающейся в земном мире гибридной войной, которая тоже ведь хозяйственно-антихозяйственный феномен со всеми хозяйственно-антихозяйственными разрушительно-созидательными атрибутами, но, наблюдая за внешней данностью, я погружаюсь во внутреннюю, скрытую от глаз, её – этой данности (кстати, всегда в реалиях как бы недовыраженной и остающейся не вполне улавливаемой сознанием, тоже ведь всегда так или иначе недовыраженным) – *эзотерическую* (можно сказать, что и субъективно-объективно конспиративную) обусловленность, как раз в реальном бытии если не всё решающее, то, уж немало из в нём происходящего определяющую, пожалуй что, и главное. Земно-человеческий мир всегда неспокоен, пусть в пространстве

и во времени дискретно-локально и моментами по-разному, с разной мотивацией, силой и итогами, но он всегда пребывает в той или иной тряске и всегда от этого то всего лишь потрескивает, то заметно трещит, а то, и ломаясь и выворачиваясь, невыносимо грохочет. Вот и ныне мир земно-человеческий потрещал, потрещал, в целом вроде бы по-мирному, аккурат с полвека после Второй мировой войны, довольствуясь локальными то там, то сям взрыво-войновскими происшествиями, грохнул нежданно-негаданно распадом СССР с его соцсистемой, однако в общем-то, можно сказать, тоже по-мирному, да вот вдруг, вновь загрохотав войной, мало что затрепетал, так ведь и на новый, уже и общемировой, распад пошёл, да не простой распад, а по многоярусной вертикали, грозя образовать вместо только что было достроенной по итогам «холодной войны» властно-долларовой атлант-пирамиды, ребристой подошвой своей распластавшейся на весь земной мир, а заоблачным туманным конусом своим вознесённой как раз там, в благословенной Америке, образовать не что иное, как либо другую большую пирамиду, вполне и суверенную, даже и по-своему имперскую, либо целый парк разбросанных по зе́мному миру суверенных и тоже немножечко имперских пирамид, вдохновлённых общим, энергийно сильным, анти-атлант-интересом, стимулируемым исподволь, хоть и не скрываемо ни от кого, межгосударственным и даже межцивилизованным, вроде пока ещё аморфным, образованием с позывным БРИКС. Ну и выверт Бытия-Истории, и попробуй скажи, что случайный или какой-то там закономерный, нет, не то тут и не другое, хотя в чём-то и закономерное, однако в целом всё-таки это… э-э… *сам-себе-выверт*… бац!.. и явился – невозможный и внезапный, влекомый бесконечной Великой Неизвестностью и толкаемой вперёд беспредельным Иным – странный, парадоксальный, ироничный, а для кого-то из закопёрщиков великой исторической конфронтации (как раз гибридной) и прямо-таки издевательский!

111

Да-а, с Бытием-Историей, как заметим, и с его трактованием, а соответственно с Экзистенцией и Хозяйством, Миром и Войной, Политикой и Геостратегией, Наукой и Искусством, особенно в гуще mass-media-болтовни, шутить нельзя – *закон бумеранга*, он же и *закон возмездия*, а это как раз и в самом деле закон, ко-

торый никто не отменял и отменить не может, даже и Сам Господь на это не пойдёт, а уж сатане такое просто не под силу, хоть и под силу не без злорадного удовлетворения поучаствовать в исполнении сего закона (сначала соблазнить на неправое, да хоть и правое, дело, а потом и вдарить согласно сему закону по соблазнённому субъекту, всё равно какому – индивиду, клану, народу, нации, государству, причём за правое дело куда-как побольше, чем за неправое: возмездие настигает всех – неправых и правых, да вот последних почему-то почаще, пострашнее и понеотвратимее, чем первых, тоже тут, наверное, какой-то неотвратимо странный закон действует), ну а в нашем актуальном миромасштабном случае бумеранг прилетел прежде всего на затейливый Запад, ударив всего больнее прямо по старушенции Европе, включая и гадливую Англию, покорившей под сенью Модерна практически весь мир, затеявшей не одну войну, хоть внутриевропейскую, хоть колониальную, хоть мировую, однако заучаствовавшуюся, правда, по вине более всего своего заокеанского сыночка, а ныне всемирного сюзерена – США, и в нынешней, уже XXI в., в общем-то и в *не своей* войне, да так ударил, что пошла Европа в разнос, аки поздний СССР, споро выйдя на край небытийной бездны, рискуя в неё и нырнуть с головой, да вот, хоть и отвела Америка от себя на Европу прямой и жёсткий удар бумеранга, а всегда было и сейчас есть за *что* ему в Америку прилететь, но вообще-то кое-какого удара его и сама не избегла, весьма судорожно прямо изнутри всем своим изрядно подгнившим организмом затрепетав и всё-таки выйдя на грань вероятного саморазвала, не говоря о куда более вероятной утрате своего долларо-управленческого глобалистического влияния. Ах, война, война, начавшаяся всего-то как наказательно-показательная трёпка от сюзерена в отношении взбунтовавшегося почти что уже и вассала, не на шутку вдруг и разгоревшаяся, да вот зато какие же у неё непредвиденные – невероятные и внезапные – следствия! Да-а, с Бытием-Историей шутки плохи, особливо с его пониманием-непониманием, грешащим грёзами, фантазиями, утопиями, ну и с легковесным сюзерен-произволом, когда ты вроде бы могучий монстр, а на самом-то деле уже всего лишь вступающий в новую для себя безжалостную и беспощадную реальность разноцветно сверкающим зеркальным отблеском его о́боротный, хоть и всё ещё чешуйчатый и клыкастый, симулякр!

112

Вот и РФ-Россия, побывав кратковременно симулятивным пертнёром, даже чуть ли не союзником, мало того, чуть ли не органичной частью Запада, в общем-то – актора, ведомого подмявшей его под себя ай-люли-угрюм-Америкой, и осознавши в лице своего вполне себе по сути-то прозападного, хоть функционально и тяготевшего к спасительной для себя, пусть и лжепартнёрской, самодостаточной субъектности второго постсойкомреволюционного полит-социо-хозяйственного режима, точнее, его правления, вдруг-не вдруг заартачилась, аккурат в лице прозападного по сути правления, и пустилась если и не вовсю тяжкую, то уж весьма настойчиво за необходимой для самосохранения и удержания собственного будущего поначалу за полит-державной, а затем в перспективе, как можно было предположить, и за эконом-хозяйственной суверенностью. И пошла-поехала, и пустилась взапуски сначала как бы мирно-гибридная, хоть и весьма злостная со стороны высокоцивилизованного-де Запада, конфронтация Запада с не покорившейся ему вполне и ставшей вдруг заявочно корневой РФ-Россией, а затем и настоящая горячая война, да не просто уже с непокорной, хотя и всё ещё бывшей вроде бы лояльной к Западу, но и симптоматично удачливой в кое-каких в своих на международной арене деяниях, включая военную победу над агрессивно-провокационной Грузией и обеспечение государственного суверенитета Южной Осетии и Абхазии, знаменательный маршевый бросок в исторически братский Крым с его возвращением в Россию, защиту столь же исторически братского Донбасса, военную спасительно-миротворную экспедицию в Сирию, плодотворные взаимовыгодные контакты с Турцией, Ираном, арабскими странами Ближнего Востока, с рядом стран Африки и Латинской Америки, не говоря о Китае с Индией, третейские миротворческие миссии в Закавказье, Средней Азии и в Казахстане, поддержку в опасно-критический момент исторически братской, хоть и позволившей себе колебнуться в противную сторону, Белоруссии, укрепление с ней союзных, вполне себе тандемовских, отношений. А что касается экзистенциально-стратегического бумеранга, то он не миновал и РФ-России, причём не так в виде гибридного с милитарной составляющей коварного *нападения* (а чего же ещё?) на РФ-Россию замечательно псевдопартнёрского Запада, как в виде жёсткого упрёка РФ-режиму со стороны исторической,

коренной, глубинной, так сказать таёжной России – РОССИИ!, азартно преданной и с презрением отвергнутой прозападной контрсоцкомреволюцией 1990-х, как и последовавшим за ней адекватным ей режимом, однако не смогшего, – правда, успевшего реально стать более национальным, что ли, – обойтись в годовщину крайне рискованных для себя испытаний без, пусть и немало вынужденного, обращения, пусть более наигранного, чем искреннего, аккурат как *это* сталось у Сталина с его-не его вроде бы тоже антироссийским, и тоже, пусть и с иной, вполне противоположной нынешней, идео-социо-хозяйственной ориентацией, как раз евросоцкомреволюционной, да вот нечего было второму XXI в. контрсоцкомреволюционному, как раз антисталинскому, режиму делать, как не развернуться, аккурат как случилось в своё время у Сталина, к *России как России*, вовсе не исчезнувшей, как не исчезла она в бездне небытия и по итогам Великой в России революции 1917 г., хоть и оказавшейся, который уже в своей истории раз, в роковой спасительной для себя Нави, причём вовсе не отсиживаясь где-то там в навских туманных далях в ожидании к себе конструктивного обращения, на худой конец, тревожно-отчаянного к себе призыва, из РФ-Яви, а непременно присутствуя в Яви, пусть и не слишком при этом бросаясь в глаза, как бы и нелегально, но зато не бездейственно – жизнь-то реальная в той же в крутую вроде бы вестернизированной РФ, да и сам как будто бы сплошь вестернизированный режим, реализовывались всё-таки, пусть подспудно и не совсем так, как надо было бы, но ведь по-российски же, даже и по русски, – куда ж им – *вестернизированным симулякрам*! – было деться от характерного отечественного наследия – ясно, что некуда!

113

Война сия, как в общем-то и любая мало-мальски значимая война, полна феноменального (факто-событийного) разнообразия. Да, она идёт на Украине и выглядит, что и есть на самом деле, как война между Россией и Украиной. Однако, что уже всем в земном мире ясно, сия война есть и война Запада вкупе с его НАТО-й против России, а ещё, чего тоже нетрудно заметить, это война, вполне себе и традиционная, Европы (Западной Европы) с Россией, как и тех же исконных друзей-врагов России с западной стороны российского света, как Польша, Прибалтика, Румыния,

даже и Болгария, в перспективе и кое-какая Скандинавия тоже, в общем, стоило внезапно протрубить боевому сигналу, как участнички войны немедленно объявились на восточноевропейской геостратегической арене. Менее бросается в глаза прикрытый застилающей острое политологическое зрение борьбой за ресурсы и жизненное пространство факт противоборства Европы и нынешней России как наследниц противоположных культур – что древних ведических (языческих), что вековых христианских (католической, затем протестантской, в Европе и русо-православной в России), хоть сама война вовсе не кажется идео-религийной. Ещё менее бросается в глаза, что это война между разными зе́мными мирами – евроамериканским и евразиороссийским, и это, заметим, несмотря на всю нынешнюю, как оказалось, всё-таки не слишком глубинную, вестернизацию традиционно российского мира. Есть ещё одно любопытное двустороннего характера обстоятельство: сия война означает не броско, но верно вдруг развернувшуюся через её посредство борьбу между… (Sic!)… Западом и… Западом, точнее, между традиционным, как раз евроамериканским (классическим европейским и неоклассическим американским), Западом и вдруг ни с того, ни с сего откуда-то, чуть ли не прямо то ли из Преисполней, то ли с Небес взявшегося… э-э… *Нового Запада*, так сказать, постсоветско-российского, что как раз и выразилось во вполне себе, как оказалось, провокационном мюнхенском демарше РФ, её правления и лично его лидера – вроде бы «заяве» на вроде бы достойное место вроде бы споро вроде бы вестернизировавшейся РФ-России под зе́мным, изрядно уже Западом вестернизированным и прихваченным (приватизированным), мировым Солнцем. Да, это была война Запада против России как России, но и… (Sic!)… против России как… э-э… вестернизированной России, а ежели «глубжее», то невольно и против как раз… *самой вестернизации России*. Во как!

114

Война сия, как мне – *философии хозяйства* – метафизически видится, оказывается войной Запада… (Sic!)… *за… Россию,* причём не за нынешнюю РФ, а как раз за глубинную Россию, которая уже и сама, пусть и не громко, без грохота снарядов и ракет, даже и без автоматных очередей, эдак вполне себе мирно, но, знаете ли, упорно, вновь, который раз, воюет, да-да, воюет *за себя,* так что

война Запада против России, обернувшись вдруг войной *за* Россию, сливаясь в единый, пусть и не слишком пока бросающийся в глаза, исторический поток борьбы России *за* Россию. Интересненький факт, не правда ли? Да, нынешнему правлению кажется, что оно лишь использует в своих небескорыстных частно-собственнических, владетельных, властных и частно-присвоительных интересах коренную Россию, продолжая держать её, как оно держит сегодня те же образование с наукой, в особенности, гуманитарные, в ежовых контрольных идео-право-административных рукавицах, может, какое-то время и подержит Россию-Родину в этих самых рукавицах, даже и снова, как было на том же рубеже 1980–1990-х и далее, обманет, но… сколько верёвочке ни виться, а конец всегда найдётся, так, может, лучше не ждать его внезапного появления, а лучше, пусть и вынужденно, его приблизить, как раз с расчётом на более приемлемые для себя последствия сего приближения. И вот тут важно́ ещё одно метафизического свойства обстоятельство, мною уже упоминавшееся: *война сия есть война мира земного с самим собой, вроде бы за себя, да вот и против себя!* А за этим стоит не просто утопический переход к какому-то там новому, естественно, благому-де, вроде того же пресловутого коммунизма, зе́мно-человеческому миру, во что на нынешней Земле вряд ли кто сильно верит, а вот избежать неумолимо приближающегося конца земно-человеческого мира, ныне вовсю становящегося, несмотря на материально-вещественное массовое благополучие, пусть и не одинаковое для всех насельников Земли, как и на уже тотальную вместочеловеческую технотроннику с цифроманией, а может, (Sic!) и *благодаря этому всему,* всё более нечеловеческим – сатаническим, оборо́тно-о́боротным, паскудным, хотя бы оттянуть сей конец, а может, его апокалиптически и приблизить, в общем, не простая это война, очень не простая, хоть и кажется на первый взгляд очередным локальным происшествием, которых на Земле в общем-то видимо-невидимо, не-ет, это вовсе не локальное войновское происшествие, да и не происшествие вовсе, как это представляется что незатейливому в таком разе обывателю, что очень затейливому учёному обозревателю, не-ет, тут всё посерьёзнее и пострашнее, ибо хочет этого земное человечество или не хочет, а ломка зе́много мира уже пошла в открытую от этой самой войны, крутая ломка, а что из этой ломки в итоге выйдет, кроме вполне возможной внезапно-логичной кончины

земного мира, кто ж из зе́мных смертных знает, кроме разве, мистического Иоанна Богослова, да и он не имел, то ли не затруднил себя иметь, может и устрашился сие заиметь – полной-то ясности в таком щекотливом вопросе, наверное, оставляя человечеству шанс – то ли выжить и пожить ещё по-сатанински, то ли самоликвидироваться, тоже по-сатанински, то л–… *преобразиться* (!), как раз уже контр-сатанински! Что тут вероятнее всего для человека, уже и без войны попавшего в лоно-капкан апокали́псса, а война-то сия отличается как раз тем, что работая на апокали́пс, она при этом, совершенно и по-иаонновски, работает против апокали́псса, как, работая вроде бы против России, она работает, тоже согласно библейской металогике, за Россию. Что тут скажешь, коли так вот всё и идёт, круто выкручиваясь и выворотно выворачиваясь!

115

За Россию-то за Россию, да вот не всё так просто с нынешней Россией – присвоенной и прихватизированной откуда-то взявшимся, явно из Преисподней, из того же советского её финала, владетельно-властным классом, если не спрутом, и им удерживаемой в морально растрёпанном, примитивно-потребительском и безобра́зно-безо́бразном постмодерновым состоянии аккурат под симулятивным социально-государственным образованием в виде Российской Федерации, которая сама по себе никакая, кроме имени-символа, по сути-то не российская и в полном смысле слова не федеративная. Да, конечно, авторитарная, даже по-своему и диктатная, что в общем-то привычно, да и необходимо для России-империи, однако, нет, не народная, а ежели и такая, то лишь опять же символично-симулятивно. И вот война, к немалому сюрпризу для всех сразу: что истинных западенцев-евроамериканцев; что не истинных отечественных, а ежели и истинных, то всего лишь окрашенных как пасхальные яйца в яркие заграничные цвета, кстати, не таких уж на деле и западников, а так – игроков в Запад, ибо поскреби каждого, а там, под сверкающей скорлупой, русак сидит, правда, тоже не очень-то истинный; что для вполне себе искренних сынов и сторонников России, которых много, очень много, которые, собственно, и держат на себе и в себе Россию, не давая ей исчезнуть навсегда, удерживая в текущих экзистенциальных реалиях, вольно или невольно, осознанно или нет слу-

жа ей, при надобности и защищая. Всех поражает эта война: как тех, кто её извне развязал и ей всячески споспешествует, надеясь на поражение, развал и исчезновение единой, имперской, немало и самобытной при всей её надуманно-насильственной вестернизации, России; так и для тех, кто, изменив России, её вестернизировал, явно не ожидая *такого* вот вовсе и не остаточного присутствия России в России; как и для тех, кто, не захотев защищать Россию, а может, всего лишь обосновавшийся в ней режим, даже вроде бы и *свой*, сбежал от мобилизации и фронта за границу, что любопытно, многотысячными гуртами в ближайшую, бывшую когда-то российской, совсем не так давно и советской, входящую в фальшивый СНГ; ну и для тех, кто был и остаётся за Родину, за Отечество, за Россию. Однако менее всего эта война поражает воображение землян своей метафизической, можно сказать, что и сакральной, подоплёкой, а ведь какая ещё война, даже самая масштабная, жестокая и кровавая, находилась в таком вот тесном контакте да ладно бы с апокали́псом, а то ведь и с самим Концом Света, который способен вдруг наступить и *до* Второго пришествия, пусть и прямо в его преддверии, а предварительная работа по сортировке землян, судя по всему, уже идёт, на что, в частности, как раз и работает, словно зерновая сортировка, сия, казалось бы, всего лишь локальная война.

116

Дело ещё и в том, что сия война, бьющая не только по Украине с Россией, хотя и не одинаково по каждой их них, не только по западному миру – внутри и извне, по его ведущим акторам, привычным адептам и новоиспечённым сателлитами, но и по всему зе́мно-человеческому миру, заставляя его неординарно колебаться, вибрировать, ломаться, входить в неопределённое состояние неопределённых перемен, при этом вовсе не потому, что война работает на какой-то там новый, да ещё и априори кем-то предусмотренный, мир, хотя стихийно, может, и работает на какой-то возможный-невозможный в обозримом будущем, если оно – это будущее – состоится, главное, война стала вестником, орудием и стимулятором *глобальных перемен* – ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН!, как раз в зе́мном мире, который уже не останется прежним, который имеет шанс стать другим, пусть доподлинно и неизвестно каким, но всё-таки *иным*, очень даже *иным* – ИНЫМ!, и что-то этакое

начинает под толчковым воздействием войны и с инициативным участием РФ-России складываться аккурат в незападной (!) части земного мира, пусть ещё лишь абрисно, но, как водится в тревожные бытийно-исторические времена, неожиданно и споро, чуть ли не невозможно и чуть ли не внезапно, в данном случае хотя бы на основе, вокруг и на принципах тихо-мирно возникшего, подокрепшего и подокравшегося к истине БРИКС'а – этого нового типа межгосударственного образования с неблочным, даже и не союзным, статусом, а так – вольноопределяющимся, может, как раз воистину и партнёрским, так во всяком случае это ныне выглядит, хотя в дальнейшем наиболее вероятны региональные группировки стран с сильными имперскими ядрами-центрами если не во главе, то с ведущей ролью, а что в реалиях будет, если будет, то сама реальность и решит. А война, алкая мужества, чести и жертвенности, но и взывая в среде армейцев к братству, взаимопомощи и бескорыстию, пусть и с неизбежными исключениями, обнажает и всю порочность мирного-де цивилизационного бытия, и именно *этого – нынешнего*, как раз современного *этой – нынешней,* войне. А это-то *обнажение* – ОБНАЖЕНИЕ!, – и есть самое злое, безоговорочное и нетерпимое, взывающее если не к заслуженному возмездию, то уж к жёстким – глубоким и масштабным – переменам – точно!, чего – ни того, ни другого – может и не быть, да и вряд ли когда на позитиве бывает, исключая ворчаливое негодование одной стороны – нижне-народной, и лукавый камуфляж от другой – верхне-правленческой, а вот конструктивно-изменческое единение верха, низа и сердцевины если и бывает, то бывает более всего, помимо безнадёжных надежд, лишь в мифах, сказках да в пропаганде.

117

Что ж тогда, одно лишь обнажение, осознанно и тщательно сверху исказительно прикрываемой текущей данности и никаких надежд на её позитивную перемену в соответствии с чаяниями снизу? Да-а, пожалуй, что так, хотя перемены-то всё-таки могут быть, да вот какие же? И тут уместно напомнить об одном могучем законе бытия и им управления: не идёшь вовремя на необходимые перемены, реальность их свершит сама, пусть и с временны́м лагом, и сделает это *по-своему*, бросая в топку перемен не одну не оправдавшую себя реальность, но и тебя самого – современ-

ника! Хорош закон, не правда ли? И кто только в Бытии-Истории на него не нарывался, и кто только ему не проигрывал, и кто только оттого в отчаянии не убивался! Да, стараемся, ничего в корне не меняя, если и идти навстречу необходимости, то более всего фиктивно, игрово́, обманно, выбирая для себя худший из экзистенциальных призов и обрекая реальность, себя и всех вокруг на произвол Великой Неизвестности и бесстрастное вожделение Иного. Тут надо понимать, что выбор здесь как раз за человеком: делать что-то или ничего не делать, либо идя по-честному навстречу потребностям не одной текущей, но и складывающейся наперёд реальности, либо пытаясь её – реальность – фальшиво обмануть, а то и предпочесть против подступающей реальности якобы сдерживающие её наступление репрессии, так или иначе, завтра или через срок беспощадно аукавшиеся тем же самым, но уже в обратном порядке. Реально-потребные самой реальности перемены тут всего предпочтительнее, какими бы трудными и сходу даже непопулярными они часто не бывают, но… интересы, интересы, интересы, разумеется, частные, эгоистические, немало и шкурные, они-то и давлеют чаще всего на действующее правление, лишая его не только воли, но даже и желания что-либо делать *этакое*, зато вселяя в душу его страх, а ум его застилая пеленой, впрочем, это не касается отпетых игроков, так сказать, субстанциальных, ибо такой игрок всегда стремится, а иного ему и не дано, непременно поиграть и даже выиграть, причём всё равно с кем или с чем – с людьми, с собой, с судьбой, с реальностью, с дьяволом, даже и, сознавая это или нет, с самим Господом Богом, однако и тут упомянутый выше *закон необходимых перемен* действует себе и действует, уже и в игре, опять же *по-своему,* а вот *как* в том или другом случае, он – закон – этого и сам не знает, ибо он тоже игрок, немало и произвольный. Да, везде, всюду, всегда в любом правлении *риск*, большой риск, а иной раз и безразмерный, и особенно он таковой в роковые для Бытия-Истории переменные моменты, времена, эпохи: тут и спрос великий, и ответственность громадная, и затраты огромные, и плата страшная. Однако лучше всё-таки что-то менять и менять реально, не фиктивно, чем либо ничего не менять, либо же менять симулятивно – раздражая тем самым Бытие-Историю, а она мстить умеет!

118

Поначалу глубокий и масштабный экзистенциально-строево-хозяйственный кризис рубежа 1990–2000-х гг., тяготевший к новой, уже не СССР-овской, а вполне себе РФ-ской, распадной катастрофе, заставил новое, внезапно вышедшее из 1990-х, правление, как рано или поздно выяснилось, не так отрицавшее сомнительное наследие 1990-х, как его полагавшее, заняться не просто затрепетавшими в острокризисной атмосфере не просто необходимыми, а и жгуче-неотложными полит-социо-хозяйственными переменами, однако, не выходя за пределы русла, пробитого 1990-ми, то бишь на основе и в остовной матрице ранее осуществлённых контрсоцкомреволюционных и прозападнокапреформных перемен – *великих перемен* – ПЕРЕМЕН 1990-х! И удалось стабилизировать контрсоцкомревкапреформсистему, сделав из разрозненной, нескладной и анархической *предсистемы* более или менее целостную, куда как прочнее сбитую, чуть ли не запроцветавшую, полит-социо-хозяйственную *систему*, разумеется, охотно-вынужденно *встроенную* в глобальный озападненный и Западом (США) управляемый (слышите, господа, *у-правля-емый,* следственно и *ди-ри-жист-ский*, а не какой-то там либерально-конкурентный!) полит-социо-хозяйственный мир, а раз встроенную, то и оттуда же извне, и *управляемую*, мало того, пришлось новому и столь удачливому РФ-режиму таки немало и заплатить господскому глобализму за поддержку стабилизации РФ и минование ею бездной для себя катастрофы, причём заплатить не только валютным и дешёвым ресурсным потоками, но и обученной младостью, как и подгонкой стабилизированной социо-хозяйственной системы под глобалические колониального пошиба стандарты, для чего провести новые, уже не столь громкие, как это было в 1990-е гг., но зато по-своему для режима весьма эффективные реформы, то бишь снова пойти на перемены, однако не изменявшие в корень системы, порождённой 1990-ми, а, её – эту систему – завершившие и укрепившие, причём особенно активно и настойчиво это делалось на так в 2000-е, как в 2010-е гг., то есть, что как раз и было особенно удивительно, уже после 2007 г. мюнхенского демарша РФ-лидера (чуть ли не из разряда парадоксально и поневоле случающихся на бытийно-историческом театре внезапных откликов на предшествовавшие когда-то события, а в данном случае – на тоже мюнхенское

и тоже демаршевое, правда, тогда всего лишь «пивное», буйное и совсем не респектабельное, происшествие!), что означало, с одной стороны, крепкую всаженность доводившейся до совершенства роснацсистемы в глобальную суперсистему (следственно, хоть и внешне вроде бы суверенной и внутренне вроде бы целостной нацсистемы, но при этом всё-таки более всего лишь *суб-системы* в сверхсистеме, ещё и напропалую от последней зависимой, а с другой стороны, то ли вдруг проснувшуюся заинтересованность РФ-правления и окружающих его «тесною толпою» новых элитариев в доведении нацсистемы, о которой речь, до полной им всем искренне воспринимаемой и сердечно полюбившейся западнизации, правда, надо признать, не с абсолютным всё-таки поглощением нацсистемы глобальной сверхсистемой и её глобальным дирижизмом. Однако по тому, как доныне упорно сохраняются возникшие в итоге «ньюреформ» социо-хозяйственные в РФ субполя – образования, науки, здравоохранения, ЖСК, управления регионами, финансов, банковского дела, даже и армии, да мало ли ещё чего, сия заинтересованность верхов именно в *такой*, не слишком, скажем помягче, адекватной не то что почвенной, а попросту традиционно человеческой, а не механо-сборочной с достоинствами электронного зоопарка, бытийной ориентации, такое вот положение дел в обществе нынешние верхи вполне устраивает, точнее, устраивало до войны, но война всё-таки заставила кое-что кое-где менять, пусть для правления и вынужденно, да вот реальность на то и реальность, чтобы заявлять о себе и заявлять, чаще всего как раз вопреки желаниям и воле господ-правленцев.

119

Война на то и война, чтобы вносить в реальность, включая и субъектно-субъективную, может, до войны и не желавшиеся ни обществом, ни его элитой, ни его правлением, перемены. Война и есть то самое концентрированное *иное*, которое не где-то там, а прямо здесь, мало того, которое не само лишь по себе, а в единении, пусть и противоречивым и неоднозначном, со всем бытующим миром. Вот и нынешняя война оказалась *ино*влиятельной для всей текущей, а в РФ – постмодерново-капитал-вестернизированной с традиционно-феодально-азиатическим замесом – реальности. Да, пошла вдруг и идёт ни шатко, ни валко гибридно-войновская схватка РФ-России с Западом, однако

с парадоксальным и внутримирозападным в ней моментом: Запад как Запад, или классический Запад, тут против не какой-нибудь, а им же только что вестернизированной РФ-России, однако и (Sic!) нового, пусть и неклассического (неофитно-романтического) Запада, который образовался в России аки западно-российско-азийский Запад – не слабо, не правда ли? В то же время это война и внутрироссийская, хоть и не горячая, да и как война совсем и не заметная, но всё-таки *война* – между коренной Россией и нынешней выскочкой в образе вестернизированной РФ, однако хоть и война, но в то же время и ситуационный между сторонами союз, ибо Запад ведёт войну не так даже с РФ как таковой, как с Россией как таковой, отчего Россия, воюя с РФ, выступает против внешнего врага – Запада в спайке с РФ, что не мешает ей сакрально-метафизически давить на РФ, её так или иначе обрусевая. В общем, та ещё война, мало что с двух сторон – внешней и внутренней – против нынешней РФ, что не только подвергает сомнению, суду и испытанию на прочность РФ, как и, кстати, Россию как Россию, но и выступает для РФ-России хоть и жгучим вроде «огненной воды», но при этом и спасительным вроде кислокапустного сока элексиром, подвигая РФ-Россию к переменам, пусть пока ещё не целостно-строевым, не целостно-режимовским, но хотя бы к неотложным социохозяйственным инициативам: армия, обрабатывающая высокотехнологичная промышленность, новое машиностроение, электроника, оборонка, авиастроение, транспорт, дороги, связь, логистика, свой интернет, ну и намёки на независимую денежно-финансовую систему, причём хоть и с уже ставшим привычным упованием на частную инициативу и рынок, но всё-таки с расширением конструктивного со стороны государства социохозяйственного *дирижизма*, пусть и в новой, как бы и не в очень дирижистской, облатке. В общем, война воззвала к переменам и они идут, разумеется, пока более как дополняющие, выручающие и подкрепляющие воздвигнутый с революционным нахрапом капфеодстрой с его искусно-лабильным авторитарным режимом и соответствующим ему правлением (в чём-чём, а в подражание Западу гибком и в органику Востоку директивном искусстве управлять, по виду даже и не управляя, а не управляя по виду, скрытно-таки управлять, по преимуществу в своих, конечно, интересах, нынешним владетелям, распорядителям и управителям России не откажешь). Однако война есть

война, она бьёт по всем и по сему, вполне и нещадно, но и парадоксально при этом иной раз многое и многих спасает, нет, не щадяще вовсе, а так – по обстоятельствам, уж как в итоге получается.

120

Но это не всё! Да, война многозначная, многослойная, многоплановая, всё что ни на есть в мире из экзистенциального, хозяйственного, геостратегического, о чём можно и не можно помыслить, всё реальное и нереальное, возможное и невозможное, известное и неизвестное, это как это и иное как иное, всё сплелось в ней в тугой, просто так и не распутываемый, даже и победно, узел, и никто сегодня не знает, как же его распутать без рубящего удара термоядерного меча, разве лишь разойтись всем воюющим странам по своим сторонам, да вот на каких условиях, да и надолго ли, а что ж дальше-то в этом уже сдвинувшемся с места и чающего какой-то другой, уже и *иной*, образ бытия зе́мном мире? О-о, мир, иди, не зная куда, найди, не зная что, поймай-ка, если сможешь, ловко от тебя упорхающую жар-птицу, поймай и себя! Ах, если б дело было только в Западе или только в Востоке, в их между собой с неизменным участием России противостоянии, нет, тут дело покруче, ибо весь мир зе́мный ныне в смятении, да что в смятении – в отчаянии, да не так от свалившихся на него проблем вроде экологических, продовольственных, ресурсных, как от… *самого себя*, вдруг утерявшего… *смысл существования*: Запад первым, Россия следом, затем Восток, ну а потом уж и Юг, впрочем какая разница, кто тут за кем в очереди в небытие! Премодерн слинял, оставшись в Яви бледным призраком; Модерн, хоть ещё и есть и даже за себя вроде бы сражается, уходит за ми́ровые кулисы с глаз долой; Постмодерн со своим искусственным разумом экзистенциально для человека и его мира обессмыслен, он пуст и тёмен как малевический квадрат, даже не болен смертельно, ибо он сама смерть и есть. Излечит ли сей мир не затухшая внезапно, а разгоревшаяся вдруг до всемирного катаклизма не только по значению, но и по масштабу, укро-росская, или россо-укрская – тут уж всё одно, война, сомкнувшись провиденциально с другими по миру зе́мному войновскими очагами, которые не преминут вдруг всюду повозникать и повоспламеняться, образуя с ныне идущей войной общемировую огненную клеточно-гнездовую сеть? Надеяться на такую всемирную войнушку, конечно, можно, как и можно хорошенько

подразжечь, даже, может, и удержав её от термояда, хоть это и проблематично, да что она в итоге для зе́много мира даст, кроме разрушений, потерь, жертв, вполне и бессмысленных, ну и кроме яркой вспышки уже подзапоздавшего апокали́псса, правда, хоть тут тоже выход из тупика, в который себя загнало человечество, ведомое долгое время передовым и не в меру осатаневшим Западом, однако, не в небытие ли сей выход? Что ж, сия война может даже привести к новой имперской регионализации зе́много мира, однако вряд ли могущего удовольствоваться длительным межрегиональным миром. А вот саморазвязаться донельзя сия война вполне себе может, даже не так по чьей-то злой прихоти, как по неотвязной неотвратимости, приговорно исходящей от неизвестного, но о-очень по-своему прихотливого, вовсе и не злого, Иного!

121

А что Россия, точнее РФ-Россия? Да, она в войне, пошедшей, правда, не по первичному РФ-сценарию, но будучи РФ не проваленной, скажем так, приостановилась, горячо кипятясь на месте, принося жертвенные подношения с обеих сторон, кажется, на украинской заметно поболе. Для части росийского общества, ориентированной на патриотическую традицию, война стала фактором духовно-милитарно-деловой консолидации, но в целом РФ-социум остался во плоти, в менталe и в духе по-итогово-реформному раздробленным, но ещё и заметно, хоть и старательно не афишируемо, разделённым, с одной стороны, на согласных с войной, в ней участвующих и ей споспешествующих, с другой – не согласных, войну не приветствующих и игнорирующих, страну осуждающих, от неё и от войны попросту в о-очень немалом числе энергийно бегущих. Такая вот на сию войну среди россиян противоположная реакция, в нынешних параметрах бытия в общем-то понятная: кто-то вообще и всегда за Родину; кто-то за неё, да вот за другую, не такую, что есть; кто-то вообще и всегда *без*-роден, оттого вовсе и не страдая; кто-то убеждённо против, да не так против актуальной РФ-России, как вообще матушки-России, следственно, и Родины. Нет, на украинскую сторону, да ещё и сражаться за Украину против РФ-России, россияне не побегли, а вот прочь за границу, как раз ближайшую, бывшую когда-то в едином СССР, чуть ли не братскую, а относительно РФ-России теперь либо прямо враждебную, либо же, скажем так, неоднозначную, вертлявую,

выжидательную, если не подлую, массово побегли, аккурат спасаясь от армейской мобилизации и перспективы попасть на фронт. В целом же РФ-Россия, не считая неизбежного приспособления нацхозяйства к санкциям и к потребностям войны в системном своём базисе, не говоря о надстройке, *никак не изменилась* и, что важно заметить, изменяться и *не собирается*: не то что нет и не будет никаких контрреформных, но даже по возможности и никаких сколько-нибудь радикальных и масштабных коррекционных перемен, могущих, не дай бог, подвергнуть сомнению всё с таким трудом и старательством добытое и достигнутое в постсоветское р-революционно-р-реформное время, включая и растекшуюся по стране и её охватившую *новую* идео-морально-духовно-поведенческую атмосферу, разумеется, с общечеловеческой точки зрения гнусную, а ежели что-то в неё из человеческого и привносится, то исключительно симулятивно заимствованное из прежних эпох: либо оправдательное для нынешнего строя царистско-буржуазное, либо воодушевительное в пользу патриотизма и войны советско-сталинское, в том и другом разе лукаво пропагандистское, лишь бы, повторяю, ничего из благообретённого не подвергнуть сомнению и опасности р-революционного отрицания. Да, были в 2000-е гг. у «карасей-идеалистов» вроде меня – *философии хозяйства* – иллюзии на значительную переделку, а вовсе не только на стабилизацию, постреврефомдостояния, а затем подыспарились, чтоб вновь возникнуть вопреки изрядно недоуменному тогдашнему вопрошанию уже в связи с разыгравшейся гибридной, споро перешедшей в горячую, войной, казалось бы, толкавшей страну на конструктивные перемены, чуть ли не взяв на себя вместо правления новую реформную инициативу, да вот все они и сплыли, хоть перемены вроде бы и просились, да и до сих пор как будто бы просятся, но как их не сталось, так и не станется, ибо, с одной стороны, в них никак не заинтересован всего и вся в стране предержащий владетельно-властно-правленческий верх, а с другой стороны, сама страна, точнее, социо-хозяйственная в ней среда, не очень-то теперь позволит совершить какие-либо радикально противоречащие этой, уже ставший инертной, среде, какие-либо радикальные перемены. Так что страна ещё побудет *такой*, какая она ныне *есть*, лишь вынужденно в меру, по-своему, немало и марафетно, приспосабливаясь к неотвратимым обстоятельствам.

122

Обеспечит ли эта онтосистемная консервативность вкупе с испытывающей её на прочность, ловкость и живучесть, войновской актуальностью окончательное утверждение на теле и в душе России нового РФ-строя или нет, решит, конечно, сама путано клубящаяся реальность, однако шанс выжить и укрепиться в ходе и по итогам войны у нынешнего РФ-строя в общем-то есть, даже и в русле действующей в ней онтологической концепции, но всё-таки с условием кое-каких значительных онтологических же перемен, вполне и объективно необходимых, как раз в ущерб глобо-вестернизации и в пользу нацио-россиезации или россо-национализации страны, однако всего вероятнее представляется попытка сохранить себя в основе и главном такой, какая ныне есть, – как раз в ситуации затягивающейся и не имеющей ясного и приемлемого для самой РФ исхода войны – посредством усиления в самом же строе *иерархического авторитаризма* с возможным доведением его до никак уже декоративно не прикрытой *диктатуры*, да вот не как сейчас – диктатуры денег и наживы, делячества и беззакония, лицемерия и лжи, моральной и поведенческой распущенности, и не диктатуры со стороны любого меньшинства, особливо олигархического, тем более, не репрессивной со стороны власти диктатуры, как нередко случается, ибо о-очень бывает соблазнительно чем-то таким заняться, да и не диктатуры всего лишь закона как такового, (закон, что дышло, да и сами законы всякие бывают, в том числе и совершенно «беззаконные»), а, как ни странно и даже наивно это звучит – *диктатуры гражданской, ориентированной на Россию, многоукладной, многонациональной, многоконфессиональной соборности* – СОБОРНОСТИ!, не исключающей *конституционного государственного авторитаризма*, но при этом не исключающей и *конституционного народовластия*, чего добиться совсем не просто, трудно, проблемно, а вот… *надо*!, ибо без всего *этого* нет и не может быть не то что России как земно-космического субъекта, не то что как материально-пространственной базы существования россиян, но и самого по себе человеческого мира с человеком в нём, причём не только на территории собственно России, а и по всему шарику зе́мному тоже, – вот оно как всё в России и в мире сем ныне заваривается! А заваривается примерно так, как было… нет, не при Владимире Святом, не в то же Смутное Время, не при Петре Великом, не при Алек-

сандре I с Бонапартом и даже не при Владимире Ленине с Троцким, а аккурат при… Сталине с учётом, конечно, и Гитлера, и Черчилля, и Рузвельта, когда решалось *быть или не быть* не одной России-СССР, а и всему миру тоже, а ежели быть, то каким же?, и вот это-то «*Быть или не быть!*» решалось и решилось в пользу «*Быть*!», как оказалось, правда, не так уж и надолго – в пределах всего-то столетия, но таки решалось и решилось как раз и через *авторитарную соборность*и и даже *соборную диктатуру* в России-СССР, неважно какую конкретно, ибо всему своё время, как и времени всё своё тоже, но всё-таки именно через диктатуру и через соборность, то бишь через *авторитарную соборность* или через *соборную диктатуру*, что явилось и одержало победу над вселенским на тот момент злом, и не потому, что было милым, а потому, что было… *необходимым – не-об-ход-имым!* – мало того, было ещё и необходимо жестким, решительным и непреклонным, хотя и в меру гибким и по-умному маневренным.

123

Бытие-история хоть и вершится человеком, но оно вершится и само по себе, так сказать, самою собою, мало того, оно успевает и вершить самого человека, его сознание и его хозяйственную деятельность, её – этой деятельности – мотивы, ход и итоги, – и бывает не разобрать *что* же в реальном Бытии-Истории, окутанным превосходящей его Неизвестностью и подталкиваемым вперёд ему неведомым Иным, на самом-то деле творится, *кем*, *чем,* почему и даже *как* всё вершится, ибо идёт оно, это «вершение» (оно же и верчение) так или иначе через *хаос*, пусть и через посредство разных, сей хаос долею укрощающих, но никогда в целом не одолевающих *порядков*, которые всего ближе к *хаосмосу* – ХАОСМОСУ!, чем собственно к порядку в его квазимеханосистематическом понимании, и идёт через случайности, произвол, стихию; при рывках вперёд, откатах назад, замираниях на месте; с подъёмами, спадами, колебаниями; с прерываниями, разрывами, пустотами, в общем – неопределённо, дискретно, витиевато, путано, а главное, хоть и с ожидаемыми, даже и в меру с расчётными, но всегда в той или иной степени своевольными от самих себя результатами, нередко относящимися не то что к неожиданным и невероятным, но и попросту в текущем человеческом осознании к невозможным. Вот и сейчас всё вокруг в мире, да и в самой России, кишит,

мягко выражаясь, сюрпризами от текущего Бытия-Истории, может, кем-то и где-то предусмотренными и даже сделанными, но легче от всего этого бытийно-историческому человеку – проектанту, актору или жертве, всё одно – не становится: жизнь, хозяйство, экономика, политика, война, смерть, всё равно что – это же целый необозримый космос, он же и бескрайний «окиян», да вот *чего*? – да кто ж из смертных *это* знает, кроме как… *ничего*, да вот мало что ничего, так ведь ещё и по-своему мыслящего, решающего, действующего ничего – НИЧЕГО!, раскручивая, заворачивая реальность, так, что человеку-субъекту остаётся только, подуняв свою гносеогордыню, лишь развести в недоумении, а то и в отчаянии… нет, не руками, этого мало, а… мозгами, да, да, именно так – *мозгами*, точнее, неизвестно чем, лишь упрятанным в мозгах под кодовым названием «*ум*» и с позывным «*безумие*». По уму как-то у человече не очень-то получается, точнее, получается, но как-то всё более материальное, вещественное, предметное, а вот по безумию, которое вовсе не сумасшествие, а вполне себе умошествие, о-очень даже и получается, как раз экзистенциальное, идеальное, судьбинное, пусть даже исходно вполне себе умное, почти что как умные часы, а вот по следствиям, иной раз и ближайшим, ну уж никак не умное как часы, а аккурат вполне себе *без*-умное (*пара-квази-псевдо*-умное), и *никак иначе* – НИКАК ИНАЧЕ! Примеров хоть отбавляй, даже лень (безумно лень!) за них браться, да и приводить их не надо: хоть из любой коллективной, городской, государственной, хоть из ООНовской, хоть общезе́мной, хоть… о-о!… дальше не пойдём, ибо тут уж аккурат резкий окорот, когда лучше ум-умишко своё включить, чем своему же безумию отдаться, как раз везде в экзистенциальном, идеальном, судьбоносном, ну и событийном, поведенческом, приключенческом, если не на все сто включить, то уж наполовину-то точно (а ежели по секрету, то… э-эх–… не будем об этом, и так тошнит)!

124

А что *реальность* – РЕАЛЬНОСТЬ!, она-то хоть по-умному себя ведёт? В том-то и дело, что нет, вовсе нет, это уж как ей заблагорассудится, хоть, может, и… не то что по-умному, но, может, и не сильно по-умному, даже и наоборот, но… поисправлять малость из понаделанного человеком, разумеется, понаделанного по-умному, при этом с обязательным безумным замесом, пере-

крывающим любое сколько-нибудь стратегическое умие (уж как на ум человеку положится, так из того само и выйдет!), а вот как поисправлять-то? – да в том-то и дело, что в той или иной мере непременно принудительно, ежели не насильно, как же ещё?, ибо жить-то надо, оставляя в стороне прямо-таки подвижнические, если не героические, деяния умных безумников (примеры приводить? – э-эх, лучше помолчать!). В общем, реальность – умно или безумно, всё одно! – вынуждена сама подправлять насотворённое человеком, что как раз было глубокомысленно названо великим мыслителем «отрицанием отрицания», а мною грешной, не первой, кстати – «выворачиванием вывернутого», что, пожалуй, покруче будет, да, пожалуй и позлее. Вот и до нынешних запечённых в умно-неумной печи контрсоцкомревреформных пирожков дело дошло, точнее, время дошло, ну а дело, оно хоть и на подходе, так ведь ещё его сделать надо будет, да не так, как субъекту хочется, а как объект того требует, конечно же, немало и вопреки субъекту, как раз тому самому, который и призван делать, а уж будет он это делать или нет, да и *что* всё-таки ему делать, это уж опять же в его… нет, не так в его руках и его хотениях, как… в осознании, умении и способности сделать то, что он, может, и не хочет делать, а что надо-таки делать, что всё равно сделается, уже, конечно, не им, но, увы!, по-крутому, с издержками, утратами, даже и жертвами, а надо ли *этакое*, не хватит ли? Искусственный интеллект вроде бы споспешествует сохранению с такой великой виртуозностью уже достигутого, даже его совершенствуя, да вот у него этого необыкновенного нера́зумного, но разу́много, разума, ведь своя рождается дума о земно-человеческой реальности, а *какая* – КАКАЯ!, кто ж знает?, так что полагаться на искусственный интеллект, что на тигра в тайге или на медведя в окоёмах деревенской пасеки полагаться, а на войну в тех же целях, что на кобру в степи или автомажора на переходе через улицу, ибо и тут никто не знает, куда вывезет, а ведь куда-то да вывезет, причём явно к чему-то *иному*, вовсе не к довоенному, ибо война сия – не мимолётное происшествие, а с неопределённым ходом и непредсказуемыми последствиями судьбоносное не без рокового подтекста для всех насельников Земли, а не только для Украины (Укронии) и России, а уж для Украины с Россией в первую очередь и на всю катушку, что как раз и означает, что выведет она к в *иному*: для Украины, прямо скажем, с угрозой собственно

Украиной уже не быть, а для России – стать другой, причём в самóй своей *идее*, если хотите, в *концепции* (не исторической лишь, а текущей!), как раз стать *иной*, да не вновь *фальш*-иной, на что есть-таки своя вероятность, а *реал*-иной, на что, правда, нет стопроцентной гарантии, но всё-таки перестать быть придуманной под себя либерал-глобалистами *псевдо*-Россией, ею ныне и владеющими словно хоть и ими позолоченным, но как-то самонадеянно и опасливо попыхивающим жаром саморазогревающимся котлом, берущим энергию ниоткуда, прямо из космоса, из-под земли, из Преисподней, и стать под себя же не придуманной, а себе соответствующей, так сказать, себе же адекватной, отчего перестать быть либерально-глобалическим симулякром в виде новоиспечённой РФ, а стать *самой собою* – РОССИЕЙ! Иллюзии всё это, скажет мне скептик-гражданин, прекраснодушные мечты, что ж, спорить не буду, у отточенного субстанс-институциональным лукавством и таким же обманом гражданина-скептика свой могучий резон, хоть и свой не слабый резон и у реальности: ныне вот *этой*, а завтра, глядишь, уже и иной.

125

А реальность РФ-российская, имеющая никому толком не известный, но и немало уже чуемый, подневольно-негласный резон, прёт, хошь-не хошь, к исторической, а по сути и немало новой по возникающему текущему образу, России: какой ни какой, а уже не столь глобалической страны, хоть ещё и весьма вестернизированной, немало и сатанизированной, но как будто бы уже обретающей… э-э… неполную, конечно, но всё-таки суверенность, даже не такой уже и «партнёрской», мало того, хошь-не хошь, а, пусть и «тока-тока», миролидерской, правда, при условии свершения внутри себя и для себя *больших перемен*, на которые трудно решиться РФ и её правящему верху, как трудно бывает неофиту перед первым прыжком в холодную крещенскую воду, а ведь придётся – и решиться, и прыгнуть, а вот кем «оттудова» выпрыгнуть уже и решит сама холодная крещенская купель, онато и российская реальность, если не прямо сама Русь-Россия… о-о!.. ещё много чему интересному из невероятного и внезапного, даже и чудесного, предстоит стать свидетельницей «нонешней» и «завтревой» РФ-России, ну и, разумеется, мне грешнице – *русской философии хозяйства*, окрещённой аккурат в терпких

РФ-российских водах-временах и ставшей *софиасофией хозяйства*, тоже ведь *русской*, ибо *такое* (!) только русскому несуразному уму вкупе с загадочной русской душой ни с того, ни с сего придти может – уму-мечтателю да душе-всеотзывице. А путь перед РФ-Россией вообще-то открыт, как раз туда, куда не знает ни она сама, ни её озабоченное возникающим перед ним распутьем правление, ни софиасофия, даже и сам Господь Бог не знает, а ежели и знает, то не скажет, самому ведь интересно, куда всё в итоге вывернет, однако призывает Россию, что доподлинно мне таки известно, идти не куда-нибудь, а к России как России, куда ж ещё?, причём к *соборно-народной России*, что попросту для всего ныне предержащих аки нож к горлу, да ничего тут не поделать – *надо* – НАДО! – вот тогда-то всё неразрешимое по-Божески в Руси-России и разрешится. Именно так: то ли с Богом навстречу России, то ли уж с сатаной против России и от России, а куда уж тогда, коли не скоренько прямо в небытие?! Есть, над чем подумать не одной мне, грешнице – философии (софиасофии) хозяйства, а и воцарившемуся по дерзко-обдуманной прерогативе (читай, и *нелегитимной*!) и почитающему себя безгрешным и безвременны́м правлению со своим классовым, если и грешным, то упоённо удовлетворённым своей нескончаемой греховностью телом-тылом, *есть*!

x x x

На этом я – *философия хозяйства*, обогащаемая через *софиасофию* самой Софией Премудростью Божией, перед ней и ответ держащая, не надеясь ни на какую особую ко мне милость, заканчиваю свой, немало и нелепый, разговорный монолог, он же и *не*-учёный, слава Богу, трактат, мало кому из образованных, тем более, из властей предержащих, потребный, однако потребный… э-э... Ноосфере, что российской, что мировой, как раз над Землёй и Россией распростёртой, а через неё – Ноосферу – потребный, знаете ли, Великой Неизвестности и не менее великому её сподвижнику – Иному, а там, глядишь, и Самому Господу Богу Творцу тоже, а, может, и нет, всё не так, зато уж России как России – *точно*!, за что я – *философия (софиасофия) хозяйства* – головой своей непутёвой и ручаюсь!

ИСТЕЦ: «ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?»

Сага о невозможной возможности знать незнаемое

(Мытарства гуманитария, или Фантазийные ухищрения простеца)

«Что есть истина?» – Понтий Пилат Иисусу.
Библейский сюжет

«…еще неизвестно ведь – что она такое, эта истина…»
М. Горький. «Проходимец»

Сие непредвзятое, немало и наивное повествование я – *истец,* что означает всего лишь чаятеля истины и ничего более, хоть истины как таковой, то бишь исходной и конечной истины, никто из смертных не знает и знать не должен, а вот чаять кое-какой истины, пусть и иллюзорного пошиба, все-таки должен, мало того, к ней неустанно стремится, всю жизнь свою грешную на то положа: сначала с малолетства и юности довольствуясь тем, что видит и слышит вокруг, чему учат взрослые и окружающая действительность, чему и сам учится, как вчитываясь в учебники и поглощая книжки, глядя в телевизор и бывая в кинотеатрах, а сейчас более всего всматриваясь, почти что и не отрываясь, в гаджеты, без устали роясь в интернете, так и сталкиваясь с непростой практикой человеческого общежития, включая дворовый, школьный и первый трудовой опыт или ту же армейскую закалку, затем проходя, если повезет, благие университеты, отдаваясь, как то обычно кажется страждущим познания молодым неофитам, высокому, чуть ли не конечному знанию – научному, философическому, для кого-то и богословскому, а далее, коли уж так сложится, шествуя по пути самостоятельного поиска истины на научном, философическом, для кого-то и богословском поприще, причем поначалу вроде бы открывающейся истины – научной, философической, для кого-то

и богословской, затем почему-то все более ускользающей от все более озадачивающегося сим ускользанием поисковика, мало того, явно будто бы играющей со все более обескураживающимся поисковиком в хитроумные прятки, а в конце концов и попросту исчезающей от разочарованного поисковика в смутных мироздан-ческих далях, являясь последнему не более чем в сильфидном образе неразгадываемой *Тайны*!

Ну, о чем же в таком разе я – *истец* – собираюсь тут вещать? Разве лишь о *Тайне* – ВЕЛИКОЙ ТАЙНЕ! – да ее не менее великой неразрешимости, да вот что же *такого* я смогу о ней сказать, коли Тайна на то и *тайна,* чтобы либо о ней *ничего,* либо какая-нибудь засмысловатая байка, обычно называемая по-ученому *мифом,* причем все равно для бытующего современника какого толка – научного, философического, а для кого-то и богословского.

Есть, конечно, еще и мифы как мифы или сказки как сказки, которые, кстати, всегда ближе бывают к *Тайне Мира,* ибо они, не претендуя на конечную истину, эту-то Тайну в себе и содержат – аккурат как *истинную тайну*, так ведь они уже есть, хоть и стараются, кстати, просвещенцы всех колод и мастей, если не насовсем их забыть, то хотя бы убрать с познаниевской дороги, что не мешает просвещенцам творить свои собственные, уже лишенные истинной тайны новые мифы, отчего нам остается лишь смиренно принять исконные мифы-сказки, разумеется, так и не раскрыв через них искомой тайны, а лишь еще более убедившись как в самом факте Тайны, так и в факте ее – Тайны – абсолютной неразгадываемости.

Однако… однако я, не собираясь сдаваться на милость не только научным, философическим и даже богословским догматам, но и искомым мифам со сказками тоже, позволю себе все-таки в текущем своем сказании кое-что выказать, как раз к Тайне и относящееся, воспользовавшись в качестве верифицируемой призмы (как и клистира тоже) не чем-нибудь, а самой по себе *реальностью,* какой бы закрытой, ирреальной и иллюзорной она ни была, как раз той самой *реальностью,* что человеку вообще и лично мне, грешному, каждомоментно и является как именно *реальность,* что то же самое как жизнь, бытие, жизнеотправление, хозяйство, смерть, в общем, является *как всё есть,* а это-то *есть* и есть уже *ист*-ина, она же и *ест*-ина, правда, *не та* истина, не сама истинная истина, а лишь ее на мгновение улавливаемый человеком

отблеск с непременным условием столь же мгновенного от человека его ускользания: есть и не есть, было и не было, будет и не будет, в общем, что хошь, человече, то и думай, а лучше – не думай вовсе, ибо, как учит мудрое богословие… один тут лишь *Страх Божий*!

Э-э, все это так, но ведь не зря же человече как будто бы по подобию Бога создан, а подобие сие как от Бога к человеку, так ведь и от человека к Богу, и как тут остановить стремление подобия к истине от подобия же, ну, пусть лишь к подобию истины, коли уж везде на Земле лишь одни подобия, хоть и пытается подостановить сие стремление всякое догматическое просвещение – от мифологии и богословия до философии и науки, оберегая, видно, человече от самостоятельного – и, конечно же, *ошибочного!* – восприятия всего из ему в целом недоступного, включая и восприятие самого Господа Бога Творца с Его относительно своего зе́много подобия таинственного *проекта* – ПРОЕКТА!

В стремлении к конечной истине особенно усердствует рожденная Ренессансом и Просвещением атеистическая, рациональная и антиметафизическая *наука,* самодовольно присвоившая себе высшее место среди всех доступных человеку потоков (сфер) знания (как раз тех самых – мифологии, богословия, философии), отдавшая пальму первенства в феномене жизни и человека… э-э… *мертвой материи,* которая, вкупе с гнездящейся в ней *энергией,* вдруг взяла, самотолчась, аки в ступе, да и произвела на свет посредством бесконечного взаимотолкания друг о друга своих частиц не что-нибудь, а *живую материю,* ну, а далее уже все пошло почти как по маслу: разнообразный вегетариум прямо из земной почвы (не каменной), затем простейшие организмы, потом все более сложные организмы вплоть до ящуров, мамонтов, акул, китов, коров, овец, львов, тигров, обезьян, а там уж и… бац!.. и сам человече чуть ли не прямо из обезьяны, взявшей в руки (лапу) камень с палкой в качестве орудий труда и… о-о!.. не будем далее, а все потому, что даже у нечеловеческих животных ни мозг, ни моторика, ни труд, ни память, ни отношения меж ними, ни эмоции, ни свойственная им общественность, ни их вообще поведение *материально вообще никак не объяснимы,* а уж, пардон, у человека с его-то сознанием, бессознанием, умом, разумом, безумием, словесностью, речью, мыслью, немотой, ну и еще многим чем из как будто бы человечьего, вроде той же совести, ничего так вот

объяснить вообще невозможно, ибо мало что все *это* у человека идеально, духовно, в общем – *нематериально,* так еще и попросту неизвестного человеку происхождения, а то, что как будто бы все это от Господа Бога, так что из того? Ибо это не более как человеку *кажется,* да и то не всякому, а ежели кому-то что-то этакое вдруг и открывается, то, во-первых, *что же?* А во-вторых, идеально ведь открывается, да и через дыры в сознании и разуме, то бишь не через разум вовсе, а мимо него, вполне себе и бессознательно (вне, так сказать, сознания), хоть и открывается вроде бы сознанию и подхватывается разумом, мыслью, словом, речью, немотой, да вот что и впрямь из того?!

Что же касается гуманитарной науки, то она, исключая физиологию человека, частично его психологию, как и фактологическую историю со словарной филологией, да и то тоже лишь частью, вообще никакая не наука, ибо предмет-то у нее совсем не научный, а *мета*-научный, никак до конца не верифицируемый: ни точным опытом, ни строгим «матем-логическим» доказательством, ни тотальным взыскательным наблюдением, – и если уж в физике как таковой, как раз весьма верифицируемой, полно тайны, идущей аккурат от Тайны Мира, что и рассудительные физики не стесняются признавать, скатываясь фактически к *мета(вне)физике,* то в гуманитарстве одна сплошная тайна, лишь прикрываемая мифами да мифами, а то и попросту ложью, а ежели учесть, что и сама гуманитарная реальность… *миф,* большой такой МИФ, он же мираж (немало и ложь!), разместившийся не где-нибудь, а в головах человеческих, хоть сия реальность… нет, вовсе не ничто, она-то есть, а вот для ума человеческого все-таки более всего… э-э… *иллюзия* – большая такая ИЛЛЮЗИЯ, она же и АЛЛЮЗИЯ, когда мало что реальность – миф, так ведь и миф оказывается вполне себе реальностью, иной раз будучи и покрепче сколоченной, чем тот же зачавший ее миф.

Что же тогда получается: от мифа к мифу, по заколдованному мифотрофному кругу, то отвергая и забывая бытующие мифы, то их наново сочиняя, причем вовсе с немалыми трудами, переживаниями, затратами, потерями, еще и с трагедиями, недугами, смертями… ох!.. эта бесконечная погоня за ловко ускользающей истиной, подсовывающей вместо себя только мифы да мифы?!

Впрочем, не так уж тут все и плохо: мифы мало что выручают по жизни человека-дознавателя, пусть и закруживая его

в своем карнавальном *мифо*-верчении, но ведь они не то что нередко близки к истине, а и сами бывают суть… э-э… *истина,* точнее, ее не совсем, может, и истинные, но как бы от истины довольно-таки истинные посланцы, разумеется, не всякие выдумки человеческого благо-вредо-разумия бывают таковыми, но ведь бывают же, бывают, даже и *есть*!

Не зная истин как истин, можно ведь их… *создать,* чем гуманитарство вовсю и занимается!

Вот и я, сначала просто людской (как все!), потом профессиональный (как некоторые), наконец, сугубо личный, самодеятельный и как бы самодостаточный истец, льщу себя надеждой, да что надеждой, чуть ли не уверенностью, что нашел, кружась и куда-то продвигаясь, продвигаясь и снова кружась, кое-какие подходы, скажу так, к необыденной, непраксической, небытоотправительной, в общем, не к торчащей наяву перед глазами, не встревающей назойливо в мозг, не торкающей беззастенчиво в чувствительное тело некой ближайшей истиной, а к той – далекой, расплывчатой, призрачной, как бы и *никакой,* но, увы, все-таки… *истине,* как раз и вовсю не одним мною искомой, пусть и с неизбежностью мифотворной, однако, что меня не то что более всего устраивает, а, как мне кажется, более всего и приближает к *истине истин* – ИСТИНЕ!, что вполне возможно, ежели учесть факт исходной *неистинности* для человека этой самой что ни на есть истинной для него истины.

Тут все по-честному: Истины, о которой речь, то бишь той, что от Тайны Мира, не знаю и знать не могу, однако могу оттолкнуться от… Sic!.. *незнания* сей Истины или просто от *факта ее незнания,* то бишь вообще *от незнания как незнания* – НЕЗНАНИЯ!, от незнания как раз того, *что* же на самом деле вокруг есть, откуда взялось и зачем все *это* есть: Вселенная, Мироздание, Солнце, Земля, Луна, планеты, жизнь, человек, сознание, разум, слово, смерть, в общем, что вокруг *есть* и чего хочет в сакральных реалиях Создатель всего этого окоемного и неизвестного, точнее, известно-неизвестного, пусть и условно известного и безусловно неизвестного, но дело тут не только в этом, ибо все бытие человека и меня самого – *истца!* – в принципе, так сказать, обложено неизвестностью, да ладно бы знаниево-незнаниевой, а… Sic!.. и *экзистенциальной* тоже: никто ведь из умно-разумных гоминидов не знает, что с ним любым и каждым будет (может быть!) через

даже мгновение, не то что через час, день, месяц, год, годы, жизнь, как и что будет с семьей, любой людской спайкой, коллективом, организацией, учреждением, предприятием, бизнесом, деньгами, ценами, спросом, населением, народом, государством, нацией, цивилизацией, вообще с жизнью на Земле, да и вообще с Мирозданием, Вселенной, да не потому, что знаний нет или их не хватает, а потому что все экзистенциальное идет, должно идти и только может идти внутри (в объятиях) неизвестности, причем не просто неизвестности как незнаемости, которую можно при случае или намеренно-де узнать, а как именно *неизвестности как неизвестности,* а потому и… Sic!.. как и самой *возможности* быть, жить, думать, делать, благодетельствовать, выручать, злодействовать, погублять, умирать, мало того, пардон, еще и при этом как… *институции* – ИНСТИТУЦИИ!, разумеется, в образном представлении, во всяком случае, как *институционально необходимой принадлежности* самой Вселенной, можно сказать, что и как НИЧТО, когда НЕЧТО, ежели оно есть, то лишь таки там – из и среди, если не прямо, в НИЧТО, а другого варианта тут нет, отчего не заказано и предположить, что и сам Господь Бог Творец считается с этим, ибо *нет и не может быть никакого ТВОРЕНИЯ, как не из, среди, в и без НИЧТО!*

Так что *Неизвестность,* она же и *Ничто* – вовсе не просто неизвестность и ничто, они оба… э-э… *нечто* – НЕЧТО!, причем нечто, если и не самотворящее, то уж к творению, включая и само́ *Творение,* все-таки имеющее отношение, пусть если и не прямое, то уж неотъемлемо принадлежное, напогляд вроде бы совершенно нейтральное, а на самом-то деле вовсе и нет, ибо за ним, за этим нечто-ничто́м, или ничто-нечто́м, не что иное, как сами возможность, свобода и необходимость *творить творящему* (субъекту, силе, процессу, случаю), так и сама всего этого невозможность, ибо… бац!.. и нет у человека ничего – ни творения, ни сотворенного, да и самого человека-творителя тоже нет, ибо смерть, небытие, ничто в непрестанной обо всем этаком вполне себе милосердной заботе.

И все-таки как с истиной-то быть, коли она сопряжена с ничто, неизвестностью, небытием? А вот так вот и быть: истина, она же ведь и неистина, как, к примеру, та же жизнь не только жизнь, но и нежизнь тоже (нет, не смерть, что само собой, а именно *нежизнь,* как раз вроде той, что вокруг ныне воцарилась, да ладно бы у меня в Отечестве, а то ведь повсюду она – эта жизнь-

нежизнь, особенно у ушедшей вперед научно-технически развитой части человечества, – что-о, разве не так?) и то же бытие, оно ведь и *небытие* тоже (надеюсь, понятно?); человек, он же и *нечеловек* (что-о, разве не так?); сознание, оно же и *бессознание* (кто бы сомневался?); разум, он же и *безумие* (разве есть сомневающиеся?); слово, оно же и *меж-за-без-противу-словие* (не так ли?), ну и т. д.

Что же выходит? Человек, он же хомо, человече, гоминид, мало что не совсем *то,* за что и за кого себя выдает, так ведь и все остальное какое-то *не такое.* Да-да, именно *так* все и есть, когда что-то есть и при этом не есть, а как же еще? Время хоть и казавшихся, но все-таки истин, немало и благо-вредо-сочиненных, особенно быстренько вдруг слинявших научно-гуманитарных, прошло (было и прошло!), как и время вообще всяких гуманитарных истин, а наступило время, как ни странно, не так неистин и даже не *пост*-правды, как вокруг говорят, хоть это и есть, а… Sic!.. самой что ни на есть *правды* – ПРАВДЫ!, как раз гуманитарной… бац!.. все вокруг вдруг и разверзлось, обнажив саму гуманитарную правду, прикрывавшуюся и прикрываемую мифологией, религией, богословием, философией, наукой, литературой, театром, журналистикой, кино, ТВ, чем там еще? – и никакого тебе вокруг воистину *гуманитарного человека,* причем как не было его в масштабе целостной массы гоминидов, так и нет, а ежели он, то бишь сам вроде бы человек, все-таки создание Божие, то либо неудачное создание, либо не то создание, каким должно было бы быть, либо создание сразу и исконно *иное,* как бы и не человеческое, то бишь и никакое не гуманитарное, – не более и не менее!

Интересненько, не правда ли?! Вот и она – *истина*! Оказывается, что истина-то есть, только она вот такая – как бы и *неистинная истина* или же *истинная неистина,* тут уж все одно: нет и не было на свете никакого человека как человека, а был, есть и будет… э-э… тут уж любая фантазия разгуляться может: животное, зверь, бес, машина, призрак, ну и вроде бы человек тоже, да вот что из того, ибо главное тут в том, что он менее всего человек, а более всего какой-то… э-э… *нечеловек*! Что ж, разоблачение ходовых гуманитарных истин тоже ведь дело, мало того, тут еще сама истина вдруг и является, хотя бы для такого бесхитростного и безудержного истца-простеца вроде меня грешного.

Но ведь есть же вокруг люди как люди, вполне себе, как принято говорить, хорошие, добрые, порядочные, разве нет? Да, есть,

сам знаю, тогда что же, они тоже не люди, а какие-то там *не*-лю́ди, так, что ли, выходит? Нет, так не выходит, ибо они, конечно же, люди, причем более всего по естеству своему, по призванию, однако и по формированию тоже, немало и *побудительно-принудительному,* пусть ими нередко и незамечаемому, да хоть и замечаемому, какая разница! – это, как говорится, раз, а вот два тут будет то, что люди эти непременно должны вокруг быть, но быть-то более всего как важнейшая и сладчайшая *пища* мало что для бытия вообще, жизни вообще, природы вообще, для той же преисподней, для бездны, даже и для обстоятельств, так еще и, что как раз самое главное, – для… *нелюдей,* которых много вокруг, ох, как много, за которыми в основном и *история* идет, корчась от несправедливости, неправды, боли и мук, или то, что называется «людями» *историей* – ИСТОРИЕЙ!, – очень уж она обманная, ложная, лицедейная, лживая, криминальная, конспиративная, за́говорная, подлая, расходная, беспощадная, но зато… *истинная,* то бишь *ест*-инная.

А ведь история не только от *есть* (*ест*-ория), а и от *ист,* причем как от *ист*-очникового *ист,* что понятно, так и, тут уж никуда не деться, от *ист*-инного *ист,* что, может, и понятно, но очень уж как-то затейливо понятно – до полной непонятности!

Страшная тут выскакивает, обычно сокрытая, она же и всячески гонимая, *правда,* и никакая расхожая гуманитарщина в виде мифов, религий, философий, наук не то что не может ее – эту *истину-правду* – людям как людям преподнести, а даже просто признать ее боится, – вот уж где страх так страх, уже и не Божий, а нашенский, вполне себе человеческий! А вот то, что более всего делает из гоминидов людей – *людей как людей,* как раз тех самых – хороших, добропорядочных, в общем, правильных, хотя бы просто приличных, так это *оно,* да-да, оно самое – *насилие,* не чуждое и *страху,* и *страданию,* и насилие это бывает всяким – от воспитания и подражания через всякие испытания и беды до безоговорочных запретов и откровенных наказаний, вовсе и не обязательно, что непременно жесткое насилие, нет, часто и во многом даже незаметное, как бы само-собойное, но все-таки… э-э… *насилие,* не чуждое при этом ни *страху,* ни *страданию,* а вот каким же сему насилию в конкретных реалиях бывает статься решается, помимо обстоятельств и родительско-учительских старательств, еще и, как ни странно, тем, что походя называется,

несмотря на отрицание сего феномена закрепившейся гуманитарностью, самой что ни на есть… *врожденностью,* увы, все-таки имеющей место быть, да такой иной раз (точнее, о-очень много раз!), что никаким насилием со страхом и страданием из якобы по внешности людей присущее им нелюдство (все равно какое, вовсе не обязательно маниакального толка, а совсем даже обычного, о-очень даже обычного, да настолько обычного, что и не сразу заметишь под личиной вроде бы достойного человекобраза самого что ни на есть нелюдя – внешне воспитанного, культурного, даже и интеллигентного, весьма иной раз и обаятельного), и вот это-то расхожее нелюдство никаким насилием со страхом и страданием из гоминида не вытеснить и не выбить, не то что устранить ловким ментально-психотропным усилием, ибо оно – это нелюдство – прямо оттуда – из преисподней, над которой ничто из сугубо человеческого, увы, не властно.

Итак: *люди* и *не́люди,* а скорее, даже *не́люди* и *люди* – и жрут не́люди людей, жрут, и что интересно – даже и не давятся! И выходит, что вся позитивная (как бы людская) гуманитарщина лишь участвует в готовке пищи для нелюдей аккурат из тех гоминидов, кого как раз и можно причислить к людям, а вот самих не́людей никакими людьми и не делает: то ли не может, то ли не хочет, что даже и самого Господа Бога по христианской версии заставило пожертвовать ради людей как людей и исправления-де не́людей своим Сыном, а что касается разного рода гуманитарных увещеваний, так что из того, особливо ежели взглянуть попристальнее на самих увещевателей – многие ли из них на собственно людей-то тянут?

Приходят люди на Свет Божий, живут, страдают, умирают – нередко загодя умерщвленные морально-психологически не без физических на то пособительств, а потом, глядишь, и вполне себе физически уходят из *этого мира,* зачастую в надежде на то, что там-то, в *другом мире,* о-о!.. не будем об этом, о никому не известном *ином мире,* лучше уж о *мире этом,* мне кое-как известном и не кое-как неизвестном, но все-таки моем мире, или же о мире, в котором я не просто есмь, а ему – этому миру – свой, хоть и чужой тоже, относя себя более все-таки к людям, а не к не́людям, хоть и не считаю себя ни совершенным, ни безгрешным, ни в меру и безрассудным, а каким же мне еще быть в этом-то замечательном мире, да еще и бытуя не среди лишь людей, а и не́людей

тоже, хорошо хоть среди людей немало побывавшим и бытующим, да и не до конца не́людями съеденным, хоть немало ими и поедавшимся.

Да, едят не́люди людей, едят, и вроде бы даже не давятся, однако… однако как на это злое пиршество посмотреть, точнее, на его непременно пр**и**ходящие, они же пр**е**ходящие, итоги: да, едоки человечинки и человечности есть, их несказанно много, они, сменяя друг друга в очереди в текущем исторически времени, едят и едят человеков, да вот где они в этом самом времени рано или поздно оказываются, почему и куда из времени сего вдруг исчезают, иной раз как бы и без видимой причины, отчего и выходит, что не́людьми быть никакое не выигрышное благо, а самое что ни на есть наделенное злою судьбою несчастие, можно сказать, что и наказание, если не повеление Божие – и что тут особенно интересно! – *врожденное*!

Нелюди напогляд вроде бы всегда в выигрыше, хоть нередко и явно сомнительном, да вот только плата за него всегда по-своему беспроигрышна, то бишь неотвратима, вопрос лишь когда и какая? Хоть и не точная тут, но строгая, увы, истина – Господь обо всем заботится, как не давая чрез не́людей ни покоя, ни расслабухи людям как людям, так и периодически сметая этих самых не́людей, частенько не без мстительного удовлетворения поедаемых все теми же, хоть и в чем-то, бывает, уже иными, не́людями, давая тем самым возможность как-то пожить по-людски людям как людям, – и все это вовсе не так ради их самих – людей, чтобы Проект свой земно-человеческий поддержать и продолжить, – не бросать же по дороге столь хитро́ задуманное Дело, может, немало его при этом и скорректировать усилиями как *тех,* так и *этих* пищебродов или, быть может, *этих* и *тех* – это уж кому как больше «ндравится»!

Нет, конечно, кристально чистых людей, как и камневито нечистых не́людей, не бывает или почти не бывает, все тут в смеси, на долях, в переливах и на нюансах, в разворотах, отчего и «людь» не до конца, не во всем и не всегда «людь» и нелюдь также: обстоятельства на то и обстоятельства, чтобы играть по-своему со всеми людями, а люди-не́люди на то и люди-не́люди, чтобы на обстоятельства осознанно иль нет, но реагировать, когда нереакция на обстоятельства тоже идет в лично-сакральный послужной реестр.

В общем, у кого тут как выходит под влиянием врожденности, воспитания или тех же обстоятельств, главное, что *так* заведено изначала и дадено прямо оттуда – из Неизвестности, и ничто земно-человеческое, пусть и с локально-временны́ми исключениями, изменить *это* тотально и окончательно в какую-то там лучшую, как бы и совершенно людскую, сторону в принципе не может. Что-о, разве тут не истина, да еще какая?!

Можно было бы о таких вот истинах, которых, увы, немало, если не в чрезмерии, и не говорить (ничего, кстати, тут особенно нового!), как и не говорить, что человек, который-де *по подобию* (да вот Бога ли только иль Его противника тоже?!), хоть и не автор земно-человеческого проекта, как и вообще чего-либо до себя за Земле, как и изначально самого себя тоже, но, будучи все-таки *по подобию,* то бишь обладая сознанием, словом, речью, модельным и попросту фантазийным воображением, в общем, склонным к ментально-образному абстрагированию от природного живоотравления, отчего и отвлеченно думать, размышлять, задаваться вопросами, отвечать на вопросы, недоумевать, поражаться, восторгаться, унывать, находя и не находя ответов, так еще и при этом *творить,* да еще и *свое* и *по-своему,* созидая что-то, никем ему не заданное, мало того, и *пересотворять* (!) ему данное, даже в чем-то и *самого себя* тоже, да ладно бы ментально-сознаниево, так еще и физически, так вот этот самый человек (кстати, «людь» он при этом или не́людь – тут уж все одно!) не может не задаваться вопросами: кто он, отчего, зачем, куда он? – короче, не может не быть *размышляющим и творящим гуманитарием,* тем более уж не может им не быть, коль скоро надо поштучно, групповo или всем сразу общаком человеческим (людским-нелюдским) жить, не просто продлевая бренность свою поштучную, групповую или общую сразу, но и куда-то в неведомое при этом непременно стремиться, не довольствуясь тем, что *есть,* да не только стремиться куда-то вовне, но и восвояси тоже, отчего ищет, находит и не находит тоже гуманитарный беспокоец свою тривиальную или знатную юдоль – что в среде людей, что в среде нелюдей (тут уж кому что и где конкретно станется), отчего, во-первых, как-то гуманитарно бытие людское-нелюдское обустраивая, чего-то из так или иначе действующего на гуманитарном поприще, пусть и на срок, достигая – доброго, злого, никакого; во-вторых, бесконечно разгадывая неразгадываемую, но как-то приоткрывающуюся,

пусть и иллюзорно, чуть ли не понарошку *великую гуманитарную загадку,* все равно, кстати, какую в частных ее проявлениях, упорно вглядываясь в себя, в других, в разные «общаки», созидая в итоге *гуманитарное знание* о самих себе и своих неведомых творцах-вершителях (что еще остается!), немало замещая истинные истины своими фантазийными истинами (что еще остается!), вовсе не обязательно, что сплошь ложными, ошибочными, неверными, хоть всего этакого тут непременно хватает.

А все почему? Да из-за охватывающей Вселенную и все, что в ней различимо, *Великой Неизвестности* – ВЕЛИКОЙ НЕИЗВЕСТНОСТИ!, что, конечно, есть и первейшая для человека *великая истина,* то бишь *великая истина о великой неистине* – НЕИСТИНЕ!, однако уже и как о признанной человеком неистине, отчего в чем-то даже и как о *познанной истине* (что еще человеку остается!).

Великая Неизвестность – первейшая для человека фундаментальная, вполне и неотразимая истина!

Важнейшее заключение, позволяющее гуманитарному человеку о чем-либо реально соображать или что-либо реально выделывать, осознавая при этом и присутствие в своих умозаключениях и деяниях никак неодолимой *тщеты* – ВЕЛИКОЙ ТЩЕТЫ!, либо сразу, хоть и в разной степени, задевающей гуманитарные (и не только!) умозаключения, не говоря о деяниях, либо поражающей то и другое через какое-то время – всему тут свой срок!, а раз так, то мудрый гуманитарий, он же по крайности мудрец-маргинал, никогда не забывает о сем казусном обстоятельстве, отчего и не спешит ни с конечными умозаключениями, ни с умными советами, ни тем более с убойными благодеяниями, окутывая все это флером неопределенности, прикрывая вуалью невозможности, обрамляя загадками.

Но это не все! Мудрец на то и мудрец, чтобы видеть и понимать еще кое-что, при этом и кое-что очень важное: Великая Неизвестность, хоть сама по себе вроде бы нейтральна относительно Вселенной с Господом Богом и человеком в ней, но на самом-то деле очень даже действенна, не просто обнимая собою Вселенную, но и вынуждая ее мало что *не* стоять на месте, а и куда-то непременно *стремиться,* а уж таких субъектов Вселенной, как Господь Бог и как человек, понуждая еще и *творчески хозяйствовать,* что-то осознанно переделывая, обновляя, изменяя, чего-то

при этом и реально достигая, – и вот для всего этого у Великой Неизвестности есть действенный вспомоществователь – *Иное* – ВЕЛИКОЕ ИНОЕ!, который, будучи, видно, активной ипостасью самой Великой Неизвестности, не дает покоя Вселенной, Мирозданию, Земле, Природе, Господу Богу, ну и, разумеется, всему живому, включая человека, толкая того же человека мало что к динамическому бытию, включающему стремление и к качественным *переменам* – ПЕРЕМЕНАМ!, чтобы пусть хоть и временно, но непременно *быть* – и быть во времени как-то *иначе* – ИНАЧЕ!, мало того, еще и *иным* – ИНЫМ!, изменяя со временем среду бытия и себя самого, побуждая людей не только к взаимной кооперации и сотрудничеству, но и ко вполне себе взаимопожирательной, умертвительной, изничтожительной борьбе не просто за жизнь, а и за *иную жизнь,* пусть и с принудительным выбыванием чего-то и кого-то (слабого, неразворотистого, неудачливого, отчаившегося, отставшего, не иной вовсе раз и не шибко добропорядочного, в общем, жертвенного) и продолжением чего-то и кого-то другого (уже из более сильного, ловкого, удачливого, не иной раз и победительного, при этом всего менее и добропорядочного).

Вселенная, как и все в ней наличествующее, включая и человека, может быть только на условии *самопожирания,* разумеется, во времени и пространстве дискретного, однако на *конце* – КОНЦЕ! (в случае сего казуса – КОНЦА ВРЕМЕН, а может, и КОНЦА ПРОСТРАНСТВ) – то уж сплошного и окончательного!

Так что ничего особенно удивительного нет ни в наличии в земно-природно-человеческом мире людей и нелюдей, жертв и хищников, успешных и нищебродов, господ и подневольных, ни в непрестанной борьбе людей за себя, свою жизнь, как и в неспособности то ли лишь людей – искренне, то ли еще и нелюдей – по преимуществу лживо, наладить в земно-природном-человеческом мире, весьма, скажем, исходно *сатаническом* (зараженном сатанизмом), что-то вроде Царства Божия, ибо таковое ни самой Вселенной, ни Господом Богом, ни судьбой общечеловеческой, ни цивилизацией, ни бытием-историей, ни попросту экзистенциальной суетой не предположено, а ежели бывает и даже есть ныне что-то подобное, то исключительно для тех, кто сильный, кто ловкий, кто владетель, кто господин, кто властитель, кто эксплуатирует, кто присваивает, ну и немало лжет, чтобы оправдать

свое исключительное положение и прикрыть действительный ход реальных гуманитарных вещей.

Так было, так есть и так будет – аккурат до скончания земно-человеческого времени – ВРЕМЕНИ!, а вот есть или будет для виртуальных останков человечества, где-то там вроде бы накапливающихся и накапливающихся, какое-то еще… э-э… *безвременное время,* кто ж из смертных может *такое* знать?

Иное! О-о, это вовсе не только вселенский движитель, это еще и в самом деле *иное,* не *это* и не *то* из *того*, что может видеться или как-то представляться человеку, даже на опыте личной жизни, не то что на реалиях целого мира, да ладно бы всего лишь какое-то там *иное,* а то ведь как раз *то самое,* что мало что загадка для человека, так еще и заставляющая человека себя самого непрестанно отгадывать, не имея на сию отгадку никаких, ну, пусть почти никаких шансов, то бишь вынужденного идти по бытию-истории, что «по Уругваю, когда ночь хоть выколи глаза» (шутка, конечно, да в ней *такая* правда, что дрожь по телу и скребки по душе, а ведь идти-то все-таки приходится, причем вовсе не только и не сколько темной ночью, сколько на белом свету, вовсе и не с завязанными, а с широко открытыми глазами, все, почти все или уж многое вокруг себя видя, называя, трактуя, переделывая, пересотворяя, почитая все это за *Это,* даже не подозревая, что все, почти все или уж многое из *Этого* вовсе не *Это,* да и не воображаемое *То,* а всего лишь простенькое, но скрытненькое *иное,* мало что в исходе и в итоге неизвестное, так еще и ловко прячущееся в кулисах текущей обыденности).

Иное – истина, да вот *какая*?, а как раз та самая – *неистинная,* но ведь… *истина* же!, еще и разная по сути, функциям, явленности, знаку, она не только о настоящем (Этом), но и о прошлом (Том), о будущем в особенности (Том еще!): отрицательно и положительно, разрушительно и созидательно, лукаво и по-честному, разоблачительно и одобрительно, в общем, как истинное иное, хоть и иное, да вот по-разному иное и с разными последствиями для бытия-истории, для сути и судьбы человека, коллектива, народа, государства, цивилизации, всего человечества.

Не простая это вещь, она же и весть – *Иное* – ИНОЕ!, очень не простая!

Слово изреченное есть ложь! Совсем не случайно сказано, ибо воистину истинно только молчание, разумеется, *о-без-истинное,*

отчего *отсутствие истины* и есть главная для человека с его сознанием, словом, речью истина – *главная!*

Человек – не дурак, хотя, быть может, как раз и дурак, что и позволяет пребывать ему среди безбрежной Неизвестности и под напором небрежного Иного, да мало что пребывать, еще и воображать из себя знатока-творца, но так или иначе человек осознанно, полуосознанно, почти осознанно, а то и вовсе не осознанно понимает, что вокруг все-таки многовато неизвестного (для дураков просто всего лишь еще не изведанного), как и творится все, почти все или многое как-то не так: цель того или иного деяния вроде бы одна, а вот результат вдруг и не вдруг бывает совсем другим; что-то этакое вроде бы достигнуто, да вдруг оказывается, что не совсем то, а то и совсем не то; да еще и сие с трудом и страдой достигнутое вдруг прямо на глазах разваливается и… исчезает (это более всего о социуме, о группировках, о спайках, о государствах, о социальных строях, о «правильных» идеологиях, о навсегда-де доказанном, даже и кровью людскою окропленном, да и об индивидуумах тоже).

Нет, отрицать жизнь, как и смерть, с их тривиально-нетривиальными достижениями нет никакого резона, как нет резона отрицать немалый набор житейских, включая и смертоносные, вполне себе достойных и устойчивых истин, причем держащих, споспешествующих, ведущих, в общем – обеспечивающих бытие человека (человечества) на Земле, в Природе и Мироздании, позволяющих не просто хозяйствовать, чтоб выжить, но и творить, чтоб жить иначе, не забывая и о смерти. Отрицать такого рода истины бессмысленно, как и бессмысленно отрицать немалую условность немалого числа таких вот истин, их, скажем так, зыбкость, прозрачность, отчего и временность (даже «2 х 2» ведь вовсе не всегда в реалиях бывает «4», а что говорить о социально-человеческих, да еще и людских-нелюдских истинах: сегодня одна вроде бы истина, а завтра мало что она уже не истина, так еще истинной вроде бы оказывается совсем другая, частенько и прямо противоположная, как правило, тоже оказывающаяся на бодро-летящей эшафотной платформе гуманитарной реальности весьма и ложной).

В цивилизованном изменчивом социуме, включая и каждого в нем индивида, истина не так вырабатывается в веках и чуть ли не навсегда, как это было более характерно для архаического

бытования человечества, а настойчиво и настоятельно, если не внаглую, *утверждается*… не-ет, часто совсем даже не более мудрым субъектом-силою, вовсе нет, просто более сильным, расторопным, настырным и наглым актором, на тот момент побудительным и властным, господствующим, отчего вовсе не свет вселенский озаряет в тот момент утвердителя очередной истины, а свет вполне себе частного, а то и попросту собственного, хоть и не без некоторых исключений… *интереса,* то бишь не свет никакого не высшего разума, не высокого сознания, не возвышенной совести, а… да-да… *ин-те-ре-са,* частенько весьма и пошлого, а то и попросту дрянного!

Даже у так называемых сначала нелегитимных и даже гонимых, затем вдруг победительных и властных борцов-де за социальную справедливость тоже как-то вдруг получается превалирование… *своего интереса* – ИНТЕРЕСА! – аккурат над так называемой общегуманной (общегуманоидной) справедливостью, в общем, как-то все вдруг *по-иному* у них выходит, причем довольно-таки скоренько, что, к примеру, никакой не вождь никакого мирового пролетариата с нелигитимным позывным «Ленин», однако реальный на тот момент державный властитель под именем Ленин не просто заметил, а пришел сначала в ярость, а затем и в роковое для себя отчаяние, приведшее историческую личность сначала в уютно-смирительные Горки, ставшие Ленинскими, а затем вскорости и в Мавзолей, бытующий ныне в центре Москвы неуютно-беспокойным квазиленинским артефактом.

Ах, эти люди, ах, эти нелюди, какая-такая еще вам потребна справедливость, чего захотели! А что же «заместо»-то? Да попросту *иная,* хоть при этом по сути все та же, злодейка-несправедливость, не более и не менее, отчего как таковое *иное* – вовсе не только что-то непременно *другое,* хотя бы вывернутое прошлое, не-ет, это еще и непременно… *то же самое* – то бишь уже вывернутое вывернутого.

Иное по-иному ради все того же самого, уже и не иного (истина тут или что?)!

А Иное непрестанно требует и требует от человека чего-то *иного,* заставляя его стремиться к чему-то, на его взгляд, лучшему или хотя бы более приемлемому и, не минуя вовсе чего-то и в самом деле лучшего и более-де приемлемого, пусть и ограниченного, и краткого, и даже призрачного, иллюзорного, вновь и вновь

попадать во вполне человеку хорошо известное – в ложь, обман, измену, диктатуру, рабство, разврат, пошлость, паскудство, распад, хаос, в общем, ежели сказать красиво – на комильфо! – не так в лужу попадать, хоть и не без этого, а во вполне себе человеческую ***анти****гуманитарность*!

Однако Иное не просто сопутник Неизвестности, Мироздания, Бытия, жизни, человечества, бытия-истории, это еще и *квалификатор,* ибо одно дело – *это* и совсем другое – *иное,* когда либо в чем-то *этом,* т. е. прямо на глазах существующем, содержится, как правило, не слишком и заметно, как бы и подспудно, что-то *такое,* что можно даже квалифицировать не просто как всего лишь какое-то *иное,* а весьма определенное (в меру иной раз и определимое) *иное* – и это касается практически всего в этом счастливо-злосчастном мире, совершенно по сути-то и ***ином***!

Мир есть, он тут, он с нами – с человеками, но его как такового и нет, он не с нами, он ускользает от нас, ускользая и от самого себя, а в итоге он хоть и *этот,* но при этом и *иной* – такая вот тут выходит потрясно-гуманитарная загогулина!

Вот есть на Земле такая-то страна, такой-то народ, такая-то социально-политическая локальность, как и есть какое-то привычное о чем-то таком представление: РФ – это РФ, США – это США, Китай – это Китай, Индия – это Индия, Великобритания – это Великобритания и т. д. И вдруг выясняется под прицелом Иного, что РФ вовсе не РФ, США вовсе не США, Китай вовсе не Китай и т. д. Тогда *что* же выходит? Вполне законный вопрос! И увидим мы, что все это всего лишь какие-то конгломераты из *этого* и *иного,* нередко и *совсем иного иного,* немало и неизвестного, потаенного, неопределенного и неопределимого, пусть и не без какого-то внутри себя трансцендентного ядра, сии конгломераты скрепляющего, будучи происхождением, конечно же, как раз не из чего-то *этого,* а как раз из чего-то *иного.*

Что же тут тогда истина (или что же тут хотя бы истиннее)? А *ничего,* ибо истинно тут *все* сразу, а потому все сразу в меру и не в меру для человека и… *неистинно*! Поди-ка разберись!

Вот уж приговор так приговор!

Все вокруг, ну пусть почти все, ну пусть многое, если не из физического и естественного, то уж из метафизического и гуманитарного настолько истинно, насколько и неистинно, а лучше бы сказать, насколько неистинно, настолько и истинно, будучи вро-

де бы *это,* так мало что *не то,* так еще и какое-то вообще… *иное.* В общем, не верь ни глазам своим, ни ушам своим, гуманитарий, да и не только гуманитарий, а человек вообще, даже и вполне уверенный в своей исключительной хомоценности гоминид: что видо-родовой ценности, что ментально-речевой, что материально-духовной!

Есть, есть она – эта неизбывная гуманитарная лжа, немало и осознанно запускаемая в гуманоидные массы и упорно, хоть и не без нужды, выдаваемая за истинную правду; есть и не более чем гуманитарные заблуждения, обычно и неосознаваемые таковыми; полно и честных гуманитарных иллюзий; есть, конечно же, и гуманитарная правда, способная безжалостно обжечь ум и душу осознавшей ее особи, а то и сожигающая весь ее организм, что болезнетворно, что прямо по воле соотечественников на огненном аутодафе. Все это *есть,* а потому и *«ист»,* то бишь *ист-инно есть,* а вот где тут бывает истина как собственно истина – вопрос! Все этакое ведь еще доказывать надо, что, к примеру, та же ложь и в самом деле ложь, а правда и в действительности правда, или все этакое – ложь ли, правда ли – не более чем нечто кажущееся взыскующему истины истцу, так сказать, дерзкая *иллюзия* – ИЛЛЮЗИЯ!

О-о, как тут все непросто, совсем непросто, да так непросто, что за ложью можно вдруг заметить теневой абрис правды, а за правдой-де – темный силуэт лжи, а в общем-то все так вот и идет – меж Сциллой лжи и Харибдой правды, как и наоборот – меж Сциллой правды и Харибдой лжи, и не понять иной раз, где тут какая Сцилла и какая Харибда – и суждено человеку так вот гуманитарно существовать, восторгаясь как хорошо им сделанной ложью, удачно выданной им за правду, так и неожиданными его открытиями, не без боли различающими правду и ложь, хоть и старается при этом человече не повергать себя в последнее, как случилось у Ленина, отчаяние.

Да-а, хватает наивно-упрямому *истцу* поводов для сомнения, огорчения и ужаса, но еще и для страха тоже, как и уныния, даже и отчаяния. И вот тут-то и является выручающий истца-гуманитария жизнестойкий *экзистенциализм,* что в данном случае означает не пользование философским учением того же имени, хоть для кого-то и не без этого, а… нет, не согласие лишь с неизбежной диалектикой истины и неистины, этого и иного, лжи и правды,

хоть и не без этого, а более всего означает обретение способности все это странное гуманитарное не более чем… *переживать,* чем, собственно, люди по преимуществу и заняты, находя для себя в этой способности, и только в ней, какое-никакое, а… *спасение* – СПАСЕНИЕ!, вполне, кстати, по-своему и *истинное*, хоть и не без примеси колючей *неистины.*

А как и в чем конкретно бывает выражен такой вот спасительный экзистенциализм – это уж другое дело: от бытовых навыков и житейской мудрости до религии с эзотерикой, не минуя при этом ни философии, ни науки, ни какой-либо вообще идеологии, включая для кого-то и оккультную, не говоря уж о пропаганде, исторгаемой отовсюду и заполняющей все жизненное пространство подвергнутого ее влиянию и ведению, как и вождению экзистенцирующего человека.

Да-а, везде он, этот *гуманитарный экзистенциализм* – во спасение вроде бы жизни, однако не просто жизни, а весьма *зависимой… э-э…* не будем от кого и чего… жизни, соответственно и *управляемой* жизни с ее гуманитарным неравенством, беззастенчивой эксплуатацией одних человеков другими, бойким пожиранием одних другими, но с непременным стремлением к Великой Неизвестности через потакание, пусть во многом и вынужденное, Великому Иному, в общем – во исполнение, а вот *чего* в итоге – ЧЕГО!.. э-эх… *это-то* как раз знать никак человеку нельзя и не должно, но что особенно примечательно в экзистенциальном плане – и *не надо*!

Знание и *незнание!* Они вместе, в переплетении, в союзе и во вражде, в противоборческом единении! Знает вроде бы человек, что живет он, и даже ради чего он живет, что-то делает, вершит, творит вовсю, хозяйствуя – и никак не отказать человеку в этом, пусть и немало иллюзорном, знании, не отказать: человек вообще-то – великий знаток, да вот не всего, ибо мало что он действует среди незнания, так ведь и ради незнания тоже, ему в угоду, а в этом и есть весь цимес бытия человека, этого смертно-бессмертного (может, лишь до поры) животного с неживотным сознанием, с реализуемым им осознанно-неосознанно вовсе не таким уж благостным экзистенциализмом, как вовсе не таким уж благим гуманитаризмом тоже.

Непрерывная, пусть и по-разному во времени и пространстве происходящая и проходящая, полная риска, но для кого-то

не лишенная увлечения, даже и азарта, не говоря о завлекательном коварстве, игра с Неизвестностью и Иным, а уж о Господе Боге и его роли в этой игре мы благоразумно помолчим, ибо тут так или иначе исполнение какого-то, никому из человеков не известного *проекта* – ПРОЕКТА!, может, в чем-то и игрового, а может, и нет, скорее, все-таки нет, хотя, пожалуй, не без игровой, немало для человека обидной, хоть и немало привлекательной, да немало и рискованной составляющей.

Тут обнаруживается слабость человека перед окружающей его экзистент-гуманитарной Бездной, но при этом и величие тоже (что людское, что нелюдское – тут все одно!). «Жизнь прожить – не поле перейти» – гласит народная, еще ведическая (волхвическая, стало быть) мудрость – и правильно гласит, хоть поле перейти, тоже заминированное, бывает иной раз ох как не просто (это подтверждает наличие даже в такой истине пусть и микроскопический, но все-таки… *неистины*), а что говорить о разных наработанных человечеством великих гуманитарных истинах-де!

Человечество вершит свой экзистенциально-хозяйственный, он же и трансцендентно-гуманитарный, *подвиг* – ПОДВИГ! – факт!, причем вершит в *неустанной борьбе,* однако мало что со смертью за жизнь свою, как и с той же Бездной, откуда непрестанно само выходит, куда невольно тянется и где непрерывно исчезает, не говоря уж о борьбе с не очень-то расположенной к нему Природой, а и в *непременной внутричеловеческой борьбе,* в *борьбе человека с человеком* – разнообразной, беспощадной, смертоносной, хоть не обходится человек без межчеловеческой кооперации, сожительства, сотрудничества, со-бытия́, даже и со-любви.

Межлюдская борьба – не просто факт, это еще и истина, как и межлюдская кооперация, которая тоже не только факт, но и истина, и человеческий экзистент-гум-хоз-подвиг тоже ведь не один лишь факт, а вполне себе непреклонная истина!

Какая же тут, однако, присутствует *тщета* – ТЩЕТА! – безусловная, напряжная, великая: что, зачем, куда?! Нельзя тут не поражаться факту этой самой что ни на есть истинной, вполне себе и гуманитарной, и экзистенциальной, и трансцендентной *Тщеты,* как и ее бесстрастию и безмолвию, ее безответности на тщетно задаваемые по ее же поводу вопросы – ненужные, конечно, но неизбежные, при этом невольно, хоть и делая вид, что вольно, признавая стоящую за этими вопросами одну действительно истинную

правду, ей подчиняясь и ей следуя – *правду незнания,* взамен дающую хрупкую возможность заметить при случае и *правду наработанного человеком гуманитарного знания,* однако стремясь-таки не попадаться в улыбчивые силки этой *правды от знания,* зачастую и ложного, а, избегая сию вполне себе иной раз искреннюю западню, выходить более всего на *правду знания от незнания,* питаемую Неизвестностью и поощряемую Иным, выходя на *откровение,* разумеется не без посредничества Софии Премудрости Божией, а для меня – истца-простеца – на пути выпавшей на мою долю ***Софиасофии,*** что, правда, зависит более всего не от меня самого и ставшей вдруг моей *софиасофии,* а от плодотворного расположения… нет, не звезд на чудном ночном небосклоне, хоть, наверное, и не без этого, а как раз самой Софии с ее *софийным незнанием,* а вот тут-то начеку, как водится вполне себе ясным днем, опять все та же Неизвестность вкупе со своим Иным, так что лучше бывает благоразумно помолчать, чем простодушно о чем-то онтологическом благовествовать, захоранивая под ворохом напрасных слов доверительно ниспосланную свыше софийную премудрость, которая как раз и восходит к конечной истине, состоящей в *знании незнания* – ЗНАНИИ НЕЗНАНИЯ, а то и в *незнании знания* – НЕЗНАНИИ ЗНАНИЯ, и которая выше слов и по сути своей благоразумно *бессловесна* – БЕССЛОВЕСНА, отчего и истина конечная *тоже* – так вот!

Научное издание

Осипов Юрий Михайлович

СУЩЕЕ и ВЕЩЕЕ

Собрание актуальных текстов
2022 – 2024

Издаётся под авторской редакцией

Подготовка текста **Е.С. Зотовой, Н.П. Недзвецкой**
Вёрстка **И.А. Сайгановой**

Подписано в печать 14.10.2024 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 38,3. Тираж _____ экз. Заказ _____ .

Отпечатано с готового оригинал-макета в _____
_____
_____